РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
БИБЛИОТЕКИ
ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абашидзе И. В.
Айтматов Ч.
Алексеев М. П.
Бажан М. П.
Благой Д. Д.
Брагинский И. С.
Бровка П. У.
Бурсов Б. И.
Бээкман В. Э.
Ванаг Ю. П.
Гамзатов Р.
Гафуров Б. Г.
Грабарь-Пассек М. Е.
Грибанов Б. Т.
Егоров А. Г.
Ибрагимов М.
Иванько С. С.
Косолапов В. А.
Лупан А. П.
Любимов Н. М.
Марков Г. М.
Межелайтис Э. Б.
Неупокоева И. Г.
Нечкина М. В.
Новиченко Л. Н.
Нурпеисов А. К.
Пузиков А. И.
Рашидов Ш. Р.
Реизов Б. Г.
Сомов В. С.
Тихонов Н. С.
Турсун-заде М.
Федин К. А.
Федоренко Н. Т.
Федосеев П. Н.
Ханзадян С. Н.
Храпченко М. Б.
Черноуцан И. С.
Чхиквишвили И. И.
Шамота Н. З.

СОВЕТСКАЯ ПОЭЗИЯ

ТОМ ПЕРВЫЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА · 1977

Вступительная статья
Ал. Михайлова

Сб
С56

С 70500-294 / 028 (01)-77 подписное

© Издательство «Художественная литература», 1977 г.

ПОЭТИЧЕСКАЯ ЛЕТОПИСЬ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

Это время гудит
телеграфной струной,
это
сердце
с правдой вдвоем.

В. Маяковский

Перед нами гигантская, «тысячелистая» (В. Маяковский) книга советской многонациональной поэзии. Дыханием времени веет с ее страниц. Листая эти два огромных тома, попадаешь в атмосферу революционной эпохи, острейших социальных конфликтов, строительного энтузиазма, народного подвига в защите родины, свершения великих дел во имя торжества идей коммунизма. Каждый поэт говорит «о времени и о себе», а все вместе они отражают многие существенные черты народной жизни на более чем полувековом отрезке истории.

Идеалы борьбы за переустройство старого мира вдохновляли литературу и искусство нового времени с первых же шагов, поэтому не случайно, что Октябрьская революция стала главной темой рождавшейся в ее горниле советской поэзии. Именно со стихов, как справедливо утверждал Маяковский, и начиналась литература революции.

Советская поэзия, ровесница Октября,— это своеобразнейшая летопись нашей эпохи, отражающая все этапы революции, социалистического и коммунистического строительства.

Советская поэзия полифонична, многоцветна, многодиапазонна, в ней нашли отражение не только важнейшие этапы общественного развития, но и духовная жизнь, художественное сознание народа, диалектика человеческой души, ее самые интимные движения.

Новое время породило новые песни. Но в искусстве, как известно, новое возникает не на голой почве. Самое революционное новаторство —

это опровержение одних и развитие других, более устойчивых, более универсальных, прогрессивных традиций искусства. Советская поэзия, будучи в своем идейно-эстетическом качестве явлением новым, революционным, в то же время наследует и обогащает национальные традиции всех развитых братских литератур, впитывает в себя художественный опыт мировой литературы, накапливает свой опыт, который служит вдохновляющим примером для многих прогрессивных демократических поэтов мира.

Каковы же существенные моменты этого опыта, позволяющие выделить советскую многонациональную поэзию как заметное явление духовной жизни народа и, при всем разнообразии и богатстве национальных черт, придать ей статус целого?

Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, обозначить наиболее общие этапы и закономерности развития многонациональной советской поэзии, показать ее идейное и эстетическое богатство, придется в ряде случаев выходить за рамки настоящего издания, которое, при всем желании составителей, вместило в себя далеко не все имена и произведения. Кроме того, нельзя не учитывать, что в серии «Библиотека всемирной литературы» отдельными томами представлены сочинения А. Блока, В. Маяковского, С. Есенина, А. Твардовского, Я. Коласа и Я. Купалы.

1

Октябрьская революция резко размежевала писателей России на два лагеря. Для тех, чье творчество питалось идеями социального переустройства мира, вообще не стоял вопрос: принимать или не принимать революцию. «Моя революция»,— уже позднее резюмировал свое отношение к ней Маяковский. Старшие по возрасту поэты дореволюционной формации развивались противоречивыми и сложными путями. Наиболее прозорливые из них, прочно связанные с жизнью своей нации, ее историей и культурой, в общем верно поняли социальные и политические цели революции и ее значение в развитии художественного сознания общества. А. Блок, виднейший представитель целой поэтической эпохи — «страшных лет России», нашел силы порвать со своим классом и встать на сторону революционного народа. «Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию»,— призывал он русских интеллигентов. Ему вторил Г. Табидзе, который в дни Октября находился в Петрограде: «...И слышен шаг революционный на перепаханной меже». Революционную Россию, открывающую новую эру в истории человечества, приветствовал крупнейший поэт Армении О. Туманян. «Марш свободы» на мотив «Марсельезы» пишет освобожденный Красной Армией из тюрьмы таджик С. Айни. «Да здравствуют Советы!» — озаглавил свое стихотворение 1918 года узбек Хамза.

Каждый из этих поэтов, по-своему преодолевая сложности и противоречия мировоззренческого, психологического и нравственного свойства,

естественно и закономерно принял революцию. Такой путь социального и нравственного развития прошли В. Брюсов, Я. Купала, Я. Колас, И. Иоаннисиан, Д. Гулиа и другие выдающиеся советские поэты старшего поколения.

Октябрь 1917 года необычайно возвысил творчество А. Блока и В. Маяковского, Д. Бедного и С. Есенина. И уже в начале 20-х годов, взволнованно перекликаясь с революционными поэтами России, сказали свое новое слово П. Тычина, М. Рыльский, В. Сосюра, Г. Табидзе, П. Яшвили, Г. Леонидзе, Е. Чаренц, Н. Зарьян, С. Вургун, С. Рустам, С. Сейфуллин, А. Токомбаев,— их много, стоящих у истоков советской литературы, ее зачинателей, первопроходцев.

Своим содержанием, своею сущностью революция решительно изменила межнациональные отношения и, в частности, отношение других народов России к русскому народу, первым сбросившему власть помещиков и капиталистов. Идея советской государственности и принципы социалистического сообщества были единственной альтернативой развития национальных культур.

Именно здесь и надо искать предпосылки идейной общности писателей, с самого начала твердо вставших на сторону Советской власти. Подобная общность начала складываться уже в самые первые годы после Октября, хотя процесс этот был осложнен целым рядом обстоятельств послереволюционного развития. На первых порах единство сказывалось более в тематике, в декларациях политического характера. Политические декларации хотя и в абстрактной форме, но выражали революционные идеалы их авторов. Тематические же предпочтения выявляли позицию более конкретно. Как точно заметил Э. Межелайтис, «декларативность — младенчество искусства, открыто вставшего на борьбу за определенную идею». Революционное содержание — результат отбора, типизации, первая ступень зрелости искусства.

В работах советских историков литературы есть примечательное наблюдение: в периодике 20-х годов почти одновременно появились стихи и поэмы о двадцати шести бакинских комиссарах, принадлежащие перу В. Маяковского, Н. Асеева, С. Есенина, С. Кирсанова, П. Хузангая, А. Акопяна, Е. Чаренца, Н. Зарьяна, С. Шаншиашвили, П. Тычины, М. Бажана. И, конечно, свое слово о подвиге комиссаров сказали в разные годы азербайджанские поэты С. Вургун, М. Мушфик, С. Рустам, Р. Рза, С. Рагим, О. Сарывелли.

В двадцатые же годы было положено начало поэтической Ленинниане, существенно важной части всесоюзного литературного развития. Вскоре после Октября 1917 года появились стихи, поэмы и баллады о Ленине на русском, украинском, армянском, узбекском и других языках. Советская поэзия демонстрировала верное понимание революции, ее идеалов и ее перспектив, находила более совершенные художественные средства для отражения революционной действительности. В. И. Ленин был реальным выражением человека новой, социалистической эпохи, его образ подсказывал пути поиска

героического характера. Поэма В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин» (1924) явилась вершиной лирико-эпического воплощения ленинской темы в этот период.

Поэзия народов Советского Союза складывалась не как механическое соединение разных национальных традиций, она приобретала черты единства в борьбе с национальной ограниченностью, трудно отбрасываемыми особенностями национального бытия, таящего в себе не только обаяние старины, но и слепую приверженность к традициям. В этой борьбе порой сталкивались самые противоположные взгляды, например, украинское сменовеховство с его лозунгом национального возрождения и отказом от «большевизации» и украинский футуризм с его ярко выраженным национальным нигилизмом. Однако ни тот, ни другой не могли противостоять идеям интернационализма и советской государственности.

Огромное значение для культурной жизни имело образование в 1922 году Советского Союза, добровольного союза равноправных наций. Образование СССР придало организованный характер и широчайший государственный размах уже начавшемуся после революции процессу сближения и взаимообогащения различных культур разных народов, а в иных случаях — созданию и становлению их на основе демократических элементов в национальных традициях. Победа идей интернационализма, решительное преодоление застойной этнографической обособленности, национального консерватизма были важнейшим условием укрепления идейного единства советской литературы.

Другим не менее важным условием на пути к единству надо считать ликвидацию разобщенности, существовавшей почти во всех развитых национальных литературах. Причем характер борьбы между различными группировками, кружками, платформами, направлениями во многом напоминал ситуацию, сложившуюся в 20-е годы в русской литературе.

Многочисленные группировки, естественно, изживали себя под напором жизни, в результате терпеливой и последовательной работы партии с творческой интеллигенцией. Постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций» уже формально положило конец групповой обособленности и кружковщине, определило организационные принципы единства художественной интеллигенции.

Однако сам процесс поэтического развития 20-х годов таил в себе много сложностей и диалектических противоречий. Революционное содержание, решительно изменившее характер поэзии, обратившее ее лицом к широким демократическим массам, повлекло за собой попытки радикального обновления поэтического языка.

Поиски новой выразительности, особенно в творчестве крупнейших советских поэтов, обогатили язык литературы, но они же в ряде случаев, в крайнем своем выражении, вели к формализму, с одной стороны, и грубому утилитаризму — с другой. А. Гастев призывал к «революционной конст-

рукции самого слова или же его осложнению чисто техническим монтажом...». Эстетические принципы Пролеткульта устраняли из искусства человека во имя разумных машин. Самые броские формалистические эксперименты 20-х годов носят характер машинизации и техпизации поэзии, в которой отразилась наивная вера в новое искусство, которое-де должно отринуть весь опыт культурного наследия прошлого.

Разумеется, процесс радикальных «реформ» поэтического языка в 20-е годы нельзя упрощать. Революция — первая и главная тема художественного творчества — самим существом своим как бы подсказывала необходимость опровержения, разрушения традиций, создания новой семантической и образной системы. Но только инерция стихийности могла породить архиреволюционные лозунги типа: «Во имя нашего Завтра — сожжем Рафаэля, разрушим музеи, растопчем искусства цветы» (В. Кириллов).

При всех крайностях левацкого толка пути революционного искусства прочерчивались тогда множеством радиальных линий от единой исходной точки — революции. Каждая из них, по замыслу и намерениям молодых творцов новой литературы и искусства, должна была привести к расцвету, к социалистическому и коммунистическому Ренессансу.

Сейчас трудно даже представить, сколько всевозможных и самых неожиданных вопросов стояло перед опаленной огнем революции и гражданской войны или еще совсем зеленой, но полной революционного энтузиазма молодежью, которой предстояло творить новое искусство. Еще вчера никому не известные юные теоретики и пророки провозглашали новые школы, направления, объявляя произведения ближайших предшественников «смердящим трупом». Соперничая между собою, многочисленные литературные группировки и объединения предлагали головокружительные программы полного обновления искусства слова. Лефовская программа превратить искусство из вдохновения в науку была в этом смысле не самой «левой», хотя и претендовала на то, чтобы обозначать собой самый крайний его фронт. Нельзя также забывать о том, что политическая ориентация некоторых группировок и отдельных литераторов была открыто или тайно враждебна Советской власти.

Во всем этом вавилонском смешении языков нелегко было сориентироваться, тем более что революционная фразеология порою оказывалась завесой для пропаганды антидемократических тенденций художественного развития. И тем не менее новое искусство всходило, как тесто на дрожжах, оно до сих пор поражает нас своею страстью, темпераментом, экспрессией, буйством красок. Недаром С. Есенин, сожалея о том, что не участвовал «в борьбе других», признавался:

Но все ж я счастлив.
В сонме бурь
Неповторимые я вынес впечатленья.
Вихрь нарядил мою судьбу
В золототканое цветенье.

Самой дерзновенной попыткой революционного обновления поэзии было творчество В. Маяковского. Художник меньшего масштаба не мог бы столь решительно поколебать и изменить многие устойчивые представления о прекрасном. Трибунная патетика, страстная гражданственность, вызывающая новизна стихового строя удивительно органично «вписались» в атмосферу революционной эпохи. Новаторство В. Маяковского, носившее глубоко демократический характер, сыграло огромную роль в становлении молодой советской поэзии, в приближении ее к новому читателю.

Поэтический эксперимент занимал большое место в творчестве В. Хлебникова, Н. Асеева, П. Тычины, С. Чиковани. Экспериментальной работой над словом увлекались многие поэты, но у многих уже и тогда сквозь напластования броских новаций проглядывала своя национальная языковая традиция. Пословицы и поговорки, присловья и присказки, летописи и старорусские сказания, «Житие» протопопа Аввакума и «Слово о полку Игореве», собрания Кирши Данилова и былинный эпос — вот что связывало творческие искания лучших русских поэтов с национальными корнями и что оберегало их от нигилистического опровержения традиций. Такие же связи были и у П. Тычины, С. Чиковани, но уже со своими национальными традициями.

Вместе с тем, например, Н. Асеев, как, впрочем, и некоторые другие, разделяя принципы лефовских теоретиков, где-то в глубине души уже тогда чувствовал, что власть классических традиций устойчива. (Послание «А. А. Ахматовой» — 1924 г.— глухо говорит об этом.)

Увлечение формальными экспериментами, активная деятельность формалистических школ, с одной стороны, и вульгарно-социологической критики — с другой, на какое-то время внушили молодому поколению (по крайней мере, части его) предубежденное отношение к классическому наследию. Но к 30-м годам в русской поэзии наступает заметное разочарование в экспериментальной работе над стихом, обозначается более пристальный интерес к классике, в первую очередь к А. Пушкину (П. Васильев, Б. Корнилов). Даже опыт В. Маяковского демонстрирует «успокоение» экспериментального формотворчества. То же самое происходит с П. Тычиной, С. Чиковани, Н. Заболоцким. Поэтическое освоение современности, осознание труда как творчества, созидания красоты обогащают эстетические позиции М. Рыльского («Сквозь бурю и снег», «Звук и отзвук»). Проблема освоения и обновления традиций в тесной связи с современностью стала одной из главных в книге Е. Чаренца «Эпический рассвет» (1930).

Когда отшумели споры 20-х годов, стало ясно также, что в период «бури и натиска» молодая советская поэзия впитывала в себя и опыт М. Лермонтова и Н. Некрасова, ощутила влияние их мощного гражданского пафоса. Классическая поэзия — не только русская, но и украинская, грузинская, армянская, белорусская, азербайджанская, узбекская, таджикская — приобретала новую аудиторию.

Действительность 30-х годов, строительный пафос первых пятилеток, социалистические преобразования в деревне, культурная революция настой-

чиво обращали поэзию к конкретным явлениям жизни, к насущным проблемам дня. Ими жил весь народ. Они вторгались в поэзию. Поэт же не мыслился вне жизни.

Наш долг один — священен он.
Наш путь один — другого нет.
Поэт вне жизни — не поэт,
Поэт вне жизни — пустозвон.

(С. Вургун. Перевод с азербайджанского А. Адалис)

Первая пятилетка привела в движение огромные массы народа, они перемещались главным образом из деревни, «из захолустья» в город, на рудники и в шахты, на фабрики и заводы, а молодежь особенно привлекали новостройки. Эта всеобщая «охота к перемене мест», вызванная горячим стремлением быть там, где трудно, где нужнее всего рабочие руки, не оставила безучастными и писателей, поэтов. Поездки по стране стали для них одной из форм творческого поведения, приближали к их героям и читателям, к многообразным обстоятельствам общественного бытия.

Н. Тихонов, В. Луговской и Г. Санников вместе с прозаиками Л. Леоновым, Вс. Ивановым и П. Павленко совершают поездку в Туркмению, в результате которой появились такие заметные явления поэзии, как книги «Юрга» и «Большевикам пустыни и весны». Для Н. Тихонова «Юрга» стала этапом преодоления фантастической экзотики, нарядности и красочной пестроты в пользу реалистической точности и лаконичной бытовой детали, умения находить героическое в обыденном. В. Луговскому же поездка помогла очеловечить символику конструктивистского толка. В его стихи вошел материальный мир, люди и животные, предметы труда и быта.

Это только один пример.

На стройки и в колхозы устремились писатели всех республик. А кроме того, участились взаимные визиты,— в одиночку и целыми группами, делегациями писатели ездили из республики в республику, знакомясь с жизнью и литературой братских народов, налаживая постоянные взаимосвязи, в частности, переводческое дело, сыгравшее неоценимую роль в укреплении единства советской многонациональной литературы.

Украинские писатели, например, ездили не только в Донбасс и на Днепрострой, в колхозы и на поля Украины, но и на Магнитку и в Кузбасс, в Закавказье и Среднюю Азию, в Москву и Ленинград. С. Чиковани месяцами живет в колхозах, на предприятиях и в малодоступных горных уголках Грузии. М. Миршакар едет на строительство Вахшской ГЭС и работает там секретарем комитета комсомола и редактором газеты. М. Турсун-заде и другие таджикские поэты отправляются на строительство Ферганского канала и Большого Памирского тракта. Поэты Средней Азии — постоянные гости на строительстве Турксиба. М. Джалиль ездит к каспийским рыбакам, а его сверстник татарский поэт М. Сюндюкле работает на шахтах Донбасса, где ему помогает творчески самоопределиться русский писатель Б. Горбатов.

Важнейшим завоеванием поэзии является дальнейшее освоение интернациональной темы. Предпосылкой к этому были успехи социалистического строительства, культурная революция в стране, преодолевание национальной замкнутости, ограниченности, мешавших общекультурному развитию. Теперь поэзия проявляет пытливый интерес к жизни и культуре других наций, выходит на всесоюзную арену. Об этом можно судить даже по адресам и названиям стихотворений. Например, С. Чиковани и Г. Табидзе пишут стихи об Армении, а А. Акопян — поэму «Тифлис», стихотворение «К пятнадцатилетию Советской Грузии», М. Бажан пишет «Стихи из Узбекистана», а Уйгун — «Ветры Украины», М. Рыльский — цикл «В Азербайджане» и т. д. Но это внешняя, хотя и важная, примета.

Куда более существенно то, что изменился характер поэтического осмысления темы. Патриотизм в образном, эстетическом качестве и в семантическом значении приобретает эпитет *советский*. Чувство национальной обособленности уступает место чувству дружбы народов и интернационального братства трудящихся. Это и определяет нравственный и идейный облик поэта, его лирического героя.

О родина, любовь моя, владеешь сердцем ты одна!
Не только сердце — жизнь моя тебе принадлежит, страна.
Тобою жизнь окрылена, она тобой вдохновлена,—
Как птице теплое гнездо, так сердцу родина нужна.
Моя возлюбленная ты: любви нет чище и верней.
Весь мир трудящихся тебя считает родиной своей.
В тебе — величье сердца, жизнь и счастье всех твоих детей.
Что хочешь сердцу прикажи — оно твое, твое до дна.

(Х. Юсуфи. Перевод с таджикского М. Замаховской)

Стихи гражданские, публицистические и «сюжетные», основанные на конкретных фактах действительности 30-х годов и посвященные дружбе народов, советской родине, занимают большое место в каждой национальной поэзии. Поистине крылатыми стали слова П. Тычины, которыми он назвал одну из своих книг,— «Чувство семьи единой». Эти слова выдающегося украинского поэта и по сей день воспринимаются как манифест, как девиз, как эпиграф к книгам и циклам стихов о советской родине, о дружбе народов, о советском патриотизме. В преддверии тяжелых испытаний, выпавших на долю нашего народа, советская поэзия немало сделала для воспитания в людях патриотических и интернациональных чувств.

Если поэзия начала 20-х годов порою грешила абстрактной революционностью, если космический пафос уводил ее от некоторых насущных проблем действительности, то в 30-е годы она была теснейшим образом привязана к жизни страны. Еще раньше комсомольские поэты А. Безыменский, А. Жаров, М. Светлов, М. Голодный, И. Уткин внесли в поэзию новые темы, сближающие ее с конкретными задачами политического и социального переустройства жизни. Н. Тихонов, как бы обозначая тематическую переориентацию в поэзии, пишет стихотворение «Поиски героя»: «То прошлого звоны,

а нужен мне герой неподдельно новый». Прав С. Чиковани, который впоследствии признавался: «К нам, поэтам, на помощь пришел герой». Именно новый герой — живой, деятельный, полный энтузиазма современник все больше приковывал к себе внимание поэтов, отвлекая их от рационалистических схем и чисто экспериментальной работы над словом.

Поэзия открыто и смело идет навстречу новой действительности. В раскатах минувших боев, в легендарной славе буденновских армий возникла и уверенно зазвучала мелодия новой жизни, наполняясь пафосом труда и жизнеутверждения. М. Горький приветствует появление книги стихов М. Исаковского «Провода в соломе»: «Этот поэт, мне кажется, хорошо понял необходимость и неизбежность «смычки», хорошо видит процесс ее и прекрасно чувствует чудеса будних дней». С берегов Ладоги задорно и весело, как переливы гармоники, прозвучал голос А. Прокофьева. Органичная фольклорная основа прокофьевского стиха, его оптимистический пафос были теснейшим образом связаны с жизнью советской деревни.

Только начинавший в те годы Б. Корнилов еще грустит о деревенском приволье, его еще влечет «в Нижегородскую губернию и в синь Семеновских лесов», но уже вскоре грянула его бравурная, на редкость созвучная времени «Песня о встречном»:

Мы жизни выходим навстречу,
Навстречу труду и любви!

Лирический герой в поэзии обретает свободу от аскетической морали 20-х годов, он становится восприимчивее к обыденности, терпимее к человеческим слабостям, не поступаясь при этом главным — революционным первородством. Высокомерно-ироническое отношение к «польским жакеткам» (В. Маяковский) или «английскому фокстроту» (Я. Смеляков) уступает место снисходительному допущению «слабостей» при условии их компенсации: добросовестного, более того — примерного выполнения гражданского долга: «Можно галстук носить очень яркий и быть в шахте героем труда» (как пели в одной из песен 30-х годов).

Сейчас «проблема» галстука в поэзии может вызвать лишь улыбку, но ведь она не выдумана, она рождена своим временем, она лишь легкий живой штрих того времени, оттеняющий главное его содержание; ведь и вправду многим девушкам было не до сонетов Петрарки и улыбки Джоконды, и уж по крайней мере сами-то они считали, что их не тревожат «вздохи» таких же одержимых сверстников,— все это заменяли «плакаты и марши и красные лозунги снежной земли» (Я. Смеляков). Трогательный и дорогой штрих. Вот почему, с доброй улыбкой вспоминая то время, Я. Смеляков говорит в «Строгой любви»:

На стройке дней непримиримо новых
сосредоточив помыслы свои,
взыскательно мы жили и сурово,
не снисходя до слабостей любви.

Трудно подытожить то огромное революционизирующее, формирующее идейно-эстетическое влияние, которое оказал на развитие всей советской поэзии В. Маяковский. Долгие годы он оставался центром притяжения для поэтов всех братских республик. Можно сказать, что послеоктябрьская поэзия развивалась под знаменем Маяковского и, стало быть, под знаменем нового искусства, революционного по духу, по содержанию, по форме. Почти все национальные поэзии испытали на себе воздействие его политической, гражданской лирики. Непосредственное влияние Маяковского испытали на себе такие крупные советские поэты, как П. Тычина и Е. Чаренц, Н. Асеев и С. Кирсанов, С. Чиковани и М. Бажан, Г. Гулям и А. Токомбаев.

Не случайно советское литературоведение ведет изучение «типологической закономерности искусства Маяковского в поэзии XX века». Вывод этот подтверждается творческим опытом крупнейших поэтов за рубежом, таких, как Н. Хикмет, Л. Арагон, П. Элюар, С.-К. Нейман, и других, и, конечно, более близкими нам примерами, которые есть в поэзии народов Советского Союза. Конкретные влияния прослежены в многочисленных работах на эту тему.

Е. Чаренц, с гордостью называющий себя учеником русского поэта, пришел в поэзию сразу после Октября с блоковской темой возмездия старому миру, воспринимая революцию как «грозовой вихрь», как «мировой пожар». Но уже после свержения дашнакского режима и установления Советской власти в Армении в 1920 году, когда армянская поэзия «интенсивно проходит этапы развития, которые характерны... для русской поэзии в период 1917—1920 гг.», Е. Чаренц, подобно некоторым другим национальным поэтам, воспринимает агитационный стиль В. Маяковского с его гиперболизмом, острым гротеском, слиянием лирики и эпоса, идя в общем схожими путями к новой ступени художественного освоения мира — к социалистическому реализму.

В тридцатые годы под мощным влиянием В. Маяковского развивались И. Абашидзе, С. Рустам, Р. Рза, М. Турсун-заде, М. Миршакар, П. Хузангай и многие другие. В период буржуазного господства в решительной борьбе с силами реакции утверждали и развивали традиции великого русского революционного поэта литовец В. Монтвила и молдаванин Ем. Буков — поэты страстного гражданского и политического темперамента.

Гафур Гулям, воспитывавшийся на произведениях классиков восточной поэзии, тем не менее тоже считал себя учеником В. Маяковского: «Я старался вобрать в себя всю политическую напряженность, всю могущественную ораторскую силу его ритмов, интонаций, смелость метафор, выразительность гипербол».

Узбекские литературоведы считают, что новый стихотворный размер, эркин,— когда неравномерность в чередовании слогов восполняется другими ритмическими компонентами,— развился под влиянием русской революцион-

ной поэзии, и прежде всего под влиянием В. Маяковского. Формальное новаторство шло в органическом единстве с разработкой новых тем, с открытиями идейно-нравственного порядка.

Никто из крупных поэтов не остался в тени Маяковского: первый поэт революции и в этом — в решительном освобождении от всякого рода зависимости — оставался для них образцом и учителем. Так что и здесь опять же приходится говорить о типологии, ибо многие советские поэты уже в 30-е годы в общих чертах повторили эволюцию Маяковского. Словом, творческий опыт первого поэта революции не прошел бесследно ни для одной более или менее развитой поэзии.

Но замечательная примета многонационального поэтического развития в 30-е годы заключена в то же время в том, что мощное революционизирующее воздействие Маяковского сочеталось в республиках с оживлением интереса к классическому наследию. По утверждению историков казахской литературы, освоение творческого опыта Маяковского обогатило казахскую поэзию новыми ритмами, интонациями, рифмами. В то же время, успешно преодолев вульгарно-социологические концепции литературного развития, казахская поэзия 30-х годов обратила взгляд на классическое наследие, в том числе — Пушкина, Лермонтова, Абая, Навои.

Примерно то же самое происходило в республиках Средней Азии. Здесь период формальных поисков несколько задержался. То, что было характерно для русской поэзии 20-х годов — противопоставление новаторства традициям,— десятилетием позже стало особенностью в таджикской и узбекской поэзии. Надо, однако, отметить, что некоторые поэтические новации, механически, без учета своеобразия языка и традиций переносившиеся на новую национальную почву из русской поэзии, не приживались. В таджикской поэзии, например, не были успешными попытки радикально изменить каноны музыкального в своей основе классического стиха, имеющего богатейшие традиции. Прозаизация стиха противоречила прочно, веками складывавшимся представлениям о поэзии как гармонии,— недаром же исполнение поэтических произведений издревле сопровождалось игрой на народном национальном инструменте.

Однако же и тут (яркий пример — творчество Г. Гуляма) шел общий для советской поэзии процесс углубления в нравственную и духовную жизнь человека, в конкретные обстоятельства общественного бытия, который требовал нового, более глубокого осмысления классических традиций.

Разговор Маяковского с бронзовым изваянием Пушкина на Тверском бульваре эхом отозвался в поэзии 30-х годов.

Для продолжения и развития классических традиций армянской поэзии имело большое значение возвращение в 1936 году на родину А. Исаакяна (эмигрировавшего в 1911 г.), его творческий опыт, корнями уходящий в народно-песенную и классическую традицию. Под его влиянием проходило становление таких тонких и своеобразных поэтов, как Г. Эмин, А. Граши и О. Шираз. Исследователи не без основания указывают также, что в лирике

А. Граши столкнулись мотивы Н. Кучака и Саят-Новы, с одной стороны, Гейне и Лермонтова — с другой, отражая историческую судьбу народа, стоявшего на перекрестке дорог между Западом и Востоком.

Грузинская поэзия, преодолевая некоторый налет отвлеченной романтики, существенно обогащается в 30-е годы не только реалиями своего времени, но и новым социально-политическим и историко-философским содержанием, выходит на международную арену идеологической борьбы (Г. Табидзе).

В социалистической культуре в целом идет бурный процесс сближения, взаимовлияний, она впитывает в себя различные национальные культуры, создает нечто единое по своей идейно-нравственной сущности, создает единую многонациональную художественную общность, которая не знает прецедентов в истории. Быть может, именно поэзия 30-х годов иллюстрирует этот процесс наиболее ярко и многогранно.

Благотворные последствия национальной политики партии и Советского государства сказались на развитии младописьменных литератур. Важной вехой в их развитии стал Первый всесоюзный съезд советских писателей. В речи М. Горького, в докладах и выступлениях делегатов съезда живо обсуждались проблемы народного творчества, национальных традиций, взаимосвязей литератур, издательской деятельности.

Неоценима роль русской литературы как художественного образца, учителя жизни, духовного наставника, замечательной школы реалистического искусства для младописьменных литератур. Жизнь народа и традиции фольклора служили им почвой, а русская и через нее мировая реалистическая литература — эстетическим критерием в создании собственной национальной литературы, начинавшейся, как правило, с поэзии.

Процесс становления младописьменных литератур необычайно интересен, ибо он представляет собой стремительное прохождение различных этапов в художественном сознании народов — от низшего к высшему. В некоторых республиках, например в Дагестане, он усложняется многоязычием, наличием — внутри этой государственной и культурной автономии — разных языковых, национальных традиций. Здесь, как и вообще на Востоке, первенствовала поэзия. Фольклор постепенно впитывал в себя элементы высокоразвитой восточной поэтической традиции.

Своеобразный художественный феномен представляет собой творчество С. Стальского, Джамбула Джабаева, Т. Молдо и других народных певцов-импровизаторов, выявившихся в 30-е годы. В опыте одного поэта самым причудливым образом сочетаются стихия устной народной поэзии и элементы современного образного мышления, прослеживается эволюция от устных импровизаций к письменной литературе.

Поэтическое развитие малых народов идет в теснейшем взаимодействии с русской литературой, поэзия обогащается новыми формами реалистической выразительности. Пробивают дорогу традиции Маяковского. Даже разница в методе С. Стальского и Г. Цадасы (последний лишь на восемь лет моложе)— это целая эпоха в развитии художественного мышления от устно-поэтической

образности к творческому освоению опыта русской поэзии, методу реалистического искусства современности.

Подобный процесс в художественном сознании малых народов возможен только при глубоком и многостороннем воздействии на них литератур развитых, имеющих давние и богатые традиции, при благоприятном решении национального вопроса вообще. И все же нельзя представлять процесс культурных и литературных влияний односторонне, относя позитивные моменты только к развитым культурам.

Даже самая молодая культура, которая зарождается на наших глазах, которая представляет малую народность, непременно имеет какой-то своеобразный оттенок, ибо она отражает исторический опыт данной народности, наследует и развивает ее фольклор, мотивы и образы устного творчества.

Забегая вперед, возьмем для примера «Языческую поэму» Ю. Шесталова, густо замешенную на мансийском фольклоре, включающую в себя эпические сюжеты и лирику, предания и легенды, прозу и публицистику. Это единственное в своем роде произведение, ярко отразившее существенные черты народной жизни, историческую судьбу манси, народа, который до революции шел к вымиранию. «Языческая поэма» украшает советскую литературу великолепным орнаментом мансийского эпоса.

Сейчас мы часто вспоминаем строки А. Фета о том, что «на льдинах лавр не расцветет, у чукчей нет Анакреона». Вспоминаем, гордясь тем, что к малым народам Севера давно уже пришел Анакреон, да и сами они за годы Советской власти выдвинули несколько весьма даровитых поэтов.

А литературная критика отмечает появление в украинской поэзии циклов восьмистиший «в духе Р. Гамзатова», влияние восточной поэзии на творчество некоторых русских поэтов.

Взаимовлияние литератур, взаимообогащение литератур не пустая формула, она отражает реальный процесс движения и диалектического единства всей многонациональной советской литературы.

3

В поэзии 30-х и начала 40-х годов уже жило предчувствие надвигающейся военной грозы. В Германии к власти пришел фашизм. На Западную Европу упала зловещая тень свастики. Буржуазно-демократические правительства европейских стран попустительствовали Гитлеру в его военных приготовлениях и агрессивных планах. Прогрессивно настроенная интеллигенция европейских стран предпринимала отчаянные попытки преградить дорогу фашизму.

Большую роль в сплочении ее рядов сыграло письмо М. Горького, бескомпромиссно поставившего вопрос: «С кем вы, «мастера культуры»?». А затем — конгресс в защиту культуры (Париж, 1935 г.), в работе которого принимали участие и советские писатели И. Эренбург, Н. Тихонов, Б. Пастер-

нак, Я. Колас, Г. Табидзе, А. Лахути и др. Антифашистская тема занимает значительное место в поэзии. «Зарубежные» циклы стихов и поэмы пишут Н. Тихонов и Г. Табидзе, В. Луговской и А. Лахути, И. Сельвинский и М. Бажан и многие другие советские поэты. Не менее широкое распространение получает в это время тема защиты советских границ. Недаром же «Катюша» М. Исаковского, положенная на музыку М. Блантером, становится популярнейшей песней предвоенных лет.

В поэзию к концу 30-х годов пришло новое, молодое поколение, которому предстояло с оружием в руках защищать Родину, а иным его представителям — сложить головы на полях сражений. Поколение «лобастых мальчиков невиданной революции» (П. Коган), принявшее на себя первый удар и главную тяжесть минувшей войны, поколение ровесников Октября, было политически, морально и психологически готово к защите Отечества, и именно это обстоятельство мы должны учитывать в своей оценке поэзии предвоенных лет, поэзии тогдашнего молодого поколения.

Чуть ли не в самый канун войны один из молодых поэтов, павших на поле боя, П. Коган, написал такие строки:

Мое поколение —
это зубы сожми и работай,
Мое поколение —
это пулю прими и рухни.

А вот что писал его грузинский сверстник, также погибший на фронте, М. Геловани: «Человек и фашизм не могут существовать рядом, не должны существовать... Радость людей на земле — вот мой девиз, моя собственная радость...»

Многонациональная советская поэзия была в «мобилизационной готовности» и уже в первые дни Великой Отечественной войны вышла на позиции ближнего боя.

Сотни писателей пошли на фронт, сотрудничали во фронтовой печати. Многие принимали непосредственное участие в боевых действиях войск, с оружием в руках защищали родину. Бессмертен в веках подвиг татарского поэта Мусы Джалиля. Смертью храбрых пали поэты Витаутас Монтвила, Георгий Суворов, Мирза Геловани, Михаил Кульчицкий, Юсуф Хабиби, Павел Коган, Татул Гурян, Алексей Лебедев, Али Шогенцуков, Иосиф Уткин... Всех не перечислишь.

Поэты сражались тем оружием, которое дала им природа,— оружием слова. Стихи и песни о войне появились на газетных полосах вместе с первыми сообщениями о военных действиях.

...Кто из людей старшего поколения не помнит строк песни:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,—
Идет война народная,
Священная война!

Десятилетия прошли с тех пор, как эта песня прозвучала впервые, но и сейчас, слыша ее, переживаешь чувство торжественной решимости, почти самоотречения, которое знакомо всем ветеранам Отечественной войны. Родина для советских людей была матерью, опорой и святыней, ради нее — советской нашей родины — и шла *священная* война, так она и воспринималась миллионами молодых и уже немолодых людей, вставших под ружье.

Война, как всякое тяжкое испытание, обостряет человеческие чувства, обнажает душу и, значит, облегчает воздействие на человека словом, даже взглядом, исполненным сочувствия, поощрения, любви... Душа человека, черствая от соприкосновения с врагом, от взаимоистребления и жестокостей войны, от пролитой крови и порушенных жизней, раскрывается навстречу добру и участию. И сила воздействия на нее поэтического слова удесятеряется.

Можно себе представить, как бились сердца русских патриотов, внимавших словам А. Ахматовой:

Мы знаем, что́ ныне лежит на весах
И что́ совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,—
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

М. Рыльский в своем «Слове о матери-родине» перекликается с великим украинским кобзарем Тарасом Шевченко:

Ужель судьба погибнуть ей,
Потопленной в крови багровой,
Когда зовет и шум ветвей
На правый бой, на бой суровый,
Когда жива она в своей
Семье — великой, вольной, новой?

(Перевод с украинского Б. Турганова)

Чем дальше уходит время, тем больше стихи и поэмы, написанные в годы Великой Отечественной войны, приобретают вес документальности. Ведь в них запечатлены чувства и переживания современников великих событий в истории человечества, они воспринимаются сейчас как живое свидетельство участников и очевидцев. Личное переплеталось в поэзии тех лет с общечеловеческим. В «Февральском дневнике» О. Берггольц, в партизан-

ских стихах П. Воронько или в поэме «Похороны друга» П. Тычины, стихах и поэмах белорусских, литовских, латышских, эстонских, молдавских поэтов личные переживания, факты собственной жизни или жизни своих близких переосмысливаются в масштабе народной судьбы, судьбы всего человечества.

Почти во всех национальных литературах был возрожден и широко использован свойственный устно-поэтической традиции мотив заклинания, наказа, благословения. Отцы, матери, жены и девушки давали наказ воинам храбро защищать Родину, семейный очаг, не отступать перед лицом смерти, благословляли их на подвиг во имя свободы и счастья народа, во имя его будущего. Послания с фронта, от имени солдат, были обращены или к любимой (жене, подруге, девушке) и нередко тоже носили характер заклинания («Жди меня» К. Симонова), или к своим близким (отцу, матери), к Родине и уже звучали как клятвы, как обещание отомстить врагам за поругание родной земли, победить и вернуться домой.

Я тебе обещаю.
Родным пепелищам клянусь,
Что с дороги нигде не собьюсь,
Я вернусь. Я вернусь.
(А. Кулешов. Перевод с белорусского М. Исаковского)

Именем жизни клянемся — гнать, истребляя жестоко,
И ненавидеть клянемся — именем нашей любви.
(А. Сурков)

Красным знаменем непобедимым — клянусь!
Всем союзом народов любимым — клянусь!
Драгоценною радостью жизни — клянусь!
Пусть отрубит мне голову вражеский меч,
Но от родины сердце мое не отсечь!
...Солнце счастья народов в бою отстою!
Лишь победой мой праведный гнев утолю!
(С. Рустам. Перевод с азербайджанского В. Державина)

Это один из самых распространенных и сильных мотивов лирики военных лет. Если первые поэтические отклики на военные события носили главным образом лирико-публицистический характер, то уже с накоплением конкретного опыта широкое распространение получают «сюжетные» стихи, баллады, а потом и поэмы героического содержания, прославляющие подвиг советского солдата, стойкость и мужество в борьбе с врагом. Наряду с этим развивается лирика глубоко интимного содержания, которая согревала солдатские сердца в исключительно жестоких обстоятельствах войны (стихи и песни А. Суркова, К. Симонова, М. Исаковского, С. Нерис, А. Малышко, Г. Абашидзе, А. Лахути и других советских поэтов).

Поэма военных лет дала такие великолепные образцы, как «Сын» П. Антокольского, «Зоя» М. Алигер, «Киров с нами» Н. Тихонова, «Пулковский

меридиан» В. Инбер, «Россия» А. Прокофьева, «Знамя бригады» А. Кулешова, «Похороны друга» П. Тычины. И даже среди этих выдающихся произведений 40-х годов монументальным памятником русскому советскому солдату высится любимец народа и солдатский любимец «Василий Теркин» А. Твардовского, литературный герой, которого «находили» чуть ли не в каждой стрелковой роте.

Русский национальный характер получил в «Василии Теркине» редкое по выразительности художественное воплощение. Широкому типическому обобщению, демократизму героя «книги про бойца» соответствует и жанр произведения, и вся необычайно органичная система выразительности, где счастливо сплавлены в единое художественное целое традиции фольклора и современная поэтика.

Теркин — характер эпический, народный, представитель многомиллионной солдатской массы на фронте Великой Отечественной войны. С ним связан эпический сюжет произведения. Герой поэмы дорог и близок А. Твардовскому как воплощение народной силы, жизнестойкости, патриотизма. Эти черты сближают Теркина с автором настолько, что порою образ лирического героя как бы сливается с образом Василия Теркина.

«Василий Теркин» с появлением первых глав (1942) обрел огромную популярность на фронте и вызвал немалое количество литературных подобий во фронтовой печати. Фома Смыслов, Вася Гранаткин, Гриша Танкин, Уэмесбай, по имени которого названа поэма Мустая Карима, хотя и не стали фактами большой литературы, но сыграли определенную роль в воспитании мужества воинов на фронте. Лирико-эпический образ народной войны и солдата на войне в поэме А. Твардовского явился таким художественным открытием, которое оказало вдохновляющее влияние на всю советскую поэзию 40-х годов.

«Василий Теркин», как отмечают исследователи, знаменовал собой тот сдвиг в изображении национального характера, который произошел тогда в нашем искусстве. Действительно «русская» тема, которая в 20-е и 30-е годы звучала приглушенно, в творчестве лишь нескольких поэтов, тесно связанных с фольклорной традицией, в годы Отечественной войны как бы возродилась заново и на новой основе.

России, ее столице Москве, осажденному Ленинграду, русскому солдату посвящали лучшие свои стихи поэты всех братских народов нашей страны, и это было данью глубокой благодарности советским людям, вынесшим на своих плечах главную тяжесть военных испытаний.

«Ленинградцы, дети мои!» — летит через поля сражений, минные и проволочные заграждения голос старого казаха Джамбула, вселяя мужество в сердца защитников северной столицы.

О славная Москва!
О городов глава!..
Державу от врагов
Ты заслонила грудью,—

благодарно восклицает старый абхазец Д. Гулиа (перевод Н. Милованова). И вот уже в «Теркине» А. Твардовский с гордым достоинством отмечает:

И на русского солдата
Брат-француз, британец-брат,
Брат-поляк и все подряд
С дружбой будто виноватой,
Но сердечною глядят.

Вопреки расчетам и ожиданиям фашистских лидеров, союз социалистических наций не только не распался в годы войны, но лишь сильнее закалился и упрочился. Лирика 40-х годов — это полная драматизма и высокого напряжения песнь о дружбе советских народов. Поэты Средней Азии пишут вдохновенные стихи о братской Украине и Белоруссии, русские поэты посвящают свои строки народам прибалтийских республик, из Закавказья несется голос привета и ободрения на оккупированные земли славян. М. Рыльский переводит с еврейского стихи И. Фефера об Украине, а П. Тычина пишет стихотворение «Еврейскому народу». Подобные примеры можно приводить бесконечно.

Поэзия Великой Отечественной войны стала замечательной школой патриотического и интернационального воспитания; тема дружбы советских народов, интернационального братства и сплоченности, получившая в эти годы столь мощное отражение, была выношена в сердцах людей, выстрадана в совместных тяжелейших испытаниях, которые выпали на долю всех наций и народностей Советского Союза, ибо не было в этой войне безучастных, не было равнодушных, не было «нейтральных». Советская литература показала свое монолитное единство — идейное, нравственное, интернациональное.

4

Послевоенные десятилетия были отмечены как углублением и укреплением единства социалистической культуры, так и развитием живых национальных традиций, вносящих в нее бесконечное эстетическое разнообразие. Расширялись и умножались сами возможности творческого общения между представителями братских литератур, невиданный размах получило переводческое и издательское дело, укрепилась и обогатилась подготовленными кадрами литературоведческая база.

Первое послевоенное десятилетие было временем тематической и идейно-художественной переориентации поэзии. Велико еще было напряжение ближнего боя, велика еще была инерция «стрельбы прямой наводкой», сложившаяся в военные годы; не так легко было отойти от военной тематики, особенно поэтам фронтовой плеяды, чья юность, чье мужание и человеческая закалка пришлись именно на начало сороковых. Критика не всегда считалась с этим, торопя их переход на «мирные рельсы». Поспешная же переориента-

ция тоже не всегда давала положительный эффект. Но в целом поэзия искала и находила пути сближения с послевоенной действительностью, с усилиями советских людей по восстановлению разрушенного войной народного хозяйства.

Важное место в это время заняла тема борьбы за мир, против империалистической реакции, пытавшейся втянуть народы земного шара в новый военный конфликт, направленный против Советского Союза и стран народной демократии. Несмотря на окончание второй мировой войны, поражение фашистской Германии и японского милитаризма, напряжение в мире не исчезало. «Холодная» война грозила перерасти в войну «горячую».

Советские поэты оказались в первых рядах движения сторонников мира. Они принимали непосредственное активное участие в сплочении прогрессивных сил, чтобы предотвратить угрозу новой мировой катастрофы. Их творчество было прямым продолжением общественной деятельности. Стихи и поэмы Н. Тихонова, М. Бажана, А. Суркова, К. Симонова, М. Турсун-заде, Н. Грибачева, А. Малышко, П. Бровки и других советских поэтов разоблачали происки империалистической реакции, раскрывали красоту и величие подвига во имя мира и свободы народов. Пламенное слово советских поэтов о мире и счастье людей на земле находило широкий отклик в сердцах миллионов.

Написанный Л. Ошаниным (музыка А. Новикова) «Гимн демократической молодежи мира» облетел все континенты и до сих пор поется на десятках языков. Огромное мобилизующее воздействие его на молодежь всей земли трудно переоценить.

В поэзии первого послевоенного десятилетия дали себя знать и некоторые связанные с культом личности обстоятельства внутреннего развития, получили распространение резонерские, выспренние, ходульные сочинения, но не они определяли лицо советской поэзии. В лучших созданиях этих лет нашли отражение думы и заботы народа о завоевании прочного мира, о счастье жить и трудиться свободно, вдохновенно — для себя, для человечества, для будущих поколений. Пафос труда и созидания 40-х годов сильным эхом отозвался в стихах и поэмах о человеке, преобразующем землю, строящем дома и мосты, поднимающем целину и выращивающем хлеб.

Уже в начале 50-х годов в поэзии назревает предчувствие перемен, предчувствие обновления. Как чуткий барометр, она улавливает малейшие атмосферные колебания и доверчиво открывается навстречу новому. «Что-то новое в мире. Человечеству хочется песен...» — это ощущение передает Л. Мартынов. Обозначится оно в лирике всех братских народов. Обозначится, чтобы неудержимо, мощно проявить себя во второй половине 50-х годов. Жажда обновления станет внутренней движущей силой поэтического развития. Нравственное возвышение человека раскроет новые резервы могущества личности.

Идейно-тематические направления первых послевоенных лет не потеряют своего значения, своей актуальности, но новую силу убеждения прив-

несет в них личная окраска, конкретность нравственной программы лирического героя, отражающей мировоззрение стоящего за ним поэта. Сущность новой нравственной программы лаконично и точно выражена в известных строках А. Твардовского из поэмы «За далью — даль»:

Я жил, я был — за все на свете
Я отвечаю головой.

Твардовский выразил здесь стержневую идею нравственного обновления общества в 50-е годы, выразил с достоинством и самообладанием, которое было одним из важных условий для непредвзятого, неторопливого осмысления самых запутанных и противоречивых явлений прошлой жизни, тем более что они еще свежи были в памяти народа.

И здесь, на этом этапе общественного развития, А. Твардовский сыграл выдающуюся роль в формировании идейно-нравственных принципов советской поэзии. Его «сибирские» стихи и поэма «За далью — даль» определили также важнейшие тематические направления поэтического развития 50—60-х годов.

Первое из них — это масштабное, широкое постижение современной действительности в исторической перспективе, с показом крупным планом одного человека и массы людей, занятых в социалистическом строительстве. Поиски нравственной устойчивости, характерные для поэзии тех лет, в поэме и лирике А. Твардовского получают психологическое обоснование.

Пафос движения, действия, перемен всегда возвышает поэзию. А. Прокофьев в конце 50-х напишет свою лучшую, может быть, книгу «Приглашение к путешествию». Ринется за убегающей далью горизонта М. Светлов. Даст простор своей неуемной фантазии Л. Мартынов. Широко распахнет душу перед прекрасным М. Рыльский. О мужестве и человечности с драматическим напряжением будет писать К. Кулиев. Тревога за человечество пронижет стихи М. Турсун-заде. С ним уже начнет перекликаться Э. Межелайтис, его грозная символика взывает к разуму и совести. У А. Твардовского мотив дороги, скрепляющий воедино «За далью — даль», дает возможность запечатлеть, отразить эти перемены и во внешнем облике социалистической державы, и во внутреннем состоянии лирического героя. Пространственный эпический охват событий объединяет в одном целом Восток и Запад, всю Россию, ее прошлое и настоящее:

Полна, красна земля родная
Людьми надежных душ и рук.
Всё та же, та же, да иная
И даль, и жизнь, и все вокруг...

Строки эти предшествуют главе «На Ангаре», воссоздающей трудовой подвиг строителей гидростанции, показывающей, как героическими усилиями людей меняется облик страны, как рождается «иная красота» взамен прежней и покоренная стихия становится на службу человеку. Глава «На

Ангаре» — эта поэма в поэме — относится к лучшим поэтическим страницам о социалистическом строительстве.

Другое важное идейно-нравственное направление, где слово А. Твардовского оказалось глубоко взвешенным и задало тон трезвой аналитической ретроспекции, обозначилось в главах поэмы «Друг детства» и «Так это было». Поэт выдвинул нравственный критерий — верность жизни:

Мне правда партии велела
Всегда во всем быть верным ей.

Предельная искренность, сдержанность и достоинство, готовность вступиться за честь народа и государства и глубокая вера в народ составляют стержень лирического характера и делают его привлекательным для читателей всех возрастов.

Важнейшей приметой поэтического развития на этом этапе было появление большой, шумной, разнородной и талантливой группы молодых поэтов. Даже не группы — целой плеяды. Пожалуй, только после революции и гражданской войны так единовременно и в таком изобилии шли в поэзию молодые таланты.

Молодежь 50-х годов пришла в поэзию на волне общественного энтузиазма, в период динамического обновления жизни и роста самосознания советского народа, внушительных успехов на фронте социалистического строительства, в период, когда проблема *человек* и *масса*, *личность* и *коллектив* была одной из главных, если не главной, в нравственной жизни общества.

Поэтическая формула А. Твардовского об ответственности человека «за все на свете» прозвучала в конце 50-х годов. Она выражала то, чем жило общество в эти годы, что выделяло человека, личность из массы. С этим же пришли в поэзию и молодые, но их декларации были менее взвешенными, по-юношески вызывающими («Кто мы — фишки или великие?» — риторически провозгласил А. Вознесенский, конечно же, не сомневаясь в том, что — «великие». «Будем великими»,— призывал Е. Евтушенко).

Гневно отвергая унижающую человеческое достоинство формулу «винтика», утверждая *личность*, право и обязанность человека отвечать за себя и за все происходящее в мире, молодая поэзия вдохновлялась идеей нравственного максимализма. Повышенный спрос к человеку — сочетание доброты, внимания, любви и нежности с суровой требовательностью и аскетическим самоограничением («Добро должно быть с кулаками»,— крылатой стала строчка Ст. Куняева) — существенно изменил нравственный климат в поэзии.

Однако не обходилось и без серьезных потерь,— у медали была другая, оборотная сторона. В стихах некоторых молодых высокие нравственные требования к личности не распространялись на себя; эгоцентризм, парадоксальность и свобода от моральных обязательств, нигилистическое отношение к прошлому создавали им ореол независимости и исключительности.

В таком противоречивом комплексе складывался лирический характер, выражающий свое время. Этому характеру нельзя отказать в активности,

боевом темпераменте, целеустремленности, но иногда его подводили горячность, юношеская неуравновешенность, поспешность и категоричность в суждениях, недостаток даже простого житейского опыта, не говоря уже об опыте общественном, социальном.

Поэзия, в том числе и молодая, с честью вышла из трудного испытания. Оказавшись на гребне общественного бытия, она в немалой степени способствовала нравственному и духовному возвышению человека.

Период наиболее интенсивного роста самосознания народа сопровождался обострением идеологической борьбы, он не был легким для поэзии, для литературы. Тем значительнее представляется общий итог поэтического развития 50—60-х годов, когда поэзия действительно явилась активной силой, формирующей гражданское самосознание и человеческую нравственность.

Позитивный опыт поэзии этих лет углублял понятие народности искусства, и, стало быть, более определенными, ярко выраженными становились особенности национальных форм, ибо национальное, самобытное всегда идет от народного корня.

Поэтическое развитие 50-х годов лишний раз говорит о единстве многонациональной советской литературы, ибо оно захватило буквально все национальные поэзии и было почти единовременным, однородным по идейным и нравственным истокам и побуждениям, но, разумеется, с бесконечным множеством национальных и индивидуальных оттенков.

Можно перечислить многие имена молодых поэтов 50-х годов — русских, украинских, белорусских, грузинских, латышских, узбекских, поэтов всех братских народов СССР. Список получится весьма внушительный, так как имена эти теперь хорошо известны. Но нам важна не статистика, не количество, а процесс, поэтому ограничимся немногими именами и конкретными явлениями, чтобы только указать на общность и характерность поэтического развития, общность нравственных позиций, гражданскую активность, пусть иногда еще не воплощенную в конкретной цели, но по-юношески чистую и светлую, как у Рамиса Рыскулова:

Люди, не спите, не спите,
Вместе со мной выходите
На свидание с молодой
Рассветной звездой!

(Перевод с киргизского В. Татаринова)

В стихотворении Тамаза Чиладзе, переведенном с грузинского Е. Евтушенко, лирический герой оказывается средоточием жизни («Во мне все стоны и песни земли, все радостное и грустное»). Как оно близко русской молодой поэзии, и, в частности, некоторым стихам Е. Евтушенко!

В структуре стиха Т. Чиладзе совмещаются традиции древней грузинской фресковой живописи и изысканнейшие метафоры самого современ-

ного происхождения («Хмурят лбы циферблаты... Всюду кошек зрачки возникают из ночи пугающе странно, и на крышах, как кошки, тумана клочки, а на улицах кошки — клочками тумана»). При этом он остается верен традиционной для грузинской поэзии романтической возвышенности: помня о земных заботах, неся в своей душе «все стоны и песни земли», поэт не забывает о родстве с солнцем («...быть выше звезд хотим, наверно, для того, чтоб заглянуть, куда заходит солнце...»).

Гораздо более земной и менее возвышенный, порою даже как будто несколько суховатый, но чрезвычайно целеустремленный О. Вациетис человеческую нравственность проецирует на будущее: «Как нашу стойкость и малодушье в восьмидесятом оценят году?» Непричастность к солдатской славе отцов его еще по-юношески огорчает, но поэт уже понимает: «Наш возраст таков, что кирпичи своих мыслей и пота класть начинаем в стену годов». Столь же категоричен и взвешен вывод: «Мы не должны, мы себе не позволим класть в фундамент хрупкий кирпич».

Не правда ли, эта взвешенность, неторопливая обстоятельность близки характеру латышей? Впрочем, лирический герой О. Вациетиса отнюдь не однозначен, он предстает перед нами в разных состояниях, он хочет высечь искру из слов и возжечь пламя: «Я хочу, чтоб отныне горячими стали строки, чтоб слово — било! Чтоб, как в кузнице, искры не гасли!» Тут уже звучат отголоски бунтующих строк А. Чака или, может быть, В. Маяковского, воспринятого через А. Чака (хотя такого рода параллели всегда условны, тем более — в переводе на иной язык).

Безвременно ушедший из жизни бурят Д. Улзытуев «по строчечной сути» и по строю души — лирик, но и он отважно включился в полемику по поводу формулы человека-«винтика»: «Люди — не гвозди. Не доски. Не шурупы и не машины». Он еще не находит метафорического уподобления, чтобы противопоставить его «винтику», чтобы опровергнуть эту бесчеловечную формулу, а может быть, и не ищет его: «Просто — люди. Они — несравнимы». Но поиски характера, утверждение личности идет в том же направлении, что и у Т. Чиладзе, и О. Вациетиса, и И. Драча, и В. Коротича, и В. Цыбина, и Р. Рыскулова, и Г. Виеру, и А. Вознесенского... Только в иной манере, без сильного акцента на личном местоимении «я», что было характерно для многих поэтов его поколения.

Даже по этим единичным и, возможно, не самым характерным примерам видно, как высоко подняла поэзия критерий личности, выделив, как главное, моральную ответственность *каждого* человека за все происходящее в мире. Ее лирический герой готов на аскетическое самоотречение ради общего блага:

Пусть взрывается сердце,
пусть дрожит оно тонкой антенной,
чтобы было оно,
как огромное ухо вселенной!

(В. Цыбин)

В борьбе за новые нравственные критерии поэзия искала новую выразительность. Так бывало всегда: идейно-тематическое обогащение сопровождалось активными поисками новых поэтических форм. Поиски шли в разных направлениях. А. Вознесенский радикально менял выразительность стиха, создавая урбанистический и технический колорит эпохи, расширяя интеллектуальную сферу ассоциаций, уплотняя стих за счет сближения далеких понятий. И. Драч с необычайной смелостью соединял современную образность с корневыми, по своим истокам национальными поэтическими традициями, в них, в их преобразовании и переосмыслении ища резервы обогащения языка поэзии. Поэтика И. Драча, соединяющая в себе столь разнородные элементы, несмотря на ее сложную по ассоциативным пересечениям структуру, имеет отчетливо выраженную национальную окрашенность.

Широкое распространение получил раскованный, богатый ритмическими и интонационными оттенками стих. Ритмическая свобода, с одной стороны, способствовала более полному, не скованному заданной схемой самовыражению поэта, а с другой — нередко напоминала езду со спущенными вожжами. Так или иначе, ослабление внимания к ритмической дисциплине стиха и классической гармонии породило и некую расхлябанность, эстетическую неразборчивость. Реакция на это разбалтывание стиха не замедлила последовать: примерно в середине 60-х годов в поэзии отчетливо выявилась тенденция возврата к классике, к гармонии, к дисциплине формы, к испытанным средствам поэтической выразительности.

Потери неизбежны почти в любых нововведениях и экспериментах. Неудачи, промахи, побочные явления не должны, однако, скрывать от нас тех моментов, которые обогатили выразительность стиха. Лирическая свобода и раскованность, разнообразные возможности рифмовки, интонирования стиха, уплотнение метафорического ряда, синтетический образ современного звучания — все эти особенности закрепились в творчестве многих выдающихся поэтов.

5

Поэтическое развитие 50-х годов было теснейшим образом связано с развитием общественной жизни, ее активизацией. Поэзия, как наиболее мобильный, эмоционально отзывчивый род литературы, заняла видное место в духовной жизни народа. И на первом этапе тон задавали молодые. В творческое соревнование с ними вступили и поэты старшего поколения. Яркая, щедрая солнцем и красками «вторая весна» таких поэтов, как Н. Асеев и В. Луговской, А. Прокофьев и М. Светлов, М. Рыльский и В. Сосюра, П. Бровка и С. Рустам, Я. Судрабкалн и Й. Семпер, С. Чиковани и Г. Леонидзе, Г. Гулям и А. Токомбаев, обогатила советскую поэзию произведениями большого искусства.

Новые поэтические строки рождались из сплава опыта, мудрости, с одной стороны, и душевной молодости — с другой. «Зачем же подсчитывать

годы сегодня? Мне кажется, прожита добрая сотня!» — писал Петрусь Бровка, давая тем самым понять, что дело не в числе прожитых лет, а в содержании жизни.

Ощущение весны и весеннего обновления переживают в эти годы многие поэты, оно несет с собой свежие силы, жажду перемен, жажду деятельности. «Но что-то есть во мне весеннее, все ожиданием томит, и лед внушает опасения — в себе он таянье таит» (К. Каладзе). «Что мне всех семи столетий холод? С новою весной я снова молод...» (М. Турсун-заде).

А из Прибалтики с поэтами Закавказья и Средней Азии перекликается П. Руммо:

Упорствует ушедшее вчера,
Само не хочет сдаться —
Ждет удара,
Но крепнет войско правды и добра
В сраженьях за весну земного шара.
И до последних лет,
Последних дней
И я хочу участвовать в сраженье...

(Перевод с эстонского Л. Тоома)

Гражданская активность, пафос действия стали всеобщей приметой поэтического развития. Вполне естественно, что и поэты среднего поколения, поэты фронтовой плеяды оказались на гребне общественной жизни. Иначе не могло быть. «Сил полна моя зрелость! И даже готова как на крыльях лететь хоть до самой Луны!» — восклицает казах С. Мауленов.

Вновь, как во времена войны, возникает суровая и мужественная интонация в стихах А. Кулешова, «Новая книга» которого (1964) стала приметным событием литературной жизни:

Пылает горн в столетних пущах,
Куется в нем дорожный дух
Для горных троп, вершин грядущих,
Высоких волн, жестоких вьюг.

(Перевод с белорусского Я. Хелемского)

В поэзии 50—60—70-х годов образ современника раскрывается многогранно, широко, во весь рост и в самых сложных коллизиях и драматических обстоятельствах: в любви и товариществе, в труде и творческом поиске, в преодолении консерватизма и в утверждении новой этики, в идейной борьбе и в стремлении к идеалу, в мечтах о том времени, когда «солнце коммунизма щедро будет сиять для всех народов и племен!» (В. Сосюра). Он штурмует воды Ангары и осваивает целину в Казахстане, любуется красотой Земли из космоса и замирает перед прекрасным явлением природы — северным сиянием; мы видим его одержимым новой научной идеей и потрясенным неудачей, любящим и страдающим... Поэзия любит молчание, но и не боится шумной толпы, острой словесной схватки.

Ничто не чуждо советской поэзии наших дней из того, чем живет общество, чем живет современник, что он любит, от чего мучается и страдает, с чем борется и о чем мечтает. При всех индивидуальных различиях и национальных особенностях главное — полнота выражения человеческой натуры, классовая позиция писателя, гражданская активность его,— именно это и служит основой единства многонациональной советской поэзии. Национальное сочетается с индивидуальным, природным, личностным и — социальным, классовым. Национальное сочетается с интернациональным.

Именно с этих позиций можно и нужно рассматривать процесс развития литературы социалистического реализма во всей его диалектической сложности и многогранности. Современная поэзия в ее национальном, идейно-тематическом, стилевом, интонационном, метафорическом, живописном многообразии и в диалектическом единстве, как и вся наша литература, представляет собою яркий феномен художественного развития.

Н. Тихонов, размышляя об этом в канун пятидесятилетия СССР, говорил: «В советской литературе все едино и в то же время все многообразно. Многообразие форм остается, есть единое мировоззрение... Многообразие жизни способствует и богатому развитию новых творческих форм».

Этот истинно диалектический взгляд подтверждается не только историей литературы, но и сегодняшним художественным развитием многонациональной советской поэзии.

В Киргизии, например, первая газета на родном языке вышла в 1924 году. До этого художественное творчество народа представляли акыны-импровизаторы и сказители народного эпоса «Манас». За полвека здесь создана национальная литература, обогатившая некоторыми существенными чертами художественное развитие советского народа в целом (сошлемся хотя бы на творчество Ч. Айтматова, получившее широкое международное признание).

Вполне естественно, что теснейшим образом связанные с национальной традицией, активно включенные в современность стихи и поэмы А. Токомбаева, К. Маликова, Т. Уметалиева и других переводились на русский язык.

Но в начале 60-х годов на киргизском языке появилась поэма «К звездам», разрушающая некоторые каноны традиционной поэзии, написанная вольным стихом, наполненная грандиозной общечеловеческой символикой. Это было в духе времени, ибо началось активное освоение космоса, и многие советские поэты разных национальностей стремились в своих стихах выйти на вселенский простор.

Автор поэмы С. Эралиев — поэт среднего поколения, участник Великой Отечественной войны. Первый отрывок из поэмы на русском языке был напечатан с рекомендацией Ч. Айтматова, горячо поддержавшего новаторский поиск своего товарища.

Теперь уже очевидно, что опыт С. Эралиева не прошел бесследно для киргизской поэзии, что поэма «К звездам», так же как и проза Ч. Айтматова, как киргизский кинематограф, прокладывают новые пути в развитии искус-

ства братского народа, обращают на себя пристальное внимание читателей и зрителей во всех республиках Советского Союза.

Естественно, что без решения национального вопроса в государственном масштабе, без огромного идейно-художественного, формирующего воздействия русской литературы и других развитых литератур народов СССР, без творческого освоения опыта мировой литературы нельзя себе представить подобного явления.

Одна из особенностей художественного развития социалистических наций как раз в том и состоит, что все выдающиеся идейно-эстетические достижения одной нации становятся достоянием всех, что неразвитые в прошлом культуры имеют широчайшие возможности для выравнивания эстетических критериев, а иногда вносят в эстетику социалистического искусства то новое, что оказывает влияние на весь процесс развития то ли прозы, то ли поэзии, то ли кинематографа.

Развитие тех национальных традиций, которые соответствуют духу времени и учитывают прогрессивный опыт всего современного искусства, приносит успех литературе любой нации или народности, выводит ее на авансцену художественного развития всей страны.

Наша критика совершенно резонно опровергает схемы, по которым многонациональная поэзия движется от «своего» к «общему». На примере Р. Гамзатова прекрасно видно, что поэзия пришла к мудрому приятию синтеза национального и наиболее близкого из культурного наследия других народов. У Гамзатова — это, как справедливо писалось о нем, сплав горского стиха-раздумья и психологической традиции русской поэзии.

В 60-е годы внимание огромной читательской аудитории нашей страны обратили на себя книги литовских поэтов Э. Межелайтиса, Ю. Марцинкявичюса, а затем уже и некоторых других, более молодых. Причем это случилось в «эстрадную», как ее часто называют, пору поэзии, когда живейший отклик вызывали стихи иного плана, рассчитанные на быстрое, мгновенное восприятие даже не столько читающей, сколько слушающей аудитории. А сложная, порой многоступенчатая символика и синтезированный интеллектуализм Э. Межелайтиса или многозначная трагедийность Ю. Марцинкявичюса требовали серьезных читательских усилий для их восприятия.

Планетарная, космическая символика Э. Межелайтиса оказала свое влияние на поэзию 60-х годов. Проявляя живейший интерес к разнообразным сферам жизни человечества, поэт смело выходил за пределы земного притяжения. Иногда эта его всеохватность отпугивала холодком вселенских ветров. Но в то же время не могла не захватить грандиозная, почти мифическая фигура Человека, который, упираясь ногами в земной шар, держит на руках шар солнца. Символ человеческого могущества! Торжество разума! Апофеоз человечности!

А из глубины Вселенной тянется невидимая трасса к небольшому пространству земли, имя которому — Литва, и уже звучат гекзаметры К. Донелайтиса, слышится соловьиная трель С. Нерис, переливаются нежные

краски М. Чюрлениса, чернеет вспаханная борозда, проворно снуют руки ткачихи...

Аллегория и гипербола, высокая символика образа, приемы кино, когда крупным планом высвечиваются частности — черты лица, выражение глаз, движение губ,— «монтажный» способ мышления,— все эти и другие особенности поэтики Э. Межелайтиса нашли развитие в стихах русских, украинских, киргизских поэтов. Поэма С. Эралиева «К звездам» написана явно не без влияния Э. Межелайтиса, хотя в ней и нет никаких прямых следов ученичества. Критика не без основания находила отсветы философской лирики Межелайтиса в поэзии А. Малышко.

Но дело даже не в конкретных примерах, показывающих влияние лирики Э. Межелайтиса на творчество или отдельные произведения поэтов других национальностей. Главное — свежий, современный поэтический прецедент, обогативший советскую поэзию. Ведь Э. Межелайтис поэтически воплотил новые ощущения, назревавшие и в духовной жизни других братских народов. Не случайно же, например, так укрупнился масштаб мировидения у А. Кулешова, когда «обычный человек» в его стихах 60-х годов, «землю с небом всей душой вбирая, в единый мир сливает их навек». А гордые слова К. Кулиева: «Я царь земной и бог, сошедший с неба...» — они тоже отражают интеллектуальное могущество человека в век научно-технической революции, только в иной, романтической, возвышенной форме, хотя и в бытовом, материально-предметном контексте.

Разумеется, здесь нет достаточных оснований говорить о каких-то конкретных источниках влияний. И, кстати говоря, поэзия Э. Межелайтиса показывает, как сложна и порой неожиданна, парадоксальна диалектика взаимовлияний в художественном творчестве. Зная Э. Межелайтиса как автора книг «Человек», «Кардиограмма», «Авиаэтюды», трудно себе представить, что этот поэт начинал под сильным влиянием С. Есенина! Но именно так и было, ведь впечатления раннего детства у него связаны с деревней, с крестьянским трудом, а могучее обаяние есенинской лирики испытал на себе молодой, начинающий поэт, которого еще отец, побывавший и поработавший в России, знакомил с русскими стихами.

Правда, выросший в рабочем Каунасе, с юношеских лет вступивший на путь революционной борьбы, комсомольский работник и солдат Великой Отечественной войны, Э. Межелайтис скоро, очень скоро покидает пределы деревенской околицы, чтобы окинуть взглядом всю планету, чтобы — позднее — ощутить бытие во вселенском масштабе, но даже в 60-х годах, совсем как в юности, совсем по-есенински скажет:

...Где-то здесь,
с невысокого пня,
в мире, полном любви и привета,
услыхала природа меня —
своего полевого поэта.

(Перевод с литовского Ст. Куняева)

И еще, вспоминая, добавит: «...Я встречал наступающий день и читал свои строчки коровам». Такова сила первых детских впечатлений и эмоциональное воздействие есенинской лирики.

Через русские переводы стихи Э. Межелайтиса приобрели известность у всесоюзного читателя, вскоре они стали явлением других национальных литератур, были переведены на многие языки народов СССР.

Немалое значение в художественном развитии имеют и устойчивые, традиционные или вновь завязывающиеся тесные связи между отдельными национальными литературами, как, например, между украинской и чувашской, где развитая, с богатыми традициями украинская поэзия оказывает влияние на более молодую чувашскую, или между родственными «соседними» литературами, как, например, между татарской и башкирской.

Проблема коммуникаций для национальных культур решается в СССР на широкой интернациональной основе взаимного уважения; все более крепнут и развиваются, возникают вновь двусторонние и многосторонние связи между братскими литературами, чему способствуют традиционные взаимные поездки писателей для непосредственного общения друг с другом и с читателями. Плодотворность такого взаимного сотрудничества закрепляется во все расширяющейся и совершенствующейся переводческой деятельности, как бы подытоживающей успехи литературного развития.

Близкие родственные связи нередко кладут начало творческим воздействиям. А. Твардовский, выступая в Минске, говорил, что поэзия Я. Купалы издавна привлекала его, оказывала благотворное влияние на его творческое становление. А. Твардовский, как и его старший земляк и друг М. Исаковский, многие годы был тесно связан с белорусской поэзией. Его тяготение к таланту Я. Купалы объясняется близостью эстетических принципов.

Но с не меньшим основанием можно утверждать, что более молодое поколение белорусских поэтов, в частности А. Кулешов, испытало на себе влияние и М. Исаковского, и А. Твардовского, что творческий опыт русских собратьев обогатил их поэзию. А. Кулешов вспоминает, какое неотразимое впечатление произвела на него «Страна Муравия». «Я нисколько не преувеличу,— признавался он,— если скажу, что как поэт своим рождением я обязан именно этому произведению. «Страна Муравия» не только по-новому открыла близкий мне мир народной жизни, но и явилась толчком, который вывел меня наконец из творческого тупика».

И не слышатся ли в «Доме у дороги» А. Твардовского мотивы кулешовской поэмы «Знамя бригады», первое знакомство с которой, по признанию самого поэта, было для него одним из самых ярких и дорогих литературных воспоминаний военного времени?

Грузинский поэт И. Абашидзе пишет о Твардовском: «Встречи с ним считаю самыми счастливыми эпизодами своей биографии. Этот человек был подлинным интернационалистом и в жизни и в творчестве, его влияние на всю многонациональную советскую литературу уже сегодня представляется бесспорным».

Русская литература, имеющая всемирное признание, как литература величайших гуманистических и революционных традиций, оказывает наибольшее влияние на всю многонациональную советскую литературу, а русский язык, как язык межнационального общения, играет огромную коммуникативную роль во взаимосвязях братских литератур. Поэтому крупнейшие явления русской поэзии — А. Блок, В. Маяковский, С. Есенин, А. Твардовский — оказывали и продолжают оказывать формирующее воздействие на поэзию народов СССР.

Первенство в общем и дружном хоре отдают русскому языку благодарные поэты других народов.

Родной язык! Не зная бед и горя,
С нуждой и притесненьем не знаком,—
Звучи победно в мощном дружном хоре
С великим, славным русским языком!

(Я. Ухсай. Перевод с чувашского П. Железнова)

Единство советской литературы скрепляется коммунистической партийностью, общими идеалами и устремлениями, общим методом — методом социалистического реализма. Из художественного опыта национальных литератур складывается яркое эстетическое многообразие. Многонациональная советская поэзия заключает в себе подлинное идейно-художественное богатство, которое приумножается за счет взаимообогащения и постоянного творческого обновления.

Ал. МИХАЙЛОВ

СОВЕТСКАЯ ПОЭЗИЯ

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

...Слушайте,
товарищи потомки,
агитатора,
горлана-главаря.
Заглуша
поэзии потоки,
я шагну
через лирические томики,
как живой
с живыми говоря.
Я к вам приду
в коммунистическое далекó
не так,
как песенно-есененный провитязь.
Мой стих дойдет
через хребты веков
и через головы
поэтов и правительств.
Мой стих дойдет,
но он дойдет не так,—
не как стрела
в амурно-лировой охоте,
не как доходит
к нумизмату стершийся пятак
и не как свет умерших звезд доходит.

Мой стих
трудом
громаду лет прорвет
и явится
весомо,
грубо,
зримо,
как в наши дни
вошел водопровод,
сработанный
еще рабами Рима.
В курганах книг,
похоронивших стих,
железки строк случайно обнаруживая,
вы
с уважением
ощупывайте их,
как старое,
но грозное оружие.
Я
ухо
словом
не привык ласкать;
ушку девическому
в завиточках волоска
с полупохабщины
не разалеться тронуту.
Парадом развернув
моих страниц войска,
я прохожу
по строчечному фронту.
Стихи стоят
свинцово-тяжело,
готовые и к смерти,
и к бессмертной славе.

Поэмы замерли,
к жерлу прижав жерло
нацеленных
зияющих заглавий.
Оружия
любимейшего
род,
готовая
рвануться в гике,
застыла
кавалерия острот,
поднявши рифм
отточенные пики.
И все
поверх зубов вооруженные войска,
что двадцать лет в победах
пролетали,
до самого
последнего листка
я отдаю тебе,
планеты пролетарий.
Рабочего
громады класса враг —
он враг и мой,
отъявленный и давний.
Велели нам
идти
под красный флаг
года труда
и дни недоеданий.
Мы открывали
Маркса
каждый том,
как в доме
собственном
мы открываем ставни,

но и без чтения
мы разбирались в том,
в каком идти,
в каком сражаться стане.
Мы
диалектику
учили не по Гегелю.
Бряцанием боев
она врывалась в стих,
когда
под пулями
от нас буржуи бегали,
как мы
когда-то
бегали от них.
Пускай
за гениями
безутешною вдовой
плетется слава
в похоронном марше —
умри, мой стих,
умри, как рядовой,
как безымянные
на штурмах мерли наши!
Мне наплевать
на бронзы многопудье,
мне наплевать
на мраморную слизь.
Сочтемся славою —
ведь мы свои же люди,—
пускай нам
общим памятником будет
построенный
в боях
социализм.

Потомки,
словарей проверьте поплавки:
из Леты
выплывут
остатки слов таких,
как «проституция»,
«туберкулез»,
«блокада».
Для вас,
которые
здоровы и ловки,
поэт
вылизывал
чахоткины плевки
шершавым языком плаката.
С хвостом годов
я становлюсь подобием
чудовищ
ископаемо-хвостатых.
Товарищ жизнь,
давай быстрей протопаем,
протопаем
по пятилетке
дней остаток.
Мне
и рубля
не накопили строчки,
краснодеревщики
не слали мебель на́ дом.
И кроме
свежевымытой сорочки,
скажу по совести,
мне ничего не надо.
Явившись
в Це Ка Ка
идущих
светлых лет,

над бандой
поэтических
рвачей и выжиг
я подыму,
как большевистский партбилет,
все сто томов
моих
партийных книжек.

(Из поэмы «Во весь голос»)

ДЖАМБУЛ ДЖАБАЕВ

(1846—1945)

С казахского

ДУХИ

Зря, парикмахер, ты льешь духи
Джамбулу за воротник:
В стареньком кресле твоем сидит
Не юноша, а старик.

Я черным когда-то и стройным был —
Согбенным стал и седым,
И нету в живых никого из тех,
Кто знал меня молодым.

Железо — как ты его ни точи —
Станет ли клинком?
И кляча — как ты ее ни холь —
Станет ли скакуном?

Так из Джамбула, что тут сидит,
Строки шепча стихов,
Может ли выйти лихой джигит,
Сколько ни трать духов?

Как в старых колодах бубновый король,
Я дряхлым по виду стал,
И буду таким же, какой бы огонь
В сердце моем ни пылал.

1935

БЕКМУРЗА ПАЧЕВ

(1854—1936)

С кабардинского

ЛЕНИНА СИЛА — МОРЮ ПОДОБНА

Врагам на страх бушевала
Морю подобная сила
И, вал вздымая за валом,
Полчища вражьи топила —
Морю подобная сила,
Правды ленинской сила!

О Ленин!
О солнце наше!
Кто с Лениным, тот бесстрашен!..

С учителем в дни грозовые
Друзья его боевые
Людей на борьбу скликали.
Горячих коней седлали,
Отвагой своей богаты,
Мужественны, как нарты,
За правое бились дело,
Шашкой владели умело,
Силой светлой владели,
Смерти в очи глядели...

Ленин во имя свободы
Объединил народы.
Ленина слово для горца
Было лучами солнца...

Мужи Кабарды восстали,
Своих скакунов взнуздали...
С русским могучим братом
Встал украинец рядом;
Мечи отточив, грузины
Идут на войну с князьями;
Армяне и осетины
Встают под красное знамя...

На западе и на востоке,
От северных рек до юга
Берут бедняки винтовки,
В борьбе помогая друг другу...

Врагам на страх бушевала
Морю подобная сила
И, вал вздымая за валом,
Престол царя сокрушила —
Нашего Ленина сила,—
Морю подобная сила!..
Мы знали голод и горе...
Но кружкой не вычерпать моря!
Кто ленинцев одолеет?
Сплотившихся —
кто поборет?
Силы великой море,
Правды великой море
Вовеки не обмелеет!

1920

ЦУГ ТЕУЧЕЖ

(1855—1940)

С адыгейского

СЛОВО К ПАРНЯМ, ИДУЩИМ В КРАСНУЮ АРМИЮ

Адыгейские парни! Настал ваш черед,—
На военную службу отчизна зовет.
Вас растила она, обучила всему,—
Послужите народу теперь своему.
Честь и слава отважным и храбрым бойцам!
Будьте зорки и смелы, подобно орлам,
Крылья мужества вы распахните свои,
Бейте лютых врагов, коль начнутся бои,
И держитесь за землю родную отцов,
Как упрямые корни могучих дубов,—
И в аулах народа всего похвала
Будет лучшей наградой за ваши дела.

Если выступит красное войско в поход —
Адыгейские парни, смелее вперед!
Насмерть бейте врагов! Уцелеть не должны
Те, что подняли меч против нашей страны.
Не давайте врагу ни минуты вздохнуть,
Пусть могилы его отмечают ваш путь.
А когда, победив, возвратитесь вы к нам —
Будет вечная слава героям-орлам!

1939

ТОГОЛОК МОЛДО

(1860—1942)

С киргизского

АЛА-ТОО

(Отрывок из поэмы)

Перевал пройдешь напрямик —
И к истокам неба приник.
Отодвинешь камень рукой,
А под камнем — вот он! — родник.
Жизнью трепетно дорожа,
От тебя метнется кульджа.
Пестрокрылый беркут парит
Над ущельем, плавно кружа.
В восхищении оглянись,
Пик Хан-Тенгри взметнулся ввысь.
Без боязни невдалеке
Щиплет травку стадо теке —
И пугливых и быстрых коз.
Кто их тронет! Спокойно им...
Горный луг люцерной порос,
Типчаком, как сон, золотым.
Утром тает тумана пар
И в ущелье плачет улар,
А ручей смеется в ответ.
Ледяная эта вода
Несговорчива, молода
И от горного неба в дар
Получила лазурный цвет.

На озерах клики гусей,
Свист утиных крыльев косых.
И лисица, меди красней,
Притаившись смотрит на них.
Волки рыщут среди камней,
Им охота к молодняку
По-разбойничьи подползти,
Но с охотником не шути,
Он с ружьем всегда начеку.
Привязав лису в торока,
Едешь ты, бывало, домой.
По дороге встретишь дружка,
Тот похвалит мех дорогой,
А охотник: «Подарок мой
Отвези жене, дорогой!»

*

Скотоводу ранней весной
Много хлопотных дел всегда.
В эти месяцы прибывать
На джайлоо будут стада.
Дует резкий ветер весны,
И овец своих чабаны
В котловину загнать спешат,
Чтоб в затишье прошел окот.
Там верблюдицы, дав приплод,
И капризно и зло кричат,
Отелясь, корова мычит,
Блеют овцы... Такой галдеж
У подножия гор стоит,
Что оглохнешь...
Даже сперва,
С непривычки уши заткнешь —
Это жизнь вступает в права!
Все свежее, ярче трава,
Роднички все звонче поют,
И тюльпаны жарко цветут,
Сочной краской радуя взгляд.
Я сравнение вдруг нашел:
Будто горы покрыл манат
Иль башаи — цветистый шелк.
До чего весной хорошо!
Так невинна еще листва,
И подснежники так робки,

А раскроются их глазки —
В них бездонная синева.
Голос жаворонка, высок,
Над землей парит, невесом.
Соловей засвищет в свой срок,
И забудешь ты обо всем.
Кукованье на все лады,
Торжествующий шум воды —
И она в весенней гульбе.
Пробужденного ветра взмах...
День пробудешь у нас в горах,
Станет весело жить тебе!
В Ала-Тоо, скажу тебе,
Любят люди нелегкий труд.
Благодарны они судьбе,—
Изобилье находят тут.

1930

ИОАННЕС ИОАННИСИАН

(1864—1929)

С армянского

СУДЬБА-КУЗНЕЦ

Грохот и гул, скрежет и звон,
Искры ярче дня,
Алый столб огня,
Земля в крови, в крови небосклон:
Кузница — мир, а Судьба — кузнец.
Спокойный, могучий, огромный слепец,-
С упорством смерти, на мерный лад,
Молотом бьет Судьба-кузнец.
Из вулканного горна пламенный ад
Вылетает без устали, ночью и днем,
Раскаляя железо грозным огнем.
И за разом раз,
Всякий день и час
Равнодушным молотом бьет слепой,
Ломает жизни, жизни творит,
И в ответ наковальня веков звенит
В недрах кузницы огневой.

Умирают народы — и вот опять
Восстают из смерти в урочный час,
А ковач Судьба, великан без глаз,
В неуклонной руке зажав рукоять,
Молотом бьет,
Жизни кует.
Кровь окрасила землю и твердь в багрец
Горе ничтожным, гибель, конец!
С упорством смерти за разом раз
Опускает молот Судьба-кузнец.

1917

ОСКОЛКИ

*

За стаей стая журавли
Взметнулись в просинь, улетели.
Мечты мои, зачем ушли?
Куда под осень улетели?

*

Дождь. Туман. Листопад.
Голые мокрые лозы.
Падают, мягко скользят
В сердце незримые слезы.

*

Смутно, смятенно гляжу на тебя,
Мой дорогой Алагяз.
К белым твоим перевалам, скорбя,
Птица-душа унеслась.

1922

ПАМЯТИ А. СПЕНДИАРОВА

К нам с понтийских дальних берегов
Он пришел, одной мечтой сгорая:
Песен почерпнуть из родников
Незнакомого родного края.

И душою скоро мы срослись
С тем, кто был чужим для нас недавно
Полюбил он древний наш Масис,
Переливы тихие Раздана.

Разгорелся в сердце новый пыл,
Зарождались новые звучанья,
Он с волненьем неотрывно пил
Обретенной родины дыханье.

Струны ли ашуг перебирал
Иль шумела пляска круговая,—
Звуки те певец в себя вбирал,
Новый мир мелодий открывая.

Гостю ясно улыбалась даль,
Но нашли непрошеные тучи,
В тихий час вечерний навсегда
Смолкло сердце, полное созвучий.

1928

ТОКТОГУЛ

(1864—1933)

С киргизского

ПЕСНЯ О ЛЕНИНЕ

Нес во тьме киргизский народ
Цепи горя, нужды, невзгод.
Так тянулось из века в век.
Но пришел семнадцатый год.
Николай с престола слетел,
Ленин новый путь осветил,
Бедняков позвал за собой,
Он повел их за счастье в бой.
О мои простые слова,
Будьте ярче ночных светил!

Бай-манапам пришел конец,
Грязным лапам пришел конец,
Всем, кто мой народ угнетал,
Всем сатрапам пришел конец.

Лизоблюды, лакеи царя
Сами прочь подальше ушли,
Убежали с нашей земли...
И взошла свободы заря.
Будет вечно она сиять,
Лучезарна, горда, светла!
Будь прославлена, щедрая мать,
Та, что Ленина родила!

Встала партия большевиков,
Чтобы новый построить мир.
И настала власть бедняков,
Тех, кто прежде был наг и сир,
Тех, кто прежде много веков
Слезы лил в железах оков.
Победил вековое зло
Ленин с партией большевиков.
Друг-бедняк, ты в несчастье жил
У дракона ты в пасти жил.
Ленин спас, горемычных, нас,
От дракона освободил.
Друг-бедняк, ты багровый стяг
Над родной землей водрузил!

Было время — ты был рабом,
Бай-манап тебя обирал,
Был угрюм твой дырявый дом,
Ты от голода умирал.
Ты видал ли, хотя б во сне,
Наш свободный багряный флаг?
Ты теперь, бедняк, на коне —
К счастью рвется твой аргамак!

В царской ссылке я долго жил,
Вспоминал мой родной аил,
О далекой родине пел,
Пел, хоть вовсе не было сил.
Сколько горя было у нас,
Сколько горя я перепес!
Ленин в добрый явился час,
Он от горя народы спас,
Осушил он потоки слез.

Ленин в юности клятву дал
Жизнь свою посвятить борьбе.
Ты, несчастный бедняк, страдал,
Кости жалкие ты глодал,
Бай-манап тебя объедал,
Ленин жизнь посвятил тебе.

Я — киргизских гор соловей,
И пока на свете живу,
Расскажу отчизне моей
Все, что вижу я наяву.
Пусть язык мой тебя поет,
Мой родной киргизский народ.

Песню новую я родил,
Чтоб обрадовать вас, друзья.
Беркут коршуна победил —
Вот об этом песня моя.
Всех нас Ленин освободил,
Он возжег над миром зарю,
Он пути врагу преградил —
Я спасибо ему говорю.
Сколько горя я испытал,
Сколько выплакал горьких слез...
Мой народ, ты счастливым стал —
Ленин счастье тебе принес.

В царской каторге я страдал.
Сколько лет я свободы ждал!
А теперь у бога прошу,
Чтобы жизни побольше дал.
Молодым меня увели
В глубь холодной дальней земли.
Керимбаю-врагу бедняки
Отомстили, не подвели...

Как пришла хорошая жизнь —
Распрямился бедняк-киргиз.
И моя взыграла душа,
Потому что жизнь хороша!
Пусть подольше Ленин живет,
Пусть народы вперед зовет!

Нашу землю скрывала мгла,
Стая коршунов кровь пила...
Улетели злые враги,
Революция их смела.

Мой народ был темен и мал.
Посмотрите — другим он стал,
И с народами всей страны,
Посмотрите, он рядом встал.
Это наша Советская власть
Смотрит мудро и далеко.
Ах, какая жизнь началась!
Будет славить ее Токо.

Мой белоколпачный народ,
Оделил ты вдов и сирот,
Получил ты богатства гор,
Устремляешь свой взор вперед.
Это Ленин, его рука
В новый мир ведет бедняка,
Это он наделил землей
Тех, кто жил без земли века.
Ни измерить, ни сосчитать —
Неоглядны его дела...
Будь прославлена, щедрая мать,
Та, что Ленина родила!

1919

ПЕСНЯ ПРОТИВ БАСМАЧЕЙ

Вы, басмачи, скрываетесь в горах,
Считаете себя богатырями,
Приносите страдание и страх,
Но срок придет, мы разочтемся с вами.
Слетаетесь бесшумно по ночам,
Как ненавидящие солнце птицы,
Крадетесь в юрты к баям-богачам,
Чтоб до утра наесться и напиться,
Чтоб отдохнуть и на коней вскочить.
Я изучил повадку вашу лисью —
Подкрасться, налететь и разорить
Аил, живущий трудовою жизнью.

Хватаете и девушек и скот
И старикам несете оскорбленье.
Но берегитесь — наступает срок:
Кончается народное терпенье.
На помощь нам идут большевики,
Вам не поможет никакая хитрость,
Вас не спасут ни горы, ни пески,
И, как туман, растает ваша лихость.

Но среди вас обманутые есть,
Они подобны овцам и баранам,
Они давно бы с нами были здесь:
Вы держите их силой и обманом.
В пустых горах несладкое житье,
В горах нужна звериная сноровка.

Живете, словно жалкое зверье,
И на двоих у вас одна винтовка.
А наши славно вооружены,
У них резвы, как горный ветер, кони,
В огне войны бойцы закалены.
Вам никуда не скрыться от погони.
Вы будете сдаваться, и дрожать,
И руки поднимать без разговора,
И вам тогда уже не избежать
Заслуженного подлостью позора.

И мы увидим, кто из вас джигит,
Когда над вами грянет суд народа.
Ликуют люди, жизнь кругом кипит,
Всем дорога желанная свобода.

Зачем вы жалко прячетесь в горах,
От голода страдая, от ненастья,
В душе переживая боль и страх,
Не ведая ни радости, ни счастья?
Народной кары вам не избежать,
Где б ни скрывались вы, как змеи, подло.
Не смейте наше счастье нарушать,
Одумайтесь, пока еще не поздно!

1924

Я ОБРЕЛ СЧАСТЬЕ

Раньше пел я, как соловей,
Задыхаясь в клетке своей,
А теперь пою неустанно
На зеленой ветке своей.

Над землею взошла заря
Справедливого Октября,
И вздохнула широкой грудью
Дорогая моя земля.

Ты свободен, родной народ,
Ты с надеждой глядишь вперед,
В честь тебя эту звонкую песню
Токтогул сегодня поет.

1927

АКОП АКОПЯН

(1866—1937)

С армянского

В. И. ЛЕНИН

Перед его портретом я стою.
Я всматриваюсь, глаз не отводя,
В черты лица его — и узнаю
Приметы гения, борца, вождя.

Лоб выпуклый — высокая скала,
Недосягаемое поле битв,
Взор пламенный — разящая стрела —
Врагам свободы гибелью грозит.

На старый мир с усмешкой смотрит он,
И говорит его спокойный взор:
«Не встать тебе с земли, ты обречен,
Уже прочтен твой смертный приговор».

1919

ЗАВЕЩАНИЕ

Пусть будет мой надгробный камень
С рабочей наковальней схожим.
Пусть надпись краткими словами
Гласит: «Здесь Акопян положен».
Пусть рядом с молотом на камне
Лежит перо — в немой с ним паре,
Ведь я впервые в буре давней
Пером, как молотом, ударил.
Жизнь — наковальня. Для поэта
Перо — в борьбе могучий молот.
Так пусть же украшенье это
Согреет мой могильный холод.

1920

СВЕРЧОК

Поет — сверчок
в дупле глухом.
Спадает зной
в саду ночном.
Цветок с цветком,
трава с травой
Беседуют
между собой
Под голосок
сверчка ночной.

1920

МОЯ ЛЮБОВЬ

(Завод)

Его очей люблю я жар,
И грудь, закутанную в пар,
И песнь, которой нет звончей,
И мудрый смысл его речей.
Люблю его бесценный пот,
Когда он плавит и кует.
Я славный труд его пою,
Я песню в честь него кую.
Моя любовь — не жар юнца,

Когда неопытны сердца.
Моя любовь — ей нет конца,
В ней мысль и опыт мудреца.
Люблю завода звон и шум
И глубину заветных дум.
Найдется ли среди людей,
Кто б полюбил его сильней?

1922

Г Я Н Д Ж А

Ты ослепла, страна родная,
В темноте многовековой;
Тьму от света не отличая,
Ты жила, объята дремой.

Ты проснулась с новой судьбою,
Ты прозрела, свет моих глаз!
И глядит на тебя с любовью
Прародитель древний — Кавказ.

Хлеб твой свеж, виноград твой сладок
Темный бархат — твои сады.
Ты горишь в моих песнях крылатых
Ярче самой яркой звезды.

Ты пленила бурные воды,
Гидростанций огни зажгла,
Ты навек союзу народов
Руку крепкую подала.

Вековые твои платаны
Посадил у холма Аббас.
Словно песня меж их листами,
Свежий ветер шумит для нас:

«Чуда нет, что древней порою
Шах платаны эти сажал,—
Чудо в том, чтоб новое строить
На земле этой древней Гянджа».

1925

МОЕ ПЕРО

Вперед, перо, не знающее страха,—
Оружие, готовое к боям!
А ну, давай покажем молодежи,
Что мы с тобой не постарели тоже,
Будь молодым, перо, как Гете сам!

Пусть говорят, что твой поэт дряхлеет,
Что болен он, что он давно устал,
Что нет у старика ни сил, ни страсти,
Что не имеет он над рифмой власти,—
Вперед, перо, разящий мой металл!

Вперед, вперед! Гляди, идет к нам муза,
И кровь ее быстра — тигрицы кровь.
И вдохновение мое пылает горном.
В цель не попасть вовек наветам вздорным:
На поле битвы мы с тобою вновь!

1927

* * *

Весенний полевой цветок,
Как встарь, ласкает душу мне.
Я осень от себя гоню,
Я шлю приветствия весне.
Гром, ветер, молния, гроза,
Как прежде, входят в душу мне.
Я счастлив. Молодость со мной,
Я сердцем обращен к весне.
В колхозах много крепких рук
И мыслей о грядущем дне,
Я жду великих перемен,
Я ожидаю их к весне.

1931

ЛИРИКА СТАРОСТИ

Я помню далекие дни, весенний мой возраст счастливый,
Когда молодая листва шумела и пела кругом,
Когда бушевали в садах соцветья душистые сливы
И под ноги стлалась земля пушистым зеленым ковром.

Я помню, как по вечерам окраины сонной молчанье
Крикливой своей болтовней тревожил влюбленный удод,
Как, вспенясь от полой воды, с каким-то свирепым урчаньем
Гянджинка гнала, ошалев, разбухшие бревна вперед.

Я помню, на розы взглянуть прохожих сады приглашали,
Над городом медленно плыл дурманящий их аромат.
Уже осыпался миндаль, в цвету абрикосы стояли,
И нежные их лепестки пронзал золотистый закат.

Промчались года. И опять зеленый апрель надо мною
Шуршит молодою листвой, прохладой в лицо мне дыша.
Состарило время меня. И все-таки каждой весною
Со всею землей заодно опять расцветает душа.

1933

МНЕ ГОВОРЯТ...

Мне говорят: «Ты долго жил,
Ты отдых честно заслужил.
Твое горячее перо
Воспело правду и добро.

Ты очень стар,— мне говорят,—
Пусть будет светел твой закат.
Пусть будет бури лишена
Его большая тишина».

Я спрашиваю: «А волну
Вы закуете в тишину?
А Волга, слыша вашу речь,
Сумеет по-иному течь?»

Нет, отдыхать я не могу,—
У родины еще в долгу.
И только смерть, никто другой,
Меня отправит на покой.

8 июня 1935 г.

СУЛЕЙМАН СТАЛЬСКИЙ

(1869—1937)

С лезгинского

ЖДИ, СУЛЕЙМАН, БОЛЬШЕВИКОВ!

Э, будь неладен ты, Кавказ!
Всеобщей ты казною стал,
И всякий негодяй сейчас
Легко владеть тобою стал.

У проходимцев мы — рабы.
Ужасней не было судьбы!
Мошенникам для молотьбы
Ты ригою большою стал.

Для всех теперь свободен вход
В наш Дагестан, в наш огород,
Наш край и к тем и к этим льнет,
Он девкой площадною стал!

Ум у родной Кюры потух:
Ей мнится курицей петух!
Мой край! Захватывает дух:
Над бездной ты глухою встал!

Завыли волки, погляди,
И позади и впереди!
Идет Деникин. Боль в груди!
Он истинной бедою стал!

Не различить, где хрен, где лук.
Колчак откуда взялся вдруг?
Топтать многозеленый луг
Он со своей ордою стал.

А вот идет еще один.
То — Бичерахов, сукин сын!
Пусть у него блестящий чин,—
Наемным он слугою стал!

Кто ни пришел бы — нам позор!
Нас пеленает в своей ковер,
Захватывает землю вор,
Нам край родной тюрьмою стал.

Просвета нет. На Дагестан
Турецкий двинулся султан.
Опять — невольничий аркан,
И день кромешной тьмою стал.

Жди, Сулейман, большевиков!
Прогоним всяких колчаков,
Чтоб край родной не знал оков,
Свободною страною стал!

1919

ТЫ КОММУНИСТОМ БУДЬ!

Ты коммунистом будь! Иди
Дорогою прямой, товарищ!
Будь самых первых впереди,
Будь правдою самой, товарищ!

Учись и знанья не таи,
Не спи, работай и твори,
Да недреманными твои
Глаза пребудут, мой товарищ!

Как солнца свет растит зерно,
Растить людей тебе дано.
А если завелось пятно,—
Пятно порока смой, товарищ!

Гончар — он в глине чудодей.
Кузнец — он знает суть гвоздей.
Не будь невеждой: для людей
Стань светом, а не тьмой, товарищ!

Кто горше хины, а язык
В мед окунул, на всех привык
Свой зуб точить — не большевик.
Не я — ему другой товарищ!

У Сулеймана-старика
Крылата каждая строка.
Тебе протянута рука,—
Дай руку, дорогой товарищ!

1934

ОВАНЕС ТУМАНЯН

(1869—1923)

С армянского

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

* * *

Свободен день, вольна любовь, и всем добром владеет он.
Но мучает и страждет он, и сам несчастьем поражен.
Так сделай, злобный человек, чтоб все живые жить могли,
И сам живи, вкушая мир обильной, благостной земли.

Ноябрь 1919 г.

* * *

Хотел быть с тобою и с жизнью связанным вместе.
Хотел бы я в поле быть и с высью нетленною вместе.
Кто даст мне блаженство утратить себя без возврата
И слиться навеки со всею вселенною вместе?

12 мая 1920 г.

* * *

Лунный луч — твоя улыбка — на лице моем скользит
В час, когда я, насмерть ранен, вижу смерти лик вблизи.
Так под солнца животворным, благодетельным лучом
Дуб стоит, грозой сраженный, высыхая с каждым днем.

1920

* * *

Дыхание бога вдыхаю: он дышит во всем.
Призыв его слышу и голос: он слышен во всем.
И я возвышаюсь, внимая, и ловит мой дух
Мелодию мира и шепот,— он слышен во всем.

14 февраля 1921 г.

* * *

Глянь! С Запада рабы машин и золота бегут кровавой,
Ревущей в ужасе толпой, истерзанной, тысячеглавой,
Из мертвых ледяных пустынь своей безвыходной тоски
Сюда, на мой родной Восток, божественный и величавый.

1 мая 1921 г.

* * *

Плывут века, жизнь коротка, что будет позже — все равно!
Я был, и есть, и буду я, но это тоже — все равно!
Переменю я сотни форм, всё преходяще на земле,
Я со вселенной слит душой, пусть я прохожий — всё равно!

3 мая 1921 г.

* * *

В стране армян, как великан, стоит Масис могучий;
С владыкой сил мой дух вступил в беседу там, на круче.
С тех дней, когда меж «нет» и «да» была темна граница,
Из века в век, чей вечен бег, беседа эта длится.

21 мая 1921 г.

* * *

Родник течет и протечет,
Помедлит жаждущий, пройдет.
Блаженных, неземных ключей
Поэт возжаждет — и пройдет.

9 июня 1922 г.

* * *

Немало развалин былого в сердце моем,
Мрачнеет прошедшее благо в сердце моем,
Не в силах я вспомнить в печальный, сумрачный час,
Гостило ль отрадное время в сердце моем...

12 июля 1922 г.

* * *

Да, это всё... что ж, друг, подымем чару!
Уйдет и это вдруг, подымем чару!
Жизнь, как струя, звеня, прольется в мире,
Спеши, нам недосуг, подымем чару!

24 августа 1922 г.

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ
(1873—1924)

* * *

Я вырастал в глухое время,
Когда весь мир был глух и тих.
И людям жить казалось в бремя,
А слуху был ненужен стих.

Но смутно слышалось мне в безднах
Невнятный гул, далекий гром,
И топоты копыт железных,
И льдов тысячелетних взлом.

И я гадал: мне суждено ли
Увидеть новую лазурь,
Дохнуть однажды ветром воли
И грохотом весенних бурь.

Шли дни, ряды десятилетий.
Я наблюдал, как падал плен.
И вот предстали в рдяном свете,
Горя, Цусима и Мукден.

Год Пятый прошумел, далекой
Свободе открывая даль.
И после гроз войны жестокой
Был Октябрем сменен февраль.

Мне видеть не дано, быть может,
Конец, чуть блещущий вдали.
Но счастлив я, что был мной прожит
Торжественнейший день земли.

Март 1920 г.

РОССИИ

В стозарном зареве пожара,
Под ярый вопль вражды всемирной,
В дыму неукрощенных бурь,—
Твой облик реет властной чарой:
Венец рубинный и сапфирный
Превыше туч пронзил лазурь!

Россия! в злые дни Батыя
Кто, кто монгольскому потопу
Возвел плотину, как не ты?
Чья, в напряженной воле, выя,
За плату рабств, спасла Европу
От Чингис-хановой пяты?

Но из глухих глубин позора,
Из тьмы бессменных унижений,
Вдруг, ярким выкриком костра,—
Не ты ль, с палящей сталью взора,
Взнеслась к державности велений
В дни революции Петра?

И вновь, в час мировой расплаты,
Дыша сквозь пушечные дула,
Огня твоя хлебнула грудь,—
Всех впереди, страна-вожатый,
Над мраком факел ты взметнула,
Народам озаряя путь.

Что ж нам пред этой страшной силой?
Где ты, кто смеет прекословить?
Где ты, кто может ведать страх?
Нам — лишь вершить, что ты решила,
Нам — быть с тобой, нам — славословить
Твое величие в веках!

1920

К РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Ломая кольцо блокады,
Бросая обломки ввысь,
Все вперед, за грань, за преграды
Алым всадником — мчись!

Сквозь жалобы, вопли и ропот
Трубным призывом встает
Твой торжествующий топот,
Над простертым миром полет.

Ты дробишь тяжелым копытом
Обветшалые стены веков,
И жуток по треснувшим плитам
Стук беспощадных подков.

Отважный! Яростно прянув,
Ты взвил потревоженный прах.
Оседает гряда туманов,
Кругозор в заревых янтарях.

И все, и пророк и незоркий,
Глаза обратив на восток,—
В Берлине, в Париже, в Нью-Йорке,—
Видят твой огненный скок.

Там взыграв, там кляня свой жребий,
Встречает в смятеньи земля
На рассветном пылающем небе
Красный призрак Кремля.

4 декабря 1920 г.

РОМАНТИКАМ

Вам, удаленным и чуждым, но близким и милым.
Вам эти строфы, любимцы отринутых дней!
В зеркало месяц виденья бросает Людмилам,
С бледным туманом слита вереница теней;

С тихой и нежной мечтой о принцессах лилейных,
Рыцари едут в лесу за цветком голубым;
Жены султанов глядятся в кристальных бассейнах
В знойных гаремах, окутанных в сладостный дым.

Светлы картины, и чары не страшны, пропитан
Воздух великой тоской по нездешней стране!
В юности кем этот трепет тоски не испытан,
Кто с Лоэнгрином не плыл на волшебном челне?

Трезвая правда сожгла ваши чистые дали,
С горных высот мы сошли до глубоких низин;
С грохотом города стены холодные встали,
С дымом фабричным задвигались поршни машин.

Вышли другие, могучие силой хотений,
Вышли, чтоб рушить и строить на твердой земле,—
Но в их упорстве был отзвук и ваших стремлений,
В свете грядущего — луч, вас манивший во мгле!

Вам, кто в святом беспокойстве восторженно жили,
Гибли трагически, смели и петь и любить,
Песнь возлагаю на вашей бессмертной могиле:
Счастлив, кто страстных надежд здесь не мог утолить!

1920

РОДНОЕ

Березка любая в губернии
Горько сгорблена грузом веков,
Но не тех, что, в Беарне ли, в Берне ли,
Гнули спину иных мужиков.

Русский говор — всеянный, вгре́бленный
В память — ропщет, не липы ль в бреду?
Что́ нам звоны латыни серебряной:
Плавим в золото нашу руду!

Путь широк по векам! Ничего ему,
Если всем — к тем же вехам, на пир;
Где-то в Пушкинской глуби по-своему
Отражен, склон звездистый, Шекспир.

А кошмар, всё, что мыкали, путь держа
С тьмы Батыя до первой зари,
Бьет буруном, в мечтах (не до удержа!):
Мономахи, монахи, цари!

Пусть не кровью здоровой из вен Земля:
То над ней алый стяг — трезвый Труд!..
Но с пристрастий извечного вензеля
Зовы воль в день один не сотрут!

Давних далей сбываньем тревожимы,
Все ж мы ждем у былых берегов,
В красоте наших нив над Поволжьями,
Нежных весен и синих снегов!

8 марта 1923 г.

ЛЕНИН

Кто был он? — Вождь, земной Вожатый
Народных воль, кем изменен
Путь человечества, кем сжаты
В один поток волны времен.

Октябрь лег в жизни новой эрой,
Властней века разгородил,
Чем все эпохи, чем все меры,
Чем Ренессанс и дни Аттил.

Мир прежний сякнет, слаб и тленен;
Мир новый — общий океан —
Растет из бурь октябрьских: *Ленин*
На рубеже, как великан.

Земля! зеленая планета!
Ничтожный шар в семье планет!
Твое величье — имя это,
Меж слав твоих — прекрасней нет!

Он умер; был одно мгновенье
В веках; но дел его объем
Превысил жизнь, и откровенья
Его — мирам мы понесем!

25 января 1924 г.

ДМИТРИЙ ГУЛИА

(1874—1960)

С абхазского

МОЯ РОДИНА

Милая родина, что ты
Смотришь с печалью такой —
Иль потеряла кого-то,
Кто был любимым тобой?

Или о тех, кто оставил
Гнезда свои, ты грустишь?
За морем след их растаял...
Ты не туда ли глядишь?

Или о том загрустила,
Что прозябаешь во тьме?
Что тебе, свет мой, не мило?..
Можешь довериться мне.

1920

МИР

Что может быть прекрасней в мире,
Чем без тревоги — в мире жить,
Растить семью в своей квартире
И грамоте детей учить,

Из них готовя нашу смену,
Которая отчизну-мать
В труде прославит непременно,
А надо — будет защищать!

1945

НА МОРЕ

Дорожка серебряная легла
На темно-зеленое море,
Но волны ее в осколки стекла
Превратили в яростном споре.

Но все же она опять ожила,
Легла от края до края
И море надвое рассекла,
Живым серебром играя.

Светящийся, зыбкий и гибкий путь
Лежит над равниной плоской;
Взволнованная морская грудь
Украшена узкой полоской.

Волна поднимается в полный рост
И рьяно о берег бьется,
Но этот непрочный и шаткий мост
Разбить ей не удается.

1947

НАС СЛЫШИТ ЦЕЛЫЙ МИР

Лишь только заблестит рассвета первый луч,
Я слышу голос. Говорит столица.
Родимый голос тот, и ласков и могуч,
Сквозь мглу пространств сюда, ко мне, стремится.

Тот голос мне советы подает,
Вперед и ввысь идти мне помогая.
Столицу вижу я. Она встает
Перед глазами ясно, как живая.

Людей мильоны, где бы ни были они,
Услышат голос тот, знакомый и родимый,—
Повсюду зреет мощь, куда ты ни взгляни,
Везде велик в борьбе народ непобедимый.

В горах, в песках, на берегах морских,
На кромке вечных льдов, в полях, где зреет колос,
Где только люди есть,— звучит везде для них
Москвы родной и мужественный голос.

Нас слышит целый мир! Мир понимает нас!
Простые люди нам везде всем сердцем внемлют —
Все, кто у горнов трудится сейчас,
И пахарь, обрабатывая землю.

А в час, когда земля в ночной тиши лежит
И сонмы звезд горят над морем и над сушей,
Ты думаешь, что спит Москва? Не спит!
Со всей землею говорит! Послушай!

1949

НА МОРСКОМ БЕРЕГУ

Я над утренним морем стою
И под шум его думаю думу свою:
Вот каким должен быть
Человек настоящий —
Необъятный душой, как оно,
Полный силы живой, как оно,
Как простор этот, вечно шумящий,
Мчащий бурные волны в разгоне безбрежном
Должен быть он и ласково-нежным,
Словно море летней зарей.

И таким после жизни своей
Будет в памяти жить он людской.

1956

Я У МОРЯ ЖИВУ

Я у моря живу. Открыт предо мной
Необъятный простор голубой.
И когда я спускаюсь к нему, то сперва
Камни крепкие под ногой.
Дальше — галька и мягкий песок...
Я на волны гляжу — белеют они,
Я на горы гляжу — синеют они.
Небосвод несказанно высок,
И сверкают звезды на нем
Золотисто-янтарным огнем.
Поучиться премудрости жизни у моря
Я сегодня хочу, чтоб корабль свой вести,
С ветром встречным и волнами споря.

Нет, не отдыха я ищу
В задушевной беседе с пучиной кипящей!
Чувства новые в ней почерпнуть я хочу.
Жить — как море в труде и борьбе настоящей:
Неустанно ворочая глыбы камней
И немолчно шумя всею ширью своей.

1959

АВЕТИК ИСААКЯН

(1875—1957)

С армянского

К РОДИНЕ

Из наших древних дымоходов
Клубится добрый дым,
Перед тобою — путь свободы,
Твой дух непобедим.

Летишь, как быстрый конь крылатый,
К созвездьям новых дней,
Храня и мужество и веру
Былых суровых дней.

Преградам и угрозам вражьим
Не удержать тебя.
И песню новую о мире
Поешь ты, жизнь любя.

Земля отцов, ты стала новой.
О мой народ, мой хлеб.
Отчизна— солнечная птица,
Твой дух в борьбе окреп.

Ереван, 1926

* * *

— Что плачешь ты, бесценный друг? —
У друга я спросил.—
Коль ты рыдаешь обо мне,—
Уже утешен я.

Коль о себе — устроим пир,
Исчезнет скорбь твоя.
О человеке плачешь ты?
О страждущей земле?
Так сядем вместе слезы лить
О вечном горе всех.

1928

РОДИНЕ

На берегу волнующихся нив
Один стою, в раздумии застыв.
Ты ль это, гордая моя страна,
Была затоплена потоком орд,
И ливням стрел несметных предана,
И тысячами копий пронзена?
На каменном пути народных рек
Лежала ты, томясь за веком век,
Растоптана копытами коней.
И с ликованьем чуждые орлы
Точили клювы о твои скалы,
Чтобы терзать тебя!
И много дней
И лет без счета протекло,— и вот
Теперь мой край ликует и цветет.
И мирно вновь над домом вьется дым,
Где сладко мать баюкала меня,
Сознанье пробуждая, полоня
Мой дух могучим языком родным.
Пусть без конца плуги твоих сынов
Твой будут древний чернозем пахать,
И пусть гусаны будут воспевать
Твою любовь, твой цвет, страна отцов!
Победно будешь ты звучать, звучать
В чудесных песнях,— древен и велик,-
Сердечный, вечно юный мой язык!

Ленинакан, 1929

МОЕЙ РОДИНЕ

К чудесному, нагорному, зеленому,
В весенних розах склону я прильну,
К дыханью материнскому, бездонному,
Что шевелит пшеничных нив волну.

Меня чаруешь речью ты прекрасною,
Меня влюбленным зовом кличешь ты.
Тебя я вижу новую и ясную
С чертами древней, вечной красоты.

О мать! Твое грядущее, как молния,
Могуче, ярко блещет предо мной.
Армения, сил вечно юных полная,
Звук гордый речи сладостной, родной!

Париж, 1935

* * *

Безмятежная ночь! Один я сижу
На вершине скалы. Кругом — тишина.
Я на спящее море молча гляжу.

Даже время прервало вечный полет,
Тишина без границ, молчанье растет.
Вся вселенная тишью сонной полна.

О мгновенье! Как ты блаженно молчишь!
Беспредельная и безмерная тишь!

И невольно я слушаю душу свою
И себя понимаю, себя познаю!

Севан, 1940

ПЕРВЫЕ СЛЕЗЫ

Целует солнце землю весной,
Весь мир в изумрудный наряд одет,
Синие очи фиалки лесной
С улыбкою детской глядят на свет.

Подул ветерок и ей на ушко
Пошептал о чем-то и улетел.
Цветной мотылек упорхнул легко,—
Остаться с нею не захотел.

Фиалка по ним вздохнула, склонясь
Но след их пропал — зови не зови...
Скатились с доверчивых синих глаз
Первые слезы первой любви.

1940

ПЕСНЯ ПТИЦ

Однажды девочка, резвясь,
Играла средь полей,
А мотылек, зарей светясь,
Кружился перед ней.

Она хотела мотылька
Красивого поймать,
Но тщетно тянется рука,—
Никак его не взять.

Тот мотылек неуловим,
Веселый, золотой...
И вот она, гонясь за ним,
Вбежала в лес густой.

Он закружился меж ветвей
И улетает прочь...
Она устала, а над ней
Уже темнеет ночь.

Забралась девочка в дупло,
Ей захотелось спать.
В лесу и утром не светло,—
Дороги не видать.

Три дня она в лесу жила,
Ей ягоды — обед.
И так тепло на дне дупла,
Лишь тропки к дому — нет!

Но девочку пошли искать
Соседи и отец.
Счастливый день! Она опять
Среди родных сердец.

Мать, плача, целовала дочь,
Лелеяла ее:
— Скажи, тебя пугала ль ночь,
Сокровище мое?

И дочка отвечает ей:
— Нет, ночь там не страшна.
Мне пели птицы меж ветвей,
Была я не одна.

Ессентуки, 1941

ДЕНЬ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

(9 мая 1945 г.)

Меч в ножны вложили достойно мы,
Великой Победы день наконец,
Разбили всю вражью мы силу тьмы,
Песни звучат, как веселье сердец.

Радость, как трепет парящих крыл,
Шумит, сливаясь в потоке одном.
Хозяин на улице стол накрыл,
Стаканы налил золотым вином.

Прохожих зовет и просит к столу:
— Братья, прошу я Победы вином
Сыну-герою воздайте хвалу,
Пейте за здравие ваших сынов!

Пьют, и на лицах веселье горит,
Звонко стакан лишь стучит о другой,
Тихо один тут отец говорит:
— Пью за сыновьей души упокой!

Строго смолкают на слово отца,
Шапки снимают пред тостом таким,
Молча за мертвого пьют храбреца,
Хлеб омывая вином золотым.

1945

АВИКУ

Пусть будет прям всегда твой путь
Будь справедлив и честен будь.
Горячей доброю душой
Люби весь этот мир большой.
Люби товарищей своих,
Всегда будь радостью для них.
В беде от друга не беги,
Ему, чем можешь, помоги.
И до конца счастливых дней
Будь предан родине своей,
Ее защитой верной будь.
И если ты когда-нибудь
Пойдешь на подвиг для нее,—
Не возгордись, дитя мое:
Ты только долг исполнишь свой.
Иди ж дорогой трудовой
И с чистой совестью живи
Для мира, счастья и любви.
Когда ж умру я, ты, один,
К моей могиле подойди,
И помолчи над ней, грустя,
Любимое мое дитя.

Ереван, 1954

МИХАИЛ ЛЕБЕДЕВ

(1877—1951)

С коми-зырянского

ЗЕМЛЯ КОМИ

Я иду землею коми
И гляжу: тайга кругом.
Лес стеной, могуч, огромен,—
Не сыскать в краю другом!

Ввысь вершину надо мною
Стройная взнесла сосна,
Вечно — летом и зимою —
И красна и зелена.

Как старуха, ель седая
Встала на глухой тропе:
На ее ветвях лесная
Птица вьет гнездо себе.

Над рябиной молчаливой
Кедр таинственный поник.
И, смеясь, сиротка-ива
Загляделася в родник.

Пропадет в траве тропинка.
Человек, не заблудись!
Вот крадется невидимкой
В сумрачной трущобе рысь.

Зубы скаля, волк таится,
И, как тень,— медведь в бору,
В миг один шмыгнет лисица
Рыжим пламенем в нору.

И, головушку спасая,
Хвост по ветру — за стволом
Белка промелькнет, и заяц
Лихо мчится в бурелом.

Птиц в лесах у нас — без счета,
Снегири и глухари;
Меряет журавль болото
От зари и до зари...

На дорогу вышел: вечный
Гул тайги по всей стране;
Но — как жизни новой вестник
Шум машин навстречу мне...

За селом чернеют пашни,
Сеять хлеб пришла пора.
На полях колхозных наших
Не смолкают трактора.

Есть ли в мире где такое
Счастье, как в моей стране?
Я иду землею коми,
Древний лес навстречу мне.

1930

ГАМЗАТ ЦАДАСА

(1877—1951)

С аварского

СЛОВО О КРОВНОЙ МЕСТИ

«Мертвых кровь не высыхает,
Отомстить она зовет»,—
Поговорка не смолкает,
Будоражит наш народ.

«Если ты свернешь с дороги,
Родовую месть презрев,—
Уноси отсюда ноги:
Ждут тебя и смех и гнев.

Если, кем-нибудь обижен,
Ты смолчать решил, на грех,
Будешь близкими унижен,
Окружен презреньем всех».

Дикий, зверский тот обычай
Сдуру доблестью зовут.
С удальством, с упорством бычьим
Самочинный правят «суд».

В Харачи я был, мой милый,—
На кладбище бросил взгляд.
Там в безвременных могилах
Убиенные лежат.

Тех, что умерли в постели,
Мало сыщется средь них.
Семьи все осиротели
От кинжалов родовых.

Двое спорят, по досаде
Слово за слово зайдет.
И один уже в засаде,
За кинжал схватившись, ждет.

...Харачи высокогорный.
Как хорош он, краше нет.
Воздух чист, ручьи проворны,
И целебен солнца свет.

Встал Хиндатль зеленый рядом,
Шелестят весной сады.
Все там есть, что людям надо,—
Сыр, и масло, и плоды.

Пашни там, вблизи аула,
И, лаская взор людской,
Ель к седой скале прильнула
И берез шатер сквозной.

Жить да радоваться впору,
Но, на горе и позор,
Не пшеницу, а раздоры
Высевают с давних пор.

Страхолюдный дьявол мести
Под людской забрался кров.
И во имя ложной чести
Друга друг убить готов.

Разоренный дом в забросе,
И семья не дорога.
Что хозяин хочет, спросишь:
«Смерти кровного врага!»

Взор его пылает злобой.
Не к добру аул притих,—
Редкий год проходит, чтобы
Не убили пятерых.

Помириться дико, странно,
Разве слыхано о том?
Как сочащаяся рана,
Месть людей палит огнем.

Замурованы проходы,
Двери заперты в домах.
В горный край пришла свобода,
Перестанем жить впотьмах...

Распри дедов похороним,
Дорогие земляки.
Злую память рвите с корнем,
Уничтожьте сорняки.

Стали новыми порядки.
Хватит распри раздувать.
Людям нечего повадки
У зверей перенимать.

Звери дикие хвостаты.
И слова мои просты:
Наших прадедов адаты —
Это прошлого хвосты.

Если каждую обиду
Раздувать опять начнем,
К новой жизни мы не выйдем,—
К прошлой жизни повернем.

Верю, солнце не затмится,—
Нас, друзья, культура ждет.
Распрей мрачные страницы
Позабудет мой народ.

1928

ИЗ ЦИКЛА «УРОКИ ЖИЗНИ»

*

На юношу смотрю не без надежды
И говорю ему сегодня снова:
«Пусть будет нрав твой краше, чем одежды
Дела твои — значительнее слова».

*

Страницы книг — познания истоки,
Но людям Жизнь в любые времена
Преподавала главные уроки,
Учительница лучшая — она.

Дело делай свое, как всегда, ты
И спокойствие в жизни храни,
Чем бы ни были ночи чреваты,
Чем чреваты бы ни были дни.

*

Считалось встарь: нет краше смерти,
Чем за отчизну умереть.
И вы мне, юноши, поверьте,
Что так считаться будет впредь.

*

Всех длиннее у того дорога,
Кто в наплывах солнца и тумана,
Вдалеке от отчего порога
Ищет человека без изъяна.

*

Крупица воска встретится в меду
И волосок в овечьем сыре.
Что делать? К моему стыду,
И я не совершенен в мире.

*

Отца главнее в доме нет души,
В семье слывет он «первым барабанщиком»,
Под музыку его, сынок, пляши,
Будь хоть министром, хоть простым чеканщиком.

*

Мысль за собой вести на поводу
Обязаны слова в любую пору,
Они, зубов перелетев гряду,
Перелетают каменную гору.

*

Благоразумье продлевает годы
И возвышает в жизни нас весьма,
А всякое затмение ума
Приумножает слезы и невзгоды.

*

Прямое слово стоит многих фраз
И действеннее многих заклинаний.
Короткий уважительный отказ
Честней невыполнимых обещаний.

*

У нас характер, словно у пророков,
Не видим часто собственных пороков,
Когда бы замечать их научились,
В наш адрес меньше было бы упреков.

*

Воистину тот славен и велик,
Кто победил во гневе свой язык.
И тот, кто самого себя сильнее,
Воистину сильнейший из владык.

*

Известно, что дурная голова
Напрасно ноги целый день тревожит,
Предпочитает действию слова
И ложь от правды отличить не может.

*

Человека скромного заметили,
Честь к нему направила стопы.
Ничего нас так, как добродетели,
Выделить не может из толпы.

*

Себя не уважает тот,
Кто в понедельник, вторник, среду
Без приглашенья, словно кот,
К чужому явится обеду.

*

Проси, коль надо, но без лести,
Когда ты сам себе не враг.
И никогда ценою чести
Не обретай житейских благ.

*

Не плачь, когда тебе не грустно,
Не смейся, если не смешно.
Не льсти ни письменно, ни устно:
Всем не потрафишь все равно.

*

Хоть похвалы достоин ты вполне,
Остерегайся самовосхваленья,
Все эти «Я», «Моими», «Обо мне» —
Опасные в речах местоименья.

*

По виду мышц оцениваем разом
Двужильного коня или вола,
А сила человека — это разум,
Способный отличать добро от зла.

*

Доброе имя дороже всего,
Друга верней не дано никому.
Годы бессильны состарить его,
Память о нас завещаем ему.

*

Тому друзей иметь не сложно,
Кто от рождения не глуп,
Чье слово каждое — надежно,
Взгляд ясен и карман не скуп.

*

Не могут быть символом дружеских уз
Шашлычное братство и винный союз.
Медовое слово сказать на пиру
Способен и тот, кто не склонен к добру.

*

Пред пламенем родного очага
Еще мой дед говаривал, бывало:
— С лихвой хватает одного врага,
А ста друзей, как ни крутись, все мало

*

Знает каждый истинный мужчина
На сто верст вокруг:
Хороша двуглавая вершина,
Плох — двуликий друг.

*

Не закрывай по воле злого норова
Ворот, которых не раскрыть опять,
И не завязывай узла, которого
Не сможешь и зубами развязать.

*

Единомышленник не тот,
Кто мысли у тебя крадет
И, не имея собственных достоинств,
Пускает эти мысли в оборот.

«Не спорь с невеждой» — этому совету
Ты следуй, друг, в любые времена,
В никчемный спор кидаться смысла нету:
В нем истина не будет рождена.

*

Схожи слава и тень неизменностью нрава:
За достойным, как тень, ходит слава вослед,
И бежит от ловца настоящая слава,
Как за тенью, за славой гоняться не след.

*

С тех пор как род людской возник,
Он неспроста считать привык,
Что вправе змеи, а не люди
Иметь раздвоенный язык.

*

Опасней пули в наши времена
Слывет обида не без основания,
Простреливает сердце нам она
Без промаха с любого расстояния.

*

Ума палата — выше всех палат,
К ней за советом обращайся, брат,
И правду отличишь ты от неправды,
И будешь знать, кто прав, кто виноват.

*

На рынках закон существует издревле:
Чем больше товара — тем стоит дешевле.
Товар и талант меж собою не схожи,
Таланта чем больше, тем стоит дороже.

Всему своя мера. И должен, к примеру,
Ты чувствовать гнева границу и меру,
Но если покаялся битый в грехах,
Ты гнев свой на милость смени, как аллах

*

Не собирай богатства про запас,
Богатство — это нынешний наш час,
Все то, чем обладаешь ты сегодня,
Накопленных богатств ценней в сто раз.

*

Живи, на чужое не зарясь,
Судьбы не темни небеса
И помни, что черная зависть
Опаснее черного пса.

1948—1950

САДРИДДИН АЙНИ

(1878—1954)

С таджикского

ВО СЛАВУ ОКТЯБРЯ

О справедливости святое знамя,
Ты перед нами!
Ты в прах швырнуло царскую порфиру,
На радость миру!

Ты, мудрое, горами и полями
Прошло, как пламя,
Сожгло богов, что в страхе нас держали,
И их скрижали.

Мир старый, тот, что создан был веками,
Разрушен нами —
И новый мир, как бы чудесным даром,
Возник над старым.

Так воцарись же навсегда над нами,
Святое знамя,
Во имя попираемых столь долго
Труда и долга.

1918

НА СМЕРТЬ МОЕГО БРАТА ХАДЖИ СИРАДЖИДДИНА

Я услыхал суровый голос рока,
Я был сражен мечом его жестоко,
И голос этот сжал в груди дыханье,
Померк рассудок, жизнь ушла глубоко.
Сосед сказал мне: «Друг мой, ты не слышал —
Твой брат скончался, волею пророка:
От топора погиб на грязной плахе
В столице благородного Востока».
Мой милый друг, мой брат, надежда ока,
Далеко ты, далеко ты, далеко...

Теперь навек забуду я о славе,
О чтении, о шахматной забаве...
Навек ушел, померкло утро жизни.
Конь красоты погиб на переправе.
Не спрашивайте больше у поэта
Стихов о розе, милой, сне и яви...
И вот они идут, гремя о мести,
Стихи вражды, без рифм и без заглавий.
Мой милый друг, мой брат, надежда ока,—
Далеко ты, далеко ты, далеко...

Но говорю: падут ночные тени,
И захлебнется мир в крови гонений,
Тогда эмиры, и муллы, и шейхи
Потонут в мутном море преступлений.
Я говорю: тогда падут короны,
Обрушатся дворцовые ступени!

Я говорю: мы выйдем из темницы,
Перед рабом хан рухнет на колени!
Но ты, мой друг, мой брат, надежда ока,
Далеко ты, далеко ты, далеко...

1918

АЛИ КАЗИЯУ

(1879—1964)

С кумыкского

ГОРА ТАРКИ

Ты с парохода видишь каждый раз,
Из Астрахани двигаясь на юг:
Махачкала сияет, словно глаз,
Тарки-гора — как брови полукруг.

Ее топтал и грабил кто хотел,
Не счесть убийств, набегов, святотатств!
Гора Тарки, был жалок твой удел,
А сколько затаила ты богатств!

Тобой властитель алчный обладал,
Народ кумыкский угнетал злодей,
С твоих обрывов сбрасывал шамхал
В корзинах крепко связанных людей.

Тарки, твой газ горит у нас в печах!
Тарки, твой мощный свет блестит в ночах,
Плывут при этом свете рыбаки,—
Ты далеко видна, гора Тарки!

Что в мире камня твоего прочней?
Мы строим зданья из твоих камней.
Полны водою жизни родники,—
Ты наша здравница, гора Тарки.

В твоем подножье, древняя гора,
Сокровища находят мастера,
Фонтаны бьют — фонтаны высоки,—
Богата черным золотом Тарки.

Ты Дагестана ценное добро,
Ты Дагестана лучшее тавро,
И знают молодежь и старики:
Ты свет ночей, ты свет очей, Тарки!

1950

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ
(1880—1934)

РОДИНЕ

Рыдай, буревая стихия,
В столбах громового огня!
Россия, Россия, Россия,—
Безумствуй, сжигая меня!

В твои роковые разрухи,
В глухие твои глубины,—
Струят крылорукие духи
Свои светозарные сны.

Не плачьте: склоните колени
Туда — в ураганы огней,
В грома серафических пений,
В потоки космических дней!

Сухие пустыни позора,
Моря неизливные слез —
Лучом безглагольного взора
Согреет сошедший Христос.

Пусть в небе — и кольца Сатурна,
И млечных путей серебро,—
Кипи фосфорически бурно,
Земли огневое ядро!

И ты, огневая стихия,
Безумствуй, сжигая меня,
Россия, Россия, Россия,—
Мессия грядущего дня!

Поворовка, август 1917 г.

МАЖИТ ГАФУРИ

(1880—1934)

С башкирского

ВЫРВАННЫЕ СТРАНИЦЫ

1

Вот летопись моей души, и в ней
Начертано на первой из страниц:
«Ты — раб аллаха и его слуга,
Пади пред ним, непросвещенный, ниц!»

Сперва аллаха, а потом царя,
Как бога, возвели на пьедестал
И почитать велели. И с тех пор
Я подневольным человеком стал.

— Обычай — царь, религия — аллах.
И жить тебе под ними и расти,
Чтоб честным мусульманином прослыть!
И клятву мне велели принести.

— Ты верь законам и не верь глазам! —
Сказали мне и сделали слепым;
Меня зажали бог и шариат.
Во всех делах я подчинен был им.

— Аллах и царь — властители твои.
Все, что они прикажут, в тот же миг,
Беспрекословно, не кривя душой,
Ты должен выполнять по воле их!

Сказали: — Пусть живется тяжело,
А ты терпи, хоть тяжесть невтерпеж,
Зато в загробном мире навсегда
Ты, несомненно, счастье обретешь!

Перелистали летопись души,
Заставили страницы подписать,
Потом скрепили подписи мои
И приложили круглую печать.

2

Все тяжести и беды вынося,
Как было суждено, я жил и рос,
Но размышленья мучили меня,
И задал я себе такой вопрос:

«Страх не понятен сердцу моему,—
Так почему ж я в рабстве до сих пор?
Ведь руки у меня крепки, сильны,—
Так почему же я терплю позор?

Неужто должен крыльев я просить,
Ведь крылья за спиною у меня?
И если у меня есть быстрый конь,
Зачем просить мне нового коня?

Кто темную повязку снимет с глаз,
Коль сам за это дело не возьмусь?
Кто цепи угнетенья разорвет,
Коль сам я до конца не напрягусь?»

Я так подумал и пересмотрел
Всю летопись израненной души
И вырвал беспощадно, навсегда
Страницы рабства, ханжества и лжи.

На чистых же страницах начертал
Слова великой веры наших дней:
Слова высокой правды и любви
И трудового братства всех людей.

1923

* * *

Хочу для человечества всего
Трудиться свято я в моей стране.
И все деянья лучшие мои —
Тебе, Россия, в память обо мне.

1933

КЛЯТВА

Клинок остер, рука тверда,
закалена в боренье грудь.
Рубить врага, громить врага —
таков мой справедливый путь!

Пока враги родной страны
в крови не лягут, присмирев,
Я не вложу меча в ножны,
не усыплю свой правый гнев.

Иду вперед! Моей спины
врагам не увидать в бою:
Чем больше их передо мной,
тем им грознее предстаю.

А если в схватке дрогну я,
пусть не зовут меня «джигит» —
Опасностям наперерез,
подобно льву, душа спешит.

Лишь в гуще боя для бойца
достойнейшее место есть.
Клянусь — сквозь горы и леса
я пронесу святую месть!

Я клятву дал, я знамя взял,
мой красный стяг, со мною будь:
Рубить врага, громить врага —
таков мой справедливый путь!

АЛЕКСЕЙ ГАСТЕВ
(1882—1941)

Я ПОЛЮБИЛ

Я полюбил тебя, рокот железный,
Стали и камня торжественный звон.
Лаву. Огонь беспокойный, мятежный
Гимнов машинных, их бравурный тон.

Я полюбил твои вихри могучие
Бурного моря колес и валов,
Громы раскатные, ритмы певучие,
Повести грозные, сказки без слов.

Но полюбил я и тишь напряженную,
Ровный, и низкий, и сдержанный ход,
Волю каленую, в бой снаряженную,
Мой дорогой, мой любимый завод.

1917

ОРАТОРУ

Оратор кончил, а мы ему всей толпой отвечаем:

— Нас целый новый легион. Мы несем тревогу всему миру, но ему же и радость.

Мы пришли с новой вестью, достоверной, как железо, и бодрой, как звуки мотора в пустыне.

Песен небывалых и сказок нерассказанных мы хотим.

Не тех пропетых, говоренных человеческих слов. Хотим выше.

Лязги молота и штампы, трепет приводов и трансмиссий, грохот кузниц, звон ударов, шепот пил — слова и призывы.

Ненасытный бег колес — наше знамя.

Мы их поднимем, возвеличим механизмы!

Пусть же тревожней и выше загудят валы.

Стремглав ударят миллионами рук кузнецы.

И прервут.

Прольется лавина чугунного грохота.

Дрогнет земля под паровыми молотами, зашатаются города стальные, машинные хоры заполнят все пустыри и дебри рабочим трепетом.

И прервут.

Помчатся огненные вестники подземных мятежей.

И еще прервут зловеще.

Загогочут черные пропасти.

Выйдут силачи-чудеса-машины-башни.

Смело провозгласят катастрофу.

И назовут ее новыми днями творенья.

Оратор, замолкни.
Певучие легенды, застыньте.
Ох, послушаем,—
заговорят возведенные нами домны.
Запоют вознесенные нами балки.

1918

АБУТАЛИБ ГАФУРОВ

(1882—1975)

С лакского

АУЛ КУЛИ

Наш Кули, скажу по чести,
Не селенье, а завод:
Он пуды отборной шерсти
Выпускает каждый год.

Там найдем библиотеку,
В освещенный клуб войдем,
Там приемник человеку
Сообщает обо всем.

Он — не город, это верно.
Но ему везде почет:
Он работает примерно,
Он ведет минутам счет.

Не беда, что для начала
Не зачислен в города,—
В нем новаторов немало
Деревенского труда.

Небольшой аул, не так ли?
Но, приезжий друг, взгляни,
Как сверкают в каждой сакле
Электричества огни.

Там увидишь ты пекарню,
Агропункт и сыроварню,
Магазин в ущелье гор,—
Не нарадуется взор!

Наш аул — не город вроде.
Но ценю его за то,
Что аул одет по моде —
В кепи, шляпки и пальто.

И совсем по-городскому
Ходит в школу детвора,
И шумны по-городскому
Молодежи вечера.

Всех встречает он сердечно,
Друг бы только заглянул.
Нет, не город он, конечно,—
Горный маленький аул.

1947

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ
(1883—1945)

В ОГНЕННОМ КОЛЬЦЕ

Еще не все сломили мы преграды,
Еще гадать нам рано о конце.
Со всех сторон теснят нас злые гады.
Товарищи, мы — в огненном кольце!
На нас идет вся хищная порода.
Насильники стоят в родном краю.
Судьбою нам дано лишь два исхода:
Иль победить, иль честно пасть в бою.
Но в тяжкий час, сомкнув свои отряды
И к небесам взметнув наш алый флаг,
Мы верим все, что за кольцом осады
Другим кольцом охвачен злобный враг,
Что братская к нам скоро рать пробьется,
Что близится приход великих дней,
Тех дней, когда в тылу врага сольется
В сплошной огонь кольцо иных огней.
Товарищи! В возвышенных надеждах,
Кто духом пал, отрады не найдет.
Позор тому, кто в траурных одеждах
Сегодня к нам на праздник наш придет.

Товарищи, в день славного кануна
Пусть прогремит наш лозунг боевой:
«Да здравствует всемирная коммуна!»
«Да здравствует наш праздник трудовой!»

1 мая 1918 г.

ПРОВОДЫ

(Красноармейская песня)

Как родная мать меня
Провожала,
Как тут вся моя родня
Набежала:

«А куда ж ты, паренек?
А куда ты?
Не ходил бы ты, Ванек,
Да в солдаты!

В Красной Армии штыки,
Чай, найдутся.
Без тебя большевики
Обойдутся.

Поневоле ты идешь?
Аль с охоты?
Ваня, Ваня, пропадешь
Ни за что ты.

Мать, страдая по тебе,
Поседела,
Эвон в поле и в избе
Сколько дела!

Как дела теперь пошли:
Любо-мило!
Сколько сразу нам земли
Привалило!

Утеснений прежних нет
И в помине.
Лучше б ты женился, свет,
На Арине.

С молодой бы жил женой,
Не ленился!»
Тут я матери родной
Поклонился.

Поклонился всей родне
У порога:
«Не скулите вы по мне,
Ради бога.

Будь такие все, как вы,
Ротозеи,
Что б осталось от Москвы,
От Расеи?

Все пошло б на старый лад,
На недолю.
Взяли б вновь от нас назад
Землю, волю;

Сел бы барин на земле
Злым Малютой.
Мы б завыли в кабале
Самой лютой.

А иду я не на пляс —
На пирушку,
Покидаючи на вас
Мать-старушку:

С Красной Армией пойду
Я походом,
Смертный бой я поведу
С барским сбродом,

Что с попом, что с кулаком
Вся беседа:
В брюхо толстое штыком
Мироеда!

Не сдаешься? Помирай,
Шут с тобою!
Будет нам милее рай,
Взятый с бою,—

Не кровавый пьяный рай
Мироедский,—
Русь родная, вольный край,
Край советский!»

Свияжск, 1918

СНЕЖИНКИ

Засыпала звериные тропинки
Вчерашняя разгульная метель,
И падают, и падают снежинки
На тихую, задумчивую ель.

Заковано тоскою ледяною
Безмолвие убогих деревень.
И снова он встает передо мною —
Смертельною тоской пронзенный день.

Казалося: земля с пути свернула.
Казалося: весь мир покрыла тьма.
И холодом отчаянья дохнула
Испуганно-суровая зима.

Забуду ли народный плач у *Горок*[1],
И проводы вождя, и скорбь, и жуть,
И тысячи лаптишек и опорок,
За Лениным утаптывавших путь!

Шли лентою с пригорка до ложбинки,
Со снежного сугроба на сугроб.
И падали, и падали снежинки
На ленинский — от снега белый — гроб.

⟨21 января⟩ 1925 г.

НИКТО НЕ ЗНАЛ...

(«22 апреля 1870 года»)

Был день как день, простой, обычный,
Одетый в серенькую мглу.
Гремел сурово голос зычный
Городового на углу.

Горки — подмосковная деревня, где скончался В. И. Ленин.

Гордился блеском камилавки,
Служил в соборе протопоп.
И у дверей питейной лавки
Шумел с рассвета пьяный скоп.
На рынке лаялись торговки,
Жужжа, как мухи на меду.
Мещанки, зарясь на обновки,
Метались в ситцевом ряду.
На дверь присутственного места
Глядел мужик в немой тоске,—
Пред ним обрывок «манифеста»
Желтел на выцветшей доске.
На каланче кружил пожарный,
Как зверь, прикованный к кольцу,
И солдатня под мат угарный
Маршировала на плацу.
К реке вилась обозов лента.
Шли бурлаки в мучной пыли.
Куда-то рваного студента
Чины конвойные вели.
Какой-то выпивший фабричный
Кричал, кого-то разнося:
«Про-щай, студентик горемычный!»
. . . . . .

Никто не знал, Россия вся
Не знала, крест неся привычный,
Что в этот день, такой обычный,
В России... *Ленин родился!*

(22 апреля) 1927 г.

Я ВЕРЮ В СВОЙ НАРОД

Пусть приняла борьба опасный оборот,
Пусть немцы тешатся фашистскою химерой
Мы отразим врагов. Я верю в свой народ
Несокрушимою тысячелетней верой.
Он много испытал. Был путь его тернист,
Но не затем зовет он родину святою,
Чтоб попирал ее фашист
Своею грязною пятою.

За всю историю суровую свою —
Какую стойкую он выявил живучесть,
Какую в грозный час он показал могучесть,
Громя лихих врагов в решающем бою!
Остервенелую фашистскую змею
Ждет та же злая вражья участь!
Да, не легка борьба. Но мы ведь не одни.
Во вражеском тылу тревожные огни.
Борьба кипит. Она в разгаре.
Мы разгромим врагов. Не за горами дни,
Когда подвергнутся они
Заслуженной и неизбежной каре.

Она напишется отточенным штыком
Перед разгромленной фашистскою оравой:
«Покончить навсегда с проклятым гнойником,
Мир отравляющим смертельною отравой!»

⟨7 ноября⟩ 1941 г.

ЛИНАРД ЛАЙЦЕН

(1883—1938)

С латышского

ЧТО ТАКОЕ ПОЭТ?

Что такое поэт в наши дни?
Когда старый мир погибает
И в боренье рождается новый?
Он — мертвец, если вместе со старым,
Он — борец, если с новым идет.
Ну, а если стоит посредине?
Самообман!

1925

АСФАЛЬТ

Различный есть асфальт в столицах, в гуле улиц
И целям он различным служит.
Не только тот асфальт, что видим в тюрьмах,
Когда влачатся дни в глухом мученье,

Асфальт, что моем мы водой и шагом мерим,
О ком поем мы у тюремной двери;
Не тот, что травит жизнь, уныл и скучен.
Не тот, на ком в Берлине, Вене, Риме
Легко скользят надушенные туфли,
Сапог стучит тяжелый,
Сверкают автомашины,
Когда катит пройдоха
Иль с пулеметом мчится полиция за безработным.
Не тот асфальт,
Что варят в дымных чанах
Под липой пыльного бульвара
В ремонте тротуара.
Различный есть асфальт:
Асфальт московский —
Весь новый, в новом месте,
В другой цене он
И цели новой служит.
Не только место он, где ставят ногу,
Где блещут спицы и несутся шины,—
Он — охранитель масс от грязи,
Он — крепкий щит от кулаков и смрада,
Он — верный страж от косности мещанства.
Коль чист асфальт, то чист и человек,
В условиях иных ему иная ценность,
И новый смысл растет на новом месте —
Как в технике, так и в предмете.

1933

СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ

(1884—1967)

РОССИЯ

Как я любил тебя, родная,
Моя Россия, мать свобод,
Когда, под плетью изнывая,
Молчал великий твой народ.

В какой слепой и дикой вере
Ждал воскресенья твоего!
И вот всех тюрем пали двери,
Твое я вижу торжество.

Ты в праздник так же величава,
Как прежде в рабской нищете,
Когда и честь твоя и слава
Распяты были на кресте.

О вечном мире всей вселенной,
О воле, братстве и любви
Запела ты самозабвенно
Народам, гибнущим в крови.

Как солнце всходит от востока,
Так от тебя несется весть,
Что есть конец войне жестокой,
Живая правда в людях есть.

И близок день прекрасней рая,
Когда враги, когда друзья,
Как цепи, фро́нты разрывая,
Воскликнут: «Истина твоя!»

Как я люблю тебя, Россия,
Когда над миром твой народ
Скрижали поднял огневые,
Скрижали вечные свобод.

1917

* * *

Настанет час, когда меня не станет,
Помчатся дни без удержу, как все.
Все то же солнце в ночь лучами грянет,
И травы вспыхнут в утренней росе.

И человек, бесчисленный, как звезды,
Свой новый подвиг без меня начнет.
Но песенка, которую я создал,
В его трудах хоть искрою блеснет.

1955

МОЛОДЕЖИ

Теплый запах левкоя,
Тишина и луна,
Но отрада покоя
Нам еще не дана.

Жизнь безудержно мчится
Средь затиший и бурь,
Юным счастьем лучится
И зовет на борьбу.

Если шаг свой замедлишь,
Если сдержишь полет —
Неотступен и въедлив,
Страх тебя обоймет.

Если ж крылья расправишь
Вихрям злым вопреки,
Солнцем к счастью и славе
Полетишь напрямки.

1956

ВАСИЛИЙ КАМЕНСКИЙ

(1884—1961)

САРЫНЬ НА КИЧКУ!

А ну, вставайте,
Подымайте паруса,
Зачинайте
Даль окружную,
Звонким ветром
Раздувайте голоса,
Затевайте
Песню дружную.
Эй, кудрявые,
На весла налегай —
Разом
Ухнем,
Духом
Бухнем,
Наворачивай на гай.
Держи
Май,

Разливье
Май,—
Дело свое делаем,—
Пуще,
Гуще
Нажимай,
Нажимай на левую.
На струг вышел Степан —
Сердцем яростным пьян.
Волга — синь-океан.
Заорал атаман:
«*Сарынь на кичку!*»
Ядреный лапоть
Пошел шататься
По берегам.
Сарынь на кичку!
В Казань!
В Саратов!
В дружину дружную
На перекличку,
На лихо лишнее
Врагам!
Сарынь на кичку!
Бочонок с брагой
Мы разопьем
У трех костров
И на приволье
Волжском вагой
Зарядим пир
У островов.
Сарынь
На
Кичку!
Ядреный лапоть,
Чеши затылок
У подлеца.
Зачнем
С низовья
Хватать,
Царапать
И шкуру драть —
Парчу с купца.
Сарынь
На кичку!

Кистень за пояс,
В башке зудит
Разгул до дна.
Свисти!
Глуши!
Зевай!
Раздайся!
Слепая стерва,
Не попадайся! Ва!
Сарынь на кичку!
Прогремели горы.
Волга стала
Шибче течь.
Звоном отзвенели
Острожные затворы.
Сыпалась горохом
По воде картечь.

ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ
(1885—1922)

ВОЛЯ ВСЕМ

Вихрем бессмертным, вихрем единым,
Все за свободой — туда.
Люди с крылом лебединым
Знамя проносят труда.
Жгучи свободы глаза,
Пламя в сравнении — холод,
Пусть на земле образа!
Новых напишет их голод...
Двинемся вместе к огненным песням,
Все за свободу — вперед!
Если погибнем — воскреснем!
Каждый потом оживет.
Двинемся в путь очарованный,
Гулким внимая шагам.
Если же боги закованы,
Волю дадим и богам...

(1918)

АЗИЯ

Всегда рабыня, но с родиной царей на
смуглой груди
И с государственной печатью взамен
серьги у уха.
То девушка с мечом, не знавшая зачатья,
То повитуха — мятежей старуха.
Ты поворачиваешь страницы книги той,
Где почерк был нажим руки морей.
Чернилами сверкали ночью люди,
Расстрел царей был гневным знаком
восклицанья,
Победа войск служила запятой,
А полем — многоточия, чье бешенство не робко
Народный гнев воочию
И трещины столетий — скобкой.

(1921)

КАВЭ-КУЗНЕЦ

Был сумрак сер и заспан.
Меха дышали наспех,
Над грудой серой пепла
Храпели горлом хрипло.
Как бабки повивальные
Над плачущим младенцем,
Стояли кузнецы у тела полуголого,
Краснея полотенцем.
В гнездо их наковальни,
Багровое жилище,
Клещи носили пищу —
Расплавленное олово.
Свирепые, багряные
Клещи, зрачками оловянные,
Сквозь сумрак проблистав,
Как воль других устав.
Они, как полумесяц, блестят на небеси,
Змеей из серы вынырнув удушливого чада,
Купают в красном пламени заплаканное
чадо.

И сквозь чертеж неясной морды
Блеснут багровыми порой очами черта.
Гнездо ночных движений,
Железной кровью мытое,
Из черных теней свитое,
Склонившись к углям падшим,
Как колокольчик, бьется железных пений
плачем.
И те клещи свирепые
Труда заре поют,
И где, верны косым очам,
Проворных теней плети
Ложились по плечам,
Как тень багровой сети,
Где красный стан с рожденья бедных
Скрывал малиновый передник
Узором пестрого Востока,
А перезвоны молотков — у детских уст
свисток —
Жестокие клещи,
Багровые, как очи,
Ночной закал свободы и обжиг —
Так обнародовали:
«Мы, Труд Первый и прочее и прочее...»

⟨1921⟩

ТРУБИТЕ, КРИЧИТЕ, НЕСИТЕ!

Вы, поставившие ваше брюхо на пару
толстых свай,
Вышедшие, шатаясь, из столовой советской,
Знаете ли, что целый великий край,
Может быть, станет мертвецкой?
Я знаю, кожа ушей ваших, точно у буйволов
мощных, туга,
И ее можно лишь палкой растрогать.
Но неужели от «Голодной недели» вы
ударитесь рысаками в бега,
Когда над целой страной
Повис смерти коготь?

Это будут трупы, трупы и трупики
Смотреть на звездное небо,
А вы пойдете и купите
На вечер — кусище белого хлеба.
Вы думаете, что голод — докучливая муха
И ее можно легко отогнать,
Но знайте — на Волге засуха:
Единственный повод, чтобы не взять, а — дать!
Несите большие караваи
На сборы «Голодной недели»,
Ломоть еды отдавая,
Спасайте тех, кто поседели!
Волга всегда была вашей кормилицей,
Теперь она в полугробу.
Что бедствие грозно и может усилиться —
Кричите, кричите, к устам взяв трубу!

⟨1921⟩

НЕ ШАЛИТЬ!

Эй, молодчики-купчики,
Ветерок в голове!
В пугачевском тулупчике
Я иду по Москве!
Не затем высока
Воля правды у нас,
В соболях — рысаках
Чтоб катались, глумясь.
Не затем у врага
Кровь лилась по дешевке,
Чтоб несли жемчуга
Руки каждой торговки.
Не зубами скрипеть
Ночью долгою,
Буду плыть — буду петь
Доном-Волгою!
Я пошлю вперед
Вечеровые уструги.
Кто со мною — в полет?
А со мной — мои други!

Февраль 1922 г.

ЛЮДАС ГИРА

(1886—1946)

С литовского

КРАСНЫЕ МАКИ

Маки цветут в моем сердце, маки,
Красные маки, лишь красные маки.

Небу с землей посылают поклоны,
Что-то и мне сулят непреклонно.

Радости праздник, битвы бряцанье?
Как истолкую я их предсказанье?

Верно, их думу я не отгадаю,—
Где ж отгадать, что сулят мне, пылая?

А почему ни цветка не увяло,
Как моя молодость увядала?

А почему они, словно весною,
Всё улыбаются небу с землею?

Вот уже знойное кончилось лето —
Они не боятся стужи и ветра.

Осеннее солнышко их не греет,
Август прошел, но они алеют.

Сентябрь паутинки бросает на травы,
И макам давно увянуть пора бы.

Но яркие маки зовут, соблазняя,
Радостно жить, умирать, не страдая.

Все так же бросают взамен увяданья
Песни без отзвука, взгляд ожиданья.

Будят все той же пьянящей тревогой,
К счастью манят запретной дорогой.

Маки цветут в моем сердце, маки,
Красные, все еще красные маки.

1929

ЛЕТО

Зеленое, синее было
То лето — для доброго роста.
Хоть солнце не вдосталь светило,
Но корма собрали мы вдосталь.

Бывали и грозы, и даже
Невзгоды случались порою,
Но все ж кое-что на продажу
Мы сможем свезти и зимою.

Небес синева. Зелень поля.
Мне сердце лазурь озарила,
И вместо напасти-недоли
Любовь к нам прийти не забыла.

Для лета все лучшие в мире
Слова мне б могли пригодиться.
Хоть времени года четыре —
В нем все они смогут вместиться.

1929

СУД НАРОДА

Путь Литвы — путь народной невзгоды,
Годы рабской недоли твоей,
Где от слез, в ожиданье свободы,
Слепли очи твоих матерей.

Но все ближе рассвета сиянье,
День желанный придет — и тогда
За великую боль и страданье
Грянет кара людского суда!

И как царские слуги лихие,
Так свои же «вожди», над тобой
Издеваясь, твои кладовые
Грабят хищной и жадной рукой.

Но все ближе рассвета сиянье,
День желанный придет — и тогда
За великую боль и страданье
Грянет кара людского суда!

Слишком долго терпели мы беды,
Да не век нам терпеть суждено,—
Скоро светлое солнце победы
Из-за туч к нам заглянет в окно.

Но все ближе рассвета сиянье,
День желанный придет — и тогда
За великую боль и страданье
Грянет кара людского суда!

Крепнут силы с надеждою новой,
Мы в борьбе обретаем права,—
Как весна снеговые оковы,
Сбросит тяжкое иго Литва.

И для вас, как рассвета сиянье,
День отмщенья придет — и тогда
За великую боль и страданье
Грянет кара людского суда!

Лето 1939 г.

РАДОСТНЫЕ ДНИ

Уж осень. Листья желтые, слетая,
Шуршат, шуршат, сухие, под ногами,
А в сердце май поет не умолкая
И радости река не ладит с берегами.

Пусть не цветут ни маки, ни пионы,
Но завтра буйным цветом, красным-красным,
Всех роз прекрасней расцветут знамена
Над родиной, как никогда прекрасной.

Пусть листья пожелтевшие слетают,
Пусть в небе сером редко солнце светит,—
Великий праздник завтра все встречают,
Все ждут его: и старики и дети.

Дней радостнее, дней прекрасней этих
Не видела Литва, и я не знаю,
Пусть завтра лист последний сбросит ветер,—
И в октябре весну я вспоминаю.

Моя страна впервые завтра встретит
С шестою частью мира праздник жизни,
И новых стягов новый свет засветит,
Победы песня прозвучит в отчизне!

Пусть листья пожелтевшие, слетая,
Шуршат, шуршат, сухие, под ногами,
А в сердце май поет не умолкая
И радости река не ладит с берегами!

1940

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ
(1887—1937)

* * *

Солнце Осьмнадцатого года,
Не забудь наши песни, дерзновенные кудри!
Славяно-персидская природа
Взрастила злаки и розы в тундре.

Солнце Пламенеющего лета,
Не забудь наши раны и угли-кровинки,
Как старого мира скрипучая карета
Увязла по дышло в могильном суглинке!

Солнце Ослепительного века,
Не забудь Праздника великой коммуны!..
В чертоге и в хижине дровосека
Поют огнеперые Гамаюны.

О шапке Мономаха, о царьградских бармах
Их песня? О, Солнце,— скажи!..
В багряном заводе и в красных казармах
Роятся созвучья-стрижи.

Словить бы звенящих в построчные сети,
Бураны из крыльев запрячь в корабли...
Мы — кормчие мира, мы — боги и дети,
В пурпурный Октябрь повернули рули.

Плывем в огнецвет, где багрец и рябина,
Чтоб ран глубину с океанами слить;
Суровая пряха — бессмертных судьбина —
Вручает лишь Солнцу горящую нить.

1918

КРАСНАЯ ПЕСНЯ

Распахнитесь, орлиные крылья,
Бей, набат, и гремите, грома,—
Оборвалися цепи насилья,
И разрушена жизни тюрьма!
Широки черноморские степи,
Буйна Волга, Урал златоруд,—
Сгинь, кровавая плаха и цепи,
Каземат и неправедный суд!
За Землю, за Волю, за Хлеб трудовой
Идем мы на битву с врагами,—
Довольно им властвовать нами!
На бой, на бой!
Пролетела над Русью жар-птица,
Ярый гнев зажигая в груди...
Богородица наша Землица,—
Вольный хлеб мужику уроди!
Сбылись думы и давние слухи,—
Пробудился народ-Святогор;
Будет мед на домашней краюхе,
И на скатерти ярок узор.
За Землю, за Волю, за Хлеб трудовой
Идем мы на битву с врагами,—
Довольно им властвовать нами!
На бой, на бой!
Хлеб да соль, Костромич и Волынец,
Олончанин, Москвич, Сибиряк!
Наша Волюшка — божий гостинец —
Человечеству светлый маяк!
От Байкала до теплого Крыма
Расплеснется ржаной океан...
Ослепительней риз серафима
Заревой Святогоров кафтан.
За Землю, за Волю, за Хлеб трудовой
Идем мы на битву с врагами,—
Довольно им властвовать нами!
На бой, на бой!

Ставьте ж свечи мужицкому Спасу!
Знанье — брат и Наука — сестра,
Лик пшеничный, с бородой солнцевласой —
Воплощенье любви и добра!
Оку Спасову сумрак несносен,
Ненавистен телец золотой;
Китеж-град, ладан Саровских сосен —
Вот наш рай вожделенный, родной.
За Землю, за Волю, за Хлеб трудовой
Идем мы на битву с врагами,—
Довольно им властвовать нами!
На бой, на бой!
Верьте ж, братья, за черным ненастьем
Блещет солнце — господне окно;
Чашу с кровью — всемирным причастьем
Нам испить до конца суждено.
За Землю, за Волю, за Хлеб трудовой
Идем мы на битву с врагами,—
Довольно им властвовать нами!
На бой, на бой!

1918

* * *

Я потомок лапландского князя,
Калевалов волхвующий внук,
Утолю без настоек и мази
Зуд томлений и пролежни скук.

Клуб земной — с солодягой корчагу
Сторожит Саваофов ухват,
Но, покорствуя хвойному магу,
Недвижим златорогий закат.

И скуластое солнце лопарье,
Как олений, послушный телок,
Тянет желтой морошковой гарью
От колдующих тундровых строк.

Стих — дымок над берестовым чумом,
Где уплыла окунья уха,
Кто прочтет, станет гагачьим кумом
И провидцем полночного мха.

Льдяный Врубель, горючий Григорьев
Разгадали сонник ягелей;
Их тоска — кашалоты в поморьи —
Стала грузом моих кораблей.

Не с того ль тянет ворванью книга
И смолой запятых табуны?
Вашингтон, черепичная Рига
Не вместят кашалотной волны.

Уплывем же, собратья, к Поволжью,
В папирусно-тигриный Памир!
Калевала сродни желтокожью,
В чьем венце ледовитый сапфир.

В русском коробе, в эллинской вазе,
Брезжат сполохи, полюсный щит,
И сапфир самоедского князя
На халдейском тюрбане горит.

<1919>

* * *

Мой край, мое поморье,
Где песни в глубине!
Твои лядины, взгорья
Дозорены Егорьем
На лебеде-коне!

Твоя судьба — гагара
С Кащеевым яйцом,
С лучиною стожары,
И повитухи-хмары
Склонились над гнездом.

Ты посвети лучиной,
Синебородый дед!
Гнездо шумит осиной,
Ямщицкою кручиной
С метелицей вослед.

За вьюжною кибиткой
Гагар нескор полет...

Тебе бы сад с калиткой
Да опашень враскидку
У лебединых вод.

Боярышней собольей
Привиделся ты мне,
Но в сорок лет до боли
Глядеть в глаза сокольи
Зазорно в тишине.

Приснился ты белицей —
По бровь холстинный плат,
Но Алконостом-птицей
Иль вещею зегзицей
Не кануть в струнный лад.

Остались только взгорья,
Ковыль да синь-туман,
Меж тем как редкоборьем
Над лебедем Егорьем
Орлит аэроплан.

1927

АБУЛЬКАСИМ ЛАХУТИ

(1887—1957)

С таджикского

* * *

Горю, в тебя влюбленный,— если не знаешь, узнай!
Люблю, тобой сожженный,— если не знаешь, узнай!

Что мне судьбы жестокость, соперников коварство?
Сломлю я все препоны,— если не знаешь, узнай!

Не слушай злоречивых, я чту любви обеты,
Я чту любви законы,— если не знаешь, узнай!

Умру я, к изголовью ты встанешь — я воспряну,
Тобою оживленный,— если не знаешь, узнай!

Ты локоном летучим привязываешь сердце,
Я раб завороженный,— если не знаешь, узнай!

Сопернику на зависть тебя я поцелую,
Всегда не утоленный,— если не знаешь, узнай!

О, разве ты не знаешь, что Лахути — скиталец,
Твоим лицом плененный? Если не знаешь, узнай!

Стамбул, 1920

* * *

Сними чадру — доколе длить изгнанье Красоты?
Пускай увидит целый мир блистанье Красоты.

Цепей и пут не признают в республике любви —
Пою кудрей коротких власть, восстанье Красоты.

К чему коса, тугой аркан? И без него к себе
Сердца плененные влечет сверканье Красоты.

Любви заветную скрижаль читал я и, твое
Встречая имя, постигал призванье Красоты.

В совете сердца моего на месте первом был
Твой образ несравненный в день избранья Красоты.

Меч революции крушит все званья, всех владык,
Но не владычицу-любовь, не званье Красоты.

На тысячу вопросов даст нам логика ответ,
Но где уста, что отразят воззванье Красоты?

Всем счастье дарит Красота, один лишь Лахути,
Гонимый роком, испытал терзанье Красоты.

1925

ПЕСНЯ О ВОДЕ

Как застава великанов — гор могучая гряда.
Там в журчанье неустанном льется праздная вода.

А у нас земля томится,— нет колодца, чтоб напиться,
Я пойду за воду биться — приведу ее сюда.

Истомлен народ мой жаждой, сушит рот проклятый зной...
Здесь у нас мечтает каждый о глотке воды всегда.

Я верну лугам их свойство — расцветать и зеленеть,
Тополей седое войско зашумит листвой тогда.

Пусть взовьется над садами яблонь розовое пламя,
В речке вместе с облаками отразятся пусть стада.

Я на радостях надену белоснежную чалму,
Для гостей амударьинских приготовлена еда.

А пока пора проститься, я иду за воду биться,
Не желаю я хвалиться, но она придет сюда!

1929

РОДИНЕ

Я тот, о милая отчизна, кто за тебя на смерть пойдет,
Кто сотней уст неутомимых тебе во славу гимн поет.

Я тот, кто пламенно и страстно в тебя до старости влюблен,
Кому любовь к тебе дарует и юный жар, и смелый взлет.

Я тот, кто в час беды грозящей, при свисте вражеской стрелы
Вперед кидается без страха и грудью за тебя встает.

Урок для юношей — в сраженьях промчавшаяся жизнь моя,
Рассказ о том, как люд рабочий встает на бой, свергает гнет.

Сегодня юноши недаром отцом зовут меня; я тот,
Кого своим солдатом старым зовет трудящийся народ.

Но к знанью разум мой стремится и к очищению — душа,
Пустых невежд самодовольство во мне приюта на найдет.

Таков при жизни; а настанет мой час глаза сомкнуть навек —
С живыми рядом я незримо продолжу боевой поход.

Когда услышишь дальний голос, что каждой песней и стихом
Тебя с восторгом прославляет,— знай, это голос мой поет.

Цветок, в чьем аромате — верность, увидишь на своем пути,—
Вглядись в него: меж лепестками мой взор живой тебе сверкнет.

Любовью к дорогому краю все существо мое полно,
С рассветом родины бессмертной мой дух бессмертье обретет.

Певец отчизны я, не диво, что людям громко говорю:
Я — Лахути из Керманшаха, пусть каждый так меня зовет

1956

САМУИЛ МАРШАК

(1887—1964)

ВОТ КАКОЙ РАССЕЯННЫЙ

Жил человек рассеянный
На улице Бассейной.

Сел он утром на кровать,
Стал рубашку надевать,
В рукава просунул руки —
Оказалось, это брюки.

Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

Надевать он стал пальто —
Говорят ему: не то.

Стал натягивать гамаши —
Говорят ему: не ваши.

Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

Вместо шапки на ходу
Он надел сковороду.

Вместо валенок перчатки
Натянул себе на пятки.

Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

Однажды на трамвае
Он ехал на вокзал
И, двери открывая,
Вожатому сказал:

— Глубокоуважаемый
Вагоноуважатый!
Вагоноуважаемый
Глубокоуважатый!
Во что бы то ни стало
Мне надо выходить.
Нельзя ли у трамвала
Вокзай остановить?

Вожатый удивился —
Трамвай остановился.

Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

Он отправился в буфет
Покупать себе билет.
А потом помчался в кассу
Покупать бутылку квасу.

Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

Побежал он на перрон,
Влез в отцепленный вагон,
Внес узлы и чемоданы,
Рассовал их под диваны,
Сел в углу перед окном
И заснул спокойным сном...

— Это что за полустанок? —
Закричал он спозаранок.
А с платформы говорят:
— Это город Ленинград.

Он опять поспал немножко
И опять взглянул в окошко,
Увидал большой вокзал,
Удивился и сказал:

— Это что за остановка —
Бологое иль Поповка? —
А с платформы говорят:
— Это город Ленинград.

Он опять поспал немножко
И опять взглянул в окошко,
Увидал большой вокзал,
Потянулся и сказал:

— Что за станция такая —
Дибуны или Ямская? —
А с платформы говорят:
— Это город Ленинград.

Закричал он: — Что за шутки!
Еду я вторые сутки,
А приехал я назад,
А приехал в Ленинград!

Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

1616—1949

Я перевел Шекспировы сонеты,
Пускай поэт, покинув старый дом,
Заговорит на языке другом
В другие дни, в другом краю планеты.

Соратником его мы признаем,
Защитником свободы, правды, мира.
Недаром имя славное Шекспира
По-русски значит: потрясай копьем.

Три сотни раз и тридцать раз и три
Со дня его кончины очертила
Земля урочный путь вокруг светила,
Свергались троны, падали цари...

А гордый стих и в скромном переводе
Служил и служит правде и свободе.

* * *

Цветная осень — вечер года —
Мне улыбается светло.
Но между мною и природой
Возникло тонкое стекло.

Весь этот мир — как на ладони,
Но мне обратно не идти.
Еще я с Вами, но в вагоне,
Еще я дома, но в пути.

* * *

Как поработала зима!
Какая ровная кайма,
Не нарушая очертаний,
Легла на кровли стройных зданий.

Вокруг белеющих прудов —
Кусты в пушистых полушубках.
И проволока проводов
Таится в белоснежных трубках.

Снежинки падали с небес
В таком случайном беспорядке,
А улеглись постелью гладкой
И строго окаймили лес.

* * *

На всех часах вы можете прочесть
Слова простые истины глубокой:
Теряя время, мы теряем честь.
А совесть остается после срока.

Она живет в душе не по часам,
Раскаянье всегда приходит поздно.
А честь на час указывает нам
Протянутой рукою — стрелкой грозной.

Чтоб наша совесть на казнила нас,
Не потеряйте краткий этот час.
Пускай, как стрелки в полдень, будут вместе
Веленья нашей совести и чести!

* * *

Порой часы обманывают нас,
Чтоб нам жилось на свете безмятежней.
Они опять покажут тот же час,
И верится, что час вернулся прежний.

Обманчив дней и лет круговорот:
Опять приходит тот же день недели,
И тот же месяц снова настает —
Как будто он вернулся в самом деле.

Известно нам, что час невозвратим,
Что нет ни дням, ни месяцам возврата,
Но круг календаря и циферблата
Мешает нам понять, что мы летим.

* * *

Как призрачно мое существованье!
А дальше что? А дальше — ничего...
Забудет тело имя и прозванье,—
Не существо, а только вещество.

Пусть будет так.
Не жаль мне плоти тленной,
Хотя она седьмой десяток лет
Бессменно служит зеркалом вселенной,
Свидетелем, что существует свет.

Мне жаль моей любви, моих любимых.
Ваш краткий век, ушедшие друзья,
Исчезнет без следа в неисчислимых,
Несознанных веках небытия.

Вам все равно,— взойдет ли вновь светило,
Рождая жизнь бурливую вдали,
Иль наше солнце навсегда остыло
И жизни нет и нет самой земли...

Здесь, на земле, вы прожили так мало,
Но в глубине открытых ваших глаз
Цвела земля и небо расцветало,
И звездный мир сиял в зрачках у вас.

За краткий век страданий и усилий,
Тревог, печалей, радостей и дум
Вселенную вы сердцем отразили
И в музыку преобразили шум.

* * *

Ты много ли видел на свете берез?
Быть может, всего только две,—
Когда опушил их впервые мороз
Иль в первой весенней листве.

А может быть, летом домой ты пришел,
И солнцем наполнен твой дом,
И светится чистый березовый ствол
В саду за открытым окном.

А много ль рассветов ты встретил в лесу?
Не больше, чем два или три,
Когда, на былинках тревожа росу,
Без цели бродил до зари.

А часто ли видел ты близких своих?
Всего только несколько раз,—
Когда твой досуг был просторен и тих
И пристален взгляд твоих глаз.

* * *

Все то, чего коснется человек,
Приобретает нечто человечье.
Вот этот дом, нам прослуживший век,
Почти умеет пользоваться речью.

Мосты и переулки говорят.
Беседуют между собой балконы.
И у платформы, выстроившись в ряд,
Так много сердцу говорят вагоны.

Давно стихами говорит Нева.
Страницей Гоголя ложится Невский.
Весь Летний сад — Онегина глава.
О Блоке вспоминают Острова,
А по Разъезжей бродит Достоевский.

Сегодня старый маленький вокзал,
Откуда путь идет к финляндским скалам,
Мне молчаливо повесть рассказал
О том, кто речь держал перед вокзалом.

А там еще живет петровский век
В углу между Фонтанкой и Невою...
Все то, чего коснется человек,
Озарено его душой живою.

* * *

Исчезнет мир в тот самый час,
Когда исчезну я,
Как он угас для ваших глаз,
Ушедшие друзья.

Не станет солнца и луны,
Поблекнут все цветы.
Не будет даже тишины,
Не станет темноты.

Нет, будет мир существовать,
И пусть меня в нем нет,
Но я успел весь мир обнять,
Все миллионы лет.

Я думал, чувствовал, я жил
И все, что мог, постиг
И этим право заслужил
На свой бессмертный миг.

* * *

Дождись, поэт, душевного затишья,
Чтобы дыханье бури передать,
Чтобы легло одно четверостишье
В твою давно раскрытую тетрадь.

* * *

Года четыре был я бессмертен,
Года четыре был я беспечен,
Ибо не знал я о будущей смерти,
Ибо не знал я, что век мой не вечен.

Вы, что умеете жить настоящим,
В смерть, как бессмертные дети, не верьте
Миг этот будет всегда предстоящим —
Даже за час, за мгновенье до смерти.

* * *

Полные жаркого чувства,
Статуи холодны.
От пламени стены искусства
Коробиться не должны.

Как своды античного храма —
Души и материи сплав,—
Пушкинской лирики мрамор
Строен и величав.

* * *

Все умирает на земле и в море,
Но человек суровей осужден:
Он должен знать о смертном приговоре,
Подписанном, когда он был рожден.

Но, сознавая жизни быстротечность,
Он так живет — наперекор всему,—
Как будто жить рассчитывает вечность
И этот мир принадлежит ему.

* * *

Даже по делу спеша, не забудь:
Этот короткий путь —
Тоже частица жизни твоей.
Жить и в пути умей.

* * *

Старайтесь сохранить тепло стыда.
Все, что вы в мире любите и чтите,
Нуждается всегда в его защите
Или исчезнуть может без следа.

* * *

Читатель мой особенного рода:
Умеет он под стол ходить пешком.
Но радостно мне знать, что я знаком
С читателем двухтысячного года!

* * *

Человек — хоть будь он трижды гением
Остается мыслящим растением.
С ним в родстве деревья и трава.
Не стыдитесь этого родства.
Вам даны до вашего рождения
Сила, стойкость, жизненность растения.

* * *

Пусть будет небом верхняя строка,
А во второй клубятся облака,
На нижнюю сквозь третью дождик льется,
И ловит капли детская рука.

ПЕТР ОРЕШИН
(1887—1938)

ПЛОТНИК

Я сегодня — красный плотник,
Песню выпилю пилой...
Я — помощник, я — работник
В этой жизни трудовой!

Р-раз! — летят из бревен щепки,
Щепки красные в закат.
Мой топор живой и крепкий
Топором быть очень рад!

Пой, струганок, звонче, глуше,
Пой на разные лады.
С бревен шелковые стружки
Лезут в снежные пруды.

Сжал смертельно топорище,
Вспыхнул мой веселый взмах...
Пусть не шляется, как нищий,
Тень былого в городах!

Мой топор — живое Слово,
Мысль — упрямая пила.
Будет весел дом наш новый,
Дом — и два больших крыла,

Чтоб подняться во вселенной,
Чтоб сказать иным мирам:
— Мы идем от жизни пленной,
Мы сегодня — в гости к вам!

1921

* * *

Вы меня не таким загадали
И напрасно связали с избой.
Ураганы железа и стали
Пронеслись над моей головой.

Будет врать о любви, и о боге,
И о многом и многом другом.
Не вернут нас ни кони, ни дроги
В старорусский родительский дом!

1922—1933

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

Сказка это, чудо ль
Или это — бред:
Отзвенела удаль
Разудалых лет.

Песня отзвенела
Над родной землей.
Что же ты наделал,
Синеглазый мой?

Отшумело поле,
Пролилась река,
Русское раздолье,
Русская тоска.

Ты играл снегами,
Ты и тут и там
Синими глазами
Улыбался нам.

Кто тебя, кудрявый,
Поманил, позвал?
Пир земной со славой
Ты отпировал.

Было это, нет ли,
Сам не знаю я.
Задушила петля
В роще соловья.

До беды жалею,
Что далеко был
И петлю на шее
Не перекусил!

Кликну, кликну с горя,
А тебя уж нет.
В черном коленкоре
На столе портрет.

Дождичек весенний
Окропил наш сад.
Песенник Есенин,
Синеглазый брат,

Вековая просинь,
Наша сторона...
Если Пушкин — осень,
Ты у нас — весна!

В мыслях потемнело,
Сердце бьет бедой.
Что же ты наделал,
Раскудрявый мой?!

1926

* * *

Прошли года, а я все тот же,
Душой мятежен и крылат.
Не потому ль мне все дороже,
Все ближе человечий сад?

Не потому ль глаза все шире,
Заветный путь певуч и прям?
Я рад: огонь в мятежном мире
И по моим скользнул крылам!

1933

ВЛАДИМИР НАРБУТ
(1888—1944)

РОССИЯ

Щедроты сердца не разменяны,
и хлеб — все те же пять хлебов,
Россия Разина и Ленина,
Россия огненных столбов!
Бродя тропами незнакомыми
и ранами кровоточа,
лелеешь волю исполкомами
и колесуешь палача.
Здесь в меркнущей фабричной копоти,
сквозь гул машин вопит одно:
— И улюлюкайте и хлопайте
за то, что мне свершить дано! —
А там — зеленая и синяя,
туманно-алая дуга
восходит над твоею скинией,
где что ни капля, то серьга.
Бесслезная и безответная!
Колдунья рек, трущоб, полей!
Как медленно, но всепобедная
точится мощь от мозолей.
И день грядет и — молний трепетных
распластанные веера
на труп укажут за совдепами
на околевшее Вчера.
И Завтра... веки чуть приподняты,
но мглою даль заметена.
Ах, с розой девушка — Сегодня!
Ты —
обетованная страна.

Воронеж, 1918

* * *

России синяя роса,
Крупитчатый, железный порох
И тонких сабель полоса,
Сквозь вихрь свистящая в просторах,—

Кочуйте, Мор, Огонь и Глад —
Бичующее Лихолетье:
Отяжелевший век огляд
На борозды годины третьей.
Но каждый час, как вол, упрям,
Ярем гнетет крутую шею;
Дубовой поросли грубее,
Рубцуется рубаки шрам;
И, желтолицый печенег,
Сыпняк, иззябнувший в шинели,
Ворочает белками еле
И еле правит жизни бег...
Взрывайся, пороха крупа!
Свисти, разящий полумесяц!
Россия — дочь!
Жена!
Ступай —
И мертвому скажи: «Воскресе».
Ты наклонилась, и ладонь
Моя твое биенье чует,
И конь крылатый, молодой
Тебя выносит — вон, из тучи...

Харьков, 1919

КОБЗАРЬ

Опять весна, и ветер свежий
качает месяц в тополях...
Стопой веков — стопой медвежьей —
протоптанный, оттаял шлях.
И сердцу верится, что скоро
от журавлей и до зари,
клюкою меряя просторы,
потянут в дали кобзари.
И долгие застонут струны
про волю в гулких кандалах,
предтечу солнечной коммуны,
поимой по́том на полях.
Тарас, Тарас!
Ты, сивоусый,
загрезил над крутым Днепром:
сквозь просонь сыплешь песен бусы
и «Заповіт'а» серебром...

Косматые нависли брови,
и очи карие твои
гадают только об улове
очеловеченной любви.
Но видят, видят эти очи
(и слышит ухо топот ног!),
как селянин и друг-рабочий
за красным знаменем потек.
И сердцу ведомо, что путы
и наши, как твои, падут
и распрямит хребет согнутый
прославленный тобою труд.

Харьков, 1920

ОКТЯБРЬ

1

Неровный ветер страшен песней,
звенящей в синее стекло.
— Куда брести, Октябрь, тебе с ней,
коль небо кровью затекло?
Сутулый и подслеповатый,
дорогу щупая клюкой,
какой зажмешь ты рану ватой,
водой опрыскаешь какой?
В шинелях — вши, и в сердце — вера
ухабами качает путь.
Не от штыка — от револьвера
в пути погибнуть: как-нибудь.
Но страшен ветер, что в окошко
поет протяжно и звенит,
и, не мигая глазом, кошка
ворочает пустой зенит.
Очки поправив аккуратно
и аккуратно сгладив прядь,
вздохнув над тем, что безвозвратно
ушло, что надо потерять,—
ты сажу вдруг стряхнул дремоты
с припухших красноватых век,
и (Зингер злится!) — пулеметы
иглой застрачивают век.
В дыму померкло: «Мира!» — «Хлеба!»
Дни распахнулись — два крыла.

И Радость радугу вполнеба,
как бровь тугую, подняла.
Что стало с песней безголосой,
Звеневшей в мерзлое стекло?
Бубнят грудастые матросы,
что весело-развесело.
И пестует, пятью мечами
пронзая дряхлый Вифлеем,
звезды струящееся пламя
ребенка перед миром всем.
И, старина, за возмужалым,
за мудрым, за единым — ты
бредешь с «Интернационалом»,
крутя пожухлые листы.

2

Семнадцатый!..
Но догорели
в апреле трели соловья.
Прислушайся:
не в октябре ли
звучат весенние свирели
ликующего бытия?
Перебирает митральеза,
чеканя, четки все быстрей;
взлетев, упала «Марсельеза»;
и из бетона и железа,
над миром, гимн, греми и рей!
«Интернационал»!
Как узко,
как узко сердцу под ребром,
когда напружен каждый мускул
тяжелострунным Октябрем!
Горячей кровью жилы-струны
поют и будут петь вовек,
пока под радугой Коммуны
возносит молот человек.

3

Октябрь, Октябрь!
Какая память,
над алым годом ворожа,
тебя посмеет не обрамить

протуберанцем мятежа?
Какая кровь, ползя по жилам,
не превратится вдруг в вино,
чтоб ветеранам-старожилам
напомнить о зиме иной?
О той зиме, когда метели
летели в розовом трико,
когда сугробные недели
мелькали так легко-легко;
о той зиме, когда из фабрик
преображенный люд валил
и плыл Октябрь (а не октябрик!) —
распятием орлиных крыл...
Ты был, Октябрь.
И разве в стуже
твоей не чуялась сирень?
И даже был картуз твой, друже,
приплюснут лихо набекрень.

Тирасполь, 1920

БАСТИЛИЯ

Мы не забыли, как в садах Пале-Рояля
И у кафе Фуа ты пламенно громил
Разврат Людовика, о Демулен Камилл,
Как дым Бастилию окутал, день вуаля!
Сент-Антуанское предместье наша память,
Как раковина жемчуг, помнит и хранит,
И ненавистен башен спаянный гранит,
Возлегший, чтоб глухим венком позор обрамить
Но пали, пали королевские твердыни:
Аристократа опрокинул санкюлот!
О, Франция!
О, времени тяжелый лёт!
О, беднота воинственная, где ты ныне?
Одряхший мир — в параличе, и участили
События набухший кровью пульс его.
А в недрах зреет — зреет мести торжество
И гибелью грозит последней из Бастилий.
Так.
Рухнет и она.

От пролетарской пули
Кипит и пенится вселенская заря.
И сменим Двадцать Пятым Октября
Четырнадцатое Июля!

1921

НИКОЛАЙ АСЕЕВ
(1889—1963)

РОССИЯ ИЗДАЛИ

Три года гневалась весна,
три года грохотали пушки,
и вот — в России не узнать
пера и голоса кукушки.

Заводы весен, песен, дней,
отрите каменные слезы:
в России — вора голодней
земные груди гложет озимь.

Россия — лен, Россия — синь,
Россия — брошенный ребенок,
Россию, сердце, вознеси
руками песен забубенных.

Теперь там зори поднял май,
теперь там груды черных пашен,
теперь там — голос подымай,
и мир другой тебе не страшен.

Теперь там мчатся ковыли,
и говор голубей развешан,
и ветер пену шевелит
восторгом взмыленных черешен.

Заводы, слушайте меня —
готовьте пламенные косы:
в России всходят зеленя
и бредят бременем покоса!

Владивосток, 1920

КУМАЧ

Красные зори,
красный восход,
красные речи
у Красных ворот
и красный,
на площади Красной,
народ.

У нас пирогами
изба красна,
у нас над лугами
горит весна.

И красный кумач
на клиньях рубах,
и сходим с ума
о красных губах.

И в красном лесу
бродит красный зверь
И в эту красу
прошумела смерть.

Нас толпами сбили,
согнали в ряды,
мы красные в небо
врубили следы.

За дулами дула,
за рядом ряд,
и полымем сдуло
царей и царят.

Не прежнею спесью
наш разум строг,
но новые песни
все с красных строк.

Гляди ж, дозирая,
веков Калита:
вся площадь до края
огнем налита!

Краснейте же, зори,
закат и восход,
краснейте же, души,
у Красных ворот!

Красуйся над миром,
мой красный народ!

1921

СИНИЕ ГУСАРЫ

1

Раненым медведем
мороз дерет.
Санки по Фонтанке
летят вперед.
Полоз остер —
полосатит снег.
Чьи это там
голоса и смех?
«Руку
на сердце свое
положа,
я тебе скажу:
ты не тронь палаша!
Силе такой
становясь поперек,
ты б хоть других —
не себя —
поберег!»

2

Белыми копытами
лед колотя,
тени по Литейному —
дальше летят.
«Я тебе отвечу,
друг дорогой,—
гибель нестрашная
в петле тугой!

Позорней и гибельней
в рабстве таком,
голову выбелив,
стать стариком.
Пора нам состукнуть
клинок о клинок:
в свободу —
сердце мое
влюблено!»

3

Розовые губы,
витой чубук.
Синие гусары —
пытай судьбу!
Вот они,
не сгинув,
не умирав,
снова собираются
в номерах.
Скинуты ментики,
ночь глубока,
ну-ка — вспеньте-ка
полный бокал!
Нальем и осушим
и станем трезвей:
«За Южное братство,
за юных друзей!»

4

Глухие гитары,
высокая речь...
Кого им бояться
и что им беречь?
В них страсть закипает,
как в пене стакан
впервые читаются
строфы «Цыган»...
Тени по Литейному
летят назад.

Брови из-под кивера
дворцам грозят.
Кончена беседа.
Гони коней!
Утро вечера —
мудреней.

5

Что ж это,
что ж это,
что ж это за песнь?!
Голову
на руки белые
свесь.
Тихие гитары,
стыньте, дрожа:
синие гусары
под снегом лежат!

Декабрь 1925 г.

* * *

Не за силу, не за качество
золотых твоих волос
сердце враз однажды начисто
от других оторвалось.

Я тебя запомнил до́крепка,
ту, что много лет назад
без упрека и без окрика
загляделась мне в глаза.

Я люблю тебя, ту самую,—
все нежней и все тесней,—
что, назвавшись мне Оксаною,
шла ветрами по весне.

Ту, что шла со мной и мучилась,
шла и радовалась дням
в те года, как вьюга вьючила
груз снегов на плечи нам.

В том краю, где сизой замятью
песня с губ летит, скользя,
где нельзя любить без памяти
и запеть о том нельзя.

Где весна, схватившись за ворот,
от тоски такой устав,
хочет в землю лечь у явора,
у ракитова куста.

Нет, не сила и не качество
молодых твоих волос,
ты — всему была заказчица,
что в строке отозвалось.

1926

ДОМ

Я дом построил из стихов!..
В нем окна чистого стекла,—
там ходят тени облаков,
что буря в небе размела.

Я сам строку свою строгал,
углы созвучьями крепил,
венец к венцу строфу слагал
до самых вздыбленных стропил.

И вот под кровлею простой
ко мне сошлись мои друзья,
чьи голоса — не звук пустой,
кого — не полюбить нельзя:

Творцы родных, любимых книг,
что мне окно открыли в мир;
друзья, чья верность — не на миг,
сошлись на новоселья пир.

Летите в окна, облака,
входите, сосны, в полный рост,
разлейся, времени река,—
мой дом открыт сиянью звезд!

1955

ПРОСТЫЕ СТРОКИ

* * *

Я не могу без тебя жить!
Мне и в дожди без тебя — сушь,
мне и в жары без тебя — стыть,
мне без тебя и Москва — глушь.

Мне без тебя каждый час — с год,
если бы время мельчить, дробя;
мне даже синий небесный свод
кажется каменным без тебя.

Я ничего не хочу знать —
слабость друзей, силу врагов;
я ничего не хочу ждать,
кроме твоих драгоценных шагов.

1960

ЗЕРНО СЛОВ

От скольких людей я завишу:
от тех, кто посеял зерно,
от тех, кто чинил мою крышу,
кто вставил мне стекла в окно;

Кто сшил и скроил мне одежду,
кто прочно стачал сапоги,
кто в сердце вселил мне надежду,
что нас не осилят враги;

Кто ввел ко мне в комнату провод,
снабдил меня свежей водой,
кто молвил мне доброе слово,
когда еще был молодой.

О, как я от множеств зависим
призывов, сигналов, звонков,
доставки газеты и писем,
рабочих у сотен станков;

От слесаря, от монтера,
их силы, их речи родной,
от лучшего в мире мотора,
что движется в клетке грудной.

А что я собой представляю?
Не сею, не жну, не пашу —
по улицам праздно гуляю
да разве стихи напишу...

Но доброе зреет зерно в них
тяжелою красотой —
не чертополох, не терновник,
не дикий осот густой.

Нагреется калорифер,
осветится кабинет,
и жаром наполнятся рифмы,
и звуком становится свет.

А ты средь обычного шума
большой суеты мировой
к стихам присмотрись и подумай,
реши: «Это стоит того!»

1960

КОГДА ПРИХОДИТ В МИР...

Когда приходит в мир великий ветер,
против него встает, кто в землю врос,
кто никуда не движется на свете,
чуть пригибаясь под напором гроз.

Неутомимый, яростный, летящий,
валя и разметая бурелом,
он пред стеной глухой дремучей чащи
сникает перетруженным крылом.

И, не смирившись с тишиной постылой,
но и не смогши бушевать при ней,
ослабевает ветер от усилий,
упавши у разросшихся корней.

Но никакому не вместить участью
того, что в дар судьба ему дала:
его великолепное несчастье,
его незавершенные дела.

1960-е годы

АННА АХМАТОВА
(1889—1966)

* * *

Не с теми я, кто бросил землю
На растерзание врагам.
Их грубой лести я не внемлю,
Им песен я своих не дам.

Но вечно жалок мне изгнанник,
Как заключенный, как больной.
Темна твоя дорога, странник,
Полынью пахнет хлеб чужой.

А здесь, в глухом чаду пожара,
Остаток юности губя,
Мы ни единого удара
Не отклонили от себя.

И знаем, что в оценке поздней
Оправдан будет каждый час...
Но в мире нет людей бесслезней,
Надменнее и проще нас.

1922

* * *

Тот город, мной любимый с детства,
В его декабрьской тишине
Моим промотанным наследством
Сегодня показался мне.

Все, что само давалось в руки,
Что было так легко отдать:
Душевный жар, молений звуки
И первой песни благодать —

Все унеслось прозрачным дымом,
Истлело в глубине зеркал...
И вот уж о невозвратимом
Скрипач безносый заиграл.

Но с любопытством иностранки,
Плененной каждой новизной,
Глядела я, как мчатся санки,
И слушала язык родной.

И дикой свежестью и силой
Мне счастье веяло в лицо,
Как будто друг, от века милый,
Всходил со мною на крыльцо.

1929

БОРИС ПАСТЕРНАК

Он, сам себя сравнивший с конским глазом,
Косится, смотрит, видит, узнает,
И вот уже расплавленным алмазом
Сияют лужи, изнывает лед.

В лиловой мгле покоятся задворки,
Платформы, бревна, листья, облака.
Свист паровоза, хруст арбузной корки,
В душистой лайке робкая рука.

Звенит, гремит, скрежещет, бьет прибоем
И вдруг притихнет,— это значит, он
Пугливо пробирается по хвоям,
Чтоб не спугнуть пространства чуткий сон

И это значит, он считает зерна
В пустых колосьях, это значит, он
К плите дарьяльской, проклятой и черной,
Опять пришел с каких-то похорон.

И снова жжет московская истома,
Звенит вдали смертельный бубенец...
Кто заблудился в двух шагах от дома,
Где снег по пояс и всему конец?

За то, что дым сравнил с Лаокооном,
Кладбищенский воспел чертополох,
За то, что мир наполнил новым звоном
В пространстве новом отраженных строф,—

Он награжден каким-то вечным детством,
Той щедростью и зоркостью светил,
И вся земля была его наследством,
А он ее со всеми разделил.

19 января 1936 г.

МАЯКОВСКИЙ В 1913 ГОДУ

Я тебя в твоей не знала славе,
Помню только бурный твой рассвет,
Но, быть может, я сегодня вправе
Вспомнить день тех отдаленных лет.
Как в стихах твоих крепчали звуки,
Новые роились голоса...
Не ленились молодые руки,
Грозные ты возводил леса.
Все, чего касался ты, казалось
Не таким, как было до тех пор,
То, что разрушал ты,— разрушалось,
В каждом слове бился приговор.
Одинок и часто недоволен,
С нетерпеньем торопил судьбу,
Знал, что скоро выйдешь, весел, волен
На свою великую борьбу.
И уже отзывный гул прилива
Слышался, когда ты нам читал,
Дождь косил свои глаза гневливо,
С городом ты в буйный спор вступал.
И еще не слышанное имя
Молнией влетело в душный зал,
Чтобы ныне, всей страной хранимо,
Зазвучать как боевой сигнал.

1940

МУЖЕСТВО

Мы знаем, что́ ныне лежит на весах
И что́ совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.

Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,—
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

Февраль 1942 г.

* * *

1

Щели в саду вырыты,
Не горят огни.
Питерские сироты,
Детоньки мои!
Под землей не дышится,
Боль сверлит висок,
Сквозь бомбежку слышится
Детский голосок.

2

Постучи кулачком — я открою.
Я тебе открывала всегда.
Я теперь за высокой горою,
За пустыней, за ветром и зноем,
Но тебя не предам никогда...
Твоего я не слышала стона,
Хлеба ты у меня не просил.
Принеси же мне ветку клена
Или просто травинок зеленых,
Как ты прошлой весной приносил.
Принеси же мне горсточку чистой,
Нашей невской студеной воды,
И с головки твоей золотистой
Я кровавые смою следы.

1942

ЛЕТНИЙ САД

Я к розам хочу, в тот единственный сад,
Где лучшая в мире стоит из оград.

Где статуи помнят меня молодой,
А я их под невскою помню водой.

В душистой тиши между царственных лип
Мне мачт корабельных мерещится скрип.

И лебедь, как прежде, плывет сквозь века,
Любуясь красой своего двойника.

И замертво спят сотни тысяч шагов
Врагов и друзей, друзей и врагов.

А шествию теней не видно конца
От вазы гранитной до двери дворца.

Там шепчутся белые ночи мои
О чьей-то высокой и тайной любви.

И все перламутром и яшмой горит,
Но света источник таинственно скрыт.

1959

ТАЙНЫ РЕМЕСЛА

1. ТВОРЧЕСТВО

Бывает так: какая-то истома;
В ушах не умолкает бой часов;
Вдали раскат стихающего грома.
Неузнанных и пленных голосов
Мне чудятся и жалобы и стоны,
Сужается какой-то тайный круг,
Но в этой бездне шепотов и звонов
Встает один, все победивший звук.
Так вкруг него непоправимо тихо,
Что слышно, как в лесу растет трава,
Как по земле идет с котомкой лихо...
Но вот уже послышались слова

И легких рифм сигнальные звоночки,—
Тогда я начинаю понимать,
И просто продиктованные строчки
Ложатся в белоснежную тетрадь.

2

Мне ни к чему одические рати
И прелесть элегических затей.
По мне, в стихах все быть должно некстати,
Не так, как у людей.

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.

Сердитый окрик, дегтя запах свежий,
Таинственная плесень на стене...
И стих уже звучит, задорен, нежен,
На радость вам и мне.

3. МУЗА

Как и жить мне с этой обузой,
А еще называют Музой,
Говорят: «Ты с ней на лугу...»
Говорят: «Божественный лепет...»
Жестче, чем лихорадка, оттреплет,
И опять весь год ни гугу.

4. ПОЭТ

Подумаешь, тоже работа,—
Беспечное это житье:
Подслушать у музыки что-то
И выдать, шутя, за свое.

И, чье-то веселое скерцо
В какие-то строки вложив,
Поклясться, что бедное сердце
Так стонет средь блещущих нив.

А после подслушать у леса,
У сосен, молчальниц на вид,
Пока дымовая завеса
Тумана повсюду стоит.

Налево беру и направо,
И даже, без чувства вины,
Немного у жизни лукавой
И все — у ночной тишины.

5. ЧИТАТЕЛЬ

Не должен быть очень несчастным
И, главное, скрытным. О нет! —
Чтоб быть современнику ясным,
Весь настежь распахнут поэт.

И рампа торчит под ногами,
Все мертвенно, пусто, светло,
Лайм-лайта холодное пламя
Его заклеймило чело.

А каждый читатель как тайна,
Как в землю закопанный клад,
Пусть самый последний, случайный,
Всю жизнь промолчавший подряд.

Там все, что природа запрячет,
Когда ей угодно, от нас.
Там кто-то беспомощно плачет
В какой-то назначенный час.

И сколько там сумрака ночи,
И тени, и сколько прохлад,
Там те незнакомые очи
До света со мной говорят,

За что-то меня упрекают
И в чем-то согласны со мной...
Так исповедь льется немая,
Беседы блаженнейший зной.

Наш век на земле быстротечен,
И тесен назначенный круг,
А он неизменен и вечен —
Поэта неведомый друг.

6. ПОСЛЕДНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Одно, словно кем-то встревоженный гром,
С дыханием жизни врывается в дом,
Смеется, у горла трепещет,
И кружится, и рукоплещет.

Другое, в полночной родясь тишине,
Не знаю, откуда крадется ко мне,
Из зеркала смотрит пустого
И что-то бормочет сурово.

А есть и такие: средь белого дня,
Как будто почти что не видя меня,
Струятся по белой бумаге,
Как чистый источник в овраге.

А вот еще: тайное бродит вокруг —
Не звук и не цвет, не цвет и не звук,—
Гранится, меняется, вьется,
А в руки живым не дается.

Но это!.. по капельке выпило кровь,
Как в юности злая девчонка — любовь,
И, мне не сказавши ни слова,
Безмолвием сделалось снова.

И я не знавала жесточе беды.
Ушло, и его протянулись следы
К какому-то крайнему краю,
А я без него... умираю.

7. ЭПИГРАММА

Могла ли Биче, словно Дант, творить,
Или Лаура жар любви восславить?
Я научила женщин говорить...
Но, боже, как их замолчать заставить!

8. ПРО СТИХИ

Владимиру Нарбуту

Это — выжимки бессонниц,
Это — свеч кривых нагар,
Это — сотен белых звонниц
Первый утренний удар...

Это — теплый подоконник
Под черниговской лупой,
Это — пчелы, это — донник,
Это — пыль, и мрак, и зной.

9

Осипу Мандельштаму

Я над ними склонюсь, как над чашей,
В них заветных заметок не счесть —
Окровавленной юности нашей
Это черная нежная весть.
Тем же воздухом, так же над бездной
Я дышала когда-то в ночи,
В той ночи, и пустой и железной,
Где напрасно зови и кричи.
О, как пряно дыханье гвоздики,
Мне когда-то приснившейся там,—
Это кружатся Эвридики,
Бык Европу везет по волнам.
Это наши проносятся тени
Над Невой, над Невой, над Невой,
Это плещет Нева о ступени,
Это пропуск в бессмертие твой.
Это ключики от квартиры,
О которой теперь ни гугу...
Это голос таинственной лиры,
На загробном гостящей лугу.

10

Многое еще, наверно, хочет
Быть воспетым голосом моим:
То, что, бессловесное, грохочет,
Иль во тьме подземный камень точит,

Или пробивается сквозь дым.
У меня не выяснены счеты
С пламенем, и ветром, и водой...
Оттого-то мне мои дремоты
Вдруг такие распахнут ворота
И ведут за утренней звездой.

1936—1960

* * *

А я иду, где ничего не надо,
Где самый милый спутник — только тень,
И веет ветер из глухого сада,
А под ногой могильная ступень.

1964

* * *

Что́ войны, что́ чума? Конец им виден скорый;
Их приговор почти произнесен.
Но кто нас защитит от ужаса, который
Был бегом времени когда-то наречен?

ДАВИД ГОФШТЕЙН

(1889—1952)

С еврейского

НАЧАЛО

Идет моя нить от начала,
Висит на зеленом стебле,
На люльке, в которой ребенком качали,
И вьется по теплой земле,
Зеленая, гибкая, словно змея,
Все тянется, тянется нитка моя.

За солнечным годом срывается год,
Как будто минута одна,
А нить мою треплет под ветром невзгод,
Вот-вот оборвется она!

Но вижу я снова
Начало начал,
Блестящее, светлое снова.

И прялка, как прежде, вертясь и стуча,
Прядет моей пряжи основу.
Мне знать хорошо,
Что умел я хранить
Сквозь годы и беды
Блестящую нить...

1921

ВДОХНОВЕНИЕ

На просторах родимых
В стране,
Что прекраснее всех,
Я тебя не искал —
Ты само приходило ко мне.
Ты, как свежесть плода,
Утоляло мне жажды огонь,
Ты, как друга рука,
На мою опускалось ладонь...
Потому,
Знаю я,
Тайной прелести полон наш труд,
В каждом слове моем
Тлеет миру невидимый трут —
То грядущего пламя
Сегодня тобой зажжено,
Овладеет сердцами
И души согреет оно.
Это время придет —
Во всю мощь прозвучит моя песнь;
Это время придет,
И потомки услышат:
— Я есмь! —
Ибо песня поэта —
Грядущее
В нынешнем дне,—
То грядущее лето
В сегодняшней
Трудной
Весне!

1939

Люблю грядущий день, с которым прошлый — рядом
В Москве достал я книг старинных груду,
И образов гряда приходит отовсюду,
И давние миры охватываю взглядом.

Как жалок жизненный надел, как узок он,
Когда одним лишь «я» так слепо ограничен.
Наш день торопится, торопит зычным кличем
Прорваться к свету будущих времен.

И этот день, и этот миг пройдут, как вехи,
Мелькнет, и вот — он в прошлом, этот час.
Так дружно строится грядущее у нас,
Затем что связь времен скрепили мы навеки.

Не я, не ты с семьей в родстве старинном,
А весь народ-творец передо мной.
Вот с ним-то жить хочу семьей одной,
Всего народа быть удачным сыном.

Его быть сыном. От души, со страстью
Входить в громадный мир его труда.
Он в муках очищался; никогда
Не ищет счастья он в чужом несчастье.

1944

СЕРГЕЙ КЛЫЧКОВ

(1889—1940)

* * *

Сегодня день морозно-синий
С румянцем был во все лицо,
И ели, убранные в иней,
Обстали к вечеру крыльцо.

Вздыхая грузно на полатях,
До света грежу я всю ночь,
Что эти девки в белых платьях
И между ними моя дочь...

Глаза у них круглы и сини
Под нежной тенью поволок,
И наверху, посередине,
Луны отбитый уголок...

Глаза их радостны и чисты,
А щеки мягче калачей...
...И звезды снизаны в мониста
На нити тонкие лучей!

И дух такой морозно-синий,
Что даже распирает грудь...
И я отряхиваю иней
С висков, но не могу стряхнуть!

1929

ХОЦА НАМСАРАЕВ

(1889—1959)

С бурятского

ВЕЧНОЕ СТРЕМЛЕНИЕ

Наверно, родилось со мной «в сорочке»
Мое стремленье вечное вперед...
Оно кипя выносит песен строчки
Из-под пера шестидесятый год.

Пускай порой негромким было пенье,
Но десять или — более того,
Но двадцать волн моих стихотворений
Живут в душе народа моего.

Я не кончал научных академий,
Но тем горжусь я, что прошел бои,
Что были жизнь народа, труд и время —
Правдивые учители мои.

Стремленье сердца, лучшие порывы
В реальность строк полезных воплоти,

Работай, избегая перерыва,
Чтоб множить строки —
мысли во плоти,
Чтоб человеку помогать в пути.

Чтоб песней с ним беседовать сердечно.
Как видите вы, юные друзья,
Я не в расцвете юности, конечно,
Но молод вашей молодостью я.

Я полон счастья, полон новых звуков.
Как солнце, светит будущее мне.
За судьбы наших правнуков и внуков
Готов быть вечным воином в стране.

Вперед стремленье вечное, к высотам
У человека жить должно в крови
И звать к победам — первым, третьим, сотым
В работе, в жизни, к счастию в любви.

Не будет счет годов моих несметным,
И я, конечно, смертный человек.
Но в то же время стать могу бессмертным,
Коль, как река — теченью новых рек,
Вам передам свой опыт по работе,
Коль вы, горячий, молодой народ,
Как эстафету, дальше понесете
Мой труд, мое стремление вперед.

1945

НИКОЛАЙ ПОЛЕТАЕВ
(1889—1935)

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Знамен кровавых колыханье
На бледно-синих небесах,
Их слов серебряных блистанье
В холодных и косых лучах.

Рядов сплоченных шаг размерный,
И строгость бледно-серых лиц,
И в высоте неимоверной
Гудение железных птиц.

Не торжество, не ликованье,
Не смехом брызжущий восторг,
Во всем холодное сознанье,
Железный, непреложный долг.

7 ноября 1918 г.

* * *

Перевешу сапоги на плечи,
Положу в котомку сухарей
И пойду от раскаленной печи
В беспредельную тоску полей.

Синева и зелень не задушат
Задымленного в огне печей,
Я иду не бор зеленый слушать,
Не звенящий в сумраке ручей.

Я пойду в немытую деревню,
Я пойду к забытому отцу
Не скулить, не каяться плачевно,
Не кадить корявому лицу.

Я грозой спалю мою деревню,
Я дождем смету тоску с полей,
Чтоб победней, веселей, напевней
Засверкал и зазвенел ручей.

Чтоб в глаза покорные коровьи
Бросил он серебряную дрожь,
Чтоб пожаром вспыхнула на нови
Золотом бушующая рожь.

Чтоб на месте земляных конурок
Солнечные вздыбились дома,
Чтобы, сбросив бабий плат понурый
Солнцем захлебнулась синева.

1921

* * *

Портретов Ленина не видно:
Похожих не было и нет.
Века уж дорисуют, видно,
Недорисованный портрет.

Перо, резец и кисть не в силах
Весь мир огромный охватить,
Который бьется в этих жилах
И в этой голове кипит.

Глаза и мысль нерасторжимы,
А кто так мыслию богат,
Чтоб передать непостижимый,
Века пронизывающий взгляд?

1923

ХАКИМЗАДЕ НИЯЗИ ХАМЗА

(1889—1929)

С узбекского

МЫ — РАБОЧИЕ

(Песня)

Мы все — рабочие — живем
Своей работой и трудом.
Мы тоже люди — почему ж
Нам быть у баев под ярмом?

От грузной ноши тяжко нам,
И кровь струится по плечам.
Они хотят, чтоб мы, как скот,
Подвластны были их бичам.

Богато баи все живут,
Богатство баям дал наш труд,
Но в благодарность нам за то
Они нас мучают и бьют.

Но мы хотим идти вперед,
Сотрем с лица кровавый пот.
Поднимем головы свои
Из праха, из-под ног господ.

Настало время, батраки!
С плеч сбросим бремя, бедняки!
Победа впереди встает,
Лучи сияют нам в пути!

День этот — праздник для труда,
Да сгинет байство навсегда!
Бездомными нам не бродить
И не батрачить никогда.

Оружье нужно для борьбы,
На бой вооружимся мы.
Прогоним баев-кровопийц,
Защитников насилья, тьмы!

1918

УЗБЕКСКОЙ ЖЕНЩИНЕ

Сними чиммат, открой лицо, для всех прекрасной будь,
Оковы на куски разбей, им неподвластной будь!

Невежеству кинжал наук вонзи глубоко в грудь,
Науке, мудрости мирской, всегда причастной будь!

Поблекшему во тьме лицу дай радостью цвести,
Укрась ученых мудрых пир и розой красной будь!

Невежества и рабства яд тебе дают муллы,
Ты ханжество их обличай и речью страстной будь!

Заставь их лица почернеть от злобы и стыда,
Для всех, кто женщину не чтит, стрелой опасной будь!

Из тьмы чиммата, как из туч луна, блесни лицом,
Из темной жизни выходи, зарею ясной будь!

Лучи учености возьми, а не сурьму для глаз,
Войди в дворцы наук, искусств, для всех прекрасной будь!

1927

ОШЕР ШВАРЦМАН

(1889—1919)

С еврейского

ВЕСНА

Иду я — и светится день обновленно.
В свободно-весенней,
Сердечной и мягкой тиши небосклона —
Ледоход!
У черного лона
Размокшей земли, как слепые кутята,
Беспомощно булькая, дергаясь, роясь,
Ручьи копошатся, неловко, с трудом...

А там, отдаленно,
Ждет нежное облачко в небе пустом:
Когда же простор лучезарный и синий
Не станет разбрасывать утренний иней,
Воскреснут сады в черноземе и глине
И легкая туча прискачет потом
В лазурном плаще, на коне золотом.

Киев, 1918

ПЕЧАЛЬ

В нежнейшей из моих улыбок,
В моем внимательнейшем взгляде
Печаль, как вор, присутствует незримо.

И вот опять печаль сейчас
Сквозь дверь распахнутую, не стучась,
Пришла ко мне, как гость на пир приходит...

Она пришла от мальчика обиженного,
Родителями изгнанного из хижины.
В миг одиночества она спешит ко мне,
Ложится на сердце мое,
Как тусклый зимний день на снежные поляны

Иду я тихо к родникам моих страданий,
Не зная — боль моя легла ли на весы,
Я вижу взгляды жертв залитых, посиневших.

Мои страдания растут над бездной мира,
И старая тоска бредет, как ветер ночи,
Чтоб мне сказать:
«Ты одинок в страданьях глубочайших,
Умом и сердцем бродишь над мирами,
Как тихую овцу на отдых к ночи,
Тебя погонит смерть и заберет с собой».

И тяжко, тяжко за непрожитые дни,—
Как бы на старом тракте вехами они,—
И тяжело и больно мне за мир,
Что перед лезвием стоит себе с молитвой...
И обнимаю я столпы душевной веры
И говорю:
«Я человек, чей малый след затерян в поле,
Я человек, в чьем теле скорбь, чье сердце без защиты
Чего еще я жду!»

1919

ЙОХАННЕС БАРБАРУС

(1890—1946)

С эстонского

ВЕСНОЙ

Вглядись, как к чаше полного бутона
пчела приникла в жажде воспаленной:
отрава или мед?

Поникли лепестки под бременем тяжелым,
и клонится бутон на стебле напряженном:
блаженство или смерть?

В порыве яростном, безудержном и жадном
до сердцевины проникает жало:
убийство или страсть?

Вглядись, как к чаше полного бутона
пчела приникла в жажде воспаленной:
так расцветает жизнь.

1918

Презренье мое уничтожит сто тысяч солдат,
сто тысяч штыков, сто тысяч винтовок, что смерть изрыгали.
Я таков. Я безжалостной ненавистью испепелю
пятьдесят королей, пятьдесят королевских регалий
и тронов.
Ярость моя — сильнее патронов,
разрушительней бризантных снарядов, летящих, визжа.
О, громовые раскаты, бунтарский порыв миллионов,
взметнувших плакаты багряного мятежа
в ливне пуль... Погоди, погоди! Проклятье мое
распрямится и кинется к сейфам и кассам.
Никакая броня не в силах укрыть от меня
сокровищ награбленных! Биржевикам толстомясым
спасения нет! Взгляды рабочих голодных,
как летучие змеи огня, настигают везде богачей.
Куда бежать от суда?
Эй, заводчик, торгаш, кровопийца-кащей!
Вы страшитесь погибели неминучей,
цепляетесь жадно за жизнь и висите
подле сети паучьей, у края ловчих тенет,
где гудящие мухи в агонии дергают клейкие нити.
Вам — пасторы да попы, духовная каста.—
пора с пирами проститься, поститься вам надо!
Беснуется паства: баста! Смиренные чада
до самой земли сровняли строптивых церквей шпили
и вместо лживой любви, возглашаемой в храмах,
взрастили таинства истинной дружбы людей.
В страданьях рождаются тысячи ересиархов упрямых,
незримых мучеников, апостолов новых идей...

. . . . . .

Презренье мое уничтожит сто тысяч солдат,
сто тысяч штыков, сто тысяч винтовок, что смерть изрыгали.
Я безжалостной ненавистью испепелю
пятьдесят королей, пятьдесят королевских регалий
и тронов!..

(1920)

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Я сгорел в пожарах страсти,
гóря, ненависти, счастья.
Пепел мой смешался с прахом
юной ведьмы и монаха,
с поцелуем их прощальным
на огне костра венчальном!
Но, сожженный, возрождаюсь
в новой плоти, в новой жажде
жизни, творчества, горенья —
вновь костры, вновь Воскресенье...

АВТОПОРТРЕТ

О душе промолчу: душа — вне предела
Магнетической буре страстей отдана,
бесформенна, эфемерна она.
Я опишу геометрию тела.

Лицо — круг. Выдвинут вперед
нос — треугольник с гипотенузой.
Очерченный поцелуями рот
навечно обвенчан с музой.

Транспортир бровей: не видать ни зги
в чернети этих разлатых штуковин.
У смуглых век две синих дуги,—
поверьте, я очень греховен.

Глаза — оттенка балтийской волны.
Зрачков расширенных темные недра,
горящие взоры из глубины,
как снопы цветов, исторгают щедро.

В ушах «Интернационал» — хорал.
Шкала настроений — непостоянна.
В моей груди — мятежа интеграл.
Сердце — радуга, флейта Пана.

(1924)

ОСЕННЕЕ

Пол опустевшей безрадостной нивы
вымела осень — до колоса.
В сердце — зевота полей сиротливых,
засухой сжатые полосы.

Грабли сгребли все, что срезали косы.
Вянет листва облетелая.
Осень подходит, туманная осень.
Что ж! Ничего не поделаешь!

Ветер осенний ограбил природу.
Нивы остались раздетыми.
Может, и творчество этого года
как-то невзрачно поэтому?

Да уж: посев мой удачливым не был!
Сеянный в засуху грустную,
вырос без влаги чахоточный стебель,
зерна качая безвкусные.

Чахлых скирдов обнаженные ребра
встали скелета громадою.
Стук молотилок добычею доброй
хмурое сердце не радует.

Осень шумит на картофельном поле
ржавой ботвой да бурьянами.
Борозды, вдаль убегая на волю,
рельсами блещут туманными.

Грустные мысли бегут поневоле
в дали, где озимь печалится.
Что-то припомнилось... Так среди поля
камень знакомый встречается.

ОТДАЛЕНЬЕ

Еще во мгле ты виден, край мой бедный,
насильем заткнут рот, и зубы гневно сжаты,
но расцветает в синеве победной
душа — окровавленной, но крылатой.

Пусть в ранах сердце, пот на лбу смертельный,
но зори все светлей, и день приносит вести,
что близится из дали запредельной
час начинать святое дело мести.

День в пушечных громах встает, штыками
лучей — свободу нам неся и рабство руша;
звени же, песня, словом и делами,
в лесу и в ветре шаг победы слушай!

Цепь свастики уже теряет звенья,
советский мощный меч не ласков к вражьим спинам.
Народ! Все меньше наше отдаленье,
и сам его убавить помоги нам!

Февраль 1944 г.
Листовка

ОБ ОДНОЙ ПОТЕРЕ

...Я тем упорней отдаюсь работе,
Чем ближе чую грустный свой конец.

Ю. Сютисте. «Чужие мысли»

Кто сердцем лишь живет,— идет путем страданий
по щебню колкому былых очарований:
что шаг, то в чувстве рушится мечта.
Но так, лишь так поэзия родится;
когда в душе кровавый терн язвит,
то в корчах слов родится красота.
Кто жизнью лишь живет, в том смерть и воскресенье,
несет он груз забот, признанья и презренья;
неугасимым пламенем объят,
страшится: все ль он втиснет в стих потоки,
спешит, пером выгранивая строки,
почуяв — жизнь уходит на закат.
Кто жил поэзией, тот знает, сколь суровый
долг налагает жизнь, когда столь хрупко слово:
а что, коль труд навек прервется вмиг,
когда в глазах внезапно мир темнеет?
Электролампа тоже вдруг мертвеет,
взор ослепив, когда накал велик.

Кто для народа жил, для торжества идеи,
тот жив, поэзией и нас и внуков грея:
нам самое большое отдал он!
То, в чем сердец богатство воплотилось,
что по волнам столетий устремилось,
сильней, чем смерть, чем жадный зуб времен!

РАЗДУМЬЯ

1

Прими мой привет, знакомая чаща.
Вершины запомнили буйство шквала
и злобного ветра кашель свистящий,
но эта пора уже миновала.

Мне кажется, нынче праздник пресветлый:
устав от рычанья гневного грома,
чуть слышно вздыхают мирные ветви,
спокойно под крышей зеленого дома.

Прими мой привет, обитель лесная.
Разлука с тобой далась нелегко мне,
я все твои влажные шелесты знаю,
объятья и тихие сказки помню.

Покой обрету в материнском лоне.
Тоску одиночества сразу снимет
нежнейшая ласка листьев-ладоней,
к просторному небу рванусь я с ними.

Склонюсь головой на колени леса,
услышу, как травы встают из праха,
сомкнется шуршащих ветвей завеса,
и разум прогонит призраки страха.

2

Посмотришь назад — сплошные пустоты,
пробелы, огрехи, неспетые песни.
Потери считать — собьешься со счета,
в пыли затерялись ценные перстни.

Но если мы душу, как платье, проветрим
и, слушая пенье простенькой птицы,
забытой мелодии вдруг поверим,
из Савла апостол может родиться.

Любви не ценили, не верили в верность,
на чувства смотрели с легкой улыбкой,
а нынче, из памяти всплыв на поверхность,
мелькают они непойманной рыбкой...

Деревья стоят, в мундиры одеты,
и мох под ногами — ковром наилучшим,
и радость полета теплится где-то —
в зеленой траве, под камнем горючим.

В дыханье земли свобода такая,
что сердце летит к вершинам крылатым,
а солнце, по капле с деревьев стекая,
становится вдруг стихов концентратом.

Я кланяюсь лесу низким поклоном,
как любящий сын, певец и наследник!
И будет моим талисманом зеленым
иголка сосны в разлуке последней.

Сегодня стволы поют, словно струны,
и я растворяюсь в наплыве аккорда...
А лес прославляет счастья кануны
и гимны победе слагает гордо.

1946

ВЕРА ИНБЕР
(1890—1972)

ПЯТЬ НОЧЕЙ И ДНЕЙ

На смерть Ленина

И прежде чем укрыть в могиле
Навеки от живых людей,
В Колонном зале положили
Его на пять ночей и дней...

И потекли людские толпы,
Неся знамена впереди,
Чтобы взглянуть на профиль желтый
И Красный орден на груди.

Текли. А стужа над землею
Такая лютая была,
Как будто он унес с собою
Частицу нашего тепла.

И пять ночей в Москве не спали
Из-за того, что он уснул.
И был торжественно-печален
Луны почетный караул.

1924

ТРАМВАЙ ИДЕТ НА ФРОНТ

Холодный, цвета стали,
Суровый горизонт...
Трамвай идет к заставе,
Трамвай идет на фронт.
Фанера вместо стекол,
Но это ничего,
И граждане потоком
Вливаются в него.
Немолодой рабочий —
Он едет на завод,
Который дни и ночи
Оружие кует.
Старушку убаюкал
Ритмичный шум колес:
Она танкисту-внуку
Достала папирос.
Беседуя с сестрою
И полковым врачом,
Дружинницы — их трое —
Сидят к плечу плечом.
У пояса граната,
У пояса наган,
Высокий, бородатый —
Похоже, партизан,
Пришел помыться в бапьке,
Побыть с семьей своей,

Принес сынишке Саньке
Немецкий шлем-трофей —
И снова в путь-дорогу,
В дремучие снега,
Выслеживать берлогу
Жестокого врага,
Огнем своей винтовки
Вести фашистам счет...
Мелькают остановки,
Трамвай на фронт идет.
Везут домохозяйки
Нещедрый свой паек,
Грудной ребенок — в байке
Откинут уголок —
Глядит (ему все ново).
Гляди, не забывай
Крещенья боевого,—
На фронт идет трамвай.
Дитя! Твоя квартира
В обломках. Ты — в бою
За обновленье мира,
За будущность твою.

Ноябрь 1941 г.
Ленинград

НАША БИОГРАФИЯ

Лошадка добрая моя,
По имени Пегас,
Ты тут как тут, чуть только я
Отдам тебе приказ.
Не будь бы этого, беда —
Ходить бы мне пешком.
И только редко, иногда,
Ты молвишь мне тишком:
«Хозяюшка, повремени,
Дозволь передохнуть.
Невыносимые ремни
Мне натрудили грудь.
Путей-дорог не разузнав,
Я попадал в затор.
Карабкаясь по крутизнам,
Я ноги поистер».

Пегашка, верный мой конек,
Друг сердца моего,
Чтоб ты чего-нибудь не мог —
Не может быть того.
Твоя испытанная прыть
Другим коням пример.
А ну-ка... надо повторить
И взять вон тот барьер...
Но надо думать, как-никак,
Настанет день такой,
Когда удастся, мой бедняк,
Уйти нам на покой.
Оставив небогатый кров,
Неприхотливый скарб,
Возьмем с тобой последний ров
Последний наш эскарп.
Перемахнем через плато,
А там — ручей и луг,
Где будет нами испито́
Спокойствие, мой друг.
Старинный рыцарский пейзаж,
Приют усталых душ;
Кому придет такая блажь —
Искать такую глушь!
Живем мы, дней не торопя,
Спокойные душой.
Тревожу редко я тебя
Прогулкой небольшой.
Но чу!.. Из-за кольца лесов
Донесся в наш приют
Какой-то звук, какой-то зов —
И ты уж тут как тут.
«Хозяюшка, поторопись!
Темнеет. Путь далек.
Попробуем сначала рысь,
А там пойдем в галоп».
И снова, юные, как встарь,
Летим, барьер беря.
Горит над нами, как янтарь,
Закатная заря...
И так, покуда не погас
Вечерний этот свет,
Мы неразлучны, мой Пегас,
И нам покоя нет.

Все тот же путь, все тот же кров,
На радости скупой.
И так — пока могильный ров
Нас не возьмет с тобой.

1945

ЧИТАТЕЛЮ

Читатель мой, не надобно бояться,
Что я твой книжный шкаф обременю
Посмертными томами (штук пятнадцать)
Одетыми в тисненую броню.

Нет. Издана не пышно, не богато,
В простой обложке серо-голубой,
То будет книжка малого формата,
Чтоб можно было брать ее с собой.

Чтобы она у сердца трепетала
В кармане делового пиджака,
Чтобы ее из сумки извлекала
Домохозяйки теплая рука.

Чтоб девочка в капроновых оборках
Из-за нее бы не пошла на бал,
Чтобы студент, забывши про пятерки,
Ее во время лекции читал...

«Товарищ Инбер,— скажут педагоги,—
Невероятно! Вас не разберешь.
Вы нарушаете регламент строгий,
Вы путаете нашу молодежь».

Я знаю — это не педагогично,
Но знаю я и то, что сила строк
Порою может заменить (частично)
Веселый бал и вдумчивый урок.

Теченье дня частенько нарушая
(Когда сама уйду в небытие),—
Не умирай же, книжка небольшая,
Живи подольше, детище мое!

1963

БОРИС ПАСТЕРНАК
(1890—1960)

ПОЭЗИЯ

Поэзия, я буду клясться
Тобой и кончу, прохрипев:
Ты не осанка сладкогласца,
Ты — лето с местом в третьем классе
Ты — пригород, а не припев.

Ты — душная, как май, Ямская,
Шевардина ночной редут,
Где тучи стоны испускают
И врозь по роспуске идут.

И в рельсовом витье двояся,—
Предместье, а не перепев,—
Ползут с вокзалов восвояси
Не с песней, а оторопев.

Отростки ливня грязнут в гроздьях
И долго, долго, до зари,
Кропают с кровель свой акростих,
Пуская в рифму пузыри.

Поэзия, когда под краном
Пустой, как цинк ведра, трюизм,
То и тогда струя сохранна,
Тетрадь подставлена,— струись!

1922

* * *

О, знал бы я, что так бывает,
Когда пускался на дебют,
Что строчки с кровью — убивают,
Нахлынут горлом и убьют!

От шуток с этой подоплекой
Я б отказался наотрез.
Начало было так далеко,
Так робок первый интерес.

Но старость — это Рим, который
Взамен турусов и колес
Не читки требует с актера,
А полной гибели всерьез.

Когда строку диктует чувство,
Оно на сцену шлет раба,
И тут кончается искусство,
И дышат почва и судьба.

1931

НА РАННИХ ПОЕЗДАХ

Я под Москвою эту зиму,
Но в стужу, снег и буревал
Всегда, когда необходимо,
По делу в городе бывал.

Я выходил в такое время,
Когда на улице ни зги,
И рассыпал лесною темью
Свои скрипучие шаги.

Навстречу мне на переезде
Вставали ветлы пустыря.
Надмирно высились созвездья
В холодной яме января.

Обыкновенно у задворок
Меня старался перегнать
Почтовый или номер сорок,
А я шел на́ шесть двадцать пять.

Вдруг света хитрые морщины
Сбирались щупальцами в круг.
Прожектор несся всей машиной
На оглушенный виадук.

В горячей духоте вагона
Я отдавался целиком
Порыву слабости врожденной
И всосанному с молоком.

Сквозь прошлого перипетии
И годы войн и нищеты
Я молча узнавал России
Неповторимые черты.

Превозмогая обожанье,
Я наблюдал, боготворя,
Здесь были бабы, слобожане,
Учащиеся, слесаря.

В них не было следов холопства,
Которые кладет нужда,
И новости и неудобства
Они несли, как господа.

Рассевшись кучей, как в повозке,
Во всем разнообразье поз,
Читали дети и подростки,
Как заведенные, взасос.

Москва встречала нас во мраке,
Переходившем в серебро,
И, покидая свет двоякий,
Мы выходили из метро.

Потомство тискалось к перилам
И обдавало на ходу
Черемуховым свежим мылом
И пряниками на меду.

1941

ВЕТЕР

Я кончился, а ты жива.
И ветер, жалуясь и плача,
Раскачивает лес и дачу,
Не каждую сосну отдельно,
А полностью все дерева
Со всею далью беспредельной,
Как парусников кузова
На глади бухты корабельной.
И это не из удальства
Или из ярости бесцельной,
А чтоб в тоске найти слова
Тебе для песни колыбельной.

1953

АВГУСТ

Как обещало, не обманывая,
Проникло солнце утром рано
Косою полосой шафрановою
От занавеси до дивана.

Оно покрыло жаркой охрою
Соседний лес, дома поселка,
Мою постель, подушку мокрую
И край стены за книжной полкой.

Я вспомнил, по какому поводу
Слегка увлажнена подушка.
Мне снилось, что ко мне на проводы
Шли по лесу вы друг за дружкой.

Вы шли толпою, врозь и парами,
Вдруг кто-то вспомнил, что сегодня
Шестое августа по-старому,
Преображение господне.

Обыкновенно свет без пламени
Исходит в этот день с Фавора,
И осень, ясная, как знаменье,
К себе приковывает взоры.

И вы прошли сквозь мелкий, нищенский
Сквозной, трепещущий ольшаник
В имбирно-красный лес кладбищенский,
Горевший, как печатный пряник.

С притихшими его вершинами
Соседствовало небо важно,
И голосами петушиными
Перекликалась даль протяжно.

В лесу казенной землемершею
Стояла смерть среди погоста,
Смотря в лицо мое умершее,
Чтоб вырыть яму мне по росту.

Был всеми ощутим физически
Спокойный голос чей-то рядом.
То прежний голос мой провидческий
Звучал, не тронутый распадом:

«Прощай, лазурь преображенская
И золото второго Спаса.
Смягчи последней лаской женскою
Мне горечь рокового часа.

Прощайте, годы безвременщины.
Простимся, бездне унижений
Бросающая вызов женщина!
Я — поле твоего сраженья.

Прощай, размах крыла расправленный,
Полета вольное упорство,
И образ мира, в слове явленный,
И творчество, и чудотворство».

1953

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Мело, мело по всей земле
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

Как летом роем мошкара
Летит на пламя,
Слетались хлопья со двора
К оконной раме.

Метель лепила на стекле
Кружки и стрелы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

На озаренный потолок
Ложились тени,
Скрещенья рук, скрещенья ног,
Судьбы скрещенья.

И падали два башмачка
Со стуком на пол.
И воск слезами с ночника
На платье капал.

И всё терялось в снежной мгле,
Седой и белой.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

На свечку дуло из угла,
И жар соблазна
Вздымал, как ангел, два крыла
Крестообразно.

Мело весь месяц в феврале,
И то и дело
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

1956

* * *

Во всем мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте.

До сущности протекших дней,
До их причины,
До оснований, до корней,
До сердцевины.

Все время схватывая нить
Судеб, событий,
Жить, думать, чувствовать, любить,
Свершать открытья.

О, если бы я только мог
Хотя отчасти,
Я написал бы восемь строк
О свойствах страсти.

О беззаконьях, о грехах,
Бегах, погонях,
Нечаянностях впопыхах,
Локтях, ладонях.

Я вывел бы ее закон,
Ее начало,
И повторял ее имен
Инициалы.

Я б разбивал стихи, как сад.
Всей дрожью жилок
Цвели бы липы в них подряд,
Гуськом, в затылок.

В стихи б я внес дыханье роз,
Дыханье мяты,
Луга, осоку, сенокос,
Грозы раскаты.

Так некогда Шопен вложил
Живое чудо
Фольварков, парков, рощ, могил
В свои этюды.

Достигнутого торжества
Игра и мука —
Натянутая тетива
Тугого лука.

1956

КОГДА РАЗГУЛЯЕТСЯ

Большое озеро как блюдо.
За ним — скопленье облаков,
Нагроможденных белой грудой
Суровых горных ледников.

По мере смены освещенья
И лес меняет колорит.
То весь горит, то черной тенью
Насевшей копоти покрыт.

Когда в исходе дней дождливых
Меж туч проглянет синева,
Как небо празднично в прорывах,
Как торжества полна трава!

Стихает ветер, даль расчистив,
Разлито солнце по земле.
Просвечивает зелень листьев,
Как живопись в цветном стекле.

В церковной росписи оконниц
Так в вечность смотрят изнутри
В мерцающих венцах бессонниц
Святые, схимники, цари.

Как будто внутренность собора —
Простор земли, и чрез окно
Далекий отголосок хора
Мне слышать иногда дано.

Природа, мир, тайник вселенной,
Я службу долгую твою,
Объятый дрожью сокровенной,
В слезах от счастья отстою.

1956

НОЧЬ

Идет без проволочек
И тает ночь, пока
Над спящим миром летчик
Уходит в облака.

Он потонул в тумане,
Исчез в его струе,
Став крестиком на ткани
И меткой на белье.

Под ним ночные бары,
Чужие города,
Казармы, кочегары,
Вокзалы, поезда.

Всем корпусом на тучу
Ложится тень крыла.
Блуждают, сбившись в кучу,
Небесные тела.

И страшным, страшным креном
К другим каким-нибудь
Неведомым вселенным
Повернут Млечный Путь.

В пространствах беспредельных
Горят материки.
В подвалах и котельных
Не спят истопники.

В Париже из-под крыши
Венера или Марс
Глядят, какой в афише
Объявлен новый фарс.

Кому-нибудь не спится
В прекрасном далеке
На крытом черепицей
Старинном чердаке.

Он смотрит на планету,
Как будто небосвод
Относится к предмету
Его ночных забот.

Не спи, не спи, работай,
Не прерывай труда,
Не спи, борись с дремотой,
Как летчик, как звезда.

Не спи, не спи, художник,
Не предавайся сну.
Ты — вечности заложник
У времени в плену.

1956

СНЕГ ИДЕТ

Снег идет, снег идет.
К белым звездочкам в буране
Тянутся цветы герани
За оконный переплет.

Снег идет, и всё в смятенье,
Всё пускается в полет,—
Черной лестницы ступени,
Перекрестка поворот.

Снег идет, снег идет,
Словно падают не хлопья,
А в заплатанном салопе
Сходит наземь небосвод.

Словно с видом чудака,
С верхней лестничной площадки,
Крадучись, играя в прятки,
Сходит небо с чердака.

Потому что жизнь не ждет.
Не оглянешься — и святки.
Только промежуток краткий,
Смотришь, там и новый год.

Снег идет, густой-густой.
В ногу с ним, стопами теми,
В том же темпе, с ленью той
Или с той же быстротой,
Может быть, проходит время?

Может быть, за годом год
Следуют, как снег идет,
Или как слова в поэме?

Снег идет, снег идет,
Снег идет, и всё в смятенье:
Убеленный пешеход,
Удивленные растенья,
Перекрестка поворот.

1957

МИХАИЛ ЗЕНКЕВИЧ
(1891—1973)

НАЙДЕНЫШ

Пришел солдат домой с войны,
Глядит: в печи огонь горит,
Стол чистой скатертью накрыт,
Чрез край квашни текут блины,
Да нет хозяйки, нет жены!

Он скинул вещевой мешок,
Взял для прикурки уголек.
Под печкой, там, где темнота,
Глаза блеснули... Чьи? Кота?
Мышиный шорох, тихий вздох...
Нагнулся: девочка лет трех.

«Ты что сидишь тут? Вылезай».
Молчит, глядит во все глаза,
Пугливее зверенышка,
Светлей кудели волоса,
На васильках — роса —
слеза.
«Как звать тебя?»
«Аленушка».
«А дочь ты чья?»
Молчит... «Ничья.
Нашла маманька у ручья
За дальнею полосонькой,
Под белою березонькой».
«А мамка где?» — «Укрылась в рожь,
Боится, что ты нас убьешь...»
Солдат воткнул в хлеб острый нож,
Оперся кулаком о стол,
Кулак свинцом налит, тяжел.
Молчит солдат, в окно глядит,
Туда, где тропка вьется вдаль.
Найденыш рядом с ним сидит,
Над сердцем теребит медаль.
Как быть?
В тумане голова.
Проходит час, а может, два.

Солдат глядит в окно и ждет:
Придет жена иль не придет?
Как тут поладишь, жди не жди...
А девочка к его груди
Прижалась бледным личиком,
Дешевым блеклым ситчиком...

Взглянул:
у притолки жена
Стоит, потупившись, бледна...
«Входи, жена! Пеки блины.
Вернулся целым муж с войны.
Былое порастет быльем,
Как дальняя сторонушка.
По-новому мы заживем,
Вот наша дочь — Аленушка!»

1945—1955

ЖИВУТ СТИХИ

Живут стихи, которые с трибуны
Бросают гулко громовой раскат.
От их порыва, как в грозу буруны,
Рукоплескания толпы гремят.

Живут стихи, которые с эстрады
Не прозвучат, но голос их знаком:
Прослушать их среди беседы рады
Собравшиеся дружеским кружком.

Живут стихи, которые, смущаясь,
Застенчиво смолкают при других,
Но, соловьиной трелью рассыпаясь
Звенят в уединенье для двоих.

Живут стихи, которые напевно
Звучат лишь одному наедине,
О самом сокровенном задушевно
Беседуя в рассветной тишине.

1954

РЮРИК ИВНЕВ

(Род. в 1891 г.)

СМОЛЬНЫЙ

Довольно! Довольно! Довольно
Истошно кликушами выть!
Весь твой я, клокочущий Смольный,
С другими — постыдно мне быть.

Пусть ветер холодный и резкий
Ревет и не хочет стихать,
Меня научил Достоевский
Россию мою понимать.

Не я ли стихами молился,
Чтоб умер жестокий палач,
И вот этот круг завершился,
Россия, Россия, не плачь!

Не я ль призывал эти бури,
Не я ль ненавидел застой?
Дождемся и блеска лазури
Над скованной льдами Невой.

Чтоб счастье стране улыбнулось,
Она заслужила его.
И чтобы в одно обернулось
Твое и мое торжество.

Довольно! Довольно! Довольно!
Кликушам нет места в бою.
Весь твой я, клокочущий Смольный,
Всю жизнь я тебе отдаю!

Октябрь 1917 г.
Петроград

У КОЛЫБЕЛИ ОКТЯБРЯ

Небо плыло тихо и спокойно.
Падал снег, как сотни лет назад.
Петербург, который Петр построил,
Ныне назывался Петроград.

Цифрою Семнадцать окрыленный,
Вспоминаю с болью Пятый год.
Город жил, как юноша влюбленный,
Что невесту с нетерпеньем ждет.
Было все торжественно и просто:
И Нева, и мрамор, и гранит.
Особняк у Троицкого моста
До сих пор передо мной стоит.
Ленина увидел я в апреле.
Мог ли знать я в смене бурных дней,
Что стою у самой колыбели
Будущего Родины моей?

1963

ВСЕ ПОВТОРЯЕТСЯ

Все повторяется на свете —
Вагопы, облака, дымок.
Я, трижды совершеннолетний,
Дышу, как юноша, легко.

Бурлит поток воспоминаний,
И льются музыкою вновь
Ручьи недопитых желаний,
Без спроса проникая в кровь.

В смятенье сам себе не верю,
Что я по-прежнему пою.
Должно быть, добрые деревья
Мне свежесть отдали свою.

Здесь нет вопросов и ответов,
Все ясно, и понятно все.
Пусть поезд вновь меня по свету,
Как теплый дождик, пронесет.

1966

НАЕДИНЕ С ПРИРОДОЙ

Наедине с природой, независимо
От всех философических препон,
Магический я слышу перезвон
Высоких сосен и деревьев лиственных

Я и природа. Никаких посредников!
И хоть все горы на меня обрушь,
Я не приму назойливых серебренников
За то, чтобы покинуть эту глушь.
Ослепшие становятся здесь зрячими,
Оглохшие здесь обретают слух,
Как будто мы впервые мыслить начали
Вне тесных пут свиданий и разлук.

2 июня 1967 г.

* * *

Я пью тебя, пленительная жизнь,
Глазами, сердцем, вздохами и кожей.
Казалось бы, что все — одно и то же,
Как совершенно точный механизм.
Но как мы ошибаемся,— о, боже!

На самом деле все разнообразно
И каждый день наполнен новизной.
По-разному горят в ночи алмазы
Бездонных звезд — зимою и весной.

По-разному мы ощущаем лето
И ненасытной осени настой.
Мы знаем все вопросы и ответы,
И все ж кричим мы времени: «Постой!»

12—14 мая 1972 г.
Москва

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ
(1891—1938)

АКТЕР И РАБОЧИЙ

Здесь, на твердой площадке яхт-клуба,
Где высокая мачта и спасательный круг,
У южного моря, под сенью Юга
Деревянный пахучий строился сруб!

Это игра воздвигает здесь стены!
Разве работать — не значит играть?
По свежим доскам широкой сцены
Какая радость впервые шагать!

Актер — корабельщик на палубе мира!
И дом актера стоит на волнах!
Никогда, никогда не боялась лира
Тяжелого молота в братских руках!

Что сказал художник, сказал и работник
«Воистину, правда у нас одна!»
Единым духом жив и плотник,
И поэт, вкусивший святого вина!

А вам спасибо! И дни и ночи
Мы строим вместе — и наш дом готов!
Под маской суровости скрывает рабочий
Высокую нежность грядущих веков!

Веселые стружки пахнут морем,
Корабль оснащен — в добрый путь!
Плывите же вместе к грядущим зорям,
Актер и рабочий, вам нельзя отдохнуть!

1920

* * *

Мне Тифлис горбатый снится,
Сазандарей стон звенит,
На мосту народ толпится,
Вся ковровая столица,
А внизу Кура шумит.

Над Курою есть духаны,
Где вино и милый плов,
И духанщик там румяный
Подает гостям стаканы
И служить тебе готов.

Кахетинское густое
Хорошо в подвале пить,—
Там в прохладе, там в покое,
Пейте вдоволь, пейте двое,
Одному не надо пить!

В самом маленьком духане
Ты обманщика найдешь,
Если спросишь «Телиани» —
Поплывет Тифлис в тумане,
Ты в бутылке поплывешь.

Человек бывает старым,
А барашек молодым,
И под месяцем поджарым
С розоватым винным паром
Полетит шашлычный дым...

1920, 1927

* * *

Умывался почью на дворе,—
Твердь сияла грубыми звездами.
Звездный луч — как соль на топоре,
Стынет бочка с полными краями.

На замок закрыты ворота́,
И земля по совести сурова,—
Чище правды свежего холста
Вряд ли где отыщется основа.

Тает в бочке, словно соль, звезда,
И вода студеная чернее,
Чище смерть, соленее беда,
И земля правдивей и страшнее.

1921

* * *

Вы, с квадратными окошками, невысокие дома,—
Здравствуй, здравствуй, петербургская несуровая зима!

И торчат, как щуки ребрами, незамерзшие катки,
И еще в прихожих слепеньких валяются коньки.

А давно ли по каналу плыл с красным обжигом гончар,
Продавал с гранитной лесенки добросовестный товар.

Ходят боты, ходят серые у Гостиного двора,
И сама собой сдирается с мандаринов кожура.

И в мешочке кофий жареный, прямо с холоду домой,
Электрическою мельницей смолот мокко золотой.

Шоколадные, кирпичные, невысокие дома,—
Здравствуй, здравствуй, петербургская несуровая зима!

И приемные с роялями, где, по креслам рассадив,
Доктора кого-то потчуют во́рохами старых «Нив».

После бани, после оперы,— все равно, куда ни шло,—
Бестолковое, последнее трамвайное тепло!

1924

* * *

Сегодня ночью, не солгу,
По пояс в тающем снегу
Я шел с чужого полустанка,
Гляжу — изба, вошел в сенцы —
Чай с солью пили чернецы,
И с ними балует цыганка.

У изголовья, вновь и вновь,
Цыганка вскидывает бровь,
И разговор ее был жалок.
Она сидела до зари
И говорила: «Подари
Хоть шаль, хоть что, хоть полушалок».

Того, что было, не вернешь,
Дубовый стол, в солонке нож,
И вместо хлеба еж брюхатый.
Хотели петь — и не смогли,
Хотели встать — дугой пошли
Через окно на двор горбатый.

И вот проходит полчаса,
И гарнцы черного овса
Жуют, похрустывая, кони.
Скрипят ворота на заре,
И запрягают на дворе.
Теплеют медленно ладони.

Холщовый сумрак поредел.
С водою разведенный мел,
Хоть даром, скука разливает,
И сквозь прозрачное рядно
Молочный день глядит в окно
И золотушный грач мелькает.

1925

* * *

Я вернулся в мой город, знакомый до слез,
До прожилок, до детских припухлых желез.

Ты вернулся сюда,— так глотай же скорей
Рыбий жир ленинградских речных фонарей.

Узнавай же скорее декабрьский денек,
Где к зловещему дегтю подмешан желток.

Петербург, я еще не хочу умирать:
У тебя телефонов моих номера.

Петербург, у меня еще есть адреса,
По которым найду мертвецов голоса.

Я на лестнице черной живу, и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок.

И всю ночь напролет жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных.

Декабрь 1930 г.

* * *

С миром державным я был лишь ребячески связан,
Устриц боялся и на гвардейцев глядел исподлобья,
И ни крупицей души я ему не обязан,
Как я ни мучал себя по чужому подобью.

С важностью глупой, насупившись, в митре бобровой
Я не стоял под египетским портиком банка,
И над лимонной Невою под хруст сторублевый
Мне никогда, никогда не плясала цыганка.

Чуя грядущие казни, от рева событий мятежных
Я убежал к нереидам на Черное море,
И от красавиц тогдашних, от тех европе́янок нежных,
Сколько я принял смущенья, надсады и горя!

Так отчего ж до сих пор этот город довлеет
Мыслям и чувствам моим по старинному праву?
Он от пожаров еще и морозов наглеет,
Самолюбивый, проклятый, пустой, моложавый.

Не потому ль, что я видел на детской картинке
Леди Годиву с распущенной рыжею гривой,
Я повторяю еще про себя, под сурдинку:
«Леди Годива, прощай! Я не помню, Годива...»

Январь — февраль 1931 г.

* * *

За гремучую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей
Я лишился и чаши на пире отцов,
И веселья, и чести своей.

Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей,
Запихай меня лучше, как шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степей.

Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязцы,
Ни кровавых костей в колесе,
Чтоб сияли всю ночь голубые песцы
Мне в своей первобытной красе,

Уведи меня в ночь, где течет Енисей
И сосна до звезды достает,
Потому что не волк я по крови своей
И меня только равный убьет.

17—28 марта 1931 г.

* * *

Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма,
За смолу кругового терпенья, за совестный деготь труда...
Как вода в новгородских колодцах должна быть черна и сладима,
Чтобы в ней к рождеству отразилась семью плавниками звезда.

И за это, отец мой, мой друг и помощник мой грубый,
Я — непризнанный брат, отщепенец в народной семье —
Обещаю построить такие дремучие срубы,
Чтобы в них татарва опускала князей на бадье.

Лишь бы только любили меня эти мерзлые плахи,
Как, нацелясь на смерть, городки зашибают в саду,—
Я за это всю жизнь прохожу хоть в железной рубахе
И для казни петровской в лесах топорище найду.

3 мая 1931 г.

* * *

Довольно кукситься, бумаги в стол засунем,
Я нынче славным бесом обуян,
Как будто в корень голову шампунем
Мне вымыл парикмахер Франсуа.

Держу пари, что я еще не умер,
И, как жокей, ручаюсь головой,
Что я еще могу набедокурить
На рысистой дорожке беговой.

Держу в уме, что нынче тридцать первый
Прекрасный год в черемухах цветет,
Что возмужали дождевые черви
И вся Москва на яликах плывет.

Не волноваться: нетерпенье — роскошь.
Я постепенно скорость разовью,
Холодным шагом выйдем на дорожку,
Я сохранил дистанцию мою.

7 июня 1931 г.

* * *

Мастерица виноватых взоров,
Маленьких держательница плеч,
Усмирен мужской опасный норов,
Не звучит утопленница-речь.

Ходят рыбы, рдея плавниками,
Раздувая жабры. На, возьми,
Их, бесшумно окающих ртами,
Полухлебом плоти накорми!

Мы не рыбы красно-золотые,
Наш обычай сестринский таков,—
В теплом теле ребрышки худые
И напрасный влажный блеск зрачков.

Маком бровки мечен путь опасный...
Что же, мне, как янычару, люб
Этот крошечный летуче-красный,
Этот жалкий полумесяц губ.

Не серчай, турчанка дорогая,
Я с тобой в глухой мешок зашьюсь,
Твои речи темные глотая,
За тебя кривой воды напьюсь.

Ты, Мария,— гибнущим подмога.
Надо смерть предупредить, уснуть.
Я стою у твердого порога —
Уходи, уйди, еще побудь!..

Февраль 1934 г.

* * *

Да, я лежу в земле, губами шевеля,
Но то, что я скажу, заучит каждый школьник:

На Красной площади всего круглей земля,
И скат ее твердеет добровольный,

На Красной площади земля всего круглей,
И скат ее нечаянно-раздольный,

Откидываясь вниз — до рисовых полей,
Покуда на земле последний жив невольник.

Май 1935 г.

СТАНСЫ

Я не хочу средь юношей тепличных
Разменивать последний грош души,
Но, как в колхоз идет единоличник,
Я в мир вхожу,— и люди хороши.

Люблю шинель красноармейской складки,
Длину до пят, рукав простой и гладкий
И волжской туче родственный покрой,
Чтоб, на спине и на груди лопатясь,
Она лежала, на запас не тратясь,
И скатывалась летнею порой.

Проклятый шов, нелепая затея,
Нас разлучили. А теперь, пойми,
Я должен жить, дыша и большевея,
И, перед смертью хорошея,
Еще побыть и поиграть с людьми!

Подумаешь, как в Чердыне-голу́бе,
Где пахнет Обью и Тобол в раструбе,
В семивершковой я метался кутерьме.
Клевещущих козлов не досмотрел я драки,
Как петушок в прозрачной летней тьме,
Харчи, да харк, да что-нибудь, да враки,—
Стук дятла сбросил с плеч. Прыжок. И я в уме

И ты, Москва, сестра моя, легка,
Когда встречаешь в самолете брата
До первого трамвайного звонка,—
Нежнее моря, путаней салата
Из дерева, стекла и молока.

Моя страна со мною говорила,
Мирволила, журила, не прочла,
Но возмужавшего меня, как очевидца,
Заметила — вдруг, как чечевица,
Адмиралтейским лучиком зажгла.

Я должен жить, дыша и большевея,
Работать речь, не слушаясь, сам-друг.
Я слышу в Арктике машин советских стук,
Я помню все — немецких братьев шеи
И что лиловым гребнем Лорелеи
Садовник и палач наполнил свой досуг.

И не ограблен я, и не надломлен,
Но только что всего переогромлен.
Как «Слово о полку», струна моя туга,
И в голосе моем после удушья
Звучит земля — последнее оружье —
Сухая влажность черноземных га...

Май — июнь 1935 г.

РИМ

Где лягушки фонтанов, раскваkавшись
И разбрызгавшись, больше не спят
И, однажды проснувшись, расплакавшись,
Во всю мочь своих глоток и раковин
Город, любящий сильным поддакивать,
Земноводной водою кропят,—

Древность летняя, легкая, наглая,
С жадным взглядом и плоской ступней,
Словно мост ненарушенный Ангела
В плоскоступье над желтой водой,—

Голубой, онелепленный, пепельный,
В барабанном наросте домов,
Город, ласточкой купола лепленный
Из проулков и из сквозняков,—
Превратили в убийства питомник
Вы, коричневой крови наемники,
Италийские чернорубашечники,
Мертвых цезарей злые щенки...

Все твои, Микеланджело, си́роты,
Облеченные в камень и стыд,—
Ночь, сырая от слез, и невинный,
Молодой, легконогий Давид,

И постель, на которой несдвинутый
Моисей водопадом лежит,—
Мощь свободная и мера львиная
В усыпленье и рабстве молчит.

И морщинистых лестниц уступки
В площадь льющихся лестничных рек,
Чтоб звучали шаги, как поступки,
Поднял медленный Рим-человек,
А не для искалеченных ног,
Как морские лепивые губки.

Ямы Форума заново вырыты,
И раскрыты ворота для Ирода,
И над Римом диктатора-выродка
Подбородок тяжелый висит.

16 марта 1937 г.

ГАЛАКТИОН ТАБИДЗЕ

(1891—1959)

С грузинского

КОРАБЛЬ «ДАЛАНД»

Зной этой ночи нарушил мой сонный регламент.
Розами сад был укутан до самого горла.
Всюду виднелся разрушенных теней орнамент.
Море дремучее пело и камни прибрежные терло.

Медленно плыл я, и «Даланд» стоял над волною,
Словно Нарцисс, очарованный собственной тенью.
Темные лавры томили меня и влекли за собою,
Лунные лилии их стерегли в отдаленье.

Я возвращался на родину новой дорогой.
Поднят с постели, томился и хмурился малость.
Отчая кровля казалась такой бесконечно далекой.
Да и была ли она? Может быть, лишь вспоминалась?

Воспоминаний толпа вслед за мною летела.
Ленин, Москва, Петроград, Кремль... И в дрожанье и в стуке
«Даланд» волну рассекал, и Черное море кипело...
Взгляд затуманили первые слезы разлуки.

* * *

Путник стоял, ожидая трамвая.
Снег осыпáл побелевшие плечи.
Семнадцатый год, в проводах запевая,
Снежным бураном шагал навстречу.

Скользили сквозь изморозь автомобили,
Трамваи в туман уплывали лениво.
Здания, люди в тумане были
Похожи на мутные негативы.

Но, как вода проходит сквозь невод,
Тайной дорогой под снежным настом
Сотни ручьев пробегали гневно —
Звонко журчащих, чистых и ясных.

Там, под землей, их пути пролегали
И, собираясь в одно, издалёка
Стремились друг к другу полями, логами,
Стучали сердца сотен тысяч потоков.

Но не навеки зима роковая!
Солнце проглянет в небесную прорезь.
И прозвенел, сквозь снега прорываясь,
Из-под земли торжествующий голос.

Сразу пути открылись повсюду.
Вперед! Вперед! Неустанным походом,
Все разрушая, ломая запруды,
Яростно двинулись вешние воды.

Да, эти дни неповторимы.
Как грохотало сердце потока,
Когда свои чувства открыто несли мы —
Скрытые прежде далеко, глубоко!

Распались устои старого мира,
Когда не легковейные крылья,
Не арфы эоловы и не зефиры,—
Революционные вихри все небо взрыли.

С каким неотвратимым напором,
С криком всепобеждающей силы
Шли те, кто в сердце своем, как порох,
Сто тысяч светлых знамен таили!

И тогда, и сегодня, в день Первого мая,
И в будущих днях, молодых и счастливых,
Сто тысяч светлых знамен, точно пламя,
Цветут незыблемо и горделиво.

Путник, стоявший и ждавший вагона,
Сутулясь под снегом, порхающим зыбко,—
Тот путник, встречая эти колонны,
Сегодня вправе припомнить с улыбкой

Старого мира мертвое бремя,
Навек унесенное мощным разбегом,
И на вопрос: «Где же то время?» —
Ответить: «Ушло с прошлогодним снегом».

ЛЕНИН

Город сегодня с утра взволнован.
Сборища в каждом саду и сквере.
Высится Ленин над миром новым,
Смотрит в лицо непогоды.
Вихрь стучится в окна и двери.
Людям открыт кругозор просторный.
Страстно взывают к буре валторны,
Кричат фаготы.

В честь этих дней бокал подымаю,
В гулах заводов рождается слава,
Сдвинута с мест природа немая,
Время пирует с нами.
Ленин, явленье мощного сплава
Трех революций досель небывалых,
В грохоте войн, в лавинных обвалах,
Он наше знамя.

Тянет к нам руки свои, уповая,
Из далеких снегов избенка,
И отвечает ей вся боевая
Дружба рабочего класса.
Как по сердцам ударила звонко
Самоотверженность этого часа:
Всем угнетенным земли без изъятья —
Наши объятья!

Выше знамена и флаги подымем,
Кончилось время разрух и пожарищ.
Провозглашает вождь и товарищ
Новые лозунги жизни.
В пороховом разъедающем дыме
Сгинули беды, блокады и голод.
Встаньте на ленинской вахте, кто молод
В нашей отчизне!

* * *

Мир состоит из гор,
из неба и лесов,
мир — это только спор
двух детских голосов.

Земля в нем и вода,
вопрос в нем и ответ.
На всякое «о да!»
доносится «о нет!».

Среди зеленых трав,
где шествует страда,
как этот мальчик прав,
что говорит «о да!».

Как девочка права,
что говорит «о нет!»,
и правы все слова,
и полночь, и рассвет.

Так в лепете детей
враждуют «нет» и «да»,
как и в душе моей,
как и во всем всегда.

МОЯ ПЕСНЯ

Иной хранит розу, красотка, твою,
Иной золотую парчу иль скуфью,
Над чьим-то портретом шепчет: «Люблю»
Каждый имеет любовь свою.

Письмо, над которым лишь слезы льют,
Кольцо ли, что пламени льет струю,
Сережки ли в сладкой тени, как в раю,—
Каждый имеет любовь свою.

Локон ли, клад ли — земли на краю,
Правду ль, добытую им в бою,
Вещь ли, прославившую семью,—
Каждый имеет любовь свою.

Тебя обожая, Отчизна, пою.
Ни с чьей не схожую песнь отдаю,
Сердце в огне, и огня не таю,—
Каждый имеет любовь свою.

НЕ ОСТАВЛЯЙ СТИХА БЕЗДОМНЫМ

Не только годы, каждый миг бессонный
Поет, переломившись у порога:
«Не оставляй стиха бездомным:
Ему нужны пространство и эпоха!»

Иные грязи отдались, гниенью.
Шаги их жалки. Ты же, друг, не падай,
Но обозначь свое стихотворенье
Днем, часом, годом — этой твердой датой.

Не только годы, но и эти строки
Стихотворения, рожденные тобою,
Должны стоять под знаменем эпохи,
Должны питаться классовой борьбою.

Эпоха наша — блеск серпа и горна.
Уже забыто прошлого обличье.
Она возводит твердо и упорно
Свое индустриальное величье.

Ведя учет победам величайшим,
Когда вся жизнь по-новому куется,
Не только строчка, каждый знак мельчайший
Вне времени ничто не остается.

Шестая часть пространства мирового
Тебя к делам невиданным призвала.
Эпоха рушит грозно и сурово
Устои мирового капитала.

Не только годы, каждый миг бессонный
Поет, переломившись у порога:
«Не оставляй стиха бездомным —
Ему нужны пространство и эпоха!»

* * *

Так воин из ножен
Вдруг выхватит шашку,—
Блеснет она молнией
В белом огне,
Так мост через Сену,
Лежащий врастяжку,
С размаху встает
И указует мне,
Что в Лувре я вновь Рафаэля увижу,
Опять с Веронезе знакомство сведу.
И мир мне покажется лучше и ближе,
Когда я туда
Потихоньку войду.

МОРЕ БЫЛО СПОКОЙНО

Успокоилось и спит,
Солнцем высвечено резко,
Море, кроткое на вид,—
Ни валов, ни волн, ни всплеска.
Одолело маету,
Дремлет, вытянувшись плоско,
Тело смуглого подростка
Бронзовеет на свету.
И от прибережных плит
До полоски окоема
По морю покой разлит,
Дрема, оторопь, истома.

Рыба от избытка сил
Взбила рой соленых блесток,
И от этого подросток
Трепет в теле ощутил.
И когда, плывя рывками,
Загорелыми руками
Он в охапку море сгреб,
Пенистыми гребешками
По воде прошел озноб.
Белый парус, провисая,
Ждет недвижно ветерка.
Только тень его косая
На воде дрожит слегка.
Два растрепанных и тощих
Облака с горы ползут.
Может быть, начнется дождик
Через несколько минут.
Небо цвета сливы спелой
Беспокоит рыбака.
Головой качая белой,
Он глядит на облака
И вздыхает то и дело...
Море крепко спит пока.

ПАВЛО ТЫЧИНА

(1891—1967)

С украинского

НА МАЙДАНЕ

На майдане возле церкви
революция идет.
— Где чабан? — толпа взметнулась
Он повстанцев поведет!

Ну, прощайте, ждите воли!
Эй, по коням! Шашки вон! —
Закипело, зашумело,
только марево знамен...

На майдане возле церкви
шепчут матери, грустны:
— Озари ты им дорогу,
светел месяц, с вышины!

На майдане пыль спадает.
Сна — не превозмочь...
Вечер.
Ночь.

1918

ОЙ, УПАЛ БОЕЦ С КОНЯ...

Ой, упал боец с коня
и припал к снегам.
— Слава! Слава! — докатилось
и легло к ногам.

И поднес тогда он руку
к сердцу своему.
Был бы рад еще такую
пережить зиму.

Ой, рубили мы врагов
да на всех фронтах!
Сел на грудь, закаркал ворон,
черный ворон-птах.

Грянул революцьонер —
зашатался свет!
Умирая в чистом поле,
всем послал привет.

1918

НЕ ЗЕВС, НЕ ПАН...

Не Зевс, не Пан, не Дух святой,—
Но в Солнечных Кларнетах
Вселенской жизни ритм и строй,
Звучащий на планетах.

Я был — не Я. Туманный сон,
Мечтанья, призыванья,
И тьмы властительной хитон,
И чьих-то рук касанья.

Проснулся Я, и стал я — Ты:
Вокруг меня волною
Встают миры из темноты
Симфонией сплошною.

И, в ней ответно прозвенев,
Летел я в блесках, светах...
Отныне знаю: Ты — не Гнев,
Ты — в Солнечных Кларнетах!

1918

ПЛУГ

Евгену Тычине

Ветер.
Не ветер — буря!
Дробит, ломает, с землей вырывает...
За черными тучами
(громом! над кручами!),
за черными тучами мильон мильонов мускулистых рук...
Катит. В землю врезает
(будь то город, дорога, луг),
в землю плуг.
А на земле люди, звери, сады,
а на земле алтари и боги:
о, пройди над нами, строгий,
рассуди!
И были такие, что прочь убегали
в пещеры, озера, леса.
«Что нам несут небеса?» —
взывали.
И никто не ударил в кимвал.
(Огневого коня ветер гнал —
огневого коня —
в но́чи.)
И только их мертвые, стылые очи
повстречали красу нового дня!
Очи.

1919

ЗА ВСЕХ СКАЖУ...

За всех скажу, за всех переболею,
мне каждый час — на исповедь, на суд.
Глубинами души не обмелею,
вершинами раскрыленно расту.

Еще вовек так сердце не мужало!
Не раскалялся так мой дух в огне!
О ясный дух — без яда и без жала —
давно ты спишь? — Вот новый день ко мне

пришел, всего наполнил,—я вдыхаю
здоровье новое, я вижу цель.
Нет, не мечтаю, глаз не закрываю,—
ирония и гордость на лице,
ирония...

Дорогие, какое мне дело,
первый я поэт иль последний?
Надевайте короны и смело
отверзайте уста...

Дорогие, какое мне дело,
поздний я предтеча иль ранний?
Что ж, играйте в пророков и смело
отверзайте уста...

Там, за мною, за мною, за мною,
столько их из глухих деревень!
А навстречу железной стопою
наступающий день.

Там, за мною, за мною, за мною,
столько их от сохи, от станков.
Предо мною счастливое море,
море голов...

Ну, куда же теперь я направлюсь,
как же мне оглянуться на вас,
если солнцем пронизан мой разум,
солнцем — уста!..

Я дорос, моя сила дозрела,
я увидел далекий рассвет.
Дорогие, какое мне дело,
первый я или нет?

1922

ЧУВСТВО СЕМЬИ ЕДИНОЙ

Я сторонюсь чужих и чуждых
болот, трясин и мелких бродов.
Сияет радугою дружбы
мне единение народов.

Оно такой встает вершиной!
Оно таким дыханьем дышит!
Ударишь громом в сердцевину —
и гром другой в горах услышишь.

И гром другой взрывает дали,
и радуешься, молодея,
что стала радуга из стали,
сердца народов дружбой грея.

И сам ты вдруг — как гром над кровлей,
как молниями озаренный,
как будто выпил на здоровье
из родника воды студеной.

Ой, выпил, выпил да утерся,
и припадаешь снова, снова,
и открываешь первородство
в глубинах языка чужого.

Его коснешься ты — все мягче,
все легче он тебе сдается,—
хоть слово сказано иначе,
но суть в нем наша остается.

Как будто так: в руках подкова
упругая все гнется, гнется,
и разом вдруг — чужое слово
в родной язык родным ворвется.

То не язык, не просто звуки,
не слов блуждающие льдины,
слышны в них труд, и пот, и муки —
живой союз семьи единой.

В них шум лесов, цветенье поля
и волны радости народной.
В них единенье, кровь и воля
от давних дней и по сегодня.

И вносишь ты чужое слово
в язык прекрасный и богатый.
А это входит все в основу
победы пролетариата.

1936

Я УТВЕРЖДАЮСЬ

Я есмь Народ, чья праведная сила
ни в чьем порабощенье не была.
Беда грозила мне, чума меня косила,—
а сила снова расцвела.

Чтоб жить — ни перед кем не унижаюсь.
Чтоб жить — я все оковы разорву.
Я становлюсь, я утверждаюсь,—
я все живу!

Захватчица! Меня ты пожирала,
моих сынов казнила, дочерей,
железо, хлеб и уголь расхищала...
Все злее нападала, злей!

Ты думала — тобою поглощаюсь?
Но, подавившись, падаешь в траву...
Я становлюсь, я утверждаюсь,—
я все живу!

Я есмь Народ, чья праведная сила
ни в чьем порабощенье не была.
Беда грозила мне, чума меня косила,—
а сила снова расцвела.

Сыны мои, бойцы родного края,
вас буду я за подвиг прославлять,—
спешите же, отцов освобождая,
детей спешите вызволять!

На украинских и на русских нивах,
на белорусских — призываю вас! —
уничтожайте недругов кичливых,—
настал отмщенья час!

Пускай изранен я, но не склоняюсь:
победы день предвижу и зову.
Я становлюсь, я утверждаюсь,—
я все живу!

На поле битвы новь заколосится,
мир будет с удивлением взирать:
что за колосья! а земля! землица! —
Ну, как же не сиять?

И я сияю, в выси устремляюсь,
своих орлят скликаю к торжеству...
Я становлюсь, я утверждаюсь,—
я все живу!

Гром орудийный в небе отгрохочет,
и жизнь опять пойдет на мирный лад:
в полях косилки застрекочут,
заводы загудят.

И я могучей жизнью наполняюсь,
как солнце, озаряю синеву...
Я становлюсь, я утверждаюсь,—
я все живу!

Я есмь Народ, чья праведная сила
ни в чьем порабощенье не была.
Беда грозила мне, чума меня косила,—
а сила снова расцвела.

Фашистский змий, дрожи! Я распрямляюсь!
А ты лежишь, поверженный, во рву.
Я становлюсь, я утверждаюсь,—
я все живу!

1943

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ
(1891—1967)

РОССИИ

Распухла с голоду, сочатся кровь и гной из ран отверстых
Воя и корчась, к матери-земле припала ты.
Россия, твой родильный бред они сочли за смертный,
Гнушаются тобой, разумны, сыты и чисты.
Бесплодно чрево их, пустые груди каменеют.
Кто древнее наследие возьмет?
Кто разожжет и дальше понесет
Полупогасший факел Прометея?
Суровы роды, час высок и страшен.
Не в пене моря, не в небесной синеве,
На темном гноище, омытый кровью нашей,
Рождается иной, великий век.
Уверуйте! Его из наших рук примите!
Он наш и ваш — сотрет он все межи.
Забытая, в полунощной столице
Под саваном снегов таилась жизнь.
На краткий срок народ бывает призван
Своею кровью напоить земные борозды —
Гонители к тебе придут, Отчизна,
Целуя на снегу кровавые следы.

1920

* * *

«Разведка боем» — два коротких слова.
Роптали орудийные басы,
И командир поглядывал сурово
На крохотные дамские часы.
Сквозь заградительный огонь прорвались,
Кричали и кололи на лету.
А в полдень подчеркнул штабного палец
Захваченную утром высоту.
Штыком вскрывали пресные консервы,
Убитых хоронили, как во сне.
Молчали.
Командир очнулся первый:
В холодной предрассветной тишине,

Когда дышали мертвые покоем,
Очистить высоту пришел приказ.
И, повторив слова: «Разведка боем»,—
Угрюмый командир не поднял глаз.
А час спустя заря позолотила
Чужой горы чернильные края.
Дай оглянуться — там мои могилы,
Разведка боем, молодость моя!

1938

ДЫХАНИЕ

Мальчика игрушечный кораблик
Уплывает в розовую ночь,
Если паруса его ослабли,
Может им дыхание помочь.
То, что домогается и клянчит,
На морозе обретает цвет,
Одолеть не может одуванчик
И в минуту облетает свет.
То, что крепче мрамора победы,
Хрупкое, не хочет уступать,
О котором бредит напоследок
Зеркала нетронутая гладь.

1939

* * *

Так ждать, чтоб даже память вымерла,
Чтоб стал непроходимым день,
Чтоб умирать при милом имени
И догонять чужую тень,
Чтоб не довериться и зеркалу,
Чтоб от подушки утаить,
Чтоб свет своей любви и верности
Зарыть, запрятать, затемнить,
Чтоб пальцы невзначай не хрустнули,
Чтоб вздох и тот зажать в руке,
Так ждать, чтоб, мертвый, он почувствовал
Горячий ветер на щеке.

1942

* * *

Когда я был молод, была уж война,
Я жизнь свою прожил — и снова война.
Я все же запомнил из жизни той громкой
Не музыку марша, не грозы, не бомбы,
А где-то в рыбацком селенье глухом
К скале прилепившийся маленький дом.
В том доме матрос расставался с хозяйкой
И грустные руки метались, как чайки.
И годы, и годы мерещатся мне
Все те же две тени на белой стене.

1945

* * *

Я смутно жил и неуверенно,
И говорил я о другом,
Но помню я большое дерево,
Чернильное на голубом,
И помню милую мне женщину,
Не знаю, мало ль было сил,
Но суеверно и застенчиво
Я руку взял и отпустил.
И все давным-давно потеряно,
И даже нет следа обид,
И только где-то то же дерево
Еще по-прежнему стоит.

1945

* * *

Ты говоришь, что я замолк,
И с ревностью и с укоризной.
Париж не лес, и я не волк,
Но жизнь не вычеркнешь из жизни.
А жил я там, где, сер и сед,
Подобен каменному бору,
И голубой и в пепле лет,
Стоит, шумит великий город.
Там даже счастье нипочем,
От слова там легко и больно,

И там с шарманкой под окном
И плачет и смеется вольность.
Прости, что жил я в том лесу,
Что все я пережил и выжил,
Что до могилы донесу
Большие сумерки Парижа.

1945

* * *

Чужое горе — опо как овод,
Ты отмахнешься, и сядет снова,
Захочешь выйти, а выйти поздно,
Оно — горячий и мокрый воздух,
И как ни дышишь, все так же душно.
Оно не слышит, оно — кликуша,
Оно приходит и ночью ноет,
А что с ним делать — оно чужое.

1945

ЙОХАННЕС СЕМПЕР

(1892—1970)

С эстонского

У МОРЯ

Там — торная дорога без преград.
Здесь — вольно плещется волна,
морская глубина.
Там — жалкий маскарад,
актеры в мертвых позах,
столы в бумажных розах.
Стряхни с себя, освободись же ты
от смертного удушья суеты.
Здесь по ночам гудят седые волны,
соленый ветер ноздри мне щекочет.
Недаром юность хочет
плыть не по торному пути —

пространствовать, за счастием брести,
все испытать, все сжать в своей горсти,
во все проникнуть, всем пленяться
и ритмами вселенной опьяниться.

Я жду ответа от пучины —
дай в руки мне ключи первопричины!
Со всех сторон вопросов череда:
зачем родился я, куда я сгину,
что раньше срока нам сгибает спину,
что разрушает навсегда?
Что у машины и на пашне
гнетет и гонит бедный люд?
Откуда голод, враг всегдашний,
зачем закон неправ и лют?
Откуда гнет? Откуда голод?
Зачем весь мир войной расколот?
Зачем взывает к нам о братстве
не нами выдуманный бог?
Где истина? Как до нее добраться?
Чей лозунг чист, и не убог,
и стоит крови, пролитой так щедро?

И вдруг шальным порывом ветра
все выходы и входы отперты,
все с петель сорваны ворота.
Растет поток рабочего народа.
Их лица в саже, стиснуты их рты,
охрипшие взывают голоса.
Подъяты красных флагов паруса.
А впереди — морская ширь, краса!
Все прошлое смывают эти волны!

И, новой жизнью безраздельно полный
я, слепо ищущий ответов,—
я точка, я ничто.
Но сердце, бурной музыки отведав,
морским прибоем залито!
А те вопросы, та тоска
рассыпались крупинками песка.
Отлив сменяется приливом,
и плещет жизненный поток
в могуществе нетерпеливом,
капризен, нежен и жесток.

И блещет вольная пучина.
Сверкает шторм. Встает рассвет.
Всему отжившему — кончина,
всему живущему — привет!

1921

МОЛЧАТЬ НЕТУ СИЛЫ

Молчать нету силы,
и с каждым биением пульса
крепчает возмездье,
и все, чем мы живы,
становится местью,
жестокой расплатой
за горе народа на родине милой.

Замученных слышим призывы,
недолго до срока:
замечется недруг проклятый
в мученье предсмертных конвульсий.

Мы бешеных псов
от родного прогоним порога.

О, родины зов!
Драгоценное пламя в нас брошено,
и недруга в дрожь оно
ввергает в бою,
полыхая, как пламя, над нами.

Зловещие вести
льют масло в огонь нашей боли глубокой,
взывая к отмщенью,—
скоро, о, скоро
мы будем в дороге,
примчимся, как ветер весенний,
в родные просторы...
В просторы могил, пустырей и развалин.
Край отчий, о, как ты печален!
Приветствую берег твой в пене.
К лесам и лугам простираю руки.
Как труден был год разлуки —
израненный сердце год.

Но если наш дом стал глухим пепелищем,
но если любимых в живых не отыщем,
нас все-таки горе дугой не согнет.

Народ мой, расправишь подбитые крылья,
вздохнешь, мой любимый, полною грудью,
и, пепел страданья сметая огнем,
ты весь напряжешься в последнем усилье —
воспрянешь,—
и сложат свободные люди
сказанье о мужестве гордом твоем.

1942

КАК БЫ СМОГ ТЫ ЖИТЬ?

Если б не было поддержки друга
в дни, когда тебе бывало туго
и когда ты шел над крутизной
узкой каменистою тропой,—
как бы смог ты жить?

Если б не было твоей любимой,
нежности ее незаменимой,
если бы из кубка твоего
не пила она с тобой всего,
что тебе так щедро наливали,
доброй радости и злой печали,
если б в одиночестве текла
жизнь твоя без света и тепла,—
как бы смог ты жить?

Если б на войне, в огне сраженья,
ты поверил бы хоть на мгновенье
в то, что победим не мы, а враг
и над миром воцарится мрак,
если б, с кочки поглядев болотной,
ты нашел людскую жизнь бесплодной,
если б не учил тебя народ
далеко заглядывать вперед,—
как бы смог ты жить?

1957

ИСКУШЕНИЕ СТАТЬ МОЛОДЫМ

Что ж, мудрости драгоценной
накоплено постепенно
немало за век, что прожит...
И нет былых опасений,
что ливень недоумений
тебя огорошит.

Ты не путаешь белое с черным,
искреннее с притворным:
стали — вот чудеса! —
зорче твои глаза.
А если в глухом лесу
заплутаешь во тьме предутренней,
знаешь — звезды спасут
или выручит компас внутренний.
Он отличит непреложно
верную цель от ложной.

И все-таки, все-таки хочется снова
стать чистым, белым листком,
скинуть ношу былого,
расстаться с привычным заплечным мешком -
уж слишком с его содержимым знаком!
Расстаться, расправив спину,
с обличьем закостенелым,
сделаться влажной глиной,
стать юным и неумелым,
дерзким, наивно-простым...
Стать молодым!

Когда неизбывной силой
душа до краев полна,
когда гуляет по жилам
опьянение без вина,
что шепчет тебе: «Хоть в огонь»,—
ты главного не проворонь!
И готов ты без долгих сборов
сорваться в далекий край:
где-то будет заложен город,
где-то надо убрать урожай!

Ты не пожмешь плечами,
ты не скривишь лица,
а тут же вместе с друзьями
сбежишь с крыльца.

И готов по ночам в беседах
растрачивать страсти молодо,—
пока что тебе неведом
тот факт, что молчанье — золото.
А то в тишине напряженной
летишь по дорожке гаревой
на глазах у всего стадиона
к ленте алой, как зарево.

Или мяч посылаешь в ворота,
не зная: дошел — не дошел,
но тысячи юных глоток
сообщают с восторгом:
«Го-о-о-ол!»
А то, вскочив на трибунах
с толпой голосистых и юных,
ликуя, кричишь: «Победа!» —
и бьешь по плечу соседа.

И крепок душой и телом,
и труд никакой не труден,
и силы расходуешь смело,
знаешь — их не убудет.
Тебе испытать их любо:
ринуться буре навстречу
или на сцену клуба
выйти со смелой речью.
Не разменивать ни в какую
совесть свою и честь,
выкладывать напрямую
все, как оно есть!
Уметь по отвесному льду
взбираться на высоту,
не быть в переделках трусом,
за шагом оспаривать шаг,
чтоб водрузить наш стяг
над каким-нибудь новым Эльбрусом!

1958

МАРИНА ЦВЕТАЕВА
(1892—1941)

* * *

В черном небе слова начертаны —
И ослепли глаза прекрасные...
И не страшно нам ложе смертное,
И не сладко нам ложе страстное.

В поте — пишущий, в поте — пашущий!
Нам знакомо иное рвение:
Легкий огнь, над кудрями пляшущий,—
Дуновение вдохновения!

14 мая 1918 г.

* * *

Как правая и левая рука —
Твоя душа моей душе близка.

Мы смежены, блаженно и тепло,
Как правое и левое крыло.

Но вихрь встает — и бездна пролегла
От правого до левого крыла!

10 июля 1918 г.

* * *

Стихи растут, как звезды и как розы,
Как красота — ненужная в семье.
А на венцы и на апофеозы —
Один ответ: «Откуда мне сие?»

Мы спим — и вот, сквозь каменные плиты,
Небесный гость в четыре лепестка.
О мир, пойми! Певцом — во сне — открыты
Закон звезды и формула цветка.

14 августа 1918 г.

ГЛАЗА

Привычные к степям — глаза,
Привычные к слезам — глаза,
Зеленые — соленые —
Крестьянские глаза!

Была бы бабою простой,
Всегда б платили за постой
Всё эти же — веселые —
Зеленые глаза.

Была бы бабою простой,
От солнца б застилась рукой,
Качала бы — молчала бы,
Потупивши глаза.

Шел мимо паренек с лотком...
Спят под монашеским платком
Смиренные — степенные —
Крестьянские глаза.

Привычные к степям — глаза,
Привычные к слезам — глаза...
Что видели — не выдадут
Крестьянские глаза!

9 сентября 1918 г.

* * *

Солнце — одно, а шагает по всем городам.
Солнце — мое. Я его никому не отдам.

Ни на час, ни на луч, ни на взгляд.— Никому. Никогда.
Пусть погибают в бессменной ночи города!

В руки возьму! — Чтоб не смело вертеться в кругу!
Пусть себе руки, и губы, и сердце сожгу!

В вечную ночь пропадет,— погонюсь по следам...
Солнце мое! Я тебя никому не отдам!

Март 1919 г.

* * *

Я счастлива жить образцово и просто —
Как солнце, как маятник, как календарь.
Быть светской пустынницей стройного роста,
Премудрой — как всякая божья тварь.

Знать: дух — мой сподвижник и дух — мой вожатый!
Входить без доклада, как луч и как взгляд.
Жить так, как пишу: образцово и сжато —
Как бог повелел и друзья не велят.

Ноябрь 1919 г.

* * *

Проста моя осанка,
Нищ мой домашний кров.
Ведь я островитянка
С далеких островов!

Живу — никто не нужен!
Взошел — ночей не сплю.
Согреть чужому ужин —
Жилье свое спалю!

Взглянул — так и знакомый,
Взошел — так и живи!
Просты наши законы:
Написаны в крови.

Луну заманим с неба
В ладонь,— коли мила!
Ну, а ушел — как не был,
И я — как не была.

Гляжу на след ножовый:
Успеет ли зажить
До первого чужого,
Который скажет: «Пить».

Август 1920 г.

* * *

Любовь! Любовь! И в судорогах и в гробе
Насторожусь — прельщусь — смущусь — рванусь
О милая! Ни в гробовом сугробе,
Ни в облачном с тобою не прощусь.

И не на то мне пара крыл прекрасных
Дана, чтоб на́ сердце держать пуды.
Спеленатых, безглазых и безгласных
Я не умножу жалкой слободы.

Нет, выпростаю руки,— стан упругий
Единым взмахом из твоих пелен,
Смерть, выбью! — Верст на тысячу в округе
Растоплены снега — и лес спалён.

И если все ж — плеча, крыла, колена
Сжав — на погост дала себя увезть,—
То лишь затем, чтобы, смеясь над тленом,
Стихом восстать — иль розаном расцвесть!

28 ноября 1920 г.

ВЛАДИМИРУ МАЯКОВСКОМУ

Превыше крестов и труб,
Крещенный в огне и дыме,
Архангел-тяжелоступ —
Здорово, в веках Владимир!

Он возчик, и он же конь,
Он прихоть, и он же право.
Вздохнул, поплевал в ладонь:
«Держись, ломовая слава!»

Певец площадных чудес —
Здорово, гордец чумазый,
Что камнем — тяжеловес
Избрал, не прельстясь алмазом.

Здорово, булыжный гром!
Зевнул, козырнул — и снова
Оглоблей гребет — крылом
Архáнгела ломового.

18 сентября 1921 г.

РЫЦАРЬ НА МОСТУ

Бле́дно-ли́цый
Страж над плеском века.
Рыцарь, рыцарь,
Стерегущий реку.

(О, найду ль в ней
Мир от губ и рук?!)
Ка-ра-ульный
На посту разлук.

Клятвы, кольца...
Да, но камнем в реку —
Нас-то — сколько
За четыре века!

В воду пропуск
Вольный.— Розам цвесть!
Бросил — брошусь!
Вот тебе и месть!

Не устанем
Мы — доколе страсть есть! -
Мстить мостами.
Широко́ расправьтесь,

Крылья! — В тину,
В пену — как в парчу!
Мосто-вины
Нынче не плачу!

«С рокового мосту
Вниз — отважься!»
Я тебе по росту,
Рыцарь пражский.

Сласть ли, грусть ли
В ней — тебе видней,
Рыцарь, стерегущий
Реку — дней.

27 сентября 1923 г.

* * *

Русской ржи от меня поклон,
Полю, где баба застится...
Друг! Дожди за моим окном,
Беды и блажи на́ сердце...

Ты в погудке дождей и бед —
То ж, что Гомер в гекзаметре.
Дай мне руку — на весь тот свет!
Здесь — мои обе заняты.

7 мая 1925 г.

РОДИНА

О, неподатливый язык!
Чего бы попросту — мужик,
Пойми, певал и до меня:
«Россия, родина моя!»

Но и с калужского холма
Мне открывалася *она* —
Даль, тридевятая земля!
Чужбина, родина моя!

Даль, прирожденная, как боль,
Настолько родина и столь —
Рок, что повсюду, через всю
Даль — всю ее с собой несу!

Даль, отдалившая мне близь,
Даль, говорящая: «Вернись
Домой!» Со всех — до горних звезд
Меня снимающая мест!

Недаром, голубей воды,
Я далью обдавала лбы.

Ты! Сей руки своей лишусь,—
Хоть двух! Губами подпишусь
На плахе: распрь моих земля —
Гордыня, родина моя!

12 мая 1932 г.

РОЛАНДОВ РОГ

Как бедный шут о злом своем уродстве,
Я повествую о своем сиротстве:
За князем — род, за серафимом — сонм,
За каждым — тысячи таких, как он,—
Чтоб, пошатнувшись, на живую стену
Упал — и знал, что тысячи на смену!

Солдат — полком, бес — легионом горд,
За вором — сброд, а за шутом — все горб.
Так, наконец, усталая держаться
Сознаньем: долг и назначеньем: драться,—
Под свист глупца и мещанина смех,—
Одна за всех — из всех — противу всех,
Стою и шлю, закаменев от взлету,
Сей громкий зов в небесные пустоты.

И сей пожар в груди — тому залог,
Что некий Карл тебя услышит, Рог!

<1932>

ЧЕЛЮСКИНЦЫ

Челюскинцы: звук —
Как сжатые челюсти!
Мороз на них прет,
Медведь на них щерится.

И впрямь челюстьми —
На славу всемирную —
Из льдин челюстей
Товарищей вырвали!

На льдине (не то,
Что — черт его — Нобиле!)
Родили дитё
И псов не угробили —

На льдине!
Эол
Доносит по кабелю:
«На льдов произвол
Ни пса не оставили!»

И спасши (мечта
Для младшего возраста!),
И псов и дитя
Умчали по воздуху.

«Европа, глядишь?
Так льды у нас колются!»
Щекастый малыш,
Спеленатый — полюсом!

А рядом — сердит
На громы виктории —
Второй уже Шмидт
В российской истории:

Седыми бровьми
Стесненная ласковость...

Сегодня — смеюсь!
Сегодня — да здравствует
Советский Союз!

За вас каждым мускулом
Держусь — и горжусь,
Челюскинцы — русские!

1934

ИЗ ЦИКЛА «МАРТ»

* * *

О, слезы на глазах!
Плач гнева и любви!
О, Чехия в слезах!
Испания в крови!

О, черная гора,
Затмившая весь свет!
Пора — пора — пора
Творцу вернуть билет.

Отказываюсь — быть.
В Бедламе нелюдей
Отказываюсь — жить.
С волками площадей

Отказываюсь — выть.
С акулами равнин
Отказываюсь плыть
Вниз — по теченью спин.

Не надо мне ни дыр
Ушных, ни вещих глаз.
На твой безумный мир
Ответ один — отказ.

15 марта — 11 мая 1939 г.

НАРОД

Его и пуля не берет,
И песня не берет!
Так и стою, раскрывши рот:
«Народ! Какой народ!»

Народ — такой, что и поэт —
Глашатай всех широт,—
Что и поэт, раскрывши рот,
Стоит: такой народ!

Когда ни сила не берет,
Ни дара благодать,—
Измором взять такой народ?
Гранит — измором взять!

(Сидит — и камешек гранит,
И грамотку хранит...
В твоей груди зарыт — горит!
Гранат, *творит* — магнит.)

...Что *радий* из своей груди
Достал и подал: вот!
Живым — Европы посреди —
Зарыть такой народ?

Бог! Если ты и сам — *такой*,
Народ моей любви
Не со святыми упокой —
С живыми оживи!

20 мая 1939 г.

* * *

Не умрешь, народ!
Бог тебя хранит!
Сердцем дал — гранат,
Грудью дал — гранит.

Процветай, народ,—
Твердый, как скрижаль,
Жаркий, как гранат,
Чистый, как хрусталь.

21 мая 1939 г.
Париж

ПАОЛО ЯШВИЛИ
(1892—1937)

С грузинского

НОВОЙ ГРУЗИИ

Ворота Азии. В огнях зеленых
Переливается росистый сад.
Легенды прошлого в твоих знаменах
Неуловимым шепотом звучат.

О Грузия! Ты рабства не страшилась,
Врагов господства не терпела, нет!
Лишь небеса оказывали милость,
Одев тебя сиянием планет.

Свободной ты останешься навеки!
Иранец, римлянин или абрек —
Ты отражала штурмы и набеги,
Так порази и обветшалый век!

Коней своих, винтовки, патронташи
Скорей готовь на справедливый бой:
Мы увенчаем будущее наше
Железным братством с красною Москвой.

Ворота Азии. В огнях зеленых
Переливается росистый сад.
И стяги наши в буквах золоченых
О Первом мае празднично звучат.

СТОЛ — ПАРНАС МОЙ

Будто письма пишу, будто это игра.
Вдруг идет как по маслу работа.
Будто слог — это взлет голубей со двора,
А слова — это тень их полета.
Пальцем такт колотя, все, что видел вчера,
Я в тетрадке свожу воедино.
И поет, заливается кончик пера,
Расщепляется клюв соловьиный.

А на стол, на Парнас мой, сквозь ставни жара
Тянет проволоку из щели.
Растерявшись при виде такого добра,
Столбенеет поэт-пустомеля.
На чернил мишуре так желта и сыра
Светового столба круговина,
Что смолкает до времени кончик пера,
Закрывается клюв соловьиный.

А в долине с утра — тополя, хутора.
Перепелки, поляны, а выше
Ястреба поворачиваются, как флюгера,
Над хребта черепичною крышей.
Все зовут, и пора, вырываюсь — ура!
И вот-вот уж им руки раскину,
И в забросе, в забвении кончик пера,
В небрежении клюв соловьиный.

БЕЗ ПОВОДА

Небо над влажной землею.
Темновершинное дерево.
Я — в беспричинном покое
Запросто, непреднамеренно.

Будто я малым дитятей
Лишь и увидел теперь его,
Мне простирает объятья
Темновершинное дерево.

Ветер, простор преогромный
Стаей пернатых вымеривая,
Спархивает на плечо мне
Птичкою с тихого дерева.

Мирное небо над далью.
Темновершинное дерево.
Я без забот и печалей.
Попросту. Непреднамеренно.

Я ВЕРЕН СЛОВУ...

И стрелы молний на небе мглистом,
и горький ливень — нет, не преграда.
Я обращаюсь к ветвям и листьям,
шумящим в строчках, как в дебрях сада

Я так скажу им: вот это ночка...
Я так скажу им: не видно тропки...
И все ж взорвется на ветке почка,
едва услышит мой стих неробкий!

Когда от марта и вплоть до ртвели,
как шмель над ухом, звенело слово,
поверь, Природа, нет выше цели,
чем воплощенье всего живого.

Страна, дай сыну перо поэта.
Твой труд возвышен! Земля прекрасна!
Сын должен в слове явить все это,
коль искра бо́жья в нем не погасла.

Земля родная, где с жаром, с пылом
любую ношу берут на плечи!
К золотоносным спускаюсь жилам,
к неистощимым глубинам речи.

Весна приходит к душе и телу.
Врагу — отвечу. Откликнусь другу.
Я верен слову и, значит, Делу,
как верен пахарь родному плугу.

С ВЕРШИН

Вот здесь, друзья мои, есть та арена,
Что ищущим судьба дает. Не скрою,
Добра и зла кристальности иль пены
Мы не искали юною душою.

Мы в неприступных Грузии уступах.
Как волк, гонясь за словом, звуком, цветом,—
Кружилась чаша дней, как ветер скал, нескупо,
В пиру гостей, любимейших при этом.

Мне среди вас избранный выпал жребий
Врываться бодро в сумрак горя даже.
Так луч гербом в моих стихах, как в небе,
Так черный уголь золотом украшу.

Быть может, в том пыл юности глубокий,
Что день грозы мне тьмой не опорочен,—
Так радует меня, что строят гроб убогий
И гробу мастер даст парчи веселой клочья.

Часам каким пробить мне срок смертельный,
Такая грудь покорству не подвластна,
В труде, и в буре, и в бою последнем,
Повсюду жизнь заставьте быть прекрасной.

Зеленый лист, крик птицы, всплеск воды,
Ресницы женщин,— пустяки, не правда ль? —
Когда надежной радостью горды,
Дано им стать вратами вечной славы.

ТИЦИАН ТАБИДЗЕ

(1893—1937)

С грузинского

ПЕТЕРБУРГ

Ветер с островов курчавит лужи.
Бомбой взорван воровской притон.
Женщины бредут, дрожа от стужи.
Их шатают ночь и самогон.

Жаркий бой. Жестокой схватки звуки.
Мокрый пар шинелей потных. Мгла.
Медный Всадник опускает руки.
Мойка лижет мертвые тела.

Но ответ столетий несомненен,
И исход сраженья предрешен.
Ночь запомнит только имя «Ленин»
И забудет прочее, как сон.

Черпая бортами мрак, в века
Тонет тень Скитальца-Моряка.

Кутаиси,
в ночь на 25 октября 1917 г.

ПАОЛО ЯШВИЛИ

Вот мой сонет, мой свадебный подарок.
Мы близнецы во всем, везде, до гроба.
Грузинский полдень так же будет ярок,
Когда от песен мы погибнем оба.

Алмазами друзья нас называют:
Нельзя нам гнуться, только в прах разбиться
Поэзия и под чадрой бывает
Такой, что невозможно не влюбиться.

Ты выстоял бы пред быком упорно
На горном пастбище, на круче горной,—
Голуборожец, полный сил и жара.

Когда зальем мы Грузию стихами,
Хотим, чтоб был ты только наш и с нами.
Будь с нами! Так велит твоя Тамара.

1921

* * *

Высоким будь, как были предки,
Как небо и как гор венец,
Где из ущелья, как из клетки,
Взлетает ястреба птенец.

Я тих, застенчив и растерян.
Как гость, робею я везде,
Но больше всех поэтов верен
Земле грузинской и воде.

Еще под бархатом кизила
Горит в Кахетии закат,
Еще вино не забродило
И рвут и давят виноград.

И если красоте творенья
Я не смогу хвалы воздать,
Вы можете без сожаленья
Меня ногами растоптать.

Высоким будь, как были предки,
Как небо и как гор венец,
Откуда, как из темной клетки,
Взлетает ястреба птенец.

1926

НИКО ПИРОСМАНИ

Привыкли мы славить во все времена
Нико Пиросмани за дружеским пиром,
Искать его сердце в бокале вина,—
Затем что одним мы помазаны миром.

Он трапезы нашей почтил благодать:
Бурдюк и баран не сходили с полотен.
А поводов к пиру недолго искать —
Любой для приятельской встречи пригоден.

Следы нашей жизни, о чем ни пиши,
Изгладятся лет через десять, не боле,
А там на помин нашей бедной души
Придется сходить поклониться Николе.

Заплачет в подсвечниках пара свечей,
В трактире накроется столик с обедом...
Прошел он при жизни сквозь пламя огней,
За ним и другие потащатся следом.

Жил в Грузии мастер... Он счастья не знал!
Таким уж сумел он на свет уродиться.
Поднимем же, братья, во здравье бокал,—
Да будет прославлена эта десница!

1927

* * *

Если ты — брат мне, то спой мне за чашею,
И пред тобой на колени я грянусь.
Здравствуй же, здравствуй, о жизнь сладчайшая,
Твой я вовек и с тобой не расстанусь.

Кто дал окраску мухранскому соку?
Кто — зеленям на Арагвинском плесе?
Есть ли предел золотому потоку,
Где б не ходили на солнце колосья?

Если умрет кто нездешний, то что ему
Горы иль сон, эта высь голиафья?
Мне ж, своему, как ответить по-своему
Этим горящим гостям полуяви?

Где виноградникам счет, не ответишь ли?
Кто насадил столько разом лозины?
Лучше безродным родиться, чем детищем
Этой вот родины неотразимой.

С ней мне и место, рабу, волочащему
Цепью на шее ее несказанность.
Здравствуй же, здравствуй, о жизнь сладчайшая,
Твой я вовек и с тобой не расстанусь.

Июнь 1928 г.

КАМНИ ГОВОРЯТ

Будто ожил древний миф,
И циклопы скалы рушат,
Разметав их, разгромив,
Все ущелье страхом душат.

Большевистская кирка
Бьется в каменные лавы,
Труд, что проклят был века,
Превратился в дело славы.

Города, что твой Багдад,
Не халифам ныне строят,
Человек свободный рад
Сбросить бремя вековое.

Если друг ты — с нами ты,
Если враг — уйди с дороги,
Для исчадья темноты
Суд готов народа строгий.

Серп и молот на гербе,—
То не зря изображенье,
То с природою в борьбе
Мира нового рожденье.

Точно скалы поднялись,
И, как волны, камни встали,
Слава тем, кто эту высь
И стихию обуздали.

Сам с походом этим рос,
За него болел я сердцем,
И взамен ширазских роз
Стал я камня песнопевцем.

Я сложил на этих склонах
Песнь камней освобожденных!

1932

МАТЕРИ

Я был похож на Антиноя,
Но все полнею, как Нерон.
Я с детства зрелостью двойною
Мук и мечтаний умудрен.

Я вскормлен топями Орпири,
Как материнским молоком.
Будь юношею лучшим в мире —
В два дня здесь станешь стариком.

В воде ловили цапли рыбу,
И волки резали телят.
Я людям говорю «спасибо»,
Которые нас возродят.

Я лить не стану слез горючих
О рыщущих нетопырях,
Я реющих мышей летучих
Не вспомню, побери их прах.

Ты снова ждешь, наверно, мама,
Что я приеду, и не спишь;
И замер в стойке той же самой,
Как прежде, на реке камыш.

Не движется вода Риона
И не колышет камыша,
И сердце лодкой плоскодонной
Плывет по ней, едва дыша.

Ты на рассвете месишь тесто —
Отцу-покойнику в помин.
Оставь насиженное место,
Край лихорадок и трясин!

Ты тонешь вся в кручине черной.
Чем мне тоску твою унять?
И рифмы подбирать позорно,
Когда в такой печали мать.

Как, очевидно, сердце слабо,
Когда не в силах нам помочь.
А дождь идет, и рады жабы,
Что он идет всю ночь, всю ночь.

Отцовскою епитрахилью,
Родной деревнею клянусь:
Что мы напрасно приуныли,
Я оживить тебя берусь.

Люблю смертельно, без границы
Наш край, и лишь об этом речь.
И если этих чувств лишиться —
Живым в могилу лучше лечь.

1937

ТАГИР ХУРЮГСКИЙ

(1893—1958)

С лезгинского

СЛОВО О МАТЕРИ

На свете нет прекрасней слова «мать».
В ее любви, святой и беспредельной,
Нам слышен голос песни колыбельной.
Мне эта песня вспомнилась опять:

«Спят сады и горы,
Утро снится им.
Скоро, очень скоро
Станешь ты большим.

Ясный месяц всходит,
Баюшки-баю,
Славным будь в народе,
Смелым будь в бою».

Мать первый шаг наш помнит. И живет
Всегда за сыновей своих в тревоге.
Ее пугают дальние дороги.
По нашим жилам кровь ее течет.

За матерей мы чарки пьем до дна.
Честны и святы матери объятья.
Война и мать — враждебные понятья:
Мать — символ жизни, смерть несет война

И родину мы матерью зовем
За то, что нас, как мать, она растила,
Своим бессмертным стягом осенила,
Сердца зажгла немеркнущим огнем.

1935

ИЛЬЯС ДЖАНСУГУРОВ
(1894—1937)

С казахского

ПОМОЩЬ

Ты, Москва, дала нам права.
В наши степи пришла Москва
И сказала: «Объединись!
Пусть раскроется глубь земли —
Чтоб руду добыть мы смогли.
Новый путь, железный Турксиб,
Разрезая степь, протянись!»
Солнцем выжженная трава
Доставалась бедным в удел,
И голодный наш скот хирел,
Кочевал в пустыне народ.
Ты пришла, сказала, Москва:
«Богатеев пускай сметет
Справедливый народный гнев.
Ты стоишь, народ-голова,
У истока великих дел.
Ты, народ, свободен и смел.
Пусть растет весенний посев!
Казахстан, родной, расцветай,
К новой жизни смело шагай!»
Это все сказала Москва.
Друг, добро пожаловать к нам!
Говорим от сердца слова
Мы приехавшим к нам друзьям:
Весь народ встречает тебя,
Шлет Москве свой братский салам!

1930

ВЕРА ЗВЯГИНЦЕВА
(1894—1972)

К ПОРТРЕТУ МАТЕРИ

Вот предо мною портрет твой с лицом исхудалым.
Мальчик сидит на руках у тебя годовалый.
Сумрак предгрозья. Восьмидесятые годы.
Первые поиски правды, добра и свободы.
В комнатах низких до света дымят папиросы.
Слухи о стачках. Студенткою русоволосой,
Глядя задумчиво на облака заревые,
Имя Ульянова ты услыхала впервые.
Машенькой звали тебя. Называла б я мамой,
Да не успела,— потух огонек неупрямый.
Мне рассказали, как ты, озоруя, бывало,
Так же вот с крыш леденцы голубые сбивала,
Как ты читала стихи детворе на деревне,
Как рисовала ты небо, пруды и деревья.
Короток был твой часок небогатый девичий,
Дальше — заботы, да горе, да чинный обычай.

...Сколько могил на елецких, на курских кладбищах!
Прыгают птицы по плитам, чирикают, свищут.
Сколько осталось в шкатулках отчаянных писем!
Что это здесь на подчаснике — слезы иль бисер?
Розы из бисера — бедная женская слава;
Дальше — январские проруби, петли, отрава...
Часто, когда по асфальту я звонко шагаю,
Память, как слезы, мне на́ душу вдруг набегает.
Я вспоминаю товарищей — женщин погибших,
Нашего воздуха ртом пересохшим не пивших,
Душные спальни-бараки и труд непосильный.
Свод каземата мне видится, сумрак могильный.
Синие губы закушены... Окрик жандармов...
Сестры! Земной вам поклон от сестер благодарных!

...Ты умирала, заброшена, в горнице темной,
Не в каземате, но в мира темнице огромной.
В заросли трав я могилы твоей не нашла,
Только метелку душицы к губам поднесла,
Думая: если бы, если бы ты поглядела,
Как нас волной подхватило высокое дело,
Как, просыпаясь, я счастлива дружбой, работой,

Как я волнуюсь одною с отчизной заботой.
Небо над нами качается деревом звездным.
Вместе б идти нам с тобой по равнинам морозным!
Мы бы с тобою, наверно, товарками стали,
Вместе бы мы «По военной дороге» певали.

...Ты мне оставила старый некрасовский том.
Слышу твой голос в напеве угрюмом, простом.
Вот раздвигаются губы твои на портрете.
Верно, ты знала на память «Крестьянские дети».
Тени тихонько ложатся на впалые щеки.
Спи,— я дышу за двоих нашим ветром высоким.

1940

* * *

Я пишу, как дышу.
По-другому писать не умею.
Поделиться спешу
То восторгом, то болью своею.

Я навряд ли права,
Исповедуясь так перед всеми.
Не нужней ли слова
О делах, обгоняющих время?

Что я все о своем?
Я живу в этом мире огромном
Не одна, не вдвоем,
В уголке не скрываюсь укромном.

Не такая пора,
Чтобы жить лишь своею душою,
Нужно кончик пера
Окунуть в море жизни большое.

Ну а все же, друзья,
Может быть, этот грех мне простится:
Ведь, по правде, и я
Тоже этого века частица.

Я, конечно, грешу,—
Что судьба одного человека!
Я пишу, как дышу.
...Но дышу-то я воздухом века.

1959

* * *

Обещайте мне, что вечно будет
На земле существовать Россия,
Не спалят ее и не остудят
Никакие бедствия лихие.

Обещайте мне, что люди вечно
Будут помнить Пушкина и Блока,
Что высокий дух и жар сердечный
Не исчезнут в пропасти глубокой.

Обещайте мне, что этот город,
Гордо именуемый Москвою,
Будет — вечно древен, вечно молод —
В летних парках шелестеть листвою.

Обещайте, дайте слово, люди,
Что не станет злобы, лицемерья.
Я прошу вас вовсе не о чуде —
Жить и умирать должны мы, веря.

Обещайте мне, что сгинут войны,
Будут мирными поля и реки,—
И тогда доверчиво, спокойно
Я смогу закрыть глаза навеки.

1966

БЕРДЫ КЕРБАБАЕВ
(1894—1974)

С туркменского

ШЕСТИСТИШИЯ

* * *

В жизни не надо по многим причинам
Званьем кичиться и хвастаться чином
Следует помнить и старым, и юным,
И самым вознесшимся в этом числе:
Быть человеком в мире подлунном —
Высшая должность на грешной земле.

* * *

Зря стрелу не спустит тетива,
Зря с перчатки не слетает кречет.
Пусть произнесенные слова
Правде жизни не противоречат.
Слово лжи лжеца пред белым светом
Вскоре поражает рикошетом.

* * *

Душа в тебе и пламенно и властно
Не стеклодувом вдунута была,
Но для нее, возвышенной, опасна
Обида, словно камень для стекла.
А души есть у всех, и потому
Быть справедливым надо самому.

* * *

Ветрено механика превратности
Колесу судьбы диктует ход.
Кто творит другому неприятности,
Сам в капкан однажды попадет.
Род ведут, неся свое тавро,
Зло от зла и от добра добро.

* * *

Моим сединам оказавший почести,
На то, что я в годах, не намекай.
В заботливом и вежливом пророчестве
Ты мне покоя, друг, не предрекай.
Еще я молод и чего-то стою,
Еще пленяюсь женской красотою.

* * *

Тот не бедняк, кто новые одежды
Купить не смог по бедности своей.
Бедней его богатые невежды
И люди, у которых нет друзей.
Но всех бедней улыбчивый завистник,
Чужих успехов тайный ненавистник.

* * *

Невежество похоже на проказу,
Гноятся язвы у него в мозгу.
Я, словно врач, по предрассудкам сразу
Определить невежество могу.
Как прокаженный, должен, может быть
Невежда с колокольчиком ходить?

* * *

— Меня,— сказал один,— который год
Не любит этот и не любит тот,
А третьего любовь — любовь казенная,
По виду — пламя, а по сути — лед.—
Его не возражал я словесам,
Он пожинал то, что посеял сам.

* * *

Неотличим, клянусь я головой,
От холостого выстрел боевой.
И больше стало храбрых после боя,
Чем было храбрых на передовой.
Историограф собственной отваги —
Фантаст и на словах и на бумаге.

* * *

Меж собой беседуют два века —
Мать и дочь, два близких человека.
Мыслит дочь светло и непредвзято,
Чужды ей законы шариата.
А в глазах у матери тревога:
— Лань моя, зачем гневишь ты бога?

* * *

Держа под рукою бутылку чернил,
Разыгрывать стал из себя патриота.
И «вывел на чистую воду» кого-то,
Кого-то в смертельном грехе обвинил.
Имею я к власти лишь просьбу одну:
Спаси от таких «патриотов» страну!

* * *

Ах, скажи, кому в угоду
Молоком зовешь ты воду,
Из соломы хлеб печешь,
Называешь правдой ложь?
Волю дай тебе, ты сдуру
Истребишь литературу!

* * *

Напрасны были все старания,
Тебя не выбрало собрание.
Когда авторитета нет,
Его не словишь и арканом.
И схож со стриженым бараном,
Кто потерял авторитет.

* * *

За круглым полем щедрого стола
Был долог звон заздравного стекла.
И целый вечер я держался стойко,
А утром: вскачь вселенная пошла...
Ах, дуралей! Зачем я выпил столько?
В башке моей звенят колокола.

* * *

Успех человеческий — старый кочевник —
Приходит к достойным. И в этом, брат, суть.
Когда тебя честно обходит соперник,
Подножку не ставь ему. Рыцарем будь!
А станешь завидовать — жить не захочешь,
Сам свое бедное сердце источишь.

* * *

Меня ты женолюбцем называешь,
Не обижаюсь я. Ну что ж, зови!
Ты одного еще не понимаешь:
Что я, земной, замешен на любви.
Со мной ее и радости и раны,
Я не произошел от обезьяны.

* * *

Бывает, что раздор в семье иной
Начнется между мужем и женой.
И видно всем, как в зеркале житейском,
Закат любви стал этому виной.
Ушла любовь, как солнце с небосвода,
А начиналось все с ее восхода.

* * *

Одного, кто достойней и лучше,
Из мужской избери ты среды,
А поклонников прочих не мучай,
Не дразни. Стерегись чехарды.
А не то проглядишь — и осел
Сядет рядом за свадебный стол!

* * *

— Эй, редактор, не режь мою строчку,
Лучше палец ты мне отруби.
Удали запятую иль точку,
Только строчку мою не губи.
Ты — не ножницы, я — не бумага,
Соверши милосердье и благо.

* * *

На лихоимстве свой не строй достаток,
Опасна алчность — пагубная страсть.
Кто украдет, кто снизойдет до взяток,
Тому в позоре долго ли пропасть?
Раскаянье бывает слишком поздним,
Когда возмездье проявляет власть.

* * *

Верблюду горб в дороге, как назло,
Натерло деревянное седло.
Но седоку с надменной вышины
В глазах верблюда слезы не видны.
Беды верблюжьей не в седле причина,
А в седоке: недоглядел, скотина.

* * *

Узнавший радость позже, чем другие,
Друг позвонил, а было время сна.
— Проснись! — сказал.— Есть новости благие!
Сейчас зайду. Готовь кувшин вина!—
Полнее радость он переживает,
Ведь первозданней для него она.

* * *

— Проснись,— заворковала возле уха
С улыбкою лукавой молодуха.
Я говорю: — Быть мы не можем парой,
Ты — молода, а я, смотри какой! —
Она в ответ: — Ах, греховодник старый! —
И обняла арканящей рукой.

* * *

У лицемерья два гонца,
Два вероломных близнеца.
Один мне шепчет: — Дорогой! —
И льстит в глаза при этом,
А за спиной меня другой
Чернит пред белым светом.

* * *

Я очарован был до немоты
Красавицей, откинувшей яшмак.
Она сказала: — Слишком робок ты! —
И бросила цветок в меня: — Чудак!—
Влюбленно я смотрю вослед плутовке
И чувствую, что связан без веревки.

* * *

Когда б интригу млад иль стар
Принес однажды на базар,
Я за любую цену откупил бы
Произведенный подлостью товар.
Его забросив в бездну океана,
На мель я посадил бы интригана.

* * *

Взявшись за гуж,
Не скажи, что не дюж,
Если не мальчик ты,
Если ты — муж.

Славные так завещали мужи:
— Вылезь из кожи, а слово сдержи!

* * *

Извечно обновляется сознанье —
Природы наивысшее созданье.
Но иногда, как бы в пещерной темени,
Под полушарьем собственного темени
Дикарству предается человек,
Хоть на дворе стоит двадцатый век.

ЗЕЛЕНЫЙ ЧАЙ

В моей равнинной стороне,
Привычкой дорожа седою,
Ни дома и ни в чайхане
Его не пьют перед едою.

Не схож он с водкой оттого
И с ледяной водой колодца,
Что пред едою от него
Во рту лишь горечь остается.

Всему свой срок, всему свой час.
И после сытного обеда
Отраден каждому из нас
Он, как сладчайшая беседа.

И ходит грудь, легко дыша,
И, бодрость придавая силам,
До самых пальчиков
по жилам
Блаженство льется не спеша.

И те минуты мне милы,
Милы и дороги по праву,
Когда из чистой пиалы
Пью чай, заваренный на славу.

Пускай ваш чайник в должный срок
Разгорячится, словно кречет.
И если кто-то занемог,
Зеленый чай его излечит.

ГУСИ

Путь ваш по синему небу пролег,
Тень ваших крыльев легла на песок.
Гуси, найдите поблизости воду,
Гуси, зачем вам лететь на восток?

Дождь обойдет нас — постигнет беда.
С неба, быть может, видна нам вода?
Если ее вы увидите, гуси,
Мы испечем вам лепешек тогда.

Ваша дорога лежит высоко,
Гуси, и вам без воды нелегко.
Воду найдите поблизости, гуси,
Не улетайте от нас далеко!

САЙФИ КУДАШ

(Род. в 1894 г.)

С башкирского

ПРОХОДЯ ПО УЛИЦАМ УФЫ

В родной Уфе не только каждый дом,
Пожалуй, каждый камень мне знаком.
Иду и, словно свой дневник, читаю
Листок воспоминаний за листком.

Вот зданье трехэтажное. Оно
Задумалось как будто... Вот окно
Той комнаты, где жил Тукай когда-то,
Гостя в Уфе... Все было так давно!

Впервые здесь Тукай и Гафури,
Богатыри-поэты, бунтари,
Друг другу мыслей тайники раскрыли,
Беседуя по-братски до зари.

Как Гафури мечтал в те дни о том,
Чтобы на резвых лошадях верхом
По живописному прибрежью Демы
Проехать с гостем дорогим вдвоем!

Мечтал об этом страстно он тогда,—
Порадовать хотелось гостя... Да,
Но у ворот, увы, друзей не ждали
Два резвых аргамака,— вот беда!..

С тех пор прошло почти что сорок лет,—
Двух наших пламенных поэтов нет.
А перед старым домом на Свердловской
Всегда стоит блестящий ряд «побед».

Сияет день, горят ли фонари —
Машины здесь, и, хоть держи пари,
Так кажется, что ждут автомобили
Тех двух друзей — Тукая с Гафури,

Которые как бы еще живут,
Как бы вот-вот вдвоем сюда сойдут...
И, горячо в свою мечту поверив,
Я сам, волнуясь, жду Тукая тут.

ГРУЗЧИК И ПОЭТ

Однажды грузчик и поэт,
Над морем сидя в час прибоя,
Покуда гаснул солнца свет,
Так рассуждали меж собою.

«Мой труд и тяжек и суров,—
Промолвил грузчик.— Спорить буду:
Ношу до сорока пудов,
Такое впору и верблюду!»

«А я, вот скоро сорок лет,
Ношу в себе все муки слова»,—
Спокойно отвечал поэт.
И поняли один другого.

САКЕН СЕЙФУЛЛИН

(1894—1939)

С казахского

В СТЕПИ

В стороне степной, с рожденья мне родной,
Ожидал я ветра раннею весной,
И поднялся теплый ветер-непоседа,
И оделась мигом степь в наряд цветной.

Плыли ветры из-за гор в сиянье дня,
Над ковыльными просторами звеня,
И дарили мне неслыханные вести,
Обнимая с братской радостью меня.

«Те, кто к равенству стремился с давних пор,
Кто к свободе устремился с давних пор,
Против злобных угнетателей восстали,
Ниспровергнув рабства тяжкого позор».

И от счастья грудь расширилась моя,
Словно смелый сокол, встрепенулся я,
Звонким криком ширь степную оглашая,
Я приветствовал родимые края.

Мне в ответ склонились чашечки цветов,
И свершеньем самых лучших в жизни снов,
Бурной радостью мне сердце охватило
Дуновение стремительных ветров!

1917

ПРЕДКАМ

В черный век меня постигла тьма певзгод,
Уповаю на творца я в тяжкий год.
Нашим пращуром был Тока вдохновенный,
От него и начался наш славный род.

Деды — Ескене, Байбек и Жанибек...
Пращур мой, благослови меня навек,
Испытал я много трудностей и бедствий,
Но провел я жизнь как честный человек.

Ор, Оба́, Есе́н, Нура́и — мои края,
Куандыка-Каратока грозный род — родня моя
На защиту предков, отпрыск их строптивый,
В час тяжелый возлагал надежды я.

Вся вина моя написана на лбу,
Против сильных мира начал я борьбу,
Равноправья я для бедных добивался,
Добывал народу лучшую судьбу.

Весь мой грех — я получил на время власть,
Посбивал с господ кичливых спесь я всласть,
Бедноту оберегал от произвола,
Не давал богатым баям вволю красть.

Беднякам я не давал чинить вреда,
С ними шел я рука об руку всегда
И на подкупы и взятки не польстился,
Правый путь не покидая никогда.

Век злодейства разлучил меня с конем,
По чужбине указал брести пешком,
Подчинил сперва мне знатных и богатых,
А затем меня низверг одним броском.

Из потомков наших предков только мне
Довелось пускаться в путь не на коне,
И покрылись мои ноги волдырями
На дорогах в чужедальней стороне.

В тех селеньях, где пешком я проходил,
До конца я чашу горечи испил,
Выдавал себя за путника простого,
А о прошлом тайну в сердце сохранил.

С малолетства я избрал особый путь,
И, намеренно ветрам подставив грудь,
Поднял знамя угнетенного народа
И сумел его над степью развернуть.

Был мой путь тернист и труден до конца,
Уповал я на единого творца,
Предки наши! Спорит с морем ваш потомок
Поддержите в буре смелого пловца!

1919

СКОРБНЫЙ ДЕНЬ

Сегодня скорби пробил час,
Сегодня скорбь пронзила нас,
Сегодня алые знамена
Склонил, скорбя, рабочий класс.

Сегодня, хмурым зимним днем,
Об Ильиче мы слезы льем,
Его заветы вспоминая,
Народ прощается с вождем.

В рабочем классе скорбь и стон,
Но, до зубов вооружен,
Шагает с траурной повязкой
Он впереди людских колонн.

В своей печали он суров
И до конца разбить готов,
Борясь за дело ленинизма,
Любые происки врагов.

Ильич к борьбе призвал народ,
На сто веков глядел вперед,
И путь, который указал он,
К счастливой жизни нас ведет.

Отметим горечь этих дней,
Сплотив ряды еще тесней
Вокруг знамен непобедимых
Великой партии своей!

23 января 1924 г.

ЛАСТОЧКА

После долгой спячки зимней
Пробуждается земля —
И вершины и низины
Вышивают зеленя.

И весенний темперамент
За узором ткет узор,
За орнаментом орнамент
На степной кладет ковер.

Виснут капли дождевые,
Как жемчужины, с небес,
И концерты птиц живые
Оглашают звонкий лес.

Снова мать-земля сырая
Соком все поит, растя,—
Словно грудью мать родная
Кормит милое дитя.

Полдень ясный и высокий.
Вытирая потный лоб,
Слышит: бьют земные соки! —
Благодарный хлебороб.

Пробудилось все живое,
С каждым часом жизнь живей.
Начал дело трудовое
Даже малый муравей.

У засеянного клина
Шустро ласточка снует.
В клюве — прутик или глина.
Гимн весне она поет.

Прославляя труд и братство,
Пой, ударница труда!
Коль бедняк взрастил богатство -
Будет с хлебом он всегда!

1927

ЯН СУДРАБКАЛН
(1894—1975)

С латышского

ВЕСЕННИЙ ГИМН ДЕРЕВЬЕВ

Мартовский утренник. Холод. Лед.
Но, дебри хрупкие ломая
И землю к небу поднимая,
Древесный сок в стволах поет!

Мил мне, деревья, ваш голос живой!
Мне ведь казалось, что поздно бороться.
Думал: увидеть вас вновь не придется
И не удастся одеться листвой.

В чудной ошибке признаться я рад.
В сотнях смертей жизнь, бессмертна, таится,
Где б я ни скрылся, вновь превратится
Мир вкруг меня в этот яблочный сад.

Живо прекрасное, чтоб освежить
Души жасмином сквозь пыль суховея.
Я в половодье! Всегда на волне я!
Омут? Упрямец, я выплыву жить!

В зорях над городом вейся, ветвь!
Ветры морей вас, деревья, качали.
Точно спартанцы, мы зиму встречали.
С вами я в путь собираюсь и впредь.

Кто, точно мать, мне поет? Я исчез
Между стволов. Голос в них раздается.
Это не жаворонок несется.
Это — весна. Ветви. Бездна небес!

1919

СЕРДЦЕ

О сердце, ты такой заботы
Не знало много сотен лет!
Нет меры, нет счета
Смертям и горю... предела нет.

Сердечное ожесточенье,
Семь вечностей ты длилось — семь веков
Гнев гонит воина в сраженье.
Бой — избавленье от оков.

Сердца солдатские пылают.
В бой! И — бороться до конца!
Цель высока — солдаты знают,
Что счастьем зацветут сердца!

1941

ЛАТЫШИ ИДУТ В БОЙ

Я слышу вести: морозной ранью
Идут полки латышские в бой,
И зарево северного сиянья
У них не меркнет над головой.

Горит над стрелками в огне и дыме,
Сердца согревает лучом золотым,
Чтоб вместе с жаворонками родными
Весной вернуться на родину им.

И русский солдат говорит в окопах:
«Слыхали, друзья, о латышских стрелках?
Их Ленин послал на штурм Перекопа,
Мечом они были в его руках.

А нынче наследники их продолжают
Старинного братства закон боевой.
Советскую землю освобождая,
Идут латыши вместе с нами в бой».

А в Латвии вести о них синица
Разносит, вещунья, во все уголки.
И в воздухе запах весны струится,
Для встречи девушки вьют венки.

И только предатель дрожит, бледнея,
В той вести он слышит себе приговор:
Растоптаны будут коварные змеи
И начисто выметен весь наш двор.

В семье Красной Армии перстень свободы
В жестоких битвах латыш кует,
Чтоб Латвия вечно на счастье народу
Носила сверкающий перстень тот.

Январь 1942 г.
Москва

О БУДУЩЕМ

Пусть говорят, что, ветром исщербленный,
С годами осыпается гранит,
Что поле битвы зелень молодит
И материнства не скудеет лоно,
Что зарастают мхом следы былого,
Сочиться медом соты будут снова.

Иное скажет тот, кому судьбою
Годину бедствий пережить дано...
Пройдут десятилетья — все равно
Он будет помнить все пережитое
И до последнего сердцебиенья
Не ведать ни забвенья, ни прощенья.

Войны жестокой заживятся раны,
И солнечными станут дом и сад,
Но вдруг опять, как много лет назад,
В поту проснется ночью он нежданно:
«Сигнал атаки... Танки! Где гранаты?..»
И до рассвета не уснуть солдату.

Душа мечтать о вечном счастье рада,
Жизнь расцветет, но, друг, не позабудь,—
Уже сиял пред нами светлый путь,
Как вдруг поднялся зверь из бездны ада.
Лишь красная звезда все эти годы
К рассвету новому вела народы.

Войны предшествующей стихли бури,
И голос мой о братстве пел, но он
Был громом новой битвы заглушен.
Но поклянусь, что вечною лазурью
Отныне будут небеса лучиться,—
Что не посмеет зло с добром сразиться.

Не кончена борьба. Ей нет предела.
В борьбе природу покоряем мы,
Сражаемся с приспешниками тьмы,
Чтоб ярче с каждым днем заря алела,
И в дайнах будет внуками воспета
Борьба со злом, борьба во имя света.

1944

КЛЕНЫ ЦВЕТУТ

Прекрасна Латвия в цвету кленовом!

С травой ручей болтает говорливый,
Клен в воду зонтики цветов роняет,
И пахарь грома первого разрывы,
Сняв шапку, слушает: «Весна меня встречает
И урожай богатый обещает.
Нетерпеливо Сивка бьет копытом,
Жизнь скоро встанет колосом налитым».

Кленовый зонтик падает, порхая,
Скользит и вновь взлетает, легкокрылый.
Весна идет, цветами осыпая
Тех, кто за счастье бился, чьи могилы
Сиянье вечной славы озарило;
Мы помним, помним лица дорогие —
Но о живом заботятся живые.

Пусть родником могучей силы вечно
Воспоминанья остаются с нами.
Пусть мысль терзает сонных и беспечных:
«Что сделал ты, чтоб увенчать их память
Достойными бессмертия делами?»
Кто видел землю, политую кровью,
Тот ждет весны с особенной любовью.

Жизнь, воскресая, к радости стремится.
Редеет скорбь туманом предрассветным.
Летит в грядущее мечта-синица,
И подымается в труде заветном
Земля родная кленом златоцветным,
Что ветви новой жизни предо мною
Раскинул первой мирною весною.

Прекрасна Латвия в цвету кленовом.

1946

СИРЕНЬ В ЗИМНЮЮ НОЧЬ

В годовщину смерти Александра Пушкина

Полной пригоршней черпают время часы,
Мне четырежды прокуковала кукушка:
«Похороны не проспи!
Путь неблизок до Пушкинских Гор.
Там могила разверзнется скоро
В монастырском саду.
Бьют ломами промерзлую землю!»
Нет, я рано проснулся, но я опоздал.
Все случилось давно, в беспросветные годы,
Когда выстрел раздался
И — Поэт онемел.
Но я ночь эту чувствую, вижу,
Как на склонах заснеженных Пушкинских Гор
Распускаются кисти сирени.
Может, царь запретит и жандармов пошлет,
Чтоб зимою сирень не цвела?
Мрак развеян теперь навсегда.
Осененная красной звездой,
Твоя родина стала свободной, Поэт!
Всех народов посланцы приходят к тебе,
Как предвидел пророчески ты.
И всяк сущий язык повторяет:
Счастье, братство, свобода!
К торжеству наших дел ты причастен, Поэт!
Из темницы ты вывел свободу,
В радость ты переплавил печаль,
Напоил вдохновением племя младое
И на братство людей созывал.
Бьют часы мои старые.
Ты, кукушка седая, трудись
И минуты сгребай!
Вот уж солнце свой лик показало.
А Поэт, молодой и бесстрашный, идет,
Далеко слышен голос его,
И бессмертья сирень расцветает.

1962

ГЕОРГИЙ ШЕНГЕЛИ

(1894—1956)

БЕТХОВЕН

То кожаный панцирь и меч костяной самурая,
То чашка саксонская в мелких фиалках у края,
То пыльный псалтырь, пропитавшийся тьмою часовен,—
И вот к антиквару дряхлеющий входит Бетховен.

Чем жить старику? Наделила судьба глухотою,
И бешеный рот ослабел над беззубой десною,
И весь позвоночник ломотой бессонной изглодан,—
Быть может, хоть перстень французу проезжему продан?

Он входит, он видит: в углу, в кисее паутины
Пылятся его же (опять они здесь) клавесины.
Давно не играл! На прилавок отброшена шляпа,
И в желтые клавиши падает львиная лапа.

Глаза в потолок, опустившийся плоскостью темной,
Глаза в синеву, где кидается ветер огромный,
И, точно от молний, мохнатые брови нахмуря,
Глядит он, а в сердце летит и безумствует буря.

Но ящик сырой отзывается шторму икотой,
Семь клавиш удару ответствуют мертвой немотой,
И ржавые струны в провалы, в пустоты молчанья,
Ослабнув, бросают хромое свое дребезжанье.

Хозяин к ушам прижимает испуганно руки,
Учтивостью жертвуя, лишь бы не резали звуки;
Мальчишка от хохота рот до ушей разевает,—
Бетховен не видит, Бетховен не слышит — играет!

1923

ПЛАНЕР

Мячик футбольный тиская,
Выкруглилась фанера,—
Тело супрематистое,
Веретено планёра.

Гнутся, как брови умные,
Вздрагивая от страсти,
Крылья его бесшумные,
Кинутые в пространстве.

Это не рев и ржание
Конных бригад мотора,—
Ветреное дрожание,
Пульс голубой простора.

Небо на горы брошено,
Моря висит марина
Там, где могила Волошина,
Там, где могила Грина.

Именно над могилами
Тех, кто верил химерам,
Скрипками острокрылыми
Надо парить планёрам.

Там, где камни ощерились,
Помнящие Гомера,
Надо, чтоб мальчики мерялись
Дерзостью глазомера.

Там, над памятью старого,
Надо, чтобы играла
Юная блажь Икарова
Мускулом интеграла.

Иначе требовать не с кого,
Иначе не нужны нам
Радуги Богаевского,
Марева по долинам.

Надо ж в горнем пожарище
Выверить (помощью метра),
Правда ль, что мы — товарищи
Воздуха, неба, ветра?

1933

ВАСИЛЬ ЭЛЛАН (БЛАКИТНЫЙ)

(1894—1925)

С украинского

УДАРЫ МОЛОТА И СЕРДЦА

Удары молота и сердца —
И перебои... и провал...
Но снова должен разгореться
Огнем пронизанный хорал:

— Небо стеною встало —
Гряньте с размаху: р-раз...
Храбрые,— мы лишь начало.
Миллион подпирает нас.

Мы — только высекли искры,
Вспыхнут миллиарды «Мы»,
Копья движением быстрым
Распорют завесу тьмы.

1920

ПИСЬМО

Я пришел с тобою попрощаться...
— Что ж, прощай. Забудь напевы ветра.
Голоса чуть слышные забудь
В зарослях, в таинственных глубинах
Милого, заброшенного парка.

И забудь — безмолвного партнера.
Так упрямо он шагает рядом —
Словно тень твоя (иль тень его сама ты?)
По одним путям и перепутьям,
Так упрямо взором ловит взоры,
Пьет — читает тайнопись души
И, прервавши,— снова прочь уходит,
Яростным исканием вливаясь
В боевое море коллектива.

Только знаю я: ты не забудешь
(Будешь, будешь жить минувшим юным!).
— Не скрывайся; знаю, понимаю,
Как тяжки пласты покорности бывают.
Знаю, знаю, вижу — замечаю,
Все томление, всю жажду мая.
Это жизнь — смотри,— бушует, кличет,

И не только в тишь библиотеки,
В звездные владения науки,—
Но и в гущу, на завод, в районы,
В сборища людей — то наших, то враждебных
— Что ж, иди, упрямый и активный,
Будет все, как быть должно,

Будет славно, славно, славно будет...
Ну, а жизнь бушует, бьет, искрится,—
И в той жизни я, партнер незваный,
Буду жить лет с тысячу, никак не меньше.
И тебя зову с собою.

— Ну, прощай...
А может, снова: здравствуй?..

1922

ЭДУАРД БАГРИЦКИЙ
(1895—1934)

СТИХИ О СОЛОВЬЕ И ПОЭТЕ

Весеннее солнце дробится в глазах,
В канавы ныряет и зайчиком пляшет,
На Трубную выйдешь — и громом в ушах
Огонь соловьиный тебя ошарашит...

Куда как приятны прогулки весной:
Бредешь по садам, пробегаешь базаром!..
Два солнца навстречу: одно над землей,
Другое — расчищенным вдрызг самоваром.

И птица поет. В коленкоровой мгле
Скрывается гром соловьиного лада...
Под клеткою солнце кипит на столе —
Меж чашек и острых кусков рафинада...

Любовь к соловьям — специальность моя,
В различных коленах я толк понимаю:
За лешевой дудкой — вразброд стукотня,
Кукушкина песня и дробь рассыпная...

Ко мне продавец:
«Покупаете? Вот
Как птица моя на базаре поет!
Червонец — не деньги! Берите! И дома,
В покое, засвищет она по-иному...»

От солнца, от света звенит голова...
Я с клеткой в руках дожидаюсь трамвая.
Крестами и звездами тлеет Москва,
Церквами и флагами окружает!

Нас двое!
Бродяга и ты — соловей,
Глазастая птица, предвестница лета,
С тобою купил я за десять рублей —
Черемуху, полночь и лирику Фета!

Весеннее солнце дробится в глазах.
По стеклам течет и в канавы ныряет.
Нас двое,
Кругом в зеркалах и звонках
На гору с горы пролетают трамваи.

Нас двое...
А нашего номера нет...
Земля рассоло́дела. Полдень допет.
Зеленою смушкой покрылся кустарник.
Нас двое...
Нам некуда нынче пойти;
Трава горячее, и воздух угарней —
Весеннее солнце стоит на пути.

Куда нам пойти? Наша воля горька!
Где ты запоешь?
Где я рифмой раскинусь?

Наш рокот, наш посвист
Распродан с лотка...
Как хочешь —
Распивочно или на вынос?

Мы пойманы оба,
Мы оба — в сетях!
Твой свист подмосковный не грянет в кустах,
Не дрогнут от грома холмы и озера...
Ты выслушан,
Взвешен,
Расценен в рублях...
Греми же в зеленых кустах коленкора,
Как я громыхаю в газетных листах!..

1925

КОНТРАБАНДИСТЫ

По рыбам, по звездам
Проносит шаланду:
Три грека в Одессу
Везут контрабанду.
На правом борту,
Что над пропастью вырос:
Янаки, Ставраки,
Папа Сатырос.
А ветер как гикнет,
Как мимо просвищет,
Как двинет барашком
Под звонкое днище,
Чтоб гвозди звенели,
Чтоб мачта гудела:
«Доброе дело! Хорошее дело!»
Чтоб звезды обрызгали
Груду наживы:
Коньяк, чулки
И презервативы...

Ай, греческий парус!
Ай, Черное море!
Ай, Черное море!..
Вор на воре!

. . . . . .

Двенадцатый час —
Осторожное время.
Три пограничника,
Ветер и темень.
Три пограничника,
Шестеро глаз —
Шестеро глаз
Да моторный баркас...
Три пограничника!
Вор на дозоре!
Бросьте баркас
В басурманское море,
Чтобы вода
Под кормой загудела:
«Доброе дело!
Хорошее дело!»
Чтобы по трубам,
В ребра и винт,
Виттовой пляской
Двинул бензин.

Ай, звездная полночь!
Ай, Черное море!
Ай, Черное море!..
Вор на воре!

. . . . . .

Вот так бы и мне
В налетающей тьме
Усы раздувать,
Развалясь на корме,
Да видеть звезду
Над бушпритом склоненным,
Да голос ломать
Черноморским жаргоном,
Да слушать сквозь ветер,
Холодный и горький,
Мотора дозорного
Скороговорки!
Иль правильней, может,
Сжимая наган,
За вором следить,
Уходящим в туман...

Да ветер почуять,
Скользящий по жилам,
Вослед парусам,
Что летят по светилам...
И вдруг неожиданно
Встретить во тьме
Усатого грека
На черной корме...

Так бей же по жилам,
Кидайся в края,
Бездомная молодость,
Ярость моя!
Чтоб звездами сыпалась
Кровь человечья,
Чтоб выстрелом рваться
Вселенной навстречу,
Чтоб волн запевал
Оголтелый народ,
Чтоб злобная песня
Коверкала рот,—
И петь, задыхаясь,
На страшном просторе:
«Ай, Черное море,
Хорошее море!..»

1927

ТВС

Пыль по ноздрям — лошади ржут.
Акации сыплются на дрова.
Треплется по ветру рыжий джут.
Солнце стоит посреди двора.
Рычаньем и чадом воздух прорыв,
Приходит обеденный перерыв.

Домой до вечера. Тишина.
Солнце кипит в каждом кремне.
Но глухо, от сердца, из глубины,
Предчувствие кашля идет ко мне.

И сызнова мир колюч и наг:
Камни — углы, и дома — углы;
Трава до оскомины зелена;
Дороги до скрежета белы.

Надсаживаясь и спеша донельзя,
Лезут под солнце ростки и Цельсий

(Значит: в гортани просохла слизь,
Воздух, прожарясь, стекает вниз,
А снизу, цепляясь по веткам лоз,
Плесенью лезет туберкулез.)

Земля надрывается от жары.
Термометр взорван. И на меня,
Грохоча, осыпаются миры
Каплями ртутного огня,
Обжигают темя, текут ко рту.
И вся дорога бежит, как ртуть.
А вечером в клуб (доклад и кино,
Собрание рабкоровского кружка).
Дома же сонно и полутемно:
О, скромная заповедь молока!

Под окнами тот же скопческий вид,
Тот же кошачий и детский мир,
Который удушьем ползет в крови,
Который до отвращенья мил,
Чадом которого ноздри, рот,
Бронхи и легкие — все полно,
Которому голосом сковород
Напоминать о себе дано.
Напоминать: «Подремли, пока
Правильно в мире. Усни, сынок».

Тягостно коченеет рука,
Жилка колотится о висок.

(Значит: упорней бронхи сосут
Воздух по капле в каждый сосуд;
Значит: на ткани полезла ржа;
Значит: озноб, духота, жар.)
Жилка колотится у виска,
Судорожно дрожит у век.
Будто постукивает слегка
Остроугольный палец в дверь.
Надо открыть в конце концов!

«Войдите».— И он идет сюда:
Остроугольное лицо,

Остроугольная борода.
(Прямо с простенка не он ли, не он
Выплыл из воспаленных знамен?
Выпятив бороду, щурясь слегка
Едким глазом из-под козырька.)
Я говорю ему: «Вы ко мне,
Феликс Эдмундович? Я нездоров».

...Солнце спускается по стене.
Кошкам на ужин в помойный ров
Заря разливает компотный сок.
Идет знаменитая тишина.
И вот над уборной из досок
Вылазит неприбранная луна.

«Нет, я попросту — потолковать».
И опускается на кровать.

Как бы продолжая давнишний спор,
Он говорит: «Под окошком двор
В колючих кошках, в мертвой траве,
Не разберешься, который век.
А век поджидает на мостовой,
Сосредоточен, как часовой.
Иди — и не бойся с ним рядом встать.
Твое одиночество веку под стать.
Оглянешься — а вокруг враги;
Руки протянешь — и нет друзей;
Но если он скажет: «Солги»,— солги.
Но если он скажет: «Убей»,— убей.
Я тоже почувствовал тяжкий груз
Опущенной на плечо руки.
Подстриженный по-солдатски ус
Касался тоже моей щеки.
И стол мой раскидывался, как страна
В крови, в чернилах квадрат сукна,
Ржавчина перьев, бумаги клок —
Всё друга и недруга стерегло.
Враги приходили — на тот же стул
Садились и рушились в пустоту.
Их нежные кости сосала грязь.
Над ними захлопывались рвы.
И подпись на приговоре вилась
Струей из простреленной головы.
О мать революция! Не легка

Трехгранная откровенность штыка;
Он вздыбился из гущины кровей,
Матерый желудочный быт земли.
Трави его трактором. Песней бей.
Лопатой взнуздай, киркой проколи!
Он вздыбился над головой твоей —
Прими на рогатину и повали.
Да будет почетной участь твоя;
Умри, побеждая, как умер я».
Смолкает. Жилка о висок
Глуше и осторожней бьет.
(Значит: из пор, как студеный сок,
Медленный проступает пот.)
И ветер в лицо, как вода из ведра.
Как вестник победы, как снег, как стынь
Луна лейкоцитом над кругом двора,
Звезды круглы, и круглы кусты.
Скатываются девять часов
В огромную бочку возле окна.
Я выхожу. За спиной засов
Защелкивается. И тишина.
Земля, наплывающая из мглы,
Легла, как неструганая доска,
Готовая к легкой пляске пилы,
К тяжелой походке молотка.
И я ухожу (а вокруг темно)
В клуб, где нынче доклад и кино,
Собранье рабкоровского кружка.

1929

ЛЕВ КВИТКО

(1895—1952)

С еврейского

ЛЕНИН

Превыше неприступных гор,
Потоков искристых ясней
То светлое имя,
То светлое имя,

Зовущее в бой,
Ведущее нас за собой
К бесспорной победе.
В ком пламенно сердце,
Чья речь вдохновенна,
Тот знает то имя,
Тот помнит то имя,
Тот верит в то имя,
Простое и вечное имя —
Ленин!

1926

ПИСЬМО ВОРОШИЛОВУ

Климу Ворошилову
Письмо я написал:
«Товарищ Ворошилов,
Народный комиссар!

В Красную Армию
Нынешний год,
В Красную Армию
Брат мой идет.

Товарищ Ворошилов,
Я его люблю,
Товарищ Ворошилов,
Верь ему в бою!

На работе первым
Был он кузнецом,
Будет он примерным
В армии бойцом.

Товарищ Ворошилов,
Поверь, ты будешь рад,
Когда к тебе на службу
Придет мой старший брат!

Слышал я: буржуи
Задумали войну,
Хотят они разграбить
Советскую страну.

Товарищ Ворошилов,
Когда начнется бой,
Пускай назначат брата
В отряд передовой!

Мой брат стреляет метко —
Увидишь это сам,
Когда стрелять прикажешь
На фронте по врагам.

Товарищ Ворошилов,
А если на войне
Погибнет брат мой милый,
Пиши скорее мне.

Товарищ Ворошилов,
Я быстро подрасту
И встану вместо брата
С винтовкой на посту».

1928

ОДНАЖДЫ

Я осенью в своем саду работал,
Готовя место для кустов сирени.
И, чтобы ей просторнее жилось,
Я выкопал две маленькие елки
И положил в сторонку — у плетня.

«Сирень весной душистой развернется
Ей будет тут привольно, хорошо.
Вы, елочки мои, не обижайтесь,
И вас я не оставлю без призора,
Хорошее местечко вам найду».

Так думал я, работая усердно.
На следующий день пришел печник,
И мы с ним перекладывали печи.
Потом картошку долго убирали,
Белили дом... Потом пришла зима.

И вот однажды, вечером морозным,
Сидел я с книжкой и блаженно грелся
В покойном кресле около огня.

Вдруг во мне похолодело сердце —
Я вспомнил, что про елочки забыл.

Они меня, наверно, долго ждали —
Два коренастых милых медвежонка,
И, не умея голоса подать,
Беспомощно и кротко погибали.
А я забыл! А я про них забыл!..

Пришла весна. Я вышел в сад пахучий
И первым делом бросился к сирени.
А в стороне... Да что ж это такое?!
Две елочки, два кротких медвежонка,
Игольчатые ветки растопыря,
Стоят, купаясь в солнечном деньке.

Они меня, наверно, долго ждали,
Их дождики охлестывали злые,
Осенний ветер маял и студил.
Тогда они к земле припали близко
И крепко к ней корнями присосались
В неистребимой жажде бытия.

И я стою в молчании глубоком
И думаю: «Какое это чудо —
Земля животворящая моя!»

1944

РАБОТА

Работа ждет меня давно.
Я потружусь от всей души.
Я позабыл какая, но —
Ведь все работы хороши!
Работа ждет меня с утра,
Дел недоделанных — гора!

Они кричат, они галдят.
А что они хотят?
Чтоб я к ним руки приложил,
Доделал их и довершил.

Я верю им!
Как не работать этими руками,
Когда ладони чешутся, горят.

Как сильная струя уносит камень,
Волна работы унесет усталость
И дальше мчит, как водопад трубя!

Страна, благословенная трудом,
Как хорошо
работать для тебя!

1948

ЛУЧИ СОЛНЦА

Сиянье солнечных лучей —
Не из разряда мелочей.
Недаром,
пламенней алмаза,
Сосулька запылает сразу
От искры солнечных лучей.
Сосулькам суждено истаять,
И даже память не оставить,
И кануть в речку
иль в ручей,
Но вот что капли мне пропели,
И вот что слышалось в капели:
«Мы и блистали и горели
В сиянье солнечных лучей!»

1948

ПЕРЕЦ МАРКИШ
(1895—1952)

С еврейского

* * *

Приходит час ночной ко мне,
Все тише и грустней,
Побыть со мной наедине...

Вот окна все синей, синей,
Уходят стены. Вкруг меня
Один простор ночной.
И обувь сбрасываю я,

Чтоб шаг не слышать свой.
Я на глаза свои кладу
Вечерний синий свет
И все шепчу в ночном чаду:
— Тоска, меня здесь нет!..—
И в угол прячусь я пустой,
И руки прячу я,
От скуки медленно за мной
Ползет тоска моя.
И пальцами она слегка
Моих коснулась скул,
И вот уж призрак твой, тоска,
К моей груди прильнул.

Чтобы мою отведать кровь,
Она колдует вновь и вновь.
Но прижимаю к косяку
Незримый силуэт
И все шепчу, кляня тоску:
— Тоска, меня здесь нет!

1917

ВО СНЕ Я ВИДЕЛ МАТЬ

Светает за окном... Доехать бы скорее!
Мне слышен стук колес... Уже не задремать.
Во сне я видел мать, и на душе светлее,
Мне так легко всегда, когда приснится мать.

Шлагбаум за окном. А строй гусей гогочет,
Нетерпеливо ждет, пока пройдет состав.
Бежит локомотив и тянет дыма клочья,
Дремоту гонит прочь, протяжно засвистав.

О, сколько сотен верст в дороге я измерил,
О, сколько долгих дней она меня трясла!

Приснилась мне Москва. Входила мама в двери,
Горячие коржи в переднике несла...
Ни слова не сказав, в глаза взглянула прямо,
Должно быть, поняла: совсем другим я стал...
И оборвался сон... Ответь мне: где ты, мама?
Все тише стук колес. В окне плывет вокзал.

1942

ВЫБОР

Достоинство пчелы — не жало и не яд,
И соловей поет не только о печали.
И на восход нам путь открыт, и на закат,
И в будущие дни, и в те, что прошлым стали.

Мы, горечи хлебнув, поверим в жизнь опять
И выберем рассвет, встающий над вершиной.
В грядущем сын и дочь сумеют сочетать
Усердие пчелы и посвист соловьиный.

Так снова — в добрый путь, да поведет нас честь,
Да не помянут нас потомки грубым словом!
Пчела не для того летит, чтоб яд принесть,
Но чтобы в улей свой вернуться с медом новым.

1946

ЗАБОТА

Лишь только луч цветка коснется, щекоча,
А ветерок, кусты взъерошив, захохочет,
Как, крылья подоткнув, кузнечик сгоряча
У наковаленки своей уже хлопочет.

Усами жесткими он грозно шевелит,
Усы в ногах снуют с зеленым петерпеньем,
А мошкаре лесной стрекочет он, сердит:
«Мне надобно ковать! Отстаньте с вашим пеньем!»

Кузнечик прыгает,— какая суета,—
От кустика к цветку легко перелетая,
Травинку хилую догонит у куста
И спросит: «Припаять? Работа не простая!»

Впивается его зовущий молот сам
Во множество забот, звенящих и летучих.
Кузнечик приумолк. И вновь к своим трудам
Вернется он, когда блеснет заря сквозь тучи.

1947

ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ

Уже не ночь, еще не день,
И свет зари пока неведом,
И мышь летучая, как тень,
Влетает в щель меж тьмой и светом.

Она проскальзывает в сон,
Она виденьем из видений
Вдруг прошмыгнет за грань времен
Зигзагом мимолетной тени.

Она торопится домой.
Пора! Она боится солнца.
Ее терзает свет прямой
Слепящего, как медь, оконца.

И перепончатую шаль
Подняв над темной головою,
Она летит куда-то вдаль,
Освистанная синевою.

Как день пришел, как ночь ушла —
Не разобрать летучей мыши.
Сейчас был свет. И снова мгла.
То вниз летит, то взмоет выше.

Утомлена, ослеплена,
Косым лучом не обогрета,
Вмиг улетает прочь она
Над зыбкой гранью тьмы и света.

1948

ОСЕНЬ

Там листья не шуршат в таинственной тревоге,
А, скрючившись, легли и дремлют на ветру,
Но вот один со сна поплелся по дороге,
Как золотая мышь — искать свою нору.

И сад не сторожат — пусть входит, кто захочет
Там вихри, холод, дождь, секущий и косой,
И — никого. Печаль одна здесь слезы точит,
Но вдруг жужжанье слух улавливает мой.

Пчела спешит пешком по рыхлому песочку,
Тяжелым обручем пчелиный сжат живот,
И так она ползет чрез пень и через кочку
И судорожно вдруг на голову встает,

И крылышки свои вдруг задирает криво,
Как зонтик сломанный, они теперь торчат,
И смерть уже слышна в жужжанье торопливом
На осень тишина переезжает в сад.

1948

НАЛИВАЙ ПОЛНЕЙ!

Поднимались мы по круче
Выше птицы, выше тучи,
Нами высь побеждена,—
Наливай полней вина,
Так подымем же бокалы,
Чтоб желанье явью стало!

Уводила песня в дали,
Мы пучину побеждали,
Опускаясь глубже дна,—
Так налей полней вина,
Чтоб народной мощи реки
Не иссякли бы вовеки!

Лето кончилось нежданно,
Наступила осень рано,
И зима прийти должна,—
Наливай полней вина!
Мы бокал подымем пенный
За цветенье нашей смены.

Мы седеем. Ну и что же!
Нами век наш славно прожит,
Отдан родине сполна,—
Так налей еще вина!
Пусть, завидуя по праву,
Помнят внуки нашу славу!

Сколько жить на свете белом
До печального предела,
Сколько нам гореть дано!..

Наливай в бокал вино!
Запрокинем к звездам лица —
Пусть заветное свершится!

1948

ВАСИЛИЙ НАСЕДКИН
(1895—1940)

* * *

Белеет рожь. Синеют перелески.
Такой простор, такая благодать!
И веют ветра палевые всплески,
И ни о чем не хочется гадать.

Белеет рожь. Шуршит. Заколыхалась.
Она во мне, как радужный покой.
Как будто чья младенческая шалость
Меня коснулась пухлою рукой.

Я улыбаюсь этой ласке нежной,
Как дети улыбаются во сне.
Вон облако в одежде белоснежной
Кому-то машет,— может быть, и мне.

Да, я на все еще смотрю, любуясь,
Еще чужда раздумий горьких муть,
И мало жаль, что пляшущую юность
Уже не повторить и не вернуть.

Ведь если б можно повторить любое,
Она б была, пожалуй, преглупа.
Пускай о ней напомнит голубое
Да звонкая покосная тропа.

Бегут поля, волнуясь и гуторя
Невнятные слова. Бегут поля.
Вдали стоят, врастая в небо-море,
Веселые родные тополя.

* * *

Будут радовать вечно
Солнце, ветер и синь,
Камышовая речка
И лесная медынь.

И бессрочно красивы
Размечтавшийся стог,
Безымянные ивы
И равнинность дорог.

Льются зори, как реки!
С дальним ржаньем кобыл,
Видно, сердце навеки
Я в степи позабыл.

И все ласковей, чаще
Снятся только они,
Да разлив шелестящий,
Да степные огни.

Если ж вдруг вспоминаю
Про упавших в беду,—
Я к любимому краю
Тут за солнцем иду.

* * *

И мирный свет, и шорох древней воли,
В ногах — земля, и месяц — под рукой.
Глухой костер в туманно-синем поле,
И долгих песен эхо за рекой.

Взгляд грустного смущения и боли
И горького раздумья над строкой.
Горит костер в туманно-синем поле,
Сжигая эхо песни за рекой.

НАДЕЖДА ПАВЛОВИЧ

(Род. в 1895 г.)

* * *

Прости меня! Сквозь долгие года
Я память о тебе хранила.
Прости меня, что я тебя забыла...
О, память женская — текучая вода!

И собственную жизнь, как горсть песчинок,
Меж пальцами просыпала... Смотри!
С последним огоньком вступая в поединок,
Осенний вихрь рвет фонари.

Бежать, но некуда! А груз нести постылый
Себя нести — уже нет сил.
Прости меня, что я тебя забыла,—
То жизни грозный вихрь тебя забыл.

Я для тебя не сохранила слова,
Но и себе беспомощно лгала.
О, не молчи так горько, так сурово,
Я, может быть, с тобою умерла.

1935

АННА АХМАТОВА

1

Нет лиры, пояска, сандалий...
Последний свет косых лучей...
Но мы любя ее встречали,
Как музу юности своей.

О ней мне говорили бабы
В лесном глухом углу тверском:
«Она была больной и слабой,
Бродила часто за селом,

Невнятно бормотала что-то
Да косу темную плела,
И, видно, тайная забота
Ее до косточек прожгла...»

Мы познакомились в двадцатом,
Навек мне памятном году,
В пустынном, ветреном, крылатом,
Моем раю, моем аду.

Двор шереметевский обширный
Был обнажен, суров и пуст,
И стих, как дальний рокот лирный
Слетал с ее печальных уст.

И, равнодушно-величава,
Проста среди простых людей,
Она, как шаль, носила славу
В прекрасной гордости своей.

2

ЕЕ ПАМЯТИ

О, эти легкие следы
На мостовой торцовой,
И бег Невы, и блеск воды
Серебряно-лиловой.

И голоса виолончель,
И глаз ее мерцанье.
Стихов неповторимый хмель,
Как с жизнью расставанье!

Поэзия! Она была
Подругою твоею...
Не ты ль сама за гробом шла
И плакала над нею!

1940—1966

ЯБЛОКО

Да, зрелость яблока — паденье,
На землю падает оно;
В своем последнем становленье
Оно с землею заодно.

И целый мир благоуханный
Лежит под тонкой кожурой,
Но страшно яблоку и странно
Нарушить ветки прежний строй.

И мне скатиться с ветки этой,
Омытой солнцем и дождем,
Последним звуком песни спетой
И яблоком в саду ночном.

1970

ВСЕВОЛОД РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

(Род. в 1895 г.)

БЕЛАЯ НОЧЬ

(Волховский фронт)

Средь облаков, над Ладогой просторной,
Как дым болот,
Как давний сон, чугунный и узорный,
Он вновь встает.
Рождается таинственно и ново,
Пронзен зарей,
Из облаков, из дыма рокового
Он, город мой.
Все те же в нем и улицы, и парки,
И строй колонн,
Но между них рассеян свет неяркий —
Ни явь, ни сон.
Его лицо обожжено блокады
Сухим огнем,
И отблеск дней, когда рвались снаряды,
Лежит на нем.
. . . . . .

Все возвратится: Островов прохлада,
Колонны, львы,
Знамена шествий, майский шелк парада
И синь Невы.
И мы пройдем в такой же вечер кроткий
Вдоль тех оград
Взглянуть на шпиль, на кружево решетки,
На Летний сад.
И вновь заря уронит отблеск алый,
Совсем вот так,
В седой гранит, в белёсые каналы,
В прозрачный мрак.
О город мой! Сквозь все тревоги боя,
Сквозь жар мечты,
Отлитым в бронзе, с профилем героя
Мне снишься ты!
Я счастлив тем, что в грозовые годы
Я был с тобой,
Что мог отдать заре твоей свободы
Весь голос мой.
Я счастлив тем, что в пламени суровом,
В дыму блокад
Сам защищал — и пулею и словом —
Мой Ленинград.

ВОЛОГОДСКИЕ КРУЖЕВА

Городок занесен порошею,
Солнце словно костром зажгли,
Под пушистой, сыпучей ношею
Гнутся сосенки до земли.

Воробьи на антеннах весело
Расшумелись, усевшись в ряд,
И к крылечку береза свесила
Снежный девичий свой наряд.

Мастерица над станом клонится
И, коклюшками шевеля,
Где за ниткою нитка гонится,
Песню ткет про тебя, земля.

Пальцы, легкие и проворные,
Заплетают, вспорхнув едва,
Как мороз по стеклу, узорные
Вологодские кружева.

И чего-то в них не рассказано,
Не подмечено в добрый час!
Здесь судьба узелком завязана
Для приметливых карих глаз.

Там дорожки, что с милым хожены,
Все в ромашках весенних рощ,
И следы, что лисой проложены,
И косой серебристый дождь.

А стежки то прямы, то скошены,
Разрослись, как в озерах цвель,—
То ли ягоды, то ль горошины,
То ль обвивший крылечко хмель.

Слово к слову, как в песне ставится
С петлей петелька — вширь и вкось,
Чтобы шла полоса-красавица,
Как задумано, как сбылось.

Расцветайте светло и молодо,
Несказанной мечты слова...
Вот какие умеет Вологда
Плесть затейные кружева!

* * *

Есть стихи лебединой породы,
Несгорающим зорям сродни.
Пусть над ними проносятся годы,—
Снежной свежестью дышат они.

Чьи приносят их крылья, откуда?
Это тень иль виденье во сне?
Сколько раз белокрылое чудо
На рассвете мерещилось мне!

Но, как луч векового поверья,
Уходило оно от стрелы,
И, кружась, одинокие перья
Опускались на темя скалы.

Неуимчивый горе-охотник,
Что ж ты смотришь с тоскою им вслед?
Ты ведь знал — ничего нет бесплотней
В этом мире скользящих примет.

Что тут значат сноровка, терпенье
И привычно приметливый глаз:
Возникает нежданно виденье,
Да и то лишь единственный раз.

Но тоска недоступности птичьей
В неустанной тревоге охот
Все же лучше обычной добычи,
Бездыханно упавшей с высот.

* * *

В родной поэзии совсем не старовер,
Я издавна люблю старинные иконы,
Их красок радостных возвышенный пример
И русской красоты полет запечатленный.

Мне ведома веков заветная псалтырь,
Я жажду утолять привык родною речью,
Где ямбов пушкинских стремительная ширь
Вмещает бег коня и мудрость человечью.

В соседстве дальних слов я нахожу родство,
Мне нравится сближать их смысл и расстоянья
Всего пленительней для нёба моего
Раскаты твердых «р» и гласных придыханья.

Звени, греми и пой, волшебная струя!
Такого языка на свете не бывало,
В нем тихий шелест ржи, и рокот соловья,
И налетевших гроз блескучее начало.

Язык Державина и лермонтовских струн,
Ты — половодье рек, разлившихся широко,
Просторный гул лесов и птицы Гамаюн
Глухое пение в виолончели Блока.

Дай бог нам прадедов наследие сберечь,
Не притупить свой слух там, где ему все ново,
И, выплавив строку, дождаться светлых встреч
С прозреньем Пушкина и красками Рублева.

В неповторимые, большие времена
Народной доблести, труда и вдохновенья
Дай бог нам русский стих поднять на рамена,
Чтоб длилась жизнь его, и сила, и движенье!

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

В базарной суете, средь толкотни и гама,
Где пыль торгашества осела на весы,
Мне как-то довелось в унылой куче хлама
Найти старинные песочные часы.

На парусных судах в качании каюты,
Должно быть, шел их век — и труден и суров —
В одном стремлении: отсчитывать минуты
Тропических ветров и ледяных ветров.

Над опрокинутой стеклянною воронкой,
Зажатою в тугой дубовый поясок,
Сквозь трубку горлышка всегда струею тонкой
Спокойно сыпался сползающий песок...

Песочные часы! Могли они, наверно,
Все время странствуя, включить в свою судьбу
Журнал Лисянского, промеры Крузенштерна,
Дневник Головнина и карты Коцебу!

И захотелось мне, как в парусной поэме
Отважных плаваний, их повесть прочитать,
В пузатое стекло запаянное время
Перевернуть вверх дном, заставить течь опять.

Пускай струится с ним романтика былая,
Течет уверенно, как и тогда текла,
Чтоб осыпь чистая, бесшумно оседая,
Сверкнула золотом сквозь празелень стекла.

Пускай вернется с ней старинная отвага,
Что в сердце моряка с далеких дней жива,
Не посрамила честь андреевского флага
И русским именем назвала острова.

Адмиралтейские забудутся обиды,
И Беллинсгаузен, идущий напрямик,
В подзорную трубу увидит Антарктиды
Обрывом ледяным встающий материк.

Пусть струйкой сыплется высокая минута
В раскатистом «ура!», в маханье дружных рук,
Пусть дрогнут айсберги от русского салюта
В честь дальней Родины и торжества наук!

Мне хочется вернуть то славное мгновенье,
Вновь пережить его,— хотя б на краткий срок,
Пока в моих руках неспешное теченье
Вот так же будет длить струящийся песок.

МАКСИМ РЫЛЬСКИЙ

(1895—1964)

С украинского

* * *

Когда срезают грозди винограда
Порою лучезарного тепла,
Он с нею встретился. Она из сада
На мулах ехала, как сад, светла.

И он спросил: «Скажи, что делать надо,
Чтоб ты моей, навек моей была?»
Она ему: «Не гаснет пусть лампада
Перед Кипридой». Ветку занесла,

На мулов крикнула, их сон нарушив,
И правый мул забавно поднял уши,
И пыль взлетела — розоватый дым.

И он пошел, исполненный отрады,
И думал: «Хорошо быть молодым,
Когда срезают грозди винограда».

1922

* * *

Поэт! Ты будь своим судьею:
Когда тоска и ночь в груди,
Возвысься над самим собою,
И суд твори, не знай покоя,
И не прощай, и осуди.

Придут свидетели, вставая
Со дна испуганной души,—
И ты ей скажешь: в мир без края
Ступай, нигде не отдыхая,
И, согрешивши, не греши.

1922

* * *

Как внимательный охотник,
Зверобой неукротимый,
Поседелый следопыт
Приникает теплым ухом,
Чтобы дальний шум расслышать,
К лону матери-земли,—

Так и ты, поэт, упорно
Отголоски жизни слушай,
Ритмы новые лови
И приливы, и отливы,
Хаос линий, дым исканий
В панцирь мысли затяни.

Как бестрепетную руку
Врач кладет на пульс ребенка

И в биенье слабых жил
Видит то, что нам незримо:
Поединок неизменный,
Смерти с жизнью грозный спор,—

Так и ты, поэт, упорно
Слушай зовы лжи и правды,
Темный грех и светлый смех
И клади не как Фемида,
А с отверстыми глазами
На спокойные весы.

1925

* * *

Ласточки летают — им летается,
А Ганнуся любит — ей пора...
Как волна зеленая, вздымается
По весне Батыева гора.

Гнутся клены нежными коленями,
В черной туче голубь промелькнет...
День-другой — и птицами весенними
Мы всплывем в лазурный небосвод.

Пусть же кружится Земля, вращается
Хоть вкруг лампочки, как встарь, быстра!..
Ласточки летают — им летается,
А Ганнуся плачет — ей пора...

1929

ПОЛДЕНЬ

Мохнатый шмель пьет мед из красных шапок
Репейника. С какою полнотою
Гудит и стелется над светлой далью
Полуденной виолончели звук!

Передохни, и обопрись на заступ,
И слушай, и гляди, и не дивись.
Ведь это сам ты зеленью безбрежной
Широко разбежался по земле,
И это сам ты бурых пчел роями

В могучих ветках ясеня гудишь,
Ведь это ты разливы ржи пыльцою
Плодотворишь. И это снова ты
Для нужд людских с людьми на новом месте
Возводишь поселенья и мосты
Прозрачные крепишь над пропастями!

Спят заводи, спят лодки на воде,
Пчелиный рой висит пахучей гроздью,
И даже солнце налилось, как плод,
И кажется недвижным...
Только ты
Не поддаешься полдню и покою,—
Уже пришла, склонилась над тобою
И ждет поэзия, твоя подруга.

1929

ЛЕНИН

С жестом простым и суровым,
С мудрою лаской во взоре,
Неувядаемо новым
Встал он в решающем споре.

Да, он титан, и рассеял,
Сбросил «титанов» с их тронов;
Только взглянул — и развеял
Прах омертвелых законов.

Да, он титан, и на крови
Битв, где столкнулись две силы,
Здание радостной нови
Воля его заложила.

Этот порыв непреклонный,
Сила вот эта — откуда?
Мозг его — это мильоны
Мыслей рабочего люда.

Нищим, безродным, голодным
Слово его — не затмится!
И маяком путеводным —
Взмах огненосной десницы.

1932

ГРИБОК

Мой сын, грибок на двух тончайших ножках,
Сегодня в первый раз уходит в школу.
Пенал, портфель, костюмчик голубой
Так необычны и неповторимы,
Как первый плач, как первый возглас: «Ма...»
В потоке темных, русых, белокурых
Он прошагал ко входу — и несмело
И с твердостью. И двери затворились,
И я остался в коридоре. Где-то
Звенел звонок. Я вынул папиросу,
Побаиваясь строгого швейцара
И чувствуя себя таким же крошкой,
Таким счастливым, как и мой грибок.
Учиться! Слушать дальний гул веков!
Расти и развиваться! Ясно видеть,
Все зорче видеть юными глазами:
И землю нашу, лучшую из лучших,
Возделанную общими трудами,
И небеса, куда пилоты наши
Все выше мчатся на стальных крылах!
Мой маленький! С тобою я и сам
Вновь сел бы на скамью, свою тетрадку
Раскрыл на парте, подтолкнул соседа
В бок или в спину (вечная забава,
Какой, наверно, дань в былом воздал
И сам Декарт, и Гете, и Гораций)
И слушал бы... Но поздно! Слишком поздно!
Тебе ж не поздно, милый мой глупыш!
Расти, живи — и знай, что нет нигде
Сильнее муки и сильнее счастья,
Чем в творчестве,— на всей планете нашей,
Прекраснейшей — клянусь — из всех планет!
Так думал я. А сверху, со стены,
Поглядывали на меня с улыбкой
Мичурин, Павлов, Маркс, и Менделеев,
И наш родной учитель, Ленин наш.

Сентябрь 1938 г.

Благословен тот день и час,
Когда раскинулась коврами
Земля, которую Тарас
Босыми исходил ногами,
Земля, которую Тарас
Горючими омыл слезами.

Благословенна в болях ран
Ширь беспредельная, степная,
Та, что плывет, как океан,
Херсона стены окаймляя,
Свой молодой девичий стан
К Днепру могучему склоняя.

Благословенна будь в веках,
Как солнце в глуби небосвода,
Как птичий голос в облаках,
Ты, песня,— скорбь и смех народа
Отвагу будишь ты в сердцах,
Когда нависла непогода.

Благословенны вы, следы,
Не смытые волной тревожной,
Мечтателя Сковороды,
Бредущего с сумой дорожной
На поиски живой воды
Своей дорогой непреложной.

Благословен мечей стальных
Огонь — Отчизны честь и слава,
И топот конников лихих,
И моря пенная держава,
И «Энеиды» колкий стих,
И тихие сады Полтавы,

Как гром, звучащие в века
Шевченка строки огневые,
И молот мудрого Франка,
И струны Лысенка живые,
И лавр бессмертного венка
Над Заньковецкой, над Марией!

И труд, и пот благословен,
И все плоды земного сада,
И кленов придорожных плен,
И строгий огонек лампады,
И вдоль седых кремлевских стен
Знамен багряная ограда.

Благословенна синь озер,
И Псел, и терпкий дух полынный.
Народа нашего не стер
И не сотрет наскок звериный,—
Благословенна меж сестер
Та, что зовется Украиной.

И вы, собратья и друзья!
Нас всех, под знаменем свободы,
В тот край ведет одна стезя,
Где ясны зори, тихи воды.
Благословен, врагов разя,
Ты, воин русского народа!..

Кто глубину днепровских вод
Расплещет хитростью лукавой,
Кто клады, что сберег народ,
Расхитит силою неправой,
Кто сердца самый чистый плод
Отравит черною отравой?

Настанет день, настанет час,
И разольется вновь медами
Земля, которую Тарас
Своими освятил делами,
Земля, которую Тарас
Своими окрылил словами.

Ужель судьба погибнуть ей,
Потопленной в крови багровой,
Когда зовет и шум ветвей
На правый бой, на бой суровый,
Когда жива она в своей
Семье — великой, вольной, новой?

Как опадут ее цветы,
Замолкнут вещие напевы,
Когда с низин до высоты
Народ, что лев, рычит от гнева,
Лисицы брешут на щиты
И кличет див с вершины древа?

Кто посмеется над струной,
Где скрыта память о Бояне,
Кто запахи травы степной
Погасит в сумрачном тумане,
Кто гробовою пеленой
Оденет Киев наш и Канев?

Нет! Силы не сыскать такой,
Нет в мире силача такого,
Чтоб наступил на нас пятой,
Чтобы надел на нас оковы.
Ведь Партия ведет нас в бой,
Ее мы всюду слышим слово!

Рокочет Днепр, шумит Сула,
В Карпатах отзвук отдается,
И зов подольского села
К Путивлю древнему несется.
Иль совы заклюют орла?
Нет, правда кривде — не сдается!

Земля родная! Знаешь ты:
Близки завещанные строки!
Встает народ, гудят мосты,
Кипят весенние потоки!..
Лисицы брешут на щиты,
Но солнце рдеет — на Востоке!

1941

РОЗЫ И ВИНОГРАД

С работы девушка усталая пришла
И, хоть вечерять мать зовет ее из хаты,
За цапку — и в цветник, где роза расцвела
Где раскудрявились кусты зори и мяты.

Вернулся из своей поездки машинист,
Покрытый пылью весь, насквозь пропахший дымом,
И — к винограднику! Попорчен, может, лист
Мучнистою росой. Спасать необходимо!

Цветения закон и раз, и два, и три,
И много раз юнец исследовал пытливый.
И в огороде мак поднялся,— посмотри! —
Как будто пламени живого переливы.

Мы любим музыку, что за́ сердце взяла,
И творчество в труде, что стало повсеместным.
У счастья нашего́ есть равных два крыла:
Цвет роз и виноград, прекрасное с полезным.

6 сентября 1955 г.
Киев

САДЫ БОЛГАРИИ

Сады Болгарии — не только цвет,
Не только плод, а след бессмертных лет,
След, тяжкою проложенный борьбою,
В какой растут отважные герои.

Сады Болгарии — не только труд,
А вольный люд, что вырвался из пут,
То славный Плевен, Шипки высь святая,
Славянской дружбы память золотая.

Сады Болгарии — то гневный зов
Болгарских и советских удальцов,
То светлый день расплаты и отмщенья,
Сентябрьский светлый День Освобожденья.

Так пусть цветут Болгарии сады,
И пусть волнами солнечной воды
Жизнь наших братьев катится отныне
В горах Родопов, в Розовой Долине!

1957

* * *

Есть такие строки у Верлена,
Где поэт, беседуя с собой,
С горечью клянет себя: «Презренный!
Что ты сделал со своей судьбой?»

Только бы не с горьким тем вопросом
Сумерки вечерние пришли
В час, когда светлеет тучка косо
Островком у берега земли,

В час, когда вода холодновата,
Стекла в окнах синевой сквозят,
В час, когда потемки возле хаты
Что-то тихо шепчут с грустью в лад!

Городская жизнь шумит бессменно,
Полыхает клен над головой...
Нет! Строкою горькою Верлена
Не хочу я встретить вечер свой!

21 октября 1959 г.

ДЕНЬ ОКОНЧИЛСЯ...

День окончился, не начинаясь,
Он угас, как тихий огонек.
Просто, на календаре меняясь,
Место уступил листку листок.

За окном машины снова, снова,
И любая путь проходит свой,
Как волна пространства мирового
От одной звезды к звезде другой.

А душа могла б угомониться,
Успокоиться могла б она...
Сразу не поймешь, что с ней творится
Весела душа или грустна?

Лишь себе скажу я откровенно:
Мне волненьем всколыхнуло грудь
От улыбки в лифте, несомненно
Предназначенной кому-нибудь.

27 ноября 1959 г.
Варшава

РОБЕРТ ЭЙДЕМАН

(1895—1937)

С латышского

С ТОБОЮ И СО ЗВЕЗДАМИ В БЕСЕДЕ

С тобою и со звездами в беседе
Не замечал я, как бегут минуты,
Как гаснут окна на домах соседних
И как вагон последнего трамвая
Прошел, под липами бульвара громыхая.

Ну что же, если голова седеет,—
Лишений много вынес я в борьбе!
Но в сердце жар, как прежде, не скудеет,
И силы юности я чувствую в себе.

И я за то когда-то шел в сраженья,
Затем мне ненавидеть было надо,
Чтоб, милая, теперь с тобою рядом
Стоять под звездами счастливые мгновенья
И чтобы завтра вновь пойти
За послезавтра в наступленье.

1927

ПАВЕЛ АНТОКОЛЬСКИЙ

(Род. в 1896 г.)

ВСТУПЛЕНИЕ

Европа! Ты помнишь, когда
В зазубринах брега морского
Твой гений был юн и раскован
И строил твои города?

Когда голодавшая голь
Ночные дворцы штурмовала,
Ты помнишь девятого вала
Горючую честную соль?

Казалось, что вся ты — собор,
Где лепятся хари на вышке,
Где стонет орган, не отвыкший
Беседовать с бурей с тех пор.

Гул формул, таимых в уме,
Из черепа выросший, вторил
Вниманью больших аудиторий,
Бессоннице лабораторий
И звездной полуночной тьме.

Все было! И все это — вихрь...
Ты думала: дело не к спеху.
Ты думала: только для смеха
Тоска мюзик-холлов твоих.

Ты думала: только в кино
Актер твои замыслы выдал.
Но в старческом гриме для вида
Ты ждешь, чтобы стало темно.

И снова голодная голь
Штурмует ночные чертоги,
И снова у бедных в итоге
Одна только честная боль.

И снова твой смертный трофей —
Сожженные башни и села,
Да вихорь вздувает веселый
Подолы накрашенных фей.

И снова — о, горе! — Орфей
Простился с тобой, Эвридикой.
И воют над пустошью дикой
Полночные джазы в кафе.

* * *

Мне снился накатанный шинами мокрый асфальт
Косматое море, конец путешествия, ветер —
И девушка рядом. И осень. И стонущий альт
Какой-то сирены, какой-то последней на свете.

Мне снилось ненастье над палубным тентом, и пир,
И хлопанье пробок, и хохот друзей. И не очень
Уже веселились. А все-таки сон торопил
Вглядеться в него и почувствовать качество ночи!

И вот уже веса и контуров мы лишены.
И наше свиданье — то самое первое в мире,
Которое вправе хотеть на земле тишины
И стоит, чтоб ради него города разгромили.

И чувствовал сон мой, что это его ремесло,
Что будет несчастен и все потеряет навеки.
Он кончился сразу, едва на земле рассвело.
Бил пульс, как тупая машина, в смеженные веки.

ЧЕРНАЯ РЕЧКА

Все прошло, пролетело, пропало.
Отзвонила дурная молва.
На снега Черной речки упала
Запрокинутая голова.

Смерть явилась и медлит до срока,
Будто мертвой водою поит.
А Россия широко и строго
На посту по-солдатски стоит.

В ледяной петербургской пустыне,
На ветру, на юру площадей
В карауле почетном застыли
Изваянья понурых людей—

Мужики, офицеры, студенты,
Стихотворцы, торговцы, князья:
Свечи, факелы, черные ленты,
Говор, давка, пробиться нельзя.

Над Невой, и над Невским, и дальше,
За грядой колоннад и аркад,
Ни смятенья, ни страха, ни фальши —
Только алого солнца закат.

Погоди! Он еще окровавит
Императорский штаб и дворец,
Отпеванье по-своему справит
И хоругви расплавит в багрец.

Но хоругви и свечи померкли,
Скрылось солнце за краем земли.
В ту же ночь из Конюшенной церкви
Неприкаянный прах увезли.

Длинный ящик прикручен к полозьям,
И оплакан метелью навзрыд,
И опущен, и стукнулся оземь,
И в земле святогорской зарыт.

В страшном городе, в горнице тесной,
В ту же ночь или, может, не в ту
Встал гвардеец-гусар неизвестный
И допрашивает темноту.

Взыскан смолоду гневом монаршим,
Он как демон над веком парит
И с почившим, как с демоном старшим,
Как звезда со звездой, говорит.

Впереди ни пощады, ни льготы,
Только бури одной благодать.
И четыре отсчитаны года.
До — бессмертья — рукою подать.

ВСТАНЬ, ПРОМЕТЕЙ!

Встань, Прометей, комбинезон надень,
Возьми кресало гроз высокогорных!
Горит багряный жар в кузнечных горнах,
Твой тридцативековый трудодень.

Встань, Леонардо, свет зажги в ночи,
Оконце зарешеченное вытри
И в облаках, как на своей палитре,
Улыбку Монны Лизы различи.

Встань, Чаплин! Встань, Эйнштейн!
Встань, Пикассо!
Встань, Следующий! Всем пора родиться!
А вы, глупцы, хранители традиций,
Попавшие как белки в колесо,

Не принимайте чрезвычайных мер,
Не обсуждайте, свят он иль греховен,
Пока от горя не оглох Бетховен
И не ослеп от нищеты Гомер!

Все брезжит, брызжет, движется, течет
И гибнет, за себя не беспокоясь.
Не создан эпос. Не исчерпан поиск.
Не подготовлен никакой отчет.

НЬЮТОН

Гроза прошла. Пылали георгины
Под семицветной радужной дугой.
Он вышел в сад и в мокрых комьях глины
То яблоко пошевелил ногой.

В его глазах, как некое виденье,
Не падал, но пылал и плыл ранет,
И только траектория паденья
Вычерчивалась ярче всех планет.

Так вот она, разгадка! Вот что значит
Предвечная механика светил!
Так первый день творения был начат.
И он звезду летящую схватил.

И в ту же ночь, когда все в мире спало
И стихли голоса церквей и школ,
Не яблоко, а формула упала
С ветвей вселенной на рабочий стол.

Да! Так он и доложит, не заботясь
О предрассудках каменных голов.
Он не допустит сказок и гипотез,
Все кривды жерновами размолов.

И день пришел. Латынь его сухая
О гравитации небесных тел
Раскатывалась, грубо громыхая.
Он людям досказал все, что хотел.

И высочепный лоб и губы вытер
Тяжеловесной космой парика.
Меж тем на кафедру взошел пресвитер
И начал речь как бы издалека.

О всеблагом зиждителе вселенной,
Чей замысел нам испокон отверст...
Столетний, серый, лысый как колено,
Он в Ньютона уставил длинный перст.

И вдруг, осклабясь сморщенным и дряблым
Лицом скопца, участливо спросил:
— Итак, плоды осенних ваших яблонь
Суть беглые рабы магнитных сил?

Но, боже милосердный, что за ветер
Умчал вас дальше межплапетных сфер?
— *Я думал*,— Ньютон коротко ответил.—
Я к этому привык. Я думал, сэр.

В МОЕЙ КОМНАТЕ

Геннадию Фишу

В моей комнате, краской и лаком блестя,
Школьный глобус гостит, как чужое дитя.
Он стоит, на косую пасаженный ось,
И летит сквозь пространство и время и сквозь
Неоглядную даль, непроглядную тьму,
Почему я смотрю на него — не пойму.

Школьный глобус,— нехитрая, кажется, вещь.
Почему же он так одинок и зловещ?
Чтобы это понять, я широко раскрыл
Мои окна, как шесть серафических крыл.

Еще сини моря, и пустыни желты,
И коричневых гор различимы хребты.
Различима еще и сверкает огнем
Вся Европа, бессонная ночью, как днем,
Вся вмещенная в миг, воплощенная в миф,
Красотою своей мудрецов истомив,
Финикийская девочка дышит пока
И целует могучую морду быка,
Средиземным седым омываемая,
Обожаемая, не чужая — моя!
Школьный глобус! Он школьным пособием был,
Но прямое свое назначенье забыл.
И завыл, зарыдал на короткой волне,
Телеграфным столбом загудел в вышине:

— Люди! Два с половиной мильярда людей,
Самый добрый чудак, самый черный злодей,
Рудокопы, министры, бойцы, скрипачи,
Гончары, космонавты, поэты, врачи,
Повелители волн, властелины огня,
Мастера скоростей, пощадите меня!

МЫ

Пусть падают на пол стаканы
Хмельные и жуток оскал
Кривых балаганных зеркал.
Пусть бронзовые истуканы
С гранитных срываются скал!

Все сделано до половины.
Мы в смерти своей не вольны.
В рожденье своем неповинны,—
Мы — волны растущей лавины,
Солдаты последней войны.

Да, мы!
И сейчас же и тут же,
Где шел сотни раз Ревизор,—
Равнину обходит дозор!
На узкий просцениум стужи
Бьют факелы завтрашних зорь.

Кто этого пойла пригубил,
Тот призван в бессмертную рать.
Мы живы.
Нам рано на убыль.
Мы — Хлебников, Скрябин и Врубель,
И мы не хотим умирать!

А все, что росло, распирая
Гроба человеческих лбов,
Что вышибло доски гробов,
Что шло из губернского края
В разбеге шлагбаумных столбов,

Что жгло нескончаемым горем
Пространство метельной зимы,
Что жгло молодые умы
Евангельем, и алкоголем,
И Гоголем,— все это *мы*!

Да, мы!
Что же выше и краше,
Чем мчащееся сквозь года,
Чем наше сегодня, чем наше
Студенческое, и монашье,
И воинское навсегда!

ЖАРА

Был жаркий день, как первый день творенья
В осколках жидких солнечных зеркал,
Куда ни глянь, по водяной арене
Пузырился нарзан и зной сверкал.

Нагое солнце, как дикарь оскалясь,
Ныряло и в воде пьянело вдрызг.
Лиловые дельфины кувыркались
В пороховом шипенье жгучих брызг.

И в этом газированном сиянье,
Какую-то тетрадку теребя,
Еще всему чужой, как марсианин,
Я был до ужаса влюблен в тебя.

Тогда мне не хватило бы вселенной,
Пяти материков и всех морей,
Чтоб выразить бесстрашно и смиренно
Свою любовь к единственной моей.

* * *

Словами черными, как черный хлеб и жалость,
Я говорю с тобой,— пускай в последний раз!
Любовь жила и жгла, божилась и держалась.
Служила, как могла, боялась общих фраз.

Все было тяжело и странно: ни уюта,
Ни лампы в комнате, ни воздуха в груди.
И только молодость качалась, как каюта,
Да гладь соленая кипела впереди.

Но мы достаточно подметок износили,
Достаточно прошли бездомных дней и верст.
Вот почему их жар остался в прежней силе
И хлеб их дорог нам, как бы он ни был черств.

И я живу с тобой и ста́реюсь от груза
Безденежья, дождей, чудачества, нытья.
А ты не вымысел, не музыка, не муза.
Ты и не девочка. Ты просто жизнь моя.

* * *

Поэзия! Я лгать тебе не вправе
И не хочу. Ты это знаешь?
— *Да.*

Пускай же в прочно кованной оправе
Ничто, ничто не сгинет без следа,—
Ни действенный глагол, ни междометье,
Ни беглый стих, ни карандашный штрих,
Едва заметный в явственной примете,
Ни скрытый отклик, ни открытый крик.

Все, как умел, я рассказал про Зою.
И, в зеркалах твоих отражена,
Она сроднится с ветром и грозою —
Всегда невеста, никогда жена.

И если я так бедственно тоскую,
Поверь всему и милосердна будь,—
Такую Зою —
в точности такую —
Веди сквозь время в бесконечный путь.

И за руку возьми ее...
И где-то,
Когда заглохнет жалкий мой мятеж,
Хоть песенку сложи о ней, одетой
В ярчайшую из мыслимых одежд.

Поэзия! Ты не страна.
Ты странник
Из века в век — и вот опять в пути.
Но двух сестер, своих союзниц ранних —
Смерть и Любовь —
со мною отпусти.

Январь — март 1969 г.

КОНДРАТ КРАПИВА

(Род. в 1896 г.)

С белорусского

МОДА

Раз из больницы — в шлепанцах, в халате
Сбежала женщина одна...
Тут надобно заметить кстати,
Что чуть не с детских лет она
Усердно поклонялась модам,
Причем — все увлеченней с каждым годом

Свихнувшись в увлеченье том,
Попала в сумасшедший дом.
И вот покинула лечучрежденье это.
А было, между прочим, лето.
Махнув через забор, шагая все вперед,
Пришла несчастная в какой-то огород —
И со старанием, с любовью
Взялась там уснащать копну своих волос
И луком, и укропом, и морковью —
Всем, что на грядках разрослось...
Потом, в халате нараспашку,
Она по улице пошла, как королева...
Посмотришь — просто жаль бедняжку!
Однако следом, справа, слева
Бежали ротозеи, лоботрясы,—
Десятка три.
Хихикали, точили лясы:
— Что делается, а?.. Ты посмотри!..—
А франт какой-то, говорят,
Нашел весьма пикантным тот наряд,
Промолвив:
— Очень, очень мило!..—
Про это модницы узнали, как на грех,
Вы представляете, что было?!
На платьях понаделали прорех,
Отверстий, вырезов, распорок
И спереди и сзади — штук по сорок.
Напропалую, без оглядки
Работали служительницы мод...
Глядь, в волосах уже не грядки,
Не огород,
А многополье — по такой системе:
Картофель украшал собою темя,
Виски — различный прочий корнеплод,
Ячмень шумел под ветром на макушке,
И на затылке — за́росли петрушки...
А для чего, простясь с покоем,
Франтихи на мученья эти шли?
Да чтоб шмели вокруг гудели роем
(Ну, разумеется, двуногие шмели).

Я думаю, и сами вы поймете,
О чем я в басне речь веду.
Конечно, не о севообороте!..

Я тех имею тут в виду,
Кто следует за модой слепо,
Как ни была б она нелепа.
Да, адресуюсь я и к женщинам при этом...
Но больше — к молодым поэтам.

1926

ПАПА ЗАЯЦ

В ночном пасутся лошади у нас
С весны чуть не до первого мороза...
И как-то раз
В рассветный час
С Кобылою из одного колхоза
Столкнулся Заяц около куста.
Аж задрожал от носа до хвоста!
Нет, не со страху: очень уж ему
Пришлась по вкусу пегая Кобыла.
Да и она его как будто полюбила —
За что, и сам я не пойму...
Однако Заяц после этой встречи
Стал намекать, хвалиться в каждой речи,
Что было там не просто, мол, свиданье,
А... форменное бракосочетанье.
Поднимет Зайца на смех кто-нибудь,
А Заяц — гневно: — Протестую!
Я вам сумею рты заткнуть!
Увидите! Союз наш не впустую!..—
И впрямь, у пегой через год —
Приплод:
Буланый жеребенок-сосунок.
От счастья под собою ног
Не чуя,
Наш Заяц-папа мчит к знакомым и к родным:
— Пошли! Наследника вам показать хочу я!
И зайцы не смеются уж над ним,
Смекают: «Хвастал, видно, неспроста!..»
Сбежались все. И вот из-за куста
Родитель гордый, потирая лапы,
Им на сынка кивает:
— Чем не я?
Моя косинка, шустрость в нем моя,
И хвост короткий, куцый, как у папы.

Так вот: чтоб впредь вы чушь в мой адрес не мололи,
Кого мне полюбить? Слониху, что ли?
— Валяй! — шумит братва.— Давно пора!
Качать разбойника! Ура!
Ай, Заяц! Ну подлец!
Ну молодец!
Он охмурит, кого захочет!..—
Но тут поблизости колхозный Жеребец
Как вдруг заржет, как загогочет,—
И длинноухие, кто в поле, кто в кусты,
С «папашей» вместе дали лататы.

Добавлю к басне, что она
Тех личностей касается,
Претензий у кого хватило б на слона,
Заслуг же — меньше, чем у зайца.

1935

ФИЛОСОФ И РЕКА

Намерясь разработать ряд вопросов,
Надеясь истину в скитаньях обрести,
По белу свету брел Философ.
Брел, брел — и сбился вдруг с пути:
Хотел к деревне выйти напрямки,
А вышел к берегу реки.
Ну надо ж этакой случиться неудаче!
Видны дома, дымки видны.
Доносится и запах — не иначе
Пекут блины
(Был к запахам в тот миг Философ чуток,
Поскольку голодал уж больше суток),
Но вот беда:
И там и сям — вода.
В какую сторону здесь ближе к переходу?..
Тут окунул Философ палец в воду
И с мыслью: «Не прошляпить бы блины»,—
Стал стаскивать штаны.
Разделся. Но себе мыслитель верен!
В штанах он или без штанов,—
Порассуждать всегда готов:
«Плыть или же не плыть?.. Конечно, я намерен
Постичь умом любую глубину,
Однако здесь вода... мутна и неприятна.

Допустим, я в нее нырну,
Но вынырну ль обратно?
Нет, эта глубь, по видимости всей,
Не для философов, а лишь для карасей!..»
Раздумий цепь была бы длинной,
Но тут раздался рев ослиный:
Невдалеке
Осел трусил к реке.
Вот спрыгнул в воду он и храбро — на середку
(Где речка, надо думать, глубока),
Там промочил водицей глотку
И ну хвостом кропить бока...
Философ, онемев, глядит недоуменно:
Так вот какая здесь река!
Вся глубина — Ослу лишь по колено.

С произведеньем встретившись туманным,
Его сравнить подчас мы склонны с океаном,
Хоть не от глуби в нем не видим дна,
А оттого, что там — лишь муть одна.

1963

МОИСЕЙ КУЛЬБАК

(1896—1940)

С еврейского

БЕЛАРУСЬ

Мой дед из Кобыльников носит кожух обветшалый
Еврей с топором и лошадкой,— обычный мужик.
Шестнадцать дядьев и отец мой, еще не старик,—
Простые евреи, евреи простые, как скалы.

Плоты они гонят и сыростью пахнут речной.
До вечера бревна таскают в лесу спозаранку.
Все вместе свой ужин хлебают из миски одной
И валятся, точно снопы, на кровать и лежанку.

Мой дед,— еле-еле на печь он влезает, мой дед,
И дремлет уже на ходу, сгорбив дряхлые плечи,
А ноги — понятливы, сами ведут его к печи,
Ах, добрые ноги, что служат ему столько лет...

ЛУННАЯ НОЧЬ

Плывет царица Савская — луна,
Прохладные струятся покрывала —
Сны синевы, небесный отблеск сна...

И приглушенный, слабый лунный свет
Стекает вниз и капает светло
На каждое уснувшее село.

И шевелится мягкий лунный луч,
Всё на земле связуя понемногу:
И курочку, примявшую траву,
И рыбку, что глотает синеву,
И белую овечку,— там в хлеву.

Плывет царица Савская — луна,
Покинув трепет мраморный чертога.

ВЕЧНО, ВЕЧНО...

Вечно, вечно, вечно звуки ткут и краски
Мелодию прихода и ухода,
И вечно светят звезды небосвода...

Везде, где человек стоял,— там череп
Валяется в пыли, забытый, неприметный.
Бессмертны только боги, люди — смертны!

Восходит к небу легкое дыханье
И угасает в звездной дали млечной,
А звуки ткутся, краски ткутся вечно...

Прошлась по миру тихая улыбка
В день сотворенья —
Сияют небо и земля в цветистом сновиденье.

Вечно, вечно, вечно звуки ткут и краски
Мелодию прихода и ухода,
И вечно светят звезды небосвода...

* * *

Плеча коснулся — вздрогнула в ответ,
И тихий бледный лик ко мне уж обращен;
Как будто чашечки японской слышу звон,
И, оглушен, вдыхаю тонкий свет.

К запястью белому склоняюсь в тишине,
И кровь звенит и ускоряет бег...
Вот так остаться бы склоненным весь свой век
Пред светом, что так ново светит мне.

НИГЕР (ИВАН ДЖАНАЕВ)

(1896—1947)

С осетинского

* * *

День за днем уходит время,
Все короче жизни нить...
Так случается со всеми,
Только стоит ли грустить?

Погляди: в углу старуха —
Старый гриб, трухлявый пень...
Жизнь в глазах ее потухла,
Догорел для бедной день!

Но в кроватке возле бабки
Самый младший из семьи —
Сын твой к солнцу тянет лапки,
Силы пробуя свои.

Он игрой веселой занят,
Он обходится без слов...
То, смеясь, на ножки встанет,
То на землю слезть готов...

Крепнет жизни новой завязь,
Свет и радость дружат с ней.
Хоть берет старуху зависть,
Но иссох источник дней

Видишь — дуб стоит столетний,
Ствол насквозь прогнил давно...
Старику что полдень летний,
Что морозы — все одно.

Но по вечному закону
Возле дуба, у корней,
Шелестит побег зеленый,
Силе радуясь своей.

Зерна крупные пшеницы,
Знаю, сморщиться должны,
Чтоб могли ростки пробиться
В дни весны из глубины.

Ну, да что — и так все ясно:
Дни изменчивы твои,
Жизнь мудра, трудна, прекрасна,
Жизнь зовет тебя — живи!

1938

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

(Род. в 1896 г.)

ДРУГУ

Ночь без луны кругом светила,
Пожаром в тишине грозя,
Ты помнишь все, что с нами было,
Чего забыть уже нельзя:

Наш тесный круг, наш смех открытый
Немую сладость первых пуль,
И длинный, скучный мост Бабита,
И в душном августе Тируль.

Как шел ночами, колыхаясь,
Наш полк в лиловых светах сна,
И звонко стукались, встречаясь,
Со стременами стремена.

Одних в горящем поле спешил,
Другим замедлил клич: пора!
Но многие сердца утешил
Блеск боевого серебра.

Былое заключено в книги,
Где вечности багровый дым,
Быть может, мы у новой Риги
Опять оружье обнажим.

Еще насмешка не устала
Безумью времени служить,
Но умереть мне будет мало,
Как будет мало только жить.

1917

* * *

Праздничный, веселый, бесноватый,
С марсианской жаждою творить,
Вижу я, что небо небогато,
Но про землю стоит говорить.

Даже породниться с нею стоит,
Снова глину замешать огнем,
Каждое желание простое
Осветить неповторимым днем.

Так живу, а если жить устану,
И запросится душа в траву,
И глаза, не видя, в небо взглянут,—
Адвокатов рыжих позову.

Пусть найдут в законах трибуналов
Те параграфы и те года,
Что в земной дороге растоптала
Дней моих разгульная орда.

1919—1921

* * *

Огонь, веревка, пуля и топор,
Как слуги, кланялись и шли за нами,
И в каждой капле спал потоп,
Сквозь малый камень прорастали горы,
И в прутике, раздавленном ногою,
Шумели чернорукие леса.

Неправда с нами ела и пила,
Колокола гудели по привычке,
Монеты вес утратили и звон,
И дети не пугались мертвецов...
Тогда впервые выучились мы
Словам прекрасным, горьким и жестоким

1919—1921

ПЕРЕКОП

Катятся звезды, к алмазу алмаз,
В кипарисовых рощах ветер затих,
Винтовка, подсумок, противогаз
И хлеба — фунт на троих.

Тонким кружевом голубым
Туман обвил виноградный сад.
Четвертый год мы ночей не спим,
Нас голод глодал, и огонь, и дым,
Но приказу верен солдат.

«Красным полкам —
За капканом капкан...»
...Захлебнулся штык, приклад пополам,
На шее свищет аркан.

За море, за горы, за звезды спор,
Каждый шаг — наш и не наш,
Волкодавы крылатые бросились с гор,
Живыми мостами мостят Сиваш!

Но мертвые, прежде чем упасть,
Делают шаг вперед —
Не гранате, не пуле сегодня власть,
И не нам отступать черед.

За нами ведь дети без глаз, без ног,
Дети большой беды,
За нами — города на обломках дорог,
Где ни хлеба, ни огня, ни воды.

За горами же солнце, и отдых, и рай,
Пусть это мираж — все равно!
Когда тысячи крикнули слово: «Отдай!» —
Урагана сильней оно.

И когда луна за облака
Покатилась, как рыбий глаз,
По сломанным, рыжим от крови штыкам
Солнце сошло на нас.

Дельфины играли вдали,
Чаек качал простор,
И длинные серые корабли
Поворачивали на Босфор.

Мы легли под деревья, под камни, в траву,
Мы ждали, что сон придет,
Первый раз не в крови и не наяву,
Первый раз на четвертый год...

Нам снилось, если сто лет прожить —
Того не увидят глаза,
Но об этом нельзя ни песен сложить,
Ни просто так рассказать!

1921—1924

БАЛЛАДА О ГВОЗДЯХ

Спокойно трубку докурил до конца,
Спокойно улыбку стер с лица.

«Команда, во фронт! Офицеры, вперед!»
Сухими шагами командир идет.

И слова равняются в полный рост:
«С якоря в восемь. Курс — ост.

У кого жена, дети, брат —
Пишите, мы не придем назад.

Зато будет знатный кегельбан».
И старший в ответ: «Есть, капитан!»

А самый дерзкий и молодой
Смотрел на солнце над водой.

«Не все ли равно,— сказал он,— где?
Еще спокойней лежать в воде».

Адмиральским ушам простукал рассвет:
«Приказ исполнен. Спасенных нет».

Гвозди б делать из этих людей:
Крепче б не было в мире гвоздей.

1921—1924

* * *

Вот птица — нет ее свежей —
Оттенков пепельного дыма,—
Породы башенных стрижей,
Чья быстрота неповторима.

Летит, нигде не отдохнув,
От тростников Египта пресных
До Гельголанда — ночь одну —
До стен, как мужество, отвесных.

Уж небо стало зеленей.
Она зарей уже умылась,
И, окантован, перед ней
Могучей пеной остров вырос.

Но там, где серого гнезда
Комок однажды прилепился,
Бьет время, волны разнуздав,
Осколки рухнувшего мыса.

И плачет птица, огорчив
Весельем залитые мели,
Как будто ночь еще кричит
В ее худом и темном теле.

Так, европеец, удалясь
От той земли, что звалась детством,
Ты вспомнишь вдруг былую связь
И чувств потерянных соседство.

Преодолев и ночь и дождь
Крылом свистящим, в летной славе,
Ты прилетишь — и ты найдешь
Совсем не то, что ты оставил.

1935

* * *

Как след весла, от берега ушедший,
Как телеграфной рокоты струны,
Как птичий крик, гортанный, сумасшедший,
Прощающийся с нами до весны,

Как радио, которых не услышат,
Как дальний путь почтовых голубей,
Как этот стих, что, задыхаясь, дышит,
Как я — в бессонных думах о тебе.

Но это все одной печали росчерк,
С которой я поистине дружу,
Попросишь ты: скажи еще попроще,
И я еще попроще расскажу.

Я говорю о мужестве разлуки,
Чтобы слезам свободы не давать,
Не будешь ты, заламывая руки,
Белее мела, падать на кровать.

Но ты, моя чудесная тревога,
Взглянув на небо, скажешь иногда:
Он видит ту же лунную дорогу
И те же звезды, словно изо льда.

1937—1940

* * *

Крутой тропою — не ленись —
К лесам Таврарским подымись,
Взгляни в открывшуюся высь,—
И ты увидишь наяву
Не снившуюся синеву.

Не позабыть, пока живу,
Долин Сванетских синеву.

Перед такою синевой
Я был когда-то сам не свой.
Перед такою синевой
Встань с непокрытой головой...

1938—1940

НОЧЬ

Спит городок
Спокойно, как сурок.
И дождь сейчас уснет,
На крышах бронзовея;
Спит лодок белый флот
И мертвый лев Тезея,
Спит глобус-великан,
Услада ротозея,
Спят мыши в глобусе,
Почтовый синий ящик,
Места в автобусе
И старых лип образчик,—
Все спит в оцепенении одном,
И даже вы — меняя сон за сном.
А я зато в каком-то чудном гуле
У темных снов стою на карауле
И слушаю: какая в мире тишь.
...Вторую ночь уже горит Париж

1940

ЛЕНИНГРАД

Петровой волей сотворен
И светом ленинским означен —
В труды по горло погружен,
Он жил — и жить не мог иначе.

Он сердцем помнил: береги
Вот эти мирные границы,—
Не раз, как волны, шли враги,
Чтоб о гранит его разбиться.

Исчезнуть пенным вихрем брызг,
Бесследно кануть в бездне черной —
А он стоял, большой, как жизнь,
Ни с кем не схожий, неповторный!

И под фашистских пушек вой
Таким, каким его мы знаем,
Он принял бой, как часовой,
Чей пост вовеки несменяем!

1941—1943

МОГИЛА КРАСНОАРМЕЙЦЕВ НА ПЛОЩАДИ В БЕЛГРАДЕ

Им, помнившим Днепр и Ингулец,
Так странно — как будто все снится
Лежать между радостных улиц
В земле придунайской столицы.

Смешались в их памяти даты
С делами, навек золотыми;
Не в форме советской солдаты,
Как братья, стояли над ними.

И женщины в черном поспешно
Цветами гробы их обвили,
И плакали так безутешно,
Как будто сынов хоронили.

И юные вдовы Белграда
Над ними, рыдая, стояли,
Как будто бы сердца отраду —
Погибших мужей провожали.

Страна приходила склоняться
Над их всенародной могилой,
И — спящим — им стало казаться,
Что сон их на родине милой,

Что снова в десантном отряде,
Проснутся и в бой окунутся,
Что снится им сон о Белграде,
И трудно из сна им вернуться.

1947

РАДУГА В САГУРАМО

Она стояла в двух шагах,
Та радуга двойная,
Как мост на сказочных быках,
Друзей соединяя.

И золотистый дождь кипел
Среди листвы багряной,
И каждый лист дрожал и пел,
От слез веселых пьяный.

В избытке счастья облака
К горам прижались грудью,
Арагвы светлая рука
Тянулась жадно к людям.

А гром за Гори уходил,
Там небо лиловело,
Всей пестротой фазаньих крыл
Земли светилось тело.

И этот свет все рос и рос,
Был радугой украшен,
От сердца к сердцу строя мост
Великой дружбы нашей.

1948

РУБАШКА

Сияли нам веселые подарки,
Платки и голубки,
По залу шел над зыбью флагов ярких
Свет голубой реки.

И день и ночь струился этот зыбкий
И теплый свет,
И в этом зале не было б ошибкой
Сказать, что ночи нет.

Встал человек,— ну, как сказать короче;
Пред нами встал таким,
Как будто он пришел из бездны ночи
И ночь вошла за ним.

«Мой друг — сторонник мира в Парагвае,
Его со мною нет,
Он шел сюда, дорогу пробивая...
Его убили! Вот его привет!»

И в зале все, кто как ни назывался,
Увидели, вскочив,
Кровавую рубашку парагвайца,
Висевшую, как в голубой ночи.

А друг держал кровавые лохмотья,
Стояли мы в молчании глухом
И видели, как обрастает плотью,
Что на словах *борьбою* мы зовем!

1950—1951

ИНД

Я рад, что видел у Аттока
Могучий Инд в расцвете сил
И весь размах его потока,
Который землю веселил.

И я, смотря, как дышит долгий,
Пришедший с гор высокий вал,
От имени могучей Волги
Ему здоровья пожелал.

1951

* * *

Под сосен снежным серебром,
Под пальмой Юга золотого,
Из края в край, из дома в дом
Проходит ленинское слово.

Уже на дальних берегах,
Уже не в первом поколенье,
Уже на всех материках
И чтут и любят имя: Ленин!

В сердцах народных утвержден,
Во всех краях он стал любимым,
Но есть страна одна, где он
Свой начал путь неповторимый.

Где были ярость, ночь, тоска
И грохот бурь в дороге длинной,
Где он родного языка
Любил могучие глубины,

И необъятный небосклон,
И все растущий вольный ветер...
Любить Россию так, как он,—
Что может быть святей на свете!

1965

* * *

Опять стою на мартовской поляне,
Опять весна — уж им потерян счет,
И в памяти, в лесу воспоминаний,
Снег оседает, тает старый лед.

И рушатся, как ледяные горы,
Громады лет, вдруг превращаясь в сны,
Но прошлого весенние просторы
Необозримо мне возвращены.

Вновь не могу я вдоволь насмотреться
На чудеса воскресших красок дня,
Вернувшись из немыслимого детства,
Бессмертный грач приветствует меня!

Мы с ним идем по солнечному склону,
На край полей, где, как судьба, пряма,
Как будто по чужому небосклону,
Прошла заката рдяная кайма.

1967—1969

* * *

Наш век пройдет. Откроются архивы,
И все, что было скрыто до сих пор,
Все тайные истории извивы
Покажут миру славу и позор.

Богов иных тогда померкнут лики,
И обнажится всякая беда,
Но то, что было истинно великим,
Останется великим навсегда.

1967—1969

МИХАСЬ ЧАРОТ

(1896—1938)

С белорусского

ПЕСНЯ БЕЛОРУСА

Не осенний вихрь уныло
Воет-завывает —
Белорус о крае милом
Грустно запевает.
В каждой песне безответной
Проклинает долю,
Жить не хочет в муке этой,
Рвется он на волю.
Песня пусть звенит сильнее
О нашей недоле,
Может, люди пожалеют,
Дадут хлеба-соли.
Эх, подачек нам не нужно,
Вас просить не будем,

Сгинут тучи по окружью,
Сами все добудем.
Сгинут тучи, сникнут тучи,
Солнце заиграет,
Выйдем мы семьей могучей,
Песню запевая.
Пусть услышат лес и поле
На всем белом свете,
Что живут уже на воле
Лучшей доли дети.
Хватит плакать над судьбою,
Брат мой, плакать хватит,
Хоть смеются над тобою
В твоей даже хате.
Верь, настанет час-година —
Смех свой враг забудет:
Ему будет домовина,
А мы жить все будем.

1919

* * *

Затихла буря, и солнце глянет
Над милым краем болот и нив,
Наш край свободный к жизни встанет
И миру скажет всему, что жив!

Пусть стонет, плачет, пусть он томится,
Слезами моет разделов след,—
Как сильным станет, он в бой помчится,
О кривде скажет на целый свет.

Пусть их смеются и пусть не верят,
Что ты, могучий, сметешь их всех,
Мужик-работник сам будет мерить
Свою всю землю без их помех.

Так встань же дружно за нивы, хаты,
За край, где лил ты и кровь и пот...
Орлам на смену идут орлята,
Они — могучий страны оплот.

1922

* * *

Я в жизни радость рассыпаю
И песнями и словом —
Мое ведь сердце расцветает
Лучом весенним, новым.

Бывает: что-нибудь коснется,
Суровое такое,
Как будто черный ворон вьется,—
Я и тогда спокоен.

Ни друг, ни враг мой не разрушат
Моей глубокой веры.
На свете много криводушных,
К чему искать примеры.

Бывает так, что стелют гладко,
А как нам жестко спится.
От них далёко правда-матка —
Как за морем синица.

К чему сводить мне с ними счеты,
Ведь я их презираю.
Отбросив все, я их заботы
Все к черту посылаю.

Я в жизни радость рассыпаю
И песнями и словом,
Мое ведь сердце расцветает
Лучом весенним, новым.

1928

САМУИЛ ГАЛКИН

(1897—1960)

С еврейского

* * *

Песнь моя — трепет счастливый,
Жизнь, что сияет вокруг...
В снопах золотого налива —
Дорогая усталость рук.

Радостно землю нашу
Приветствовать славой такой,
Снопы, словно полную чашу,
Едва подымая рукой.

Да будут большими стадами
Благословенны луга!
Да блещет руно завитками,
Да будет их завязь туга!

Да прольются в земные недра
Гро́зы водою живой!
Да воздастся деревьям щедро
Цветами, плодами, листвой!

Да придут в этот мир поколенья
Разливом вскрывшихся рек!
Да будет страх истребленья
Из памяти стерт навек!

1928

ЗВЕЗДА

Мне звезда отрадна эта
Чистотой и блеском света,
Тем, что ни одно светило
Свет подобный не струило,
Тем, что блеск ее ночной
В капле заключен одной.

Мне звезда отрадна эта
Тем, что блещет до рассвета,
Тем, что, блеск на воды сея,
Не становится тусклее
На своем пути большом
С звездной выси в водоем.

Мне звезда отрадна эта
Щедростью безмерной света,
Тем, что, свет ее вбирая,
Я безмерность постигаю,
Тем, что сразу отдана
Небу и земле она.

1937

ЕЩЕ ПРИДЕТ ВЕСНА

Все в прежнюю, мой друг, вернется колею:
Еще не раз весна согреет кровь твою,
Еще вино и хлеб вернутся на столы,
Заблещет в окнах свет, тепло придет в углы,
И возвратится вновь семья под кров родной.
Дождемся ль только мы такого дня с тобой?

Ты знаешь, как одной на свете тяжело!
А письма от тебя не часты, как назло,
Обрадует письмо от давнего числа,
Блеснет, как молния, и вновь — на сердце мгла.
Куда прийти, припасть усталой головой?
Скажи: и это мы переживем с тобой?

Да, это я! Иль ты не узнаешь, мой друг,
Вот этих рук моих, моих усталых рук?
Ты прежних синих глаз не сыщешь под платком.
Весь мир оледенел под грозным сквозняком.
И руки прячу я, коль гость зайдет порой...
Ну что ж? И это мы переживем с тобой?

Возьми мою ладонь, к губам ее прижми,
Узнай меня опять, смятение уйми...
Скажи: придет весна, наступит лето в срок,
Раздастся стук дверей и топот детских ног,
И зашумит весь дом от радости живой.
Мой друг, мы доживем до этого с тобой?..

1942

БЕССМЕРТНОМУ ПОЭТУ

Гете

Наставник мой, певец с осанкой полубога!
О, если мне твоей и не достичь вершины,
Ты с высоты своей подай хоть знак единый,
Чтоб легче от тебя мне вниз была дорога.

И горести мои и радости — ничтожней,
Я малым уголком в твоих садах владею,
Но и над ним порой встает звезда, светлея,
И ясный мир тогда цветет красой неложной.

Пусть никакого нет в твоем венце изъяна,
Одно всегда мой дух и волю укрепляло:
Что ты, подобно мне, от самого начала,
Предвидя свой конец, страшился непрестанно.

Пускай мои мечты вдохновлены твоими,
В том сходстве нахожу опору не всегда я:
И мне в тревожный час, когда я созидаю,
Мысль о твоем конце еще невыносимей.

1947

ПОЭТ

Стихия ночи не страшит меня,
Трудней преодолеть смятенье дня:
Сердечных слов живое естество
Слабеет пред могуществом его.

Что мрак?.. Привычно прост его закон;
Ты в поединок честный вовлечен,—
Ты слово сотворишь — и сгинет он.
А если слово в стро́ку не пришлось,
Иль слишком поздно было рождено,
Иль светом не пронизано насквозь —
Ну что ж? Ты не в убытке все равно.
Ты радость познавания вкусил,
Проверил глубину сокрытых сил.

А властный день — попробуй одолей,
Когда, своим сиянием слепя,
Он ввергнет в бездну белую тебя,
Тебя закру́жит в суете своей!

Когда ж и здесь ты одолеть сумел,
Когда своим смятеньем овладел,
Когда с собою выиграл ты бой,—
Тогда и впрямь — победа за тобой!

1955

ТИШИНА

Снег примять ногою жалко в этот день,
Кажется, не смеет лечь на землю тень.

Ты опять о том же? Ты опять про снег —
Первый снег, который потревожить грех.

До сих пор не мог ты, видно, передать,
Как чиста, безгрешна утренняя гладь.

Но опять ты счастья попытать готов —
Повторить словами чистоту снегов.

Для начала только веточку сосны
Нарисуй под тонким слоем белизны.

На развилках вишни снег лежит гнездом,
На дрожащих прутьях держится с трудом.

Да на грустных гроздьях, на ветвях рябин
Башенки построил кто-то в миг один.

Только поселилась в башенках зима,
Тишина приходит, радостно нема.

Тишину без слова передать умей.
Как она нисходит, разглашать не смей.

Разве только думай, что тебе опять
Тишина дается, словно благодать.

Думай: «Слава жизни!» Помни, что дана
Нам с тобой недаром эта тишина.

1956

ПАВЕЛ КУЧИЯК

(1897—1943)

С алтайского

ЧЕМАЛ

Строителям Чемальской гидростанции, первой на Алтае

Оттуда, где льдами сверкают
За тучами головы скал,
Ревя и ворочая камни,
Летит белопенный Чемал.

Людская нога не ступала
По скалам во веки веков,
И даже следов марала
Не сыщешь у синих снегов.

От этих снегов синелицых
По черным расселинам скал
Быстрее и ветра и птицы
К Катуни летит Чемал...

В дни ярких строительных буден
На берег суровой реки
Пришли наши новые люди —
Строители-большевики.

Рукой большевистской могучей
Тебя укротили, Чемал!
Ты нашим работником лучшим,
Ты нашим помощником стал.

И новая громкая песня
Гремит по Алтаю сейчас
О наших победах чудесных,
О лампочках Ильича!

ГЕОРГИЙ ЛЕОНИДЗЕ

(1897—1966)

С грузинского

В СТРАНУ ХАЗАР ПЛЫВЕТ ЖУРАВЛЬ

Мрака шаль на поля упала,
Вышли из лесу тени марева.
Вырывающийся из Дарьяла,
Уплывает журавль в Хазарию.

Вот — Иверия! Пепел пожарищ,
Пенье сплавщиков, да над Курою
Ивняки играют на тари,
В селах лужи с увязшей луною.

Освещая потемки туманные,
Груды зерен блестят, как лампады.
Полегли века с чингисханами.
Сказкой, мельник, меня порадуй!

Спой о Картли с грустью бывалой
Иль о милой, о силе чар ее...
Вырывающийся из Дарьяла,
Уплывает журавль в Хазарию.

1925

ЖУРАВЛИНЫЙ СНЕГ

Солнце топит снег последний, розовый,
Снег тот журавлиный,
Звон фиалковых колоколов мороза
Трепет крайний кинул.
До последнего дыханья,
До последнего души движенья,
Кораблем скользить ты будешь, юность,
Рук моих оставив окруженье.
Дай стакан, провозглашаем тост мы,
Сердце дай,
Потом окаменей.
Треск костей услышишь в снеге позднем,

В снеге журавлином.
Журавли, поплачьте обо мне!
С этим снегом молодости таять,
Не цвести ей заново кругом,
Я зову стихов и женщин стаи —
Им не жаль, проклятым, никого.

1926

ПУТЕШЕСТВИЕ

(Из записной книжки)

1. АНАНУР

Как из засады, вдруг пред нами
Возникла крепость Ананур
И преградила путь зубцами
Обрушившихся амбразур.

Молчала мрачная твердыня,
Ущелья древний аванпост,
И плеск Арагви темно-синей,
И ночь в подковах крупных звезд.

2. КАХЕТИЯ

Я смотрел в долину на рассвете.
Вдруг я понял, заглянув за склон:
Эта куча домиков — Ахмети,
А над ними — замок Бахтрион.

Как к невесте шафера и дружки
С песнями съезжаются во двор,
Выстроились на лесной опушке
Пред Кахетиею цепи гор.

Над лесами облака нависли,
Только солнце брызнуло сквозь них,
Как к возлюбленной, рванулись мысли,
И с нежданной силой хлынул стих.

На раздолье пастбищ необъятных
Пала тень летящего орла;
Как на пире скатерть в винных пятнах,
Алазани даль под ним цвела.

3. ВЕЧЕР В СТАРОМ ТБИЛИСИ

На сады тбилисские, где живы
Сказки, на тбилисские сады,
На сады Тбилиси и обрывы
Налетели черные дрозды.

Вечерело. Небо было чисто.
Город замер, засмотревшись ввысь,
И потоки щелканья и свиста
Вдоль его заборов полились.

4. КАРТАЛИНСКАЯ НОЧЬ

Позже я скажу, на что похожи
Ночь, Кура и ветлы в серебре,
Черный буйвол с обгоревшей кожей,
Тихий шелест розы во дворе.

Здесь боев промчались ураганы,
И земля, под мерный ропот вод,
На себе осматривает раны
И следит, как сверху плот плывет.

5. ГАРЬ ПОЖАРИЩ ТИМУРА

Тишина и сумрак голубиный
На вершинах снежного хребта,
А в долине, как на дне кувшина,
Жаркая, сырая духота.

Город, улицы, огни, фигуры,
Зарево, и вдруг — пожара гарь.
И опять мне снится век Тимура,
И на помощь я лечу, как встарь.

1928—1929

ПОЭТУ

Лишь тебе это скажет страна твоя:
Ты пустой мечтой дни растягивал.
Звал ли пляски рог — ты плясать не мог
Шел ли песни вал — не подтягивал.

Твое время есть повесть юности,
Что ж твой стих умолк, словно раненый?
Стих и юность — их разделить нельзя,
Их одним чеканом чеканили.

Если ж сердце в песке схоронил сполна,
Вся трава стиха в нем задохнется.
Есть примета одна: это юность — она,
Как надетый шлем, не шелохнется.

Мы прекраснейшим только то зовем,
Что созревшей силой отмечено:
Виноград стеной, иль река весной,
Или нив налив, или женщина.

Все, что дышит сейчас на путях земли,
Все, что жизни живой присуще:
Облаков ли мыс, человек и лист —
Ждут улыбки стихов цветущей.

И в стихи твои просится рев, грозя,—
Десять тысяч рек в ожидании.
Стих и юность — их разделить нельзя,
Их одним чеканом чеканили.

1930

* * *

Ты в сердце жаворонком песенным влетела,
С собой мерцанье утра принесла,
И сердце вечным утром заблестело,
И стих наполнен звоном серебра.

Не над землею утро засверкало —
Оно во мне — тобой принесено!
Ты жаворонком в сердце запорхала,
Чтоб не заснуло ни на миг оно!

1936

* * *

Как рассказать об этом изобилье
Народных слез, о горе всей земли?
Гроб Руставели девять раз разбили,
Пока его к могиле принесли.

Казалось, солнце и луна скончались.
Казалось, в целом мире жизни нет.
Но не сдались грузины, опечалясь,
И начал бесконечный путь поэт.

Подняв, как знамя, красоту живую,
Которая народу дорога,
Над смертью, над невзгодой торжествуя,
Сыны народа вышли на врага.

Из уст в уста — так шло преданье это
До наших дней, и внятно говорит,
Что славный труд любимого поэта
В народе вечным пламенем горит.

Раздуй огонь, работу начиная,
Доверив стих чеканке и резьбе.
Умрешь — пускай хоть капля росяная
Народных слез достанется тебе.

Достаточно одной слезинки малой,
Чтобы ветвистой чашею ты рос,
Чтобы тебя из праха поднимало
Бессмертное благоуханье роз.

1938

ТУМАНЫ

Зачем туманы длинной чередой
С горы крутой
Спускаются в долину?
Хотят ли жажду утолить водой
Или развеять старую кручину?

Нет, не затем они свершают путь,—
Им хочется,
Покинув гору эту,
К садам и виноградникам прильнуть
И по следам людей
Прийти к рассвету.

1939

СТАРЫЙ БУБЕН

Луна зашла, и почь в исходе,
И бубен выбился из сил.
В запасе больше нет мелодий,
Пир весь их выбор истощил.

Но девушка, стройней газели,
Ждет, чтобы буря улеглась,
И средь примолкшего веселья
Затягивает мухамбаз.

Усталый голос тянет ноту
Упреков, жалоб и угроз,
Восторгов и безумств без счету,
И новых жертв, и новых слез.

В напеве отзвук просьб и пыток,
В нем дрожь вонзенных в сердце стрел,
Он — древней неги пережиток,
Которой трепет устарел.

И как бы сладостно ни пахло
Цветенье песни в первый раз,
Звучит надтреснуто и дряхло
Ее усталый пересказ.

Напев кружит как одержимый,
Он старше вековых чинар,
И едче пламени и дыма
Слепит глаза его угар.

Его слова, как жар, горючи,
Когда их слышит старый сад,
Участье опаляет сучья,
Они от жалости горят.

Его ровесницы-чинары
Родились в тот же самый срок,
С них валится на стол от жара
Лист, как спаленный мотылек.

Довольно грусти и разлада!
Как ни заплакан мой платок,
Я слушаю напев с досадой,
Он мне и жалок и далек.

Преданий путь подобен рекам,
Положен песне свой предел.
Не разлучайте песен с веком,
Который их сложил и пел.

Их постигает обмеленье,
Как дно речного рукава.
Меняются века и мненья,
Приходят новые слова.

1939

НО ЕСЛИ ВЕСНА УЙДЕТ.

Ливни вымыли леса,
Шумны и легки.
На лугах горит роса,
Словно светляки.

В синь и зелень мир одет,
Солнца блеск с утра.
О небес веселый цвет!
О цветов пора!
О любовь, приди ко мне!..
Молодым орлом
Водопад среди камней
Синим бьет крылом.

А когда весна уйдет
Вдаль своим путем,
Не расстанемся! Вперед
Мы за ней пойдем!

1950

ЕГИШЕ ЧАРЕНЦ

(1897—1937)

С армянского

АРМЕНИИ

Тысячи ран видала ты,— увидишь опять,
Плен и обман видала ты,— увидишь опять.

Как сжатый смертью урожай, тысячи тел
Однополчан видала ты,— увидишь опять.

Как пилигрим, ветром гоним, пашню свою
Тысячи раз видала ты,— увидишь опять.

Нарекаци и Шнорали, Нагаш Овнатан —
Мудрых армян видала ты,— увидишь опять.

Чаренцу давшая язык, сколько певцов,
Родина-джан, видала ты,— увидишь опять.

* * *

Я привкус солнца в языке Армении родной люблю,
И саза нашего напев, его печальный строй люблю.
Люблю кроваво-красных роз огнеподобный аромат,
И в танце нairянок стан, колеблемый зурной, люблю.

Люблю родных небес лазурь, сиянье рек и блеск озер,
И летний зной, и зимних бурь глухой многоголосый хор
И хижин неприютных мрак, затерянных в ущельях гор,
И камни древних городов в дремоте вековой люблю.

Где б ни был, не забуду грусть напевов наших ни на миг,
Молитвой ставшие листы железописных наших книг,
И как бы наших ран ожог глубоко в грудь мне ни проник
Мою отчизну, край отцов, скорбящий и святой, люблю.

Для сердца, полного тоски, милей мечты на свете нет,
Кучака и Нарекаци умов светлей на свете нет,
Горы древней, чем Арарат, вершин белей на свете нет,
Как славы недоступной путь, Масис суровый мой люблю!

1920—1921

* * *

В то время
Как вы,
Окровавив уста,
Могли только жалобно выть,
Я солнца принес пылающий диск,
Чтоб в зурну ликованья
Его превратить...

* * *

Вы
Когда-нибудь
Видели,
Скажите,
Своими глазами, слепыми и соннымп,
Зурну золоченую солнца,
Висящую летом в зените?

Внимали ли вы
Ее голосу
Очами вашими злыми, незрячими,
Когда она,
Может быть, именно вас
Звала своим звоном горячим?

Вы,
Люди,
Любовью копеечной
Сердца свои плавящие весь свой век,—
Вы слышали солнца огненную песню,
Когда солнце — зурнач Алек?
Слышали?
О, вы не слышали,
Нет!

А я —
Ваш покорный поэт,
Я —
Ваш солнцетворный поэт,
Поющий для вас,
Слышал песнь златозвучную эту
Столько раз!

Да,
Я слышал,
Я слышал...
Она манила меня
Из солнечных далей...
А вы,
Люди,
Вы понимали эту песню огня?

В знойном августе душном
Я —
Ваш покорный поэт,
Я —
Ваш солнцетворный поэт,
Видел
Вашу мычащую душу!

О, я видел,
Я видел —
Ваша душа
Была темным духаном,
Была вывеской торгаша!
Она гнулась под властью гроша.

Чтобы зной вашу голову не опалил,
Чтобы ваших сердец не коснулось пламя,
Вы скрывали лучшее из светил
Вашими
Старческими руками...

Горе,
Горе вам,
Слышите?
Горе всем вам!
Вам, что нежите
Мякоть сердец ваших черных!

Голове, что пуста, как пустой барабан,
Что за польза от песен моих
Солнцетворных?

Ваше черное сердце не знает, что мир
Может вдруг превратиться в бурлящую реку
Ликования,
Если хоть раз, хоть на миг,
Вы услышите высшую песню
Алека!

МОЕЙ МУЗЕ

Вот снова, Муза, ты со мной,
Соратник, друг мой неизменный.
Я слушаю тебя с тоской
И радостью одновременно.

Как задушевна, как проста
Теперь беседа наша стала,
Как удивительно чиста
Печаль, что в песне зазвучала.

Ты знаешь, я люблю ее,
Печаль, похожую на радость,
Не ноет сердце от нее,—
В ней возвышающая сладость.

Так путник с высоты глядит
На пройденные им просторы.
Он утомлен, но мирен вид,
И слезы не туманят взора.

Как много он успел пройти,—
Когда же полднем утро стало?
Он отирает пот в пути,
Но даль туманом не застлало.

Нам далеко идти... Но пусть,
Соратник мой, товарищ верный,
Прозрачной будет наша грусть,
Любовь — безбрежной и безмерной!

1929

СЕМЬ ЗАВЕТОВ ПЕВЦАМ ГРЯДУЩЕГО

Прошедший множество земных путей и нив,
От мудрости плода вкусивший сок горчащий,
Я семь заветов вам передаю своих,
Певцы грядущих дней, великих дел земных
И славы будущей, что станет настоящей.

Вот первый мой завет — я шлю его как весть
Из глубины веков для вас и ваших внуков:
Слагая песнь свою, вы помните, что песнь
Родится из земли, а не из слов и звуков.

Вот мой второй завет — пусть каждый сохранит
Его в душе и вспоминает чаще:
Песнь — русло и река, она — копье и щит,
Добро, бесценный дар, нам не принадлежащий.

Певцы грядущего, времен извечный ход
За вами следует,— итак, завет мой третий:
Страну рождает век, он песне жизнь дает,
Но песнь переживет и страны и столетья.

И как бы ни были прекрасны времена
И век ваш величав,— не пожалев усилий,
Посеять вы должны такие семена,
Чтобы они его на годы пережили.

И знайте, нет труда милей и тяжелей,
Чем пахота души. Вначале было слово,
И слово было труд, усилие людей,
И песня с ним была — добра первооснова.

Итак, копьем души вооружась чуть свет,
Трудитесь, пахари, трудитесь терпеливо,
Посейте звуки здесь, на пашне прошлых лет,
Во имя завтрашней благословенной нивы.

И вот еще одно запомнить те должны,
Кто, книгу прочитав, задумался об этом:
Для песни, что грядет, заветы не нужны —
И это будет пусть моим седьмым заветом.

16 февраля 1933 г.

СОНЕТ

О блюдолизы жалкие!
«Дашнакам»

Я трудно песни пел, с упорством их слагая,
Как грузчик, на себе их тяжкий груз волок,
Ища свою тропу средь жизненных дорог,
И вместо солнца мне светила цель благая.

Но жарко я любил, моя любовь святая
К искусству моему — терпения залог.
Как ценную смолу, я щедро сердце жег,
Огню Поэзии погаснуть не давая.

О суд невежд! В меня камнями вы бросали,
Не причиняя мне ни боли, ни печали,
Пред вашей темнотой огонь мой чист и ал.

И в благодарность вам хотел бы спеть я оду,
Язвящей вашей тьме и черному походу,
Который мой огонь лишь ярче зажигал.

20 сентября 1933 г.

* * *

Твоих ночных минут
Томление и свет,
Когда горит в груди
Дух творчества свободный,—
Не стоят ли они
Всех мук твоих, и бед,
И клеветы людской,
Враждебной и бесплодной?

12 апреля 1934 г.

ПАМЯТНИК

Я памятник себе воздвиг в мой трудный век,
Когда все рушилось, что камня и металла
Веками почитал прочнее человек.

Я памятник себе воздвиг из вещих дум
И песен яростных, звучавших в сердце века,
Как бури роковой неукротимый шум.

Я в Карсе был рожден, и хоть Ирана зной
Жег душу, как тоска по родине прекрасной,
Стал родиной моей весь этот мир земной.

1 декабря 1934 г.

ТРИОЛЕТ Л.-Б.

Тому, кто любит жизнь и славит Землю нашу,
Отрадней на Земле и легче трудный путь.
Когда не хочешь ты в трясине потонуть,—
Ты должен жизнь любить, и славить Землю нашу,
И чашу грусти пить, как пьешь веселья чашу.
Не лей напрасных слез и жалобы забудь.
Тому, кто любит жизнь и славит Землю нашу,
Отрадней на Земле и легче трудный путь.

1921

НАШ ЯЗЫК

Дикий наш язык и непокорный,
Мужество и сила дышат в нем,
Он сияет, как маяк нагорный,
Сквозь столетий мглу живым огнем.

С древности глубокой мастерами
Был язык могучий наш граним,
То грубел он горными пластами,
То кристалл не смел сравниться с ним.

Мы затем коверкаем и душим
Тот язык, что чище родников,
Чтобы на сегодняшние души
Не осела ржавчина веков.

Ширятся душевные границы
И не выразят, чем дышит век,
Ни Теряна звонкие цевницы,
Ни пергаментный Нарек.

Даже сельский говор Туманяна
Нас не может в эти дни увлечь,
Но отыщем поздно или рано
Самую насыщенную речь.

28 января 1933 г.

МОЕЙ МУЗЕ

(Рондо)

Ты — чистая любовь, мой меч, мое спасенье,
Единственный огонь во мраке трудных дней,
Надежда светлая, сестра души моей.
Даруемое мне тобою вдохновенье —
Прибежище мое и радость жизни всей.
Не расставалась ты со мной и на мгновенье,
Делила все со мной по доброте своей:
И раны, и цветы, и жар моих страстей,
Ты — чистая любовь.

Как для не знающих земных забот детей
Прыжки и карусель в стремительном круженье,
Как лира для певца, сроднившегося с ней,
Как сабля острая для воина в сраженье —
Всего дороже мне твой свет во мраке дней,
Ты — чистая любовь!

1937

АЛЕКСАНДР БЕЗЫМЕНСКИЙ

(1898—1973)

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Вперед, заре навстречу,
Товарищи в борьбе!
Штыками и картечью
Проложим путь себе.

Смелей вперед, и тверже шаг,
И выше юношеский стяг!
Мы — молодая гвардия
Рабочих и крестьян.

Ведь сами испытали
Мы подневольный труд.
Мы юности не знали
В тенетах рабских пут.

На душах цепь носили мы —
Наследье непроглядной тьмы,
Мы — молодая гвардия
Рабочих и крестьян.

И, обливаясь потом,
У горнов став своих,
Творили мы работой
Богатство для других.

Но этот труд в конце концов
Из нас же выковал борцов,
Нас — молодую гвардию
Рабочих и крестьян.

Мы поднимаем знамя!
Товарищи, сюда!
Идите строить с нами
Республику Труда.

Чтоб труд владыкой мира стал
И всех в одну семью спаял,—
В бой, молодая гвардия
Рабочих и крестьян!

1922

ПАРТБИЛЕТ № 224332

Весь мир грабастают рабочие ручищи,
Всю землю щупают,— в руках чего-то нет...

— Скажи мне, Партия, скажи мне, что́ ты ищешь
И голос скорбный мне ответил: — Партбилет...

Один лишь маленький... а сердце задрожало.
Такой беды большой еще никто не знал!

Вчера, вчера лишь я в руках его держала,
Но смерть ударила — и партбилет упал...

Эй, пролетарии! Во все стучите двери!
Неужли нет его и смерть уж так права?
Один лишь маленький, один билет потерян,
А в боевых рядах — зияющий провал...

Я слушал Партию и боль ее почуял.
Но сталью мускулов наполнилась рука:
— Ты слышишь, Партия? Тебе, тебе кричу я!
Тебя приветствует рабочий от станка.

Я в Партию иду. Я — сын Страны Советов.
Ты слышишь, Партия? Даю тебе обет:
Пройдут лишь месяцы — сто тысяч партбилетов
Заменят ленинский утраченный билет.

24 января 1924 г.

КОМСОФЛОТСКИЙ МАРШ

1

Низвергнута ночь. Подымается солнце
Над морем рабочих голов.
Вперед, краснофлотцы, вперед, комсомольцы,
На вахту грядущих веков!

Вперед же по солнечным реям
На фабрики, шахты, суда!
По всем океанам и странам развеем
Мы алое знамя труда.

2

Мы, дети заводов и моря, упорны.
Мы волею нашей — кремни.
Не страшны нам, юным, ни буря, ни штормы,
Ни трудные, страдные дни.

Вперед же по солнечным реям
На фабрики, шахты, суда!
По всем океанам и странам развеем
Мы алое знамя труда.

3

Сгустились на западе гнета потемки,
Рабочих сдавили кольцом.
Но грянет и там броненосец «Потемкин»,
Да только с победным концом.

Вперед же по солнечным реям
На фабрики, шахты, суда!
По всем океанам и странам развеем
Мы алое знамя труда.

4

Пусть сердится буря, пусть ветер неистов,
Растет наш рабочий прибой.
Вперед, комсомольцы, вперед, коммунисты
Вперед, краснофлотцы, на бой!

Вперед же по солнечным реям
На фабрики, шахты, суда!
По всем океанам и странам развеем
Мы алое знамя труда.

1924

Я БРАЛ ПАРИЖ!

Я брал Париж! Я. Кровный сын России.
Я — Красной Армии солдат.
Поля войны —
свидетели прямые —
Перед веками это подтвердят.

Я брал Париж. И в этом нету чуда!
Его твердыни были мне сданы!
Я брал Париж издалека. Отсюда.
На всех фронтах родной моей страны.

Нигде б
никто
не вынес то, что было!
Мечом священным яростно рубя,
Весь, весь напор безумной вражьей силы
Я принимал
три года
на себя.

Спасли весь мир знамена русской славы!
На запад пяля мертвые белки,
Успели сгнить от Волги до Варшавы
Фашистских армий лучшие полки.

Ряды врагов редели на Ла-Манше.
От стен Парижа снятые войска
Пришли сюда
сменить убитых раньше,
Чтоб пасть самим от русского штыка.
Тех, кто ушел,
никем не заменили,
А тех, кто пал,
ничем не воскресишь!
Так, не пройдя по Франции ни мили,
Я проложил
дорогу на Париж.

Я отворял парижские заставы
В боях за Днепр, за Яссы, Измаил.
Я в Монпарнас
вторгался у Митавы.
Я в Пантеон
из Жешува входил.

Я шел вперед сквозь битвы грохот адов,
И мой удар во фронт фашистских орд,
Мой грозный шаг
и гул моих снарядов
Преображали Пляс-де-ля-Конкорд!

И тем я горд,
что в годы грозовые
Мы золотую Францию спасли,
Что брал Париж любой солдат России,
Как честный рыцарь счастья всей земли.

Во все века грядущей светлой жизни,
Когда об этих днях заговоришь,
Могу сказать я
миру и отчизне:
— Я брал Париж!

1944

ВАСИЛЬ БОБИНСКИЙ

(1898—1938)

С украинского

ПЕСНЬ КРЫЛАТЫХ КЕНТАВРОВ

Мы все — в неистовом разгоне,
Все — в молодом, хмельном вине.
Крылатые, как птицы, кони —
Летим, взметая столб огней.

В нас каждый мускул просит песни,
В сердцах — торжественный пеан.
Нам жизнь стремит свой зов чудесный
Как пенный, пьяный океан.

Нам не страшны косые взоры
И зависти змеиный яд,—
Про нашу мощь, взрывая горы,
Копыта сталью говорят.

Как призраки безглазой ночи,
Поводья сброшены долой.
По жилам плещет и клокочет —
В природе конской — ум людской.

Мы гнули долго под ярмами
Господскими — свои хребты,
И за господскими стопами
Мы шли, покорны и просты.

Но вот однажды вспыхнул разом
В нас яростный мечты пожар,—
И мы не приняли приказа,
Удар — вернули за удар

И сбросили сатрапов цепи,
И — воля тысячи сердец —
Как гром ударило по степи:
«Господ — долой! Им всем — конец!»

В священном, творческом усилье
Мечты, не знающей границ,
Мы развернули наши крылья,
Мы овладели тайной птиц.

Косматое прияло тело
Величие и простоту,
И нежных рук, и грудей белых
Мы оценили красоту.

Как призраки безглазой ночи,
Поводья сброшены долой.
По жилам плещет и клокочет —
В природе конской — ум людской.

И кто нас приневолить сможет?
Кто скажет: вот, таков ваш путь?
Кто наши крылья уничтожит,
Заставит нас назад свернуть?

Никто! Никто! Мы на свободе!
Мы — вольный пламень, вольный люд!
Мы все — в неистовом походе,
Мы — без оков, без узд, без пут!

Крылатый легион кентавров —
Прекрасный зверь, и Дух, и Мысль —
Увенчанный венком из лавров,
Свой звездный путь свершает: ввысь!

1924

СЕМЬ ЛЕТ

> ...приятнее и полезнее «опыт революции» проделывать, чем о нем писать.
>
> *В. И. Ленин*

Дело — вот что на первом месте,
только в деле глубокий смысл.
В каждом слове, в самой беглой пометке
неразрывны — дело и мысль.

Беднякам, что от голода гнутся,
бунтарям, опаленным борьбой,
Ты дал смысл,
Ты дал цель:
творить Революцию —
высочайшую мысль
в наиславнейшей из войн.
Ты дал крылья, направил в полет
великанов, бывших рабами,
Ты из мертвых пустынь и болот
вызвал пламя вулканной лавы,
Ты, сумевший бурю взнести
за безмерные дальние дали,
Ты веленьем ума гениального
начертал ей пути.
Всюду Ты: на фронтах с партизанами,
с теми, кто с незакрытыми ранами,
с фосфорическим блеском в глазах
банды белых рассеивал в прах.

Всюду Ты: с теми, впрямь беззаветными,
что кротами борьбы неприметными
в центры гнета, в толщу, за фронт
проносили восстания взлет.

Всюду Ты: в Баварии, Пруссии, Венгрии,
там, где руки, трудом непосильным изъедены,
пулеметную сталь обнимая,
за Советскую власть умирали.

Всюду Ты: в Вашингтоне, в Чикаго, в Кантоне
и в кровавых застенках заморских колоний,
там, где гнутся хребты,
своей кровью окрасив грунт,
Ты
выращивал бунт.

Ты дал крылья, направил в полет
великанов, бывших рабами,
Ты из мертвых пустынь и болот
вызвал пламя вулканной лавы,
Ты, сумевший бурю взнести
за безмерные дальние дали,

Ты веленьем ума гениального
начертал ей пути.
Мы семь лет без Тебя растем,
растет революция с нами.
И там, где железным плечом
поддержали красное знамя,
и там, где огнистым мечом
люди бой ведут с палачами.

Нам семь лет пытались вредить
заправилы Рубля мирового,
мы ж семь лет не устанем твердить
Твое мудрое, ясное слово:
Революцию приятней творить,
чем писать о ней снова!..
Да, семь лет без Тебя... Но скорбь по Тебе
переплавлена в огненном тигле.
В повседневной, упорной, как сталь, борьбе
мы закон движенья постигли:
Революции светлая хартия —
генеральная линия партии!

Нам пытаются вновь вредить
заправилы Рубля мирового,
мы ж стремимся в дела воплотить
Твое мудрое, ясное слово:
Революцию полезней творить,
чем писать о ней снова!..

Дело — вот что на первом месте,
только в деле глубокий смысл,
в каждом слове, в мельчайшей беглой пометке
неразрывны — дело и мысль.
Беднякам, что от голода гнутся,
бунтарям, опаленным борьбой,
Ты дал смысл,
Ты дал цель:
творить Революцию —
высочайшую мысль
в наиславнейшей из войн!

Январь 1931 г.

ВАСИЛИЙ КАЗИН

(Род. в 1898 г.)

КАМЕНЩИК

В. Александровскому

Бреду я домой на Пресню,
Сочится усталость в плечах,
А фартук красную песню
Потемкам поет о кирпичах.

Поет он, как выше, выше
Я с ношей красной лез,
Казалось — до самой крыши,
До синей крыши небес.

Глаза каруселью кружило,
Туманился ветра клич.
Утро тоже взносило,
Взносило красный кирпич.

Бреду я домой на Пресню,
Сочится усталость в плечах,
А фартук красную песню
Потемкам поет о кирпичах.

1919

РАБОЧИЙ МАЙ

Стучу, стучу я молотком,
Верчу, верчу трубу на ломе,—
И отговаривается гром
И в воздухе, и в каждом доме.

Кусаю ножницами я
Железа жесткую краюшку,
И ловит подо мной струя
За стружкою другую стружку.

А на дворе-то после стуж
Такая же кипит починка.
Ой, сколько, сколько майских луж
Обрезков голубого цинка!

Как громко по трубе капель
Постукивает молоточком,
Какая звончатая трель
Гремит по ведрам и по бочкам!

1919

РУБАНОК

Живей, рубанок, шибче шаркай,
Шушукай, пой за верстаком,
Чеши тесину сталью жаркой,
Стальным и жарким гребешком.

Ой, вейтесь, осыпайтесь на пол
Вы, кудри русые, с доски!
Ах, вас не мед ли где закапал:
Как вы душисты, как сладки!

О, помнишь ли, рубанок, с нами
Она прощалася, спеша,
Потряхивая кудрями
И пышно стружками шурша?

Я в то мгновенье острой мукой
Глубоко сердце занозил
И после тихою разлукой
Тебя глубоко запылил.

И вот сегодня шум свиданья —
И ты, кудрявясь второпях,
Взвиваешь теплые воспоминанья
О тех возлюбленных кудрях.

Живей, рубанок, шибче шаркай,
Шушукай, пой за верстаком,
Чеши тесину сталью жаркой,
Стальным и жарким гребешком.

1920

* * *

Привычка к спичке — искорка привычки
К светилам истинным. Но спичка мне люба
Не менее — и потому люба,
Что чую я обличий переклички,
Что чую: в маленьком обличье спички
Таится мира пестрая судьба.

Чирк! — и зарумянится
Скрытница огня,
Солнышка племянница,
Солнышка родня.
Деревянным запахом
Полыхнет лесам,
Улыбнется фабрикам,
Дальним корпусам.

Случается: бреду в ночном тумане,
Бреду в тумане, грустно одинок,
И, как ребенок, вспомнивший о маме,
Я просияю и взлучусь лесами,
Лесами, корпусами, небесами,

А небеса и сами
Взлучатся дальними мирами,—
Когда нечаянно в кармане
Чуть громыхнет неполный коробок.

1923

БАЙДАРСКИЕ ВОРОТА

Автомобиль рванул,— и за спиной,
С полусемейной флотской стариной,
Отбитый пылью, скрылся Севастополь...
И взор — нетерпеливою струной:
Скорей бы море вскинуло волной,
Чтоб осрамить пред пышною страной
Всей оглушительною вышиной
И кипарис и тополь!
Летим — и словно Крым зачах,
Летим — и, словно в обручах,
Мы в кряжах кружим ожиданье:
Да скоро ль прянет волн качанье?

Летим — и прямо на плечах
Громады скал... Коснись — и трах!
Летим, поддразнивая страх,—
То под горами то на горах,—
И хоть бы моря дальнее мерцанье!
Уже готово Крыму порицанье...
Летим, летим... Резвится пыльный прах
Летим, летим — и впопыхах
В пролет ворот и — ой! И — ах!
Ах! — И в распахнутых глазах
Пространств блистательный размах,
Пространств морское восклицанье!

1926

СНИМОК

На нем — ни одной из любимых.
Не встретишь ни мать, ни родню.
Но есть он, чуть выцветший снимок,
Который я свято храню.

Взгляну ль на него ненароком
Иль брошу сознательно взгляд,
Вскипая в волненье глубоком,
По-детски и горд я и рад.

Взволнуюсь я чуда явленьем —
И взгляд мой затеплит слеза:
Мелькнет и засветится Ленин,
Как счастье ворвавшись в глаза.

Он вспыхнет, подпертый толпою,
Такой весь до кепки родной,
С такою фигурой простою
Под древней Кремлевской стеной.

Стоит он, мудрец — покоритель
Врага, закрывавшего свет,
Великий наш первоучитель,
Провидец всех наших побед.

И, глаз проницательный щуря,
Следит он, как в зорях знамен
Шагает Октябрьская буря,
Шумит непреклонность колонн.

И вздрогну я с чувством священным,
Как гляну в удачу свою,
Что с ним, с дорогим, с незабвенным,
Я рядом, мальчишка, стою.

1938

ПРОВОДЫ

Казалось, «Радищева» странно встречали:
На волны, игравшие с гордой кормой,
Все громче катился обвалом печали,
С народом, с повозками, берег крутой.

Но даже слепая, глухая могла бы
Душа заприметить, поймать наугад:
Толпясь с сарафанами, камские бабы
Тут правили проводов тяжкий обряд.

То плакали, сбросив объятий нескладность,
То плакали в мокрых объятьях опять,
Что скорбной войны беспощадная жадность
Мужей их навеки собралась отнять.

Как будто палимы желаньем горячим,
Чтоб им посочувствовал к пристани путь,
Протяжным, прощальным, рыдающим плачем
Старались и берег в их горе втянуть.

И берег — высокий, красный, в суглинке —
Взирал, как толпа сарафанная вся
Бросалась к мужьям и назад, по старинке
Рвала себе волосы, в даль голося.

Все ширился пропастью ров расставанья,
И, пролитых слез не стирая с лица,
На палубу острое буйство страданья
Врывалось, стучась пассажирам в сердца.

И в каждом взрывалась страшная жалость,
Но как ее ни были взрывы страшны,
Она виновато, беспомощно жалась
К сознанию твердого долга страны.

Хоть каждая к сердцу была ей кровинка,
Страна приказала: — Все муки узнай,
Жизни лишись,
Но нет, и суглинка,
Вот эту немудрость,
Врагу не отдай!

1941

НЕ ТОТ ЛИ СВЕТ?

Ну не полвека ли с тех пор?
А времени наперекор,
Сквозь вихри дней кипящих,
Я вижу: он вошел во двор,
Стекольщик, несший ящик.

И ящик стекол, стар и хром,
Нес на плече он так двором,
Как будто утру мая
Жар-птицы искристым крылом
Помахивал, шагая.

И не узнал я сам себя:
Мальчишка с видом воробья,
Вдруг от сверканья стекол
Из серости житья-бытья
Я глянул в мир, как сокол.

Со стеклами светлей светил
Явившись, хоть и хром и хил,
Волшебником бесспорным,
Старик весь дух мой захватил
Сверканьем чудотворным.

Во всем, чем жив я как поэт,
Чем смолоду мой стих согрет,
И в этом чувстве стольких лет
К тебе, моя родная,—
Не тот ли чудотворный свет
Горит, не угасая?

1957

КИРИЛЛ И МЕФОДИЙ

Забыть ли ту давность, как двое,
Как двое, и даже зимой
Палимые мыслью одной,
Вы двинулись на боевое
Служительство церкви родной.

Как, пылко печась о народе,
С латинянами в бою
И в азбуку-то свою
Так сбили вы буквы — ну вроде
Как кинутых сирот в семью.

Влекла не корысть вас, не гривна.
И, рыцарствуя вдали,
Подвижники милой земли,
Ах, как вы поистине дивно
И нашей Руси помогли!

Как, влив их и в пушкинский гений,
Подвигли вы ваши азы
Пробиться сквозь тьмы поколений
Тем кличем, каким и низы
Повел ввысь владыками Ленин,
Великий и без молений
Подвижник Октябрьской грозы.

1971

ВАСИЛИЙ ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

(1898—1949)

МАРШ ВЕСЕЛЫХ РЕБЯТ

Легко на сердце от песни веселой,
Она скучать не дает никогда,
И любят песню деревни и села,
И любят песню большие города.

Нам песня строить и жить помогает,
Она, как друг, и зовет и ведет,
И тот, кто с песней по жизни шагает
Тот никогда и нигде не пропадет!

Шагай вперед, комсомольское племя,
Шути и пой, чтоб улыбки цвели!
Мы покоряем пространство и время,
Мы — молодые хозяева земли!

Нам песня жить и любить помогает,
Она, как друг, и зовет и ведет,
И тот, кто с песней по жизни шагает,
Тот никогда и нигде не пропадет!

Мы все добудем, поймем и откроем:
Холодный полюс и свод голубой!
Когда страна быть прикажет героем,
У нас героем становится любой!

Нам песня строить и жить помогает,
Она, как друг, и зовет и ведет,
И тот, кто с песней по жизни шагает,
Тот никогда и нигде не пропадет!

Мы можем петь и смеяться, как дети,
Среди упорной борьбы и труда,
Ведь мы такими родились на свете,
Что не сдаемся нигде и никогда!

Нам песня жить и любить помогает,
Она, как друг, и зовет и ведет,
И тот, кто с песней по жизни шагает,
Тот никогда и нигде не пропадет!

И если враг нашу радость живую
Отнять захочет в упорном бою,
Тогда мы песню споем боевую
И встанем грудью за Родину свою!

Нам песня строить и жить помогает,
Она на крыльях к победе ведет,
И тот, кто с песней по жизни шагает,
Тот никогда и нигде не пропадет!

1934

ВЕСЕЛЫЙ ВЕТЕР

А ну-ка, песню нам пропой, веселый ветер,
Веселый ветер, веселый ветер!
Моря и горы ты обшарил все на свете
И все на свете песенки слыхал.

Спой нам, ветер, про дикие горы,
Про глубокие тайны морей,
Про птичьи разговоры,
Про синие просторы,
Про смелых и больших людей!

Кто привык за победу бороться,
С нами вместе пускай запоет:
Кто весел — тот смеется,
Кто хочет — тот добьется,
Кто ищет — тот всегда найдет!

А ну-ка, песню нам пропой, веселый ветер,
Веселый ветер, веселый ветер!
Моря и горы ты обшарил все на свете
И все на свете песенки слыхал.

Спой нам, ветер, про чащи лесные,
Про звериный запутанный след,
Про шорохи ночные,
Про мускулы стальные,
Про радость боевых побед!

Кто привык за победу бороться,
С нами вместе пускай запоет:
Кто весел — тот смеется,
Кто хочет — тот добьется,
Кто ищет — тот всегда найдет!

А ну-ка, песню нам пропой, веселый ветер
Веселый ветер, веселый ветер!
Моря и горы ты обшарил все на свете
И все на свете песенки слыхал.

Спой нам, ветер, про славу и смелость
Про ученых, героев, бойцов,
Чтоб сердце загорелось,
Чтоб каждому хотелось
Догнать и перегнать отцов!

Кто привык за победу бороться,
С нами вместе пускай запоет:
Кто весел — тот смеется,
Кто хочет — тот добьется,
Кто ищет — тот всегда найдет!

А ну-ка, песню нам пропой, веселый ветер,
Веселый ветер, веселый ветер!
Моря и горы ты обшарил все на свете
И все на свете песенки слыхал.

Спой нам песню, чтоб в ней прозвучали
Все весенние песни земли,
Чтоб трубы заиграли,
Чтоб губы подпевали,
Чтоб ноги веселей пошли!

Кто привык за победу бороться,
С нами вместе пускай запоет:
Кто весел — тот смеется,
Кто хочет — тот добьется,
Кто ищет — тот всегда найдет!

1937

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,—
Идет война народная,
Священная война!

Дадим отпор душителям
Всех пламенных идей,
Насильникам, грабителям,
Мучителям людей!

Не смеют крылья черные
Над Родиной летать,
Поля ее просторные
Не смеет враг топтать!

Гнилой фашистской нечести
Загоним пулю в лоб,
Отребью человечества
Сколотим крепкий гроб!

Встает страна огромная,
Встает на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой.

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,—
Идет война народная,
Священная война!

1941

ВЛАДИМИР СОСЮРА

(1898—1965)

С украинского

КРАСНАЯ ЗИМА

(Отрывок)

1

Как Лисичанск забыть!.. Донец, и дым завода,
и музыку в саду, и поезд ровно в семь...
Как позабыть тебя, родная Третья Рота!..
О вас под бег минут рассказываю всем.

Работать к Сущенку на щебень мы ходили,—
случалось четвертак добыть нам в день иной.
А в клунях по ночам мы девушек любили...
О, поцелуев вкус, о, свежий дух степной!..

Так просто нам жилось в той стороне, где зори
горят над шахтами и где гудки кричат!
Учились мы писать, конечно, на заборе
и с лисичанами дрались из-за девчат.

Ну как же Белую я позабуду Гору,
траву в росе, глаза, что изменили мне?..
В прозрачности ночной по ясному простору
там вихрем я летал на добром скакуне...

А волны все журчат, холодные такие,
завод не устает со мною говорить,
все вороток скрипит про времена былые,
когда восстали мы и шли Петлюру бить...

Как Лисичанск забыть!.. Донец, и дым завода,
и музыка в саду, и поезд ровно в семь...
Как позабыть тебя, родная Третья Рота!..
О вас под бег минут рассказываю всем.

1921

К НАМ!..

Идите к нам в ряды все, кто живет борьбою,
кто солнце полюбил и на вершины гор
спешит — встречать его, душою молодою
провидя сквозь века зари багряный взор!

Гремят осколки скал под нашими шагами...
В былое горе бей нещадно, коммунар!
На смену мы идем, вступаем в бой рядами,—
урочный близок час... решающий удар...

Трепещет черный враг, на сполох бьет трусливо,—
но замолкает звон... редеет ночи муть...
Мы — дети звездных снов, мы — новых сил приливы
нам златотканый май устлал цветами путь...

Серп революции...
Знамена Первомая...
Лишь власть Советов нас к вершинам приведет.
Прочь отступает боль докучная, былая.
Настал урочный час... Бойцы идут вперед!

1921

О, НЕ НАПРАСНО!..

О, не напрасно, нет, гремели пушки в поле,
и наша кровь лилась, и шли мы умирать.
О, не напрасно, нет, сама, по доброй воле,
иконки и кресты с детей снимала мать!..

Гул на шоссе шагов... машины перебои...
С трибун приветствуют задымленных бойцов...
Все — как чудесный сон, возникший предо мною
в забое, в полутьме, под песню обушков...

И девушки идут, и жены выступают,
и детвора бежит,— восторг в глазах горит...
И ночь скрипит, скрипит, промозглая, слепая,
и поднят мрак ее на лезвиях зари...

О, не напрасно, нет, гремели пушки в поле,
и наша кровь лилась, и шли мы умирать.
О, не напрасно, нет, сама, по доброй воле,
иконки и кресты с детей снимала мать!..

1921

* * *

Не возле стенки я, и кровь моя не льется,
и ветер грозовой не рвет мою шинель,—
под громом и дождем бригада не сдается,
и бьют броневики, и падает шрапнель.

Гремят броневики!.. И рвет сердца железо...
Горячим звоном бьет... и пыль и кровь в упор...
С разбитым боком смерть по рельсам тяжко лезет.
И кровью алою исходит семафор...

И мнится вновь: далекий полустанок,
и от снаряда дым над спелой рожью лег...
Так кто ж сказал, что мы в бою устанем
и не настал еще свободы нашей срок?!

Где пыль легла в бурьян, под небом Перекопа
от крови, как зарей, зарделся небосклон...
Я слышу, как гудит в дыму земли утроба,
где падали бойцы под орудийный стон...

Куда я ни пойду — далекий полустанок,
и от снаряда дым над спелой рожью лег...
Так кто ж сказал, что мы в бою устанем
и не настал еще свободы нашей срок?!

1922

* * *

Такой я нежный, такой тревожный,
моя осенняя земля!
Взмывает ветер над бездорожьем,
летит в поля...

И волны моря бьют неумолчно
в земную грудь...
Там стелет солнце свой путь урочный,
кровавый путь...

Кровавясь, пальцы дрожат... О вечер,
остановись!
Но море грозно шумит далече,
затмилась высь...

Такой я нежный, такой тревожный,
моя осенняя земля!
Взмывает ветер над бездорожьем,
летит в поля...

1923

ИЗ ОКНА

В глазах лошадиных кровавые слезы,—
трамваем хребет перебило с налету.
Трамвай на минуту... и вновь за работу —
он дальше бежит, он звенит на морозе.

Кто слышал, как стонут и плачут колеса,
когда переедут хребет или ногу?..
Так конь одинокий хрипел безголосо,
тянулся неистово к конскому богу.

И в луже вишневой, густой от мороза,
кружились, метались снежинки устало.
Конь плакал... И мерзли тяжелые слезы...
И рядом нежданная женщина встала.

Стройна и тревожна, в буденновском шлеме,
она подошла и в упор из нагана...
И очи погасли, и звякнуло стремя —
а в небе снежинки, летящие пьяно...

А в небе заря разлепила плакаты,
и двинулись в песнях колонны с вокзала.
Коня повезли. Лишь на камне щербатом
горячую лужу собака лизала.

1923

* * *

Помню: вишни рдели и качались,
солнцем опаленные в саду.
Ты сказала мне, когда прощались:
— Где б ты ни был, я тебя найду.

И во тьме, от мук и от истомы
выпив злобу и любовь до дна,
часто вижу облик твой знакомый
в пройме светло-желтого окна.

Только снится, что давно минуло...
Замирая в песне боевой,
мнится, слитый с орудийным гулом,
голос твой, навеки дорогой...

И теперь, как прежде, вишни будут
розоветь от солнца и тепла.
Как всегда, ищу тебя повсюду
и хочу, чтоб ты меня нашла!

1923

* * *

Подымается месяц мой чистый,
подымается, смотрит в окно.
Выплывает сквозь ветви, сквозь листья
все, что было забыто давно...

Поцелуи и крики: «К оружью!» —
расцветая, неслись с вышины,
где село над болотистой лужей
под зарей золотило тыны.

На мою на чумазую музу
что могу я теперь променять!
Возле речки пекли кукурузу
и мечтали в боях побывать.

Дальше: полные стужи вагоны,
только с песней нам было тепло.
Дальше: море и ветер соленый,
где томленье мое расцвело.

Гей, ты, ветер, туман спозаранку,
вам мой голос, мой взгляд и привет!
И на мне уж синеет познанка,
да в кармане лежит партбилет.

А теперь я один. И так чисто
светит месяц, несущийся в синь.
и дрожат и качаются листья
от его золотистой слезы.

1924

КОМСОМОЛЕЦ

(Баллада)

...Кончился бой... Желто-синие клочья
снова над станцией треплют свой шелк...
К пленным, столпившимся молча,
сам куренной подошел...

Смотрит — огнем прожигает до кости...
Хлопцы стоят — побледнели как мел...
Пьяная смерть набивается в гости,
в сумрачном блеске наган занемел...

— Есть комсомольцы меж вами! Я знаю!..
Каждому пуля поставит печать...—
...Стиснуты губы: тоска гробовая.
Но продолжают молчать...

— Вот так ребята, стройны да красивы!
Жалко расстреливать всех!
Эй, оглянитесь... и солнце, и нивы...—
Смех.

— Ну, так пощады не знать и родному!
Вас не оплачет пылающий край!..—
Вышел один... и сказал куренному:
— Я — комсомолец... Стреляй!..

1927

ВОРОНЕНОК

Был день неясный, как спросонок.
Под крик и карканье в листве
упал на землю вороненок,
и я поймал его в траве.

Забилась пойманная птица
с безмолвным ужасом в глазах.
Но не могло угомониться,
кричало, каркало в ветвях.

И детство вспомнилось былое
под этот весь переполох,
когда заботливой рукою
я птицу положил на мох.

Глядел безмолвно вороненок,
но ужас исчезал в глазах...
И я ушел. И стало сонно
опять в замолкнувших ветвях.

1938

ДЕКАБРЬ

Все затихло в доме к ночи.
На столе стоит вино.
Декабря седые очи
смотрят в синее окно.

Мне глядеть не наглядеться
на морозную зарю.
Может, хочется погреться,
чарку выпить декабрю?

Он стучится, в щели дует,
бородой к стеклу прильнул.
За окно, во мглу седую,
я бутылку протянул.

И заснеженным, крылатым
рукавом взмахнула ночь.
Захмелел декабрь косматый
и пошел, шатаясь, прочь.

1938

О, ЕСЛИ Б!..

Осенний вечер. Стынут клены.
Струится легкий полумрак.
Гудок сирены отдаленный
и чей-то быстрый, легкий шаг.

Минулось... На висках — снежинки
Зачем я не сказал: «Постой!» —
и счастье в аленькой косынке
рассталось навсегда со мной...

А небеса — мутней опала,
и снова осень, снова мгла...
О, если б, если б юность знала
и старость мудрая — могла!..

1939

ТЕРРИКОНЫ

И поля, и мосты, и вагоны,
и протяжная песня — слышней...
Терриконы мои, терриконы,
пирамиды донецких степей!

Где земля заждалась возрожденья,
где лишь дикие травы цвели,
неустанным трудом поколенья
вас под самое небо взнесли.

В ваших недрах, темнея угрюмо,
закипала глухая гроза:
здесь шахтерские горькие думы,
подневольная, злая слеза.

Это — в прошлом... А выше, над кручей,
словно знамя летя в небеса,
наш порыв, боевой и кипучий,
наших вольных людей голоса!

Мы ступаем вперед непреклонно,
и опять они в песне моей,—
терриконы мои, терриконы,
пирамиды донецких степей.

И стоите вы друг подле друга,
молчаливая, строгая рать...
Малышом собирал я здесь уголь,
чтобы — взрослым — напевы сбирать.

1947

ДОНЕТЧИНА МОЯ!

Донетчина моя, твоих ветров дыханье
я ощущаю вновь, как прежде, как в былом,
когда в лучах зари цветов благоуханье
я так любил встречать над голубым Донцом.

Я ощущаю мощь порыва трудового
и в голосах степей, и в гомоне лесов,
и музыку гудков твоих я слышу снова,
Донетчина моя, бессменная любовь!

Вон шахты вдалеке... Гляжу на них, гляжу я,
и песнь рождается, слетает с губ моих.
Пускай снега кругом, но в сердце май бушует,
чуть вспомню о тебе, и в сердце — новый стих.

И снова молод я, и в радужном свеченье
весь мир передо мной, и счастьем полон я;
я, как струна, звучу, охваченный волненьем,
объятый пламенем, Донетчина моя!

Полями я иду и знаю: там, под ними,
огромный дивный мир таится в глубине,
и дышит, и гремит, и звонами своими
еще с ребячьих лет так близок, дорог мне!

И, как на крыльях, в глубь подземных коридоров
мои мечты опять, вплетаясь в лад строки,
летят... Летят туда, где в такт шагам шахтеров
качаются, плывут, мерцают огоньки.

Донетчина моя, отчизна, мать героев,
твоих заводов дым как стяг в моих глазах.
Ты сделала меня поэтом в гуле боя,
чтоб навсегда тебя прославил я в стихах.

Донетчина моя, любимая, родная,
тебе все чувства я, всю жизнь отдать готов!
И снова, как дитя, к тебе я приникаю,
чтобы набраться сил для жизни и трудов.

1952

* * *

Юность — друг чернобровый,—
все поляны в цвету,
я тебя на кленовом
все ж догнал на мосту.

И невиданным светом
ты мне душу зажгла.
Хорошо, что ко мне ты
в гости с песней пришла.

1957

ИЛЬЯ СЕЛЬВИНСКИЙ
(1899—1968)

К ВОПРОСУ О РУССКОЙ РЕЧИ

Я говорю: «пошел», «бродил»,
А ты: «пошла», «бродила».
И вдруг как будто веяньем крыл
Меня осенило!

С тех пор прийти в себя не могу...
Все правильно, конечно,
Но этим «ла» ты на каждом шагу
Подчеркивала: «Я — женщина!»

Мы, помню, вместе шли тогда
До самого вокзала,
И ты без малейшей краски стыда
Опять: «пошла», «сказала».

Идешь, с наивностью чистоты
По-женски все спрягая.
И показалось мне, что ты —
Как статуя — нагая.

Ты лепетала. Рядом шла.
Смеялась и дышала.
А я... я слышал только: «ла»,
«Аяла», «ала», «яла»...

И я влюбился в глаголы твои,
А с ними в косы, плечи!
Как вы поймете без любви
Всю прелесть русской речи?

1920

ОХОТА НА ТИГРА

1

В рыжем лесу звериный рев:
Олень окликает коров,
Другой с коронованной головой
Отзывается воем на вой —
И вот сквозь кусты и через ручьи
На поединок летят рогачи.

2

Важенка робко стоит бочком
За венценосным быком.
Его плечи и грудь покрывает грязь
Измазав чалый окрас,
И он, оскорбляя соперника басом,
Дует в ноздри и водит глазом.

И тот выходит, огромный, как лось,
Шею вдвое напруживая.
До третьих сучьев поразрослось
Каменное оружие.
Он грезит о ней,
о единственной,
той!
Глаза залиты кровавой мечтой.

4

В такие дни, не чуя ног,
Иди в росе по колени,
В такие дни бери манок,
Таящий голос оленя,
И, лад
его
добросовестно зу́бря,
Воинственной песнью мани изюбря.

5

Так и было. Костром начадив,
Засели в кустарнике на ночь
Охотник из гольдов, я и начдив,
Некто Игорь Иваныч.
Мы слушали тьму. Но забрезжил рассвет,
А почему-то изюбрей нет.

6

Охотник дунул. (Эс.) Тишина.
Дунул еще. Тишина.
Без отзыва по лесам неслась
Искусственная страсть.
Что ж, он оглох, этот каверзный лес-то?
Думали — уж не менять ли место.

И вдруг вдалеке отозвался рев.
(В уши ударила кровь...)
Мы снова — он ближе. Он там. Он тут —
Прямо на наш редут.
Нет сомненья: на дудошный зык
Шел великолепный бык.

8

Небо уже голубело вовсю.
Было светло в лесу.
Трубя по тропам звериных аллей,
Сейчас
на нас
налетит
олень...
Сидим — не дышим. Наизготовке
Три винтовки.

9

И вдруг меж корней — в травяном горизонтце
Вспыхнула призраком вихря
Золотая. Закатная. Усатая, как солнце,
Жаркая морда тигра!
Полный балдеж во блаженном успеньи —
Даже... выстрелить не успели.

10—11

Олени для нас потускнели вмиг.
Мы шли по следам напрямик.
Пройдя километр, осели в кустах.
Час оставались так.
Когда ж тишком уползали в ров,
Снова слышим изюбревый рев —
И мы увидали нашего тигра!
В оранжевый за лето выгоря,
Расписанный чернью, по золоту сед,
Драконом, покинувшим храм,
Хребтом повторяя горный хребет,
Спускался он по горам.

12

Порой остановится, взглянет грустно,
Раздраженно дернет хвостом,
И снова его невесомая грузность
Движется сопками в небе пустом.
Рябясь от ветра, ленивый, как знамя,
Он медленно шел на сближение с нами.

13

Это ему от жителей мирных
Красные тряпочки меж ветвей,
Это его в буддийских кумирнях
Славят, как бога: Шан—
Жен—
Мет—
Вэй!
Это он, по преданью, огнем дымящий,
Был полководцем китайских династий.

14

Громкие галки над ним летали,
Как черные ноты рычанья его.
Он был пожилым, но не стар летами —
Ужель ему падать уже на стерво?
Увы — все живое швыряет взапуск
Пороховой тигриный запах.

15

Он шел по склону военным шагом,
Все плечо выдвигая вперед;
Он шел, высматривая по оврагам,
Где какой олений народ —
И в голубые струны усов
Ловко цедил... изюбревый зов.

16

Милый! Умница! Он был охотник:
Он применял, как и мы, манок.
Рогатые дурни в десятках и сотнях
Летели скрестить клинок о клинок,
А он, подвывая с картавостью слабой,
Целился пятизарядной лапой.

17

Как ему, бедному, было тяжко!
Как он, должно быть, страдал, рыча:
Иметь. Во рту. Призыв. Рогача —
И не иметь в клыках его ляжки.
Пожалуй, издавши изюбревый зык,
Он первое время хватал свой язык.

18

Так, вероятно, китайский монах,
Косу свою лаская, как девичью,
Стонет...
Но гольд вынимает манок.
Теперь он суровей, чем давеча.
Гольд выдувает возглас оленя,
Тигр глянул — и нет умиленья.

19

С минуту насквозь прожигали меня
Два золотых огня...
Но вскинул винтовку товарищ Игорь,
И вот уже мушка села под глаз,
Ахнуло эхо! — секунда — и тигр
Нехотя повалился в грязь.

20

Но миг — и он снова пред нами, как миф,
Раскатом нас огромив,
И вслед за октавой, глубокой, как Гендель
Харкнув на нас горячо,
Он ушел в туман. Величавой легендой.
С красной лентой. Через плечо.

Владивосток, 1932

ПОЭЗИЯ

Поэзия! Не шутки ради
Над рифмой бьешься взаперти,
Как это делают в шараде,
Чтоб только время провести.

Поэзия! Не ради славы,
Чью верность трудно уберечь,
Ты утверждаешь величаво
Свою взволнованную речь.

Зачем же нужно так и этак
В строке переставлять слова?
Ведь не затем, чтоб напоследок
Чуть-чуть кружилась голова?

Нет! Горизонты не такие
В глубинах слова я постиг:
Свободы грозная стихия
Из муки выплеснула стих!

Вот почему он жил в народе.
И он вовеки не умрет
До той поры, пока в природе
Людской не прекратится род.

Бывают строфы из жемчужин,
Но их недолго мы храним:
Тогда лишь стих народу нужен
Когда и дышит вместе с ним!

Он шел с толпой на баррикады.
Его ссылали, как борца.
Он звал рабочие бригады
На штурмы Зимнего дворца.

И вновь над ним шумят знамена
И, вырастая под огнем,
Он окликает поименно
Бойцов, тоскующих о нем.

Поэзия! Ты — служба крови!
Так перелей себя в других
Во имя жизни и здоровья
Твоих сограждан дорогих.

Пускай им грезится победа
В пылу труда, в дыму войны.
И ходит
в жилах
мощь
поэта,
Неся дыхание волны.

Действующая армия, 1941

ИЗ ЦИКЛА «АЛИСА»

ЭТЮД 5

Я часто думаю: красивая ли ты?
Не знаю, но краса с тобою не сравнится!
В тебе есть то, что выше красоты,
Что лишь угадывается и снится.

ЭТЮД 10

Пять миллионов душ в Москве,
И где-то меж ними одна.
Площадь. Парк. Улица. Сквер.
Она?
Нет, не она.
Сколько почтамтов! Сколько аптек!
И всюду люди, народ...
Пять миллионов в Москве человек.
Кто ее тут найдет?

Случай! Ты был мне всегда как брат.
Еще хоть раз помоги!
Сретенка. Трубная. Пушкин. Арбат.
Шаги, шаги, шаги.

Иду, шепчу колдовские слова,
Магические, как встарь.
Отдай мне ее! Ты слышишь, Москва?
Выброс, как море янтарь!

ЭТЮД 13

Имя твое шепчу неустанно,
Шепчу неустанно имя твое.
Магнитной волной через воды и страны
Летит иностранное имя твое.

Быть может, Алиса, за чашкою кофе
Сидишь ты в кругу веселых людей,
А я всей болью дымящейся крови
Тяну твою душу, как чародей.

И вдруг изумленно бледнеют лица:
Все тот же камин. Электрический свет.
Синяя чашка еще дымится,
А человека за нею нет...

Ты снова со мной.
За строфою-решеткой,
Как будто бы я с колдунами знаком,
Не облик, не образ, а явственно, четко
Дыханье, пахнущее молоком.

Теперь ты навеки со мной, недотрога!
Постигнет ли твой Болеслав или Стах,
Что ты не придешь? Ты осталась в стихах

Для жизни мало, для смерти много.

ЭТЮД 14

Так и буду жить. Один меж прочих.
А со мной отныне на года
Вечное круженье этих строчек
И глухонемое «никогда».

МИШШИ СЕСПЕЛЬ

(1899—1922)

С чувашского

* * *

Далеко в поле желтый зной
Играет с нивой золотой:
То хлынет на нее волной,
То пронесется стороной...
Нет, то не зной в высокой ржи,
То радость в солнечный зенит
Рванулась прямо из души
И, как струна, звенит, звенит...
Душа запела! Что же с ней —
Красавицу ль увидел я,
Иль небо стало вдруг синей?

Нет...
Ожила земля моя!
В леса, в поля и в каждый лог,
В село и в каждую избу
Дыханье новое вошло
И новую сулит судьбу.
Как не звенеть душе моей?
В ней гусли, жаворонки в ней.
Как сердцу скажешь: «Не гори»?
В нем солнца жар, в нем свет зари.
О свежий ветер!
Вей смелей
И будоражь чувашский край!
Былое горе в прах развей,
Вдохни отвагу, силу дай.
Ты, сердце, пой бодрей, играй!
Пусть в жилах кровь горит огнем,
Как зной над нивой жарким днем!
Гори, как солнце, кровь, пылай!
Во мне стучит мильон сердец.
Я не один. Я сам — мильон,
Мильон чувашей,— я певец.
Мильоном стих мой повторен!

1921

ПАЙРАВ СУЛАЙМОНИ

(1899—1933)

С таджикского

ПЕРО МОЕ

Создатель моего творенья — перо мое,
Наперсник верный откровенья — перо мое.

Я разума и сердца тайны ему открыл.
Мой друг в порывах вдохновенья — перо мое.

Пока Вселенная не рухнет — я не умру,
Не станешь ты добычей тленья, перо мое.

Пускай, сойдя во мрак могильный, умолкну я,
Меня спасешь ты от забвенья, перо мое.

Молчанье — это смерть, но в песне я буду жить.
Ты дышишь в звуках песнопенья, перо мое.

Копьем пишу, кинжалом острым,— враг, берегись!
Тебя пронзит без сожаленья перо мое.

Каламов алых я соратник и ученик.
Ты сердца моего биенье, перо мое!

Бухара, 1920

ПОКА ТЫ СО МНОЙ

Не страшен мир, земной и небесный, ведь ты со мной:
ты — судьба!
Но искре солнца нет дел до тусклой пыли земной, о судьба!
У преданных воле твоей ни рассудка, ни трезвости нет.
Безумцы лишились всего и пленились тобой: ты судьба!
Нет кубка, что в честь не наполнят твою до самых краев.
Рубашки свои разорвали от страсти хмельной, о судьба!
Надежда, терпенье — вот зелье целебное тем, кто влюблен.

Пылинку возьмет у тебя и прозреет слепой, о судьба!
Не каждый влюблен, кто без смысла твердит и твердит
о любви.
Не каждый наденет наряд этой страсти святой, о судьба!
Невеждам скажите, что Хызра источник нигде не найдут.
Чистейшая влага вина — это холод и зной, о судьба!
Твои убежденья, аскет, лишь нелепость и вздор, — ты пойми,
Что ищешь на небе — хранится землею одной, о судьба!
Доколе ты будешь, скажи, нам любовь и вино запрещать?
Пайрав — ценитель вина! Что опий? Лишь горький настой,
о судьба!

Бухара, 1921

АЛЕКСЕЙ СУРКОВ

(Род. в 1899 г.)

ГЕРОЙ

Каюсь. Музу мою невзлюбила экзотика.
Не воспитанный с детства в охотничьих играх,
Мой герой не ходил за Чукотку на котика
И не целился в глаз полосатого тигра.

И норд-ост не трепал его пышные волосы
Под оранжевым парусом легкой шаланды.
Он не шел открывать неоткрытые полюсы,
Не скрывал по ущельям тюки контрабанды.

Словом — личность по части экзотики куцая,
Для цветистых стихов приспособлена плохо.
Он ходил в рядовых при большой революции,
Подпирая плечом боевую эпоху.

Сыпняками, тревогами, вошью изглоданный,
По дорогам войны, от Читы до Донбасса,
Он ходил — мировой революции подданный,
Безыменный гвардеец восставшего класса.

Он учился в огне, под знаменами рваными,
В боевой суматохе походных становий,
Чтобы, строя заводы, орудуя планами,
И винтовку и сердце держать наготове.

И совсем не беда, что густая романтика
Не жила в этом жестком, натруженном теле
Он мне дорог от сердца до красного бантика
До помятой звезды на армейской шинели.

1929

КОНАРМЕЙСКАЯ ПЕСНЯ

По военной дороге
Шел в грозе и тревоге
Боевой восемнадцатый год.
Были сборы недолги,
От Кубани и Волги
Мы коней поднимали в поход.

Среди зноя и пыли
Мы с Буденным ходили
На рысях на большие дела.
По курганам горбатым,
По речным перекатам
Наша громкая слава прошла.

На Дону и в Замостье
Тлеют белые кости.
Над костями шумят ветерки.
Помнят псы-атаманы,
Помнят польские паны
Конармейские наши клинки.

Если в край наш спокойный
Хлынут новые войны
Проливным пулеметным дождем,—
По дорогам знакомым
За любимым наркомом
Мы коней боевых поведем.

1935

ПЕСНЯ СМЕЛЫХ

Стелются черные тучи,
Молнии в небе снуют,
В облаке пыли летучей
Трубы тревогу поют.
С бандой фашистов сразиться
Смелых отчизна зовет.
Смелого пуля боится,
Смелого штык не берет.

Ринулись ввысь самолеты,
Двинулся танковый строй,
С песней пехотные роты
Вышли за родину в бой.
Песня — крылатая птица —
Смелых скликает в поход.
Смелого пуля боится,
Смелого штык не берет.

Славой бессмертной покроем
В битвах свои имена.
Только отважным героям
Радость победы дана.
Смелый к победе стремится,
Смелым дорога вперед.
Смелого пуля боится,
Смелого штык не берет.

22 июня 1941 г.

* * *

Человек склонился над водой
И увидел вдруг, что он седой.
Человеку было двадцать лет.
Над лесным ручьем он дал обет:
Беспощадно, яростно казнить
Тех убийц, что рвутся на восток.
Кто его посмеет обвинить,
Если будет он в бою жесток?

Западный фронт, 1941

* * *

Вот бомбами разметанная гать,
Подбитых танков черная стена.
От этой гати покатилась вспять
Немецкая железная волна.

Здесь втоптаны в сугробы, в целину
Стальные каски, плоские штыки.
Отсюда, в первый раз за всю войну,
Вперед, на запад, хлынули полки.

Мы в песнях для потомства сбережем
Названья тех сгоревших деревень,
Где за последним горьким рубежом
Кончалась ночь и начинался день.

Под Москвой, 1941

* * *

Софье Кревс

Бьется в тесной печурке огонь.
На поленьях смола, как слеза,
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.

Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтобы слышала ты,
Как тоскует мой голос живой.

Ты сейчас далеко-далеко.
Между нами снега и снега.
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти — четыре шага.

Пой, гармоника, вьюге назло,
Заплутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
От моей негасимой любви.

1941

ПРЕДЧУВСТВИЕ ВЕСНЫ

Видно, уж нам дорога такая —
Жить на земле от войны к войне.
Плещет речушка, у ног протекая,
Ласточки гнезда вьют на стене.

В золоте полдня сосен верхушки,
Солнца звенящего — край непочат.
А из-за леса тяжелые пушки,
Не уставая, кричат и кричат.

Кто запретит в этот полдень кричать им?
Что им до радостной боли зерна?
Им ведь не слышно, что вешним зачатьем
Каждая травка напряжена.

Пусть с тишиной наши судьбы в разладе,
Мы не хотим под ярмом одичать.
Ради цветенья и радости ради
Мы заставляем железо кричать.

Пусть наше время жестоко и дико,—
Вытерпи! Землю ногтями не рви.
Мы для детей из железного крика
Выплавим светлую песню любви.

Западный фронт, 1942

ПОРА!

Сгущаются ночные тени.
Не сесть и не разжечь костра.
В душе обида поражений
Еще свежа, еще остра.

Мы слишком долго отступали
Сквозь этот черный, страшный год.
И кровь друзей, что в битвах пали,
Сердца стыдом и болью жжет.

Путем от Прута и от Буга
Нас на восток гнала гроза.
Ну как мы взглянем друг на друга?
Как глянем родине в глаза?

На всем пути дымятся хаты,
На всех полях войны печать.
Что ж мы молчим? Ведь мы солдаты.
Нам надо кровью отвечать.

Пора! Уже в донских станицах
Враги пытают нашу честь.
Ведь порох есть в пороховницах,
И ярость есть, и сила есть.

За то, что нам всего дороже,
За боль и горечь всех скорбей,
Рукой, не ведающей дрожи,
Ты малодушного убей.

Пора! Бестрепетно и смело
Пойдем вперед сквозь кровь и дым
И Ленина святое дело
На поруганье не дадим.

На Дону, 1942

* * *

Видно, выписал писарь мне дальний билет,
Отправляя впервой на войну.
На четвертой войне, с восемнадцати лет,
Я солдатскую лямку тяну.
Череда лихолетий текла надо мной,
От полночных пожаров красна.
Не видал я, как юность прошла стороной,
Как легла на виски седина.
И от пуль невредим, и жарой не палим,
Прохожу я по кромке огня.
Видно, мать непомерным страданьем своим
Откупила у смерти меня.
Испытало нас время свинцом и огнем.
Стали нервы железу под стать.
Победим. И вернемся. И радость вернем.

И сумеем за все наверстать.
Неспроста к нам приходят неясные сны
Про счастливый и солнечный край.
После долгих ненастий недружной весны
Ждет и нас ослепительный май.

Под Ржевом, 1942

УТРО В ОКОПЕ

Когда по окопам прошла перекличка,
Когда мы за чаем беседу вели,
Порхнула хохлатая серая птичка
Над кромкой ничьей, одичалой земли.

На ближней раките листву колыхнула,
И отзвуком прежних, спокойных времен
Над полем, оглохшим от грома и гула,
Рассыпался тихий, серебряный звон.

Просторно вдохнули солдатские груди
Весеннего воздуха влажную прель.
Сердцами и слухом окопные люди
Ловили нежданную, чистую трель.

И самый старейший из нашего круга
Сказал, завивая махорочный дым:
— Вот тоже, не бог весть какая пичуга,
А как заливается! Рада своим.

Москва, 1943

УТРО ПОБЕДЫ

Где трава от росы и от крови сырая,
Где зрачки пулеметов свирепо глядят,
В полный рост, над окопом переднего края,
Поднялся победитель-солдат.

Сердце билось о ребра прерывисто, часто.
Тишина... Тишина... Не во сне — наяву.
И сказал пехотинец: — Отмаялись! Баста!
И приметил подснежник во рву.

И в душе, тосковавшей по свету и ласке,
Ожил радости прежний певучий поток.
И нагнулся солдат и к простреленной каске
Осторожно приладил цветок.

Снова ожили в памяти были живые —
Подмосковье в снегах и в огне Сталинград.
За четыре немыслимых года впервые,
Как ребенок, заплакал солдат.

Так стоял пехотинец, смеясь и рыдая,
Сапогом попирая колючий плетень.
За плечами пылала заря молодая,
Предвещая солнечный день.

1945

ВОЗВЫСЬТЕ ГОЛОС, ЧЕСТНЫЕ ЛЮДИ!

Над лесом ранняя осень простерла
Крыло холодной зари.
Гнев огненным комом стоит у горла
И требует:
— Говори!
Приспело время, гневной и горькой,
Взять правде свои права.
В Париже, в Лондоне, в Нью-Йорке
Пусть слышат эти слова.
Еще поля лежат в запустенье,
Не высохли слезы вдов,
А землю опять накрывают тени
Одетых в траур годов.
Словесный лом атлантических хартий
Гниет на дне сундука.
И снова жадно шарит по карте
В стальной перчатке рука.
С трибун лицемеры клянут захваты,
Сулят и мир и любовь.
Но после войны ушли в дипломаты
Начальники их штабов.
И возлюбили их генералы
В посольских дворцах уют.
Пейзажи Камчатки, Баку, Урала
Опять им спать не дают.

Запасы атомных бомб в избытке
Расставлены напоказ.
И головы подняли недобитки
Восточных и северных рас.
Все злее становятся и наглее
Писанья ученой тли,
Чьи предки замучили Галилея,
Джордано Бруно сожгли.
И ложь нависает смрадным туманом
У мира над головой.
И слышен все громче за океаном
Вчерашний берлинский вой.
С холопским усердием лжец ретивый
Анафеме предает
Тебя, героический, миролюбивый,
Родной советский народ.
Когда из пепла, руин и разора
Свой дом поднимаешь ты,
Тебя клеймит стоязыкая свора
Потоками клеветы.
И мы этот сдобренный словом божьим
Горячечный, злобный бред
Оставить на совести их не можем —
У них ведь совести нет,
И не на что ставить пробу и пломбы..
Они от своих щедрот
Пихают кукиш атомной бомбы
Голодной Европе в рот.
Бряцая оружием, сея страхи,
Грозя растоптать и сжечь,
Они под шумок сдирают рубахи
У ближних с костлявых плеч.
Шантаж называя долгом высоким,
Обман громоздя на обман,
Они выжимают последние соки
Из обескровленных стран.
Приятно щекочет их обоняньe
Кровавый запах войны...
Но на крушенье их планы заранее
Историей обречены.
Недавней войны кровавая рана
Не даст нам беду проспать.
И в недрах земли не хватит урана,
Чтоб двинуть историю вспять.

Я вижу над их бесславным закатом
Свободных народов суд.
Ни доллар, ни ложь, ни разбуженный атом
От кары их не спасут.
Пока не взревели глотки орудий
И стены не пали ниц,
Возвысьте голос, честные люди,
Сорвите маски с убийц!

1947

ЮХАН СЮТИСТЕ

(1899—1945)

С эстонского

ЧИТАЯ ПУШКИНА

1

Ворота настежь пред тобою,
ведут в минувший век, назад.
Вокруг сверкает желтизною
октябрьского дня наряд.

Над сжатым полем воздух скован,
лес охватила немота,
и землю Севера сурово
пронизывают холода.

Сквозь снегопад равнин России
здесь солнце низкое встает.
Ныряет в тучи снеговые
и в бесконечность путь ведет.

Лишь промелькнет село порою
да купола издалека.
А песня, споря с тишиною,
подбадривает ямщика.

Ты ширью дышишь, мчатся быстро
немая боль и радость вслед.
То похвала сверкнет, как искра,
то вновь тускнеет мысли свет.

Равнину застят ночи тени,
и вихри взметены уже,—
как тайной силы порожденье
видения в твоей душе.

Горят глаза во мгле метели,
голодный волк бредет в снегах.
Свеча мерцает в бедной келье,
где судит власть царей монах.

Не видно месяца в тумане.
Умолкла песня ямщика.
Заносит снег коней и сани,
ночь, как могила, глубока.

И над пустынною землею,
из глубины веков идя,
то вьюга в тучах зверем воет,
то жалуется, как дитя.

Поник ямщик, затрясся весь он,
не успевая грудь крестить,
но пробужденных вьюгой бесов
заклятьями не усыпить.

2

Цыгане в таборе молдавском —
здесь и злодейство и любовь.
И пушек гром в бою Полтавском
внезапно слышится мне вновь.

Над волжской далью серебристой
чернеет корабля крыло.
Даль сделалась чудесно близкой,
прозрачно время, как стекло.

То месть Дубровского взметенным
пожаром будит сонный мир,
то шелестит мечтой влюбленной
текущий в ночь Гвадалквивир.

Потом встает Урал мятежный,
летит лавина казаков.
Киргиза тень в степи безбрежной
крадется по следам врагов.

Проспекты в толпах, спешка та же,
в угарных залах пьяный крик,
но смотрит в облачную тяжесть
Петрополя суровый лик.

Становится угрюмым, черным
залив, изогнутый дугой.
Неистовым подхвачен штормом,
на берег рушится прибой.

Тогда, дробя куски гранита,
Нева ломает парапет.
Встал Медный всадник, мчат копыта
прибою наводненья вслед.

И сквозь удары ветровые
поэта голос над волной:
«Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной...»

И ветер, туч несущий стаи,
угомонился и исчез.
За мельницей туманы тают,
и след саней скрывает лес.

Дрожь по опушкам пробежала,
бьет выстрел пламенем в глаза...
В тот миг морозами сковало
взмах водяного колеса.

3

Все, что и дорого и свято,
предать забвенью век не смел.
Любовь, свобода, волн раскаты —
для них и время не предел.

Ведь гений торжество живого
своим запечатлел трудом.
К сердцам причаливает слово
и продолжает путь, как гром.

Лавину напряженье рушит
и потрясает горный склон.
Блажен, кто, вглядываясь в душу,
сквозь тьму провидит ход времен.

И что гнетущей ложью было,
истлело, рухнуло сейчас.
Страна в расцвете новой силы
из праха гордо поднялась.

Но в чистых волнах грязь таится
и с желчью смешана любовь:
Гвадалквивир в огне струится,
там снова льется братьев кровь.

Молчанье Севера над нами,
февраль морозами объят.
И день свое раскинул пламя,
деревья в инее до пят.

Уходит в вечность, плавно тая,
столбом дыханья серый дым.
От солнца радость золотая,
твоя душа живет земным.

Порыв стремительно, и круто,
и властно тянет за собой,—
как будто создан мир в минуту
бессмертной гения строкой.

Ты, этой подчиняясь власти,
охвачен творческим трудом.
Хоть может быть недолгим счастье
до сна в безмолвье снеговом.

Познав природу, вдохновенье,
мир принимая сердцем всем,
ты знаешь, что к борьбе стремленье
и есть бессмертие поэм!

⟨1937⟩

ИЗ ЦИКЛА «ЛЮБОВЬ»

* * *

Пора проснуться! Слов слабеет сила,
неволя гасит мысли в голове.
Когда я начал, со щита светила
одна любовь. Теперь их стало две.

И первая — головка золотая,
единственная — вдохновляла стих,
со мною шла во тьме, не угасая,
когда я был отторгнут от живых.

Вторая — жизнь народа, все былое,
грядущее зажгла в моей крови.
Теперь со мной сияние двойное —
родные сестры, близнецы любви.

Одна меняется с моей судьбою,
другой в стихах дано бессмертье мною.

1943—1945

НИКОЛАЙ УШАКОВ
(1899—1973)

ФРУКТОВАЯ ВЕСНА ПРЕДМЕСТИЙ

Разъезд,
товарная,
таможня...
И убегает под откос
за будкой железнодорожной
в дыму весеннем абрикос,
еще не зелен,
только розов.

И здесь,
над выдохом свистков,
над жарким вздохом паровозов,
воздушный холод лепестков.

В депо трезвон
и гром починок,
а в решето больших окон
прозрачным золотом тычинок
дымится розовый циклон.

И на извозчичьем дворе
хомут и вожжи на заборе
в густом и нежном серебре,
как утопающие в море.
В депо,
в конюшни
и дома
летит фруктовое цветенье.

И сходят лошади с ума
от легкого прикосновенья.

1926

МОСКОВСКАЯ ТРАНЖИРОЧКА

1

Зима любви на выручку —
рысак косит,
и — ах! —
московская транжирочка
на легких голубках
замоскворецкой волости.

Стеклянный пепел зим
стряхни с косматой полости
и — прямо в магазин.

Французская кондитерша,
скворцам картавя в лад,
приносит,
столик вытерши,
жемчужный шоколад.

И губы в гоголь-моголе,
и говорит сосед:
— Транжирочка,
не много ли? —
И снова
снег
и свет.

2

А дед кусать привык усы,
он ходит взад-вперед:
иконы,
свечи,
фикусы —
густая дрожь берет.

Он встретил их как водится,
сведя перо бровей,
и машет богородицей
над женихом
и ей.

Короновали сразу их,
идет глухая прочь
над пухом
и лабазами
купеческая ночь.

3

Меж тем за антресолями
и выстрелы
и тьма:
крутою солью солена
московская зима.

Бескормицей встревоженный
и ходом декабря,
над сивою Остоженкой
вороний продотряд.

Под ватниками курятся
в палатах ледяных
сыпного
и recurrens'а[1]
грязца
и прелый дых.

За стройками амбарными
у фосфорной реки
в снегах
чусоснабармами
гремят грузовики.

Метелица не ленится
пригреть советский люд,
и по субботам ленинцы
в поленницах
поют.

4

Московская транжирочка,
хрустя крутым снежком,
спешит своим на выручку,
пешком,
пешком,
пешком.

На площади у Губчека
стоит чекист один.
— Освободите купчика,
хороший господин!

Захлопали,
затопали
на площади тогда:
— Уже в Константинополе
былые господа.

---

[1] Recurrens — возвратный тиф (*лат.*).

А там нарпит и дом
ищи;
и каждый день знаком —
каретой «скорой помощи»,
встревоженным звонком,
и кофточками старыми,
и сборами в кино,
случайными татарами,
стучащими в окно.
Вчерашним чаем,
лицами
сквозь папиросный дым,
и...
наконец, милицией
над пузырьком пустым.

1927

МАСТЕРСТВО

Пока владеют формой руки,
пока твой опыт
не иссяк,
на яростном гончарном круге
верти вселенной
так
и сяк.
Мир незакончен
и неточен,—
поставь его на пьедестал
и надавай ему пощечин,
чтоб он из глины
мыслью стал

1935

ПАСТОРАЛЬ

Ах, уж эти мне дворяне!
Ах, уж эти короли! —
Девочку мою
в Руане
осудили
и сожгли.

Эти башни!.. Эти пушки!..
Ах, зачем, зачем, зачем
маленькой
моей простушке
шел
ее железный шлем.

Я был тоже юн и ловок,
тоже не в палатах рос.
Мы пасли бы
с ней коровок,
с ней
возили бы навоз.

Жизнь до самого скончанья
мы бы мирно провели.
К сожаленью,
англичане
козочку
мою сожгли.

1963

ПОЭЗИЯ

Ножничками черными своими
подстригала
ласточка траву
и меня спросила:
— Ваше имя?
Своего
я вам
не назову.

По всему за ней бежал я миру;
не нагнал,
но это — ничего:
полетела
ласточка к Шекспиру,—
жду,
когда
вернется от него.

1968

СТЕПАН ЩИПАЧЕВ

(Род. в 1899 г.)

* * *

Любовью дорожить умейте,
с годами дорожить вдвойне.
Любовь не вздохи на скамейке
и не прогулки при луне.
Все будет: слякоть и пороша.
Ведь вместе надо жизнь прожить
Любовь с хорошей песней схожа
а песню не легко сложить.

1939

* * *

Пускай умру, пускай летят года,
пускай я прахом стану навсегда.

Полями девушка пойдет босая.
Я встрепенусь, превозмогая тлен,
горячей пылью ног ее касаясь,
ромашкою пропахших до колен.

1940

СОЛОВЕЙ

Марии Петровых

Где березняк, рябой и редкий,
где тает дымка лозняка,
он, серенький, сидит на ветке
и держит в клюве червяка.

Но это он, простой, невзрачный,
озябший ночью от росы,
заворожит поселок дачный
у пригородной полосы.

1940

* * *

Как хочешь это назови.
Друг другу стали мы дороже,
заботливей, нежней в любви,
но почему я так тревожен?
Стал придавать значенье снам,
порой задумаюсь, мрачнея...
Уж, видно,— чем любовь сильнее,
тем за нее страшнее нам.

1944

* * *

Ты со мной — и каждый миг мне дорог.
Может, впереди у нас года,
но придет разлука, за которой
не бывает встречи никогда.
Только звезды в чей-то час свиданья
будут так же лить свой тихий свет.
Где тогда в холодном мирозданье,
милый друг, я отыщу твой след?

1944

* * *

Ты порой целуешь ту, порою — эту
в папиросном голубом дыму.
Может быть, в упреках толку нету,
да читать мораль и не к лицу поэту,—
только страшно стариться тому,
кто любовь, как мелкую монету,
раздавал, не зная сам кому.

1944

СОСЕДКА

Я да соседка за стеной,
во всей квартире — только двое,
а ветер в поздний час ночной
то вдруг засвищет, то завоет.

Вот в комнате моей, вздохнув,
он ищет в темноте опору,
он ходит, двери распахнув,
по кухне и по коридору,
он звонкую посуду бьет
и створкой хлопает, задорен.
Соседка, слышу я, встает,
в испуге голос подает,—
и вот — мы оба в коридоре.
И я не знаю (все жилье
насквозь пробрало сквозняками),
как руки теплые ее
с моими встретились руками.
В продутой ветром темноте
она легка, полуодета.
Где дверь на кухню? Створка где?
Стоим, не зажигая света.
А ветер, северный, седой,
шумит, свистит в подзвездном мире,
и мы с соседкой молодой
в такую ночь одни в квартире.

1944

* * *

Себя не видят синие просторы,
и, в вечном холоде, светлы, чисты,
себя не видят снеговые горы,
цветок своей не видит красоты.

И сладко знать, идешь ли ты лесами
спускаешься ли горною тропой:
твоими ненасытными глазами
природа восхищается собой.

1945

К Л Ю Ч

Где к скалам жмутся тени,
как овцы от жары,
он вырвался, весь в пене,
из каменной горы.

Бежит — дитя природы —
студеный ключ в сады,
в поля и огороды,
и сладок звук воды.
Спроси туркмена: так ли?
Чтоб знал удачу труд,
глубокий ключ до капли
в колхозах разберут.
Ячмень, поспевший к сроку,
колышется, усат,
и тень через дорогу
кладет широкий сад.
Земля жаре не рада,
суха и горяча,
но в гроздьях винограда
есть холодок ключа.
Ничто не помешает,
дорога далека:
он путь свой продолжает
в прожилках стебелька.

1948

ГОЛОС

Порой мне кажется:
тихи
в наш громкий век
мои стихи.

Но были б громче —
вдвое, втрое —
перекричишь ли
грохот строек?

Пускай иным не угодишь,
во мне уверенность все та же:
кричать не надо.
Если даже
ты с целым миром говоришь.

1962

ДЕНЬ

Отчеканенный моей страной,
день, как звонкая монета, золот.
Солнца лик — на стороне одной,
на другой — сияют серп и молот.

Я хочу, чтоб труд мой стоил
золотого прожитого дня.
Их ведь не без счету у меня:
можно ли их тратить на пустое!

Август 1963 г.

ЗРЕНИЕ

Известно не только якутам,
откуда зима идет.
В метели, в бураны укутан
Памир у звездных ворот.
На дальней какой-то планете,
где вряд ли гадают о нас,
и там по-земному ветер
снежком обдувает наст.

Немыслимым было когда-то
увидеть незримого лик.
Ничтожней ничтожного атом
и, как мирозданье, велик.
Все зорче становится зренье.
Когда-нибудь лягут следы
от капли на ветке сирени
до самой туманной звезды.

Март 1964 г.

ОВЕС

От ночной росы,
от холодных звезд
в холодном поту
проснулся овес.

Прозрачные
утренние небеса
коснулись
шершавых бровей
овса.

Ему с кукурузой дружить
и к пшенице
белокурым чубом
клониться.

Пускай он ростом
с ними
не вровень,
он налит силой,
он дышит здоровьем.

Он ходит под ветром,
взъерошен, белес —
с глазами детскими
Геркулес.

Недаром к нему,
чтоб задор не погас,
тянется лошадка моя
Пегас.

Май 1964 г.

ИЗБА

Александру Яшину

Изба как изба — над крышей труба.

Приметою
древнего быта
глядит тупорыло корыто.
Тяжелые чугуны
от сажи и дыма черны.

И, недосыпая ночи,
их надо ухватом ворочать.
Расписаны ставни; бревенчаты стены.
Невзрачен над крышею крестик антенны,
но в тесной избе с голубого экрана
шумят океаны, волнуются страны,
мелькают знамена, горнисты трубят...
Изба и такою узнала себя.
Ей старое снится, ей новое снится.
Стоит телевизор под самой божницей.

Февраль 1965 г.

ВЫСОТА

Какого мненья о себе
прославленный Казбек?
Высокомерен ли Эльбрус?
Судить я не берусь.
Когда они туманы пьют
из звездного ковша,
вдруг прозревая, жизнь свою
читают не спеша.
Холодной вечности сродни
стоят, и суть проста:
такими не были б они
без горного хребта,
когда бы их не поднял он
под купол голубой,
раздвинув смутный горизонт,
не подпирал собой...
Понять ли самому хребту,
как в смысл ни погружен,
вершин (своих же) высоту,
где воздух разрежён,
где холоду искриться днем,
где ночью спать звезде,
что судят на земле о нем
по этой высоте.

25 февраля 1969 г.

ОБРАЩЕНИЕ К ВРЕМЕНИ

Ах, время, помедли, помедли!
Я знаю, куда я влеком,
а ты вокруг солнца петли
кладешь и кладешь венком.
Не счесть на земле рассветов,
закатов, что будут на ней...
Ах, время! Дай мудрых советов
и неторопливых дней!

8—9 марта 1969 г.

ВЗГЛЯНУВ НА ЧАСЫ

Будущее! Ты перед глазами моими.
Зульфия

Тот вечер даже для мечты далек.
Но вижу через даты все и сроки:
над книгою склонился паренек,
не правнук, нет,— потомок мой далекий.
Историю штудирует юнец,
то, что в веках минувших отшумело.
Тот шрифт для школьника, возможно, мелок,
но в нем огонь таится и свинец.
В нем отвердели шелестом сады,
побед народных проступают клики
и просочился алый цвет звезды,
что в мир принес Семнадцатый великий.
Поэтов вижу. Пусть не многих чтут,
пусть, как сегодня, кто-то любит позу,—
они кибернетическому мозгу
слова бессмертных муз не отдадут.
Язык обрел всечеловечный дар:
будь это в речи будничной, в хорале,
в него, как пчелы со цветов нектар,
народы лучшие слова собрали.
В той дали дальней дорогие мне,
как сквозь туман, мечта являет лица...
Часы. Они привычны на стене.
Как долго час на циферблате длится!

Сентябрь 1974 г.

АДЕЛИНА АДАЛИС
(1900—1969)

* * *

Все ближе горы понемногу,
Все глуше улицы слышны...
Ложатся тени на дорогу
Под первой четвертью луны.
«Доверься мне,— поет природа,—
И погляди по сторонам:
Вот молодое время года
Вновь припожаловало к нам...
Как бескорыстны ветви эти,
Как ветер вечера хорош!..
И жизнь ты прожила на свете,
И смерть со мной переживешь».

ЧЕЛОВЕК

Человек себе еще неясен,—
Знаю это я наверняка.
Человек, как дуб или как ясень,
На поверхность шел изглубока...
Человек — не то, что видно глазу,
И не то, что чувствует рука!
К самому себе пришел не сразу,—
Шел, и шел, и шел издалека...

СЧИТАЕТСЯ...

Считается, что жизнь — удача разовая...
А вдруг — не так? А вдруг — всегда жива,
С планеты на планету перебрасывая,
То в рай, то в ад, людские существа?
Но что́ теперь душе послужит меркою?

Пускай микроскопический кристалл,
Пусть квантами раздаст свою энергию!..
Кто был однажды — быть не перестал.
То в странствие научно-фантастическое
Пускается, то вроде в волшебство
Явление живое, не мистическое —
Проявленное жизнью существо.
Не знаю я, как делается это,
Но делается,— знаю, между тем...
И наша, как и прочие, планета
Для некоторых — ад, другим — эдем!
Быть может, для кого-нибудь спасительна,
Другому — в самый раз ее корить!
А бога-то на свете нет, действительно,
Кого за все миры благодарить?..

* * *

Нет, мы не рождаемся с душой:
Жизнью вырабатываем душу.
Этою поправкой небольшой
Вечную иллюзию разрушу,—
Страхам старины и новизны —
Вымыслу о бренности — не верьте:
Смертными на свет мы рождены,
Чтобы зарабатывать бессмертье.

* * *

...Кто-то, глубоко во мне живущий,
Знает много песен и стихов,
С легкостью, лишь гениям присущей,
Строки он подсказывать готов.
Но, живя не по его законам,
В тяжести коснея, как скала,—
Все ловлю я слухом напряженным:
Верно ли подсказку поняла?

НАИРИ ЗАРЬЯН

(1900—1969)

С армянского

* * *

На чужом ты сгорела огне,
Мне досталась лишь горстка золы.
Лишь в очах — в тайнах пепельной мглы
Тлеет искоркой грусть обо мне.

Я б хотел принести тебе в дар
Все неспетые песни мои
И в любовном хотел забытьи
Вновь раздуть эту искру в пожар.

Поздно, друг... Дал я верный обет:
До конца моей жизни земной
Я в плену у заботы иной,
И бессмертный сияет мне свет.

1939

* * *

Любимая, как нежен голос твой!
Мне дороги слова родимой речи.
В них — ожиданье, и призыв живой,
И обещание счастливой встречи.

Так назови же имя «Наири»,
Чтоб новый смысл все звуки обрели в нем,
И дрогнет сердце... Так богатыри
Дубы трепещут под весенним ливнем.

Но с голосом в разладе милой речь,
Суровое меня сразило слово.
И я из раны острия стального
Не вырву, чтобы кровью не истечь.

1939

* * *

По жесткому закону бытия
Кремнистым нашим не сойтись дорогам.
К чему ж твой зов, к чему тоска моя
И столько силы отдано тревогам?

Живу я бурно, в звонкий рог трубя,
Мне радость блещет радугой сквозь тучи.
Зачем же, только назовут тебя,
Я хмурю брови облаком над кручей?

Люблю в веселом дружеском кругу
Пересыпать живых острот каменья.
Зачем же при тебе я не могу
Преодолеть невольного смущенья?

Смеется полдень юный, золотой
Вокруг меня, не ведая печали.
Зачем же ненасытною мечтой
Я рвусь к твоей недостижимой дали?

1940

ОТЧИЙ ДОМ

Я в сновиденье памятью ночною
Воссоздавал знакомый отчий дом:
Большое небо детства надо мною
Раскинулось в сиянье молодом.

Со мною мать сидела, как бывало,
И по-армянски бормотал ручей,
И дерево мне песню напевало
Весенним легким шорохом ветвей.

А тонкий луч, проскальзывая в окна,
Жизнь открывал мне золотым ключом.
Смотрело солнце материнским оком...
Весь мир был ясен, прост, как отчий дом.

1940

* * *

Не знал я детства беззаботных дней
И молодости легкой без печали.
Над буйным вязом юности моей
Шумели бури, ствол его качали.

И те цветы, которым бы цвести
Под мягким солнцем юношеских весен,
Цветут теперь, в мой полдень, на пути
В пылающую урожаем осень.

Не оттого ли и душа моя
Неистова, как шумный ливень вешний?
Не оттого ль так беспокоен я?
В моей душе весна и утро вечны.

1941

ЗАВЕЩАНИЕ КИРА

(По Ксенофонту)

Когда я умру, чтоб никто не украсил
Мой прах серебром, не закутал в парчу.
Не жду, не хочу ни бальзама, ни масел.
Предайте земле меня — так я хочу.

Кому эта доля не будет желанна —
В земле раствориться, великой, святой?
Она одаряет живых неустанно
Щедротами, благами и красотой.

Так страстно любил человека всегда я,
Так сладостно быть мне частицей того,
Чей цвет возвращается, смерть попирая,
Чтоб рода людского явить торжество.

1943

* * *

Я хотел бы, чтоб имя твое звездой
Озарило новую песню мою,
Чтоб весь мир грохотал, повторяя за мной,
Как тебя я люблю.

Но в безмолвье любовь я таить обречен,
Словно мною украденный клад.
Сохраню ее зной, пока вечный сон
Не погасит взгляд.

И, сгорая, твой образ звездных высот
Унесу навеки с собой.
Ведь страданья поэтов всегда народ
Мудрой поймет душой.

1943

А ВСЕ ЖЕ...

Жалею, что столько восходов
Встречал я, мой друг, без тебя.
Жалею, что столько походов
Не видел я рядом тебя.

Весна моя, где ты плутала,
Зачем ты ко мне запоздала?
Жалею...
А все ж в эти годы
Рос тополь и без тебя!

1947

С ТОБОЮ ВМЕСТЕ

Я наконец нашел, о ком мечтал.
С землею небо ты соединила,
И я теперь глядеть спокойно стал
На звезды яркие, на женщин милых.

Проспект Победы. Утром в тишине
Идем, любуясь зеленью, цветеньем.
И взгляд твой душу согревает мне,
Заметно погрубевшую в сраженьях.

Мы всюду вместе шли и впереди:
Я — на фронтах, ты — в наступленье тыла.
Меня твоей любовью наградила
Отчизна-мать.
Любовь ношу в груди.

И вот на звезды и на женщин я
Смотрю без зависти, спокойным взглядом
Я рад, что давняя мечта моя —
Ты — навсегда теперь со мною рядом.

1947

МИХАИЛ ИСАКОВСКИЙ
(1900—1973)

ПРОЩАНИЕ

Дан приказ: ему — на запад,
Ей — в другую сторону́...
Уходили комсомольцы
На гражданскую войну.

Уходили, расставались,
Покидая тихий край.
— Ты мне что-нибудь, родная,
На прощанье пожелай.

И родная отвечала:
— Я желаю всей душой —
Если смерти, то — мгновенной,
Если раны — небольшой.

А всего сильней желаю
Я тебе, товарищ мой,
Чтоб со скорою победой
Возвратился ты домой.

Он пожал подруге руку,
Глянул в девичье лицо:
— А еще тебя прошу я,—
Напиши мне письмецо.

— Но куда же напишу я?
Как я твой узнаю путь?
— Все равно,— сказал он тихо,—
Напиши... куда-нибудь.

1935

КАТЮША

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на́ берег Катюша,
На высокий берег, на крутой.

Выходила, песню заводила
Про степного сизого орла,
Про того, которого любила,
Про того, чьи письма берегла.

Ой ты, песня, песенка девичья,
Ты лети за ясным солнцем вслед
И бойцу на дальнем пограничье
От Катюши передай привет.

Пусть он вспомнит девушку простую,
Пусть услышит, как она поет,
Пусть он землю бережет родную,
А любовь Катюша сбережет.

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег, на крутой.

1938

Я ВЫРОС В ЗАХОЛУСТНОЙ СТОРОНЕ

Я вырос в захолустной стороне,
Где мужики невесело шутили,
Что ехало к ним счастье на коне,
Да богачи его перехватили.

Я вырос там, где мой отец и дед
Бродили робко у чужих поместий,
Где в каждой хате — может, тыщу лет
Нужда сидела на почетном месте.

Я вырос там, среди скупых полей,
Где все пути терялися в тумане,
Где матери, баюкая детей,
О горькой доле пели им заране.

Клочок земли, соха да борона —
Такой была родная сторона.
И под высоким небом наших дней
Я очень часто думаю о ней.

Я думаю о прожитых годах,
О юности глухой и непогожей,
И все, что нынче держим мы в руках,
Мне с каждым днем становится дороже

1941

СЛОВО О РОССИИ

Советская Россия,
Родная наша мать!
Каким высоким словом
Мне подвиг твой назвать?
Какой великой славой
Венчать твои дела?
Какой измерить мерой —
Что́ ты перенесла?

В годину испытаний,
В боях с ордой громил,
Спасла ты, заслонила
От гибели весь мир.
Ты шла в огонь и в воду,
В стальной кромешный ад,
Ложилася под танки
Со связками гранат;
В горящем самолете
Бросалась с облаков
На пыльные дороги,
На головы врагов;
Наваливалась грудью
На вражий пулемет,
Чтобы твои солдаты
Могли идти вперед...

Тебя морили мором
И жгли тебя огнем,
Землею засыпа́ли
На кладбище живьем;

Тебя травили газом,
Вздымали на ножах,
Гвоздями прибивали
В немецких блиндажах...

Скажи, а сколько ж, сколько
Ты не спала ночей
В полях, в цехах, в забоях,
У доменных печей?
По твоему призыву
Работал стар и мал:
Ты сеяла, и жала,
И плавила металл;
Леса валила наземь,
Сдвигала горы с мест,—
Сурово и достойно
Несла свой тяжкий крест...

Ты все перетерпела,
Познала все сполна.
Поднять такую тяжесть
Могла лишь ты одна!
И, в бой благословляя
Своих богатырей,
Ты знала — будет праздник
На улице твоей!..

И он пришел! Победа
Твоя недалека:
За Тисой, за Дунаем
Твои идут войска;
Твое пылает знамя
Над склонами Карпат,
На Висле под Варшавой
Твои костры горят;
Твои грохочут пушки
Над прусскою землей,
Огни твоих салютов
Всплывают над Москвой...

Скажи, какой же славой
Венчать твои дела?
Какой измерить мерой
Тот путь, что ты прошла?

Никто в таком величье
Вовеки не вставал.
Ты — выше всякой славы,
Достойней всех похвал!
И все народы мира,
Что с нами шли в борьбе,
Поклоном благодарным
Поклонятся тебе;
Поклонятся всем сердцем
За все твои дела,
За подвиг твой бессмертный,
За все, что ты снесла;
За то, что жизнь и правду
Сумела отстоять,
Советская Россия,
Родная наша мать!

1944

ВРАГИ СОЖГЛИ РОДНУЮ ХАТУ...

Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?

Пошел солдат в глубоком горе
На перекресток двух дорог,
Нашел солдат в широком поле
Травой заросший бугорок.

Стоит солдат — и словно комья
Застряли в горле у него.
Сказал солдат: «Встречай, Прасковья,
Героя — мужа своего.

Готовь для гостя угощенье,
Накрой в избе широкий стол,—
Свой день, свой праздник возвращенья
К тебе я праздновать пришел...»

Никто солдату не ответил,
Никто его не повстречал,
И только теплый летний ветер
Траву могильную качал.

Вздохнул солдат, ремень поправил,
Раскрыл мешок походный свой,
Бутылку горькую поставил
На серый камень гробовой:

«Не осуждай меня, Прасковья,
Что я пришел к тебе такой:
Хотел я выпить за здоровье,
А должен пить за упокой.

Сойдутся вновь друзья, подружки,
Но не сойтись вовеки нам...»
И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам.

Он пил — солдат, слуга народа,
И с болью в сердце говорил:
«Я шел к тебе четыре года,
Я три державы покорил...»

Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.

1945

ЛЕТЯТ ПЕРЕЛЕТНЫЕ ПТИЦЫ

Летят перелетные птицы
В осенней дали́ голубой,
Летят они в жаркие страны,
А я остаюся с тобой.
А я остаюся с тобою,
Родная навеки страна!
Не нужен мне берег турецкий,
И Африка мне не нужна.

Немало я стран перевидел,
Шагая с винтовкой в руке.
И не было горше печали,
Чем жить от тебя вдалеке.

Немало я дум передумал
С друзьями в далеком краю.
И не было большего долга,
Чем выполнить волю твою.

Пускай утопал я в болотах,
Пускай замерзал я на льду,
Но если ты скажешь мне снова,
Я снова все это пройду.
Желанья свои и надежды
Связал я навеки с тобой —
С твоею суровой и ясной,
С твоею завидной судьбой.

Летят перелетные птицы
Ушедшее лето искать.
Летят они в жаркие страны,
А я не хочу улетать,
А я остаюся с тобою,
Родная моя сторона!
Не нужно мне солнце чужое,
Чужая земля не нужна.

Внуково, 1948

ДУМА О ЛЕНИНЕ

Когда вырастешь, дочка, отдадут тебя замуж
В деревню большую, в деревню чужую.
Мужики там всё злые — топорами секутся,
А по будням там дождь и по праздникам дождь...

Из старой русской народной песни

В Смоленской губернии, в хате холодной,
Зимою крестьянка меня родила.
И, как это в песне поется народной,
Ни счастья, ни доли мне дать не могла.

Одна была доля — бесплодное поле,
Бесплодное поле да тощая рожь.
Одно было счастье — по будням ненастье,
По будням ненастье, а в праздники — дождь.

Голодный ли вовсе, не очень ли сытый,
Я все-таки рос и годов с десяти
Постиг, что одна мне наука открыта —
Как лапти плести да скотину пасти.

И плел бы я лапти... И, может быть, скоро
Уже обогнал бы отца своего...
Но был на земле человек, о котором
В ту пору я вовсе не знал ничего.

Под красное знамя бойцов собирая,
Все тяготы жизни познавший вполне,
Он видел меня из далекого края,
Он видел и думал не раз обо мне.

Он думал о том о бесправном народе,
Кто поздно ложился и рано вставал,
Кто в тяжком труде изнывал на заводе,
Кто жалкую нивку слезой поливал;

Чьи в землю вросли захудалые хаты,
Чьи и́з году в год пустовали дворы;
О том, кто давно на своих супостатов
Точил топоры, но молчал до поры.

Он стал и надеждой и правдой России,
И славой ее и счастливой судьбой.
Он вырастил, поднял могучие силы
И сам их повел на решительный бой.

И мы, что роди́лись в избе при лучине
И что умирали на грудах тряпья,—
От Ленина право на жизнь получили —
Все тысячи тысяч таких же, как я.

Он дал моей песне тот голос певучий,
Что вольно плывет по стране по родной.
Он дал моей ниве тот колос живучий,
Который не вянет ни в стужу, ни в зной.

И где бы я ни был, в какие бы дали
Ни шел я теперь по пути своему,—
И в дни торжества, и в минуты печали
Я сердцем своим обращаюсь к нему.

И в жизни другого мне счастья не надо,—
Я счастья хотел и хочу одного:
Служить до последнего вздоха и взгляда
Живому великому делу его.

1940—1951

АЛЕКСАНДР КОЧЕТКОВ
(1900—1953)

БАЛЛАДА О ПРОКУРЕННОМ ВАГОНЕ

— Как больно, милая, как странно,
Сроднясь в земле, сплетясь ветвями,—
Как больно, милая, как странно
Раздваиваться под пилой.
Не зарастет на сердце рана,
Прольемся чистыми слезами,
Не зарастет на сердце рана —
Прольемся пламенной смолой.

— Пока жива, с тобой я буду,—
Душа и кровь нераздвоимы,—
Пока жива, с тобой я буду —
Любовь и смерть всегда вдвоем.
Ты понесешь с собой повсюду —
Не забывай меня, любимый,—
Ты понесешь с собой повсюду
Родную землю, милый дом.

— Но если мне укрыться нечем
От жалости неисцелимой,
Но если мне укрыться нечем
От холода и темноты?
— За расставаньем будет встреча,
Не забывай меня, любимый,
За расставаньем будет встреча,
Вернемся оба— я и ты.

— Но если я безвестно кану —
Короткий свет луча дневного,—
Но если я безвестно кану
За звездный пояс, в млечный дым?

— Я за тебя молиться стану,
Чтоб не забыл пути земного,
Я за тебя молиться стану,
Чтоб ты вернулся невредим.

Трясясь в прокуренном вагоне,
Он стал бездомным и смиренным.
Трясясь в прокуренном вагоне,
Он полуплакал, полуспал,
Когда состав на скользком склоне
Вдруг изогнулся страшным креном,
Когда состав на скользком склоне
От рельс колеса оторвал.

Нечеловеческая сила,
В одной давильне всех калеча,
Нечеловеческая сила
Земное сбросила с земли.
И никого не защитила
Вдали обещанная встреча,
И никого не защитила
Рука, зовущая вдали.

С любимыми не расставайтесь!
С любимыми не расставайтесь!
С любимыми не расставайтесь!
Всей кровью прорастайте в них—
И каждый раз навек прощайтесь!
И каждый раз навек прощайтесь!
И каждый раз навек прощайтесь,
Когда уходите на миг!..

1932

АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ
(1900—1971)

РАЗВЕРНИСЬ, ГАРМОНИКА...

Развернись, гармоника, по столику,
Я тебя, как песню, подниму,
Выходила тоненькая-тоненькая,
Тоней называлась потому.

На деревне ничего не слышно,
А на слободе моей родной
Легкий ветер на дорогу вышел
И не поздоровался со мной.
И, твоею лаской зачарован,
Он, что целый день не затихал,
Крыльями простуженных черемух
Издали любимой замахал.
Ночь кричала запахами сена,
В полушалок кутала лицо,
И звезда, как ласточка, присела
На мое широкое крыльцо.
А березки белые в истоме
В пляс пошли на диво нам.
Ай да Тоня, ай да Тоня,
Антонина Климовна!

1928

ТОВАРИЩ

А. Крайскому

Я песней, как ветром, наполню страну
О том, как товарищ пошел на войну.
Не северный ветер ударил в прибой,
В сухой подорожник, в траву зверобой,—
Прошел он и плакал другой стороной,
Когда мой товарищ прощался со мной.
А песня взлетела, и голос окреп.
Мы старую дружбу ломаем, как хлеб!
И ветер — лавиной, и песня — лавиной.
Тебе — половина, и мне — половина!
Луна словно репа, а звезды — фасоль...
«Спасибо, мамаша, за хлеб и за соль!
Еще тебе, мамка, скажу поновей:
Хорошее дело — взрастить сыновей,
Которые тучей сидят за столом,
Которые могут идти напролом.
И вот скоро сокол твой будет вдали,
Ты круче горбушку ему посоли.
Соли́ астраханскою солью. Она
Для крепких кровей и для хлеба годна».

Чтоб дружбу товарищ пронес по волнам,—
Мы хлеба горбушку — и ту пополам!
Коль ветер — лавиной, и песня — лавиной,
Тебе — половина, и мне половина!
От синей Онеги, от громких морей
Республика встала у наших дверей!

1930

ТОВАРИЩ, ТЫ ВИДЕЛ

Александру Фадееву

Товарищ, ты видел над нею
Закаты в дыму и крови.
Чтоб ненависть била сильнее,
Давай говорить о любви.

Под грохот тяжелый орудий
Немало отхлынуло дней.
Товарищ, мы— русские люди,
Так скажем, что знаем о ней.

Расскажем, и все будет мало,
Споем, как мы жили в ладу.
Товарищ, ты будь запевалой,
А я подголоском пройду!

Вся в солнце, вся — свет и отрада,
Вся в травах-муравах с росой,
Широкие ярусы радуг
Полнеба скрывали красой!

И день занимался прекрасный,
И, весен веселых гонцы,
Галчата сидели на пряслах,
И шли бороздою скворцы.

Ручьи в краснотале всех краше,
В них — звезд голубых огоньки,
В них русские девушки наши
Бросали цветы и венки!

И «любит — не любит» гадали
В тени белоногих берез...
О, милые светлые дали,
Знакомые с детства до слез!

Долины, слепящие светом,
Небес молодых синева,
На всем этом русская мета
И русского края молва!

Поляны, поляны, поляны
Везде земляникой цвели.
Баяны, баяны, баяны
Звенели, горели и жгли!

Катились глубокие воды,
И ветер слетал с парусов
На красные трубы заводов,
На кроны дубрав и лесов.

И хмурые видели глыбы
В гранитном подножье прибой,
И в заводи, полные рыбы,
Слеталися чайки гурьбой!

Нам дорого это и свято,
Нам край открывался родной
За каждой травинкой примятой,
За каждой былинкой степной.

Встают за высокою рожью,
За взлетом на крышах коньков,
За легкой знакомою дрожью
Склоненных к воде ивняков;

За красною шапкой рябины,
За каждым дремучим ручьем,
За каждой онежской былиной,
За всем, что мы русским зовем.

Родней всех встают и красивей
Леса, и поля, и края...
Так это ж, товарищ, Россия —
Отчизна и слава твоя!

1942

ЯБЛОНЯ НА МИННОМ ПОЛЕ

Она в цвету. Она вросла в суглинок
И ветками касается земли.
Пред ней противотанковые мины
Над самыми корнями залегли.

Над нею ветер вьет тяжелым прахом
И катятся седые облака.
Она в цвету, а может быть, от страха
Так побелела.
Не понять пока.

И не узнать до осени, пожалуй,
И я жалею вдруг, что мне видна
Там, за колючей проволокой ржавой,
На минном поле яблоня одна.

Но верю я:
от края и до края,
Над всей раздольной русской стороной,
Распустятся цветы и заиграют
Иными днями и весной иной.

Настанет день такой огромной доли,
Такого счастья, что не видно дна!
И яблоня на диком минном поле
Не будет этим днем обойдена!

1944

СТИХИ О РОССИИ

1

Мне о России надо говорить,
Да так, чтоб вслух стихи произносили,
Да так, чтоб захотелось повторить,
Сильнее всех имен сказать: Россия!

Сильнее всех имен произнести,
Сильнее матери, любви сильнее,
И на устах отрадно пронести
К поющим волнам, что вдали синеют.

2

Не раз наедине я был с тобой,
Просил участья, требовал совета,
И ты всегда была моей судьбой,
Моей звездой, неповторимым светом.

Он мне сиял из материнских глаз
И в грудь вошел, и в кровь мою проник,
И если б он в груди моей погас,
То сердце б разорвалось в тот же миг!

3

Среди долины ровныя...
Из песни

Сияние небес твоих огромно,
И пусть навеки память сохранит:
Могучий дуб среди долины ровной
Твоей зарей, как лентою, обвит.

И он стоит, величия исполнен,
И смотрит вдаль и видит дальний путь,
И только шрамы от ударов молний,
Как воину, легли ему на грудь.

4

А сколько молний грудь твою разили!
Не раз, врываясь в дом твой, обнаглев,
Враги кричали: «Кончено с Россией!»
И узнавали твой, Россия, гнев!

Такой испепеляющий и грозный,
Он так неумолимо налетал,
Что если б враг тогда метнулся к звездам
Не избежал бы гибели и там!

Воротись обратно из Зазвездья...

Н. Асеев

Уже в Зазвездье красный флаг огнистый.
Подвластно все мозолистым рукам.
Идут с открытым сердцем коммунисты.
Любить тебя — их заповедь векам!

Они несут знамена боевые,
Благоговейно осеняют Русь.
Они клялись беречь тебя, Россия,
И я под их знаменами клянусь!

1959

* * *

О Русь, взмахни крылами!

С. Есенин

Да, есть слова глухие,
Они мне не родня,
Но есть слова такие,
Что посильней огня!

Они других красивей —
С могучей буквой «р»,
Ну, например, Россия,
Россия, например!

Вот истина простая:
Как будто кто-то вдруг
Сберег и бросил стаю
Из самых лучших букв,

Из твердых да из влажных,—
И стало чудо жить.
Да разве тле бумажной
Такое совершить?

Наполненное светом,
Оно горит огнем,
И гимном слово это
Гремит в стихе моем!

1959

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУТЕШЕСТВИЮ

Вот она, в сверканье новых дней!
Вы слыхали что-нибудь о ней?
Вы слыхали, как гремит она,
Выбив из любого валуна
Звон и гром, звон и гром?
Вы видали, как своим добром,
Золотом своим и серебром
Хвастается Ладога моя?
Вы слыхали близко соловья,
На раките, над речной водой?
Вы видали месяц молодой
Низко-низко — просто над волной?
Сам себе не верит: он двойной!
Вы видали Севера красу?
Костянику ели вы в лесу?
Гоноболь, чернику, землянику,
Ежевику?
Мяли повилику?
Зверобой, трилистник, медуницу?
Сон снимали сказкой-небылицей,
С глаз сгоняли, как рукой?
Вы стояли над рекой
Луговой, достойной песни?..
Если нет и если, если
Вы отправитесь в дорогу,
Пусть стихи мои помогут
К нам прийти, в родимый край.
Так что знайте,
Так что знай...

1959

ИЗ БИОГРАФИИ

Я хожу не по графику —
По тропинкам и мхам.
Вся моя биография
Разошлась по стихам.

Вся— от красного флага
До ломтя на столе,
Вся — от первого шага
По родимой земле.

Вся — от песни певучей,
Что зовем и поем,
До былины дремучей
В Заонежье моем.

От подснежников милых
На вешней заре
До отцовской могилы
На старом бугре.

Вся — от листьев опалых
До весенних ветвей,
До звезды пятипалой
На папахе моей.

Мы, где надо, не трафили
Ни чужим, ни родне...
Вся моя биография
На родной стороне:

Не в какой-то ограде,
А в ветрах верховых,
И в походной тетради,
И в стихах фронтовых,

И в делах, и в опале,
Той, что лютой зовут,
И в друзьях, что отпали,
И в друзьях, что живут.

Кто-то вечно под тучами,
День за днем — ни строки,
Где-то слово замучили,
Зажимая в тиски.

Ну их к дьяволу с квотой,
Утверждающей лень,
И глубинной зевотой,
Низвергающей день!

Я же знаю дорогу,
Путь извечный, крутой,
И пока, слава богу,
Незнаком с немотой!

1964

ХАСАН ТУФАН

(Род. в 1900 г.)

С татарского

НЕ БУДЬ ПОЛОВИНЧАТЫМ

Отец наставлял меня в долгий путь:
— Скоро я этот мир покину,
Сын мой,
всегда человеком будь,
А не так — середка наполовину.
Жизнь прижала меня понемногу:
Спина согнулась, мослы искривились.
Я — старый медведь, размышляющий у берлоги,
Из которой уже не вылезть.
Если уряднику не отомстишь, сынок,
Благословенья лишу, так и знай!
Ладно, прощай...
Жаль, подарка собрать не смог...
Не увидимся — вспоминай!—
Опираясь на палку,
Сгорбив широкое тело,
Он остался...
А я устремился в мир.
Дорога в неведомое летела,
Раскинулись даль и ширь...

Старику посчастливилось: бури безмерной
Довелось увидать торжество ему.
А как рухнули троны —тогда он, наверно,
Благословил нас. По-своему.

1926

ЕЩЕ ДАЛЕКО ДО ЗИМЫ

Боюсь, что, листья дней моих губя,
Мороз ударил рано в этот раз:
Еще далеко до зимы, а я,
Я желт, как молнией задетый вяз.

Еще зиме не передана власть,
А листья опадают и в тепле...
Быть может, время по ветру упасть,
Свалиться и уснуть, припав к земле?

Советует рассвет, зовет заря:
«Ложись, Хасан-абый!»
Все это зря:
Не получается бездумный сон —
Сомкну глаза, и снится мне Назон.

Друзья, мне все равно покоя нет.
Могу залечь в берлогу, как медведь.
Все будет сниться мне Назым Хикмет,
И Искандер, и колокола медь...

1942

* * *

Ты ровесница вечности. Меры
Нет тебе. Ты не ведаешь бренности.
В твоей памяти многие эры,
Он же — только дитя современности.

Ты дорогу ему начертала,
Ты предопределила дела его,
А теперь посмотри, что с ним стало
И куда та дорога вела его!

Он вернулся из дали постылой,
Му́кой кормленный, бедами поенный;
Ты сама его в путь проводила,
Так сама и ворота открой ему.

Упади ему в ноги, безгрешному,
И не бойся — пинка не получишь.
Лишь одним одержим он по-прежнему
Как бы мир переделать получше.

1966

ИЦИК ФЕФЕР

(1900—1952)

С еврейского

* * *

Со мною конь, мешок и шашка,
Я запыленный, молодой,
И набекрень надета шапка
С красноармейскою звездой.
Готов к ранениям и бедам,
В дорогу дальнюю готов,
Я поклонюсь и хатам белым,
И дымам дальних городов.
Лечу я по земному шару,
О прежней жизни не грущу,
Свечу себе своею шапкой
И шашкой
истину
ищу!

1918—1920

НЕЛЕГКИЙ ПУТЬ

По диким склонам я блуждал,
Рукой касался диких скал,
Срывал я дикие плоды,
Был труден путь. Я вкус беды

Испробовал и высоту,
Я был, как птица на лету,
К земле влекла меня тоска,
Но я запомнил облака...

Пришлось бродить и по морям,
Как был я горд, как был упрям,
Я без указки мог найти
Во тьме пути.

Я знаю множество дорог,
Увы, какой мне в этом прок?
Я заблудился, не пойму,
Где стежка к сердцу твоему.

1936

ПЕРВЫЕ СТИХИ

Я помню в Шполе уличку Лесную,
Запущенную, грязную, смешную,
Старушек, ковыляющих по ней,
И сверстников, оборванных парней,
И балагул, орущих по проселкам,
И летом пыль, и снег с морозом колким.

Четвертое июля. Синева.
Год восемнадцатый вступил в права,
С нуждой окопной, с подвигом военным.
Кто молод был, в быту обыкновенном,
Везде и всюду счастия искал —
Кто на земле, кто среди острых скал.

Я тоже молод был, и понял это,
И крепко зажимал подарки лета
В горячих лихорадочных руках.
Мой карандашик заработал быстро,
И вот не буквы — огненные искры
Рассыпались в тетради на листках.

Начало всех начал, большая дата!
Тех строчек нет, затеряны куда-то.
Но первенцев припомнил вдруг поэт,—
Наверно, потому, что были плохи.
И, загрустив о ранней той эпохе,
Он старше стал на двадцать с лишним лет

Я вспомнил уличку Лесную в Шполе,
И щебет птиц, и канонаду в поле.
А нынче лишь пустыня предо мной.
Четвертое июля в дымном зное,
И солнца блеск, и небо — все иное,
Чем в юности, и я совсем иной.

Суха пустыня. Солнце жжет нещадно.
Бреду вперед, и тени нет прохладной.
Полдневный зной пронзает сотней жал.
И сгорблен я заботою тяжелой,
И помнится мне ветерок над Шполой,
Который в молодости освежал.

1943

СТАРЫЙ НАПЕВ

Старинный напев так и движется вслед,
Знать, пел его кто-то не раз,
Иль тень этой песни, которой уж нет,
Тот звук, что, рождаясь, погас?

Быть может, он гимном восстанью служил,
В сердцах предводителей пел?
И сердце мне шепчет: он несся, он жил,
Веселый и легкий — звенел.

Взлетал в колыбели, рыдал у могил,
Был даром сынам от отцов
И связью, быть может, незримою был
Извечных начал и концов.

Певали его у мадридских костров,
Бойцов он в сражение звал,
Овеян был тысячью смертных ветров —
И тысячу раз оживал.

И вот, онемев, он хранилищем стал
Для песни Грядущего — сам,
На мельнице в сонной воде грохотал,
На стройке бродил по лесам.

Он вместе со мною бок о бок живет,
Я им навсегда полонен,
И песней не стал он, но слышу— поет
В воротах у Вечности он...

Когда же он прочь иногда отлетит,
Я в небе ищу его след,—
Я верю, он будет оттуда светить,
И правнукам шлю с ним привет.

1947

ЖИТЬ ХОРОШО!

«Как сладко жить на белом свете!» —
Я повторяю сотый раз.
В лугах густые травы эти
Бессмертно тешить будут нас,
Антоновка на ветке свежей
И девушка, что плод сорвет,
Молчанье древних побережий,
Немолчный гомон древних вод.

«Жить хорошо!» — твержу я сотый,
Двухсотый раз. Прилежный рой
С гуденьем наполняет соты.
Люблю я пчельник... Но порой
Дивлюсь: мол, разница какая —
Бык-великан в пыли прилег,
А золотой пыльцой сверкая,
Порхает крошка-мотылек.

Я молнии люблю и громы
И хлесткий ливень озорной,
Когда, мучительно знакомый,
Весь мир простерся предо мной.
«Как сладко жить,— кричу я снова,
На белом свете, где вовек
Сокровищ бытия земного
Один хозяин — человек!»

1948

АЛИ ШОГЕНЦУКОВ

(1900—1941)

С кабардинского

ЗАВЕЩАНИЕ

Река в нетерпенье
На каменных склонах
Клокочет под тенью
Деревьев склоненных.

Родник снежногорный
Звенит без печали...
В лазури просторной
Два облачка встали,

К земле нашей знойной
Полны безразличья,
Им спится спокойно
Под возгласы птичьи.

Лишь волны сменяют
Друг друга мгновенно,
Шумят, закипают,
Как мыльная пена.

Отваги избыток
В реке полыхает
И пенный напиток
Гостям предлагает.

Скажи по секрету,
Река дорогая,—
Как молодость эту
Хранишь, убегая?

Будь счастлива трижды,
Когда без препятствий
Долину поишь ты,
Чтоб жить ей в богатстве!

Цветы расцветают,
И воздух чудесен,
И птицы пленяют
Обилием песен.

Мне в час неизбежный
Здесь место найдите —
В долине прибрежной
Меня схороните.

1940

ЯН ГРОТ
(1901—1968)

С латышского

ПОЛУОТКРЫТОЕ ОКНО

Полуоткрытое окно
Ты для меня
Не отворяешь,
Не говоришь мне:
«Вот оно,
Все то,
О чем ты так мечтаешь!»
И облаком волос своих
Меня окутать
Ты не хочешь.
В глазах,
Как солнце золотых,
Лучи не блещут мне
Средь ночи...

Жизнь стала бременем давно
Полуоткрытое окно.

1944

У МОГИЛЫ РАЙНИСА

Где Райнис похоронен,
Там для души моей
Как будто дом устроен
В тени густых ветвей.

Кто так любим народом,
Тот, вечности сродни,
Под вечным небосводом
Живет и в наши дни.

С каким ему усердьем
Венки любовь сплела!
Я там не встретил смерти,
Там только жизнь была!

Там солнце пламенело
И роза так цвела,
Что я спросил несмело,
Кого она ждала.

«Кого ты на примете
Здесь держишь целый день?»
И слышу: «На рассвете
Поэта бродит тень».

(1945)

ЦВЕТОЧНАЯ НОША

Подошли к реке широкой,
Затопившей всю низину,—
Мостик есть, да что в нем проку
Он в воде наполовину.

Ты сказала, что кружится
Голова, но есть награда
Для того, кто не боится
Поступить сейчас, как надо.

«Вот слепое обещанье,—
Я сказал,— держись покрепче.
Что нам это расстоянье?
Есть ли что на свете легче?»

Нас качал мосток упругий,
Я шепнул тебе: «Держись-ка!»
Ты свела на шее руки,
Ты была ко мне так близко.

Ты казалась мне цветочной
Ношей — славное занятье!
Я уже не помню точно,
Сколько длилось то объятье.

⟨1959⟩

* * *

Это будут лишь немногие
Из тех вечерних сказов,
Что сказывал в деревне
Мой друг.
Его года
Уже клонились к закату.

Но он еще был молодым,
Ведь он был другом юности моей
Он говорил:
«Ах, если б от заката дней
Уйти мне снова в юность!»

Это будет лишь малая толика
Вечерних сказов в деревне,
Тихих, как труд
И как ласка,
Сказов про жизнь,
Что обманывают порой,
И сказов про то,
Что люблю.

⟨1959⟩

МИХАИЛ ЛИХАЧЕВ

(1901—1945)

С коми-пермяцкого

ЭГРУНЬ

Как песню спеть тебе такую,
Чтоб радостью была она?
Бывает: слово не найду я,
Чтоб ласка в нем была видна.

Тебе же нужен слог лучистый,
Чтоб в сердце пел огонь живой,
Чтобы глаза сверкали чистой
Смородиною дождевой...

День был широк.
Ржаною тишью
Был переполнен поля круг.
Ты в этот день с победой вышла
В бригаде девушек-подруг.

Сверкал твой серп в руках проворных,
Шумели морем стебли ржи...
В глазах смородиново-черных
Горели молодость и жизнь.

Дул ветер легкий,
Ветер южный,
И улыбался небосклон.
Работой спаянной и дружной
Был ветер даже удивлен.

О Эгрунь, девушка родная,
Ты в поле, как боец в бою!
Я стих внимательный слагаю,
Я славлю
Молодость твою.

Ведь это ты огнем веселым
Ведешь других, зовешь, бодришь,
И звонкой песней комсомола
Ты будишь
Северную тишь.

1936

ВЛАДИМИР ЛУГОВСКОЙ
(1901—1957)

ПЕСНЯ О ВЕТРЕ

Итак, начинается песня о ветре,
О ветре, обутом в солдатские гетры,
О гетрах, идущих дорогой войны,
О войнах, которым стихи не нужны.

Идет эта песня, ногам помогая,
Качая штыки, по следам Улагая,
То чешской, то польской, то русской речью
За Волгу, за Дон, за Урал, в Семиречье.

По-чешски чешет, по-польски плачет,
Казачьим свистом по степи скачет
И строем бьет из московских дверей
От самой тайги до британских морей.

Тайга говорит,
Главари говорят,—
Сидит до поры
Молодой отряд.

Сидит до поры,
Стукочат топоры,
Совет вершат...
А ночь хороша!

Широки просторы. Луна. Синь.
Тугими затворами патроны вдвинь!
Месяц комиссарит, обходя посты,
Железная дорога за полверсты.

Рельсы разворочены, мать честна!
Поперек дороги лежит сосна.
Дозоры — в норы, связь — за бугры,—
То ли человек шуршит, то ли рысь.

Эх, зашумела, загремела, зашурганила,
Из винтовки, из нареза меня ранила.

Ты прости, прости, прощай!
Прощевай пока,
А покуда обещай
Не беречь бока,
Не ныть, не болеть,
Никого не жалеть,

Пулеметные дорожки расстеливать,
Беляков у сосны расстреливать.

Паровоз начеку,
ругает вагоны,
Волокет Колчаку
тысячу погонов.
Он идет впереди,
атаман удалый,
У него на груди —
фонари-медали.
Командир-паровоз
мучает одышка,
Впереди откос —
паровозу крышка!

А пока поручики пиво пьют,
А пока солдаты по-своему поют:

«Россия ты, Россия, российская страна,
Соха тебя пахала, боронила борона.
Эх, раз (и), два (и) — горе не беда,
Направо околесица, налево лабуда!

Дорога ты, дорога, сибирский путь,
И хочется, ребята, душе вздохнуть.

Ах, сукин сын, машина, сибирский паровоз,
Куда же ты, куда же ты солдат завез?
Ах, мама моя, мама, крестьянская дочь,
Меня ты породила в несчастную ночь!

Зачем мне, мальчишке, на жизнь начихать?
Зачем мне, мальчишке, служить у Колчака?!
Эх, раз (и), два (и) — горе не беда,
Направо околесица, налево лабуда».

...Радио... говорят...
(Флагов вскипела ярь):
— Восьмого января
Армией пятой
Взят Красноярск!

Слушайте крик протяжный —
Эй, Россия, Советы, деникинцы! —
День этот белый, просторный, в мороз наряженный,
Червонными флагами выкинулся.

Сибирь взята в охапку.
Штыки молчат.
Заячьими шапками
Разбит Колчак.

Собирайте, волки,
Молодых волчат,
На снежные иголки
Мертвые полки
Положил Колчак.
Эй, партизан!
Поднимай сельчан:
Раны зализать
Не может Колчак.

Стучит телеграф:
Тире, тире, точка...
Эх, эх, Ангара,
Колчакова дочка!

На сером снегу волкам приманка
Пять офицеров, консервов банка.
«Эх, шарабан мой, американка,
А я девчонка да шарлатанка!»
Стой!
Кто идет?
Кончено. Залп!!

1926

КУРСАНТСКАЯ ВЕНГЕРКА

Сегодня не будет поверки,
Горнист не играет поход.
Курсанты танцуют венгерку,—
Им девятнадцатый год.

В большом беломраморном зале
Коптилки на сцене горят,
Валторны о дальнем привале,
О первой любви говорят.

На хорах просторно и пусто,
Лишь тени качают крылом,
Столетние царские люстры
Холодным звенят хрусталем.

Комроты спускается сверху,
Белесые гладит виски,
Гремит курсовая венгерка,
Роскошно стучат каблуки.

Летают и кружатся пары —
Ребята в скрипучих ремнях,
И девушки в кофточках старых,
В чиненых тупых башмаках.

Оркестр духовой раздувает
Огромные медные рты.
Полгода не ходят трамваи,
На улице склад темноты.

И холодно в зале суровом,
И надо бы танец менять,
Большим перемолвиться словом,
Покрепче подругу обнять.

Ты что впереди увидала?
Заснеженный черный перрон,
Тревожные своды вокзала,
Курсантский ночной эшелон.

Заветная ляжет дорога
На юг и на север— вперед.
Тревога, тревога, тревога!
Россия курсантов зовет!

Навек улыбаются губы
Навстречу любви и зиме,
Поют беспечальные трубы,
Литавры гудят в полутьме.

На хорах — декабрьское небо,
Портретный и рамочный хлам.
Четвертку колючего хлеба
Поделим с тобой пополам.

И шелест потертого банта
Навеки уносится прочь,—
Курсанты, курсанты, курсанты,
Встречайте прощальную ночь!

Пока не качнулась манерка,
Пока не сыграли поход,
Гремит курсовая венгерка...
Идет — девятнадцатый год.

1939

ФОТОГРАФ

Фотограф печатает снимки,
Ночная, глухая пора.
Под месяцем, в облачной дымке
Курится большая гора.

Летают сухие снежинки,
Окончилось время дождей.
Фотограф печатает снимки —
Являются лица людей.

Они выплывают нежданно,
Как луны из пустоты...
Как будто со дна океана,
Средь них появляешься ты.

Из ванночки, мокрой и черной,
Глядит молодое лицо.
Порывистый ветер нагорный
Листвой засыпает крыльцо.

Под лампой багровой хохочет
Лицо в закипевшей волне.
И вырваться в жизнь оно хочет
И хочет присниться во сне.

Скорее, скорее, скорее
Глазами плыви сквозь волну!
Тебя я дыханьем согрею,
Всей памятью к жизни верну.

Но ты уже крепко застыла,
И замерла волн полоса.
И ты про меня позабыла —
Глядят неподвижно глаза.

Но столько на пленке хороших
Ушедших людей и живых,
Чей путь через смерть переброшен,
Как линия рельс мостовых.

А жить так тревожно и сложно,
И жизнь не воротится вспять.
И ведь до конца невозможно
Друг друга на свете понять.

И люди, еще невидимки,
Торопят — фотограф, спеши!
Фотограф печатает снимки.
В редакции нет ни души.

24 апреля 1956 г.

КОСТРЫ

Пощади мое сердце
И волю мою
Укрепи,
Потому что
Мне снятся костры
В запорожской весенней степи.
Слышу — кони храпят,
Слышу — запах
Горячих коней,
Слышу давние песни
Вовек не утраченных
Дней.
Вижу мак-кровянец,
С Перекопа принесший
Весну,
И луну над конями —
Татарскую в небе
Луну.

И одну на рассвете,
Одну,
Как весенняя синь,
Чьи припухшие губы
Горчей,
Чем седая полынь,—
Укрепи мою волю
И сердце мое
Не тревожь,
Потому что мне снится
Вечерней зари
Окровавленный нож,
Дрожь степного простора
Махновских тачанок
Следы
И под конским копытом
Холодная пленка
Воды.
Эти кони истлели,
И сны эти
Очень стары.
Почему же
Мне снова приснились
В степях запорожских
Костры,
Ледяная звезда
И оплывшие стены
Траншей,
Запах соли и йода,
Летящий
С ночных Сивашей?
Будто кони храпят,
Будто легкие тени
Встают,
Будто гимн коммунизма
Охрипшие глотки
Поют.
И плывет у костра,
Бурым бархатом
Грозно горя,
Знамя мертвых солдат,
Утвердивших
Закон Октября.
Это Фрунзе

Вручает его
Позабытым полкам,
И ветра Черноморья
Текут
По солдатским щекам.
И от крови погибших,
Как рана, запекся
Закат.
Маки пламенем алым
До самого моря
Горят.
Унеси мое сердце
В тревожную эту
Страну,
Где на синем просторе
Тебя целовал я
Одну —
Словно тучка пролетная,
Словно степной
Ветерок,
Мира нового молодость —
Мака
Кровавый цветок.
От степей зацветающих
Влажная тянет
Теплынь,
И горчит на губах
Поцелуев
Сухая полынь.
И навстречу кострам,
Поднимаясь
Над будущим днем,
Полыхает восход
Боевым
Темно-алым огнем.
Может быть,
Это старость,
Весна,
Запорожских степей забытье?
Нет!
Это — сны революции,
Это — бессмертье мое.

12—13 апреля 1957 г.

МУХАММЕДЖАН РАХИМИ
(1901—1968)

С таджикского

К ВЕРШИНАМ СЧАСТЬЯ

Заря зажглась, полнеба обнимая,
И солнца шар лучится теплотой,
В моем краю зимой, как в полдень мая:
И звон ручьев, и гомон птиц, и зной.
В поля выходят труженики рано,—
Сильны их руки и приветлив взор.
Их труд кипуч, как волны океана,
Он властвует в долинах, в недрах гор.
Мы поднялись на снежные вершины,
Над крышей мира стяг наш вознесли,
Взнуздали реки, возвели плотины,
В ущельях электричество зажгли.
Где и нога джейрана не ступала,
Где вьюги вековечные мели,
Мы прорубили каменные скалы,
Зеркальный путь к столице провели.
Бегут машины. Нет пустыни голой.
Здесь выросли заводы, города.
Железным криком оглушая долы,
Везут руду и хлопок поезда.
И что ни день — все выше стяг наш алый,
И жизнь народа краше каждый час.
В любом цветке, в любом куске металла —
Частица силы каждого из нас.

1956

ХАДИ ТАКТАШ
(1901—1931)

С татарского

АЛСУ

На камень улиц падают снега,
Переметают санный путь.
Алсу, засунув руки в рукава,
Скользит по снегу.

Жарко дышит грудь,
Дыханье замерзает на ветру,
Девические кудри серебрит.
Алсу шалит. И сердится Газза.
— Ну, перестань толкаться!— говорит
Не то уйду! —
Алсу кричит:
— Постой!
Все кончено! Не буду я шалить! —
А в самом деле снова норовит
Газзу в сугроб коварно повалить.
Идет по снежной улице Алсу,
Так обаятельна,
Так молода
И так горда собой,
Но присмотритесь —
Окажется, что вовсе не горда!
А улица вечерняя шумит,
Все заняты, у каждого — свое!
У всех прохожих шубы на плечах,
Все в шапках, есть у каждого жилье.
И лишь бабай: «Извозчик, подавай!» —
Доволен жизнью все же не весьма:
Торчит на перекрестке день и ночь.
Продрог, бедняга. Лютая зима!
— Эй, не скучай! Студенты — богачи.
Тебя с конем мы купим, друг бабай,
Коль за копеек десять повезешь,
Уж так и быть, извозчик, подавай!

Алсу,
Как только в комнату вошла,
Как только пальтецо свое сняла,
К зеркальному осколку подбежала,
Заснеженные косы расплела.
— Газза, смотри, как волосы застыли!
— Алсу, они теперь красивее, чем были!
Идет тебе, идет! — ей говорит Газза.
Ведь вот какая милая Алсу,
Так обаятельна,
Так молода
И так горда собой,
Но присмотритесь —
Окажется, что вовсе не горда.

Сегодня вечером
Творится что-то с ней:
То запоет она, то рассмеется,
А то забудется, и взор ее очей
Надолго неподвижным остается.
— А ну, Газза, учебники закрой,—
Мне хочется тебя поцеловать!
Поцеловать мне хочется тебя.
Поговорить мне хочется с тобой! —
Газза невольно бросила работу.
— Да ну тебя! Готовлюсь я к зачету!
Ведь солоно придется мне —
Я срежусь по твоей вине!
Тебе учение дается так легко —
Позднее всех работать ты садишься,
Но раньше всех сумеешь сдать зачет
И раньше всех всегда освободишься!
Так говорит она, но злости
Уж вовсе нет в ее речах.
Алсу с ребяческой улыбкой
Повисла на ее плечах.
И хочется Газзе послушать,
Работу отложив на час.
Алсу, смеясь, в глаза ей смотрит.
О чем же повести рассказ?

О том ли, как прекрасна юность
У ней, у девушки Алсу,
И как безумно, страстно любит
Она, Алсу, земли красу —
Красу вот этой новой жизни,
Красу сегодняшнего дня,
Вот эти годы, что несутся,
Ее волнуя и пьяня?
И вот она сегодня ночью
Посланье пишет старику
(А кто ее «старик» — не знаем!),
И вот последнюю строку
Она выводит:
«Если очень
Скучаешь ты по мне, то пусть
Мое посланье успокоит
Порыв сердечный твой и грусть.
А я живу здесь без заботы».

И подпись делает на фото:
«Вот это я,
Алсу твоя!
Глянь, до чего красива я.
Изменник, цену мне ты знай
И на других не променяй.
Твоя Алсу счастливая!»

И снова день.
В рабфак идет Алсу,
Так обаятельна,
Так молода
И так горда собой,
Но присмотритесь —
Окажется, что вовсе не горда.
Она немного запоздала,
Гуляла где-то, но теперь,
Ни в чем как будто не бывало,
Смеясь, приоткрывает дверь,
Садится и за лекцией следит,
Но делает зачем-то вид,
Как будто бы и вовсе не следит,
И, на профессора не глядя,
Бросая взгляд куда-то вкось,
Профессорский предлинный нос
Рисует на полях тетради.
Ей что! Готовиться к зачетам
Она ведь позже всех садится,
Но прежде всех кончает дело,
Чтоб прежде всех освободиться.
И кажется, что без труда
Ей все на свете удается,
Как будто юности заре
Вовек померкнуть не придется.
Она, Алсу, сама себе хозяйка,
Так обаятельна,
Так молода
И так горда собой,
Но присмотритесь —
Окажется, что вовсе не горда!

1929

БОРИС ТУРГАНОВ

(Род. в 1901 г.)

СЕГОДНЯ

Нет, не розы славьте,
не закаты —
славьте криворожскую руду,
славьте
каждый стан рельсопрокатный,
каждый элеватор,
виадук.

Наша мощь —
в железе и в бетоне,
не в одном раздолье спелых нив.
В глубь земли
врезайтесь неуемно,
в задыхающихся жерлах домен
разжигайте новые огни.

Чтоб не песня —
а фонтаны нефти,
не легенда —
молотов удар
разнесли стремительные вести
о великом празднике труда!

1923

ПОЧТОВЫЙ ГОЛУБЬ

Город встречает пылью,
рокотом проводов,
грохотом автомобилей,
топотом шагов,
и вот —
переулок знакомый,
угол, фонарный столб.

Ты вернулся. Ты — дома.
Вот книги твои. Твой стол.

И это — почти непонятно!
За тысячи верст пути
мы снова к себе обратно
дорогу умеем найти.
Вот так же почтовый голубь
сквозь стужу,
сквозь дождь,
сквозь град
ныряет в синюю прорубь
и снова приходит назад.

И ты —
будто голубь в полете,
идущий вперед напролом,
на самом крутом повороте
рассекая воздух крылом.

И в клюве — нежданное слово,
и в сердце — неконченный стих,
и сердце
снова и снова
стучит,
и стук не затих.
Пусть ветер несет и кружит
со свистом и воем пурги,—
все у́же,
у́же, у́же
над миром
твои круги.

Сгорбленный над бумагой,
ладонь на глаза положив,
еще неуверенным шагом
ты возвращаешься
в жизнь.

Ты — дома. Ты снова дома.
Вот книги твои. Твой стол.
За окном переулок знакомый,
знакомый фонарный столб.

Грохотом автомобилей,
топотом шагов
земля с неизменной силой
вступает
в строки стихов.

1938

БЫЛЫЕ ЗАБУДУТСЯ БЕДЫ

Былые забудутся беды,
и грохот снарядов, и пламя,
когда над нами Победа
взмахнет молодыми крылами.

В какое-то сотое утро,
одетая солнечной тканью,
придет вдохновенно и мудро
и переполнит дыханье.

И то, о чем лишь мечтали,
что рдело в дыму пожара нам,—
внезапно осветит дали
сиянием лучезарным!

Август 1941

НА ПЕРЕВАЛЕ

Мерь силу замыслами.
А. Мицкевич

Остановись на перевале,
на путь пройденный оглянись:
назад воротишься едва ли,
так не спеши
спускаться вниз!

Еще тебя зовут вершины,
пускай подъем суров и крут,
еще не все на лбу морщины
привычный
вычеканил труд.

Еще немало дел осталось,
какие сделать суждено,—
не все как будто отмечталось,
не все как будто решено.

Остановясь на перевале,
неторопливо оглядись:
какие сумрачные дали,
какая солнечная высь!

Пускай обрывы и ущелья
и неизвестность впереди,
но силу —
измеряют целью.
Ты знаешь цель?
Тогда — иди!

1974

АЛЕКСАНДР ЧАК

(1901—1950)

С латышского

У ОБРЫВА

Был дом без света, осенний вечер,
И с трудной думой был путь далек.
В лицо мне ветер дул из заречья,
И, где ни брел я, склоняя плечи,
Лишь слабый запах мне слал навстречу
Печальный, поздний сухой цветок.

Печальный, поздний сухой цветок
И камень, недруг усталых ног.
Но брел и брел я и с ветром бился.
Жгла сердце горечь полынь-травой.
Лишь там, где щебень, шурша, катился,
Я у обрыва остановился.
Река темнела. Туман клубился,
В венок сплетаясь над головой,

В венок сплетаясь над головой.
И тут я понял, что я — живой.

Живой. И вот я ждал исхода,
Ждал избавленья от тоски.
И голос моего народа,
Как гром победы, как свобода,
Ко мне донесся от реки.
Сквозь белый вал тумана шел он,
Суровости и ласки полон:

— Старался ты с людьми не слиться,
На мир смотрел со стороны,
Чужды тебе людские лица,
Ты горше, чем слюна лисицы,
Угрюмей каменной стены.
Ты слабый, ты пустей пустого,
Ступай, не надо мне такого.

Но ты бы мог: моим ты стал бы,
Тоску на меч перековал бы
И, солнцем встав на небосклоне,
Поил бы землю из ладони.
Ничтожен ты, но в час рассвета
Тебе под силу будет это!

И, как каштан, я раскололся,
Душой с моим народом сплелся
И вот стою в лучах рассвета.

ЛАТЫШСКИЕ СТРЕЛКИ

О стрелках,
О латышских стрелках
Когда слышу —
Ослеплен я,
Как ночью на улице
Блеском огней.

Вы, стрелки,—
Раскаленная лава народной души,
Накипевшая за семь столетий,
Громкий крик,

Повторенный просторами,
Тайно отточенный нож,
Перерезавший путы
На груди, чтоб дышать.

Вы
В безглазые ночи
Под Кеккавой, Слокой,
На Тирельских топких болотах,
Как белые призраки,
Молча
Шли
В смерть.

Вы
У Юглы,
Яростно-черные,
Будто отлитые из чугуна,
Против гордых гвардейцев Вильгельма
Стояли
Одни на троих,
Пятерых.
Кто от пули не падал,
Того
Котелком и прикладом
Валили.

Пересохшие губы
Измызганных улиц Казани
Целовали вы собственной кровью
Во имя свободы.

Под Орлом и под Кромами,
В желтых степях Украины
Боевая коса ваших быстрых шеренг
В серебре офицерских полков
Оставляла прокосы.

Вы,
Стрелки,
Наши парни из сельских усадеб,—
Раньше пасли вы коров,
А теперь
Пасете народы
И время.

Вы,
Стрелки,
Наши парни со Звездной и Таллинской улицы
Раньше
Вы из рогаток стреляли
По воробьям и по стеклам,
Ловили в порту колюшек,—
Теперь
Ловите славу — себе,
А народам — свободу,
Стреляете
По одряхлевшим сердцам!

ВОДА

Быть может, это виденье,
просто красивый обман?
Ожил у нас на кухне
долго молчавший кран.
Набухла светлая капля
у золотого рта.
Залило кухню сиянье
и нежная теплота.
Я слышу, за стенкой кто-то
кричит, от радости пьян:
— Воду пустили! Воду!
Скорее давай стакан! —
Я кран повернул, и правда:
ее серебристый поток
Стремительно брызнул в руку,
приятно ладонь ожег.
Бежит она, долгожданная,
вернулась к нам навсегда.
Как солнечный воздух, светлая,
сквозь пальцы бежит вода.
Ловлю ее, не пускаю,
гляжу на нее, и вот
Она у меня на ладони
белой розой цветет.
Я ведра наполнил до края
и всем теперь раздаю
Долгожданную воду,
рижскую воду мою!

ВАСИЛЬ ЧУМАК

(1901—1919)

С украинского

ЖЕРТВА

1

Каплю крови. С каждым мигом в город каплю крови:
чтоб стекло витрин наполнить жарким смыслом нови.
На плакатах не чернила. И не краски. Кровь.
Кисти-пальцы обмакните в коллектив-ведро.

2

Под глазами — пятна. Щеки — восковая маска.
Но кричит, зовет с плакатов краска, краска, краска.
На шестой этаж. Считая лестничный бетон.
Наконец-то! Открывают. Еле дышит он.

3

Безнадежно. Есть надежда. Здесь, на камне этом.
Победили. Пионеры. Руку жму с приветом.
Что? Чахотка? Хоть минуту! Догорает день.
Побеждаем. Пионеры. Сказка. Рядом. Здесь...

ВЫШИВАЯ ПЕСНЮ...

Вышивая песню — сизых горлиц крылья,
чтобы голубые дали в ней парили,
чтобы в ней качалась, шелестя, трава,—
собирал в степи я тайные слова.

Всплески — лепет — шорох — завершались в гамме.
Я их, как ребенка, тешил васильками;
жаворонка песню, дудочку-манок,
жемчуга-росинки я вплетал в венок.

И возникла песня — сизых горлиц крылья
голубые дали душу в ней открыли,
зашумел травою дальний перевал...
Что же мою нитку солнца луч порвал?

АХМЕД ЕРИКЕЕВ

(1902—1967)

С татарского

* * *

С берега высокого, как с кручи,
Я гляжу на Волгу.
Сколько рек
С Волгою сливаются могучей,
Чтоб не разлучиться с ней вовек.

Волга, Волга! Далеко разлившись
На просторах русской широты,
С сестрами в пути соединившись,
С каждым днем сильней, красивей ты.

Схож с тобой, широкой, полноводной,
Русский изумительный народ!
Он, как ты, великий, благородный,
Лишь вперед друзей своих ведет.

ПОПУТЧИЦА

О, как нам было боязно,
Что вот сейчас, сейчас
Не станет в этом поезде
Ни слов ее, ни глаз.

Сойдет на этой станции,
Мы выглянем в окно,
И в поезде останутся
Тоска и домино.

И дождь густыми сетями
Поймает наш состав.
Мы помолчим с соседями,
От болтовни устав.

Работа не получится,
Что ждет нас впереди...
Красавица попутчица,
Постой, не уходи!..

* * *

Что за любовь тебе я подарю?
Все подарю, о чем не говорю,
Но чем горю...
Горюю и творю,
Смотрю
на восходящую зарю.

Свои глаза мне подарила ты,
Я подарю все то, что можно видеть,
Все то, что подтвержденье красоты,—
Мосты, рассветы,
соты и сады,
Цветы,
росу боящиеся вылить.

Мой стих неярок.
Он прерывист,
жарок.
Все так тревожно у меня в судьбе,
Как будто я несу тебе подарок,
Боюсь, что не понравится тебе...

* * *

Я — домосед, но если снова
Начну скучать,
беру билет
И еду — это мне не ново,—
И вот хандры уж нет как нет.

Слова звучат как будто жарче,
И дышишь глубже, как в бору,
И слаще хлеб, и звезды ярче,
И чаще тянешься к перу.

И как же может быть иначе:
Поезжу вдоволь, а потом
Я, словно сделавшись богаче,
Спешу обратно — в отчий дом.

Благословляю вас, дороги,
И стук колес, и бег коня,
И женщину, что на пороге
Встречает преданно меня.

* * *

Море — не море, пока не появятся
Волны, которые бьют в берега.
Та, что красивее всех,— не красавица,
Если душе твоей не дорога.

Конь, что на скачках бежит с неохотою,
Вправе ли кличку носить скакуна?
Не назову я работу — работою,
Если душа в нее не влюблена.

Сердце — не сердце, покуда не отдано
Цели высокой на светлом пути.
Чтобы была тебе родиной — Родина,
Сердце и душу ты ей посвяти.

ВИТАУТАС МОНТВИЛА
(1902—1941)

С литовского

ПОГИБШЕМУ ТОВАРИЩУ

Он пал от пули злобного убийцы.
Еще один светильник вмиг погас.
Потомки предадут позору память
тех, кто приблизил этот смертный час.

Пусть в каждом сердце кровь воспламенится,
пусть закипит, от ярости красна.
Палач нанес нам рану — нет, не скоро
залечится она.

Упал боец... Товарищи, не плакать!..
На той крови созреют тысячи — тогда
убийцы друга нашего дождутся
сурового суда.

Быть может, ждут нас новые удары.
Но на пути к победе мы тверды.
Оружье вырвем мы из рук бандитов,
сотрем насилия кровавые следы.

1926

НА ПЕРЕПУТЬЕ

На перепутье остановка.
Куда мы повернем, жизнь будет там такая?
Мне кажется, я вижу берег новый
и волны новые меня ласкают.

Споткнулись мы и — чуть дохнет тревога —
оглядываемся под тихим небосводом.
А где же то движенье, та дорога,
что все другие выбрали народы?

Где гул? Где ропот? Где борьба?
Где идеалов дальнее свеченье?
Кора старинная сдавила нас, груба,
мы ничего не видим в отдаленье.

Вы не подумайте, о нет,
что не способны мы подняться на дыбы
и гнет стереть с земли, рассеять мрак и свет
зажечь,— за то идем в огонь борьбы.

Кровь закипает — в цвет знамен,
все переменится, не ринется же время вспять.
Кто был вчера разбит, отвержен, оттеснен —
тот будет завтра нашу жизнь венчать.

На перепутье мы, но видеть не могу,
как жизнь трещит, меняется ее теченье.
Я вижу, кажется, на новом берегу
свеченье новое идей — прекрасное свеченье.

1930

МОЯ ОТЧИЗНА

Отчизна у меня — поля, леса и горы.
Дубиса, Нямунас, Шешупе — наши реки.
Моей Отчизны я люблю просторы,
людей труда я полюбил навеки.

Отчизну милую люблю я. Очень.
Все счастье личное ничто пред нею.
С ней не страшусь я самой темной ночи,
ее страданьем давним пламенею.

Отчизна милая, она — мое спасенье.
Мне без нее, как узнику,— томиться,
не жить, как вырванному из земли растенью
не взмыть в высоты, как бескрылой птице.

Отчизна милая, я с нею связан кровно.
Никто, ничто не встанет между нами:
ни наглый пан, ни дармоед чиновный,
ни рабство с плетками и кандалами!

1938

МОИ СЛОВА

Эти не последние слова мои
выношены в тишине ночной.
В сердце — беспокойные, упрямые —
выстраданы мной.

Их выращивал я, рос я с ними,
с ними заодно учился жить.
Ими, сильными и молодыми,
людям я хотел светить.

Так светить, чтоб самые слепые
из потемок находили путь.
Я не продавал слова скупые,—
ими дышит грудь.

Кто сегодня в мире правду ищет,
тот в моих словах себя найдет.
Кто рожден в нужде в лачуге нищей —
тот меня поймет.

1939

СВОБОДНОМУ ВЕТРУ

Ветер! Ветер! Ветер-друг,
ты свободен, ты упруг.

Настежь окна! Почему
не бывал в моем дому?

Ты цветов набрал и — в путь.
Что ж, меня не позабудь.

Оглянись! Сюда взгляни!
Настежь окна, в них — огни.

Без тебя мне скучно, друг,
ты свободен, ты упруг.

1939

ЛИТВЕ

Ты поднята на штыки.
В сердце — нож законов.
А кровь твою пьют
девятьсот девяносто девять шпионов.

Бессильна ты,
сыновья твои — в тюрьмах, не дома.
Со штыков тебя снять лишь всеобщей грозе
вспышкам молний и грохоту грома.

1939

У МОГИЛЫ ДРУЗЕЙ

Друзья-бойцы, люблю я вас.
Нет вас... но свет ваш не погас.

Отчизне — жить,
и жизни — быть,

всегда, везде
светить звезде.

Над вами здесь
взовьется песнь,

а с ней, красна,
придет весна,

придет, лучась,
в счастливый час...

Друзья-бойцы, люблю я вас.
Нет вас... но свет ваш не погас.

1939

ПАВЛО УСЕНКО

(Род. в 1902 г.)

С украинского

ВЕСЕННЕЕ

И сегодня весна, как когда-то,
Будто вновь восемнадцатый год.
...Помню город и пламя заката...
Грохот выстрелов... Горечь невзгод...

Немцы шли сквозь пожары околиц:
Гром вдали, и в сердцах наших — гнев.
Мы — пятнадцать бойцов-комсомольцев —
Защищали мосты через Днепр.

Мы — пятнадцать — под кручей тонули,
Семерых пощадила волна.
Гнали нас пулеметные пули,
Не давали уйти дотемна.

Ой, песок заднепровский, веселый!
Семь запутанных троп залегли,
Как бежали мы в дальние села,
В жаркий вихрь восстающей земли.

Сердце счастьем ли, горем ли сжато —
Только солнце по-прежнему жжет...
...И сегодня весна, как когда-то,
Будто вновь восемнадцатый год.

1923

СОЛЕНОЕ ПЛАМЯ СИВАША

Соленое пламя Сиваша,
Дыханье старинных степей,—
Мила мне романтика ваша,
Как думы седых кобзарей.

...Килийские ветры, курганы,
Багряного мака пожар,
И волк, завывающий рьяно
У ветхих чумацких мажар...

Как отзвук неведомой доли,
Преданье летит сквозь века
О том, как в темнеющем поле
Казак одолел чужака.

Соленое пламя Сиваша,
Дыханье старинных степей...
Взгляни же!
Чумак варит кашу,
Ордынец ползет меж стеблей.

Казацкое белое тело
Орлы исклевали в траве...
И песнь ковыля отзвенела,
Курганы грустят в синеве.

И чайка уже не рыдает,
Ее не услышишь — в котле...
И старая Сечь дотлевает,
Теряется где-то во мгле...

Бывало, мне мать напевала
Батрацкую песню свою
И ею веселье вселяла
В голодную нашу семью.

В той песне — надежды простые
Таились, как хлеба куски...
. . . . . .
Но грозно вставала Россия,
Цвели в Петрограде штыки.

Соленое пламя Сиваша...
Октябрьские вижу огни!
За правду советскую нашу —
О, подвигов радостных дни!

И запах сухого патрона —
Легенда и песня о том,
Как мы напоследок барона
Спровадили красным штыком.

Но, верно, от века такою
Романтикой степь не жила:
Каховского моря водою,
Прибоя волною крутою
Сегодня она расцвела.

И, тая в мерцанье миража,
Напевы былого — слабей...
...Соленое пламя Сиваша,
Дыхание древних степей!

1956

ЮЛИЙ ВАНАГ

(Род. в 1903 г.)

С латышского

ПЕСНЯ

Пашня — мягкая, как шелк,
Как стекло, прозрачен воздух.
Хоть тяжел с зерном мешок,
Но в глазах сверкают звезды.

Праздник сева. Над землей
Вьется знамя жизни новой.
Трактор дышит, как живой,
Песнь свою запеть готовый.

Эта песнь плывет, плывет
В ясной дали поднебесной,
И вперед она зовет,
И звучит, как сказ чудесный.

В поле межи сметены!
Весть о том летит, как птица...
Так история страны
Пишет новую страницу.

МЕЖЕВЫЕ ЗНАКИ

«Если, бывало, тебе из богатого
Хутора Пунтужи лошадь дадут,
Помощь хозяев горбом отрабатывай,
Вместе с конем запрягайся в хомут.

Все у хозяина было отмерено:
Столько-то дней за кобылу и мерина
Клевер коси или хлеб убирай,
Сеном хозяйский сарай набивай!»

Так мне рассказывал Янис, впервые
Знаки сметая с пути межевые;

Шел он за плугом, взметая упорно
Пласт непокорный зеленого дерна.

Резали пласт лемеха, как ножи.
Вот и не стало старинной межи.

Значит, не будет коням поворота.
Славно пойдет на просторе работа!

ЛЮБОВЬ

Приозерною тропою,
Не спеша,
Словно солнце золотое,
Хороша,

К парню девушка-подружка
Подошла,
Молока из жбана в кружку
Налила.

Слова, ласкового взгляда
Парень ждет,
А она: «Твоя бригада
Отстает!»

Паренька лукавым взглядом
Обвела.
Постояла с парнем рядом
И ушла.

И, простившись взглядом с милой,
Парень вдруг
С небывалой взялся силой
Вновь за плуг.

Труд веселый жжет ладони
Все сильней...
«Вы тяните, мои кони,
Подружней!

Мне моя работа впору,
По плечу.
Если надо будет, гору
Сворочу!»

...Вечер. Над рекой, над садом
Тишина.
На доске почета — рядом
Имена.

МИХАИЛ ГОЛОДНЫЙ
(1903—1949)

СУДЬЯ РЕВТРИБУНАЛА

На Диевке — Сухачевке
Наш отряд.
А Махно зажег тюрьму
И мост взорвал.
На Озерку не пройти
От баррикад.
Заседает день и ночь
Ревтрибунал.

Стол накрыт сукном судейским.
Под углом.
Сам Горба сидит во френче
За столом.
Суд идет революционный,
Правый суд.
Конвоиры гада-женщину
Ведут.

«Ты гражданка Ларионова?
Садись!
Ты решила, что конина
Хуже крыс.
Ты крысятину варила нам
С борщом!
Ты хлеба нам подавала
Со стеклом!

Пули-выстрела не стоит
Твой обед.
Сорок бочек арестантов!..
Десять лет!»

Суд идет революционный,
Правый суд.
Конвоиры начугрозыска
Ведут.

«Ну-ка, бывший начугрозыска,
Матяш!
Расскажи нам, сколько скрыл ты
С Беней краж?
Ты меня вводил, чека вводил
В обман,
На Игрени брал ты взятки
У крестьян!

Сколько волка ни учи —
Он в лес опять...
К высшей мере без кассаций —
Расстрелять!»
Суд идет революционный,
Правый суд.
Конвоиры провокатора
Ведут.

«Сорок бочек арестантов!
Виноват...
Если я не ошибаюсь,
Вы — мой брат?
Ну-ка, ближе, подсудимый.
Тише, стоп!
Узнаю у вас, братуха,
Батин лоб...
Вместе спали, вместе ели,
Вышли — врозь.
Перед смертью, значит,
Свидеться пришлось.
Воля партии — закон.
А я — солдат.
В штаб к Духонину! Прямей
Держитесь, брат!»
Суд идет революционный,
Правый суд.
Конвоиры песню «Яблочко»
Поют.

Вдоль по улице Казанской
Тишина.
Он домой идет, судья.
Его спина
Чуть сутулится. А дома
Ждет жена.
Кашу с воблой
Приготовила она.

Он стучит наганом в дверь:
«Бери детей.
Жги бумаги, две винтовки
Захвати!
Сорок бочек арестантов!..
Поживей!

На Диевку — Сухачевку
Нет пути!»

Суд идет революционный,
Правый суд.
В смертный бой мои товарищи
Идут.

1933

ПАРТИЗАН ЖЕЛЕЗНЯК

В степи под Херсоном
Высокие травы,
В степи под Херсоном курган.
Лежит под курганом,
Овеянный славой,
Матрос Железняк, партизан.

Он шел на Одессу,
А вышел к Херсону —
В засаду попался отряд.
Полхлеба на брата,
Четыре патрона
И десять последних гранат.

«Ребята,— сказал,
Повернувшись к отряду,

Матрос-партизан Железняк,—
Штыком и гранатой
Мы снимем засаду,
И десять гранат — не пустяк!»

Сказали ребята:
«Херсон перед нами,
И десять гранат — не пустяк!»
Прорвались ребята,
Пробились штыками,
Остался в степи Железняк.

Веселые песни
Поет Украина,
Веселая юность цветет,
Подсолнух высокий,
И в небе далекий
Над степью кружит самолет.

В степи под Херсоном
Высокие травы,
В степи под Херсоном курган.
Лежит под курганом,
Овеянный славой,
Матрос Железняк, партизан.

1936

ГАФУР ГУЛЯМ

(1903—1966)

С узбекского

МАТЬ

Я миг рожденья своего припомнить не могу,
Но эту первую зарю всегда благодарю!
Еще, спеленатый, лежу на новом берегу
И с удивлением на мир открывшийся смотрю.

Сжимая крепко кулачки, гляжу на море дня,
Еще сознание мое — как темная руда...
Забыл я бабушку мою, принявшую меня,
Ведь вскоре умерла она — в те дальние года.

Благодарю тебя, о мать, о мой родник святой,
Поныне сладость молока в моей крови течет.
Как юный тополь на груди долины золотой,
В твоих объятьях я мужал, не ведая забот.

Я стал поэтом, стал борцом, кругом росла семья,
И оглянуться не успел — полвека пронеслось...
Зачем так рано ты ушла, родимая моя,—
Увидеть сил моих расцвет тебе не довелось.

Не довелось тебе войти в мой новый, светлый дом,
На новый труд, заветный труд благословить меня,
Увидеть, как цветет страна, меняясь с каждым днем,
И как зажиточно теперь живет твоя родня.

О, если б хоть еще разок взглянуть тебе в лицо,
Тебя с поклоном пригласить к накрытому столу!..
Я с пальца снял подарок твой — старинное кольцо
И, с грустью глядя на него, пою тебе хвалу.

1953

К НАМ ПРИЕЗЖАЙТЕ ПОГОСТИТЬ, ДРУЗЬЯ!

Когда вы будете в Узбекистане,
То, как бы вы с дороги ни устали,
Я знаю, каждый звать вас в гости станет
Радушными, нелживыми устами,—
Но в первый дом входите в мой, друзья!

Гафур Гуляма знаете, конечно!
Мой адрес даст в Ташкенте каждый встречный.
В мой дом входите, я вам рад сердечно!
Без проволочек — жизнь так быстротечна —
Ко мне шагайте, я вас жду, друзья!

Мой садик — ваш! Пусть только скрипнет дверца!
На грядках зелень мяты, кинзы, перца,
Вот свежая вода, вот полотенце,
А вот открытое вам настежь сердце!
И в сад и в сердце вас пущу, друзья!

Над огородом я для вас трудился,
Всего к столу нарвать распорядился!
Куда б хозяин иначе годился?
Жаль только вот, шафран не уродился,
А остальное — ваше все, друзья!

Цветов хотите? И цветы есть тоже,
То цвета неба, то на кровь похожи,
То все в росинках на прохладной коже...
По нашему обычаю, заложим
По красной розе за ухо, друзья!

Ковер постелим и, чтоб слаще отдых,
Подушки бросив в шелковых разводах,
Прогнав печаль, забывши о невзгодах,
На языках пятнадцати народов
Споем, что в голову придет, друзья!

Кто детям рад, кто без детей скучает,
Зятьев и снох в придачу получает,
А там и внуков на руках качает...
Под детский крик по пиалушке чая
До ужина не выпить ли, друзья?

Я в юности еще пришел к решенью:
Дом без детей — как стол без угощенья,
Как шар земной без вечного вращенья!
За шумный дом свой не прошу прощенья!
Мы сами будем в нем шуметь, друзья!

Вином и мясом пахнет синий воздух.
Стол — как земля, а вы вокруг — как звезды!
Вот наш инжир, вот винограда грозди!
Лепешки теплые, пока не поздно,
Я по куску вам отломлю, друзья!

Горит очаг, смешав в домашнем дыме
Дыханье сада с ветерком пустыни.
Вот персики с бочками чуть седыми,
Но раньше их давайте взрежем дыню!
Мы в этом не раскаемся, друзья!

Теперь, когда уже всерьез сидим мы,
Отведайте самсы, казы, нарына!
Пусть их названья непереводимы,
Но, чтобы суть понять, необходимо
Их все подряд попробовать, друзья!

Вино у нас домашнее, густое,
В нем слиток солнца плавает в настое.
Есть предложенье, самое простое:
Без лишних слов кувшина дно пустое
В кратчайший срок исследовать, друзья!

Вот вносит Мухаррам, моя супруга,
Два блюда с пловом, два горячих круга!
Она прикладывает к сердцу руку,
И не спеша плывет от друга к другу,
И к плову приглашает вас, друзья!

А после плова, за зеленым чаем,
Мы к берегу поэзии причалим:
Фуркат, и Пушкин, и Джами вначале,
Ну, а потом, друг другу отвечая,
И что-нибудь свое прочтем, друзья!

Есть ваши книги у меня на полках,
Есть и мои. Взгляните втихомолку:
Писал я много, жил довольно долго,
И сколько их, я сам не знаю толком,
Пусть, если захотят, сочтут друзья!

Я заболтался! Время пролетело!
Душа бы вечно бодрствовать хотела,
Но, к сожаленью, спать желает тело...
Ночуйте здесь! Мы быстро это дело
Устроим каждому из вас, друзья!

Кто помоложе, тем ковров наносим,
Кошму в саду, под абрикосом, бросим,
Молодоженов на чердак попросим:
В Узбекистане ведь такая осень,
Что простудиться мудрено, друзья!

Итак, устами старого поэта
Я вас зову, прошу запомнить это,
Пусть издали, пусть даже с края света,
Хотите — осенью, а не боитесь — летом,
К нам приезжайте погостить, друзья!

1959

НАТАЛЬЯ ЗАБИЛА

(Род. в 1903 г.)

С украинского

СЕСТРЕ

Железный путь — путь для коней железных
Куда-то далеко простерся он.
Вагоны, грохоча на всю окрестность,
Из окон свет кидают на перрон.

Вдоль рельс проходишь ты обычным шагом,
Приказы отдаешь кому-то в тьме.
Дежурного фуражка красным флагом
Мелькает, и звенит девичий смех.

Потом рассвет — синь ляжет под глазами,
И сон без сновидений, дни не в дни...
Плывут и тают, век не угасая,
Зеленые и красные огни...

И вдруг печаль, нет-нет и набегая,
Полынный яд по сердцу разольет,—
Печаль о том, что, женщина простая,
Ты думаешь так мало о «своем».

И снова стук вагонов бесконечных...
Стоишь ты, провожая поезда...
Путем железным на конях железных
Летят в стальную даль твои года.

1927

НИКОЛАЙ ЗАБОЛОЦКИЙ
(1903—1958)

РЫБНАЯ ЛАВКА

И вот, забыв людей коварство,
Вступаем мы в иное царство.

Тут тело розовой севрюги,
Прекраснейшей из всех севрюг,
Висело, вытянувши руки,
Хвостом прицеплено на крюк.
Под ней кета пылала мясом,
Угри, подобные колбасам,
В копченой пышности и лени
Дымились, подогнув колени,
И среди них, как желтый клык,
Сиял на блюде царь-балык.

О самодержец пышный брюха,
Кишечный бог и властелин,
Руководитель тайный духа
И помыслов архитриклин!
Хочу тебя! Отдайся мне!
Дай жрать тебя до самой глотки!
Мой рот трепещет, весь в огне,
Кишки дрожат, как готтентотки.
Желудок, в страсти напряжен,
Голодный сок струями точит,
То вытянется, как дракон,
То вновь сожмется что есть мочи,
Слюна, клубясь, во рту бормочет,
И сжаты челюсти вдвойне...
Хочу тебя! Отдайся мне!

Повсюду гром консервных банок,
Ревут сиги, вскочив в ушат.
Ножи, торчащие из ранок,
Качаются и дребезжат.
Горит садок подводным светом,
Где за стеклянною стеной
Плывут лещи, объяты бредом,

Галлюцинацией, тоской,
Сомненьем, ревностью, тревогой...
И смерть над ними, как торгаш,
Поводит бронзовой острогой.

Весы читают «Отче наш»,
Две гирьки, мирно встав на блюдце,
Определяют жизни ход,
И дверь звенит, и рыбы бьются,
И жабры дышат наоборот.

1928

УСТУПИ МНЕ, СКВОРЕЦ, УГОЛОК

Уступи мне, скворец, уголок,
Посели меня в старом скворешнике.
Отдаю тебе душу в залог
За твои голубые подснежники.

И свистит и бормочет весна.
По колено затоплены тополи.
Пробуждаются клены от сна,
Чтоб, как бабочки, листья захлопали.

И такой на полях кавардак,
И такая ручьев околесица,
Что попробуй, покинув чердак,
Сломя голову в рощу не броситься!

Начинай серенаду, скворец!
Сквозь литавры и бубны истории
Ты — наш первый весенний певец
Из березовой консерватории.

Открывай представленье, свистун!
Запрокинься головкою розовой,
Разрывая сияние струн
В самом горле у рощи березовой.

Я и сам бы стараться горазд,
Да шепнула мне бабочка-странница:
«Кто бывает весною горласт,
Тот без голоса к лету останется».

А весна хороша, хороша!
Охватило всю душу сиренями.
Поднимай же скворешню, душа,
Над твоими садами весенними.

Поселись на высоком шесте,
Полыхая по небу восторгами,
Прилепись паутинкой к звезде
Вместе с птичьими скороговорками.

Повернись к мирозданью лицом,
Голубые подснежники чествуя,
С потерявшим сознанье скворцом
По весенним полям путешествуя.

1946

ЗАВЕЩАНИЕ

Когда на склоне лет иссякнет жизнь моя
И, погасив свечу, опять отправлюсь я
В необозримый мир туманных превращений,
Когда мильоны новых поколений
Наполнят этот мир сверканием чудес
И довершат строение природы,—
Пускай мой бедный прах покроют эти воды,
Пусть приютит меня зеленый этот лес.

Я не умру, мой друг. Дыханием цветов
Себя я в этом мире обнаружу.
Многовековый дуб мою живую душу
Корнями обовьет, печален и суров.
В его больших листах я дам приют уму,
Я с помощью ветвей свои взлелею мысли,
Чтоб над тобой они из тьмы лесов повисли
И ты причастен был к сознанью моему.

Над головой твоей, далекий правнук мой,
Я в небе пролечу, как медленная птица,
Я вспыхну над тобой, как бледная зарница,
Как летний дождь прольюсь, сверкая над травой
Нет в мире ничего прекрасней бытия.
Безмолвный мрак могил — томление пустое.

Я жизнь мою прожил, я не видал покоя:
Покоя в мире нет. Повсюду жизнь и я.

Не я родился в мир, когда из колыбели
Глаза мои впервые в мир глядели,—
Я на земле моей впервые мыслить стал,
Когда почуял жизнь безжизненный кристалл,
Когда впервые капля дождевая
Упала на него, в лучах изнемогая.

О, я недаром в этом мире жил!
И сладко мне стремиться из потемок,
Чтоб, взяв меня в ладонь, ты, дальний мой потомок,
Доделал то, что я не довершил.

1947

Я НЕ ИЩУ ГАРМОНИИ В ПРИРОДЕ

Я не ищу гармонии в природе.
Разумной соразмерности начал
Ни в недрах скал, ни в ясном небосводе
Я до сих пор, увы, не различал.

Как своенравен мир ее дремучий!
В ожесточенном пении ветров
Не слышит сердце правильных созвучий,
Душа не чует стройных голосов.

Но в тихий час осеннего заката,
Когда умолкнет ветер вдалеке,
Когда, сияньем немощным объята,
Слепая ночь опустится к реке,

Когда, устав от буйного движенья,
От бесполезно тяжкого труда,
В тревожном полусне изнеможенья
Затихнет потемневшая вода,

Когда огромный мир противоречий
Насытится бесплодною игрой,—
Как бы прообраз боли человечьей
Из бездны вод встает передо мной.

И в этот час печальная природа
Лежит вокруг, вздыхая тяжело,
И не мила ей дикая свобода,
Где от добра неотделимо зло.

И снится ей блестящий вал турбины,
И мерный звук разумного труда,
И пенье труб, и зарево плотины,
И налитые током провода.

Так, засыпая на своей кровати,
Безумная, но любящая мать
Таит в себе высокий мир дитяти,
Чтоб вместе с сыном солнце увидать.

1947

ЧИТАЯ СТИХИ

Любопытно, забавно и тонко:
Стих, почти не похожий на стих.
Бормотанье сверчка и ребенка
В совершенстве писатель постиг.

И в бессмыслице скомканной речи
Изощренность известная есть.
Но возможно ль мечты человечьи
В жертву этим забавам принесть?

И возможно ли русское слово
Превратить в щебетанье щегла,
Чтобы смысла живая основа
Сквозь него прозвучать не могла?

Нет! Поэзия ставит преграды
Нашим выдумкам, ибо она
Не для тех, кто, играя в шарады,
Надевает колпак колдуна.

Тот, кто жизнью живет настоящей,
Кто к поэзии с детства привык,
Вечно верует в животворящий,
Полный разума русский язык.

1948

О КРАСОТЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЛИЦ

Есть лица, подобные пышным порталам,
Где всюду великое чудится в малом,
Есть лица — подобия жалких лачуг,
Где варится печень и мокнет сычуг.
Иные холодные, мертвые лица
Закрыты решетками, словно темница.
Другие — как башни, в которых давно
Никто не живет и не смотрит в окно.
Но малую хижинку знал я когда-то,
Была неказиста она, небогата,
Зато из окошка ее на меня
Струилось дыханье весеннего дня.
Поистине мир и велик и чудесен!
Есть лица — подобья ликующих песен.
Из этих как солнце сияющих нот
Составлена песня небесных высот.

1955

НЕКРАСИВАЯ ДЕВОЧКА

Среди других играющих детей
Она напоминает лягушонка.
Заправлена в трусы худая рубашонка,
Колечки рыжеватые кудрей
Рассыпаны, рот длинен, зубки кривы,
Черты лица остры и некрасивы.
Двум мальчуганам, сверстникам ее,
Отцы купили по велосипеду.
Сегодня мальчики, не торопясь к обеду
Гоняют по двору, забывши про нее,
Она ж за ними бегает по следу.
Чужая радость так же, как своя,
Томит ее и вон из сердца рвется,
И девочка ликует и смеется,
Охваченная счастьем бытия.

Ни тени зависти, ни умысла худого
Еще не знает это существо.
Ей все на свете так безмерно ново,
Так живо все, что для иных мертво!

И не хочу я думать, наблюдая,
Что будет день, когда она, рыдая,
Увидит с ужасом, что посреди подруг
Она всего лишь бедная дурнушка!
Мне верить хочется, что сердце не игрушка,
Сломать его едва ли можно вдруг!
Мне верить хочется, что чистый этот пламень
Который в глубине ее горит,
Всю боль свою один переболит
И перетопит самый тяжкий камень!
И пусть черты ее нехороши
И нечем ей прельстить воображенье,—
Младенческая грация души
Уже сквозит в любом ее движенье.
А если это так, то что́ есть красота
И почему ее обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?

1955

МОЖЖЕВЕЛОВЫЙ КУСТ

Я увидел во сне можжевеловый куст,
Я услышал вдали металлический хруст,
Аметистовых ягод услышал я звон,
И во сне, в тишине, мне понравился он.

Я почуял сквозь сон легкий запах смолы.
Отогнув невысокие эти стволы,
Я заметил во мраке древесных ветвей
Чуть живое подобье улыбки твоей.

Можжевеловый куст, можжевеловый куст,
Остывающий лепет изменчивых уст,
Легкий лепет, едва отдающий смолой,
Проколовший меня смертоносной иглой!

В золотых небесах за окошком моим
Облака проплывают одно за другим,
Облетевший мой садик безжизнен и пуст...
Да простит тебя бог, можжевеловый куст!

1957

ГРОЗА ИДЕТ

Движется нахмуренная туча,
Обложив полнеба вдалеке,
Движется, огромна и тягуча,
С фонарем в приподнятой руке.

Сколько раз она меня ловила,
Сколько раз, сверкая серебром,
Сломанными молниями била,
Каменный выкатывала гром!

Сколько раз, ее увидев в поле,
Замедлял я робкие шаги
И стоял, сливаясь поневоле
С белым блеском вольтовой дуги!

Вот он — кедр у нашего балкона.
Надвое громами расщеплен,
Он стоит, и мертвая корона
Подпирает темный небосклон.

Сквозь живое сердце древесины
Пролегает рана от огня,
Иглы почерневшие с вершины
Осыпают звездами меня.

Пой мне песню, дерево печали!
Я, как ты, ворвался в высоту,
Но меня лишь молнии встречали
И огнем сжигали на лету.

Почему же, надвое расколот,
Я, как ты, не умер у крыльца,
И в душе все тот же лютый голод,
И любовь, и песни до конца!

1957

НЕ ПОЗВОЛЯЙ ДУШЕ ЛЕНИТЬСЯ

Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

Гони ее от дома к дому,
Тащи с этапа на этап,
По пустырю, по бурелому,
Через сугроб, через ухаб!

Не разрешай ей спать в постели
При свете утренней звезды,
Держи лентяйку в черном теле
И не снимай с нее узды!

Коль дать ей вздумаешь поблажку,
Освобождая от работ,
Она последнюю рубашку
С тебя без жалости сорвет.

А ты хватай ее за плечи,
Учи и мучай дотемна,
Чтоб жить с тобой по-человечьи
Училась заново она.

Она рабыня и царица,
Она работница и дочь,
Она обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

1958

ГУРГЕН МААРИ

(1903—1969)

С армянского

21 ЯНВАРЯ 1924 г.

Он умер... И город мой в снежной дымке
как будто накрыла враждебная тьма.
Казалось мне, словно на фотоснимке —
застывшие улицы, лица, дома...

В тот вечер я сентиментальные строки
писал про плакучую иву, и вдруг
та весть беспощадная горем жестоким
пронзила мне сердце. Все стихло вокруг.

Пусть ива листвой своей плачущей плещется,
пусть скорби печать не сойдет с моих губ.
Сегодня в огромном лесу человечества
пал мудрый, могучий, негнущийся дуб.

Он умер. Но мыслями, страстью, делами
он с нами. И не за горами весна.
Он умер. Но лес подхватил его знамя.
Он умер. Но армия леса вечна!

НА ВОЛОСАХ МОИХ ЗИМА

На волосах моих зима, но в сердце зной.
Как лето, как палящий зной, приду я и уйду.

Я песню унесу с собой и унесу любовь,
Как пламя песни золотой. Приду я и уйду.

Прощайте, тополя мои! Прощай, прощай,
И Арарат священный мой! Приду я и уйду.

Как осень, принеся плоды, уходит прочь,
Отдав поклон земле родной,— приду я и уйду.

ЛУННАЯ ЛЮБОВЬ

Когда колышутся леса,
Леса тенистые, густые,
Опять тебя, моя краса,
Припоминаю. Прожитые
Припоминаю дни. Закат.
И клен высокий над забором.
И зрелой нивы аромат.
И дуновенья. Тем же взором,
Что был когда-то у тебя,
Луна сегодня поглядела...
И вновь, томительно скорбя,
Я вспомнил, горько, онемело,
Твой лик, твой шаг, моя краса,
И те часы недожитые.
...Смотри, качаются леса,
Леса качаются густые.

ВОСПОМИНАНИЕ

Дождь весенний бушует за ставней
Все вольней и сильней.
Вспоминаю напев стародавний,
Вспоминаю о ней.

Да, в саду моих песен, как ливень,
Прошумел ее шаг.
И от роз распустившихся дивен
Стал мой вспыхнувший сад.

Полон мокрой полыни сомнений
И деревьев тоски,
Сквозь акации увеселений
Он смотрел колдовски.

В нем забился фонтан. Раззадорясь
От избытка — тогда
В нем запела вода — песнетворец,
Зазвенела вода.

И теперь под напев стародавний
Я припомнил о ней,
Той далекой... За старою ставней
Дождь шумит все сильней.

ЗАКАТ

В желтые апельсины
нивы оделись снова;
в поле зеленовато-синем
фата из шелка цветного
и желтые апельсины...

Стадо домой вернулось
с апельсинового поля рано,
сквозь облака все гуще
просеивается вязь шафрана.
И стадо домой вернулось...

В пруду справляются свадьбы
рыб, звезд и капели.
Луна там сидит тамадою,
лягушки — опьянели...
В пруду справляются свадьбы.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Ласточки вернулись из краев далеких
По дорогам длинным, по путям незримым.
Ласточки вернулись — стаи песен легких
С голубым рассветным розоватым дымом.

Ласточки вернулись, ласточки спустились
На родные крыши, всюду замелькали.
У одних от ветра гнезда развалились,
А другие — старых гнезд не отыскали.

Мечутся тревожно в воздухе просторном
И, не отдыхая даже ни минуты,
Прутья, ветки носят, вьют себе упорно
Гнезд нерукотворных верные уюты.

Так они свивают, полные веселья,
Гнезда из счастливых голосов и глины...
Ласточки вернулись, спутники апреля,
На родную землю с неродной чужбины.

АЛИО МИРЦХУЛАВА

(1903—1971)

С грузинского

КУЗНЕЦ

Он не дает покоя мне недаром.
И в тишине ночной, и в шуме дня —
всегда я слышу мерные удары:
они зовут, они ведут меня.

Теперь я стар, а был когда-то молод.
Но вечно в кузнице — в моей груди —
ковал кузнец и, поднимая молот,
повелевал:
«Люби! Твори! Иди!»

Я слушался, я ждал его совета.
Он вел меня в просторы без границ.
О, кузница моя, источник света,
гнездо моих стихов — крылатых птиц.

Кует кузнец то звонче, то печальней,
и я под этот стук тружусь, иду.
Стучит, стучит кузнец по наковальне...
Нам отдых не написан на роду!

Во мне покуда сердце не двоилось,
не разбивалось в прах...
Кузнец кует.
С его работой жизнь в меня вселилась,
с его покоем жизнь во мне замрет.

День — ночь, день — ночь, он отдыха не знает.
Я слышу стук во сне и наяву.
Как знать, крепит он или разрушает?
Кует кузнец, а значит, я живу!

ПЕСНЯ СЕРДЦА

На бумаге слова — холодны и глухи,
В них лишь тени волненья души.
Если хочешь годами проверить стихи,—
В темном небе звездами пиши.

Верный пленник стиха, я борюсь и пою
До последнего стона пера.
Звук терзает открытую душу мою,
Слово к небу возносят ветра...

Время, все сокрушая, вперед потечет,
Не удовлетворяясь судьбой.
И войдет через тысячу лет звездочет
В сумрак ночи с подзорной трубой.

Он прочтет письмена неподлекнувших звезд.
Он их с песней народной сравнит.
Через тысячу лет, через тысячу верст
Я его привлеку, как магнит.

Он притронется с дрожью к страницам труда
Возвратит он звучанье строке.
И поймет, что народное слово всегда —
Со столетьями накоротке...

На бумаге слова — холодны и глухи.
Истлевают в столетьях листы...
Как народную песню, вверяю стихи
Океану земной высоты.

ЛУК И ЛИРА

Воин и охотник, шел он лугом
над речной гремящей быстриной.
Шел один, вооруженный луком,
деревянным луком и стрелой.

В племени своем охотник первый,
он слыхал не раз уже, не два,
как, стрелу выбрасывая, пела,
пела, замирая, тетива.

Но сегодня вдруг отдернул руку,
удивленный этим лишь сейчас,
и, желая продолженья звука,
тетиву он тронул еще раз.

Звук был тихий, робкий, осторожный...
Позабыв ушедшую стрелу,
человек стоял — большой, тревожный,
тетиву понявший, как струну...

Я И ЛЕТО

Мой сад смежить не разрешает веки,
в трудах и муках он велит мне жить,
чтоб вдохновенья нежные побеги
на холоду не смел я обнажить.

Рассаду букв всегда храню от стужи.
Как борозду, веду строку свою.
Потом вдохну словам незрячим души,
горячей кровью книге их привью.

Но и у лета труд того же рода,
оно рисует кистью золотой,
чтобы немая, темная природа
заговорила с полной прямотой.

Оно в земные проникает недра
и, открывая жилы теплоты,
слагает книгу, где шумят от ветра
весь мир разрисовавшие цветы.

Пучина зноя. И пучина света.
Под нашей кистью — краски без числа.
И мы сгораем оба — я и лето —
в огне искусства, а не ремесла...

Мгла вечера окрестность подменила.
В густом тумане тлеют фонари.
И высохли в чернильнице чернила.
Свернулась кровь — до утренней зари.

НОЧНЫЕ ДУМЫ

Спустилась ночь. В природе все — молчанье
О Грузия, волшебная страна!

Реки ночной чуть слышное звучанье.
Уснуло все... Какая тишина!

А звезды не туманятся. И тени
На все просторы густо налегли.

Простите мне мгновение смятенья,
Я ощутил вращение земли!

ВЕЧНЫЙ СТИХ

Нет, друзья, мы вдруг не спохватимся:
«Где же юность?» Мы знаем, где.
В новом замысле, в новом натиске,
В устремленности к той же звезде.

Не боюсь я упреков жалящих,
Осуждающих нашу судьбу.
Мы гудим и звеним в продолжающих
Нашу молодость, правду, борьбу.

Неизменно лишь то, что изменчиво.
Так же слышится говор садов,
Так же, так же влюбляются женщины,
Но не в нас, а в наших сынов.

Годы, годы, как старости вестники,
Друг за другом стучатся в мой дом...
Но ушли мы от детства, ровесники,
А от юности не уйдем.

Пусть мне долго тревожиться, мыкаться
И страдать из-за мелких грехов,—
Чья-то юность мне все же откликнется
Рокотаньем моих стихов!

МАРТ РАУД

(1903—1947)

С эстонского

УЗОР НА ПЕРЧАТКЕ

Город чужой вкруг меня суетился
В шумном своем беспорядке,
Перед отъездом я спохватился —
Нету перчатки.

Был на перчатке рисунок строгий —
Белый, черный, зеленый.
Видно, упала где-то в дороге,
В давке вагонной...

В левой руке — груз чемодана.
Вытерпел я еле-еле.
Правую сунул в прорезь кармана —
Пальцы немели.

Поезд помчал меня в тучах дыма —
К дому спешил прибежать он.
Вот наконец-то моей любимой
Рукопожатье.

Вечером села она трудиться.
Голову не поднимая,
Круглые петли считала, спицы
Перебирая.

Молча сидела она в уголочке.
Долго, усердно вязала.
Нитки из трех шерстяных клубочков
Соединяла...

Снова в дорогу перчатки надеты.
Правая стойко хранила
Нежность ладони, тепло привета
Девушки милой.

1941

БЕССМЕРТИЕ

Здесь имя
Ленин
твердая рука
Врубила в мрамор вековой породы.
Еще прочней
оно войдет в века,—
Его в сердцах
всегда хранят народы.
Вечна любовь к нему.
Она
Зари пленительной светлее.
Он встал над миром, пламенея,
И правдою его
земля озарена.

1943

НОВЫЕ ГЛАЗА

Ветры, в которых весны дыханье,
Солнце и тучек узор сквозистый
Очарованье
Дню придавали в лазури чистой.

Был этот день для тебя началом,
Светом рожденного к жизни мая,
И засиял он,
Глаз твоих ясных цветы раскрывая.

Пусть же глаза твои, как в тумане,
Видят пока лишь мерцанье света,
Скоро предстанет
Мир им в сиянии ясного лета!

Нашего века легенды и оды —
Все в свое время узнаешь на свете.
Движутся годы,
Вновь возрождаясь, как листья и ветер.

Эти глаза, что открылись впервые,
Видят далёко,
Им все просторы видны мировые,
Радость грядущего светит широко.

1943

РУССКОЕ СЛОВО

1

Я этот день далекий вспомнил снова,
Он самый яркий из далеких дней,—
Склонился жадно я над «Русским словом»
Над первой хрестоматией моей.

Картинок вдосталь! Царственные лица
Торчат надменно из воротников,
Вот в океане каравелла мчится,
А вот зверье неведомых лесов!

А вот моря, материки, планеты...
Но что мне делать с русским языком?
Ведь я, признаться, в алфавите этом
Лишь с буквой «А» и с «О» чуть-чуть знаком.

Какая птица? Чижик иль синица?
Где проживает эта стрекоза?
Вдруг на меня пытливо со страницы
Взглянули умные и добрые глаза.

И человек с курчавой головою
Пришел ко мне, как сказка входит в сон,—
Как старший друг, он встал передо мною,
Стихами, как цветами, обрамлен.

За слогом слог... блуждаю еле-еле...
И вдруг в роскошном зимнем серебре
Строка взметнулась зимнею метелью
И зашумела на родном дворе.

Ученый кот шагает по опушке,
Богатыри с морского дна встают...
Когда в дома неслышно входит Пушкин,
Его мгновенно дети узнают!

2

Там, где веками царствует насилье,
Где непробуден тяжкий сон земли,
Поэзия не расправляет крылья,
Замучена, затоплена, в пыли...

О слово русское! С эстонскими детьми
Тебя тогда насильно разлучали,
Над мрачною землею, над людьми
Здесь западные сумерки летали.

Как слава Пушкина сюда пройти могла
Сквозь жандармерию, сквозь тысячи заслонов?
Поэзия! Ты много лет была
На откупе у лордов и баронов!

Поэзии сопутствует борьба,
Они вдвоем — как сестры молодые...
Эстония моя! Твоя судьба
Теперь навеки связана с Россией.

Язык ее священен для меня,
И дух поэта жив в моем народе —
Заря коммунистического дня
Над памятником Пушкина восходит.

И слово русское, как музыка, звучит
В моей стране так радостно и звонко!..
И томик Пушкина раскрыт
В руках счастливого эстонского ребенка.

1949

ВИССАРИОН САЯНОВ
(1903—1959)

СОВРЕМЕННИКИ

Пусть поют под ногами каменья,
Высоко зацветают поля,
Для людей моего поколенья
Верным берегом стала земля.

И путиловский парень, и пленник,
Полоненный кайеннской тюрьмой,—
Все равно это мой современник
И товарищ единственный мой.

И расскажут покорные перья,
С нетерпеньем, со смехом, с тоской,
Всё, чем жил молодой подмастерье
В полумраке своей мастерской.

Снова стынут снега конспираций,
Злой неволи обыденный гнет.
В эту полночь друзьям не пробраться
К тем садам, где шиповник цветет.

Но настанет пора — и внезапно
В белом пламени вздрогнет закат,
Сразу вспышки далекие залпов
Нежилые дома озарят.

И пройдут заповедные вести
Над морями, над звонами трав,
Над смятеньем берлинских предместий
И в дыму орлеанских застав.

Наши быстрые годы не плохи
И верны и грозе и литью,
На крутых перекрестках эпохи
Снова сверстников я узнаю.

1925

* * *

Не говор московских просвирен,
Но сердцем старайся сберечь,
Как звездное небо России,
Обычную русскую речь.

Ее не захватишь в уставы —
Звенит, колобродит, поет
С частушкой у вербы кудрявой,
С тальянкой у Нарвских ворот.

Бегут перелеском проселки...
У волжских больших переправ
Поют на заре комсомолки
О девушках наших застав.

И светлое очарованье
Ты каждому сердцу даешь,
И что для тебя расстоянье —
Ты в мире как в песне живешь.

Ты рано меня приласкала,
Но крепче слова приторочь
Под режущим ветром Байкала,
В сырую балтийскую ночь!

1925

* * *

Дай руку мне, пойдем со мною
В тот вьюжный край,
Он полонил мне сердце тишиною,
И снегом зим, и свистом птичьих стай.

Там горбоносых желтобровых птиц
Эвенк-охотник ждет, и на рассвете
Слепят огни бесчисленных зарниц,
И гнет пурга тяжелых кедров ветви.

Тайга бежит по белым склонам вдоль
Последних побережий,
Где по заливам высыхает соль
И где во мхах таится след медвежий.

Там сердца моего заветная отрада,
Край детских лет,
Родной страны холодная громада.
Я — твой поэт.

1935

БЕЗЫМЯННАЯ СТРОКА

Примета времени живая —
Та задушевная строка,
Что и сейчас не остывает
И весь свой жар несет в века.

Каких страстей, каких предчувствий,
Каких надежд она полна!
Она с тобой в минуты грусти,
Она и в бой вести должна.

Ее услышишь ты однажды
И позабыть не сможешь ввек,
Ее в пути повторит каждый
Хороший сердцем человек.

Кто написал ее нежданно?
Чья вывела ее рука?
Не знаю... но и безымянной
Та задушевная строка

Живет в богатстве русской речи,
В певучем слове, и всегда
Твой озаряет путь далече,
Как путеводная звезда.

1955

ЛЮБИМАЯ КНИГА

Как ржаную ковригу,
В свои руки беру
И держу эту книгу
На холодном ветру.

Сладко бродит в ней солод,
Теплый запах ржаной,
Стих по-прежнему молод,
Стих совсем молодой.

И звучит в нем дерзанье,
Разговор озорной,
В каждом слове — сказанье
О сторонке родной.

Жить тебе, жить не старясь,
Каждой строчкой своей,
Будешь вечно, как парус
На просторах морей,

Подымать за собою,
Как могучий прибой,
Вечно звать к непокою
На гряде огневой.

1957

ПОКОЛЕНИЕ

Мы себя, пожалуй, не жалели,
Сил своих совсем не берегли...

Второпях свои мы песни спели,
А в чужих напевах не нашли
Силы той, что двигала громами,
Силы той, что управляла нами

В ежедневных будничных заботах
И в больших деяниях земных.

Мы на всех житейских поворотах
Верили лишь в правду дел своих...

Что сказать? Мы очень трудно жили,
Сил своих совсем не берегли,
Мы порой без спросу в дом входили,
Кой-где двери кулаком открыли,
Кой-где, может, невзначай прошли
Мимо счастья тихого и мимо
Ждавшей нас сердечной теплоты...

Но скажи, далекий правнук, ты:
Разве мы не правы, и неужто
Можно было по-другому жить
В наше время, время грозовое?
К берегам грядущего доплыть
Можно, лишь забывши о покое.
Молодость свою я славлю вновь,
Громкую, как выстрел, славлю дружбу
Чистую, как снег в горах, любовь!

1957

МИХАИЛ СВЕТЛОВ
(1903—1964)

РАБФАКОВКЕ

Барабана тугой удар
Будит утренние туманы,—
Это скачет Жанна д'Арк
К осажденному Орлеану.

Двух бокалов влюбленный звон
Тушит музыка менуэта,—
Это празднует Трианон
День Марии-Антуанетты.

В двадцать пять небольших свечей
Электрическая лампадка,—
Ты склонилась, сестры родней,
Над исписанною тетрадкой...

Громкий колокол с гулом труб
Начинают «святое» дело:
Жанна д'Арк отдает костру
Молодое тугое тело.

Палача не охватит дрожь
(Кровь людей не меняет цвета),—
Гильотины веселый нож
Ищет шею Антуанетты.

Ночь за звезды ушла, а ты
Не устала,— под переплетом
Так покорно легли листы
Завоеванного зачета.

Ляг, укройся, и сон придет,
Не томися минуты лишней.
Видишь: звезды, сойдя с высот,
По домам разошлись неслышно.

Ветер форточку отворил,
Не задев остального зданья,
Он хотел разглядеть твои
Подошедшие воспоминанья.

Наши девушки, ремешком
Подпоясывая шинели,
С песней падали под ножом,
На высоких кострах горели.

Так же колокол ровно бил,
Затихая у барабана...
В каждом братстве больших могил
Похоронена наша Жанна.

Мягким голосом сон зовет.
Ты откликнулась, ты уснула.
Платье серенькое твое
Неподвижно на спинке стула.

1925

ГРЕНАДА

Мы ехали шагом,
Мы мчались в боях
И «Яблочко»-песню
Держали в зубах.
Ах, песенку эту
Доныне хранит
Трава молодая —
Степной малахит.

Но песню иную
О дальней земле
Возил мой приятель
С собою в седле.
Он пел, озирая
Родные края:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Он песенку эту
Твердил наизусть...
Откуда у хлопца
Испанская грусть?
Ответь, Александровск
И, Харьков, ответь:
Давно ль по-испански
Вы начали петь?

Скажи мне, Украйна,
Не в этой ли ржи
Тараса Шевченко
Папаха лежит?
Откуда ж, приятель,
Песня твоя:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя»?

Он медлит с ответом,
Мечтатель-хохол:
— Братишка! Гренаду
Я в книге нашел.

Красивое имя,
Высокая честь —
Гренадская волость
В Испании есть!

Я хату покинул,
Пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать.
Прощайте, родные!
Прощайте, семья!
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Мы мчались, мечтая
Постичь поскорей
Грамматику боя —
Язык батарей.
Восход поднимался
И падал опять,
И лошадь устала
Степями скакать.

Но «Яблочко»-песню
Играл эскадрон
Смычками страданий
На скрипках времен...
Где же, приятель,
Песня твоя:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя»?

Пробитое тело
Наземь сползло,
Товарищ впервые
Оставил седло.
Я видел: над трупом
Склонилась луна,
И мертвые губы
Шепнули: «Грена...»

Да. В дальнюю область,
В заоблачный плес
Ушел мой приятель
И песню унес.

С тех пор не слыхали
Родные края:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Отряд не заметил
Потери бойца
И «Яблочко»-песню
Допел до конца.
Лишь по небу тихо
Сползла погодя
На бархат заката
Слезинка дождя...

Новые песни
Придумала жизнь...
Не надо, ребята,
О песне тужить,
Не надо, не надо,
Не надо, друзья...
Гренада, Гренада,
Гренада моя!

1926

ПЕСНЯ О КАХОВКЕ

Каховка, Каховка — родная винтовка...
Горячая пуля, лети!
Иркутск и Варшава, Орел и Каховка —
Этапы большого пути.

Гремела атака, и пули звенели,
И ровно строчил пулемет...
И девушка наша проходит в шинели,
Горящей Каховкой идет...

Под солнцем горячим, под ночью слепою
Немало пришлось нам пройти.
Мы мирные люди, но наш бронепоезд
Стоит на запасном пути!

Ты помнишь, товарищ, как вместе сражались,
Как нас обнимала гроза?
Тогда нам обоим сквозь дым улыбались
Ее голубые глаза...

Так вспомним же юность свою боевую,
Так выпьем за наши дела,
За нашу страну, за Каховку родную,
Где девушка наша жила...

Под солнцем горячим, под ночью слепою
Немало пришлось нам пройти.
Мы мирные люди, но наш бронепоезд
Стоит на запасном пути!

1935

ИТАЛЬЯНЕЦ

Черный крест на груди итальянца,
Ни резьбы, ни узора, ни глянца,—
Небогатым семейством хранимый
И единственным сыном носимый...

Молодой уроженец Неаполя!
Что оставил в России ты на поле?
Почему ты не мог быть счастливым
Над родным знаменитым заливом?

Я, убивший тебя под Моздоком,
Так мечтал о вулкане далеком!
Как я грезил на волжском приволье
Хоть разок прокатиться в гондоле!

Но ведь я не пришел с пистолетом
Отнимать итальянское лето,
Но ведь пули мои не свистели
Над священной землей Рафаэля!

Здесь я выстрелил! Здесь, где родился,
Где собой и друзьями гордился,
Где былины о наших народах
Никогда не звучат в переводах.

Разве среднего Дона излучина
Иностранным ученым изучена?
Нашу землю — Россию, Расею —
Разве ты распахал и засеял?

Нет! Тебя привезли в эшелоне
Для захвата далеких колоний,
Чтобы крест из ларца из фамильного
Вырастал до размеров могильного...

Я не дам свою родину вывезти
За простор чужеземных морей!
Я стреляю — и нет справедливости
Справедливее пули моей!

Никогда ты здесь не жил и не был!..
Но разбросано в снежных полях
Итальянское синее небо,
Застекленное в мертвых глазах...

1943

МОЯ ПОЭЗИЯ

Нет! Жизнь моя не стала ржавой,
Не оскудело бытие...
Поэзия — моя держава,
Я вечный подданный ее.

Не только в строчках воспаленных
Я дань эпохе приношу,—
Пишу для будущих влюбленных
И для расставшихся пишу.

О, сколько мной уже забыто,
Пока я шел издалека!
Уже на юности прибита
Мемориальная доска.

Но все ж дела не так уж плохи,
Но я читателю знаком —
Шагал я долго по эпохе
И в обуви и босиком.

Отдался я судьбе на милость,
Накапливал свои дела,
Но вот Поэзия явилась,
Меня за шиворот взяла.

Взяла и выбросила в гущу
Людей, что мне всегда сродни:
— Ты объясни, что́ — день грядущий,
Что́ — день прошедший,— объясни!

Ни от кого не обособясь,
Себя друзьями окружай.
Садись, мой миленький, в автобус
И с населеньем поезжай.

Ты с ним живи и с ним работай
И подними в грядущий год
Людей взаимные заботы
До поэтических высот.

И станет все тебе понятно,
И ты научишься смотреть,
И, если есть на солнце пятна,
Ты попытайся их стереть.

Недалеко, у самой двери,
Совсем, совсем недалеко,
События рычат, как звери,
Их укротить не так легко!

Желание вошло в привычку —
Для взрослых и для детворы
Так хочется последней спичкой
Зажечь высокие костры!

И, жаждою тепла влекомы,
К стихотворенью на ночлег
Приходят все — и мне знакомый
И незнакомый человек.

В полярных льдах, в кругу черешен,
И в мирной жизни, и в бою
Утешить тех, кто не утешен,
Зову Поэзию свою.

Не постепенно, не в рассрочку
Я современникам своим
Плачу серебряною строчкой,
Но с ободочком золотым...

Вставайте над землей, рассветы,
Струись над нами, утра свет!..
Гляжу на дальние планеты —
Там ни одной березы нет!

Мне это деревцо простое
Преподнесла природа в дар...
Скажите мне,— ну, что вам стоит! -
Что я еще совсем на стар,

Что жизнь, несущаяся быстро,
Не загнала меня в постель
И что Поэзия, как выстрел,
Гремела, била точно в цель!

1957

* * *

Мне неможется на рассвете,
Мне б увидеть начало дня...
Хорошо, что живут на свете
Люди, любящие меня.

Как всегда, я иду к рассвету,
И, не очень уж горячи,
Освещают мою планету
Добросовестные лучи.

И какая сегодня дата,
Для того чтоб явилась вновь
Похороненная когда-то,
Неродившаяся любовь?

Не зовут меня больше в драку,—
Я — в запасе, я — просто так,
Будто пальцы идут в атаку,
Не собравшиеся в кулак.

Тяжело мне в спокойном кресле.
Старость, вспомнить мне помоги,—
Неужели они воскресли,
Уничтоженные враги?

Неужели их сила тупая
Уничтожит мой светлый край?
Я-то, ладно, не засыпаю,
Ты, страна моя, не засыпай!

В этой бешеной круговерти
Я дорогу свою нашел,
Не меняюсь я, и к бессмертью
Я на цыпочках подошел.

1963

ИОСИФ УТКИН
(1903—1944)

СЛОВО ЕСЕНИНУ

> ...У людей, которым не по душе кипенье и цветенье отчизны, которые сами себя признают негодными для того, чтобы жить и работать, нельзя отнимать права умереть...
>
> *М. Горький*

Красивым, синеглазым
Не просто умирать.

. . . . . .

Он пел, любил проказы,
Стихи, село и мать...

Нам всем дана отчизна
И право жить и петь,
И кроме права жизни —
И право умереть.

Но отданные силой
Нагану и петле,—
Храним мы верность милой,
Оставленной земле.

Я видел, как в атаках
Глотали под конец
Бесстрашные вояки
Трагический свинец.

Они ли не рубили
Бездарную судьбу?
Они ли не любили
И землю,
И борьбу?

Когда бросают женщин,
Лукавых, но родных,
То любят их не меньше,
И уходя от них.

Есть ужас бездорожья,
И в нем — конец коню!
И я тебя, Сережа,
Ни капли не виню.

Бунтующий и шалый,
Ты выкипел до дна.
Кому нужны бокалы,
Бокалы без вина?..

Кипит, цветет отчизна,
Но ты не можешь петь!
А кроме права жизни,
Есть право умереть.

1926

ГИТАРА

А. Жарову

Не этой песней старой
Растоптанного дня,
Интимная гитара,
Ты трогаешь меня.

В смертельные покосы
Я нежил, строг и юн,
Серебряную косу
Волнующихся струн.

Сквозь боевые бури
Пронес я за собой
И женскую фигуру
Гитары дорогой!

Всегда смотрю с любовью
И с нежностью всегда
На политые кровью,
На бранные года.

Мне за былую муку
Покой теперь хорош.
(Простреленную руку
Сильнее бережешь!)

...Над степью плодоносной
Закат всегда богат,
И бронзовые сосны
Пылают на закат...

Ни сена! И ни хлеба!
И фляги все — до дон!
Под изумрудным небом
Томится эскадрон...

...Что пуля? Пуля — дура.
А пуле смерть — сестра.
И сотник белокурый
Склонился у костра.

И вот, что самый юный
(Ему на песню — дар!),
Берет за грудь певунью
Безусый комиссар.

И в грустном эскадроне,
Как от зеленых рек,
Повыпрямились кони
И вырос человек!

...Короткие кварталы —
Летучие года!
И многого не стало,
Простилось навсегда.

Теперь веселым скопом
Не спеть нам, дорогой.
Одни —
Под Перекопом,
Другие —
Под Ургой.

Но стань я самым старым,—
Взглянув через плечо,
Военную гитару
Я вспомню горячо.

Сейчас она забыта.
Она ушла в века
От конского копыта,
От шашки казака.

Но если вновь, бушуя,
Придет пора зари,—
Любимая,
Прошу я —
Гитару подари!

1926

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПЕСНЯ

Мальчишку шлепнули в Иркутске
Ему семнадцать лет всего.
Как жемчуга на чистом блюдце,
Блестели зубы
У него.

Над ним неделю измывался
Японский офицер в тюрьме,
А он все время улыбался:
Мол, ничего «не понимэ».

К нему водили мать из дому.
Водили раз,
Водили пять.
А он: «Мы вовсе незнакомы!..»
И улыбается опять.

Ему японская «микада»
Грозит, кричит: «Признайся сам!..»
И били мальчика прикладом
По знаменитым жемчугам.

Но комсомольцы
На допросе
Не трусят
И не говорят!
Недаром красный орден носят
Они пятнадцать лет подряд.

...Когда смолкает город сонный
И на дела выходит вор,
В одной рубашке и в кальсонах
Его ввели в тюремный двор.

Но коммунисты
На расстреле
Не опускают в землю глаз!
Недаром люди песни пели
И детям говорят про нас.

И он погиб, судьбу приемля,
Как подобает молодым:
Лицом вперед,
Обнявши землю,
Которой мы не отдадим!

1934

ЕСЛИ Я НЕ ВЕРНУСЬ, ДОРОГАЯ...

Если я не вернусь, дорогая,
Нежным письмам твоим не внемля,
Не подумай, что это — *другая.*
Это значит... сырая земля.

Это значит, дубы-нелюдимы
Надо мною грустят в тишине,
А такую разлуку с любимой
Ты простишь вместе с родиной мне.

Только вам я всем сердцем и внемлю.
Только вами и счастлив я был:
Лишь тебя и родимую землю
Я всем сердцем, ты знаешь, любил.

И доколе дубы-нелюдимы
Надо мной не склонятся, дремля,
Только ты мне и будешь любимой,
Только ты да родная земля!

1942

ИЛЬЯ ФРЕНКЕЛЬ

(Род. в 1903 г.)

ДАВАЙ ЗАКУРИМ

Дует теплый ветер. Развезло дороги,
И на Южном фронте оттепель опять.
Тает снег в Ростове, тает в Таганроге.
Эти дни когда-нибудь мы будем вспоминать.

Об огнях-пожарищах,
О друзьях-товарищах
Где-нибудь, когда-нибудь
Мы будем говорить.
Вспомню я пехоту,
И родную роту,
И тебя
за то, что дал мне закурить.
Давай закурим
По одной.
Давай закурим,
Товарищ мой!

Снова нас Одесса встретит, как хозяев,
Звезды Черноморья будут нам сиять,
Славную Каховку, город Николаев —
Эти дни когда-нибудь мы будем вспоминать.

Об огнях-пожарищах,
О друзьях-товарищах
Где-нибудь, когда-нибудь
Мы будем говорить.
Вспомню я пехоту,
И родную роту,
И тебя
за то, что дал мне закурить.
Давай закурим
По одной,
Давай закурим,
Товарищ мой!

А когда не будет Гитлера в помине
И к своим любимым мы придем опять,
Вспомним, как на запад шли по Украине,—
Эти дни когда-нибудь мы будем вспоминать

Об огнях-пожарищах,
О друзьях-товарищах
Где-нибудь, когда-нибудь
Мы будем говорить.
Вспомню я пехоту,
И родную роту,
И тебя
за то, что дал мне закурить.
Давай закурим
По одной.
Давай закурим,
Товарищ мой!

1941

СИМОН ЧИКОВАНИ

(1903—1966)

С грузинского

КТО СКАЗАЛ...

Кто сказал, что будто бы мала
Моя отчизна, Картли дорогая,
Что, словно малый диск, она легла?
Кто выдумал: мала земля родная?

А ну, поставь-ка скалы сверху скал,
В их серебре, в туманной пене.
Орлиных крыльев шелест у виска
Послушай-ка и трубный крик оленей.

И крепостей на всех вершинах мощь
Измерь-ка мастера глазами,
Все собери ты краски наших рощ,
Их в тьме времен уже сиявший пламень,

Измерь-ка крылья ураганов гор,
Ущельями зажатых и ревущих,
Измерь-ка рек клокочущий костер,
Льда купола, вонзившиеся в тучи!

Рукою, что в бою закалена,
Коснись ворот Дербентских, взятых в сече,
Тогда откроется она,
Моей отчизны бесконечность!

Кто сказал, что будто бы мала
Моя отчизна, Картли дорогая,
Что, словно малый диск, она легла?
Кто выдумал: мала земля родная?

НАЧАЛО

О стихи, я бы вас начинал,
Начиная любое движенье.
Я бы с вами в ночи ночевал,
Я бы с вами вступал в пробужденье.
Но когда лист бумаги так бел,
Так некстати уста молчаливы.
Как я ваших приливов робел!
Как оплакивал ваши отливы!
Если был я присвоить вас рад,
Вы свою охраняли отдельность.
Раз, затеяв пустой маскарад,
Вы моею любимой оделись.
Были вы — то глухой водоем,
То подснежник на клумбе ледовой,
И болели вы в теле моем,
И текли у меня из ладоней.

Вас всегда уносили плоты,
Вы в погоне моей не давались,
И любовным плесканьем плотвы
Вы мелькали и в воду скрывались,
Так, пока мой затылок седел
И любимой любовь угасала,
Я с пустыми руками сидел,
Ваших ласк не отведав нимало.
Видно, так голубое лицо
Звездочет к небесам обращает,
Так девчонка теряет кольцо,
Что ее с женихом обручает.
Вот уже завершается круг.
Прежде сердце живее стучало.
И перо выпадает из рук
И опять предвкушает начало.

ТБИЛИССКИЙ РЫБАК

Когда в Тбилиси ночь приходит
И тянет холодком с Куры,
Он с рыбою живой обходит
Передрассветные дворы.

Блеснет ли где ночник из щели,
Он — с солнцем к окнам кладовой
Как будто сверх речной форели
Торгует зорькой весовой.

Когда в подставленную кадку
Летит покупка, как в Куру,
Он вам поверит без задатка —
Он не купец, а гость в пиру,

И вновь он шествует и шарит,
Не пьют ли с ночи где-нибудь.
Найдет — и ястребом ударит,
К столу прокладывая путь.

Шум, хохот, голос толумбаша,
И весь на взводе, как курок,
Рыбак встает с заздравной чашей,
Подбросив шапку в потолок.

Пока он пьет, от чувств прилива,
Как рыба проданная, нем,
Она, как тост красноречивый,
Горит и ходит телом всем.

А уж лучи, как в полдень, жгучи,
И, их не ставя ни во что,
Вздымает ветер пыли кучи,
Клубя их, как штаны кинто.

Валится с ног, вернувшись в хату,
Рыбак, недавней встречей пьян.
И спит... и видит челн дощатый,
Речную зыбь, ночной туман.

НОЧИ ПИРОСМАНИ

Ты кистями и красками спящих будил,
Делал розы возлюбленной ярче и краше,
По гористым, кривым переулкам бродил
И домой возвращался с тарелкою хаши.

И пока ворота на засове, пока
Не уснет в Ортачале красотка, ты снова
Шел к Майдану, и мчал фаэтон седока,
Заводилу грузинского пира честного.

Вот гуляют кутилы, и пляшет кинто,
И шашлык на шампуре, и зелень на блюде...
Где же ночь? Или вправду не видел никто,
Как ты шел под хмельком в предрассветном безлюдье?

Сколько лестниц и каменных стен украшал,
Сколько красок извел за ничтожную плату,—
Вот девчоночка держит на привязи шар,
Вот пшено на гумне исклевали цыплята...

Рядом горы. И бедный художник в ночи
Приглашает их запросто в знак пониманья.
И трубят, словно лопнуть хотят, зурначи.
Горы входят, как гости: «Привет, Пиросмани!»

Ты окинул глазами плоты на Куре,
И стога на полях, и туманные выси
И поставил на стол их на ранней заре,
Стал столом твоим весь разноцветный Тбилиси

Эта сытость тебе и без денег далась.
Эти вина и кушанья кисть создавала.
Только черная сажа мелькает у глаз.
Только лестница рушится в темень подвала...

А почем у людей огурцы иль чеснок,
Сколько стоит кусок неразменного быта,—
Разве это касается сбитого с ног?
...И лягнуло тебя между ребер копыто.

И отброшена кисть. И на выпуклость век
Синеватые тени положены густо.
И неведомо где погребен человек.
И конец.
И навек остается искусство.

ЗАКАТ

Излука моря, горы и предгорье,
и на откосах чайные кусты.
Мне волноваться впору бы, как море,
но я молчу: я в круге красоты.

Стою в тени — платан среди платанов —
и жду волны вечерней. Вот когда,
как дикий хор кудрявых великанов,
нисходит к морю горная гряда.

Кувшину сердца суждено пролиться,
мой жар остудит ветер и листва.
О жизнь моя! Еще одна страница,
как парус в море, брезжит мне едва.

Уходит день — хевсур светлобородый,
из сумерек я вглядываюсь в даль:
мне люб закат, воспламенивший воды,
и дней осенних светлая печаль.

СНЕГ

У снегопада тоже почерк свой.
Бубенчик славит санную дорогу,
Метель подходит к самому порогу,—
Я рад сегодня гостье снеговой.

Причудливо, задумчиво и тихо
Усталый дым чуть гнется на ветру.
Порхают хлопья. И метель-франтиха,
Вся в белом, павой бродит по двору.

Как звезды, хлопья в воздухе повисли,
Пробрался снег ко мне за воротник.
Как хлопья, кружат медленные мысли,
И речь природы льется, как родник.

Что мне еще в такое утро надо!
Ель, словно свечка,— около окна.
Ловлю руками клочья снегопада,
На стеклах разбираю письмена...

Как я мечтал — пушинку снеговую
Внести в твой дом, чтоб видела и ты
Во всей красе игру ее живую,
Холодный свет и трепет чистоты.

Хотелось мне, чтобы она, не тая,
Перед тобой сияла в доме, как
Январского простора мысль простая
Или как проседь на моих висках.

Хотелось мне сказать, что эта стужа,
Что эта снеговая чистота
В мои виски вплетается все туже,
Но боль любви по сердцу разлита,

Но от прикосновения ладони
Снег исчезает, словно от огня...
И я ни с чем пришел к тебе на склоне
Январского завьюженного дня...

Одна лишь нежность в сердце не растает,
Она надежней снежной кутерьмы.
Возьми ее — она перерастает
В любовь, с которой неразлучны мы.

ПОСЛЕДНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Преследует меня капризный март,—
то пронесется вдруг в обнимку с ветром,
то письма вдаль — как паруса шумят,—
попробуй-ка за ним угнаться следом.

Все нарасхват! Летят в пространство дни,
сначала в зной летят, а после в стужу.
Я рукописи не могу найти
и друга след никак не обнаружу.

Куда иду — я не могу понять.
Неужто гаснешь ты, моя зарница?
И жизни остается только пядь,
не знаю, как со всеми поделиться.

Три месяца — январь, февраль и март
особенно туманны и дождливы.
В горящем сердце оседает чад...
Огонь любви... Последние порывы...

МИКОЛА БАЖАН

(Род. в 1904 г.)

С украинского

РАЗРЫВ-ТРАВА

1

Пустая ночь земли, тумана, трясовицы,
Как колдовской цветок, раскрылась и цветет,
И, сброшена с небес в песок, на дно криницы,
Звезда, как рыба, плавниками бьет.

Гнильем и плесенью пропитаны станицы —
И пышно по-над травами плывет
Стенанье самки, что во сне томится,
Чье целомудрие, как скорбь, гнетет.

Где в сумерках пустынных котловин,
Набухший влагой, тяжестью кровин,
Цветок терлич потайно расцветает —

Там в камышах причалил тихо челн,
И голос девы, тяжкой страсти полн,
Как стон ночей, звенит и улетает.

2

Пред полночью земля затосковала...
Тень ездока шатается в реке...
Конь, вздрогнув, стал. И пена засверкала
Вскипая на чеканном ремешке.

Измучен конь. Но все ж ездок усталый
Упрямо наклоняется к луке...
Поводья, обведенные кораллом,
Казак зажал в натруженной руке.

Кривою пляской сумеречных чар,
Плетя узор, пылая, как пожар,
Над лесом поднялось девичье пенье...

Сошел казак. И заплутал во мгле,
Где в дивной тишине проходят по земле
Великолепные немые тени.

3

Кончается ночей прохладных половина,
И круглых звезд дозрел богатый урожай.
В чарованных лесах ты, дева, ожидай
Себе могучего и радостного сына.

Как кубок пенистый, пролился через край
Густых и влажных слов тяжелый запах винный,
Порвала на груди своих монист рубины
И гостю пришлому докинула розмай.

Отдала всю любовь, когда померкнул свод,
Упав на мураву и чресла раскрывая,
Впивая яростно росу и горький пот.

Потом приподнялась. Пошла в туман. И вот
Покорная луна несет вослед, мерцая,
Прощальный тихий клич и дальний рокот вод.

1926

БЕССМЕРТИЕ

ТРИ ПОВЕСТИ О ТОВАРИЩЕ КИРОВЕ

ПОВЕСТЬ ВТОРАЯ
НОЧЬ ПЕРЕД БОЕМ
(Отрывок)

«...Многоязыкий мой край!
Я слышу, как ты встаешь.
Я слышу, как ты идешь.
Я слышу — приходишь ты.
Для моря твоих людей
теперь берегов не найдешь,
Для роста твоих людей
мало уже высоты.
Народы, один за другим,
на ста языках земли
Расписываются на листе
под рубрикой «делегат».
Пришел Зангезур, Баку,
Карабах и Тифлис пришли,
И возле московских бойцов
стоит величавый тат.
Каспийский матрос и лезгин
бок о бок стоят, сплочены.
Различен их алфавит,
но смысл — неизменно схож.
Я слышу, как ты встаешь,
я слышу, как ты идешь,

Как люди твои растут —
пулеметчики и чабаны.
Мингрельскую ржавую пыль
стряхивая с подошв,
Расспрашивает грузин
украинца про Перекоп.
Я слышу, как ты идешь,
я слышу, как ты растешь,
Как люди твои встают —
архитектор и рудокоп.
Рассказы друзей-армян,
слова земли Наири
Повторяет усатый тюрк —
эйбатских тартальщиков вождь.
Я слышу, как ты растешь,
я слышу, как ты встаешь,
Как люди твои идут —
виноградари и плугари.
И в самый просторный дом,
какой в этом городе есть,
В городе древних стен,
где дома, точно скалы, встают,
Съезжаются люди твои,
неся о грядущем весть.
Люди, что знают смерть.
Люди, что знают труд.
Идут из селений своих
батрак, и шахтер, и кузнец,
Идут из аулов и сел,
с далеких ущельных путей,
Принося на высоты трибун
биение лучших сердец
И звучание лучших слов
из сказанных в жизни своей.
И тесно этим словам —
пришельцам с нагорных крыш —
На гулких паркетах дворца,
в анфиладах просторных зал.
Рождаешься ты в тишине,
ты входишь сюда и гремишь,
Истории первый такт —
наш «Интернационал».

1935—1937

ДОРОГА

Идут полки. Размерный лязг металла.
Прифронтовых дорог суровый лад.
Над заводями, над кустами тала
Клубятся горы дыма. Сталинград.

За дымной далью, за стенами зноя,
За переплеском быстрых волжских вод
Солдатам слышен близкий голос боя,
Растущий до немыслимых высот.

Не звук, а судороги воли и суши,
Землетрясение, толчки глубин,—
Раскатистый, широкий гром «катюши»,
Глухие всхлипы толстотелых мин.

Обвалы бомб — всей пастью бездны взвыли!
Железный грохот на десятки миль...
Идут полки. Дорога в тучах пыли.
Три месяца не опадает пыль.

Идут полки. Готовятся отряды
У пристаней, в завесе дымовой,
Здесь, на святых руинах Сталинграда,
Принять великий, небывалый бой.

Да будет он благословен навечно —
Их грозный марш, невидимый во мгле,
По этой вот, родной нам бесконечно,
По сталинградской выжженной земле!

Подобного никто не знал похода,
Такого подвига не мог свершить,
Как эти люди — воины народа,
С которыми нельзя не победить!

1942

НАД МОРЕМ

Земля, осыпавшись над шумною водою,
Ползет и крошится туда, где целый день
Играет волнами под самою скалою
Бескрайний блеск огней, морская светотень.

Она приходит в стих мятежным, буйным шумом
Забытых образов, предчувствий и примет,
И вот уж нет конца твоим тревожным думам,
И в одиночестве тебе покоя нет.
Тут море лишь и ты, тут только ритм и тени,
Живой гекзаметр волн, молчанье берегов.
А все вокруг кричит, все ищет воплощений,
Все жаждет образов, все просит форм и слов.
Ты напряженно ждешь, когда, бушуя снова,
Внезапный шквал стиха на душу налетит
И принесет с собой чудесный запах слова,
И непокорства пыл, и соль былых обид.
Ты не удержишь стих, когда он рвется с гневом,
Как не излечат боль пылающей души
Ни острословие, ни клятвы юным девам,
Ни вздохи страстные гаремного паши.
Пускай когда-нибудь из шепота «Ekskuz'ы»[1]
Поймут твои друзья, что, посланы судьбой,—
Одни эринии, а не подруги-музы
В час одиночества владели здесь тобой,
Владели здесь тобой, над морем вод свинцовым,
Над шумом черных бездн, в тот одинокий час,
Когда ты был таким, каким ты был,— суровым
Предтечей вещих дел, прославленных не раз.

1955—1956

НА ФОРУМЕ РИМА

Пряма, тверда, как меч легионера,
Расщелина пробила лоб скалы,
Достигнув плит, где, дерзостно смелы,
Касаньем крыл накрыли камень серый
Свирепые имперские орлы.
Орлы хрипят. Волчица скалит зубы.
Гробницы гулких отзвуков полны.
Кубы былой постройки грудой грубой
Друг к другу громоздятся у стены.
Базальтом черным к невысокой туче
Вознесся хмурый силуэт столпа.
Пробита в ржавой, оголенной круче
Тарпейская гранитная тропа.

[1] «Извинение» — название одного из сонетов А. Мицкевича *(польск.)*

Чуть стонет мрамор, тронутый ветрами.
Лист, как резьба, по мрамору прошел.
А на фронтоне факел, и орел,
И ликторские палки с топорами.

Где в осыпи карниза вязь слепа,
Рука, что вызывала и дерзала,
На цезарских камнях нарисовала
Скрещенный с молотом пурпурный знак серпа.

1961

ЧЕТЫРЕ РАССКАЗА О НАДЕЖДЕ

(Вариации на тему Р.-М. Рильке)

ВТОРАЯ ВАРИАЦИЯ

Сквозь хлипкие стены каморки он слышит все шумы и шарки,
Все споры, и смехи, и свары, все звуки парки и варки,
Как мельтешатся лакеи, как громко судачат кухарки,
Как шепчет шашлык на шампурах, лепечут жаркие шкварки,
Как грохают об пол поленья с плеча — с одного, с другого,
Как дворник кухонным бабам пускает крепкое слово.
Хозяйка, как куль крупчатки, дебела, бела и здорова,
Кричит на кухаря басом: «Когда уже будет готово?»
И вот секачи зазвенели, кромсая лук и морковку,
И вот черпаки загремели, взятые наизготовку,
Хозяйка в сердцах хватает скалку или мутовку
И ляпает крепко и звонко по заду служанку-плутовку.
С рассвета, когда розоватым светом мерцает оконница,
До ночи, когда успокоиться уму не дает бессонница,
Весь мир этот жрет и гогочет, хлопочет, ссорится, гонится,
В дыму над плитой колдует, над жирной мискою клонится.
Коптят, чадят, задыхаются, распаренные и ражие,
Отмеривают и взвешивают, считают копейку каждую,
Чтоб княжье чрево насытить едой поистине княжьею —
Винами, соками, зеленью, мяса и сала поклажею.
Отборное жито Кахетии, яблоки Карталинии,
Травы душистой Пшавии, гроздья — желтые, синие,
Собранные осторожно, в сизо-сребристом инее,
Сочные смоквы Грузии, плод роскошных долин ее.
Задавленный чадом и смрадом, станами кривобокими,
Подглядывая сквозь щели досок, покрытых потеками,

Мечтаю ночами дождливыми, безмолвными и безокими
О сладких смоквах ее, что полны багряными соками.
Здесь, у ее подножья, искристо-светлый танец,
Высыпанный на травы блеск золотых кружалец.
Боже, свет оторви, чтоб очи мои разжались,
Чтоб цвет красоты и славы я разглядел, скиталец.
Что я умею? Краску накладывать на картонку,
Чтоб лица, вещи и горы вдруг обретали контур,—
Рядом с кармином — белила, рядом с синькой — зеленку,
Черное рядом с желтым — так, чтоб ярко и звонко.
Складывать краски мира просто и ясно, без мути,
Так, как флейтист выводит дыхом единым звуки.
В этом твое уменье, радость твоя и муки,
Мастер голодноокий, художник жаднорукий!
Блюдечко сажи, белила, оттенки соков и глин,
Резкая зелень, веселый, как рот Маргариты, кармин,
Цветные липучие смеси — и в этом запев и зачин
Того, что звучит на картонах моих нехитрых картин.
Чтоб заманить выпивоху, картину, как завывалу,
Вывескою цепляют к духану или подвалу.
Иль присобачат к стенке сырого, темного зала,
И там она мокнет, и меркнет, и гибнет мало-помалу,
Медведь в сиянии месяца, желтый олень удивленный,
Вертел с багровым мясом, округлость бочки смоленой,
Толстый бурдюк, как брюхо пьяницы, оголенный —
Вот моя бедная живопись, цвет мой неутоленный!
Тускнеет она и жухнет, коробится, гаснет рано,
Гниет на полу кладовки, стареет в углу чулана.
Разве что вдруг понравится она владельцу духана
И будет повешена косо над изголовьем дивана.
Поставлю перед собою в светлом углу каморки
Сны свои недописанные, виденья свои, восторги —
Зори царицы Тамары, орлов, что недреманно зорки,
И взгляд прощальный солдата, и девушку на пригорке...
Глаза. Чтобы влиться свету, две дырки во лбу прокручены.
Два ясных луча, два пламени, что стали могучими, жгучими,
Чтоб прокричать про надежду тем, кто безверьем измучены,
В тьму одиночества ввергнуты, радости не научены.
Но гибнет мой крик, вмалеванный во взгляд людской и звериный,
В сухой пылище базарной, в густой дымине трактирной,
И я в кухонной конурке, как пес голодный и смирный.
Мое всевиденье гаснет, как уголь в золе каминной.
Безудержна гибель красок, белила мертвы — хоть плакать!
Безжизненна гладь клеенки — какая в ней скука и слабость!

Что делать? Неужто снова рвать, и марать, и ляпать,
Плевать в эту плоскую раму, в ее бесцветную слякоть?
Стою перед ней. Здесь мой крах. И прах. И камень с погоста.
Здесь — яма, провал. Ничто. Здесь даже нет с тенью сходства.
Распяты здесь на кресте надежда и благородство,
Просохли, как хилый плод, как гнойной язвы короста.
Чем зренье свою утолю, которое неутолимо?
Какую краску увижу, что прочим была незрима?
Тот ярмарочный мир, как шут, под слоями грима,
Потопчет мои холсты и протанцует мимо!
Бесплодный, как желтый лист, и желтый, как ветвь на сломе,
Безвольно, беззвучно умру в углу на мокрой соломе.
Лишь тихий вечерний луч, как ангел, промчится в доме,
Но я не услышу его в своей последней истоме.
И бог не сойдет ко мне по душу мою убогую,
Никто не вспомнит меня, я значил для всех не много.
Сойдется случайный люд, выпьют вина из рога,
И мой неказистый гроб проводят в свою дорогу.
И комья грузинской земли ударят в крышку гроба,
Чтобы услышать я мог отзвук земного грома —
Тук-тук, тук-тук... Кто стучит? Что это быть могло бы?
— Ты жив еще, человек? Дверь приоткрой немного! —
Под сдвинутыми бровями — взор угрюмый и вещий,
Уставленный в смерть, в злосчастье, куда-то далече, далече,
Шея втиснута в тело, грузно обвисли плечи,
Видно, ему привычно толкаться в базарном вече.
Трактирный дворник — хрипучий, никчемный, ненужный дед,
Вырос в дверном пробое, в темный тулуп одет,
И вносит поднос с едою,— чего там только нет! —
Куча отличной снеди — на пóминах так и след.
Это — как холм священный, чьи запахи благовонны,
Стебли, цветы и листья его украшают склоны,
Яблоки рассыпные, дети цветущей кроны,
Сладостью полные гроздья, кислой прохладой — лимоны.
Терпкой миндальной горечью, вялым розовым цветом,
Плещет вино в кувшине — на расставанье со светом,
С этим чужим, неприютным, серым дождем одетым.
Трав весенних побеги, свежих листьев ладони,
Блики, цветá и запахи встали в пенье и звоне,
Растанцевались, вздыбились, словно живые кони,
На медном круглом подносе, в узорном кованом лоне.
Смоквы Грузии! Чувствую их дыханье из дали —
И чад кухонный сплывает, и словно стены упали,
И ветры садов тбилисских вдруг заблагоухали...

— Кто вас прислал ко мне так вовремя, генацвале?
Кто разложил на подносе эти цветы и злаки,
Кто обошелся без ханжества — не пожалел бедняги,
Но труда и понятья прислал мне добрые знаки,
Чтоб я не умер, брошенный в этом грязном бараке?
— Думаешь—вот жратва, чтобы пожрал перед смертью?
Думаешь, что спьяна я проявил усердье?
Мясо, перец, шашлык, этот кувшин и вертел...
— Нет, это благая весть. Думаю — это бессмертье.
Эти плоды впитают красок моих игру,
Яблоки позолотой украсят свою кожуру.
Я служил не обжорству, а красоте и добру.
И не страшусь погибели, ибо весь не умру.
Нет, меня не обманешь ты, что стал у порога
И воплотился сейчас в дворника-кривонога,
Вещие очи твои на меня уставились строго.
Гляди на мое бессмертье, суровый посланец бога!

1966

АЛЕКСАНДР ЖАРОВ

(Род. в 1904 г.)

НА КОНЕ

Версты, как дни, пролетают,
Конь подо мною кипит.
Юность моя удалая —
Цоканье звонких копыт.

Взор мой — немеркнущий факел.
Ночь ли, сугробы, пурга —
В неудержимой атаке
Саблей достану врага!

Встречным огнем опаленный,
Вырвусь победно вперед.
Нашему брату Буденный
Личный пример подает...

Там, за крутыми холмами,—
Отдых в весеннем саду...
С бабами да стариками
Я разговор заведу.

Скажешь — задвижутся скамьи
Глянешь — улыбки вокруг.
То, что не выскажу сам я,
Договорит политрук...

Если мой недруг повержен,
Радостно сердцу: э-гей!
Жизнь моя — бег безудержный
Огненноноздрых коней.

Ну-ка, тряхну удилами.
Черта ли: быть иль не быть!
Вейся, как быстрое пламя,
Краснознаменная прыть!

Славно под говор акаций
Гикнуть: даешь! — и лететь...
Жизнь на коне промчаться!
И на коне умереть...

1922

ВЗВЕЙТЕСЬ КОСТРАМИ

(Песня)

Взвейтесь кострами,
Синие ночи!
Мы пионеры —
Дети рабочих.
Близится эра
Светлых годов.
Клич пионера:
Всегда будь готов!

Радостным шагом,
С песней веселой
Мы выступаем
За комсомолом...
Близится эра
Светлых годов.
Клич пионера:
Всегда будь готов!

Мы поднимаем
Алое знамя.
Дети рабочих,
Смело — за нами!
Близится эра
Светлых годов.
Клич пионера:
Всегда будь готов!

Грянем мы дружно
Песнь удалую —
За пионеров
Семью мировую!
Близится эра
Светлых годов.
Клич пионера:
Всегда будь готов!

1922

СТАРЫМ ДРУЗЬЯМ

Мне теперь всегда кричат об этом
Дорогих знакомцев голоса:
— Саша Жаров, ты ли стал поэтом?
— Саша Жаров, что за чудеса!

По какой, скажи, случайной воле
Ты постиг возвышенный удел?
Ведь недавно вместе в комсомоле
Жили прозой повседневных дел.

Ты у нас, брат, секретарил ладом,
Задавал работу без конца.
Помнишь, на собрании докладом
Приходил к нам зажигать сердца?

Вгорячах однажды, помнишь, было:
Ты сказал, что «вскинем высь небес»..
Мы тебя легонько осадили:
«Парень, брось! Ты не в свою залез!»

А потом ватагою веселой
К речке шли и возле бережка
Шумно оглашали «Карманьолой»
Спящие окрайны городка.

А теперь ты стал везде известен.
Город наш тебе уж не родня.
— Но, друзья,
Ведь нóшу новых песен
Сами вы взвалили на меня.

Ведь для вас, и вами вдохновляем,
Я свое настроил сердце так,
Что его, коль захотите, в мае
Можете нести, как яркий флаг!

Все равно теперь я тоже с вами,—
Где ж бы взялся голос у певца?
Только не докладом, а стихами
Прихожу к вам
Зажигать сердца...

Если ж вдруг заминка может выйти!
Запою подчас про «высь небес»,—
Вы меня тогда остановите
И скажите: «Не в свою залез!»

1926

ЗАВЕТНЫЙ КАМЕНЬ

(Песня)

Холодные волны вздымают лавиной
Широкое Черное море.
Последний моряк Севастополь покинул,
Уходит он, с волнами споря...
И грозный соленый бушующий вал
О шлюпку волну за волной разбивал...

В туманной дали
Не видно земли.
Ушли далеко корабли.

Друзья-моряки подобрали героя.
Кипела волна штормовая...
Он камень сжимал посиневшей рукою
И тихо сказал, умирая:
— Когда покидал я родимый утес,
С собою кусочек гранита унес —

Затем, чтоб вдали
От крымской земли
О ней мы забыть не могли.

Кто камень возьмет, тот пускай поклянется
Что с честью нести его будет.
Он первым в любимую бухту вернется
И клятвы своей не забудет.
Тот камень заветный и ночью и днем
Матросское сердце сжигает огнем...

Пусть свято хранит
Мой камень-гранит —
Он русскою кровью омыт.

Сквозь бури и штормы прошел этот камень,
И стал он на место достойно...
Знакомая чайка взмахнула крылами,
И сердце забилось спокойно.
Взошел на утес черноморский матрос —
Кто родине новую славу принес.

И в мирной дали
Идут корабли
Под солнцем родимой земли.

1943—1945

ГРУСТНЫЕ ИВЫ

(Песня)

Грустные ивы склонились к пруду,
Месяц плывет над водой.
Там, у границы, стоял на посту
Ночью боец молодой.

В грозную ночь он не спал, не дремал
Землю родную стерег.
В чаще лесной он шаги услыхал
И с автоматом залег...

Черные тени в тумане росли.
Туча на небе темна...
Первый снаряд разорвался вдали.
Так началася война.

Трудно держаться бойцу одному.
Трудно атаку отбить.
Вот и пришлось на рассвете ему
Голову честно сложить...

Грустные ивы стоят у пруда,
Месяц глядит с вышины.
Сонному берегу шепчет вода
Имя героя страны.

Вместе с победой спокойные дни
В эти вернулись края...
Ночью на тихой заставе огни
Вновь зажигают друзья.

1946

ГЛАШАТАЙ ВЕСНЫ

Двадцатый год.
Разруха, голод, холод.
Шла осень, громом битвы грохоча.
В Москве
На Третьем съезде комсомола
Мне довелось увидеть Ильича.

Сердца юнцов
Рвались ему навстречу,
Гул голосов казался гудом пчел.
Ильич
Большим заботам в этот вечер
Заботу о грядущем предпочел.

Могучей мыслью
Бережно и смело
Он нас через ненастье и мороз
Вдруг перенес
В весенние пределы,
В преддверье коммунизма перенес.

Мы от него
Услышали впервые,
Что близок мир,
В суровом том году...
И отдали
Все силы молодые
Учению и общему труду.

Прошли десятилетья не напрасно —
Родной народ наш,
Полный новых сил,
Вплотную
Подошел к весне прекрасной,
Которую нам Ленин возвестил...

Как памятен мне
Облик легендарный:
Лицо, вперед зовущая рука...
Сердца людей
Да будут благодарны
Ему, вождю, живому на века!

1956

ПОСЛЕ ДОЛГИХ ПУТЕЙ-ПЕРЕПУТИЙ

Не могу я на вас наглядеться,
Подмосковные наши края...
Здесь
Неслышно прошло мое детство,
Здесь промчалась и юность моя.

Здесь лазурью блеснула впервые
Надо мною небес высота.
И промолвил я:
— Здравствуй, Россия,—
Жизнь моя, и судьба, и мечта!

С той поры разрослись, разгорелись
Кроны кленов, рябин и берез...
Этот ласковый лиственный шелест
В дальний путь
Я с собою унес.

И в дороге в года грозовые,
Озирая чужие места,
Говорил я:
— Со мною Россия —
Жизнь моя, и судьба, и мечта!

После долгих путей-перепутий
Я стою у окошка с резьбой...
Дом родной!
Если время не шутит —
Мы слегка постарели с тобой.

Но кругом нас — сады молодые,
Изумрудных полей красота...
Здравствуй, Родина!
Здравствуй, Россия,—
Жизнь моя, и судьба, и мечта!

1964

САЛОМЕЯ НЕРИС

(1904—1945)

С литовского

ВЕТЕР

Ветер, ой ветер!
Ветер, все ветер!
Косы запутал, веет и дует,
За плечи обнял и щеки целует.

Желтый лист палый,
Жгучий мак алый
Он в мои косы тайно вплетает,—
Страстью осенней сердце пылает.

Мчаться и мчаться!
И не угнаться...
Очи закрыты, ветер крепчает,—
Мчит и качает — озорничает.

1926

В СУМЕРКАХ

На косах — яблони цветенье.
Сад словно снегом заметен.
Из белой башни сновиденья
Придет сегодня снова — он!

Полоска озера — и стая
Звезд колдовских на самом дне,—
И черный человек растаял
Вдали. И сумерки во мне.

Сад дышит. В жизненном скитанье
Ужели буду я одна?
Все дни я буду в ожиданье,
В мой белый сон погружена.

Цветут в глубинах огонечки:
Там словно светят города.
Как разгадать загадку ночи?
Здесь холодно, и я одна.

1926

Я ВЕРНУЛАСЬ...

Я вернулась к тебе, моя белая муза,
Я вернулась к тебе...
Я оттуда, где розы, где движутся чаши по кругу,
Где не ведают бед.

Я видала, как юность нагая в кружении бала
Веселилась, пылка и хмельна.
Я видала, как юность, смеясь, погибала,
Мраком ночи окружена.

И рыдала я, глядя, как молодость гибнет покорно,
Как желтеют цветы.
Я рыдала,— не я ли пила тот напиток тлетворный! —
Сладкий яд на губах не остыл...

— Нет, не здесь твое счастье, где розы, вино и удача,
Путь веселья — не твой!
Словно пропасти, мрачен и, словно созвездья, прозрачен,
Вот он — путь твой ночной!

Ты зовешь меня с гор. Этот путь и обрывист и узок,
Моя мать по судьбе!
Я вернулась к тебе, моя белая, белая муза,
Я вернулась к тебе...

1927

ГИМН ЖИЗНИ

О жизнь моя — ветер бродяжьей воли!
Как сокол летишь над весенней землей.
О жизнь моя — эхо степных раздолий!
О жизнь моя — сон ужасающий мой!

Люблю тебя пламенной, вольной, могучей,
Как любят весну луговые цветы.
Люблю твой восторг, твой огонь летучий,
Как молодость любит,— всей силой мечты.

А ты, моя мать, о земля родная!..
Ты любишь рядиться в цветы и в кровь.
Когда бы мне дали все радости рая,—
К тебе лишь, печальной, рвалась бы я вновь.

Люблю я тебя, стихия свободы!
Коль хочешь, как зверь, меня растерзать,—
Умру, улыбаясь сиянью восхода,
И солнце в глазах моих будет сиять!

1927

НЕ БРАНИ МЕНЯ

Ты не брани меня, суровый отчим!
Ты, мачеха, напрасно не вини!
Лес пожелтел, и стали дни короче,
Цветам остались считанные дни.

Я к вам пришла сплясать веселый танец
И, улыбаясь лету, песню спеть,
Разжечь очаг, пока мы не расстались,—
Пусть он вас долго-долго будет греть.

А я уйду от вас, плясунья-гостья,
Окружена стрекозами с полей.
За все плачу без горечи, без злости —
Всей кровью сердца — песнею моей.

1927—1928

* * *

Как алые пятна стыда
на лице проступают —
так вы, мои строки, возникли на белой бумаге.

Но муку мою,
нескончаемую и живую,
вы, песни мои, отдалить и ослабить не в силах.

И если я нынче смеюсь или верую в счастье,
то лишь потому, что о прошлом уже не жалею,
как о сломанной ветке вишневой.

Низвергнув алтарь, пред которым молилась так долго,
и песни слагала, и болью своей упивалась,—
сжигаю мосты за собой, чтобы память меня не спалила.

1928

ЛЕТЯТ ЖУРАВЛИ

Осень. Грязь. Туман не тает,
Ни один не светит луч,
Журавлей большая стая
Разрывает полог туч.

Словно клич несется вольный:
«За моря, друзья, летим!»
Слышит их бедняк бездольный,
К воле завистью томим.

Мчатся птицы, мчатся тучи,
С ними мчится мысль моя,—
Если бы рукой могучей
Бедность задушила я!

Дайте крылья мне скорее,
Чтобы я взвилась в простор,
Тучи скорби я развею,
Я открою солнца взор.

Я виновна, что глухая
Бесконечно длится ночь,
Ныне, подвиг совершая,
Братьям я должна помочь.

1935

Я ЗАЦВЕТУ...

Когда-нибудь, о мой апрель,
Ты вновь сюда вернешься,
Вернешься ты, дружок апрель,
Но мне не улыбнешься.

Гнедого осадив коня,
Посмотришь взором ясным:
И зацветет земля,— то я
Всхожу цветком прекрасным.

1936

НИКОГДА

Взгляд твой милый растаял
В паровозном угаре,
Свет надежды растаял,—
Это больно забыть.
В сердце скорбь нарастает,
Горечь в каждом ударе.
Я хочу, словно стая
Паровозов, завыть.

Убегает береза.
Мысли рвутся обратно.

О, дорога большая!
Возвращусь ли сюда?
Ты моя ли, береза?
И гремит многократно,
Голос мой заглушая:
Ни-ко-гда! Ни-ко-гда!

<1939>

РОДИНЕ

Ты снишься — сиротой без крова,—
В крови, в слезах, в печали...
Я сотни миль пройти готова,
Чтобы узнать — жива ли!

Сады ль твои зарозовели,
Плоды ли рдеют, зрея...
Сквозь ветер, зной, дожди, метели
Приду, приду к тебе я!

Ты озираешься тоскливо,
Твой светлый взгляд печален.
Где города твои, где нивы,—
Край пепла, край развалин!

Где лучшие из лучших дети?..
Ты руки заломила.
Дома их разоряет ветер,
Безвестны их могилы.

Как снятся мне твои просторы,
Что всех краев чудесней!..
Вернусь к тебе, родная, скоро
С моею лучшей песней!

1941

БЕТХОВЕН

Зачем ты шествуешь сквозь бурю
И вихрь седые кудри рвет?
Остановился, глянул хмуро
И снова ты идешь вперед.

Что было в прошлом? Великаны
Или пигмеи — все равно...
Шагает время неустанно,
И ты с грядущим заодно.

Где те, о гений одинокий,
Что силою тебе равны?
И этот день, и век далекий
Восторгом пред тобой полны.

Ты необъятен, словно море,
Никто не знал такой судьбы...
Иду сквозь слезы, кровь и горе
Я с поколением борьбы.

Тебя не солнце провожает
На огненном закате дня,
То в след шагов твоих ступает
Моя кровавая ступня.

Пусть льется кровь, пусть горе бродит,
Пусть город в пепле и чаду,—
Вот новый человек восходит,
Его приветствовать иду,

Чтоб к солнцу стяг был поднят алый
Недрогнувшей рукой моей
И чтобы я расцеловала
Всех к правде рвущихся людей.

1942

ПОЙ, СЕРДЦЕ, ЖИЗНЬ

Пой, сердце, жизнь, тобой любимую,
Лазурь безоблачную, чистую,
И тучку, ветерком гонимую,
И в сосняке тропинку мшистую.

Пой жизнь без пуль, без думы черной,
Летящую беспечной птицей,—
О, радость ласточки проворной!
Журавль над спящею криницей!

Пой о войне всепожирающей,
Пой, как всегда, без принужденья,
О жизни, в пламени сгорающей,
О жизни, ждущей возрожденья.

Пусть льется песня, обгоняя
Степные ветры быстролетные,
Пусть заглушает, боевая,
Скороговорки пулеметные.

Когда ж, залив очаг пылающий,
Иссякнут слезы поневоле,
Спой новый стих, без слез рыдающий,—
Пусть корчатся слова от боли.

Рази врага словами колкими,
Стрелой пронзай отродье змиево,
Стальными бей его осколками
И мертвою петлей души его.

Пой, сердце, все, чем ты гордишься,—
Надежды, радости, тревоги,
А смолкнешь — в камень обратишься,
Тебя затопчут вражьи ноги.

1943

ОСЕНЬ

Зацветает вереск. Наступает осень,
В теплые пределы улетают птицы.
Светлая береза — меж двух темных сосен
Как тебя мы любим — белая сестрица.

Мы попросим бури: будьте осторожны,
Не треплите, ветры, вы зеленой челки.
Вы терзайте, бури, явор придорожный,
Вы играйте, ветры, пылью на проселке.

1943

БЕЗДОЛЬНАЯ

Как я бездольна! Слезыньки застят
Очи мне тьмою...
Будешь ли снова, майское счастье,
Счастье весною?

Будет ли песня вновь раздаваться
Скворушки-братца?
Петь я хочу, хочу улыбаться,
Звонко смеяться...

Слов не хватает! — все-то их мало,
Сколько ни сетуй!
Я бы снежинкой белой припала
К родине светлой.

1943

ЛИТВЕ

Бушует черная гроза,
И в небе сумрачном и рваном
Пороховые облака.
А ты все так же далека!..
Озер тишайшие глаза
Прикрыты тьмою и туманом.

Налились кровью небеса.
А ты на пепелище стылом
Стоишь без памяти — одна,
Растеряна, разорена...
Озер тишайшие глаза
Заволоклись тяжелым дымом.

Не жалко сказочных коней,
Не жалко юности беспечной,—
Я плачу о судьбе твоей...
Земная, скорбная краса,
Озер тишайшие глаза,—
О вас тоскую бесконечно.

Скатилась чистая слеза
Ручьем по выжженному полю.
Не плачь, тоску свою забудь!
Меня проводят в дальний путь
Озер тишайшие глаза...
Вернусь, неся в подарок волю.

1944

* * *

Настанет май, в садах сирень очнется,
И соловей безмолвствовать устанет...
И пусть пока — в руинах ветер бьется,
Над мертвою землей — вороньи стаи,

Пороховая гарь, обугленные трубы
И черные неубранные трупы.
Мы вновь вернемся под родимый кров,
И землю вылечим, и успокоим кровь.

Настанет май, и ранние зарницы
Утихшей боли в нас не растревожат.
Весной сирени как не распуститься? —
И соловей весной не петь не может.

1944

ПРЕДВЕСЕННИЕ ВЕТРЫ

О ветры предвесенние! Взлетая,
С веселым смехом мчитесь вы над нами,
Как белых голубей большая стая,
Как голуби — с зелеными ветвями!

Развейте, ветры, тленье и удушье,
Осыпьте золотом песка — могилы!
Пусть легче пуха будет всем уснувшим
Земля, которой отданы их силы!

Пускай крылами, стоя вровень с небом,
Вам мельница кивает ветряная!..
Ведь ветер пахнет жизнью, пахнет хлебом,
О счастье прежнем всем напоминая!

Поля — в потоках солнечного света,
Синеют дали, дышат благодатью...
О, ветры предвесенние! О, ветры
Земли родимой!.. О, свободы братья!

1945

ТЕОФИЛИС ТИЛЬВИТИС

(1904—1969)

С литовского

УПЫРИ

Растаял дым. Кровь смыта. Рассветает.
Ушли на запад сумерки и муть.
Литва! Передо мною вырастает
Единственный твой осветленный путь.

Ужасные, чудовищные годы
Твоей не исказили красоты.
И снова в светлой радости свободы,
Воскресшая, ждешь новых песен ты.

Твой сын наладил плуг. Он хлеб посеет,
И снимет хлеб, и в теплый дом войдет.
...Но что за тень над мирным полем реет
И прячется, едва лишь рассветет?

А в час, когда росой овраги дышат,
Когда стогами убраны холмы,
Чьи крылья воздух медленно колышут?
То гробовой упырь, исчадье тьмы.

Вот он крадется тихо по деревне,
Метет дорогу шерстяным крылом,
И входит в дом, и по привычке древней
Затягивает благостный псалом.

Или, таясь у ветхого уступа
В церковной нише, в мертвенной тиши,
Красуясь белым облаченьем, скупо
Отвешивает милость для души.

Вечерний час. Все плавится в закате.
Огни в домах то вспыхнут, то замрут.
Легли у деревянного распятья
Серпы жнецов, благословивших труд.

И человек снимает шапку строго,
Он просит бога доброго помочь.
А старший сын его во имя бога
Из-за угла подстрелен в эту ночь.

На лбу отца, как на коре древесной,
Не счесть борозд, потрескалась рука.
А тень сползает по стене отвесной,
Скребется ногтем в окна чердака.

А на заре, когда прохладны росы,
Когда вокруг людской веселый гам,
И косари натачивают косы,
И где-то пляшут грабли по лугам,—

Увидишь ты, как на телеге тряской
Тень черная соборовать спешит,—
Та самая, что под бандитской маской
Любым ножом от жизни отрешит...

В день троицын отбрызгали кропила,
Струится ладан, голубеет даль,
Весна, пробившись в окна, ослепила
Цветной церковной утвари хрусталь.

Упырь-мертвец приблизил к чаше губы,
И бедняки пред ним простерлись ниц.
Вздохнул орган, и сомкнутые трубы
Сулят в раю блаженство без границ.

И вот уже слуга Христа в постели.
Он не забудет, что в бору седом
Другие божьи слуги просвистели
И грудой пепла стал крестьянский дом.

И снова натощак, едва светает,
Теснятся прихожане у дверей,
Чтобы свершилась исповедь святая,
Дал отпущенье добрый иерей.

Он хлеб святой разделит мирной пастве
И, отшвырнувши колокольчик прочь
И за пояс гранату сунув наспех,
Для мокрых дел упырь ныряет в ночь.

Откуда ж эта нечисть вековая?
Зачем она является из тьмы,
Крылами смерти солнце затемняя,
Уродуя народные умы?

Или еще от солнечного блеска
Былое не исчезло без следа,
Не сыплется, как выцветшая фреска
Бесовских харь и Страшного суда?

Уже моя зеленая планета
Наполовину в зареве зари.
Ночная нечисть ощутила это:
Торопятся в могилу упыри!

1947

ОТДЫХ

Грохочет Балтика, и волны, пенясь, мечут
Янтарь сверкающий и дышат тяжело.
В полдневную жару, в июньский тихий вечер
На Неринге легко, привольно и светло.

Пески накалены, волна бежит со звоном.
Сторожевой корабль спокойно подошел,
Рабочим с фабрики «Триничяй» хорошо
Дышать балтийским воздухом соленым.

Погожий день. Малыш играет на песке.
Как мира часовой, как мужественный воин,
Сторожевой корабль стоит невдалеке.
Ребенок на песке и весел и спокоен.
Его родители, что выросли в подвале,
Не зря надеялись — и счастье увидали.

1950

ЖИГУЛИ

Вниз по Волге плывет
И плывет пароход,
За кормой только пена густая.
Берег виден едва,
Я чуть слышно слова
На знакомый мотив повторяю:

«На востоке, вдали,
Где просторы легли
Нашей мирной земли,
Поднялись Жигули».

Пролегла, широка,
Светлой лентой река
От Москвы до Каспийского моря
Древней Волги разлив
У желтеющих нив
Зашумит урожаями вскоре.

Жигули, Жигули
Предо мной расцвели,
Пышным садом легли
Нашей мирной земли.

И взорвал аммонал
Крепость каменных скал,
Разметал вековые породы.
Среди этих высот
Светлый город растет,
Поднимается гордость народа.

Жигули, Жигули!
Годы счастья пришли,
Радость нашей земли
Ныне вам принесли.

Где когда-то в бою
Стенька Разин свою
Проявлял молодецкую удаль,—
Колосятся поля,
Расцветает земля
Для родного рабочего люда.

Жигули, Жигули...
Вы у Волги легли,
Вы как сад расцвели —
Гордость русской земли!

1951

НА ДНЕ МОРЯ

Где я стою — назавтра будет море.
Здесь повстречаются суда.
Быть может, я и сам поверю вскоре,
Что было так всегда.

Где я стою — промчатся рыбьи стаи,
А люди здешних деревень
Переселятся выше, и, блистая,
Займется новый день.

Где я стою — звенеть волне свободной,
Тревожа водорослей сон...
Здесь будет мощной волей всенародной
Весь край преображен.

Советским людям — честь, хвала и слава
За их великие труды!
Повсюду зашумят густые травы
И расцветут сады.

Где я стою — назавтра будет море.
Могуч советский человек.
Взрывает горы он, с природой споря,
Меняет русла рек.

1951

ААЛЫ ТОКОМБАЕВ

(Род. в 1904 г.)

С киргизского

ПОТОМКАМ

Потомки, я у вас прошу на миг вниманья.
Хочу найти в сердцах ответ и пониманье.

Когда вы в Ленинград помчитесь на «Стреле»
Не забывайте: вы — на раненой земле.

Мелькают за окном то вдалеке, то близко —
То в поле, то в лесу простые обелиски.

Здесь был когда-то бой. Здесь каждый был — солдат
И каждый — чей-то сын, и каждый — чей-то брат.

Все были — как один. Винтовки и шинели.
Все били — как один — по грозной черной цели!

Никто не отступил. Все — братья по судьбе.
Безмолвная земля их приняла к себе.

Тут остановок нет, тут поезд мчит стрелою.
Но встаньте хоть на миг: кругом лежат герои.

Каленые штыки. Солдатские сердца
На этом рубеже стояли до конца.

Они тут навсегда, чтоб мы не забывали
О том, как в те года победу добывали.

Подумайте, друзья, о тяжкой их борьбе.
Подумайте потом и о своей судьбе.

Мы вечно быть должны солдатам благодарны,
За то что наши дни светлы и лучезарны.

Потомки, вам дарю я этот скромный стих,
Чтоб помнили о нас, чтоб помнили о них.

1945

ПЧЕЛА

Зацвели сады вокруг,
Будто иней выпал вдруг.
И над яблоней пчела
Золотой свершает круг.

Утро в каплях серебра,
А уж ей лететь пора,—
Встрепенулась раньше всех,
Солнца младшая сестра.

И гудит до темноты.
Клонит ласково цветы.
И дивишься, сколько в ней
Хлопотливой доброты.

Рассердить страшись ее!
У пчелы свое чутье —
Жалит лодырей она,
Трутням в улье не житье.

А бывает, попадет
Тем, кто в улье мед берет.
Только это не беда —
Поболит, потом пройдет.

Золотой гудящий рой
Занят делом, не игрой.
Пчел веселая семья —
Символ жизни трудовой.

1955

БЕЛЫЙ ОЛЕНЬ

Он вышел из кустарника. И шест
На голове восстал восьмиветвистый.
Дитя и украшенье этих мест,
Спокойно озирал он край гористый,
При этом чутким ухом шевеля.
О чем же говорила с ним земля,—
С ним, кареглазым и красивостанным?
Он был свободным, я был мальчуганом
А детство и свобода — та чета,
С которой песня жизни начата.

Я не забыл его до старых лет.
Решил я, что найду олений след.
Все было как когда-то. Нерушимо
Стояли горы в одеянье дыма.
О чем-то быстро говорил родник,—
Как прежде, был младенческим язык.

Но что это? У русла речки звонкой,
Лишайника одеты грубой пленкой,
Валяются могучие рога...
Где встретил он жестокого врага?
Давно ли сердце перестало биться?
Охотник ли с ружьем — его убийца,
Или его зарезал серый вор?
Кто отнял у него земной простор,
И лунный вечер, и зари пыланье,
И длинные глаза любимой лани?

Чей облик был запечатлен в зрачках
Остановившихся? И был ли страх
Его предсмертным чувством? Как надгробье
Иль дерева ветвистого подобье —
Его рога. А мир блестит вокруг.
Но где же ты, олень, мой белый друг?

Навек твой образ в сердце сберегу.
Есть у киргизов древний род бугу.
«Праматерь наша — Лань, и мы — оленье,—
Бугинцы утверждают,— поколенье».
Твои рога висят меж пестрых книг,
И часто-часто я смотрю на них.
С тобою встречу свой последний день,
Ветвисторогий предок мой — олень.

1967

МУМИЁ

Это сок самой солнечной горной травы — мумиё.
Драгоценные капли стекают с камней, говорят.
Мумиё обновляет, второе дыханье дает,
Нет на свете лекарства ценней и верней, говорят.

Та трава под луною сияет; кто выпьет ее,
Девять раз по двенадцати лет проживет, говорят.
Кайберен, если ранен — спешит отыскать мумиё,
Выше, в скалы инстинкт его мудрый зовет, говорят

Зелье пил Улукман-врачеватель, и старость ему
Не встречалась на тысячелетнем пути, говорят.
Сотни лет черепаха на свете живет потому,
Что траву золотую способна найти, говорят.

Мне порою приходит на ум, что поэзия — как мумиё
В чем секреты? Что слову и запах и цвет придает?
Сокровенное слово, где только тебя не искал!..
Мумиё над обрывом сочится из тяжести скал.

1969

УБЕГАЮЩЕЙ ЮНОСТИ

Юность, не беги, постой на месте
Иль замедли быстрые шаги.
Те цветы, что мы растили вместе,
Людям раздарить мне помоги.

Слишком кратким было их цветенье,
Слишком мало я раздал цветов...
Не беги в строптивом нетерпенье,
Погоди хоть несколько годов.

У меня семян в запасе много,
Мы еще взрастим с тобой вдвоем
Нежный сад у горного отрога,
Чтобы люди радовались в нем.

А когда того дождусь я срока,
Чтоб уйти навеки в тишину,
Улыбнется мать мне издалека,
Улыбнувшись ей, и я засну.

Но земля пребудет дорога мне,
Навсегда останется со мной:
Имя высекут мое на камне
В теплую ладонь величиной.

Если же средь полдня золотого,
Так случится, превращусь в гранит,
Снова посмотрю на Ала-Тоо,
Снова песня в сердце зазвенит.

1969

НА ЗЕМЛЕ ОТЕЧЕСКОЙ

Уже туманы утра стали зыбкими,
И солнце на долину ляжет скоро,
Уже пришли кузнечики со скрипками,
И птичий хор поет без дирижера.
Уже созрела влажная смородина,
А ягоды ее — глаза любимой.
Ты — не вовне, ты в нашем сердце, Родина,
Сияешь красотой неизъяснимой.

О, сколько в скалах неги и суровости,
Как прошлое вступает в день грядущий,
Какие мне рассказывает повести
Родник, из-под горы ко мне бегущий!
Ужель мечту тревожную исполню я
И где-то с горной высью по соседству
Мгновенно оседлаю время-молнию
И к босоногому вернусь я детству?

Вот по камням бегу я, с гор низвергнутым,
Мне кустик желтый кажется лисицей,
И я — не мальчик, я — охотник с беркутом,
И бабочка мне служит ловчей птицей.
Земля моя, любовь моя весенняя,
О, эти две долины, два Кемина,
Два близнеца в пахучий день цветения:
За ними — думал я тогда — чужбина.

Я думал, что земля моя бесценная —
Лишь эти две долины меж горами,
Но как раздвинулась теперь вселенная
С ее неоценимыми дарами!
Раздвинулась в пространстве и во времени
Судьба моя, земля моя родная,
Теперь я сын народа, а не племени,
И мысль моя, и даль моя — иная.

Но сочетались в думе человеческой
И то, что прожито, и то, что ново...
Как бьется сердце на земле отеческой,
А сердце — это Родины основа.

1970

СЕРАФИМ ЭЛЛЯЙ

(1904—1977)

С якутского

БУДЬ СЧАСТЛИВ!

В тайгу выходит молодость,
И говорит тайга ей:
— Бери у меня золото,
Я щедрая такая!
Сияет солнцеликое
Безоблачное небо —
Твои дела великие,
Бездельничать нелепо!..—
Гора большую голову
Вздымает над пространством
И говорит геологу:
— Ищи мое богатство!

В тайге сверкнуло озеро
Серебряною брошкой,
Благое слово бросило:
— Лови мою рыбешку!—
Лежат поля обширные,
Взывая на рассвете:
— Просторы наши мирные
Вспашите и засейте!

Трава зеленокрылая
Звенит в долине Лены:
— Меня вы, люди милые,
Скосите непременно!

Просторы необъятные,
Луга, озера, чащи
И лето благодатное
Мне говорят: — Будь счастлив!

1930

АЙБЕК

(1905—1968)

С узбекского

ПЕРВЫЙ СНЕГ

На мой термометр вдруг дохнул ты с высоты,
и ртуть склонила стан, свой синий стан и нежный.
Повсюду твой привет подброшен в письмах снежных,
как падающий лист, так пляшешь, легкий, ты.

Гость мрачный птичьих гнезд, к тревогам птичьим глух,
любую ямку, щель ты счел своей находкой,
ты с улицы прогнал сапожника с колодкой,
цветочницу, а сам повис, как белый пух.

И громкое «апчхи» уж с улицей дружит,
из листьев парковых — шуршанья золотого,
о лете память всю ты изгоняешь снова,
впервые с неба путь так гордо проложив.

«А вот и снег!» — кричит у школы детвора,
сражается в снежки, летая по газонам,
и пешеход иной, в своем демисезонном,
горюет, что ушел не в теплом со двора.

О лете лучшее храня воспоминанье,
дрова и уголь я запас исподтишка,
со стен снимает мать лепешки кизяка —
жизнь все же вздрогнула от снежного дыханья!

1938

ДЕНЬ ВЕЛИКИЙ ПРИДЕТ

Вечер душный, усталый на отдых залег,
Гаснут на небе огненных маков луга.
Ужин варится, рдеет в золе уголек,
Мать-старуха на корточках у очага.

А над ней, на жердях, тяжелы и плотны,
Темно-красного яхонта гроздья висят.
И, чего-то ища, горячи и жадны,
Ветерки виноградной листвой шелестят.

Пятерых молодцов, одного за другим,
У нее отняла, оторвала война.
И тоскует она по своим дорогим,
Видеть их — нестерпимым желаньем полна.

Голоса их в ушах не смолкают у ней,
Их дыханье горячее бьет ей в лицо.
Все ей чудится: будто шаги сыновей,
Будто звякнуло старой калитки кольцо...

Вот развязывает она кончик платка,
От меньшого письмо полустертое в нем,
Эти буквы писала родная рука,—
Слезы вновь подступают ей к горлу комком...

Призрак сына, кивнув, удаляется прочь.
Пригорел ее ужин, и выстыл очаг.
Краски вечера черным замазала ночь.
Хмурясь, в мрак она смотрит до боли в очах.

У ограды колышутся пять тополей,
Пять друзей, шелестящих, веселых, живых.
И целует им ветви и блещет теплей
Золотая звезда между листьями их.

Мать вздыхает. Она одинока опять.
Тихо шепчутся пять тополей и звезда.
Слез не лей, будь тверда в испытаниях, мать!
Счастье в дом твой вернется, придет навсегда!

Снова даль бирюзовая, песней звеня,
Отзовется — окликнешь, махнешь ли рукой,-
Непомерною радостью сердце тесня,
Засмеется земля, если ступишь ногой.

По садам, по дворам будут рыскать ветра,
Как гонцы, застучат у дверей матерей.
Не закончив уроки, из школ детвора
Понесется гурьбой по домам поскорей.

День великий придет, день победной весны —
Ты обнимешь своих пятерых сыновей,
Лица их, опаленные жаром войны,
Будешь ласково гладить рукою своей.

И как будто бы солнце ворвется в сердца,
И, смеясь, и от радости слез не тая,
Ты увидишь, узнаешь: как даль без конца
Засияет прекрасная старость твоя!

1942

ПАМЯТИ АННЫ АХМАТОВОЙ

Все мне кажется: день уберет
дымку памяти с летнего часа,
и на давний высокий порог
выйдет женщина та
величаво.
Точно трудная ей задана,
не по силам задача.
И четко
и ревниво блестит седина
в ее гладкой и черной прическе.
Солнце низится за горизонт,
полнит тысячи глиняных оспин.
Как крыло стрекозиное, зонт
пропускает малиновый отсвет.
Ей, идущей, далеко видна
вся в тенях тополиных дорога.
В истомленном арыке вода
пробирается в тень понемногу.
А ташкентское лето кипит,
перепутав наречья и лица,
и под цоканьем частым копыт
мостовая горит и дымится.
Но встают перед женщиной той
на экране духовного зренья
кровь, и дымы,
и город пустой —
весь немыслимый ад разоренья.
Горе горькое в гору свали —
и под всеми завалами теми
ты не сыщешь уже, где — свои,
где — отчизны скорбящей потери...
Но осанка идущей — стройна,
крылья шарфа недвижны косые.

Полной мерой дала ей страна
горя,
веры
и силы России.
Вижу я в отдаленье глухом,
как черты ее чутки и строги:
в золотящихся струях Анхор
золотые ей жалует строки...

1968

ПЕТРУСЬ БРОВКА

(Род. в 1905 г.)

С белорусского

ЗЕМЛЯ

Надрывалась земля
В своей муке исконной,
Человеческим голосом
Умоляла ты нас:
— Засевайте меня,
Убирайте любовно,
Чтобы жар в груди моей
Не погас.

Мы же рвали ее
На клочки,
На делянки,
На полоски худые
Межой раскроив.
Подрастали
Сымоны, Рыгоры да Янки
И делили полоску
Одну на троих.

А декабрь приходил,
Посиневший от стужи,
Вихрь в амбарах пустых
На цимбалах играл,

Мы же только, ремень подтянув,
Да потуже,
Хлеб свой горький пекли
С лебедой пополам.

Из мякины тот хлеб
Был и горек и жесток,
Застревал
На распухшей цинготной десне.
Выходили
Под стать мертвецам на погостах
И недолю встречали свою
По весне.

Много бед мы узнали
В нашей длинной дороге
И голодной тоски
За порожним столом,
Черный ветер бил в стекла,
И днем на пороге
Часто смерть появлялась
С холодным челом.

Но пришел наш черед,
Расквитались мы с ней,
Мы прогнали царя,
И жандармов, и пристава,
Чтобы ты нам,
Земля,
Расцвела покрасней,
Чтоб хватало для всех
Хлеба чистого.

А теперь мы избавим тебя
От невзгод,
С новым плугом идем,
Кормим калием,
Чтоб дарила ты нас
Каждый год,
Каждый год
Не одним,
А тремя урожаями.

1931

РАНА

Я солдат-фронтовик,
А война так сурова,
Что я думал порой —
Мне уж больше не жить.
Восемь ран залечил,
В строй вернулся я снова,
Только рану одну
Не могу залечить.

Улеглась бы тоска,
Если б снова напиться
Мне воды той живой,
Что пивал я не раз;
Если б я повидал
Тот чабрец с медуницей
И столетний тот бор,
Что под Минском у нас.

Эту жажду ничем
Утолить не могу я,
Сердце думою только
Одною живет:
«Мне попасть бы скорей
На сторонку родную!..
И громить бы врага,
Пробиваясь вперед!»

1943

НАСТОЧКА

Ночь летит, как ласточка,
Сладко спится Насточке.

Ветер ходит у окон,
Снится ей пригожий сон:
Хороводы у реки,
И подружки, и венки,
Кофточки кисейные...
Сладки сны весенние!

А под утро — чуть светло —
Будто стукнул кто в окно,
Задрожала хаточка,
Рассуждает Насточка:
«То волна по донышку,
То стучит сосеночка,
То ведь дятлы раненько...»
Не проснуться маленькой.

Спит, покинь ее, докука,
Только кто-то снова стуком...

То ль по небу громами,
То ль по камню ломами!

Сон слетает, улетает,
И проснулась, золотая,
Обожгло, что молнией.
— Кто такой? — промолвила.

Да как вдруг поднимется,
Да к оконцу кинется,
А сердечко ходуном...
Что ж ей видно за окном?
Видит милое лицо,
Слышит светлое словцо:
— Открывай же хаточку,
Я твой тата, Насточка,
Я с победой, Насточка!

1945

ДУБОВЫЙ ЛИСТ

Я не страшусь
Ненастья злого,
Перед метелью устою:
За жизнь держусь, как лист дубовый
За ветку держится свою.

В осенней мгле,
В промозглой хмури

Он полыхает, словно медь,
Чтобы в ответ на посвист бури
Раскачиваться
И звенеть.

Когда зимою
Вьюга стонет
И злобно щерится мороз,
Он прикрывает, как ладонью,
Ту ветку,
На которой рос.

Но, вешней зорькой
Околдован,
Он, встретив солнечный восход,
Уступит место листьям новым
И тихо наземь
Упадет.

1956

ДЕКРЕТ ЛЕНИНА

Тот день сквозь годы людям светит,
Все в нашей волости глухой —
И деды, и отцы, и дети —
На сход пришли одной семьей.

Здесь едкий дух махры и пота
Висел под низким потолком,
Матрос, приехавший с Балтфлота,
В чаду маячил за столом.

Листок, что был в руках матроса,
Все видеть явственно могли.
Толпу окинув, произнес он:
— Братишки, я насчет земли...

Читал моряк могучим басом,
Овеян дымкою легенд,
Весь перевит и опоясан
Скрещеньем пулеметных лент.

Он взбудоражил нашу волость,
В огне испытанный герой.
Но и его гремящий голос
Срывался и дрожал порой.

Не шибко грамотой владел он,
Волнуясь, по складам читал.
Но сходка радостно гудела,
Огонь в коптилке трепетал.

Листок потрогать все старались.
— Матрос, прочти еще разок! —
И вновь скользил шершавый палец
Вдоль жарко полыхавших строк.

И каждый спрашивал с волненьем:
— Скажи нам, добрый человек,
А кто такой товарищ Ленин?
— Тот, кто вам землю дал навек!

1957

АЛЕКСАНДРИНА

Не позабыть мне песню далекой той весны:
«По Муромской дороге стояли три сосны...»

Бродили мы и пели, и с песней ты цвела.
Александрина, помнишь, какая ты была!

Любил тебя тогда я,— зачем теперь таить? —
И ни с одним цветком я не мог тебя сравнить.

Взять василек, но краска — всего-то в нем одна,
Взять лилию, но эта уж очень холодна.

Взять колокольчик, может... Да всех ты краше их!
Такой ты мне казалась в семнадцать лет моих.

Летело время, мчалось, мне навевая сны,
Как по дороге в Муром стояли три сосны.

Прошли весна и лето. Зима — над головой...
Александрина, где ты, подай мне голос свой!

1962

ДВА СЕРДЕЧНЫХ СЛОВА

«Калі ласка!»[1] — два коротких слова
Повторяю снова я и снова.

Сколько ни живу, они со мною,
Все звенят серебряной струною.

В них открытость и добросердечье,
В них — певучесть белорусской речи.

Гости к нам — счастливое событье.
Калі ласка, в хату заходите!

Сразу печь заполыхает жарко,
На столе — яичница и шкварка,

Бульба и домашняя колбаска.
Угощайтесь, люди, калі ласка!

Парень, позабывший на свидании
Все, что им затвержено заранее,

Помнит, что признания основа —
Калі ласка! — два коротких слова.

А затем придет и остальное:
— Калі ласка, будь моей женою!

В дом войди, и станет он пригожим,
Вместе все невзгоды превозможем!

Гром гремит над житом и над просом.
— Калі ласка! — летний дождик просим,

Лейся, дождь, не крупный и не редкий,
На грибы, на ягоды, на ветки!

Если непогодь над нашим краем,—
— Калі ласка! — солнце приглашаем.—

Милости просим *(белорусск.)*.

Калі ласка, выйди из-за тучи,
Все согрей и освети получше!

— Калі ласка! — слышится при встрече
С ласковой и задушевной речью.

— Калі ласка! — повторяю снова
Два коротких белорусских слова.

ПАРТИЗАНСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

О телеграфе партизанском
Ни диссертаций, ни статей.
Он проще азбуки-морзянки,
А в чем-то, видимо, сложней.

Пастушьей дудки звук певучий,
Рулады птичьи, волчий вой,
Зарубки на стволах и сучьях
Включил он в код секретный свой.

Телеграфист лесной, бывало,
Все расшифровывал на слух —
Зачем кукушка куковала,
Что передал трубач-пастух?

Дозорный, разрешив задачу,
Легко перелагал в слова —
О чем над речкой чибис плачет,
Кого зовет в ночи сова?

Приказы, данные разведки,
Согласно азбуке штабной,
Писались ножиком на ветке,
Лопатой на тропе любой.

В землянках уточняли планы,
Бой как по нотам разыграв,
Не зря любили партизаны
Свой безотказный телеграф.

В НАЧАЛЕ ЛЕТА

Пусть силы еще не набралося лето,
Но речка играет, полна красоты.
И аира сабли пробилися к свету,
Поднялися к солнцу из мутной воды.

Лоза распушилася — вдруг осмелела
И тоже в воде по колено стоит.
А сколько же лилий — фонариков белых
Под вечер над заводью сонной горит!

А месяц взойдет — аж до дна проникает,
А там серебро, а не камушки, нет!
А выскочит рыбка — свечой засверкает,
Плеснется — аж сердце вздыхает в ответ.

КОГДА В КРАЮ...

Когда в краю, где бегал бо́сым,
Бывал я,— верьте или нет,—
«День добрый!» — я шептал березам,
«День добрый!» — слышал я в ответ.

И сердце гулко так стучало,
Как будто в пору детских лет.
«День добрый!» — речку привечал я,
«День добрый!» — речка мне в ответ.

Разгорячась, я шел напиться,
В траве прокладывая след.
«День добрый!» — говорил кринице,
«День добрый!» — мне она в ответ.

И благодарен, и взволнован,
Я был готов обнять весь свет:
«День добрый, луг, поля, дубровы!»
«День добрый!» — все они в ответ.

ВОЛНЕНИЕ

Напрасно люди ждут покоя.
Но я не тот. Не из таких.
И ты, волнение людское,
Со мною с первых дней моих.

Да что там я! Легко заметить —
Оно не нам одним дано:
Оно во всем на белом свете.
Во всем как есть. Везде оно.

Глядишь, оно и в море синем,
В земной коре — во все века,
Оно пылит песком в пустыне,
Сдвигает в небе облака.

Оно и в соловьином пенье,
В ключе, что льется ручейком,
В листке березовом весеннем
И в струнах скрипки под смычком.

Увидишь вдруг пушинку в небе —
И та волнуется, летя,
Волнуясь, дышат зерна в хлебе,
Под сердцем матери — дитя.

Покоя нет. И мне сдается:
Нет ни для этих, ни для тех.
Мое ведь тоже сердце бьется,
За все волнуясь и за всех.

* * *

Не спишь. Тревожно сердце бьется
Ища себя в строках твоих.
Поэзия — рытье колодца:
Чем глубже, тем прозрачней стих.

Копай упрямо, чтоб оттуда,
Из глубины, забил родник,
Чтоб над сухменью не как чудо,
А как победа он возник.

Чтоб кто-то, иссушенный жаждой,
Уста свои в нем освежил.
Чтоб ощутил, читая, каждый,
Что это он твой стих сложил.

ПЕТРО ГЛЕБКА

(1905—1969)

С белорусского

* * *

Зачем гадать, мечтая о далеком,
Тому, кто в жизнь не верит всей душой?
Нальется яблоня румяным соком
И зашумит весеннею листвой.

Но не собрать ей листьев, что опали,
И не вернуть увядших лепестков.
Лишь звезды те же, что всегда сверкали,
Да неба синь сквозь дымку облаков.

Как месяц молодой, гляжу на землю,—
Я разгадать грядущий день пришел:
Лишь тот мечтает, будущему внемля,
Кто верит в современное душой.

1925

ЯГОДЫ

Каким он выдался счастливым
И урожайным — этот год!
В саду — крыжовник, зреют сливы,
Клубники полон огород.

Пустырь вчерашний, никудышный,
И тот плоды приносит вдруг:
Черешни дикие и вишни,
Аж ветки ломятся вокруг.

Над самой речкой, средь крушины,
Сплошной смородиновый рай,
И цепкие кусты ожины
Зовут: — Иди и собирай!

Ах, что за ягоды лесные!
Полянки щедро зацвели,
Когда весенний луч впервые
Коснулся утренней земли.

Сперва возникла земляника,
Вся розовая, вся в росе,
А там, средь вереска, гляди-ка
Черника в сумрачной красе.

К исходу сладостной малины
Готовит лето новый взрыв,
Все боровые луговины
Брусничной завязью покрыв.

А на болотистой поляне —
Багрянец клюквенной поры.
И следом — позднее пыланье,
Рябин осенние костры.

Каким он выдался счастливым
И урожайным — этот год.
Под стать неистощимым нивам
И сад, и лес, и огород.

1940

УПОРСТВО

Идут кровавые бои —
сильней день ото дня.
Четвертый день друзья мои
на линии огня.

На них два раза танки шли,
засыпали землей.
Они восстали из земли
и снова рвутся в бой.

Они врага отбросят вспять
и долг исполнят свой,
пока стоит за эту пядь
хотя б один живой.

1941

СМЕРТЬ СОЛДАТА

На ратном поле умирал солдат,
Он смело дрался до последней пули,
Его друзья уже навек уснули,
Теперь он замыкал их скорбный ряд.

Он тихо отходил — обрел покой,
Высокое исполнил назначенье.
Враги лежали тоже без движенья —
Он целил в каски снайперской рукой.

И жаждал человек в свой смертный срок
Ладонью тронуть стебелек зеленый,
Не пулями, но солнцем опаленный.
Услышать леса мирный говорок.

Да только пусто было перед ним —
Трава пожухла, сосны почернели,
Сраженные, как он, лежали ели,
И над землей клубился горький дым.

Но как в былинах у слепых певцов,
Собрав остаток богатырской силы,
Очнулся воин на краю могилы
И обратился к небесам лицом.

Лазурь сгущалась и сближалась с ним,
День поникал, и солнце умирало,
За край земли неспешно уплывало —
К могилам братским, к сыновьям своим.

Но свет его бессмертный золотил
Обугленное поле, павших лица
Тревожил, даже черный дым светиться
Заставил,— мертвый лагерь оживил.

Вот солнце уже кануло на треть,
Глаза в глаза солдата провожая.
Как многозначна красота земная,
Когда смогла украсить даже смерть.

И губы остывавшие бойца
Шептали: «Не вернусь домой, я знаю,
Но снова расцветет страна родная,
И верю я, что жизни нет конца».

Молю судьбу — дай мне такую смерть,
Чтоб на краю разверзнутой могилы
И мне хватило мудрости и силы
В своей последней песне жизнь воспеть

1944

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Ну вот и мы с тобою дома!
За поворотом будет сад,
А дальше — хаты. Нам знакомо
Все это с давних лет, солдат!

Сгустились сумерки, как прежде.
Давай, земляк, пойдем быстрей.
Веди нас, добрая надежда,
К заветной хижине моей.

Войной гонимые по свету,
Мы помнили свой уголок,
И, может, за три года ветер
Замел следы солдатских ног.

Но все тут нам давно знакомо:
За поворотом будет сад,
А дальше — хаты. Вот и дома!
Но что такое? Стой, солдат!

Иль заблудились мы с тобою?
Иль ты, друг, лишнего хватил?
Прибавим шагу. Что такое?
Нет, здесь, я помню, садик был.

За ним вот тут стояла хата,
Здесь тополя шумели в ряд...
Коль смерть не тронула солдата,
Так насмеялся лютый кат.

Нам нет пристанища с тобою,
Где были хаты — там пустырь,
Крыльцо засыпано золою,
Везде ольшаника кусты...

Каких примет нам не хватает?
Я узнаю тебя, земля,
В том, как звезда в ночи мерцает,
Как пахнут свежестью поля.

Нет, ошибиться мы не можем,
Коль сердце дом свой узнает!
Давай, земляк, мешок положим
И отдохнем-ка у ворот.

Где смерть пожаром бушевала,
Раздуем тихий огонек,
Портянки высушим сначала,
В огонь поставим котелок.

Чуть-чуть поспим, а на рассвете
Я — за топор, а ты — за лом,
Чтоб разобрать руины эти,
Чтобы построить новый дом.

И снова станет все знакомо:
За поворотом будет сад,
А дальше — хаты... Знаешь, дома
И горевать легко, солдат!

1945

* * *

Я спал. И сны мои летели
Неслышно в тишине ночной.
А может, и на самом деле
Сегодня ты была со мной.

Я целовал живые руки,
Заглядывал в глаза твои.
В них отразились все разлуки,
Дороги, тяготы, бои.

И вот проснулся... Надо мною
Стоит все та же тишина.
В безлюдной роще дремлет хвоя
Сияют клены у окна.

И я, неверующий, верю —
Со мной была твоя душа.
Как след находки и потери,
В тетради — след карандаша.

1957

РАДУГА

Лесок похвалялся
Убором зеленым,
А озеро — синим,
А розы — червонным.

Лишь радуга
В споре была незаметна,
Но вспыхнула после дождя
Семицветно.

Над лесом, над садом,
Над озером ясным
Блеснула зеленым,
И синим, и красным.

1965

САНДЖИ КАЛЯЕВ

(Род. в 1905 г.)

С калмыцкого

О НЕМ ПОЮ

Говорят, что степной орел
Постоянно, хоть раз в году,
Прилетает к тому гнезду,
Где он крылья свои обрел.

Так и мне навек суждено,
Чтоб всегда возвращался я
В то гнездо, где давным-давно
Начиналась строка моя.

Ленин!.. С именем этим слит
Моих дум вдохновенный стих,
Ибо имя это стоит
У начала всех строк моих.

Мне и в трудные те года
Было многое по плечу,
Потому что везде, всегда
Жил я только по Ильичу.

Никогда душой не кривил,
Сердце с сердцем его сличал,
Чтоб была у меня в крови
Хоть частица от Ильича...

Если кто меня спросит вдруг —
Я пишу о нем или нет,—
То на этот вопрос в ответ
Так скажу я:

«Послушай, друг!
Потому я и есть поэт,
Что всегда — в труде и в бою —
Вновь и вновь я о нем пою.
Я о нем не могу не петь».

И добавлю: «Уверен будь,
Я всю жизнь и стою на том:
Пел я Ленина, начав путь,
И закончу — песней о нем».

ВАЛДИС ЛУКС

(Род. в 1905 г.)

С латышского

СМЕРТЬ НЕ ДЛЯ НАС

Неправда,
Что жизнь люди больше не любят
И что, проклиная себя и других,
Ножи точат, и петлю себе готовят,
И ждут, как спасенья, авто из мертвецкой

Неправда. Не так это. Нет!

Каждый день
Миллионы людей
Говорят, поднимаясь:
— Товарищи! Смерть не для нас!

О нет! Не хотят умирать пролетарии.
И, даже убитые, лягут они,
Чтоб жизнью своей замостить эти улицы
Для тех, кто в грядущее смело дойдет!

Нет!
Только тот, кто жизни не любит,
Ее не захочет отдать за других,
Только тот, кто жизни не ценит,
Поднять свой кулак против мрака не сможет
И будет молчать!

1934

СОЛНЦЕВОРОТ

Этой ночью, одинокой ночью,
Когда в поле мечется метель,
Не хочу под взвизгиванье вьюги
Лечь в постель.

Этой ночью, одинокой ночью,
Солнце борется, соча смертельный пот.
Кажется: в снегах бредет убийца,
Держит нож, таится, ждет.

Но ты знаешь: все это смятенье,
Через стекла этот сон и бред
Этой ночью, одинокой ночью,
Предвещают — близится рассвет!

Это — ритм природы: эти битвы,
Миллионы лет идут они.
Слышишь! Исходя кровавым по́том,
С плеч во мрак душителя стряхни!

Знай: петли на свете не осталось,
Что тебя могла бы задушить!
Ты придавлен? Ты затоптан? Встанешь!
Будешь жить!

1938

ПЕРЕД БОЕМ

Снова со смертью мы в споре.
Сотни ракет, словно зори,
брызжут из тьмы.
Трубки дымятся и тлеют...
«Кто же из нас уцелеет?» —
думаем мы.

Вьется дымок вдоль наката,
а на душе у солдата
думка одна.
Страх в этот час нам неведом,
сердце желает победы —
будет она!

Снова со смертью поспорим.
Брызжут ракеты над взгорьем,
в небе скользя...
Выжгут все горе на свете
руки солдатские эти!
К бою, друзья!

Северо-Западный фронт, 1943 г.

КАНАЛЫ

Каналы, скованы гранитом,
Струятся, уходя под землю,
Их щукам не рябить сердитым,
В их рукавах туманы дремлют.

Их берега расшила осень,
Узоры желтым вышивая,
Со звоном улица проносит
Автомобили и трамваи.

По вечерам в их водах чистых
Свершает город омовенье.
И на подвесках серебристых
В них звезд и окон отраженье.

1945

ЦВЕТЕТ ЗЕМЛЯ

Дождь теплый, урожайный тихо льет,
цветут луга, и рожь в пыльце цветет.

Цветет земля. Там, где борозд следы,
должны подняться пышные скирды.

И пахарь, полный радости, глядит,
как рожь склоняется и шелестит.

Ласкает он колосья. Где давно
осыпалась пыльца, живет зерно.

Дождь теплый, урожайный тихо льет,
цветут луга, и рожь в пыльце цветет.

Мельчайший корень тянет жизни сок,
зеленую ладонь раскрыл росток.

Вот так и ты, согрет весны лучом,
будь родине живительным дождем!

1950

ЛЕОНИД МАРТЫНОВ
(Род. в 1905 г.)

КРУЖЕВА

Я не знаю — она жива или в северный ветер ушла,
Та искусница, что кружева удивительные плела
В Кружевецком сельсовете над тишайшею речкой Нить?
Кружева не такие, как эти, а какие — не объяснить!
Я пошел в Кружевной союз, попросил показать альбом,
Говорил я, что разберусь без труда в узоре любом.

Мне показывали альбом. Он велик, в нем страницы горбом,
И, как древних преданий слова, по страницам бегут кружева.
Разгадал я узор — сполох, разгадал серебряный мох,
Разгадал горностаевый мех,
Но узоров не видел тех,
Что когда-то видал в сельсовете
Над тишайшею речкой Нить,—
Кружева не такие, как эти, а какие — не объяснить!
Я моторную лодку беру,
Отправляюсь я в путь поутру — ниже, ниже по темной реке.
Сельсовет вижу я вдалеке.
Не умеют нигде на свете эти древние тайны хранить,
Как хранили их здесь, в сельсовете, над тишайшею речкой Нить.
Славен древний северный лес, озаренный майским огнем!
Белый свиток льняных чудес мы медлительно развернем.
Столько кружева здесь сплели, что обтянешь вокруг земли—
Опояшешь весь шар земной, а концы меж землей и луной
Понесутся, мерцая вдали...
Славен промысел кружевной!
Это те иль не те кружева?
Мастерица! Она жива?
Да, жива!
И выходит она, свитой девушек окружена.
Говорит она:
— Кружева мои те же самые, те же самые,
Что и девушки и молодушки. Не склевали наш лен воробушки!
Не склевали лен черны вороны, разлетелись они во все стороны!
Кружева плету я снова. Вот он, свиток мой льняной.
Я из сумрака лесного, молода, встаю весной.
Я иду! Я — на рассвете!
Встретьте девицу-красу
В Кружевецком сельсовете, в древнем северном лесу!

1932

ЛУКОМОРЬЕ

Кто ответит — где она:
Затопило ее море,
Под землей погребена,
Ураганом сметена?
Кто ответит — где она,
Легендарная страна
Старых сказок —
Лукоморье?

Это я отвечу вам:
Существует Лукоморье!
Побывал мой пращур там,
Где лукой заходят в море
Горы хладные. У скал
Лукоморье он искал —
Волшебную эту местность,
Страну великих сокровищ,
Где безмерна людская честность,
Но немало див и чудовищ.

Здравствуй, северная Русь!
Ты, Югра-соседка, здравствуй!
Сказка, здесь над былью властвуй!
Различить вас не берусь.
Ветер северный, могуч, гонит тучи снеговые,—
У них выи меховые. Белки валятся живые.
Соболя летят седые из косматых этих туч,
Прямо в тундру, за Урал. Там мой пращур их и брал.
Мол, к нашим дырявым овчинам
Пришьем драгоценны заплатки
И сбудем заморским купчинам
Мы красного меха в достатке.

Что мой пращур?
Голытьба!
Он в лохмотьях шел тайгою.
Но свела его судьба с мудрой бабою-ягою,
То есть с женщиной в яге — в теплой северной одежде...
Я о встрече той в тайге вспоминаю и в надежде,
Что этнографы прочтут и обдумать им придется
Все изложенное тут. Шуба женская зовется
Там, на севере, ягой.
Знай, этнограф дорогой!

Баба-яга сердита.
— Ну,— говорит,— погоди ты!
Зря,— говорит,— не броди ты!
Женю я тебя на внучке,
Возьмет в золотые ручки.

Верно, пращур?
Было так?
Золотым копьем блистая,
Поджидала вас, бродяг, дева-идол золотая,

Сторожила берега Мангазеи и Обдорья,
Неприступна и строга, охраняла Лукоморье.
Злата шкура на плечах,
Золотой огонь в очах,—
Грейся, пращур, в тех лучах!

— Ах, гостеприимна,
В чуме вот только дымно!
В губы не целовала,
Мерзлую рыбу давала,
О чем она толковала?
— Пусть бьются князья с князьями —
Народы будут друзьями.

Ты остался, пращур, там?
Венчан снежными венцами?
Ложе устлано песцами?
Нет! К волшебным воротам
За тобою по пятам
Шел Куракин со стрельцами,
Со стрельцами да с писцами за тобою по пятам.
Шли не с чистыми сердцами к Лукоморским воротам
И закрылись ворота, и в туман укрылись горы,
Схоронилася в Обдоры дева-идол золота.
И волны гремели на взморье,
И ветры над камнем шумели:
Исчезло, ушло Лукоморье,—
Хранить вы его не сумели!

Лукоморье!
Где оно?
Не участвую я в споре
Тех ученых, что давно потеряли Лукоморье
На страницах старых книг, в незаписанном фольклоре

Знаю я: где север дик,
Где сполоха ал язык,—
Там и будет Лукоморье!
Там, у дальних берегов, где гремят морские воды,
Где восстали из снегов возрожденные народы,—
Лукоморье там мое!
Там стоит она, богата,
Опираясь на копье, а быть может, на ружье,
Молодая дева Злата.

Я не знаю, кто она,—
Инженер или пастушка,
Но далекая избушка, что за елками видна,
Снова сказками полна.

Здравствуй, дивная страна!

1945

ВОДА

Вода
Благоволила
Литься!

Она
Блистала,
Столь чиста,
Что — ни напиться,
Ни умыться.

И это было неспроста.

Ей
Не хватало
Ивы, тала
И горечи цветущих лоз.

Ей
Водорослей не хватало
И рыбы, жирной от стрекоз.

Ей
Не хватало быть волнистой,
Ей не хватало течь везде.
Ей жизни не хватало —
Чистой,
Дистиллированной
Воде!

1946

* * *

Что-то
Новое в мире.
Человечеству хочется песен.
Люди мыслят о лютне, о лире.
Мир без песен
Неинтересен.

Ветер,
Ветви,
Весенняя сырость,
И черны, как истлевший папирус,
Прошлогодние травы.
Человечеству хочется песен.
Люди правы.

И иду я
По этому миру.
Я хочу отыскать эту лиру,
Или — как там зовется он ныне —
Инструмент для прикосновенья
Пальцев, трепетных от вдохновенья.

Города и пустыни,
Шум, подобный прибою морскому...
Песен хочется роду людскому.
Вот они, эти струны,
Будто медны и будто чугунны,—
Проводов телефонных не тоньше
И не толще, должно быть.
Умоляют:
— О, тронь же!

Но еще не успел я потрогать —
Слышу гул отдаленный,
Будто где-то в дали туманной
За дрожащей мембраной
Выпрямляется раб обнаженный,
Исцеляется прокаженный,
Воскресает невинно казненный,
Что случилось, не может представить:
— Это я! — говорит.— Это я ведь!

На деревьях рождаются листья,
Из щетины рождаются кисти,
Холст растрескивается с хрустом,
И смывается всякая плесень...
Дело пахнет искусством.
Человеку хочется песен.

1948—1954

БОГАТЫЙ НИЩИЙ

От города не отгороженное
Пространство есть. Я вижу: там
Богатый нищий жрет мороженое
За килограммом килограмм.

На нем бостон, перчатки кожаные
И замшевые сапоги.
Богатый нищий жрет мороженое...
Пусть жрет, пусть лопнет! Мы — враги!

1949

* * *

Он
Перед нами
Открывает душу,
А может быть, и новые моря,
И новую неведомую сушу,
И глубь, и высь...

Короче говоря —
Вдруг видно все, чему еще не верят
К вчерашнему привычные глаза,
Чего вершки вчерашние не мерят,
Вчерашние не держат тормоза.

Как открывает новую планету
Среди небесной бездны астроном,
Так открывать приходится поэту
Весь этот мир. Ведь ни о чем ином —

Об этом что ни миг, то новом мире
Ведет он нескончаемый рассказ,
И горизонты делаются шире
От этого у каждого из нас.

1959

* * *

Отмечали
Вы, схоласты,
Птолемея
Юбилей.

Но дошла к вам
Лет так за сто
Весть, что прав был
Галилей.

Но
Плечами вы пожали:
Мол, отрекся
Галилей!

Отмечать
Вы продолжали
Птолемея
Юбилей.

1960

Я ПОДНЯЛ СТИХОТВОРНУЮ ВОЛНУ

Я поднял стихотворную волну,
Зажег я стихотворную луну
Меж стихотворных облаков
И вот решил: «Теперь возьму засну,
Засну теперь на несколько веков!»
Но я забылся не на сотни лет,
А стихотворный заблистал рассвет,
И не в мою он даже честь вставал,
А величайший наступил расцвет
Всего того, что я предсоздавал.

И будь я даже в сотни раз сильней —
Не мог бы на минуту хоть одну
Пресечь теченье стихотворных дней,
Объявших стихотворную страну!

1963

* * *

О, если бы писали мы
О том лишь, что доподлинно известно,—
Подумайте, о трезвые умы,
Как было бы читать неинтересно!

Не думал бы Колумб, что Индии достиг,
И Данте не изобразил бы ада,
И множества других докладов, песен, книг
Была бы недоступна нам услада.

Пойду — у папы римского спрошу:
— В непогрешимости удобный догмат
Вы верите еще? —
И точно опишу,
Как губы папы
От улыбки
Дрогнут.

1964

ПОЭЗИЯ

Поэзия
Отчаянно сложна,
И с этим очень многие боролись,
Крича, что только почвенность нужна,
В виду имея только хлебный колос.
Но иногда, в словесном щебне роясь,
И там, где не восходит ни зерна,
Ее мы обнаруживаем, то есть
Она везде, и не ее вина,
Что, и в земле и в небе равно кроясь,
Как Эребус, венчая Южный полюс,

Поэзия не ребус, но вольна
Звучать с любого белого пятна,
Как длинная и средняя волна,
И на волне короткой весть и повесть!

1972

МИХАИЛ ПЕТРОВ

(1905—1955)

С удмуртского

ПОЭТУ

— О счастье песню я пою,—
Ты говоришь, поэт.
А где источник песни той,
Ты думал или нет?

Любил ли ты когда-нибудь
Всем сердцем, не шутя?
Держал ли нежно ты в руках
Любимое дитя?

Запечатлел ли ты в стихе
Святое слово «мать»
И детство, что нельзя никак
У памяти отнять?

Делил ли горе ты с людьми,
Когда оно пришло?
И в день, для всех счастливый, ты
Нашел в словах тепло?

Скажи нам: верил ли ты в жизнь,
Когда страдал народ,
И пел ли с верой той ему
В часы его невзгод?

Жива в народе счастья песнь!
Ту песню слышал ты?
А если слышал — понял, где
Источник красоты?

1953

МИХАИЛ РУДЕРМАН

(Род. в 1905 г.)

ПЕСНЯ О ТАЧАНКЕ

Ты лети с дороги, птица,
Зверь, с дороги уходи!
Видишь, облако клубится,
Кони мчатся впереди.

И с налета, с поворота
По цепи врагов густой
Застрочит из пулемета
Пулеметчик молодой.

Эх, тачанка-ростовчанка,
Наша гордость и краса,
Конармейская тачанка,
Все четыре колеса!

Эх, за Волгой и за Допом
Мчался степью золотой
Загорелый, запыленный
Пулеметчик молодой.

И неслась неудержимо
С гривой рыжего коня
Грива ветра, грива дыма,
Грива бури и огня.

Эх, тачанка-киевлянка,
Наша гордость и краса,
Комсомольская тачанка,
Все четыре колеса!

По земле грохочут танки,
Самолеты петли вьют,
О буденновской тачанке
В небе летчики поют.

И врагу поныне снится
Дождь, свинцовый и густой,
Боевая колесница,
Пулеметчик молодой.

Эх, тачанка-полтавчанка,
Наша гордость и краса,
Пулеметная тачанка,
Все четыре колеса!

ОСМАН САРЫВЕЛЛИ

(Род. в 1905 г.)

С азербайджанского

НИЩИЙ В ПАНАМЕ

Едва успевает погаснуть закат —
По гнездам устроиться птицы спешат,
Все твари летят, и ползут, и бегут
В заветное логово, норку, закут;
Скиталец, затерянный в темных ночах,—
И тот вспоминает родимый очаг.
А ты? Под какою ты кровлей живешь?
Мороз... Пробирает бездомного дрожь,
В богатых палатах не знает забот
Счастливое племя госпож и господ,
Всю ночь веселятся ханум и ага,—
О каждом печется, как нянька, слуга.
А ты, если зимняя ночь впереди,
По улицам грязным скитайся, броди,
Проси, замерзающий, слез не таи,—
Подаст запоздалый гуляка шаи.
Настойчив твой странно внимательный взгляд
Глаза твои грустью голодной горят.
Как пламя, нутро твое голод печет,
Как ветер, по улицам гонит, влечет.
Обветрен, обуглен голодной тоской,
Ты — пепел от конченой жизни людской.
Ты молишь,— но мимо идут господа.
В их памяти ты не оставишь следа,—
Скорее растрогаешь камни, кремни,
Чем эти сердца,— недоступны они!

Упившийся песенной сладостью слух
Ко всякому неблагозвучию глух,
Бездомный! Тебя не всевидящий рок,
А шах на печальную долю обрек:
Ты хлеба просил, о насущном скорбя,—
Он шляпу-панаму надел на тебя.

О, разве рождаются люди на свет
Для нищенской доли? Клянусь тебе, нет!
Но тысячи бурь пронеслись над тобой,
Над низко склоненной твоей головой.
Есть родина, парий нагой, у тебя,
Родная земля под ногой у тебя.
И все, что угодно, на родине есть,
И трудно все блага ее перечесть.
И масло, и мед, и шербет, и вино
Кому-то здесь вдоволь вкушать суждено.
Но ты мимолетной отрады не знал
В родимом краю, беззащитен и мал;
Босой, ты в тоске одичал и зачах,
Вся в дырках аба у тебя на плечах,
В заплатах штаны и сума за спиной,—
Панамой увенчан, стоишь предо мной.
Потеха! Смеяться иль плакать, скажи,
Над этим мучительным символом лжи?
«Культура!» — народу твердят своему
И жертвуют бары: цилиндр да суму.
Но я, твой народ униженный любя,
Назвать не хочу одиноким тебя.
Откройся! Молчанье прервать не пора ль?
В молчанье становится горше печаль,
И тайные горести душу долбят,
Как ржавчина, как разъедающий яд.
Век можешь рассказывать — только б начать
Сломать бы однажды молчанья печать.
И сотни рассказов один за другим
Польются, рожденные горем твоим.

Лишенные крова, придите ко мне,
Услышав родного, придите ко мне!
Всем хватит убежища в сердце моем,
Всем будет приют у меня под крылом...
Я разве для вас иноземец? О нет!
«Ага» называть меня тоже не след,

Без страха рассказывай, душу деля,—
Как если бы уши имела земля.
Так слушать я мог бы всю ночь до зари,
Как слышит земля...
Говори! Говори!

СКАЛЫ

Вечереет.
Над ущельем,
над скопленьем грозной мглы
Как орел, я опустился
на крутой уступ скалы.
Тень моя ползет по склону
всем теням наперекор,
Как душа моя,
открыто каменное сердце гор.
Здесь бы надо человека,
знающего чудеса,
Здесь бы надо живописца,
чтоб не умерла краса;
Позолоченные солнцем поднебесные хребты
И до головокруженья ощущенье высоты.
Бурная река в ущелье
извивается змеей,
Валуны над нею
с просо кажутся величиной;
А пещеры приоткрыли пасть большую,
как у льва.
Над развалинами замка
заугукала сова.
О ущелье!
Если б мысли были так же глубоки
И прозрачно было б сердце,
как вода твоей реки,
Высоко б летала песня —
над горами,
над людьми
И не каждый торопился б
состязаться с Низами.
Горы!
Трещина коснулась их высокой седины,
Словно вражьими мечами
надвое рассечены.

Не ответите ли, скалы,
прорезающие высь,
Сколько здесь мечей бряцало,
как пожары здесь вились;
Как гранит тысячелетний
дымом пороха пропах,
Как звенящие копыта
затоптали Карабах;
Как, дворец свой бросив,
в горы убежал Ибрагим-хан,
Свил гнездо себе, как коршун,
возле скал Ибрагим-хан.
Не ответите ли, скалы,
вам увидеть привелось,
Сколько пролилось на камни
материнских горьких слез?
Сколько здесь сестер рыдало,
как был горек плач вдовы,
Впрочем, что вам эти слезы,
если каменные вы!
Сколько сбрасывали лучших и отважных со скалы,
Сколько с родиной рассталось
незабвенных Кер-оглы?
Сколько горестей храните,
как трава на вас горька,
Сколько крови на граните
накопилось за века?
Сколько воинов бесстрашных
не снесли здесь головы,
Впрочем, что мои вопросы,
если каменные вы.

УЙГУН

(Род. в 1905 г.)

С узбекского

ВЕСНА

Ты пришла бессмертною надеждой,
Радуя, даря, животворя,
Рея зорь стоцветною одеждой,
Радугой дождей своих горя.

У тебя опять обычай прежний,—
Будто бы играя, без труда,
К жизни будишь ты простор безбрежный,
Устали не зная никогда.

Ты дохнешь — и голые деревья
Вспыхнут цветом радости кругом,
Ты пройдешь — и горные кочевья
Изумрудным заблестят ковром.

Девушку-колхозницу ты будишь,
Теплым ветром гладя по кудрям.
И весь день щедроты света будешь
Лить без счета долам и горам.

В небеса ли синие, в глаза ли,
В ясные глаза ль твои гляжу...
Я свои заветные газели
В честь тебя, прекрасная, сложу.

Звоном соловьиного дастана
Сад мой благодатно ороси,
В пиале багряного тюльпана
Счастия вино мне поднеси.

Ты идешь и на землю низводишь,
Как фиалки, синий небосклон.
Ты во всем на нашу жизнь походишь,
И в тебя безумно я влюблен.

Ты во всем подобна жизни нашей,
Но отлична от тебя она,—
Ты лишь миг сияешь, солнца краше,
А она — бессмертная весна.

1928

ПУШКИН

Озаренная луною ночь
Из-за моря южного встает,
И поэт у моря, и над ним
Ореолом звездный небосвод.

Он стоял на темном берегу,
Руку положив себе на грудь.
И у ног его шумел прибой,
Вечных волн необозримый путь.

Бушевал глухой морской простор
И поэта сердце чаровал,
Неумолчный гул могучих волн
Звезд ночных, казалось, достигал.

И, глубокой думой обуян,
На морскую ширь глядел поэт.
Мнилось: на вопросы дум своих
В шуме волн он находил ответ.

Да, он сам был морем, и над ним
Черные громады скал вознес
Весь его жестокий, темный век
В гуле гнева и в потоке слез.

И чем больше в даль его стихов
Смотришь, тем просторы их ясней.
То сверкают молнией они,
То ласкают ветерка нежней.

Вечности печать несут они,
Ни забвенья им, ни смерти нет,
И чем дальше будут жить они,
Тем победней будут лить свой свет.

1937

МОЕМУ ВРАЧУ

Нет, мой милый, заботливый доктор,
не прикладывай ухо к груди,
хоть и долго живет мое сердце,
а стучит оно гордо, упрямо.
Если пульс мой желаешь проверить,
по стихам моим новым суди:
их горенье, порывы и взлеты —
это точная кардиограмма!

1965

ЯКОВ ШВЕДОВ

(Род. в 1905 г.)

ОРЛЕНОК

Орленок, орленок,
Взлети выше солнца
И степи с высот огляди!
Навеки умолкли веселые хлопцы,
В живых я остался один.

Орленок, орленок,
Блесни опереньем,
Собою затми белый свет.
Не хочется думать о смерти, поверь мне,
В шестнадцать мальчишеских лет.

Орленок, орленок, гремучей гранатой
От сопки солдат отмело.
Меня называли орленком в отряде,
Враги называют орлом.

Орленок, орленок,
Мой верный товарищ,
Ты видишь, что я уцелел,
Лети на станицу, родимой расскажешь,
Как сына вели на расстрел.

Орленок, орленок,
Товарищ крылатый,
Ковыльные степи в огне,
На помощь спешат комсомольцы-орлята,
И жизнь возвратится ко мне.

Орленок, орленок,
Идут эшелоны,
Победа борьбой решена.
У власти орлиной орлят миллионы,
И нами гордится страна!

1936

БЕТТИ АЛЬВЕР

(Род. в 1906 г.)

С эстонского

ПЕВЕЦ

Когда к бурде привыкшие невежды
сок драгоценный смешивают с грязью
и гонят Музу в нищие одежды,
чтоб Золушкой служила безобразью,—

тогда, не унижаясь до укоров,
певец уходит из толпы базарной,
чтоб исступленно, вдалеке от взоров
служить отважно правде светозарной.

Как выкрики сердитого ребенка,
который луч сломать наивно хочет,
издевки, раздающиеся громко,
не омрачат певца, не заморочат.

Ему известно, что все те же люди,
сегодня улюлюкавшие брату,
держа и мех и золото на блюде,
придут оплакивать поэзии утрату.

ГОЛОСА

Когда смолкает город, никнет ветер,
в храпящий рот луна из окон светит,
грибы глядят сквозь мох небесный — звезды,
тогда не сплю, хожу, смотрю,— в просторах
рождается какой-то странный шорох,
и дальнюю сирену глушит воздух.

Но вдруг — звучанье арфы и органа,
на дне ведра — чечетка урагана,
в углу двора мяукает насос,
цепь на мосту — мелодия металла,
визжит петух на башне средь квартала,
и в глубине подвала — толстый бас.

От смеха флейта в облаках икает,
в земле гигантский бубен не смолкает,
и я еще справляюсь, несомненно,
с нашествием, грядущим еженощно,
но сквозь меня уже стремится мощно
великая симфония вселенной.

МУЗЕ

Безумная муза, слепая во злобе,
умерь свои стоны, утихни на милость!
Мы скоро с тобою зашамкаем обе,
вот нынче, и верно, я зуба лишилась.

И вовсе не думай, что долг мой доставить
тебя к небесам, где витает твой гений.
Наш климат сырой высотой не исправить,
там будет, пожалуй, еще холоднее.

И что это вдруг от подружек веселых
туда понесло тебя, душу-голубу?
Неужто и впрямь в наших северных селах
барашков кудрявых не хватит на шубу?

Вдвоем, как за пазухой господа бога,
две шустрых старухи, не нужные людям,
давай-ка наварим душистого грога —
и всех осмеем, и себя не забудем.

ФЛЕЙТИСТКА

Бедняга мой отец играл в оркестре,
я рано флейту приняла в подарок,
и блики чудные во мгле души воскресли,
был нотный лист таинствен, сладок, ярок
Смеялась флейта, жаловалась миру,
а я играть должна была трактиру,
где часто пил отец и день и ночь
и пьяницам хвалил флейтистку-дочь.

Отца вогнали в гроб трактир и пьянки,
и стали ноты меркнуть и пылиться.
Пошла учиться — барышни-мещанки
сочли, что я — дурнушка и тупица.
Весной ушла бродяжить, очень скоро
меня до нитки обобрали воры:
ни паспорта, ни денег, слезы, больно,—
так нить судьбы запуталась невольно.

Обидчики смеялись над слезами,
был хлеб мой нищ, судьба невыносима.
Но дух соединялся с небесами,
когда ко рту я флейту подносила.
В лучах вечерних день скользил к закату
обидчики внимали музыканту,
и только вдохновенья дуновенье
касалось нот на краткое мгновенье.

* * *

Говори со мною тихо,
слух становится острее.
Говори со мною тихо,
тихое пойму быстрее.

Счастья голос и кручины
я ловлю сквозь ветра волны.
Только голос мертвечины
глухотой встречаю полной.

АГНИЯ БАРТО

(Род. в 1906 г.)

НАШ СОСЕД ИВАН ПЕТРОВИЧ

Знают нашего соседа
Все ребята со двора.
Он им даже до обеда
Говорит, что спать пора.

Он на всех глядит сердито,
Все не нравится ему:
— Почему окно открыто?
Мы в Москве, а не в Крыму!

На минуту дверь откроешь —
Говорит он, что сквозняк.
Наш сосед Иван Петрович
Видит все всегда не так.

Нынче день такой хороший,
Тучки в небе ни одной.
Он ворчит: — Надень галоши,
Будет дождик проливной!

Я поправился за лето,
Я прибавил пять кило.
Я и сам заметил это —
Бегать стало тяжело.

— Ах ты, мишка косолапый,—
Мне сказали мама с папой,—
Ты прибавил целый пуд!
— Нет,— сказал Иван Петрович
Ваш ребенок слишком худ!

Мы давно твердили маме:
«Книжный шкап купить пора!
На столах и под столами
Книжек целая гора».

У стены с диваном рядом
Новый шкап стоит теперь.
Нам его прислали на дом
И с трудом втащили в дверь.

Так обрадовался папа:
— Стенки крепкие у шкапа,
Он отделан под орех!

Но пришел Иван Петрович —
Как всегда, расстроил всех.

Он сказал, что все не так:
Что со шкапа слезет лак,
Что совсем он не хорош,
Что цена такому грош,
Что пойдет он на дрова
Через месяц или два!

Есть щенок у нас в квартире,
Спит он возле сундука.
Нет, пожалуй, в целом мире
Добродушнее щенка.

Он не пьет еще из блюдца.
В коридоре все смеются:
Соску я ему несу.
— Нет! — кричит Иван Петрович.—
Цепь нужна такому псу!

Но однажды все ребята
Подошли к нему гурьбой,
Подошли к нему ребята
И спросили: — Что с тобой?

Почему ты видишь тучи
Даже в солнечные дни?
Ты очки протри получше —
Может, грязные они?
Может, кто-нибудь назло
Дал неверное стекло?

— Прочь! — сказал Иван Петрович.
Я сейчас вас проучу!
Я,— сказал Иван Петрович,—
Вижу то, что я хочу.

Отошли подальше дети:
— Ой, сосед какой чудак!
Очень плохо жить на свете,
Если видеть все не так.

1938

СНЕГИРЬ

На Арбате, в магазине,
За окном устроен сад.
Там летает голубь синий,
Снегири в саду свистят.

Я одну такую птицу
За стеклом видал в окне,
Я видал такую птицу,
Что теперь не спится мне.

Ярко-розовая грудка,
Два блестящие крыла...
Я не мог ни на минутку
Оторваться от стекла.

Из-за этой самой птицы
Я ревел четыре дня.
Думал, мама согласится —
Будет птица у меня.

Но у мамы есть привычка
Отвечать всегда не то:
Говорю я ей про птичку,
А она мне про пальто.

Что в карманах по дыре,
Что дерусь я во дворе,
Что поэтому я должен
Позабыть о снегире.

Я ходил за мамой следом,
Поджидал ее в дверях,
Я нарочно за обедом
Говорил о снегирях.

Было сухо, но галоши
Я послушно надевал,
До того я был хорошим —
Сам себя не узнавал.

Я почти не спорил с дедом,
Не вертелся за обедом,
Я «спасибо» говорил,
Всех за все благодарил.

Трудно было жить на свете,
И, по правде говоря,
Я терпел мученья эти
Только ради снегиря.

До чего же я старался!
Я с девчонками не дрался.

Как увижу я девчонку,
Погрожу ей кулаком
И скорей иду в сторонку.
Будто я с ней незнаком.

Мама очень удивилась:
— Что с тобой, скажи на милость?
Может, ты у нас больной —
Ты не дрался в выходной!

И ответил я с тоской:
— Я теперь всегда такой.

Добивался я упрямо,
Повозился я не зря.
— Чудеса,— сказала мама
И купила снегиря.

Я принес его домой.
Наконец теперь он мой!
Я кричал на всю квартиру:
— У меня снегирь живой!

Я им буду любоваться,
Будет петь он на заре...
Может, снова можно драться
Завтра утром во дворе?

1938

ЛЕНОЧКА С БУКЕТОМ

Вышла Леночка на сцену,
Шум пронесся по рядам.
— От детей,— сказала Лена,—
Я привет вам передам.

Лена в день Восьмого марта
Говорила мамам речь.
Всех растрогал белый фартук
Банты, локоны до плеч.

Не нарадуются мамы:
— До чего она мила! —
Лучшим номером программы
Эта девочка была.

Как-то в зале райсовета
Депутаты собрались.
Лена, девочка с букетом,
Вышла к ним из-за кулис.

Лена держится так смело,
Всем привет передает,
Ей знакомо это дело:
Выступает третий год.

Третий год, зимой и летом,
Появляется с букетом:
То придет на юбилей,
То на съезд учителей.

Ночью Леночке не спится,
Днем она не пьет, не ест:
«Ой, другую ученицу
Не послали бы на съезд!»

Говорит спокойно Лена:
— Завтра двойку получу —
У меня районный пленум,
Я приветствие учу.

Лена, девочка с букетом,
Отстает по всем предметам:
Ну когда учиться ей?
Завтра снова юбилей!

1954

ОДНАЖДЫ Я РАЗБИЛ СТЕКЛО

Нет, в жизни мне не повезло,
Однажды я разбил стекло.

Оно под солнечным лучом
Сверкало и горело,
А я нечаянно — мячом!
Уж как мне нагорело!

И вот с тех пор,
С тех самых пор,
Как только выбегу
Во двор,
Кричит вдогонку кто-то:
— Стекло разбить охота?

Воды немало утекло
С тех пор, как я разбил стекло.

Но стоит только мне вздохнуть,
Сейчас же спросит кто-нибудь:
— Вздыхаешь из-за стекол?
Опять стекло раскокал?

Нет, в жизни мне не повезло,
Однажды я разбил стекло.

Идет навстречу мне вчера,
Задумавшись о чем-то,
Девчонка с нашего двора,
Хорошая девчонка.

Хочу начать с ней разговор,
Но, поправляя локон,
Она несет какой-то вздор
Насчет разбитых окон.

Нет, в жизни мне не повезло,
Меня преследует стекло.

Когда мне стукнет двести лет,
Ко мне пристанут внуки.
Они мне скажут:

— Правда, дед,
Ты брал булыжник в руки,
Пулял по каждому окну? —
Я не отвечу, я вздохну.

Нет, в жизни мне не повезло,
Однажды я разбил стекло.

1965

В ПУСТОЙ КВАРТИРЕ

Я дверь открыл своим ключом.
Стою в пустой квартире.
Нет, я ничуть не огорчен,
Что я в пустой квартире.

Спасибо этому ключу!
Могу я делать, что хочу,—
Ведь я один в квартире,
Один в пустой квартире.

Спасибо этому ключу!
Сейчас я радио включу,
Я всех певцов перекричу!

Могу свистеть, стучать дверьми,
Никто не скажет: «Не шуми!»
Никто не скажет: «Не свисти!»
Все на работе до пяти!

Спасибо этому ключу...
Но почему-то я молчу,
И ничего я не хочу
Один в пустой квартире.

1968

ЛЕТО НА ВЕСАХ

Есть в нашем лагере весы,
Не просто так, не для красы,—
Мы выясняем по утрам,
Кто пополнел, на сколько грамм.

Нет, мы не ходим в дальний лес:
А вдруг в походе сбавим вес?!
Нам не до птичьих голосов.
Проводим утро у весов.

Нельзя бродить нам по лесам:
Все по часам! Да по весам!
А в дождь — мы сразу под навес
Ребята ценятся на вес!

И сколько здесь бывает драм:
Сережа сбавил килограмм,
И долго ахал и стонал
Весь медицинский персонал.

Вдруг изменился наш режим:
С утра на речку мы бежим,
Мы обнимаемся, визжим...
Ура! Не вешайте носы —
У нас испортились весы!

1969

АНТАНАС ВЕНЦЛОВА

(1906—1971)

С литовского

ПИР В ГОРАХ

Все выше в горы мчались мы,
Асфальт дорог синел
Между камней, темнее тьмы,
Кружася в вышине.

Здесь сон коричневой руды,
Чьи жилы длинные тверды,

И лес, чьи желтые листы
Мерцанье меди льют.
К чертям слетим мы с высоты,
Казалось, в пропасть тут.

Нас горный дух хранил в горах,
Вино крепчало в погребах.

А где кустарник в скалах лег,
Висел чабаний крик,
Баранов двигался поток
По гребню напрямик.

Пред нами плыл библейский вид.
Раскрылись гор хребты.
По разноцветью мшистых плит
Баранов шли гурты.

Исчезло солнце. Дождь и мгла,
Сползавшая в обрыв...
Чадра туманная легла,
Закрыв черты горы.

Но вдруг костер пахнул дымком,
Углей алмазный звон,
И вот баран уж под ножом,
Уже без шкуры он.

Вино из бочек, смол густей,
С колхозного двора.
Так угощай, чабан, гостей —
Далеко до утра!

Ты угощал героев в час
Великих грозных сеч —
Как друг встречаешь ныне нас
На древнем месте встреч.

И шашлыки кипят вокруг,
Трещит углей оскал,
И губы ветра сдули вдруг
Туман с кремнистых скал.

И кажется, что с чабаном
Любой из нас давно знаком.

Ходила чаша вкруг стола,
Хоть не было стола,
Но в честь товарищей хвала
По кругу шла и шла.

Вновь солнце нам улыбку шлет,
Светя на весь простор,
Мы жили, как один народ
Кировабадских гор.

И нам казалось, что мы все —
Чабана сыновья,
А день сверкал во всей красе —
Тебе, моя земля!

Уж звезд сплетались письмена
Над темнотой горы.
Земля, как друг, вручает нам
Осенние дары!

1947

НА БЕРЕГУ ДУНАЯ

Расцветают фиалки на синем Дунае в апреле,
Пахнет ивовой зеленью, глиной весенних дорог.
Где-то песня звучит, и высоко взлетают качели,
На головке у девушки венской цветущий венок.

А сквозь дымку синеют зазубрины леса, и Вена,
В иглах стрельчатых башен, намечена тушью слегка.
Шпиль святого Стефана вдали проступает мгновенно,
И плывут, розовеют, клубятся над ним облака.

Я бродил по холмам и, в глуши пробираясь древесной,
На простом постаменте солдатское имя прочел:
«Петрас Дауба».
Кто он? Литовский ли пахарь безвестный,
Со свободой и правдой в австрийскую землю пришел?

Или жил в Шауляе, служил подмастерьем-рабочим?
Иль на озере вырос парнишка в рыбацкой семье,
Коренаст, как зеленый дубок, и смекалист, и прочен?..
Ранним утром он пал или под вечер, в сумрачной тьме?

В бликах пламени пенились синие волны Дуная.
А за Пратером плавилась вражеских танков броня.
Умирал пехотинец, родные края вспоминая,
Погибал, как корабль, в урагане сплошного огня.

Вот подходит работница и на могилу чужую
Молча сыплет фиалки и молча поникла в тоске.
И на грустную женщину с грустным участьем гляжу я:
Что напомнит ей имя на этой могильной доске?

Долго, долго стоит и молчит эта женщина, сгорбясь.
Все в морщинах лицо под косынкою бедной цветной.
Неизвестная, скромная мать — изваяние скорби —
Над солдатской могилой, над нежной дунайской весной.

«Я не знаю, кем был он. Но здесь, у родного Дуная,
В тихом венском лесу, в аромате зеленых ветвей,
На могиле его я своих сыновей вспоминаю,
Двух погибших в концлагере милых моих сыновей.

Он пришел из далекой страны, где рождаются зори,
Был отважен, и весел, и юн, как мои сыновья.
И когда я к нему приношу материнское горе,—
Я уже не одна, и кручина светлеет моя».

«Не одна, слышишь, мать, не бедна одинокая старость,
Нет забвения павшим за правду в великой борьбе.
Видишь, мать, как весна на Дунае твоем разблисталась,
Это родина наша привет посылает тебе».

1948

СЕЛО МИХАЙЛОВСКОЕ

Весь этот край я вижу, как во сне.
Здесь Пушкин жил, изгнанник и отшельник.
Играет луч на бронзовой сосне,
Качается под ветром старый ельник.
Как будто с той поры и сивый мох
И папоротник сохраниться мог.

Ветвистых лип аллея протянулась:
Здесь проходил изгнанник столько раз,
Здесь Анна Керн впервые улыбнулась,
Заметив блеск его влюбленных глаз,—
Недолго длилось чудное мгновенье,
Но вечным остается вдохновенье.

Вот бедный дом, где знал он строгий труд,
Где столько дней, нерадостных и мглистых,
Ждал, что его темницу отопрут,
И тосковал о братьях-декабристах;
Где сказка няни старенькой была
Полна таким значеньем, так светла.

Вот пробегает ветерок по ржи.
Струится Сороть. Озеро синеет.
Колхозный край, не знающий межи,
Богатым урожаем зеленеет.
Все дышит светом, юностью, весной
Там, где страдал невольник крепостной.

Ты говорил когда-то: «Здравствуй, племя
Младое, незнакомое...» И вот
Пришло тобой предсказанное время.
Твой вещий голос правнуков зовет,—
И с каждым днем вольней и полновесней
Душа народа отвечает песней.

1949

ГОЛОС ГРУЗИИ

В теснине,— может быть, Дарьяла,
В Пасанаури, где простор,
В игре волны светлей кристалла —
А может, в старой песне гор —

Слыхал я голос, что порою
Звучал волшебным звоном льда,
Его, как нечто дорогое,
Вложил я в сердце навсегда.

Гудели в нем бойцов удары
Далекой, сказочной поры,
Гудели стены храмов старых,
Водоворот шумел Куры.

Чонгури звон, и арфы пенье,
И смех грузинок молодых,
И виноград, и нив цветенье
В долинах я нашел твоих.

И этот голос сердцем правит,
И манит вдаль волны звончей:
Как великан, гудит Рустави
Огнем мартеновских печей.

Здесь люди, скалы, сталь — как песня
Все счастье жизни ей дано.
Размах мечты еще чудесней,
Грузина сердце им полно.

1950

САМЕД ВУРГУН

(1906—1955)

С азербайджанского

ПАМЯТЬ

Ты мне говорила, расставаясь:
«Не вернуть в гнездо тебя, мой аист!»
Много лет прошло с тех давних пор.
Много раз тебя искал мой взор,
Если рассказать про все, что было,
На бумаге выцветут чернила.
Да и как сказать, про что начать?
В книге жизни — мелкая печать.

Города меня в объятья взяли,
Но цветут у памяти вначале
Ручейковых струек повторенье,
Веянье акаций и сирени,
Золотого колоса поклон,
Муравою выстеленный склон,
Вешних трав туманное куренье,
Вешних звезд неясное горенье.
Все бежит передо мной гурьбою,
Что могло бы стать моей судьбою.
Да еще глаза мои влекли
Тянущие к югу журавли...

Треск поленьев, дым родного дома —
Как все это близко и знакомо!
Сырость пола, теснота тахты,

Бедной жизни мелкие черты,
Нежный перезвон родного саза.
Как тебя узнать я мог бы сразу —
Тихую столетнюю судьбу,
Легшую на материнском лбу!
Эту жизнь я бросил за собою,
Что могла бы стать моей судьбою.

Ты мне говорила, расставаясь:
«Не вернуть в гнездо тебя, мой аист!»
Долго-долго много лет подряд
Те слова в груди моей горят.
С губ твоих они все раздаются,
С губ твоих, что плачут и смеются,
С губ твоих, горячих и поблекших,
Прямо в сердце, прямо в душу легши.
Песню, сердце, силу, жизнь бодрят
Много весен, много зим подряд.

Матери остывшее объятье...
Нет, не мог с тобою потерять я
Звона песни, сердца чистоты,
Если в сердце оставалась ты!
Буря, прочь от этого порога!
Вот гляди, как я запомнил много,
Как сквозь боль, и скорбь твою, и тьму
Я стремился к сердцу твоему.
Мой привет летит к тебе с дороги,
Мой привет тебе поклоном в ноги.

Мой привет струится по ночам
По скользящим месяца лучам.
Мой привет тебе, моей любимой,
Мой привет летит к тебе сквозь дымы,
Мой привет, тебе без слов понятный,—
Той, кого времен не тронут пятна.
Мой привет веселью этих дней,
Жизни светлой, совести моей!
Ты же, видящая эти дни,
Голос свой с моим соедини.

Подмети наш двор и домик бедный.
Не пропал я, не погиб бесследно.
Пусть соседи к нашим льнут воротам
Поздравлять тебя с моим приходом,

Говорить, что матери примет
Много носит на себе поэт!
Ты — моя природа и искусство,
Без тебя бы сердце было пусто;
Будь благословенно, молоко,
Брызнувшее песней далеко!
Будь благословенна навсегда,
Давшая мне силы для труда!
Сядь со мною, мать моя, поближе,
Пусть нам будет шелестящей крышей
Дерево любимое одно —
Дерево страны моей родной...
Чтоб под этим густолистым скатом
Новый день смеялся над закатом.
Пусть читают все, что напишу,
Все, что в сердце с детства я ношу.
Чтобы встал до самых легких облак
Твой высокий, драгоценный облик.
Чтобы быть последним злому дню,
Дню, в который клятве изменю.

1935

ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ

Как уносятся птиц вереницы,
Поколенья уходят в отлет,—
Человечество то веселится,
То отраву смертельную пьет.

То в тисках, то ломая оковы,
Точно русла стареющих рек,
Изменяются снова и снова
И вселенная и человек.

Всех на счастье влечет изначала,
Но, над нами смеясь искони,
Подпускало к себе, ускользало
И звало на бегу: «Догони!»

О безумная, дивная пери,
Брось негодную, злую игру,
Я свидетельствую и верю:
Все живое стремится к добру.

Этой тяги таящейся ради
Окажи свою помощь живым.
Смерть — проклятое ада исчадье,
Жизнь — сияющий серафим.

С сотворения мира две силы —
Свет и тьма — в вековечной войне.
Тьма — зияющая могила,
Солнце — к воле взывает извне.

Зло досталось вселенной в наследье
В незапамятные времена,
Но, дыханье зимы обезвредя,
Настает в наших душах весна.

Между горестями и весельем
Нет похожего ничего.
На два мира особенных делим
Мы уныние и торжество.

Но крылит из столетья в столетье
Мысль, исполненная огня,—
И фантазия щелкает плетью,
Погоняя веками коня.

Утро счастья, таинственный гений,
Перелей благодать через край,
Осчастливь и направь поколенье,
Руку помощи людям подай.

Чем ты радовать станешь, стихия,
Если будешь, как камень, гола?
Как бездетности недра сухие,
Бесполезные гибнут дела.

Не сойди же со сцены в бесплодье,
Стань за новую правду горой.
Дай победу над рабством свободе,
Славой сторону нашу покрой.

Божество прошлых дней, угнетенье,
Нами вдоволь натешилось встарь.
Отжила и становится тенью
Эта подлая старая тварь.

Счастье — детище нашего века
И, как истинное дитя,
Улыбается человеку,
Солнцем будущего светя.

1942

Я НЕ СПЕШУ...

Все в звездах небо, с моря дует ветер.
Мы встретим за стаканами зарю.
Не говорю: «Забудем все на свете!» —
«Согреемся немного»,— говорю.
Пусть длится ночь, пусть опоздает утро,—
В объятьях дум сижу я у огня.
Пусть то, что я скажу, не так уж мудро,
Но мудрость друга — выслушать меня!
Пока любить и петь я мучим жаждой,
Пока, живой, теплом земли дышу,
Я жизнь продлю в ее мгновенье каждом,
Мне некуда спешить.
Я не спешу.

Любовь моя! Чтоб лет моих не выдать,
Не говори, что я устал и стар.
Я видел меньше, чем хотел бы видеть!
Встань, обойдем земной летящий шар!
И если парус дум моих летучих
Нас бросит в океаны и моря,
Не бойся! Я доро́г не знаю лучших,
Чем те, где не встают на якоря.
Звезда ль меня лучами с неба тронет,
Иль сам звезду на небе погашу,
Пусть радость и печаль своих коней не гонят,
Мне некуда спешить.
Я не спешу.

И ты, мой друг, охотник, всю округу
Облазивший со мною на веку,
Давай пройдемся медленно по лугу
И «здравствуй» скажем каждому цветку.
Я должен над цветами наклониться
Не для того, чтоб рвать или срезать,
А чтоб увидеть добрые их лица
И доброе лицо им показать.

Они раскроются по доброй воле
На час, на день, на сколько попрошу.
Куда спешить мне? Я не ветер в поле! —
Мне некуда спешить.
Я не спешу.

Пусть туча медленней пройдет над нами.
Пусть медленней течет река. И пусть,
Весь мир на капли разделив глазами,
Я каждую запомню наизусть.
Не думай, я не постарел, я просто
Хочу, чтоб все в нас оставляло след,
Чтоб мы, не доживающие до ста,
Прожить умели за день десять лет.
Пусть не спешит перо в руке поэта
Скорее книгу жизни завершить,
Пусть длится день!
Пусть вертится планета!
Я не спешу.
Мне некуда спешить.

1953

ТЕЛОГРЕЙКА

Ты помнишь, друг, как я назад три года
В Москве с утра к тебе ворвался в дом?
И сколько б мы ни пили в ту погоду,
Дай бог, чтоб чаще было так, вверх дном!

Южанин, был я в ту метель простужен,
И как же ты ругал меня, корил!
Что даже пусть я сам себе не нужен,
Тебе я нужен! — так ты говорил.

Сняв телогрейку, теплую от тела,
Ее мне по-солдатски подарил.
«Простуженный поэт — дрянное дело!
Не смей болеть!» — так мне ты говорил.

И голос твой, как огонек за вьюгой,
Не позабуду я, пока живу.
Пусть будет щепкою подарок друга,—
С той щепкой я моря переплыву!

Когда теперь с ружьем в степи шагаю
И зимний холод режет, как стекло,
Я сразу телогрейку надеваю,
Хранящую еще твое тепло.

Когда в Баку ударит норд весенний,
И с легкими опять вдруг канитель,
И все родные хором — нет спасенья —
Зовут врачей, чтоб класть меня в постель,—

Я надеваю телогрейку эту
И в ней сижу упрямо у огня.
Каких врачей еще искать по свету,
Когда ты взялся вылечить меня!

1953

ПОЭТ, КАК РАНО ПОСТАРЕЛ ТЫ...

Поэт, как рано постарел ты...
Ты, говорят, счастливый самый,
Хотя всю жизнь ты горем сыт,—
Как снег в горах, оно висит
Над головой твоей упрямой.
И скольких бы других ни грел ты,
Ни влек бы к сердца очагу,
Вся голова твоя в снегу!
Поэт, как рано постарел ты...

Вчера, когда окончил ты
Читать... Когда, в руках цветы,
Безмолвная, перед поэтом
Стояла девушка с букетом,
Как долго на нее смотрел ты,
Читая у нее в глазах
Наивное по-детски: ах!
Поэт, как рано постарел ты!

Охотой увлекался ты,
Под буркой ночевал в пустыне
И за козлами по стремнине
Спускался с горной высоты.
Как прежде, брал их на прицел ты,
Но пули мимо них прошли
И только свистнули вдали:
Поэт, как рано постарел ты!

Ты был жесток в житейских схватках,
Был друг друзьям, был враг врагам.
Но тот, кто в жизни только лгал,
Кто дружбу предлагал, как взятку,
Кто с лестью лез — чтоб подобрел ты,
Сейчас, скрывая торжество,
В твой дом вползая, шепчет: «О
Поэт, как рано постарел ты...»

Да, голова твоя седа,
Поэт. Но это не беда:
Ни женщина, что ты любил,
Ни родина, чьим сыном был,—
Те двое, для кого горел ты,—
Пусть голова твоя седа,
Тебе не скажут никогда:
«Поэт, как рано постарел ты!»

1953

АРВИД ГРИГУЛИС

(Род. в 1906 г.)

С латышского

ВЕТКА СИРЕНИ

Мы с боем шли через селенье.
Вокруг весна, и смерть вокруг.
И ветка сбитая сирени
К моим ногам упала вдруг.

Как талисман, я ветку эту
У сердца спрятал, под плащом.
А вскоре я очнулся где-то
С пробитым пулею плечом.

И вот палатка медсанбата
И ты, печальная, и ты...
Блестят ли волосы, как злато?
Твои возможны ли черты?

По всем законам этикета
И первым признакам любви
Я подарил сирени ветку
Тебе... она была в крови...

Но почему я вижу слезы?
Тебе улыбка так пойдет!
Придут другие скоро весны,
Сирень другая расцветет...

Тебе цветы на стеблях длинных
Другие руки принесут...
А душу песней журавлиной
От горькой памяти спасут...

Под Насвой, 1944

СОНЕТ О МОРЕ И РЫБАКЕ

Пусть бьет волна, ты устоишь над ней.
Пусть голос бури обретает море,
Страх смерти не знаком душе твоей,
Душе, рожденной в штормовом просторе.

Под Полой, где в лучах прожекторов
Враги метались под твоим прицелом,
А ты не дрогнул под огнем врагов,—
Ты видел смерть и знаешь жизни цену.

Пусть море машет паруса крылом,
В твоих ушах еще орудий гром.
Идешь ты, как за плугом, за волною,

И даль обводит взгляд спокойно твой,
Ты знаешь: море грозное — с тобой,
Как вся страна Советская с тобою.

1945

СОНЕТ О МОРЕ И ЖИЗНИ

Как долго были мы в разлуке, море!..
Когда-то вдаль простор твой звал меня.
Но мне пришлось идти сквозь смерть и горе
Дышать пространством дыма и огня.

И я разрушил темной силы своды!
И небо наше с каждым днем светлей.
Мы шли спасти, и мы спасли народы.
Свободный парус — символ наших дней.

К моим ногам швырнув янтарь и гальку,
Уходишь вспять и вновь синеешь далью.
Но не привыкнуть к тихим берегам
Тому, кто знал и гром, и ярость боя.
Клянусь тебе: мне не найти покоя,—
В крови моей ревет твой ураган.

1945

ВОЗМОЖНО ЛИ?..

Возможно ли, что ты отныне не со мною?
Еще ты здесь, я слышу шаг твой легкий,
Но звук его уже такой далекий,
Как будто ты идешь дорогою другою.

Когда звучит твой смех веселый в этом зданье,
Взлетает стая голубей почтовых,
На крыльях счастье принести готовых.
Но я напрасно жду их, затаив дыханье.

На ветке, обожженной холодом и болью,
Мох равнодушья вырастает летом,
Владеет ржа заброшенным железом,
А жалость — и цветком завядшим и любовью.

Возьми, душа, в дорогу этот хлеб с собою
И кутайся в покой, чтоб холод не ужалил!
Куда б ты ни пошел, к чему бы ни причалил:
Пойдешь отныне одиночества тропою.

1955

КРЫМСКИЕ МОТИВЫ

(В горах)

Иду с кизи́ловою палкой
Я с пастухами в царство гор.
Кругом пылают розы жарко,
А небо выгнуто дугой.

Под чертовым мечтаю камнем
Зарыть назойливую боль,
А вместе с ней одну любовь,
Чтоб снова стала жизнь легка мне.

Садится жаркое светило.
Затихло стадо. День потух.
Ко мне пастух подходит тихо
И говорит: — Напрасно, друг...

1959

МУСА ДЖАЛИЛЬ

(1906—1944)

С татарского

МОИ ПЕСНИ

Песни, в душе я взрастил ваши всходы,
Ныне в отчизне цветите в тепле.
Сколько дано вам огня и свободы,
Столько дано вам прожить на земле!

Вам я поверил свое вдохновенье,
Жаркие чувства и слез чистоту.
Если умрете — умру я в забвенье,
Будете жить — с вами жизнь обрету.

В песне зажег я огонь, исполняя
Сердца приказ и народа приказ.
Друга лелеяла песня простая.
Песня врага побеждала не раз.

Низкие радости, мелкое счастье
Я отвергаю, над ними смеюсь.
Песня исполнена правды и страсти —
Тем, для чего я живу и борюсь.

Сердце с последним дыханием жизни
Выполнит твердую клятву свою:
Песни всегда посвящал я отчизне,
Ныне отчизне я жизнь отдаю.

Пел я, весеннюю свежесть почуя,
Пел я, вступая за родину в бой.
Вот и последнюю песню пишу я,
Видя топор палача над собой.

Песня меня научила свободе,
Песня борцом умереть мне велит
Жизнь моя песней звенела в народе,
Смерть моя песней борьбы прозвучит.

26 ноября 1943 г.

ВЕСНА

Я открываю солнцу грудь.
«Чахотка»,— доктор говорит...
Пусть лижет солнце эту грудь,
Она от прежних ран болит.
Ну что ж, ей надо отдохнуть.
И солнцем вновь она блеснет ..
На белом камне я сижу,
Мне слышится весны поход —
Идут деревья, ветры ржут...
Преступен разве отдых мой?
Дышу я теплотой ночей,
Готовящих работу дней...
Я взял свое от войн и гроз.
Зачем же не смеяться мне,
Прошедшему сквозь грохот гроз,
Когда весна, сломав мороз,
Скачет, как бешеный снеговой поток.

Скачет, как бешеный снеговой поток,
Кружится безумный водоворот.
Тонкий, как кружево, как пушок,
Челтыр-челтыр,— ломается лед
От жара-богатыря — весны...
В небе лазурном, как взор Сарвар,
Тихая тень облаков-ресниц
Расходится, задрожав сперва,
Лаская уколами небосклон...
Ну как мне не радоваться и не петь,
Как можно грустить, когда день — как звон,
Как песня, как музыка и как мед!

За то, чтобы крикнуть идущим дням
«Эти весны нам принадлежат!» —
Я легкое отдал, я жизнь отдам,
Не оборачиваясь назад...
Я радуюсь дрожанью вен —
Весна по руслам их течет.
И я кричу: «Ломая плен,
Не кровь ли двинулась вперед
В днепровский яростный поход,
Трудом вскипает и поет?!»
«Чахотка»,— доктор говорит...
Не прав он: это гул годин,
Которые, теснясь в груди,
Хранят походов грозный ритм
И пламя флагов впереди.

1933

СЛЕЗА

Покидая город в тихий час,
Долго я глядел в твои глаза.
Помню, как из этих черных глаз
Покатилась светлая слеза.

И любви и ненависти в ней
Был неиссякаемый родник.
Но к щеке зардевшейся твоей
Я губами жаркими приник.

Я приник к святому роднику,
Чтобы грусть слезы твоей испить
И за все жестокому врагу
Полной мерой гнева отомстить.

И отныне светлая слеза
Стала для врага страшнее гроз,
Чтобы никогда твои глаза
Больше не туманились от слез.

Февраль 1942 г.
Волховский фронт

ВОЛЯ

И в час, когда мне сон глаза смыкает,
И в час, когда зовет меня восход,
Мне кажется, чего-то не хватает,
Чего-то остро мне недостает.

Есть руки, ноги — все как будто цело,
Есть у меня и тело и душа.
И только нет свободы! Вот в чем дело!
Мне тяжко жить, неволею дыша.

Когда в темнице речь твоя немеет,
Нет жизни в теле — отняли ее,
Какое там значение имеет
Небытие твое иль бытие?

Что мне с того, что не без ног я вроде:
Они — что есть, что нету у меня,
Ведь не ступить мне шагу на свободе,
Раскованными песнями звеня.

Я вырос без родителей. И все же
Не чувствовал себя я сиротой.
Но то, что было для меня дороже,
Я потерял: отчизну, край родной!

В стране врагов я раб тут, я невольник,
Без родины, без воли — сирота.
Но для врагов я все равно — крамольник,
И жизнь моя в бетоне заперта.

Моя свобода, воля золотая,
Ты птицей улетела навсегда.
Взяла б меня с собою, улетая,
Зачем я сразу не погиб тогда?

Не передать, не высказать всей боли,
Свобода невозвратная моя.
Я разве знал на воле цену воле!
Узнал в неволе цену воли я!

Но коль судьба разрушит эти своды
И здесь найдет меня еще в живых,—
Святой борьбе за волю, за свободу
Я посвящу остаток дней своих.

Июль 1942 г.

ПТАШКА

Бараков цепи и песок сыпучий
Колючкой огорожены кругом.
Как будто мы жуки в навозной куче:
Здесь копошимся. Здесь мы и живем.

Чужое солнце всходит над холмами,
Но почему нахмурилось оно?
Не греет, не ласкает нас лучами,—
Безжизненное, бледное пятно...

За лагерем простерлось к лесу поле,
Отбивка кос там по утрам слышна.
Вчера с забора, залетев в неволю,
Нам пела пташка добрая одна.

Ты, пташка, не на этом пой заборе.
Ведь в лагерь наш опасно залетать.
Ты видела сама — тут кровь и горе,
Тут слезы заставляют нас глотать.

Ой, гостья легкокрылая, скорее
Мне отвечай: когда в мою страну
Ты снова полетишь, свободно рея?
Хочу я просьбу высказать одну.

В душе непокоренной просьба эта
Жилицею была немало дней.
Мой быстрокрылый друг! Как песнь поэта,
Мчись на простор моих родных полей.

По крыльям-стрелам и по звонким песням
Тебя легко узнает мой народ.
И пусть он скажет: — О поэте весть нам
Вот эта пташка издали несет.

Враги надели на него оковы,
Но не сумели волю в нем сломить.
Пусть в заточенье он, поэта слово
Никто не в силах заковать, убить...

Свободной песней пленного поэта
Спеши, моя крылатая, домой.
Пусть сам погибну на чужбине где-то,
Но будет песня жить в стране родной!

Август 1942 г.

ЗВОНОК

Однажды на крыльце особняка
Стоял мальчишка возле самой двери,
А дотянуться пальцем до звонка
Никак не мог — и явно был растерян.

Я подошел и говорю ему:
— Что, мальчик, плохо? Не хватает роста?..
Ну, так и быть, я за тебя нажму.
Один звонок иль два? Мне это просто.

— Нет, пять!—
Пять раз нажал я кнопку.
А мальчик мне:
— Ну, дяденька, айда!
Бежим! Хоть ты большой смельчак, а трепку
Такую нам хозяин даст,— беда!

Декабрь 1942 г.

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ

Какая вдали земля
Просторная, ненаглядная!
Только моя тюрьма
Темная и смрадная.

В небе птица летит,
Взмывает до облаков она!
А я лежу на полу:
Руки мои закованы.

Растет на воле цветок,
Он полон благоухания,
А я увядаю в тюрьме:
Мне не хватает дыхания.

Я знаю, как сладко жить,
О, сила жизни победная!
Но я умираю в тюрьме,
Эта песня моя—
последняя.

Август 1943 г.

ДОРОГИ

Амине

Дороги! Дороги! От отчего дома
Довольно гостил я вдали.
Верните меня из страны незнакомой
Полям моей милой земли.

Забыть не могу я Замостье родное
И ширь наших желтых полей.
Мне кажется часто — зовут за собою
Глаза чернобровой моей.

Когда уходил я, дожди бушевали;
Подруга осталась одна.
Не капли дождя на ресницах дрожали,—
Слезу вытирала она.

С тревогой родные края покидая,
Полсердца оставил я там...
Но, вместе с любовью, и воля стальная
В дороге сопутствует нам.

Дороги, дороги! Людские мученья
На вас оставляли следы.
Скажите, кому принесли огорченье,
Кого довели до беды?

Дороги! Чье смелое сердце впервые
Над вами стремилось вперед?
Надежда крылатая в дали чужие
Кого, как меня, занесет?

Мы странствуем смело. Так юность велела
И гонят нас волны страстей.
В далеких краях проторили дороги
Не ноги, а чувства людей.

Я с детства, бывало, пускался в дорогу,
Бродягой считая себя.
Тот юный «бродяга» к родному порогу
Вернулся, отчизну любя.

Дороги, дороги, в сторонку родную
Ведите из дальних краев.
Я в думах тревожных, по милой тоскуя,
Лечу под отеческий кров.

Октябрь 1943 г.

СЛУЧАЕТСЯ ПОРОЙ

Порой душа бывает так тверда,
Что поразить ее ничто не может.
Пусть ветер смерти холоднее льда,
Он лепестков души не потревожит.

Улыбкой гордою опять сияет взгляд.
И, суету мирскую забывая,
Я вновь хочу, не ведая преград,
Писать, писать, писать, не уставая.

Пускай мои минуты сочтены,
Пусть ждет меня палач и вырыта могила,
Я ко всему готов. Но мне еще нужны
Бумага белая и черные чернила!

Ноябрь 1943 г.

ПАЛАЧУ

Не преклоню колен, палач, перед тобою,
Хотя я узник твой, я раб в тюрьме твоей.
Придет мой час — умру. Но знай: умру я стоя,
Хотя ты голову отрубишь мне, злодей.

Увы, не тысячу, а только сто в сраженье
Я уничтожить смог подобных палачей.
За это, возвратясь, я попрошу прощенья,
Колена преклонив, у родины моей.

Ноябрь 1943 г.

НЕ ВЕРЬ!

Коль обо мне тебе весть принесут,
Скажут: «Устал он, отстал он, упал», —
Не верь, дорогая! Слово такое
Не скажут друзья, если верят в меня.
Кровью со знамени клятва зовет:
Силу дает мне, движет вперед.
Так вправе ли я устать и отстать,
Так вправе ли я упасть и не встать?
Коль обо мне тебе весть принесут,
Скажут: «Изменник он! Родину предал»,—
Не верь, дорогая! Слово такое
Не скажут друзья, если любят меня.
Я взял автомат и пошел воевать,
В бой за тебя и за родину-мать.
Тебе изменить? И отчизне моей?
Да что же останется в жизни моей?
Коль обо мне тебе весть принесут,
Скажут: «Погиб он. Муса уже мертвый»,—
Не верь, дорогая! Слово такое
Не скажут друзья, если любят тебя.
Холодное тело засыплет земля,—
Песнь огневую засыпать нельзя!
Умри, побеждая, и кто тебя мертвым
Посмеет назвать, если был ты борцом!

20 ноября 1943 г.

НОВОГОДНИЕ ПОЖЕЛАНИЯ

Андре Тиммермансу

Здесь нет вина. Так пусть напитком
Нам служит наших слез вино!
Нальем! У нас его с избытком.
Сердца насквозь прожжет оно.
Быть может, с горечью и солью
И боль сердечных ран пройдет...
Нальем! Так пусть же с этой болью
Уходит сорок третий год.

Уходишь, борода седая,
Навеки землю покидая?
Ты крепко запер нас в подвал.
Прощай! На счастье уповая,
Я поднимаю мой бокал.
Довольно жизням обрываться!
Довольно крови утекло!
Пусть наши муки утолятся!
Пусть станет на душе светло!

Да принесет грядущий Новый
Свободу сладкую для нас!
Да снимет с наших рук оковы!
Да вытрет слезы с наших глаз!
Согрев целебными лучами,
Тюремный кашель унесет!
И в час победы пусть с друзьями
Соединит нас Новый год!

Пусть будут жаркие объятья
И слезы счастья на очах!
Пускай в честь нас печет оладьи
В родном дому родной очаг!
Да встретятся жена и дети
С любимым мужем и отцом!
И чтобы в радостной беседе,
Стихи читая о победе
И запивая их вином,
Истекший год мы провожали
И наступающий встречали
За пышным праздничным столом!..

1 января 1944 г.

СЕМЕН КИРСАНОВ
(1906—1972)

ВЕТЕР

Скорый поезд, скорый поезд, скорый поезд!
Тамбур в тамбур, буфер в буфер, дым об дым!
В тихий шелест, в южный город, в теплый пояс,
к пассажирским, грузовым и наливным!

Мчится поезд в серонебую просторность.
Все как надо, и колеса на мази!
И сегодня никакой на свете тормоз
не сумеет мою жизнь затормозить.

Вот и ветер! Дуй сильнее! Дуй оттуда,
с волнореза, мимо теплой воркотни!
Слишком долго я терпел и горло кутал
в слишком теплый, в слишком добрый воротник

Мы недаром то на льдине, то к Эльбрусу,
то к высотам стратосферы, то в метро!
Чтобы мысли, чтобы щеки не обрюзгли
за окошком, защищенным от ветров!

Мне кричат: — Поосторожней! Захолонешь!
Застегнись! Не простудись! Свежо к утру! —
Но не зябкий инкубаторный холеныш
я, живущий у эпохи на ветру.

Мои руки, в холодах не костенейте!
Так и надо — на окраине страны,
на оконченном у моря континенте,
жить с подветренной открытой стороны.

Так и надо — то полетами, то песней,
то врезая в бурноводье ледокол,—
чтобы ветер наш, не теплый и не пресный,
всех тревожил, долетая далеко!

1933

ЛИРИКА

Человек
стоял и плакал,
комкая конверт.
В сто
ступенек
эскалатор
вез
его
наверх.
К подымавшимся колоннам,

к залу,
где светло,
люди
разные
наклонно
плыли
из метро

Видел я:
земля уходит
из-под его ног.
Рядом плыл
на белом своде
мраморный венок.

Он уже не в силах видеть
движущийся
зал.
Со слезами,
чтоб не выдать,
борются глаза.

Подойти?
Спросить:
«Что с вами?»
Просто ни к чему.
Неподвижными
словами
не помочь ему.

Может,
именно
ему-то
лирика нужна.
Скорой помощью,
в минуту,
подоспеть должна.

Пусть она
беду чужую,
тяжесть всех забот,
муку
самую большую
на себя возьмет.

И поправит
и поставит
ногу на порог
и подняться
в жизнь
заставит
лестничками
строк

1947

ЭТОТ МИР

Счастье — быть
частью материи,
жить, где нить
нижут бактерии;

жить, где жизнь
выжить надеется,
жить, где слизь
ядрами делится;

где улит
липкие ижицы
к листьям лип
медленно движутся.

Счастье — жить
в мире осознанном,
воздух пить,
соснами созданный;

быть, стоять
около вечности,
знать, что я
часть человечества;

часть мольбы
голосом любящим,
часть любви
в прошлом и будущем;

часть страны,
лéса и улицы,
часть страниц
о революции.

Счастье — дом,
снегом заваленный,
где вдвоем
рано вставали мы;

где среди
лисьих и заячьих
есть следы
лыж ускользающих...

Шар земной,
мчащийся по небу!
Будет *мной*
в будущем кто-нибудь!

Дел и снов
многое множество
все равно
не уничтожится!

Нет, не быть
Раю — Потерянным!
Счастье — быть
частью материи.

1960

МИР

Мой родной, мой земной,
мой кружащийся шар!
Солнце в жарких руках,
наклонясь, как гончар

вертит влажную глину,
с любовью лепя,
округляя, лаская,
рождая тебя.

Керамической печью
космических бурь
обжигает бока
и наводит глазурь,

наливает в тебя
голубые моря,
и, где надо,— закат,
и, где надо,— заря.

И когда ты отделан
и весь обожжен —
солнце чудо свое
обмывает дождем

и отходит за воздух
и за облака
посмотреть на творение
издалека.

Ни отнять, ни прибавить —
такая краса!
До чего ж этот шар
гончару удался!

Он, руками лучей
сквозь туманы светя,
дарит нам свое чудо:
— Бери, мол, дитя,

дорожи, не разбей —
на гончарном кругу
я удачи такой
повторить не смогу!

1961

НОВАТОРСТВО

Что такое
новаторство?
Это, кажется мне,
на бумаге на ватманской -
мысль о завтрашнем дне.

А стихи,
или здание,
или в космос окно,
или новое знание —
это, в целом,
одно.

В черновом чертеже ли
или в бое кувалд —
это
опережений
нарастающий вал.

Это дело суровое —
руки рвутся к труду,
чтоб от старого
новое
отделять, как руду!

Да, я знаю —
новаторство
не каскад новостей,—
без претензий на авторство,
без тщеславных страстей —

это доводы строит
мысль резца и пера,
что людей
не устроит
день, погасший вчера!

Не устанет трудиться
и искать
человек
то,
что нашей традицией
назовут
через век.

1964

* * *

Жизнь моя,
ты прошла, ты прошла,
ты была не пуста, не пошла.

И сейчас еще ты,
точно след,
след ракетно светящихся лет.

Но сейчас ты не путь,
а пунктир
по дуге скоростного пути.

Самолет улетел,
но светла
в синеве меловая петля.

Но она расплылась и плывет...
Вот и все,
что оставил полет.

1964

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я год простоял в грозе
расшатанный,
но не сломленный
Рубанок, сверло, резец —
поэзия,
ремесло мое!

Пила!
На твоей струне
заржавели все зазубрины,
бездействовал инструмент
без мастера,
в ящик убранный.

Слова,
вы ушли в словарь,
на вас уже пыль трехслойная.
Рука еще так слаба —
поэзия,
ремесло мое!

Невыстроенный чертог
как лес,
разреженный рубкою,
желтеющий твой чертеж
забытою
свернут трубкою.

Как гвозди размеров всех,
рассыпаны
краесловия.
Но как же ты тянешь в цех —
поэзия,
ремесло мое!

К усталым тебя причли,
на койках
бока отлежаны,
но мысли уже пришли
с заказами
неотложными.

Хоть пенсию пенсией дай —
какая судьба
тебе с ней?
Нет, алчет душа труда
над будущей
Песнью Песней!

Не так уже ночь мутна.
Как было
всю жизнь условлено
буди меня в шесть утра,—
поэзия,
ремесло мое!

1972

СЕРГЕЙ МАРКОВ

(Род. в 1906 г.)

ГОРЯЧИЙ ВЕТЕР

Горячий ветер, солью го́ря
Сегодня губы не вяжи!
На землю пляшущие зори
Бросают алые ножи.

О чем звенит камышный ворох,
Где, как скопившаяся боль,
Сочится в стынущих озерах
Слезами мраморная соль?

С чуть розоватой горькой пылью
Смешался огненный песок.
Я жар солончаковый вылью
В клокочущие русла строк.

И — разве может быть иначе?—
Так много ветра и огня,—
Песнь будет шумной и горячей,
Как ноздри рыжего коня.

1924

ТЕМНЫЙ РУМЯНЕЦ

Я сел на коня и темную копоть
Костров азиатских с лица не смыл,
Впивался в сосны месяца коготь,
И теплый ветер на стремени стыл.

Я слышал гул веселых молений
В усталом шатре на белой горе.
Казалось, что конь мой, пеня колени,
Бредет по волнистой алой заре;

Так низко к земле закаты упали,
До серых каменьев, до лисьих нор.
На перекрестках меня встречали
Косматые люди зеленых гор.

«Он не заблудится в горных туманах!»
«Он в наших кострах душой закален!»
И радость гремела бубном шамана
На диких свадьбах горных племен.

На девичьих лицах лимонный глянец,
Запястий звон на смуглой руке.
Густой и теплый темный румянец
Крылом дрожал на моей щеке.

...Я бросил поводья в зеленой пене.
Вошел... Она играла кольцом
И, посмотрев на легкие тени,
Сказала: «Уйди, ты темен лицом!»

Меня боялись враги и звери.
Я меткость свою показать бы смог!
Но я лишь толкнул звенящие двери
Перешагнув через гулкий порог.

1927

ЗЕМНЫЕ КОРНИ

Доброй прикинулась... Положила
На сердце мое ладонь,
Захороводила, закружила,
Толкала, как сноп, в огонь.

Торжествовала и улыбалась,
Что я, сгорая, пою;
Будто осталась ей самая малость,
Чтоб душу сгубить мою.

Долгой разлукой ее испытуя,
Под шорох орлиных крыл,
В свинцовую гору близ Акатуя
Я душу свою зарыл.

Пришла и туда. И к земле припала
Одна в пустынном краю,
Рылась руками в щебне отвала,
Искала любовь мою.

Но не хватило яростной силы
Клад достать из земли;
Земные корни и рудные жилы
Душу мою оплели.

1956

ШЕМАХАНСКАЯ ЦАРИЦА

1

В строгий вечер у дверей
Грудью трогала перила,
Провожала егерей,
Черный веер уронила.

Окна снежною слюдой
Затянуло на полгода.
Самый злой и молодой
Не вернулся из похода.

Так сказал седой усач...
Заскрипела половица.
Скомкав шаль, горюй и плачь
Шемаханская царица.

Ты прекрасна и легка
И повадкой и походкой
И, достойная пайка,
Ходишь в лавку за селедкой.

Плачешь, мертвого любя,
Бродишь тенью по светлице...
Видят всадники тебя
На махновской колеснице.

Бьет мальчишка в барабан,
Как свеча горит предместье.
Пулеметный шарабан
Да веселое бесчестье.

Ведь, беспутных сыновей
Обучая сквернословью,
Батька тешится твоей
Ненасытною любовью.

Ты ль со смехом у дверей
Грудью трогала перила,
Провожая егерей,
Черный веер уронила?

2

Но ударила гроза
По тебе прямой наводкой,
Шемаханская краса
За железною решеткой.

И шумит судебный зал,
Словно каменный колодец,
И не любит трибунал
Анархистских богородиц!

Высшей мерой бредит снег,
Дышат холодом перила,
...Про внезапный твой побег
Долго стража говорила.

3

Новый час в твоей судьбе,
В жизни — новые приметы.
И недаром о тебе
По утрам кричат газеты:

«Хорошо известно нам,
Что она в кафе «Манила»
Егерям и пластунам
О походе говорила.

Что она верна кресту,
Отомстит врагам сторицей.
Прозвана за красоту
Шемаханскою царицей».

4

Край чужой не по душе,
Снится ночью синий север,
Пусть японский атташе
Подает заветный веер.

Слушай льстивую хвалу.
И на сцене в час расплаты
В опереточном пылу
Пляшут дикие сарматы.

Твой поклонник — желтый бес
Для тебя не сыщет дара,
Опираясь на эфес,
В душной лавке антиквара.

И с подарком наконец
Он стоит перед дверями.
Сделан редкостный ларец
Хохломскими кустарями.

Рассмотри его одна.
Ведь рисунок — небылица:
У высокого окна
Стонет, плачет царь-девица.

Клонит ясное лицо,
Будто что промолвить хочет;
На узорное крыльцо
Вылетает пестрый кочет.

Ниже голову нагни —
И увидишь ты сквозь слезы
Половецкие огни
И рязанские березы.

Свет живого янтаря
Разливается рекою,
Лебединая заря
Проплывает над Окою.

5

Ты сейчас не рада дню,
Свету ласкового солнца,
Ты идешь на авеню,
Бросив хилого японца.

О тебе лишь говоря,
В голубой туман стаканов
Прячут губы егеря
Из славянских ресторанов.

Слышишь громкую молву?
«Наши руки не ослабли,
Для похода на Москву
Мы точили наши сабли.

Как отточены клинки —
Пусть враги узнают сами»,—
Повторяют казаки —
Волки с синими глазами.

Но ответ им был таков:
«Вы отважны, вы спесивы,
Но без храбрых казаков
Я пойду в родные нивы».

6

Не видать путей и вех,
Ты сейчас одна с метелью,
На границе пахнет снег
Черным порохом и елью.

Ты сюда пришла сама
По своей и гордой воле,
Ледяные терема
Вырастают в белом поле.

Мчится снежная труха
В знак родимого привета,
Слушай пенье петуха
В самой лучшей части света!

Ты увидела вдали
Сквозь метель — огни и тени,
На краю родной земли
С плачем встала на колени...

7

Долго думал атташе
(Сосчитав чужие танки)
О загадочной душе
Этой сказочной славянки.
Где, какой нашла конец,
Уходя на синий север,
В заколдованный ларец
Положив свой черный веер?

1928—1967

СУЛЕЙМАН РУСТАМ

(Род. в 1906 г.)

С азербайджанского

РОМАНТИКА НОЧИ

Уснули улицы Баку —
я позабыл о сне,
Я гулким шагом придаю
звучанье тишине.
Я в целом городе один —
мне это не впервой,
Легко и радостно бродить
полуночной порой.
Я предан думам и мечтам,
в их власти нахожусь.
Я приготовился ходить,
пока не нахожусь.
Пишу на улицах стихи,
и солнце каждый стих
Пригреет рано утром, чтоб не вытоптали их.
Ни на мгновенье не могу
сомкнуть
бессонных глаз.
Иду и вижу все вокруг
как будто в первый раз.
Иду, нашептываю стих,
прокладываю след.
Не выхожу на свет, как тень,
а в темь вхожу, как свет,
Ночь вдохновенна и щедра,
богата светом ночь,
Иду — и медленно идет
за мною следом ночь.
Мой шаг, как шаг страны моей,
уверен и широк,
И над моею головой —
созвездье, как венок.
Ночь строго требует: «Пароль?»
Я говорю: «Ильич!»
Не только я, но вся страна
тот произносит клич.
В моей груди мечта и явь,
как факелы, горят,

И взглядом надвое делю
я небо, как гранат.
Чем жажду сердца утолить?
Я становлюсь высок,
Ловлю губами льдинки звезд
и пью небесный сок.
Я этой ночью прохожу
и в сердце у себя
Страну родную проношу,
что молода, как я.
Ночь вдохновенна и щедра,
богата светом ночь,
Иду — и медленно идет
за мною следом ночь.
Цепочкой тянутся огни,
за светлым рядом — ряд,
Как строки лучшие мои—
гирляндами горят.
Моя любимая не спит
у дальнего окна,
Огонь — и около него,
как бабочка,— она.
Не спит. И не от кого ей
волнение скрывать,
Пустует в доме допоздна
двуспальная кровать.
Ей нет ни месяца, ни звезд
у грустного огня,
И мир ее — особый мир,
где пусто без меня.
А в том окне — поэт, мой друг,
склонился над столом
Он бастионы слов берет,
кидаясь напролом.
«Работай, сердце,— шепчет он,—
работай, голова,
Воспеть бессмертный мир нужны
бессмертные слова!»
А в том окне моя сестра,
моей отчизны дочь,
Листает Маркса первый том —
и сон уходит прочь.
А там нефтяник разостлал
рулоны чертежей,

Неуловимый прежде пласт
сдается, черт, уже!
И вышки высятся в краю,
сияньем залитом,
Пророча сбыточность мечты
о море золотом.
Ночь вдохновенна и щедра,
богата светом ночь,
Иду — и медленно идет
за мною следом ночь.
Я вышел к берегу и стал
на берегу морском,
С ним, как с приятелем своим,
я запросто знаком.
На этом самом берегу,
где я теперь стою,
Я не однажды поджидал
любимую свою.
Сливались в юности для нас
вода и небосвод,
И не сводило вешних глаз
тогда и небо с вод.
Пора! Я вдоволь побродил.
Вдали — начало дня.
А ночь — посмеет ли она
ослушаться меня!
И ночи на ухо: «Не стой,
идет заря,— сказал.—
Что окна наглухо? Раскрой!» —
любимой я сказал

1934

ЯСЫР ШИВАЗА

(Род. в 1906 г.)

С дунганского

СРЕДИ ВОЛН

Появился я на свет среди волн,
Подрастал я и мужал среди волн.
Проведу остаток лет среди волн —
Никогда я не дрожал среди волн.

Я родился для волны, для волны,
Пел, пою и буду петь о волнах,
Скачут волны, холодны, солоны,
Но останусь я и впредь на волнах.

Волны, волны, вашей музыкой полн,
Вам внимаю, вашу мощь ощутив.
Среди звуков нестареющих волн
Я ищу знакомый с детства мотив.

1933

СМЕРТЬ ГЕРОЯ

На земле лежал — на запад головой,
Будто полз вперед, будто был живой.
Руки распластал — землю обнимал,
Защищал ее до конца герой.

Сын все ждал его. Говорил малец:
«Не погиб отец, буду ждать отца!»

Ты не жди его, ты пойми, хоть мал:
Для тебя отец землю отстоял,
Защищал отец землю до конца.

1944

ПОБЕДА

Она стучится наконец у ворот,
Сейчас она во двор хозяйкой войдет
И счастье приведет с собой в мирный дом,
И солнце выглянет из туч за окном,
И расцветут, как розы, камни крыльца,
И мать обнимет сына, а сын — отца.

1945

СМУГЛЯНКА

Я опять смуглянку встретил,
улыбнулся, как знакомой
Так легка ее походка —
не раздавит муравья.

В этом белом, легком платье,
будто вправду невесома,
Будто соткана из света,
из лучей скользящих вся.
Нарвала цветов озерных.
И в ее руках, под солнцем,
Стал букет еще пышнее,
уподобясь ей самой.
С ней заигрывает солнце,
и смуглянка так смеется,
Будто солнце в самом деле
светит только ей одной.
Вдруг умолкла, спохватившись,
будто в чем-то виновата,
Будто вспомнила о чем-то...
И сказала наконец:
«Во дворце многооконном жил китайский император,
Для него отец мой бедный
строил мраморный дворец».

1957

СНЕЖИНКА

Снежинка, снежинка кружится,
К земле неуклонно летя.
Огромного неба частица,
Мороза и солнца дитя.

Звездою блестя многогранной,
Сквозя между тонких ветвей,
Она, как цветок маодана,
Что вышит невестой твоей.

Холодного солнца сиянье
Бесшумно она вобрала,
Но в этих игольчатых гранях
Живого не сыщешь тепла.

Любуясь, смотри на жемчужный
Порхающий чистый огонь.
Но только не нужно,
не нужно
Навстречу тянуть ей ладонь.

Летящая искорка света —
Померкнет, растаяв, она.
Но капелька круглая эта
Иного значенья полна:

Весною в таинственный, новый
С землей она вступит союз.
И яблоко будет медовым,
И станет багровым арбуз.

Снежинка, снежинка кружится,
Как горлицы белой перо.
Мороза и солнца частица,
Несущая людям добро.

1957

МАЛЬЧУГАН

Мальчугашка ползает в саду,
Воздух, как река, прозрачно-синий
Голуби набрали высоту,
Плещут в небе крыльями своими.

На дорожке сада, приземлясь,
Голуби клюют зерно сторожко,
А мальчонка, радостно смеясь,
Тянет к ним доверчиво ладошки.

Вы играйте вместе, сколько надо,
Безопасно и спокойно тут —
Никакие бомбы и снаряды
Голубиной стаи не вспугнут.

1959

ПЕРВЫЙ ШАГ

Луч солнца, утомленный
Трудом большого дня,
Баюкает пионы:
«Цветите без меня!»

И мраморные цапли
Глядятся в водоем,
Подбрасывая капли,
Горящие огнем.

Над плещущим фонтаном
Взлетает без конца
В сиянье многогранном
Прохладная пыльца.

В том радужном свеченье,
Румяна и свежа,
Мать держит на коленях
Любовно малыша.

Подумала немножко
И смело на песок
С колен спустила крошку:
«Пусть сделает шажок.

Иди, моя надежда,
Начни свой первый путь!»
И маленького держит
За плечики чуть-чуть.

Раскинул сын ручонки,
Беспомощен и мал.
...Я первый шаг ребенка,—
Я чудо увидал.

Шагай по свету властно
И в звездной вышине
Найди наш вымпел красный
На пепельной луне.

1961

НИКУЛ ЭРКАЙ

(Род. в 1906 г.)

С мордовского-эрзя

* * *

Двери в лес распахивая настежь,
Утренней зарей восток горит.
Пусть весь мир услышит, как о счастье
Солнце с лесом звонко говорит.

Вот березы стали за дорогой
Парами — какая красота!
И роса такая, что не трогай,—
Словно слезы детские, чиста.
Этим утром, солнечно-зеленым,
Лес весенний полон до краев —
Шорохами листьев, хрустом, звоном
Песнями бессонных соловьев.
Заходи в него — смотри и слушай.
До чего здесь празднично-светло!..
Я иду и чувствую, как душу
Наполняет вешнее тепло.

1970

МИХАИЛ БЕЗБОРОДОВ

(1907—1935)

С мордовского-мокша

ЛЕС

Лес мой ветвистый,
Густо-зеленый,
Тень подарили мне
Ясени, клены.
Часто брожу я
В чаще отрадной,
Шум твой протяжный
Слушаю жадно.
Вьется порою
Над головою
Лист,
Оброненный
Ветвью густою;
Вьется листочек,
Шепчет
И тужит:
«Близится осень,
Близится стужа...»
Вьется листочек
И под кустами
Никнет,

Блестя
Золотыми зубцами...
Никнет...
А в чаще,
Не замолкая,
Песню выводит
Вольная стая.

1933

КОСТЬ ГЕРАСИМЕНКО

(1907—1942)

С украинского

ИЗ ФРОНТОВОГО БЛОКНОТА

Ідіть, думи, на Вкраїну.
Т. Шевченко

Батареи всю ночь грохотали,
А когда занялась заря,
Мы раскрыли и перечитали
Милый сердцу том «Кобзаря».
Фронтовые будни суровы.
Нежность... Некогда думать о ней,
Но Тарасово светлое слово
Ощущаешь сквозь бурю дней.
Прочитаешь — и вот приснится:
Жито, поле, над полем зной...
Иль весеннее марево, птицы
Возвращаются в край родной...
О земля моя, не пристало
Нам о тихих тропах мечтать,
Но меня ты заколдовала,
И теперь — не могу я спать.
Только б встретить тебя, как друга,
Вновь к тебе, дорогая, прийти,
Там, где свищут буран и вьюга,
Вечный след кобзаря найти.
Только знать бы, что здесь, у тына,
Молодая вишня цвела,
Что Шевченкова Катерина

Здесь когда-то молча брела.
Тополь стройный обнять бы в поле
И сказать, что каждый из нас
Не изменит священной воле,
Для которой страдал Тарас.
Край родимый, хоть ветром синим
Из далекой земли повей:
Ты под немцем не сгорбил спину,
Ты встаешь всей силой своей.
И Холодный Яр оживает,
На врага ополчась, как встарь,
Из концлагеря убегает
Непокорный слепой кобзарь.
Он заходит в каждую хату,
Он приносит привет от нас:
«Подымайтесь, близка расплата!
Бейте недруга, в добрый час!»
И о землю гремят оковы,
И сквозь пламя, за рядом ряд,
Партизаны выходят снова —
Это факелы их горят.
Батареи гремят, негодуя...
Край родимый, с прижатым к груди
«Кобзарем» вновь к тебе иду я,
С гордым словом родимым. Жди!..

1941

КАРЛО КАЛАДЗЕ

(Род. в 1907 г.)

С грузинского

ЖАВОРОНОК

Гимном встречает жаворонок восход солнца.

Я расскажу о сущности искусства...
Я поднял птицу мертвую с земли,
Увидев кровь,
Бегущую из клюва,
И сломанные крылышки в пыли.
Земля пестрела реками, лесами,

Но жаворонок,
Павший на жнивье,
Игрушечными черными глазами
Смотрел на небо,
А не на нее.
Я понимал, что смерть его подсудна.
Я с ним пошел.
Я тих и странен был.
Прохожих останавливал повсюду
И спрашивал я: «Кто его убил?»
Мне отвечали старики и юноши
У горных пастбищ,
У долинных рек:
«Да разве можно, друг, стрелять в поющего?
Да как ты мог подумать? Это — грех...»
И лишь в Мухрани объяснил мне старец,
Что смерть такая —
Плата за полет,
Что если петь о солнце птица станет,
Она летит к тому,
О чем поет.
Внизу снега, внизу желтеет жатва,
Внизу — птенцов горластая семья,
А в синем небе жаворонку жарко
От молодости, солнца и себя.
Уже, в пространстве синем затонувший,
Не виден он...
Летит он в высоту,
Но вот, от счастья небом захлебнувшись,
Он падает и гибнет на лету!
...Вокруг темнело,
Облака разбухли,
И слышались раскаты вдалеке.
Стоял я тихо в трепетном раздумье
С бестрепетною птицею в руке.
И знал я, что пора настанет,—
Пускай за это жизнью заплачу,—
Но лишь над миром снова солнце встанет,
Я руки распахну и полечу!
Ни разу ни на что не оглянувшись,
Я полечу!
Пусть плачут обо мне,—
Как жаворонок, солнцем захлебнувшись,
Умру я в небе с песней о земле!

СТАРЫЕ ДЕРЕВЬЯ

1

Я возвратился в дом отеческий
Сладчайшим дымом подышать,
И от нерадостей утешиться,
И радостями утешать.
Все намекает мне о таинствах:
Полоска мутная тропы,
Забор заснеженный в оттаинках
От искр, летящих из трубы,
Равнина строгая Рионская
И Джигтубанская — в снегу...
И этой свежестью и роскошью
Я надышаться не могу.
А там, под синевой небесною,
Вершины, вставшие стеной,
Над белизной земли невечною
Мерцают вечной белизной.
Но что-то есть во всем весеннее,
Все ожиданием томит,
И лед внушает опасения —
В себе он таянье таит.
Я белой-белою деревнею,
Весну предчувствуя, иду,
И вот со старыми деревьями
Беседу важную веду.
И, плечи зябко-зябко кутая,
Держа снежинки на весу,
Как старики, собравшись кучкою
Они пророчат мне весну.
В них все такое ожидающее,
В их каждом слове — правота,
И над ветвями подтверждающе
Гудят, синея, провода.
Весна деревьям всех заметнее,
Они весну внушают нам.
Они дают, тысячелетние,
Присягу новым временам.

И, полный радости и гордости,
В большой, ветвистой их семье,
Уже ни грусти и ни горечи
Не ощущаю я в себе...

2

Такая ночь сегодня будняя,
Но, с вдохновением в крови,
Ее сумели сделать буйною
Желанья буйные мои!
Любви исполненный и ревности,
Пишу я, комкая листы,
И в дом вношу дворцы и крепости
И ставлю около тахты!
Камин ворчит угрюмо, сдержанно,—
Дрова глотает жадно он,
И вот обрубок новый дерева
К камину мною прислонен.
Всю ночь дождит, дождит за окнами.
Обрубка круглые сучки
В дрожащих, зыбких бликах огненных
Блестят, как будто бы зрачки.
Лишь миг, и станет он обугленным,
Но столько в нем тепла и сил!
Ведь не родятся же обрубками —
Он сердцем дуба прежде был.
Он рос с могучими поддубками,
Он рос и крепнул день за днем,
Чтоб, как поддубки, пасть под рубкою
И тоже сделаться огнем!
Гори же, сердце дуба доброе,
Огнем последней доброты.
Пусть пламя яркое и долгое
Мне озарит мои листы.
Пусть пьяно отсветы колышутся!
Пусть искры белые сверкнут,
Несметны, будто бы количество
Тем дубом прожитых минут!
И до каких бы лет ни дожили,—
Покуда правду говорим,
Мы — и деревья и художники —
Одним горением горим!

* * *

Летит с небес плетеная корзина.
Ах, как нетрезвость осени красива!
Задор любви сквозит в ее чертах.
В честь истины, которую мы ждали,
доверимся младенчеству маджари!
А ну-ка, чашу! Чашу и черпак.

Опустимся пред квери на колени,
затем поднимем брови в изумленье:
что за вино послал нам нынче бог!
Пылают наши щеки нетерпеньем,
и, если щеки не утешить пеньем,
что делать нам с пыланьем наших щек?

Лоза хмельная ластится к ограде.
Не будем горевать о винограде,—
душа вина бессмертна и чиста.
Пусть виночерпий, как и подобает,
услады виноградарям добавит —
им подобает усладить уста.

ФРЕСКА

Мне этот миг запомнился недаром —
Ресницы и глаза на камне старом.

Как он писал, художник тот влюбленный,
Ресницы — миг, навек запечатленный?

Как он писал, как мучился и правил?
Как звался он? Где имя? Не оставил!

Кто нам о нем расскажет в наши годы?
Глухи и немы храмовые своды.

Он верил? Не постигнуть никогда мне.
Лишь взмах ресниц, лишь миг ресниц на камне.

Лишь знаю — кисть держал, когда трудился,
В тех пальцах он, которыми крестился.

Лишь знаю — сердце жгут ресницы эти
И в дни, когда уж нет его на свете.

О пальцы, пальцы! Кланяюсь их силе.
Они бессмертьем плиты озарили.

А как он жил, в тени иль в вихре блеска.
Не знаю. Все прошло. Осталась фреска.

МОЙ ДЕНЬ

Я за солнцем не гонюсь,
Взглядом друга обойдусь,

Да ущелья тишиной,
Да небес голубизной,

Да кувшинчиком вина,
Опорожненным до дна.

Мне до самой смерти лень
Жизнь делить на свет и тень.

Я люблю мой день— сегодня,
День обычный, день как день!

КАМЕНЬ

Был я камнем и, в твердыню
Встроенный среди камней,
На плечах держу поныне
Древность родины моей.
Кладка общая — доверье
И любовь родит в камнях:
Льнут к долине Кахаберн
И Саингило и Ках.

Был я камнем... Призван к славе,—
Глыба, сколок отчих скал,—
Я основою Рустави
Для времен грядущих стал.

За стеной стена вставала,
Шел орнамент по камням:
И в каком из них начало
Наступающим векам?

Был я камнем, твердью, силой
Белых и седых камней.
Этот луг земля вспоила
Белизной моих костей,
Но дыханьем жизни новой
Средь камней дышал и я,
Послужил и я основой
Для величья бытия.

ДМИТРИЙ КЕДРИН
(1907—1945)

КУКЛА

Как темно в этом доме!
Тут царствует грузчик багровый
Под нетрезвую руку
Тебя колотивший не раз...
На окне моем — кукла.
От этой красотки безбровой
Как тебе оторвать
Васильки загоревшихся глаз?

Что ж!
Прильни к моим стеклам
И красные пальчики высунь...
Пес мою куклу изгрыз,
На подстилке ее теребя.
Кукле — много недель!
Кукла стала курносой и лысой.
Но не все ли равно?
Как она взволновала тебя!

Лишь однажды я видел:
Блистали в такой же заботе
Эти синие очи,
Когда у соседских ворот

Говорил с тобой мальчик,
Что в каменном доме напротив,
Красный галстучек носит,
Задорные песни поет.

Как темно в этом доме!
Ворвись в эту нору сырую
Ты, о время мое!
Размечи этот нищий уют!
Тут дерутся мужчины,
Тут женщины тряпки воруют,
Сквернословят, судачат,
Юродствуют, плачут и пьют.

Дорогая моя!
Что же будет с тобой?
Неужели
И тебе между них
Суждена эта горькая часть?
Неужели и ты
В этой доле, что смерти тяжеле,
В девять — пить,
В десять — врать
И в двенадцать —
Научишься красть?

Неужели и ты
Погрузишься в попойку и в драку,
По намекам поймешь,
Что любовь твоя —
Ходкий товар,
Углем вычернишь брови,
Нацепишь на шею — собаку,
Красный зонтик возьмешь
И пойдешь на Покровский бульвар

Нет, моя дорогая!
Прекрасная нежность во взорах
Той великой страны,
Что качала твою колыбель!
След труда и борьбы —
На руке ее известь и порох,
И под этой рукой
Этой доли —
Бояться тебе ль?

Для того ли, скажи,
Чтобы в ужасе,
С черствою коркой
Ты бежала в чулан
Под хмельную отцовскую дичь,—
Надрывался Дзержинский,
Выкашливал легкие Горький,
Десять жизней людских
Отработал Владимир Ильич?

И когда сквозь дремоту
Опять я услышу, что начат
Полуночный содом,
Что орет забулдыга отец,
Что валится посуда,
Что голос твой тоненький плачет,—
О терпенье мое!
Оборвешься же ты наконец!

И придут комсомольцы,
И пьяного грузчика свяжут,
И нагрянут в чулан,
Где ты дремлешь, свернувшись в калач
И оденут тебя,
И возьмут твои вещи,
И скажут:
«Дорогая!
Пойдем,
Мы дадим тебе куклу.
Не плачь!»

1932

КОЛОКОЛ

В колокол, мирно дремавший,
Тяжелая бомба с размаха
Грянула...
А. К. Толстой

В тот колокол, что звал народ на вече,
Вися на башне у кривых перил,
Попал снаряд, летевший издалече,
И колокол, сердясь, заговорил.

Услышав этот голос недовольный,
Бас, потрясавший гулкое нутро,
В могиле вздрогнул мастер колокольный,
Смешавший в тигле медь и серебро.

Он знал, что в дни, когда стада тучнели
И закрома ломились от добра,
У колокола в голосе звенели
Малиновые ноты серебра.

Когда ж врывались в Новгород соседи
И был весь город пламенем объят,
Тогда глубокий звон червонной меди
Звучал, как ныне... Это был набат!

Леса, речушки, избы и покосцы
Виднелись с башни каменной вдали.
По большакам сновали крестоносцы,
Скот уводили и амбары жгли...

И рухнули перил столбы косые,
И колокол гудел над головой
Так, словно то сама душа России
Своих детей звала на смертный бой!

30 августа 1942 г.

КРАСОТА

Эти гордые лбы винчианских мадонн
Я встречал не однажды у русских крестьянок,
У рязанских молодок, согбенных трудом,
На току молотивших снопы спозаранок.

У вихрастых мальчишек, что ловят грачей
И несут в рукаве полушубка отцова,
Я видал эти синие звезды очей,
Что глядят с вдохновенных картин Васнецова.

С большака перешли на отрезок холста
Бурлаков этих репинских ноги босые...
Я теперь понимаю, что вся красота —
Только луч того солнца, чье имя — Россия!

5 сентября 1942 г.

МОРОЗ НА СТЕКЛАХ

На окнах, сплошь заиндевелых,
Февральский выписал мороз
Сплетенье трав молочно-белых
И серебристо-сонных роз.

Пейзаж тропического лета
Рисует стужа на окне.
Зачем ей розы? Видно, это
Зима тоскует о весне.

7 февраля 1943 г.

* * *

Такой ты мне привиделась когда-то:
Молочный снег, яичная заря.
Косые ребра будки полосатой,
Чиновничья припрыжка снегиря.

Я помню чай в кустодиевском блюдце,
И санный путь, чуть вьюга улеглась,
И капли слез, которые не льются
Из светло-серых с поволокой глаз...

Что ж! Прав и я: бродяга — дым становий
А полководец — жертвенную кровь
Любил в тебе... Но множество любовей
Слилось в одну великую любовь!

1944

ПРИГЛАШЕНИЕ НА ДАЧУ

...Итак, приезжайте к нам завтра, не позже!
У нас васильки собирай хоть охапкой.
Сегодня прошел замечательный дождик,—
Серебряный гвоздик с алмазною шляпкой.

Он брызнул из маленькой-маленькой тучки
И шел специально для дачного леса,
Раскатистый гром — его верный попутчик —
Над ним хохотал, как подпивший повеса.

На Пушкино в девять идет электричка.
Послушайте, вы отказаться не вправе:
Кукушка снесла в нашей роще яичко,
Чтоб вас с наступающим счастьем поздравить!

Не будьте ленивы, не будьте упрямы.
Пораньше проснитесь, не мешкая встаньте.
В кокетливых шляпках, как модные дамы,
В лесу мухоморы стоят на пуанте.

Вам будет на сцене лесного театра
Вся наша программа показана разом:
Чудесный денек приготовлен на завтра,
И гром обеспечен, и дождик заказан!

6 июля 1945 г.

МИРДЗА КЕМПЕ

(1907—1974)

С латышского

ГИМН ВЕСНЕ

Да славится весна!
Животворящие, шалые ливни,
Трепет ростков с изумрудным отливом,
Тайное пламя зерна.
Солнечный луч, клокотанье теченья,
И розоватых просторов свеченье,
И мотыльков белизна.
Да славится ветки березовый прочерк,
Нетронутость первых раскрывшихся почек,
И пахаря след на дымящейся почве,
И утренних зорь глубина.
Да славится сердце, хмельное до края,
И все, в чем грядущая жизнь играет,
Да славится эта весна,
Что мир к осиянной груди прижимает
И к жизни над смертью его поднимает.

ВОДА. ХЛЕБ. ВОЗДУХ

Да, в Белом озере вода
Чиста. Глотнешь ее, бывало,
И будто выцвела беда,
Вражда — не стоила труда,
И на душе светлее стало.
О родины глоток! Все мало,
И не напьешься никогда.

Я ем пахучий хлеб ржаной,
И долго пахнут тмином губы.
А ты в рабочем платье грубом
Спины не разгибаешь в зной,
Моя земля. Мы однолюбы
С тяжелой верностью земной.

Я крепким воздухом дышу.
И запах смол, и моря запах
Еще снежком припорошу
Да сена несколько охапок —
Вот воздух мой в сосновых лапах,
Что с детства в памяти ношу.

В разлуке тосковала я.
Теперь под синим небосводом
Свободно, родина моя,
Свободу пью, дышу свободой
И помню: ты была святой
Для тех, кто смерть в сраженьях встретил,
И тоже — хлебом и водой,
И чистым воздухом бессмертья.

ЯНТАРЬ В МОЕМ КОЛЬЦЕ

Незапамятной весной
Ветка в море обронила,
В глубине похоронила
Каплю крови смоляной,
Чтоб она песка коснулась
И, уснув на сотни лет,
Словно легкий лунный свет,
На руке моей проснулась.

К СВЕТУ

Настольная лампа. Вокруг темно.
Я пишу, а в распахнутое окно
Мотыльки влетают, на свет нацелясь.
Я слышу крылышек хрупкий шелест.
Горячим стеклом испытав отвагу,
Обожженные, падают на бумагу.
Им лампочка кажется солнцем, и вслед
Другие летят на обманный свет.
Жаль их. Пошла, окно затворила,
Опять над стихом упорно застыла.
Нет мотыльков.
Но в доме не тише —
Взволнованный шепот сердца слышу:
— К свету лететь, не исчезать!
Ложное солнце солнцем не звать!

РАДИ ТЕБЯ

Ради тебя я затеяла это —
Спорю со временем, спорю с наветом,
Ради тебя смерть отвадить смогу,
Ради тебя зеленею в снегу.

МАВЗОЛЕЙ ТИМУРА

Над мавзолеем Тимура
Мертвая слава встает.
Здесь я на камне буром
Имя пишу твое.

Время, идущее мимо,
Легкую надпись сотрет,
Имя, что было любимым,
В мрак мавзолея уйдет.

Имя, которое стер ты
Сам же
во мне,
в живой,
Среди молчания мертвых
Голос утратило свой.

Здесь предала я тленью
То, что ты умертвил.
Тяжкая тень мавзолея
Встала над смертью любви.

ОТВЕТЫ РАЙНИСА

Когда страданья сердце мне гнетут,
Что мне поможет?
Ты ответил: — Труд.

Друг изменяет — стынет в сердце кровь.
Что остается?
Ты сказал: — Любовь.

Устала я, и силы нет подняться.
Что делать?
Ты ответил: — Возрождаться.

Могучий дух! Ты видишь, я слаба.
Как возрождаться?
— Путь один — борьба

РОДНАЯ СТОРОНА

Осени меня белейшей
Из березовых ветвей.
Одари меня навеки
Светлой нежностью
твоей.

Листья дуба подари мне,
Пусть укроют, как броня,
Если головой достану
Я до звездного огня.

Брось мне липы цвет
медовый,
Чтоб душа моя цвела,
Чтобы зрелостью налиться
В чистом пламени могла.

Дай мне грозный шелест
сосен,
Елей ледяной покой,
Трепет жаждущей осины —
Все дай щедрою рукой!

Чтобы навсегда из сердца
Призрак немощи исчез,
Чтоб вокруг народ всесильный
Цвел, как вечно юный лес.

УШЕДШЕМУ ПОЭТУ

Тиха и легка была твоя поступь,
Так тихо лишь свет умеет идти.
Себе ничего не просил ты, а просто
Был счастлив, что время нарциссу цвести.

В себе разноцветные звуки плавил,
Как пчелы, отыскивал песни ты
И этими песнями жизнь славил
За то, что столько в ней красоты.

И люди яснели, заслушавшись ими,
И становилось светлей во мгле,
И тайнам души ты придумал имя,
Упрямым лучом проходя по земле.

СЮДА ХОЧУ ВЕРНУТЬСЯ

Сюда хочу вернуться, где грохочут штормы
Где зов ветров не знает сна.
Вернусь к тебе, морская сторона,
И лягу в эту землю, на которой
Каким-то днем была я рождена.
Все лучшее, что мне дано судьбою,
Пусть остается, родина, с тобою.
А ты легчайшим веяньем листов
Тогда благословишь меня за то,
Что только для тебя я пела.
И я уйду в песок твой белый,

И будет ночь моя спокойна
В земле, где кровь людей алела,
В земле, познавшей смерть и войны.
Она меня обнимет. Над моим покоем
Взойдет цветок и вспыхнут зеленя.
Но море глухим голосом прибоя
Все будет звать и звать меня.

БОРИС КОРНИЛОВ
(1907—1938)

КАЧКА НА КАСПИЙСКОМ МОРЕ

За кормою вода густая —
солона она, зелена,
неожиданно вырастая,
на дыбы поднялась она,
и, качаясь, идут валы
от Баку
до Махачкалы.

Мы теперь не поем, не спорим,
мы водою увлечены —
ходят волны Каспийским морем
небывалой величины.

А потом —
затихают воды —
ночь каспийская,
мертвая зыбь;
знаменуя красу природы,
звезды высыпали,
как сыпь;
от Махачкалы
до Баку
луны плавают на боку.

Я стою себе, успокоясь,
я насмешливо щурю глаз —
мне Каспийское море по пояс,
нипочем...
Уверяю вас.

Нас не так на земле качало,
нас мотало кругом во мгле —
качка в море берет начало,
а бесчинствует на земле.

Нас качало в казачьих седлах,
только стыла по жилам кровь,
мы любили девчонок подлых —
нас укачивала любовь.

Водка, что ли, еще?
И водка —
спирт горячий,
зеленый,
злой,—
нас качало в пирушках вот как
с боку на бок
и с ног долой...

Только звезды летят картечью,
говорят мне:
«Иди, усни...»
Дом, качаясь, идет навстречу,
сам качаешься, черт возьми...

Стынет соль
девятого пота
на протравленной коже спины,
и качает меня работа
лучше спирта
и лучше войны.

Что мне море?
Какое дело
мне до этой зеленой беды?
Соль тяжелого, сбитого тела
солонее морской воды.

Что мне (спрашиваю я), если
наши зубы,
как пена, белы —
и качаются наши песни
от Баку
до Махачкалы.

Каспийское море — Волга, 1930

ПЕСНЯ О ВСТРЕЧНОМ

Нас утро встречает прохладой,
нас ветром встречает река.
Кудрявая, что ж ты не рада
веселому пенью гудка?

Не спи, вставай, кудрявая!
В цехах звеня,
страна встает со славою
на встречу дня.

И радость поет, не скончая,
и песня навстречу идет,
и люди смеются, встречая,
и встречное солнце встает —

горячее и бравое,
бодрит меня.
Страна встает со славою
на встречу дня.

Бригада нас встретит работой,
и ты улыбнешься друзьям,
с которыми труд, и забота,
и встречный, и жизнь — пополам

За Нарвскою заставою,
в громах, в огнях,
страна встает со славою
на встречу дня.

И с ней до победного края
ты, молодость наша, пройдешь,
покуда не выйдет вторая
навстречу тебе молодежь.

И в жизнь вбежит оравою,
отцов сменя.
Страна встает со славою
на встречу дня.

...И радость никак не запрятать,
когда барабанщики бьют:
за нами идут октябрята,
картавые песни поют.

Отважные, картавые,
идут, звеня.
Страна встает со славою
на встречу дня!

Такою прекрасною речью
о правде своей заяви.
Мы жизни выходим навстречу,
навстречу труду и любви!

Любить грешно ль, кудрявая,
когда, звеня,
страна встает со славою
на встречу дня.

1932

СОЛОВЬИХА

У меня к тебе дела такого рода,
что уйдет на разговоры вечер весь,—
затвори свои тесовые ворота
и плотней холстиной окна занавесь.
Чтобы шли подруги мимо,
парни мимо
и гадали бы и пели бы, скорбя:
— Что не вышла под окошко, Серафима?
Серафима, больно скучно без тебя...—
Чтобы самый ни на есть раскучерявый,
рвя по вороту рубахи алый шелк,
по селу Ивано-Марьину с оравой
мимо окон под гармонику прошел.
Он все тенором,
все тенором,
со злобой
запевал — рука протянута к ножу:
«Ты забудь меня, красавица,
попробуй...
я тебе тогда такое покажу...

Если любишь хоть всего наполовину,
подожду тебя у крайнего окна,
постелю тебе пиджак на луговину
довоенного и тонкого сукна».

А земля дышала, грузная от жиру,
и от омута Соминого левей
соловьи сидели молча по ранжиру,
так что справа самый старый соловей.
Перед ним вода — зеленая, живая —
мимо заводей несется напролом;
он качается на ветке, прикрывая
соловьиху годовалую крылом.
И трава грозой весеннею измята,
дышит грузная и теплая земля,
голубые ходят в омуте сомята,
пол-аршинными усами шевеля.
А пиявки, раки ползают по илу,
много ужаса вода в себе таит:
щука — младшая сестрица крокодилу —
неживая возле берега стоит...
Соловьиха в тишине большой и душной...

Вдруг ударил золотистый вдалеке,
видно, злой, и молодой, и непослушный
ей запел на соловьином языке:
— По лесам,
на пустырях
и на равнинах
не найти тебе прекраснее дружка —
принесу тебе яичек муравьиных,
нащиплю в постель я пуху из брюшка.
Мы постелем наше ложе над водою,
где шиповники все в рóзанах стоят,
мы помчимся над грозою, над бедою
и народим два десятка соловьят.
Не тебе прожить, без радости старея,
ты, залетная, ни разу не цвела,
вылетай же, молодая, поскорее
из-под старого и жесткого крыла.

И молчит она,
все в мире забывая,—
я за песней, как за гибелью, слежу...
Шаль накинута на плечи пуховая...

— Ты куда же, Серафима?
— Ухожу.—
Кисти шали,
словно перышки, расправя,
влюблена она,
красива,
нехитра,—
улетела.
Я держать ее не вправе —
просижу я возле дома до утра.
Подожду, когда заря сверкнет по стеклам,
золотая сгаснет песня соловья —
пусть придет она домой
с красивым,
с теплым —
меркнут глаз его татарских лезвия.
От нее и от него
пахнуло мятой,
он прощается
у крайнего окна,
и намок в росе
пиджак его измятый
довоенного и тонкого сукна.

5 апреля 1934 г.

ВАСИЛЬ МЫСИК

(Род. в 1907 г.)

С украинского

* * *

Степной простор от края и до края
за горизонт уходит в тихий дым.
Над степью небо синевой сверкает
шатром своим.

В густой траве отарами уходят
в тот дальний дым татарник и ковыль.
И в мареве меж ними кони бродят
и вьется пыль.

А далее — седые льются волны,
среди овец в траве стоит чабан,—
в разливе стад он высится безмолвно,
виднеясь сквозь туман.

Степной дорогой вдаль неутомимо
среди цветов идти мне хорошо.
Лишь изредка, звеня уздечкой, мимо
проходит пастушок...

1923

ПОЛЫНЬ

Полынь, в стране твоей степной
Травы нет горше ни одной —
С чего такая доля?
Или весенних сладких вод,
Росы медовой каждый год
Ты не видала вволю?

Ты серебришься вдалеке,
Во все долины манишь,
Твою горчинку в молоке
Несут коровы с пастбищ,
Ты прячешься во ржи густой,
В снопы вплетаешь стебель,
Чтоб дымный, горький привкус твой
Почувствовался в хлебе.

1926

* * *

Плывет над полем матовая мгла,
Все залито бесстрастным тусклым светом,
И борозда осенняя легла
На тропки убегающего лета.

1940

НОЧЬ

Паденье яблок глухо, словно бой
ночных часов, когда из глуби грозной
на плодоносный, черный пласт земной,
как семя мира, вниз стекают звезды.

1940

ИЮНЬ

Рожь терпеливо молчала,
В садах тяжелели ветви.
Уж было убитых немало,
И плач раздавался где-то...

Летело лето бесстрастно,
А свежий ветер с Днепра
Над нами сурово и властно
Трубил: «В поход пора!»

1941

ЗНОЙ

Лазурь блестит,
Она ни на мгновенье не смежит
Пылающего ока. Ни крупицы
Дождя!

Как детский голос, шелестит
В стеблях сухих: «Водицы бы! Водицы!»
Над горизонтом облачко стоит,
В сухом овраге грустно плачет птица.

1946

ТЕНЬ ОТ ТУЧКИ

След тучки тенью светло-синей
Из балки выплыл на бугор.
Пропал в прозрачности. Пустыня.
Простор.

Засохшие следы овечьи
У водопоя. Поросло
Полынью все. Как жар из печи,
Течет тепло.

Как душно! Ветру бы от моря,
От Черного! Дождей — таких,
Чтоб крики чайки— стоны горя —
Утихли вмиг!

Чтоб на прошитые ручьями
Холмы — у солнца на виду —
Под радугою шел полями
Могучий дух

Трав и хлебов...

1946

ПОРА ЖАТВЫ

Рубашка липнет к телу. Горячо
Сверкает солнцем гладь речного плеса,
И тяжело ложатся на плечо
Жнецам усталым спелые колосья.

Доносит ветер еле слышный звон
От кузницы, и вновь все глохнет в зное.
День тишиной налит по горизонт,
Как чаша с золотящимся настоем.

Под шелест трав, под песню зрелых нив
Проходят дни, один другого краше,
И солнце трудится, как мастер у горнил,
Сплавляя жар сегодняшний с вчерашним

И золотом расплавленных лучей
Все зерна терпеливо наполняя,
Сливает тяжесть долгих трудодней
В один громадный слиток урожая.

1947

ДАЛЕКО В ГОРАХ

Давно заснули горы, долы,
но я сегодня не засну:
я вычитал, что Марко Поло
сюда добрался в старину.

Ручья напевы горловые,
скользит по камню лунный взор,
и, словно в дали вековые,
в туман уходят гребни гор.

Виновны, верно, только книги
в том, что привиделся он мне
над тучами, в скалистом сдвиге,
в холодной этой стороне.

Жарой и снегом пренебрег он
и ночью, где таился барс
на том пути, таком далеком,
как в наши дни полет на Марс.

Как тихо здесь! Как мертво, голо
сереют скалы! Но не верь
молчанью: здесь дорога Поло.
Здесь к звездам открывал он дверь

1958

ЮНОСТЬ

Ты, юность, на ходу легка,
но тропки, те, где ты прошла,
не зарастут — хоть засевай,
запомнятся — хоть запаши.

Ты так спешила выйти в мир,
что оглянуться не смогла,
и не закрыта до сих пор
открытая тобой калитка.

1958

НЕБО

Травинки ветер не колышет,
Весь мир охвачен тишиною.

Но что-то высоко над крышей
Дрожит и шепчется с листвою.

В затишье, в час рассветный, ранний
Трепещет в кронах чудо это,

Как будто мерное дыханье
Неиссякаемого света.

Весь мир, большой и неизвестный,
За далью чисто-голубою,

Ему открыт — и как чудесно,
Что есть оно над головою.

1962

РАССВЕТ

Протерся, как рядно, и поредел туман.
Зубцами обозначились деревья
На светлом небе. Призрачных видений
И снежных снов полуночный дурман
Рассеялся. Все дальше степь видна.
Ручей готов звенеть и петь свирелью,
Лишь знак подаст к согласному вступленью
Над лесом солнца медный барабан.

И все проснется: шорохи и звуки,
Дремавшие под спудом темноты
В оковах льда. Из зарослей густых
К лучам далеким тянутся, как руки,
Побеги робкие. Серебряное утро
Становится багряно-золотым!

1963

ПЛАНЕТА

Планету надо бы с любовью и заботой,
Как грядку огородную, выпалывать,
Водицею колодезной выпаивать,
Ходить за ней прилежно и охотно.

Держать ее опрятно, как светелку,
Прочь выметя все дрязги и раздоры,
Чтоб солнышко смотрело без укора
На полные питьем и снедью полки.

Чтоб на столе всего стояло много,
И чтобы ложки каждому хватало,
И чтобы вспомянуть не забывали
Про добрую соседскую подмогу.

Планету надо бы... Но землю плодовитую
Взрыхляют не лопатой, а снарядами,
И поливают пулями и ядами,
И удобряют трупами убитых.

И, благодатная, она доныне полнится
Не всходами зелеными и пышными,
А ядерными взрывами и вспышками,
Безумием политиков и войнами.

И солнце смотрит тускло и мертвенно
На выжженные горькие просторы,
Где смерть берет жестокие поборы
По всем голодным стонущим селеньям.

А ведь могли бы голые околицы,
Изрытые окопами, как оспою,
Украситься садами плодоносными,
Амбарами высокими обстроиться.

И как подумаешь: всего и надо сделать —
Закрыть глаза воспоминаньем кратким
О матери, склонившейся над грядкой
Под вечным склоном радостного неба.

1963

ЮЛИЯ НЕЙМАН

(Род. в 1907 г.)

БАГУЛЬНИК РАСЦВЕЛ

Обманув своих караульных
(На мгновенье мороз исчез),
Ночью ожил сухой багульник,
Подтвердив одно из чудес.
Где,— скупой порой предвесеннею,
Когда все в природе мертво,
Сил набрало для воскресения
Это слабое существо?
На окне, где еще стынь-перестынь
И ничуть не пахнет весной,
Воссиял он звездою перистой,
Лиловато-легкой, сквозной.
Как рожденное стихотворение,
Сохраняя души тепло,
В нежно-розовом оперении
Он вспорхнул и сел на стекло
Исполнением обещания,
Одолением обнищания.

БАЛЛАДА О ДВУХ СКРИПКАХ

В дни, когда не думали о войнах
И лишь музыка была в чести,
Тщились две соперницы достойных
Мастерством друг друга превзойти.

Знающие тайны полнозвучья,
Обе высший пробуждали слух.
Кто поймет, какая скрипка лучше,
Победит которая из двух?..

...Из дремотных зарослей на Ганге,
Сонными просторами земли,
Говорят, цыгане и цыганки
Диво деревянное везли.

Горькой волей, степью без предела,
Рокотом цикад и соловьев
Надышалась скрипка. И гудела,
Влагой жизни полнясь до краев.

И когда плясуний белозубых
Струнным вскриком поднимал цыган,
Стебельком над розой рваных юбок
Сам собой сгибался женский стан,

Бились груди — золотые рыбки,
По-кошачьи взблескивал зрачок,
И, кружась над смуглым телом скрипки
Искры страсти высекал смычок.

А другая — та жила без света,
Чертовой чертой окружена...
Что она слыхала, скрипка гетто?
Как же так случилось, что она

Скорбной силой
стала выше боли,
Превратила горечь в торжество,
Возопила: «Господи, доколе!» —
И смутила бога самого?

...И швырнули обе скрипки в кучу
Детских туфель, девичьих волос,
Там за проволокою колючей
Смерти ждать бок о бок им пришлось.

И слыхали мы от очевидца,
Что, когда вершилась их судьба,
Тонко, странно — словно бы скрипица —
Ныла крематория труба.

Будто скрипки не застыли в пепле,
Не истаяли бесследно ввысь:
Души их в сожжении окрепли,
В музыку единую слились.

Пробивается она и дышит
Через толщу листьев и корней,
И кто эту музыку расслышит,
Не забудет никогда о ней.

НАЧАЛО ОСЕНИ

Еще вчера все мрело, все текло,
Переливаясь медленно друг в друга,
Как свойственно июлю, полдню, югу,
А нынче — точно вставили стекло
Меж миром и тобою...
Воздух чист,
И на ветле заметен желтый лист.

МАМЕД РАГИМ
(1907—1977)

С азербайджанского

АНТАРА

Как птица океанская, сильна
Мечта певца, ушедшая в полет.
Ныряет в море вечности она
И перлы древних былей достает.

В степи Арабистана Антара
В бою кипел, как яростный поток;
Там кони, словно жгучие ветра,
Взметали к небу огненный песок.

В поту кровавом, занеся клинок,
Он недруга, как сокол, настигал,
И так был натиск витязя жесток,
Что вражий строй пред ним затрепетал.

Не думайте, что Антара устал,
Что дух отважный сломлен был бедой,
Стрелок лукавый в грудь ему попал
Предательской отравленной стрелой.

Он овладел страданием своим.
Не пал с коня, не повернулся вспять.
Враги кричали: — Он неуязвим! —
И бросились в смятении бежать.

— Он ранен был отравленной стрелой!
Как может быть, чтоб он остался жив?
Лежит он где-нибудь в пыли степной,
Меч из ладони мертвой уронив...

Так совещался беглецов отряд.
И, осмелев, коней поворотив,
Припали к гривам, понеслись назад,
Бурнусов белых крылья распустив.

Но хоть и умер храбрый Антара,
Но чудилось врагам: в нем мощь и жизнь.
Лицом к врагам стоял он, как гора,
Глядел с холма, на пику опершись.

Как будто башня сумрачная, он,
На пику опираясь, там стоял,
Огромный, тихий. Вынут из ножон,
Кровавый меч в руках его сверкал.

Стоял, как будто думами объят,
Готовый в бой рвануться, полный сил.
Остановился в ужасе отряд
И снова в степь коней поворотил.

Арабы мчались на лихих конях,
Как птицы, кони степью их несли.
Исчезли, пораженные, лишь прах
Всклубился и рассеялся вдали.

Он был герой, воитель и поэт.
Он умер, и его прошла пора.
С тех дней промчалось много сотен лет,
Но помнит мир, как славен Антара.

1938

ЗАБРОШЕННАЯ МЕЛЬНИЦА

Над старой мельницей в степи белеет облаков гряда,
И мельничное колесо толкает медленно вода.
Шумит вода под колесом, свершающим впустую круг.
О муках предков говорит мне этот заунывный звук.
Ты помнишь, мельница, зимой бурливый замерзал ручей
Случалось людям голодать во мгле томительных ночей

К тебе забытая тропа травой высокой поросла,
И по асфальту ныне хлеб везут машины без числа,
Не сыщешь в зелени густой заброшенную колею,
Ведь электричество теперь вращает мельницу мою.
Сияет празднично мой дом, и лампы озаряют сад,
Как золотистые плоды, среди ветвей они висят.
Тебя не станем разрушать. Как прежде, у дороги стой.
Уснешь с полдневным пеньем птиц, ютящихся в листве густой
Тебя на утренней заре разбудит блеянье ягнят.
О мельница, в твоей тени прохладу травы сохранят.
Крутя впустую колесо, ты еле переводишь дух.
Отныне завсегдатай твой — колхоза нашего пастух.

1950

ДОМ НА ОКРАИНЕ ДЕРЕВНИ

Прячутся в зелени плоские кровли из глины.
Тихо сияет над ними воздушная высь.
Словно невесты, деревья цветущей долины
Принарядились — насилу весны дождались!

Солнце взошло. Небеса голубые покаты.
Четко белеют домов глинобитных ряды.
Их обитатели мудростью века богаты,
Новая жизнь озарила дома и сады.

Принадлежит кузнецу или животноводу
На деревенской окраине маленький дом?
Может быть, властной рукой изменяет природу
Скромный хозяин его, молодой агроном?

В каждом труде мы ему пожелаем удачи.
Важно одно: тут свободный живет человек.
Спит на террасе дитя в колыбели висячей,
Солнечный луч пробежал вдоль опущенных век.

Крепко зажмурив глаза, улыбнулся спросонок
Маленький мальчик с румяным и смуглым лицом.
Взору поэта рисуется этот ребенок
Будущих дней вдохновенным и смелым творцом.

1950

И В Ы

На закате листва становилась час от часу мглистей.
Серебристые ивы теснились толпой у ручья,
Ветви тихо сплетались, шуршали задумчиво листья.
Дед сказал мне: — О счастье земном шелестит их семья

Даже в шорохе листьев он слышал о счастье беседу,
Оттого что без радости прожил в родимом краю.
Нищета и бесправье, при жизни сопутствуя деду,
После смерти ему обеспечили место в раю.

Старый дед мой скончался, не ведая жизни счастливой
Ожидая в загробном блаженстве награды за труд.
Положили под мышки покойному веточку ивы,
Чтоб опорой в раю послужил ему ивовый прут.

Серебристые ивы, теперь мы не станем на тризне
Ваши ветви срезать, очищать от зеленой листвы.
Наши люди познали великое счастье при жизни.
Нам при жизни большую услугу окажете вы.

Чтоб гордились колхозы обильным своим урожаем,
Чтоб сюда из Ирана мертвящий не дул суховей,
Мы густыми лесами родные поля окружаем,
Мы поля отдаем под защиту зеленых ветвей.

Нам осенней порой удалось потрудиться на диво.
Посадили мы множество маленьких ив и чинар,
Чтобы влагу из облака пили чинары и ивы,
Умеряя грозящий колосьям удушливый жар.

Ширь колхозных полей насажденья лесные обнимут,
Густолистые кроны сольются в зеленый массив.
Я живу на земле, изменяя природу и климат.
К солнцу трепетно тянутся юные саженцы ив.

1950

* * *

Если бы жизнь моя только в пирах проходила,
Я бы сказал: как тоскливо я прожил и пусто.
Как хорошо, что на этой земле, и жестокой и милой,
Было не только мне весело, было и грустно.

Если б судьба посулила мне век беспечальный,
Я бы сказал, что такой себе жизни не мыслю.
Если б душа не болела за ближних и дальних,
Значит, в приходе моем и уходе бы не было смысла

Пил я горечь, и пил наслаждения чашу,
Солнце меня опаляло и вьюги слепили.
Шел по асфальту и продирался сквозь чащу,
Людей полюбил я, и люди меня полюбили.

Боль и отрада, веселие братского пира,
Жертва, награда, добросердечье и зло.
Благодарю тебя, сложность подлунного мира,—
Все это я испытал. Значит, мне повезло!

ОЗАРИ МОЙ ДОМ

Тебя зовут луной, зовут звездой.
Ты смотришь горделиво и, признаться,
Полна уверенности молодой,
Что нелегко в твое пробраться царство.

Сравненья эти, ты меня прости,
Полны какой-то старомодной сути,
К тому же даже на луну пути
Отыскивают яростные люди.

И мерой отдаленности теперь
Быть и луна и звезды перестали.
Могуществу земного сердца верь,
Которое все постигает дали.

Давай-ка лучше побродим в горах,
Благословим с тобою это утро.
В людских заботах, в солнечных цветах
Почувствуем, как мир устроен мудро.

Сравнить тебя с звездой совсем не трудно,
Но, к сожаленью, звезды малолюдны,
А в глубине живой души, пойми,
Есть свой неповторимый звездный мир.

Войди в него. Пусть эта глубина
Тебя своим земным теплом приветит.
И помни, что и звезды и луна
Томительно завидуют планете.

И если в самом деле ты звезда,
То подари земле свое свеченье
И озари мой дом земной тогда:
Светить — светил прямое назначенье!

АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ

(Род. в 1907 г.)

ЗУММЕР

Я бессмертен, пока я не умер,
И для тех, кто еще не рожден,
Разрываю пространство, как зуммер
Телефона грядущих времен.

Так последний связист под обстрелом
От большого пути в стороне,
Прикрывает расстрелянным телом
Ящик свой на солдатском ремне.

На снегу в затвердевшей шинели,
Кулаки к подбородку прижав,
Он лежит, как дитя в колыбели,
Правотой несравненною прав.

Где когда-то с боями прошли мы
От большого пути в стороне,
Разбегается неповторимый
Терпкий звук на широкой волне.

Это старая честь боевая
Говорит:
— Я земля. Я земля,—
Под землей провода расправляя
И корнями овсов шевеля.

ВЕЩИ

Все меньше тех вещей, среди которых
Я в детстве жил, на свете остается.
Где лампы-«молнии»? Где черный порох?
Где черная вода со дна колодца?

Где «Остров мертвых» в декадентской раме?
Где плюшевые красные диваны?
Где фотографии мужчин с усами?
Где тростниковые аэропланы?

Где Надсона чахоточный трехдольник,
Визитки на красавцах адвокатах,
Пахучие калоши «Треугольник»
И страусова нега плеч покатых?

Где кудри символистов полупьяных?
Где рослых футуристов затрапезы?
Где лозунги на липах и каштанах,
Бандитов сумасшедшие обрезы?

Где твердый знак и буква «ять» с «фитою»?
Одно ушло, другое изменилось,
И что не отделялось запятою,
То запятой и смертью отделилось.

Я сделал для грядущего так мало,
Но только по грядущему тоскую
И не желаю начинать сначала:
Быть может, я работал не впустую.

А где у новых спутников порука,
Что мне принадлежат они по праву?
Я посягаю на игрушки внука,
Хлеб правнука, праправнукову славу.

ПОСРЕДИНЕ МИРА

Я человек, я посредине мира,
За мною мириады инфузорий,
Передо мною мириады звезд.
Я между ними лег во весь свой рост —
Два берега связующее море,
Два космоса соединивший мост.

Я Нестор, летописец мезозоя,
Времен грядущих я Иеремия.
Держа в руках часы и календарь,
Я в будущее втянут, как Россия,
И прошлое кляну, как нищий царь.

Я больше мертвецов о смерти знаю,
Я из живого самое живое.
И — боже мой! — какой-то мотылек,
Как девочка, смеется надо мною,
Как золотого шелка лоскуток.

РУКОПИСЬ

А. А. Ахматовой

Я кончил книгу и поставил точку
И рукопись перечитать не мог.
Судьба моя сгорела между строк,
Пока душа меняла оболочку.

Так блудный сын срывает с плеч сорочку,
Так соль морей и пыль земных дорог
Благословляет и клянет пророк,
На ангелов ходивший в одиночку.

Я тот, кто жил во времена мои,
Но не был мной. Я младший из семьи
Людей и птиц, я пел со всеми вместе

И не покину пиршества живых —
Прямой гербовник их семейной чести,
Прямой словарь их связей корневых.

ПОЗДНЯЯ ЗРЕЛОСТЬ

Не для того ли мне поздняя зрелость,
Чтобы, за сердце схватившись, оплакать
Каждого слова сентябрьскую спелость,
Яблока тяжесть, шиповника мякоть,

Над лесосекой тянувшийся порох,
Сухость брусничной поляны, и ради
Правды — вернуться к стихам, от которых
Только помарки остались в тетради.

Все, что собрали, сложили в корзины,
И на мосту прогремела телега.
Дай мне еще наклониться с вершины,
Дай удержаться до первого снега.

ЖИЗНЬ, ЖИЗНЬ

1

Предчувствиям не верю, и примет
Я не боюсь. Ни клеветы, ни яда
Я не бегу. На свете смерти нет.
Бессмертны все. Бессмертно всё. Не надо
Бояться смерти ни в семнадцать лет,
Ни в семьдесят. Есть только явь и свет,
Ни тьмы, ни смерти нет на этом свете.
Мы все уже на берегу морском,
И я из тех, кто выбирает сети,
Когда идет бессмертье косяком.

2

Живите в доме — и не рухнет дом.
Я вызову любое из столетий,
Войду в него и дом построю в нем.
Вот почему со мною ваши дети
И жены ваши за одним столом,—
А стол один и прадеду и внуку:
Грядущее свершается сейчас,
И если я приподымаю руку,
Все пять лучей останутся у вас.
Я каждый день минувшего, как крепью,
Ключицами своими подпирал,
Измерил время землемерной цепью
И сквозь него прошел, как сквозь Урал.

3

Я век себе по росту подбирал.
Мы шли на юг, держали пыль над степью
Бурьян чадил; кузнечик баловал,
Подковы трогал усом, и пророчил,
И гибелью грозил мне, как монах.
Судьбу свою к седлу я приторочил;
Я и сейчас в грядущих временах,
Как мальчик, привстаю на стременах.
Мне моего бессмертия довольно,
Чтоб кровь моя из века в век текла,
За верный угол ровного тепла
Я жизнью заплатил бы своевольно,
Когда б ее летучая игла
Меня, как нить, по свету не вела.

* * *

Пляшет перед звездами звезда,
Пляшет колокольчиком вода,
Пляшет шмель и в дудочку дудит,
Пляшет перед скинией Давид.

Плачет птица об одном крыле,
Плачет погорелец на золе,
Плачет мать над люлькою пустой,
Плачет крепкий камень под пятой.

ПЕДЕР ХУЗАНГАЙ

(1907—1970)

С чувашского

ГЛАЗ ВОЛГИ

Стоят леса в серебряном уборе,
И толщиной в аршин зеленый лед
Уже сковал теченье волжских вод.
Хоть яростна зима в своем напоре,

Но полынья на ледяном просторе
Кругла, светла всю зиму напролет.
Она стихию победила в споре.
«Глаз Волги» — так прозвал ее народ.

Неистовствует стужа, иней блещет,
Но, льдом не покрываясь, полынья
Все медленно колышется и плещет...

Проходят годы, но желал бы я,
Чтоб, не одевшись льдом ни на мгновенье,
Всю жизнь плескалось в сердце вдохновенье.

1949

ПРИГЛАШЕНИЕ В ЧУВАШИЮ

Знаете ли вы страну такую,
Древнюю и вечно молодую,
Где в лесу тетерева токуют —
Словно песней сердце околдуют,
Где, коль праздник,— от души ликуют,
Коль работа — гору дай любую!
Знаете ли вы такой народ,
У которого сто тысяч слов,
У которого сто тысяч песен
И сто тысяч вышивок цветет!
Приезжайте к нам — и я готов
Это все проверить с вами вместе.

1970

ВЛАДИМИР ДЕРЖАВИН
(1908—1975)

ОСЕННИЙ ВЕЧЕР

1

Поет в лесу труба туманной влаги.
Тальник в росе в лицо с размаху хлещет,
И влипший в грязь древесный жар в овраге
Из тьмы, ногами выворочен, блещет.

И лес — пролог к неизреченной саге —
Над головою ходит и трепещет.
И вдруг между стволов просвет нежданный
И облаков дождливых отсвет рдяный.

2

Катясь, кольцо серебряное суток
Приблизилось к прекрасному покою.
Как тающего льда мембрана, чуток
Стеклянный щит, звенящий под ногою
Над миром тем. Лесные окна уток
Поят осенней, кованой водою,
И хора балалаечного в чаще
Стегают струны лопнувшие чаще.

3

Утиных вод щербленая чеканка,
Как сталь, тверда. Прозрачным слоем — копоть
От выстрелов. Цыганская стоянка —
И холст, лохмотьями уставший хлопать
В кружащем медном пенье полустанка
Верст за пять... Ночи оханье и ропот
Между стволами белыми (иль кони
Жуют овес, бряцающий в попоне?).

1930

НЕЖНОСТЬ

Я бродил одиноко
В пустынном осеннем лесу,
Я валялся, как труп,
У заросших травой придорожий
И последнюю нежность
Тебе бережливо несу,
Как цветочную пыль
В волосах, на губах и на коже.
Я осеннюю нежность
Ревниво хранил для тебя,

Как последнюю влагу
В забытом людьми водоеме.
И устал одичало бродить,
Никого не любя,
По хрустальным лесам,
Спотыкаясь в сухом буреломе.
Пусть с кудрей твоих льется
Густой золотой полумрак,
Мои губы горьки,
А твои — горячи и певучи.
Вот уж небо лиловою медью горит,
И в горах,
Как чудовище, с шумом ползут
Допотопные тучи.

1934

ЧЕРНИЛЬНИЦА

1

В чернильнице моей поют колокола,
Склоняются дубы над крышей пепелища,
В ней город затонул — где прежде ты жила;
Ныряет кит, судов проламывая днища;
И каплет кровь с ветвей, где ночь любви вела
В кабаньих зарослях осенние игрища.
И гекатомб венец в сто сорок кораблей
Антоний утопил в чернильнице моей.

2

Где тополя шумят над красной черепицей,
Клен черный с яблоней сплетаются в окне,
Где смотрит дом в закат чердачною бойницей,
Там было суждено взглянуть впервые мне
В нагую глубь озер той скорби темнолицей,
Той властелинши, чей напев звенит во сне
Глухом, младенческом (лишь бурею догадки
Вздувает памяти чудовищные складки).

3

Как желтых туч пласты — осенние леса
Хоругвью шелеста твое клубили имя.
Со дна сознания преданий голоса —
На алых лошадях, под гребнями седыми —
Им смутно вторили... Песчаная коса
От волн хохочущих дрожала. Будто — в дыме
Ночном чуть видима, хватаясь за кусты,—
С большой толпой подруг идешь купаться ты...

4

...И книгу февраля с застежкой золотой
Листает влажный снег дыханья осторожней;
Твой ранний, горький смех — всепомнящей рукой,
Словарь твоей любви,— как розовые пожни
Под инеем сквозным,— вписал он в книге той.
Но я прочел не все,— и, что ни день, тревожней
Живет забытый край в душевной глубине,
Иголки башенок вонзая в сердце мне.

5

Я не его любил. Моим заветом не был
Ни город юности, ни игр забытых дом.
Но у тебя в глазах тонули даль и небо,
Двор с лошадьми, листок, летящий над прудом.
Но целый край, в лесах, в стоверстных волнах хлеба,
Стоял, как зеркальце на столике твоем.
Тот мир, как мельница,— росистая, ночная,—
Спал, водяным столбом твой образ отражая.

1936

ИЗ КАВКАЗСКОЙ ТЕТРАДИ

* * *

Когда гудит под ветром лес,
Как струны гуслей под руками
Сказителя,
и свод небес
Скрывается за облаками,

И, как драконы, на лету
Клубятся ярусами тучи,
И, как в горах, воздушной кручи
Я ощущаю высоту,

И кружится земля, как глобус,
Под крышей быстрых облаков,
И полночь, радуясь и злобясь,
Встает из-за глухих холмов,—

Тогда с огромным лбом Шекспира,
Со взглядом, блещущим, как меч,
В мой дом вступает образ мира,
Плащ на пороге сбросив с плеч.

И музыка за ним клубится,
Как волны, изнутри светясь.
И с плеч его слетают птицы,
На мой рабочий стол садясь.

Неисчерпаемо-чудесным
Тогда все снова мнится мне,
Как в юности,—
подобно песням,
Когда-то слышанным во сне.

1940

РАЗГОВОР С ОБЛАКАМИ

Будто в небе задумались облака альта-кумулюс,
Будто — мир в человецех и благоволение,
Может быть, я сейчас первый раз на веку молюсь,
Первый раз и последний встаю на колени я.

Как со дна необъятного капища тлепия,
В пропасть заживо ввергнутый вместе с умершими,
Говорю я с ночными, еще не померкшими —
Между темной землею и звездными вершами
К лукоморью рассвета, небесными нерестами
В высоте несказанной плывущими — облаками перистыми:
— Когда вы над кровлей отцовою,
Далеко, за горами безлюдно-ущелистыми,

Загремите весенней икрою перловою,
Покидая навеки пучину небесную,—
Бросьте горсть ваших капель в палату трапезную
Где сидит мой отец за нерадостной чашею
И беседа иссякла струей замолчавшею.

Вы ему прошумите листвой заоконнишною —
Что в плену я у смерти, что я далеко, но что я
Жив, что я ворочусь.

ДЖАСМЭ ДЖАЛИЛ

(Род. в 1908 г.)

С курдского

СТАЛА БЫ СВИРЕЛЬЮ

Мечта пастуха, словно небо, бездонна,
Чиста и кротка —
Звенит тихим ветром, бегущей по склонам
Струей родника.

Со мною он сдержан, почти бессловесен,
И только свирель
Протяжным журчаньем бесхитростных песен
Дурманит, как хмель.

Когда говорит он, то словно сухие
Слова вяжут рот,
А вскинет свирель — огневою стихией
Душа запоет.

Росинка, сверкнув янтарями заката,
Прильнет к лопуху,
Услышав призыв, молчаливо ягнята
Спешат к пастуху.

Заветное с детства таю я желанье —
Свирелью бы стать,
Чтоб горе людское, людское страданье
Ветрам передать.

И хочется так в этот ласковый вечер
Немного тепла...
Летела б любви долгожданной навстречу
Быстрей, чем стрела.

1962

ТАИР ЖАРОКОВ

(1908—1965)

С казахского

САМОЛЕТ

Нынче так чиста небес голубизна,
Словно зонт огромный, надо мной она.
И предела этой нет голубизне.
Солнцем золотым земля ослеплена.
Голову закинув, я стою. И мне
Маленькая точка светлая видна
В этой бесконечно ясной вышине.

Что это за точка искрится, плывет,
Вмиг пересекает синий небосвод?
Лебедя я вижу или же орла?
Или это сокол свой вершит полет?
Нет, не сокол это. Это, как стрела,
Пролетает наш, советский самолет,
Широко раскинув два больших крыла.

Самолет все выше, выше... А на нем
Красная звезда горит живым огнем
Жарче самых жарких солнечных огней.
От его сиянья этим ясным днем
Небеса еще мне кажутся синей...
Птица эта нашим рождена трудом.
Это мчатся наши летчики на ней.

1928

ПОСЛАНИЕ ДРУЗЬЯМ

После ручки с пером впервые
Здесь винтовку держит рука.
Вам, друзья мои тыловые,
Поручаю стихи пока.

Здесь бумагой мне — поле битвы,
Здесь не перья, а блеск штыков.
Здесь куются новые ритмы,
Не чернила льются, а кровь.

Я вам был по перу собратом —
Свято долг я выполню свой.
Посвящайте стихи солдатам —
Вот наказ вам мой боевой.

К вам, Аскар и Сабит с Габитом,
Обращаю слова письма:
Вы для тех, кто вернется с битвы,
Приготовьте стихов тома.

Не сердитесь на это слово,—
Торопитесь, время не ждет!
Бой окончится, и суровый
Вам солдаты предъявят счет.

После ручки с пером впервые
Здесь винтовку держит рука.
О борьбе стихи боевые
Напишу острием штыка!

1942

ПОЭТ В СТЕПИ

1

Зелень трав, тишина голубая,
Неоглядного лета настой.
Здесь могли мы увидеть Абая
За стихами в кибитке простой.
Сквозь кибитки решетчатый остов
Хорошо было, верно, ему

Слушать ветра полынного поступь
В этом войлочном легком дому!
Сердце новые речи находит,
Очи смотрят светло и остро,
По бумаге задумчиво бродит
Птицекрылое чудо-перо.
Он глядит на Чингисские горы.
Ветру войлочный полог открыт,
Озаряя степные просторы,
Златоглазое солнце горит,
Там, где бегают рыжие дрофы,
Там, где беркут стрелою взлетел,
Взмыли звонкие Пушкина строфы,
Парус лермонтовский забелел.

2

В пароконную сел он коляску:
«Ты лети, мое сердце, лети!»
В свисте ветра и в цокоте частом
Покатил по степному пути.
Облаков расплывается стая
Над урочищем Жыдэбай,—
Крылья песен в душе расправляя,
Едет в Семипалатинск Абай.
Бедняков замелькали кибитки.
«Ты звени, моя песня, звени!»
Хоть на диво буланые прытки,
Да мечту не обгонят они!
Стыли юрты в просторах певучих,
Пастухи вдоль дороги плелись.
Словно молния в сумрачных тучах
Понеслась вдохновенная мысль.

3

Прояснилось чело его снова,
Он глядит, не мигая, вперед.
«Я, народа певец кочевого,
Верю: счастье узнает народ!
Мы покинем дороги кочевья,
Озарятся надеждой сердца.

И не в этом ли предназначенье
Стихотворца — судьи и певца?»
Прям душою и думами светел,
Земляков пробуждал он своих...
Замечтался Абай, не заметил,
Что доехал, что цели достиг.

4

Утро льет на дома городские
Безмятежной лазури покой.
Вот страницы пред ним дорогие
В библиотеке городской.
Этих мыслей великих уроки
Любит он повторять не спеша:
Русских классиков мудрые строки
Благодарно впивает душа.
Полстолетья прошло. Неустанно
Изменялись и люди и век:
Солнце счастья в степях Казахстана
Увидал и воспел человек.
И сегодня, средь книжных сокровищ,
Оценив незабвенного труд,
Ты творенья Абая раскроешь:
Эти строки вовек не умрут!

1954

МИКАИЛ МУШФИК

(1908—1939)

С азербайджанского

ПОЭТ

Да это ведь неслыханная честь —
Поэтом стать, в людских сердцах прочесть,
Что чувствуют, чем полнятся сердца,
Без спроса в них войти
И разрушать отважно, до конца
Все злое на пути!

Мне губы многолюдных толп слышны,
И с этой всенародной вышины
Я вижу, как идут ко мне друзья,
Смелы и горячи.
Кто мне прикажет, бедами грозя:
— Не говори, молчи!

Я вижу зелень рощ и пену вод.
Я вижу одаренный мой народ.
Я вижу свадьбы, праздники, пиры,
Сверканье всех чудес.
Я вижу, как несет свои дары
Народу Тетергэс.

Пусть отойдет любитель болтовни!
Пусть хлебороб и сталевар одни
Со мною ладят и войдут в мой стих,—
Для них дорога есть.
Быть другом их и стать поэтом их —
Неслыханная честь!

Запела медь, и заплясал огонь,
И черный мрамор дыбится, как конь.
От стольких дел великих голова
Сама кружится тут.
Но прежде чем стихи писать, сперва
Пусть слезы потекут!

Да, для меня неслыханная честь
Поэтом стать, в людских сердцах прочесть
Что чувствуют, чем полнятся сердца,
Без спроса в них войти
И разрушать отважно, до конца
Все злое на пути!

МОСТ

Я мощный мост. Я смелый переход
Из прошлых тяжких лет в грядущий год,
Из тьмы развалин к цветникам весны,
Из увяданья в молодые сны,

Из смерти в жизнь, от рабства к мятежу.
Вы знаете, как честно я служу.
Что мне угрозы гор и ярость рек!
Мне Ленин стал учителем навек.

Как дивы, что уперлись в грудь земли,
Быки мои стальные приросли
К породе горной, к зубьям древних скал.
Поэт еще и слов не отыскал,
Чтоб описать напор народных сил,
Который эту стройку возносил.
О, как стучали юные сердца,
Пока я был отстроен до конца!

За мной века, но вечность предо мной.
Веду я битву с тяжестью земной.
Все люди, что сейчас по мне пройдут,
Узнают радость, счастье обретут.
Всем, кто достоин счастья, путь открыт.
Всем, кто пылает страстью, путь открыт,
Всем, кто с любимой нежно говорит,
Чья речь, как море пенное, бурлит.

Весна и осень разом — вот мой путь.
И свадьба с нежным сазом — вот мой путь
Советские народы с первых дней
Меня сложили, чтобы стать сильней,
И миновали пропасти в горах,
И разобщенность разбивали в прах.
И был их труд началом всех начал,
Основу изобилья означал.

И все, кто жаждет завтрашнего дня,
Меня построят и пройдут меня.
Все, что свернут с великого пути,
Должны шипы взамен цветов найти.
Быть другом человеку — вот мой путь.
Служить на совесть веку — вот мой путь.
По мне пройдут в крутые времена
Материки, народы, племена.
Тот современник в дальней стороне,
Что юн еще,— и он пройдет по мне!

Я выстроен навечно, навсегда —
Мост Власти, мост народного труда.

ТВОЙ СМЕХ

Смех твой, звенящий в моих ушах,
Если б ты знала, на что похож,—
Это на маковых лепестках
Передрассветных росинок дрожь.

Смех твой как вспугнутый ветерок,
Лепет весеннего утра в нем.
Губы твои, как звездный цветок,
Холодноватым манят огнем.

Этот смеющийся нежный рот
Видеть хотя бы издалека!
Смех твой дразнящий меня зовет
И ускользает, как облака.

Птица, летящая в высоту,
Проблеск луны средь талых ветвей —
Смех твой дает стихам остроту,
Делает чувства мои ясней.

День наступает счастливый мой,
Снова приходит весна тогда,
Молнии мечутся над головой,
И, торжествуя, течет вода.

Мир — это вечно цветущий сад,
Плеск и движенье, трепет и шум.
Жаль мне того, кто жизни не рад,
Кто не смеется и кто угрюм.

КОГДА ШЕЛ ДОЖДЬ

Дождь идет —
это капель восторженный пляс
Он пригоршней жемчужин швыряется в нас.
Две угрюмые тучи сшибаются лбом —
В небе молнии блещут и грохает гром.

Птицы спрятаться в гнезда свои норовят,
Водосточные трубы гудят и бурлят.

Молний просверк мгновенный — и вспышка и тьма.
Люди кто в подворотне, кто скрылся в дома.
Но, глядите, малыш не боится дождя,
Озорник распевает, по лужам идя.

С головою накрывшись промокшим плащом,
Двое юных влюбленных бегут под дождем.
Дождь вовсю припустился, а им все равно,—
Время их наступило, прекрасно оно!
Лей, мой дождь, превратись в полноводный поток,
Чтоб я полное счастье почувствовать мог.
Мне навстречу крученой струею плесни,
Волосами любимой меня захлестни.
Ты спасенье горящих от жажды полей,
Хлынь, неистовый ливень, стремительно лей!
К полосе полоса, лей, мой дождь навесной.
Бормочи что-то в листьях, в купели лесной.
Шлепай дерзко по лужам, как стайка ребят.
Колоти в мою грудь, как в небесный набат.
Одари меня блеском своим огневым,
Дай мне голос, чтоб голосом стал он моим.
Лейся, дождик, повсюду — вблизи и вдали.
Лейся шумно и щедро на благо земли.

СТЕПАН ОЛЕЙНИК

(Род. в 1908 г.)

С украинского

НЕЗАМЕНИМЫЙ МАЦЕПУРА

Один сердобольный предрайисполкома
По случаю, нам неизвестно какому,
Зачислил когда-то Грицка Мацепуру
В так называемую «номенклатуру».

В районе товарищ номенклатурный
Возглавил сперва комитет физкультурный.
Над списками, планами «бился» ночами
И ездил в какой-то облснаб за мячами...

А первой за выгодный вид физкультуры
Взялась с увлеченьем жена Мацепуры.
Едва лишь рассвет наступает в районе,
Супруга хлопочет на стадионе.

И там, так сказать, совершает «зарядку» —
Поспешно копает за грядкою грядку,
Прикинув, что было бы очень неплохо
Поставить «рекорд» при посеве гороха.

И больше нигде никакой физкультуры...
И ставит начальство доклад Мацепуры:
Представь, мол, подробный отчет исполкому,
Дадим тебе перцу, такому-сякому!..

Стыдили, срамили, журили — и сняли.
Но что ж с Мацепурою делать им дале?
Хоть он и повинен в работе халтурной,
Но все же товарищ он... номенклатурный!

— Иди,— говорят,— возглавляй инкубатор.
Себя прояви как хозяин-новатор! —
И чтоб «подковался», вручили брошюру.
Послали цыплят разводить Мацепуру.

В контору явилась большая фигура —
Солидный директор Грицко Мацепура.
Вокруг — аппараты, проводки, приборы...
Яиц из колхоза доставлены горы...

Но странно, однако, что из аппарата
В положенный срок не выходят цыплята.
Не впрок им отличная аппаратура.
Их нет... Хоть высиживай сам Мацепура!

А с ферм приезжают в район птицеводы:
— Где птица? Что, дескать, за чудо природы
И едут обратно, ругаясь и споря...
Зато у Грицка на домашнем подворье

Растет птицеферма. Не ферма — картинка!
Добреет, цветет Мацепурова жинка!
Тут в дело вмешалось опять руководство,
Журили всю ночь «короля птицеводства».

И, дав нагоняй за провал и растрату,
Послали директором промкомбината.
— Хотя налицо интерес его шкурный,
Он все же товарищ... номенклатурный!

Мы, видно, его воспитать не сумели...
Пусть, дескать, ошибки исправит на деле!
Продукт комбината — свистки из пластмассы
И, кроме того, кирпичи и колбасы.

Однако с приходом Грицка к руководству
Попутались этой продукции свойства:
Кирпич, не успеешь доставить на базу,
В мельчайшую пыль рассыпается сразу;
Колбасы подобного качества тоже:
По вкусу — кирпич, но значительно тверже

Свистки лишь пошли Мацепуре в заслугу
(На всю, говорят, засвистали округу!).
Поэтому снова (за брак и халтуру)
Пришлось-таки снять свистуна Мацепуру.

...А завтра опять по широкой равнине
Везет Мацепуру в районной машине
Доверчивый сват, проявляя заботу,
Сосватать Грицка на другую работу!

Друзья! Возникает тревожный вопрос:
Не к вам ли тот сват Мацепуру повез?!

1953

КАРАСЬ-СЕРЕДНЯК

Он ни задний, ни передний,
План вывозит кое-как.
Он колхоз в районе средний,
Так и пишут: «Середняк».

Председатель, нравом кроткий,
Философствует тайком:
Лучше нет, как быть в середке,
Стойким быть середняком!

Обгонять?.. Чего же ради?..
Без усилий знай броди!
Есть всегда защита сзади
И прикрытье впереди.

Середняцкий «базис» прочен:
Мы в затишье, вот в чем суть!
Коль ругают — так не очень,
Коль похвалят — так чуть-чуть.

А повыше лишь прорвись ты,—
Не соснешь и двух минут:
Гости разные, туристы
Осаждать колхоз начнут.

Уж тогда без брючек узких —
Ни-ни-ни. По моде шей!
И нейлоновые блузки
Подавай жене своей...

Нынче как? Бутыль да чарку
Ставь на стол, садись — и шпарь
А тогда — тебе припарку
Даст немедля секретарь.

При малейшей неполадке
Сразу вызовет в райком.
Чуть не так — уже нападки...
Лучше быть середняком!

В этом званье лет уж десять
Едем мы по большаку,
Не давая перевесить
Ни задку, ни передку.

Если вдруг тебя с разгона
Отстающий обойдет,—
Станут «славить» по району,
Попадешь ты в оборот!

Будут устно и печатно
Наставлять тебя на путь;
Подгонять начнут, понятно,
Кверху за уши тянуть.

Будут в жарком, трудном споре
О тебе решать вопрос,
Вслед за этим снимут вскоре
И пошлют в другой колхоз...

Но у нас пока надежно!
Удишь рыбку, спишь в саду...
Жить вполне спокойно можно,
Если ты не на виду!

...К скорлупе своей припаян,
Он поныне судит так,
Сей посредственный хозяин,
Убежденный середняк.

Есть еще в любом районе
Караси-середняки,
Что живут в тиши, в затоне,
Сторонясь большой реки!

1959

ЛЕОНИД ПЕРВОМАЙСКИЙ

(1908—1973)

С украинского

УЛЬЯНА

Будет слово, будет песня про степные вечера,
про безоблачные зори, про любовь и трактора.
Веют молодо и люто в марте месяце ветра.

Степь и ветер. Степь и солнце. Степь. Затишье. Целина
Выезжает в степь бригада, а в бригаде новизна:
едет девушка Ульяна, молодая, как весна.

Почему же ты, Ульяна, от бригады отстаешь?
Почему же ты, Ульяна, полной нормы не даешь?
Ох, и ветрено и пьяно! Ох, и взгляд ее хорош!

Тут один, другой и третий говорит ей тракторист:
«Не твое, Ульяна, дело, не твое — и не берись!»
А четвертый говорит ей: «Крой смелее, не стыдись!»

День проходит. Два проходит... А Ульяна отстает,
трое дразнят, а четвертый им руки не подает,
а четвертый на работе с нею об руку встает.

Холодны вы, почи марта! Зябнет поле. Целина.
Ветром надвое в разбеге ширь земли разделена,
ночи мартовские, темные, бригадная весна!

Трое девушку встречают злой насмешкой у крыльца,
а четвертый озабочен, не узнать его лица.
А она: пускай смеются три недобрых молодца.

День проходит. Два проходит. Ночь и день, еще два дня
Невеселые такие трое ходят у плетня.
Глаз бедовый у четвертого пылает без огня.

Что ж вы, хлопцы, от Ульяны отстаете на версту?
Что ж вы, хлопцы, отстаете, норму ставите не ту?
Ох, и ветрено и пьяно, сердце юности в цвету!

Ой вы, мартовские зори, черноземная весна!
Степь — распаханное поле, вся черным она черна,
и лежат рядами зерна, где лежала целина.

1934

ПЕСНЯ

Злые тучи. Пыль и ветер
над Берестовою.
Сходит вечер. Вечер плещет
медью листовою.
Дуб и берест, клен и явор —
в тучи головою.

Листья рвет, бросает ветер
в ледяную воду.
Проезжали партизаны,
не спросили броду.
Не ждала ты в это время
гостя из похода?

Что ж ты стала, не откроешь
милому ворота?
Или мне не надоели
рубка да забота?
Или мне седло да сабля —
только и работа?

Видишь, убыло немало
хлопцев в эскадроне...
День и ночь, еще две ночи
гнали нас погони,—
притупилися подковы,
притомились кони.

Путь наш — степью, полем, лесом —
пасмурнее ночи.
Отдохнем — и в путь-дорогу
снова, что есть мочи...
Кто привез тебе обнову,
шелковый платочек?

Кто привез тебе обнову?
Руки уронила.
Что ж молчишь, не скажешь слова?
Ждать мне не под силу.
Пыль и ветер. Злая туча
небо полонила.

Открываются ворота,
тяжелы, скрипучи.
Открываются ворота
в грозовые тучи.
Открываются ворота —
молния из тучи!

Как скользил с седла! Как в травах
руки разбросал он!
Как неслись по полю кони —
и коней не стало!
Вас измена, партизаны,
здесь подстерегала.

Что вы — разве не знакомы
с гибелью такою?
Тишина, и дождь, и ветер
рвутся над рекою.
Нет вам, братцы, передышки,
нет нигде покоя...

Злые тучи гонит буря
над Берестовою.
Дремлет ночь над камышами,
над глухой травою.
Дуб и берест, клен и явор —
в тучи головою.

1934

МАРШ

Идут из Сибири солдаты,
но с ними Шандор не идет.
Буран своей лапой косматой
пути перед войском метет.
Маячат над степью кошмары,
как память недавних невзгод,—
красногвардейцы-мадьяры,
вперед,
вперед!

Покинув окопное поле,
солдатскую участь свою,—
для Венгрии славу и волю
они добывают в бою.
Пусть меркнут в дыханье пожара
штыки наступающих рот,—
красногвардейцы-мадьяры,
вперед,
вперед!

«Товарищей вестью утешьте,—
бойцам комиссар говорит.—
Пылает уже в Будапеште,
и в Дебрецене горит...»

И песни Шандора — удары
по миру сквозь ночи полет.
Красногвардейцы-мадьяры,
вперед,
вперед!

Карпаты — как черные тени,
за ними — свобода ждет.
И лозунг: «Не знать отступлений!»
отряды бессменно ведет.
То ленинские Стожары
огнями зажгли небосвод.
Красногвардейцы-мадьяры,
вперед,
вперед!

1934—1935

ПАРТБИЛЕТ

Его нашли в ночи на поле боя.
Вдали раскаты грома улеглись.
Лишь молниею редкой, голубою
Еще огни сигнальные рвались.
Полк наступал. За рощицей недальней
В ночную темноту бойцы ушли.
Мы молча шли долиною печальной,
Где наши братья в битве полегли.
Боец лежал как будто на привале,
Но нам тревога стиснула сердца.
Склонились мы и партбилет подняли,
Лежавший возле сердца у бойца.

Мы дальше шли. Ни слова меж собою.
И лишь когда зарозовел рассвет,
В степной тиши, уже привыкшей к бою,
Мы молча развернули партбилет.
Насквозь пробитый пулей роковою,
Он рядом с сердцем был в тот самый миг
И, как свидетель гибели героя,
Ворвался в мир моих тревог ночных.
И долго я молчал над ним, пробитым
Безжалостною каплею свинца,—
Над этой книжкой, что в бою открытом
Лежала возле сердца у бойца.

И я за ней увидел в жарком споре
Весеннее безумие земли,
Цветенье трав, немолчный рокот моря,
Все, что мы в мире жизнью нарекли.

Боец, порывом движимый единым,
Жил молодым и умер молодым.
И, как родная мать над верным сыном,
Склонилась тихо родина над ним.
Как сын, послушный материнской воле,
Он от беды не отвратил лица.
Так мы нашли бойца в рассветном поле
И партбилет на сердце у бойца.

Друзья мои! И мы на поле боя,
Быть может, встретим свой последний час
Встает рассвет за далью голубою,
Дымок сражений обвевает нас.
Встает рассвет, тревогами объятый.
За рощицей стрекочет пулемет.
И по пути бессмертья и расплаты
Лавиною полки идут вперед.
Всегда вперед идти в бою открытом!
Мы поклялись сражаться до конца
Над партбилетом, пулею пробитым,
Что был в бою на сердце у бойца.

1941

* * *

Если падает дерево в чаще —
Отзываются рокотом горы,
Слышен в пропастях отзвук звенящий,
Рощут пастбищ просторы.

Если ловчий подстрелит оленя —
На предсмертного хрипа звучанье
Отзывается лес в отдаленье,
Нарушая молчанье.

Если песня — ей ночь не помеха —
В сердце вдруг одиноко забьется,
Будь спокоен: на песню, как эхо,
Целый мир отзовется.

1956

МАРИЯ ПЕТРОВЫХ

(Род. в 1908 г.)

ЧЕРТА ГОРИЗОНТА

Вот так и бывает: живешь — не живешь,
А годы уходят, друзья умирают,
И вдруг убедишься, что мир не похож
На прежний, и сердце твое догорает.

Вначале черта горизонта резка —
Прямая черта между жизнью и смертью,
А нынче так низко плывут облака,
И в этом, быть может, судьбы милосердье.

Тот возраст, который с собою принес
Утраты, прощанья, наверное, он-то
И застил туманом непролитых слез
Прямую и резкую грань горизонта.

Так много любимых покинуло свет,
Но с ними беседуешь ты, как бывало,
Совсем забывая, что их уже нет...
Черта горизонта в тумане пропала.

Тем проще, тем легче ее перейти,—
Там эти же рощи и озими эти ж...
Ты просто ее не заметишь в пути,
В беседе с ушедшим — ее не заметишь.

* * *

От зноя воздух недвижим,
Деревья как во сне.
Но что же с деревом одним
Творится в тишине?

Когда в саду ни ветерка,
Оно дрожмя дрожит...
Что это — страх или тоска,
Тревога или стыд?

Что́ с ним случилось? Что могло б
Случиться? Посмотри,
Как пробивается озноб
Наружу изнутри.

Там сходит дерево с ума,
Не знаю почему.
Там сходит дерево с ума,
А что с ним — не пойму.

Иль хочет что-то позабыть
И память гонит прочь?
Иль что-то вспомнить, может быть,
Но вспоминать невмочь.

Трепещет, как под топором,
Ветвям невмоготу,—
Их лихорадит серебром,
Их клонит в темноту.

Не в силах дерево сдержать
Дрожащие листки,
Оно бы радо убежать,
Да корни глубоки.

Там сходит дерево с ума
При полной тишине.
Не более, чем я сама,
Оно понятно мне.

* * *

Пожалейте пропавший ручей!
Он иссох, как душа иссыхает.
Не о нем ли средь душных ночей
Эта ива сухая вздыхает?
Здесь когда-то блестела вода,
Убегала безвольно, беспечно,
В жаркий полдень поила стада
И не знала, что жить ей не вечно,
И не знала, что где-то вдали
Неприметно иссякли истоки,

А дожди этим летом не шли,
Только зной распалялся жестокий.
Не пробиться далекой струе
Из заваленных наглухо скважин...
Только ива грустит о ручье,
Только мох на камнях еще влажен.

АРМЕНИЯ

На свете лишь одна Армения,
Она у каждого своя.
От робости, от неумения
Ее не воспевала я.

Но как же я себя обидела —
Я двадцать лет тебя не видела,
Моя далекая, желанная,
Моя земля обетованная!

Поверь, любовь моя подспудная,
Что ты — мой заповедный клад.
Любовь моя — немая, трудная,
Любое слово ей не в лад.

Со мною только дни осенние
И та далекая гора,
Что высится гербом Армении
В снегах литого серебра,

Та величавая, двуглавая
Родная дальняя гора,
Что блещет вековечной славою,
Как мироздание, стара.

И тайна острова севанского,
Где, словно дань векам седым,—
И своды храма христианского,
И жертвоприношений дым.

Орлы Звартноца в камень врублены,
Их оперенье — ржавый мох...
О край далекий, край возлюбленный,
Мой краткий сон, мой долгий вздох..

* * *

Но только и было, что взгляд издалёка,
Горячий сияющий взгляд на ходу.
В тот день облака проплывали высоко
И астры цвели в подмосковном саду.
Послушай,— в каком это было году?
С тех пор повторяю: а помнишь, а знаешь?
И нечего ждать мне и все-таки жду.
Я помню, я знаю, что ты вспоминаешь
И сад подмосковный, и взгляд на ходу.

* * *

Ни ахматовской кротости,
Ни цветаевской ярости —
Поначалу от робости,
А позднее от старости.

Не напрасно ли прожито
Столько лет в этой местности?
Кто же все-таки, кто же ты?
Отзовись из безвестности!..

О, как сердце отравлено
Немотой многолетнею!
Что же будет оставлено
В ту минуту последнюю?

Лишь начало мелодии,
Лишь мотив обещания,
Лишь мученье бесплодия,
Лишь позор обнищания.

Лишь тростник заколышется
Тем напевом чуть начатым...
Пусть кому-то послышится,
Как поет он, как плачет он.

* * *

Сердцу ненавидеть непривычно,
Сердцу ненавидеть несподручно,
Ненависть глуха, косноязычна.
До чего с тобой, старуха, скучно!

Видишь зорко, да ведь мало толку
В этом зренье хищном и подробном.
В стоге сена выглядишь иголку,
Стены размыкаешь взором злобным.

Ты права, во всем права, но этой
Правотой меня уж не обманешь,—
С ней глаза отвадятся от света,
С ней сама вот-вот старухой станешь.

Надоела. Ох, как надоела.
Колоти хоть в колокол набатный,—
Не услышу. Сердце отболело,
Не проймешь. Отчаливай обратно.

Тот, кто подослал тебя, старуху...
Чтоб о нем ни слова, ни полслова,
Чтоб о нем ни слуху и ни духу.
Знать не знаю. Не было такого.

Не было, и нету, и не будет
Ныне, и по всякий день, и присно.
Даже ненавидеть не принудит,
Даже ненавидеть ненавистно.

* * *

И вдруг возникает какой-то напев,
Как шмель неотвязный гудит, ошалев,
Как хмель оплетает, нет сил разорвать,
И волей-неволей откроешь тетрадь.

От счастья внезапного похолодею.
Кто понял, что белым стихом не владею?
Кто бросил мне этот спасательный круг?
Откуда-то рифмы сбегаются вдруг.

Их зря обесславил писатель великий
За то, что бедны, холодны, однолики,
Напрасно охаял он «кровь и любовь»,
И «камень и пламень», и вечное «вновь».

Не эти ль созвучья исполнены смысла,
Как некие сакраментальные числа?
А сколько других, что поддержат их честь!
Он, к счастью, ошибся,— созвучий не счесть

СТЕПАН САРЫГ-ООЛ

(Род. в 1908 г.)

С тувинского

ВЕЧНАЯ СЛАВА

Навсегда ли погасли глаза
Молодого лихого арата?
И родители ждут и друзья —
И никак не дождутся солдата...

На Украине дружеской — там,
Где окончился путь твой солдатский,
Головою к тувинским хребтам
Ты в могиле покоишься братской.

Город Ровно тебя приютил,
По тебе украинки рыдают.
И венки у солдатских могил
Полыхают и не увядают.

У ограды не вянут цветы,
Имя Родины врезано в камень,
Под которым останешься ты
Навсегда с боевыми дружками.

Ты врага переспорил в бою,
Имя предков навеки прославил.
Охраняем мы славу твою,
Ту, которую внукам оставил.

1945

ТЕМИРКУЛ УМЕТАЛИЕВ

(Род. в 1908 г.)

С киргизского

ТАЛАНТ

Пускай хоть в сундуке хранится медь —
На меди зелень с каждым днем заметней,
А золото не может потускнеть,
От ржавчины истлеть тысячелетней.
Живой талант всегда идет вперед,
При нем земля ликует и цветет.
И если даже каменные плиты
Ему на грудь живую положить,—
Талант никак нельзя убить, джигиты,
Назло врагам он будет вечно жить!

1939

АРКЫТ

Навеки проклят тот ушедший строй,
Нет красоты в короне золотой,—
Зачем же ты в своем стихотворенье
Сравнил Аркыт с короной, сверстник мой?

Зеленый шум его ветвистых крон
Живей и чище всяческих корон.
Мой милый край, наш край высокогорный
Из соловьев и листьев сотворен.

И ханы, и цари, и короли
В небытие бесславное ушли,
А ты опять цветешь, благоухая,
Лесная сказка неба и земли.

Ты словно свадьба вешняя, Аркыт,
Ты всем прекрасен и для всех открыт,
Трель соловьев твоих, не умолкая,
В моей душе магически звучит.

Мне по сердцу твой лиственный наряд.
Естественней, чем он, найдешь навряд.
Чужды тебе и золото и пурпур,
Продажный блеск покоев и палат.

Твой утренний стремительный ручей
Журчит, как песня, в памяти моей.
Я не отдам одной зеленой ветки
За одеянья ханов и царей.

1946

АРАВАН

Я сроднился с тобой навсегда,
Горный край, где в ущельях туман.
Там шумит молодая вода —
Араван,
Араван,
Араван.

Долго я этой встречи искал,
Тосковал все сильней и сильней
По уступам заоблачных скал,
Как тоскуют по милой своей.

Говорил я с рекой снеговой,
Провожал облаков караван.
Как биение крови живой,
Ты со мной, ты во мне, Араван.

Другом солнца я стал, осмелев,
Усмирял на вершинах буран.
Я твердил твой веселый напев:
Араван,
Араван,
Араван.

По-особому дружим с тобой,
Будто кровный ты мой побратим.
Поразил ты меня чистотой,
Простотой и величьем своим.

Мне б воспеть эти горы хоть раз
И долины, где хлопка ковер,
Так, как Лермонтов славил Кавказ
И Некрасов — российский простор.

С вдохновеньем и силой такой
Петь, как Пушкину было дано,
Каждой мыслью и каждой строкой
Быть с народом своим заодно.

И трудиться, встречая рассвет,
И народные славить дела,
Чтоб нужна твоя песня, поэт,
Словно хлеб, словно хлопок, была.

Знать, что ты помогаешь стихом,
Не напрасно талант тебе дан.
Чтоб звенело и пело кругом —
Араван,
Араван,
Араван.

1957

ВОСЬМИСТИШИЯ

1

Я человек простой, друзья мои,
В отаре славы нет моих овец.
Хочу лишь одного: чтоб соловьи
Побольше растревожили сердец.

Богатства не ищу и не коплю.
Перед друзьями я не зазнаюсь.
Но точной рифмы чистый звон люблю
И в этом перед вами признаюсь.

2

Джида серебрится! Джида серебрится!
Прихожу я к ней весной, чтобы насладиться
Нежным ароматом. О, благоуханье!
Прихожу я к ней весной укрепить дыханье.

Надо мной склонилась ветка серебристая.
Будто девушка она — тонкая и чистая.
Светлым ароматом наполняет утро.
Будь вовек благословен твой садовник мудрый!

1965

ПОМНЮ

Помню: ясная ночь. Помню: как серп, луна.
Осенней стоянки дни. Гордый бег табуна.
Помню: колючка впилась; помню: бежал босиком,
Гнался что было сил за норовистым телком.

Помню: сугробы белы. Их накрутил буран.
Помню: старый верблюд сорвался, упал в овраг.
Помню, как мой отец сыпал отсев с руки,
Чтоб куропатку поймать, чтоб заманить в силки.

Помню дубы, что росли от озера невдалеке.
Помню плоты, что шли вдоль по Нарын-реке.
Вспомню: плачет комуз — и наплывает грусть.
Вспомню: с коровы упал — и не могу — смеюсь.

Помню: холмы, полынь. Запах крепкий, густой.
Разве можно забыть горький этот настой?
Разве можно забыть милые с детства края?
Ты навсегда во мне, земля родная моя.

Видно, к березкам тем, что у ручья — гурьбой,
Прочно привязан я моей кочевой судьбой.
Вижу: с хребта Бозбу тучи, клубясь, ползут,
Вижу, они несут яростную грозу...

Вижу: осыпь, обрыв. Корни в камни впились —
Тополь, хоть и горбат, тянется все же ввысь...
Облик моей весны любо мне вспоминать.
Моя золотая земля, ты мне отец и мать.

Сколько помню себя, я не обижен судьбой,
Хоть не всегда надо мной был небосвод голубой.
Хочу бросать семена, чтобы росли леса...
О, святая земля, вечная наша краса!

1970

ИРАКЛИЙ АБАШИДЗЕ

(Род. в 1909 г.)

С грузинского

ГОЛОС У СТЕН КРЕСТНОГО МОНАСТЫРЯ

«Зачем
богоотступничество
мне
в вину вменяют и грозят расплатой,
когда на свете о моей вине
ты ведаешь один, мой бог распятый?
Расселин горных образ неземной,
поверженных во прахе — утешитель,
обиженных — укромная обитель,
страды великой незакатный зной.
Ты —
свет во тьме,
пролитый щедрой чашей
с небес на землю...
Там и здесь — един.
Ты —
верой обретенная крепчайшей
причина высочайшая причин.

От колыбели и до дней последних,—
и перейдя последнюю межу,—
я твоего завета исповедник,
всем существом тебе принадлежу.
Все, что во мне созрело,—
Слово, Дело,
все, что зачахло,
каждое зерно
тобой
неотвратимо и всецело
в меня однажды было внедрено.
Благодаря твоей всевышней власти
аз есмь не зверь...
Не зверь...
Но Человек...

В дороге долгой
одолел напасти
и заблуждений горестных избег.

Учение твое — превыше правил...
Ты,
наставляя жить не по злобе,
спас от греха, на правый путь направил
небесным откровеньем:
«Бог в тебе...»
И если в чем-то я ошибся все же,
о прегрешеньях суетных моих
ты, вездесущий,
узнавал не позже,
всеведающий,
ведал в тот же миг.

Не знаю, похулишь или похвалишь,
лишь твоему подсуден я суду,
судья всевышний мой,
и от тебя лишь
великодушья и прощенья жду.

Мой разум и сознанье
высшим даром
я почитал, не ведая вины,
ибо они
из всех существ
недаром
лишь человеку только и даны.

Ты поклоненья требовал слепого,
коленопреклоненья одного,
но только мысли, воплощенной в Слово
я поклонялся, веря в естество.
И если в замысле твоем высоком
я человеком был,
и если ты
однажды взвесил совершенным оком
мои несовершенные черты,
и если ты
печаль и радость —
разом —
дал мне вкусить на праведном пути,

то я желал
раскрепощенный разум,
освобожденье мысли
обрести.

Нежней молитвы и мощней хорала
вошло желанье это в бытие.
Избави бог, чтоб жизнь меня карала
за это вот желание мое!

Но если ты желанье это все же
сочтешь за грех, помыслив о плохом,
то где тогда, не ведаю, о боже,
граница меж грехом и не грехом?!
Не осуждай меня...
Из дальней дали,
недугами согбен, полуживой,
пришел к тебе, поникнув головой,
колени преклонив,
проситель твой
от имени желанья и печали.

Зачем богоотступничество мне
в вину вменяют и грозят расплатой,
когда на свете о моей вине
ты ведаешь один, мой бог распятый!»

* * *

Жаждешь узреть,— это необходимо —
(необходимо? зачем? почему?),—
жаждешь узреть и собрать воедино
все, что известно уму твоему.

Жаждешь, торопишься, путаешь, боже,
вот сколько нужно: глаза, голоса,
горе... а радости? Радости тоже!
Радости, шалости и чудеса!

Жаждешь и думаешь: помню ль? могу ли?
Вечер в Риони, клонящий к слезам
солнцем и свадьбою: «Лиле»... «Макрули»..
И Алазань? Как забыть Алазань?

Жаждешь в душе твоей, в бедном ковчеге,
соединить без утрат и помех
все, что творится при солнце и снеге:
речи, поступки, и солнце, и снег.

Жаждешь... Но если, всевышним веленьем
вдруг обретешь это чудо и жуть,
как совладаешь с чрезмерным виденьем,
словом каким наречешь его суть?

У АЛАЗАНИ

Язык природы смею разуметь,—
Понятно мне, о чем рыдает медь
Листвы осенней, сорванной ветрами,
О чем лепечет и молчит моя
Родная алазанская струя,
О чем вздыхает поле под парами.

Язык природы точен и правдив;
Беседа виноградников и нив
То пробуждает, то влечет в дремоту.
Но я готов беседовать без сна
С тобою, алазанская волна,
Тревогу птиц читать по их полету.

С горами разговаривать могу,
Пойму следы на девственном снегу
И уловлю цветка ночного шепот,
Постигну, для чего тростник поет
И почему на скалах стонет лед,—
Природа мне поведала свой опыт.

Словарь ее бессмертной красоты —
Родной земли тяжелые пласты —
Из века в век без устали листали,
Но как его словами ни владей,
А все равно на языке людей
Язык природы непередаваем.

МИГ ИЛИ ВЕЧНОСТЬ

В круговороте грозном и великом,
Рассчитанном на долгие века,
Жизнь кажется порой
Лишь кратким мигом,
Коротким дуновеньем ветерка.

Но иногда на вечность жизнь похожа:
Ты долго шел,
И вот идешь опять,
И все живешь, тревожась и тревожа,
И начинаешь снова начинать.

И мнится, что немыслима разлука.
И кажется, что сотни лет назад
Арбу из тонкоствольного бамбука
Ты, несмышленыш, ладил наугад.

Полвека за спиною ты оставил,
Полвека день за днем перелистал,
Ты не был исключением из правил:
И радости и горе испытал.

Жизнь полюбил и объяснялся с нею
Всегда без недомолвок — напрямик.
Так что́ тебе понравилось сильнее:
Миг или вечность?
Вечность или миг?

* * *

Ты увидел? Заметил? Вгляделся?
В мире — прятанье, поиск, игра:
улепетывать с резвостью детства,
притаиться, воскликнуть: «Пора!»

Обыскав ледники и теплицы,
перестав притворяться зимой,
март взывает: «Откликнись, Тбилиси!
Ты — мой баловень, неженка мой».

Кутерьма адресатов и почты:
блеск загара грустит по лицу,
рыщет дерево: где его почки?
Не они ль утаили листву?

Ищет сад — пребывания втайне,
ищет ливень — пролиться куда,
но скрывает Куры бормотанье,
что теряет и ищет Кура?

Наконец все находят друг друга,
всех загадок разгадка ясна,
и внутри драгоценного круга
обретает Тбилиси весна.

ВЕСНА

Деревья гор, я поздравляю вас:
младенчество листвы — вот ваша прибыль,
вас, девушки, затеявшие вальс,
вас, волны, что угодны юным рыбам,

вас, небеса,— вам весела гроза,
тебя, гроза,— тобой полны овраги,
и вас, леса, глядящие в глаза
расплывчатым зрачком зеленой влаги,

я поздравляю с пчелами луга,
я поздравляю пчел с избытком меда
и эту землю с тем, что велика
любви и слез беспечная погода.

Как тяжек труд пристрастия к весне
и белый свет так бел, что видеть больно.
Но заклинаю — не внемлите мне,
когда скажу: «Я изнемог. Довольно».

ХАМИД АЛИМДЖАН

(1909—1944)

С узбекского

ЗИМНЯЯ УЛИЦА

До чего эта улица мне дорога,
Где сегодня певуча душа,
До чего же белы и пушисты снега,
До чего тишина хороша.

Эту ясность мне хочется в сердце сберечь,
Чтоб она зазвучала для всех,
Чтобы стала чиста и нежна моя речь,
Словно первый на улице снег.

А деревья белы, будто их облака
Искупали в своей белизне,
И тревога светла, и дорога легка,
И чудесная бодрость во мне.

И по улице в первом пушистом снегу
Я с таким наслажденьем иду,
Что мне кажется: в белом тумане могу
Молодую увидеть звезду...

1935

СНЕГ В СТЕПИ

Всюду снег, ослепительный снег.
Как посмотришь — глазам станет больно
Перед ним — ни преград, ни помех,
Он повсюду лежит своевольно.

День бежит по дорогам степным,
И, внимая упорному бегу,
С бесконечных небес белый дым
Опускается медленно к снегу.

И мне кажется, будто на степь,
Где и холм не виднелся доныне,
Низвергается горная цепь,
Вырастая на белой равнине.

Удивленное чудом таким,
На равнинные глядя просторы,
Даже солнце завидует им,
Издалека завидуют горы.

Солнце хочет разрушить огнем
Эти скалы, возникшие мнимо,
И сгорают в пространстве степном
И подножья, и выступы дыма.

Солнце, дымный низвергнув обман
Чашу с пламенем тучам подносит
И художника радостно просит
Воссоздать этот снег и туман.

1936

ПОЕЗДА

Тишина степная. Даль ночная.
Гул в ночи. И снова тишина.
И слежу за степью из окна я:
Степь в чудесный сон погружена.

Этот сон спокоен и недолог —
Сон земли, и неба, и воды.
Опустила ночь свой темный полог,
На котором ни одной звезды.

Ночь безмолвно по земле проходит,
По-хозяйски взгляд ее широк,—
Будто бы задумавшись, подводит
Радостным дневным трудам итог.

Спит земля, и сон ей снится дивный:
Степь лежит без края и конца,
И составы мчатся непрерывно,
Огненные бьются их сердца.

За собой оставив величавый,
Неисхоженный степной простор,
В гору поднимаются составы,
Дерзкие, бегут к вершинам гор!

Мчатся поезда в стране свободной,
Каждый, как степной орел, крылат:
Это нашей дружбы всенародной
Вестники счастливые летят.

1936

РОССИЯ

О Россия! Россия! Могучая Родина,
Беспредельно огромная, как небосвод.
Даже солнце, пока полпути им не пройдено
Тебя сразу лучом своим не обоймет!

Поезда в многодневном пути задыхаются,
Пробежав от закатной черты на восход.
Птицы с неба не раз отдыхать опускаются,
Совершая над ширью твоей перелет.

Не обнять богатырской твоей поясницы
Рекам, славным длиной и обилием вод,
И с великим народом твоим не сравнится
Ни один во вселенной живущий народ.

Сокрушит твоя сила все злые напасти,
Землю солнце любви твоей светом зальет.
Ты воздвигла твердыню свободы и счастья
Где семья наших братьев-народов живет.

Честь великая дней своих встретить начало
В колыбели твоей, под напевы твои.
В каждом доме, где Пушкина имя звучало,
Дышит, свято хранима, и речь Навои.

О, какою громадою дум обняла меня
Моя память у дальних твоих берегов!..
И увидел я меч твой карающий в пламени,
Под Москвой опрокинувший орды врагов.

И когда перед холода силою лютой
Птицы падают замертво в снег на лету,
Твои дети, могучие храбрые люди,
Гонят вражьи полки, как заря темноту.

Под лучами любви твоей солнце светлеет,
Под лучами любви твоей тают снега.
Но пред гневом священным твоим цепенеет
И во прах сокрушается сила врага.

И увидел я вражьи твердыни разбитые,
И услышал твой гром, грохотавший в бою,
Видел я, как орлы твои плыли над битвою,
И наполнился верой в победу твою!

О Россия! Россия! Твой сын, а не гость я.
Ты родная земля моя, отчий мой кров,
Я — твой сын, плоть от плоти твоей, кость от кости
И пролить свою кровь за тебя я готов.

1943

ЕМИЛИАН БУКОВ

(Род. в 1909 г.)

С молдавского

ПОБЕДА

Я ждал тебя, не как влюбленный
Подругу ждет — придет ли, нет...
Я ждал тебя, как сад бессонный
Ждет на заре, чтоб хлынул свет.

Я шел к тебе, нетерпеливый,
И под собой не чуял ног.
Навстречу полыхали нивы
И месяц заносил клинок.

Мне заступали путь руины
И горе разрывало грудь...
Я шел к тебе, и путь был длинный,
Но не хотел я отдохнуть.

Пришла, как в небо голубое
Приходит солнышко весной,
И смолк далекий грохот боя,
Запели птицы надо мной.

Мне столько слов сказать хотелось!
Но слезы хлынули из глаз,
Впервые изменила смелость,
И робок был я в этот час.

И столько чувств во мне боролось!..
Я слышал в имени твоем
И детский смех, и женский голос,
И радостных салютов гром.

1945

КТО СКАЗАЛ?

Кто сказал, что разные наречья
Разделяют нас? Не верю, нет!
Мы сильны одной могучей речью,
Нам один в веках сияет свет.

За одну великую надежду
Будем мы бороться до конца,
И у нас под разною одеждой
Бьются одинаково сердца.

Если на пути леса и камни,
То — леса и камни корпусов,
Что возводят сильными руками
Миллионы доблестных сынов.

Даже и наречьями иными
Не разделены мы вдалеке.
Все мы разговариваем ныне
На одном, советском языке.

Где б я ни был — в Минске, Ашхабаде
Все равно во мне всегда жива
Лучшая отрада и награда —
Наша светозарная Москва.

Дружным братьям враг любой не страшен
Мы идем дорогою зари.
И как солнце над землею нашей
Вечно имя Ленина горит.

1948

* * *

Нет, мощь огня
я вижу не в золе,
а в ливне света.
Пускай бокал поэта
наполнится
пурпурными лучами.
Какую гамму цвета
скрывает пламя!
Так больше песен
утренней заре!
В рассветном серебре
умолкни, скорбный хор!
Да здравствует мажор!

1962

ГРЕБИ, ЛОДОЧНИК!

Греби, о лодочник, греби!
Сжимай клещами пальцев весла
и горькую волну руби.
Недаром к звездам,
недаром к звездам
избрал ты путь через пучину.
Мечту бесстрашную люби.
Назад дороги нет отныне.
Греби, о лодочник, греби!

Стихия моря непокорна,
и рифы грозные остры.
И не всегда цветут над штормом
цветы зари,
цветы зари.

Но ветры грудь твою вздымают,
вздымают в море пенные горбы.
Его вода, как жизнь, живая...
Греби, о лодочник, греби!

1963

ЭТО БЫЛО В САНЖЕЙКЕ

К. Г. Паустовскому

Ввечеру небосвод недоступно высок,
А понизу ветер мечет и рвет...
И вот
Из глубин смарагдовых вод,
За броском бросок,
Море швыряет на влажный песок
Частицы скал первозданных.
Омытые в пенных фонтанах,
Горсти камешков —
Гладких и ровных,
Волнами и временем отполированных,
Несказанно прекрасных,
Как небо и море...
Право,
Их не прельщает прогулочных яликов участь,
Короткая шумная слава,
Поверхностная плывучесть.
Они чертовски прочны —
Дети тысячелетий!
Какими вулканами рождены
Бессмертные камешки эти?
Ветер утих на рассвете...
И на песке предо мной,
Дыша предутренней тишиной,
Старый гранильщик волшебных слов
Перебирал свой ночной улов...
Я спросил себя:
Что долговечней —
Его драгоценное слово
Или камешки лона морского?..

1965

МАТВЕЙ ГРУБИАН

(1909—1972)

С еврейского

В ПРИБАЛТИЙСКОМ ГОРОДЕ

Перед самой войною,
Одержим и устал,
У ворот твоих стоя,
Я тебя целовал.

Я запомнил ночные
Поцелуи твои,
Фонари голубые —
Наважденье любви.

Я с войны возвращаюсь
В сорок пятом году
И, хоть очень стараюсь,—
Тех ворот не найду.

Рассказали мне, Лия,
Неохотно, с трудом,
Что тебя застрелили
Немцы в сорок втором.

Нахожу и теряю,—
Нет, опять не узнал,—
Где той ночью тебя я
У ворот целовал.

И кладу я впервые
В этот памятный год
Васильки полевые
Возле каждых ворот.

Вспоминаю в июле,—
Сердце, тише тоскуй! —
Предрассветную пулю
И ночной поцелуй.

МОРЕ

Однажды я на берегу устало
Листок стихотворенья уронил,
И море — все — еще синее стало
От синевы размывшихся чернил.

Я обратился к морю с нетерпеньем,
Остановившись в шумной тишине:
— Отдай назад мое стихотворенье,
Зачем оно великой глубине?!

И мне в ответ, как в старой сказке, вскоре
Заметно потемнела синева.
— Я музыку пишу,— сказало море,—
Мальчишка глупый, на твои слова.

АБУМУСЛИМ ДЖАФАРОВ

(Род. в 1909 г.)

С табасаранского

ПОДАРОК

Один художник, мой хороший друг,
Картину мне нарисовал в подарок:
Там горы, зеленея, стали в круг,
И на вершинах снег был чист и ярок.

И плыли караваном облака,
И водяная пыль над водопадом
Так серебрилась, так была легка,
Как будто возникала где-то рядом...

Но деревянный над оврагом мост
Весь прогибался — узкий, обветшалый.
Быки, впряженные в тяжелый воз,
Плелись по доскам поступью усталой.

И цепкие раскинулись кусты,
На светлой зелени полей темнея...
Мой друг спросил: — Ну, как, доволен ты?
Конечно, я свой труд хвалить не смею...

Я отвечал: — Другой художник мне
Картину подарил прекрасней этой.
— Да где ж она?! — воскликнул, покраснев,
Мой бедный друг, смущенный и задетый.

Я ласково подвел его к окну:
— Смотри! — Сияли снежные вершины,
В лазурную врезаясь вышину.
А ниже по дорогам шли машины.

Гремели гулко новые мосты,
Отлитые из прочного металла,
И в белоснежном блеске чистоты
Электростанция вдали сверкала.

Отары тучные овец паслись
В горах на бархатных и пышных склонах,
И песни птиц потоками лились
Из всех садов, душистых и зеленых...

Была, как жизнь, картина велика:
Итог своих бессонных размышлений
В нее вложил художник — на века...
Картину эту подарил мне — Ленин!

АРТУР МОРО

(Род. в 1909 г.)

С мордовского-эрзя

МОРДОВИЯ МОЯ

Мордовия моя — леса и пашни,
Цветов и птиц привольная страна.
Ужели стороны родимой краше
На свете есть другая сторона?

Мордовия моя — моря пшеницы,
Волшебных зерен золотой улов,
Суры бурливой синие зарницы,
Дорог широких беспокойный зов.

Мордовия моя — кварталы строек,
Станков фабричных четкий перестук.
Здесь все великое и все простое —
Плоды творения рабочих рук.

Гляжу вокруг — друзья вдали и рядом
Смеется солнце, воздух чист и свеж,
Мордовия моя — души отрада,
Счастливый мир свершений и надежд.

1965

АБДУЛАХ ОХТОВ
(1909—1971)

С черкесского

СЛОВО О БРАТСТВЕ

Помнят горы, помнят реки,
Как за синим лесом
Побратался русский воин
С воином-черкесом.

Побратались, обменялись
Боевым оружьем.
И с тех пор четыре века
Мы с Россией дружим.

Много с гор воды сбежало
За четыре века,
Много с неба звезд упало
За четыре века.

Реки горные мелели,
И цари менялись,
Только братьями народы
На века остались.

И сегодня помнят люди,
Как за синим лесом
Побратался русский воин
С воином-черкесом.

1957

ПАУЛЬ РУММО

(Род. в 1909 г.)

С эстонского

СТРАНИЦА ИЗ ДНЕВНИКА

Возле топящейся печки я пистолет разбираю,—
Выпал мне после сраженья отдых в морозном лесу.
Словно далекая Эльва, местность такая родная...
Скоро ль родных я увижу, Эльвы далекой красу?

В доме пахнуло смолою. Это с работы устало
В дом возвратилась хозяйка. Мальчик бросается к ней.
Вижу глаза ее грустные с отблеском пламени алым:
Муж ее где-то далеко, тоже, как я, на войне.

Жив он теперь иль, быть может, в битве погиб на рассвете?
Где он сейчас — в Сталинграде или же в Брянском краю?..
Так вот и мне неизвестно: где мои малые дети
Бродят одни по сугробам, где они сыщут приют?

Враг нам принес это горе, враг раскидал наши семьи.
Льются горячие слезы. Край мой истерзан войной.
Крови горячей потоки льются на мерзлую землю.
Жарким клокочущим гневом шар опоясан земной.

Возле топящейся печки, где еще угли пылают,
Я поднимаюсь и молча руку хозяйке даю.
Время на фронт отправляться. Там, передышки не зная,
Наши солдаты на Запад движутся в грозном бою!

1943

РУССКАЯ ЖЕНЩИНА

Маленький полустанок.
Мы на Мурманской дороге.
Женщина поезд встречает —
Русская, с видом строгим.

Фронт в стороне грохочет,
В небе прожектор бродит...
Стрелку под градом осколков
Женщина переводит.

Ладога за спиною...
Мы на колесах снова.
Вдали от полей эстонских,
Вдесятером, без крова.

Без крова?
Глазок окошка
Мигнул нам из вьюжной дали,—
Чудом стоит в поселке
Домик среди развалин.

А стрелочница у будки
Рукой приветливо машет:
«С приездом, сынки! Пусть будет
Мой маленький дом и вашим!»

Нас чистота встречает
В комнате небогатой.
На скатерти белой скоро
Запел самовар пузатый.

Радушно к столу хозяйка
Несет свой паек рабочий.
Нам с нежностью материнской
Готовит постели к ночи.

Слезу со щеки смахнула:
«Мой сын, защищая Таллин...
Спит он в земле эстонской...» —
Мы со скамей привстали.

И сразу она бодрится:
«Вот сыновей-то сколько!
Пальцев теперь не хватит,
Не перечесть, да и только!

Сил набирайтесь, спите.
Благодарить не надо!»
И женщина вышла снова
На пост, где свистят снаряды.

1951

НИКОЛАЙ РЫЛЕНКОВ
(1909—1969)

* * *

Нет, не весна, а ты сама
Моих друзей свела с ума.
Нет, не заря, а ты сама
Видна мне с каждого холма.

Твои поля, твои луга,
Твои скирды, твои стога,
Твои дубравы и леса,
Твоя любовь, твоя краса.

Недаром в непогодь и в зной
Мне щеки ветер жжет лесной.
Скажи, кому ты за Десной
Косынкой машешь расписной?

Заводишь песню...
Про кого?
Тропинку метишь...
Для кого?
Мне, кроме взгляда твоего,
Не нужно больше ничего.

Но разве выговорю я
Все, чем полна душа моя?
Уж лучше в рощу выйду я,
Петь научусь у соловья.

Тебя увидев за Десной,
Поклон отвешу поясной
И запою, как в ночь весной
Меня учил певец лесной.

Такую песню, чтоб она
Со всех дорог была слышна,
Чтоб под напев ее весна
Была и в непогодь ясна.

Чтоб, услыхав ее вдали,
Из края в край моей земли
Шумели грозы, ливни шли,
Хлеба высокие росли.

1936

* * *

Мне нравится искусство бочара,
Когда, в карман не лезущий за словом,
Он в зимние большие вечера
Скрепляет клепку обручем дубовым.

Врезает дно, храня суровый вид,
И говорит: «Сто лет смолить не надо!
Посудина, что колокол, гудит».
И сердце мастера удаче радо.

И снова, как вчера и завчера,
Не видя любопытных за плечами,
Он тешет клепку дни и вечера
И пригоняет обручи ночами.

Нужны мне глаз и мудрость бочара,
Чтоб речь скреплять, как бочку
обручами.

1939

* * *

Прошедшим фронт, нам день зачтется
за год
В пыли дорог сочтется каждый след,
И корпией на наши раны лягут
Воспоминанья юношеских лет.

Рвы блиндажей трава зальет на склонах,
Нахлынув, как зеленая волна.
В тех блиндажах из юношей влюбленных
Мужчинами нас сделала война.

И синего вина, вина печали,
Она нам полной мерой поднесла,
Когда мы в первых схватках постигали
Законы боевого ремесла.

Но и тогда друг другу в промежутках
Меж двух боев рассказывали мы
О снах любви, и радостных и жутких,
Прозрачных, словно первый день зимы.

Перед костром, сомкнувшись тесным
кругом,
Мы вновь клялись у роковой черты,
Что, возвратясь домой к своим подругам,
Мы будем в снах и в помыслах чисты.

А на снегу, как гроздья горьких ягод,
Краснела кровь. И снег не спорил с ней!
За это все нам день зачтется за год,
Пережитое выступит ясней.

1942

* * *

Ты никогда так не была близка мне,
Как в эти дни тревожные, когда
Столетних зданий распадались камни,
В колодцах кровью пенилась вода.

Детей теряли матери, а дети
Теряли детство. Кто его вернет?
Мы позабудем многое на свете,
Но позабыть не сможем этот год.

Все пережить нам легче было б вместе.
Мой друг,
моя сестра,
моя жена!
Но ветер нес безрадостные вести,
Луна была, как уголь, сожжена.

От гнева губы сохли, как от жажды,
Не мог я думать ни о чем другом —
Мне встретиться хотелось хоть
однажды —
Лицо в лицо,
глаза в глаза —
с врагом.

И я с тобой расстался, дорогая,
Меня послала родина в поход.
В такие дни, любовь превозмогая,
Дорогой чести мужество идет!

1942

* * *

Золотое облако зноя,
Запах трав — медовый, хмельной.
Небо русское расписное
Распахнулось передо мной.

И пылят пути фронтовые
В нескудеющем свете дня...
Солнце жизни моей, Россия,
Укрепи на подвиг меня!

1943

НАДПИСЬ НА КНИГЕ

От слов заученных и пресных,
От чувств, что плоти лишены,
Мой современник, мой ровесник,
Мы отвратились в дни войны.

Под визг свинца, под скрежет стали
Вдали от отчего крыльца
Нас обожгла она, и стали
Огнеупорными сердца.

В них переплавились, как в тигле,
Все наши чувства и мечты.
Мы, возмужав, навек постигли
Закон суровой простоты.

И, недоступные гордыне,
И неподкупные во всем,
Ни клятв, ни громких слов отныне
Мы всуе не произнесем.

Зато из нас уверен каждый,
Что светит нам одна звезда,
И на губах, спаленных жаждой,
Нет — значит нет, и да — есть да!

Мы узнаем друг друга в песнях,
Что кровью сердца скреплены...
От слов, заученных и пресных,
Мы отвратились в дни войны.

1945

БАЛЛАДА О ПОРТРЕТЕ

Не в мастерской художника, где краскам
Дано грустить и радоваться, нет,—
В глухом лесу, в становье партизанском
Тот необычный создан был портрет.

Когда над лесом проносились грозы
И гром гремел на языке чужом,
Среди поляны на коре березы
Его разведчик вырезал ножом.

И стало вдруг светло под небом хмурым,
И сразу все поверили — он здесь.
Глядит сквозь чащу точный глаз
с прищуром,
И мир пред ним — как на ладони весь...

К нему тянулись тропки по оврагу,
Где шепотком деревья говорят,
Ему спешили принести присягу
Все, кто отныне приходил в отряд.

Что были им фашистские угрозы,
Кто мог их след невидимый найти,
Когда в лесу из-под шатра березы
Сам Ленин им указывал пути!

И час расплаты видел мститель грозный,
Одним его присутствием согрет...
Не зря теперь меж мрамором и бронзой
Поставили в музее тот портрет.

1948

* * *

Куда ни посмотришь — родные,
Открытые сердцу края.
Я весь пред тобою, Россия,
Судьба моя, совесть моя.

Не ты ли меня окружила
Простором лугов и полей,
Не ты ли меня подружила
С задумчивой музой моей!

Не ты ль полновесного слова
Открыла мне все закрома...
Я знаю — за это сурово
С меня ты и спросишь сама!

Не раз к твоему придорожью
Приду я от песенных рек,
Чтоб даже нечаянной ложью
Тебя не унизить вовек.

Так спрашивай строже — отвечу
За все: за подруг и друзей,
За самую краткую встречу
С задумчивой музой моей.

За песни, которым впервые
Внимают родные края...
Я весь пред тобою, Россия,
Судьба моя, совесть моя!

1959

* * *

Я помню долг свой пред тобой, Россия
Я не забуду никогда о нем.
Всего, чего просил и не просил я,
Ты вдоволь мне дала в краю родном.

Не все как надо видевший сначала,
Теперь благодарю судьбу свою —
За то, что так упорно приучала
Ходить босым по жесткому жнивью.

Дала постичь, как колются колосья,
Оберегая золотой родник...
Ведь если что-то сделать удалось мне,
Так потому, что я к жнивью привык,

Что кожу впору выдубило лето
И пропитало духом чабреца.
А чем с тобой я расплачусь за это,
Как не строкой, правдивой до конца!

1961

* * *

Я, признаться, жить хотел бы долго,
Каждый день по-новому ценя,
Чтобы непогашенного долга
Не осталось в жизни у меня.

Чтобы ежедневно, ежечасно,
Вспоминая путь свой средь тревог,
Всех, кого обидел я напрасно,
Чем-нибудь порадовать бы смог.

Ну, а если это невозможно
И до срока я свалюсь без сил,
Пусть хоть знают те, кому я должен,
Что со всех дорог я к ним спешил.

Не владевший рогом изобилья,
Заходивший часто за предел,
Про свои долги не позабыл я,
Только заплатить не все успел.

1963

* * *

Не оставили деды портретов для нас,
Уходя за ограду погоста мирского,
Но родные черты узнаем мы сейчас
У философов сельских с полотен Крамского

И пускай фотографии наших отцов
Улыбаются робко и скупо с простенков,—
Русских витязей в них разглядел Васнецов,
А в подруги им дал свою Ладу Коненков.

О искусство! Останься влюбленным и впредь
Пусть не тронет тебя никакая остуда.
Разве может когда на земле устареть
Человечьего сердца великое чудо!

1963

* * *

Мужавший на сквозном ветру,
Я видел взлеты и паденья,
Страстей высокое боренье
И мелких помыслов игру.

Но верю я, и с тем умру,
Что, в вечной жажде обновленья,
Как к свету тянутся растенья,
Так люди тянутся к добру.

1963

ЛАДОНИ, ПАХНУЩИЕ ХЛЕБОМ

Кому какой дается жребий,
Какая песня под луной,
А я взрастал на черном хлебе,
То хлеб земли моей родной.

Его солил я крупной солью
И запивал воды глотком,
С ним по широкому раздолью
Ходил за плугом босиком.

Я молотил и веял жито,
За стол садился не спеша,
Я знал: в ржаной ковриге скрыта
Всей доброты земной душа.

Святая мудрость землепашца
В ней навсегда воплощена.
Ни возгордиться, ни зазнаться
Не даст в дороге мне она.

И нужно мне под русским небом,
Чтоб каждый день и каждый миг
Ладони, пахнущие хлебом,
Я чуял на плечах моих.

1965

ХАСЫР СЯН-БЕЛГИН

(Род. в 1909 г.)

С калмыцкого

* * *

Я — за стихи железные,
Чтоб в них,
Как будто связанных узлом калмыцким,
Легко и громко бы звенелось мыслям;
Железно не звенящий стих —
Не стих!

Я — за стихи железные,
Чтоб в них
Поэта настоящего прозренье
Явило людям бы свое служенье
И жгло б сердца людей
Глаголом их!

Я — за стихи железные,
Чтоб в них
Молотобоец оживал и резчик.
Есть стих — кузнец и есть — краснодеревщик.
А я? Я тёс беру
Для строк моих.
Я — за стихи железные,
Чтоб в них
Простой ли, сложный почерк был, но — веский!

А я? Мой почерк прост — простой стамеской
Я выводить узор стиха
Привык.
Я — за стихи железные,
Чтоб в них
Глубин, высот бы раскрывались бездны...
Правдивые стихи — всегда железны,
Я льщусь надеждой
На железный стих!

АБДИЛЬДА ТАЖИБАЕВ

(Род. в 1909 г.)

С казахского

РОССИИ

О русский боевой народ,
Услышь напев моей струны!
От всей души тебе поет
Поэт далекой стороны.

Хоть я казах, но твой я сын.
Не ты ли вырастил меня?
Мильоны нас, не я один,
России кровная родня.

Мы не устанем возносить
Твой гордый дух и вольный нрав.
Недаром смог ты победить
Орду коричневых держав!

Четвертый коготь у орла
Сильней, чем когти прочих птиц.
Его Россия обрела!
Ее никто не свергнет ниц.

С тобой родной мой Казахстан,
Как белый кречет, поднялся!
Тебе, славнейшая из стран,
И думы все, и воля вся.

И как не думать о тебе?
Не будь тебя — мы вновь рабы.
Клянусь! Пути в твоей судьбе
Отныне путь моей судьбы.

Услышь меня! Хоть я казах
И к русской речи не привык,
Но братья мы и в языках:
Язык наш — Ленина язык.

1939

КАК БУДТО БЕРЕЗКИ...

*

Как будто березки, на склоне, вдали,
сплетаясь ветвями, мы вместе росли.
Всегда мы, как помню, влюбленными были,
но нашу любовь от чужих берегли.

Тебя я не сравнивал с пышным цветком,
себя не считал я твоим соловьем.
Без выспренних слов понимая друг друга,
как два близнеца, мы сидели вдвоем.

Шли новые годы за старыми вслед,
но мы не считали, по скольку нам лет.
Я — старше тебя, ты немного моложе,
нам дела до смерти и старости нет!

В одной комнатенке, средь стенок пустых
мы жили, как будто в хоромах больших.
Но что же с того, что мы так небогаты,
одно одеяло у нас на двоих!

В те дни мы легко одевались с тобой,
тулупов и шуб не таскали зимой
и нашу печурку не часто топили —
мы комнату грели своей теплотой...

*

Но вдруг закричал — я его не пойму! —
наш первенец шумный у нас на дому.
Наверно, он требует места под солнцем?
И место под солнцем мы дали ему.

Его ты кормила в назначенный час,
с него не спуская внимательных глаз.
Качали мы люльку его, чередуясь,
как, видно, когда-то качали и нас.

Под мирной и тихою кровлей своей
немало мы прожили радостных дней,
и мы не однажды еще пировали,
встречая бокалами новых детей.

За прежними днями другие идут,
цветы отцветают и снова цветут.
Я — старше тебя, ты — немного моложе,
вокруг нас детишки заметно растут.

*

Просторен мой дом, и обширен мой свет,
на жизнь мне никак обижаться не след.
Но все-таки грустно, что я тяжелею
и легкости прежней давно уже нет.

Я стал отчего-то медлительней жить,
и спать беспокойней, и меньше бродить.
Парят в поднебесье высокие мысли,
а тело — увы! — не желает парить.

Бывает, захочешь для шумных гостей
толковую речь закатить покруглей —
не то что чужие, а дети торопят
твои излиянья закончить быстрей.

За ними нет сил у меня поспешать.
Мне шума не надо, люблю помолчать.
Со мною жена моя верная вместе
да верная лира — чего мне желать?

...Тебя я не сравнивал с пышным цветком
себя не считал я твоим соловьем.
Без выспренних слов понимая друг друга,
в неспешном раздумье сидим мы вдвоем.

1955

* * *

Дорогой жизни долго я шагал,
и вот уже почтенным мужем стал.
Вдали, вдали, меж гор и средь степей,
остались годы юности моей.

Есть у казахов старый разговор,
что, дескать, время действует, как вор,
и каждый месяц или каждый год
то то, то это у тебя крадет.

Ход времени, желая честным быть,
я не могу и не хочу хулить.
Я этих слов не стану повторять —
несправедливо время упрекать.

Ты, моего не погасив огня,
взяло стихи и песни у меня,
но их отнюдь не бросило во мгле,
а подарило людям и земле.

Пусть у меня пробилась седина —
зато листва деревьев зелена.
И есть цветенье юности моей
в цветении предгорий и степей.

Теченье лет, что прожил человек,
повторено теченьем новых рек,
волненье мысли яростной моей
есть в волнах нами созданных морей.

Земля моя! Железо и цветы!
Я постарел, помолодела ты.
Но молодость ушедшую свою,
Республика, в тебе я узнаю...

1957

СЫРДАРЬЯ

С почтительностью сына
За все благодарю,
Как мать свою родную,
Родную Сырдарью.

Самим великим Гейне
Любимый Рейн воспет,
А я, река казахов,
Твой собственный поэт.

Немало у Тараса
Днепровских есть стихов.
Бродил когда-то Пушкин
У невских берегов.

А я свое уменье
И помыслы свои
Дарю текучим водам
Прекрасной Сырдарьи.

Ты — мать всего народа,
Моя родная мать.
Так как же мне сегодня
Тебя не воспевать?

От старости бессильной
Еще ты далека,
В твоей груди струится
Избыток молока.

К тебе вернулся снова
Твой сын немолодой,
И вот опять, как в детстве,
Ты лоб целуешь мой.

Опять, как в зыбке детства
Меж делом, невзначай,
Меня на волнах зыбких
Тихонько покачай!

Ты знаешь ли работу
Могучего Днепра?
Тебе его примеру
Последовать пора.

Ты степи — по-днепровски
Огнями озари,
Пускай над нами блещут
Созвездья Сырдарьи!

И я победной песней
Прославлю подвиг твой,
Как некий новый Гейне,
Рожденный Сырдарьей.

1959

МИШИ БАХШИЕВ

(Род. в 1910 г.)

С татского

ТАТСКОЙ ЖЕНЩИНЕ

О мать, чья жизнь всегда была темна,
От мира светлого отстранена,
Свои глаза хотя б на миг открой,
Узнай, что сын тебе расскажет твой.

Тебя за годом год, за веком век
Обманывал раввин и мучил бек.
В цепях, в оковах дни твои текли,
А жизнь, а свет сверкали там — вдали.

Твой муж бродил вокруг тебя, как волк,
Он бил тебя, твой слабый стон не молк.
Как сталь, должно быть, ты была крепка,
Коль молотом была его рука.

Но, брошенную волей мужа в ад,
Тебя в плену еще держал адат,
В субботу даже щепочки гнилой
Не смела ты переломить ногой.

Ты свечи жгла, дурманя бедный мозг,
Молилась ты на стеарин и воск.
Не верь словам раввинов, бекских слуг,
Взгляни — ведь электричество вокруг!

Пойми, что цепь ты можешь разомкнуть,
Октябрь нам радостью наполнил грудь,
И жизни радостной открыт простор
Для женщины, родившейся средь гор.

Мать, подыми ресницы скорбных глаз,
Социализм — он как весна для нас.
Вот дочь твоя с улыбкой на губах,
С тетрадкою и книжкою в руках.

А вот и ты сама идешь вперед.
Тебе родным советский стал завод,
И счастьем полон я, безмерно рад,
Что ты идешь с ударниками в ряд.

1934

ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ
(1910—1975)

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Нет, я не знаю, как придется
тебя на битву провожать,
как вдруг дыханье оборвется,
как за конем твоим бежать...
И где придется нам проститься,
где мы расстанемся с тобой:
на перепутье в поле чистом
иль у заставы городской?
Сигнал ли огненный взовьется,
иль просто скажет командир:
— Пора, пускай жена вернется,
Пора, простись и уходи...—
Но в ту минуту сердце станет
простым и чистым, как стекло.
И в очи Родина заглянет
спокойно, строго и светло.
И в ней, готовой к муке боя,
как никогда, почуем вновь
нас окрылявшую обоих
единую свою любовь.
И снова станет сердце чистым,
разлука страшная легка...
И разгласит труба горниста
победу твоего полка.

1936

* * *

Не утаю от Тебя печали,
так же как радости не утаю.
Сердце свое раскрываю вначале,
как достоверную повесть Твою.

Не в монументах и не в обелисках,
не в застекленно-бетонных дворцах —
Ты возникаешь невидимо, близко
в древних и жадных наших сердцах.

Ты возникаешь естественней вздоха,
крови моей клокотанье и тишь,
и я Тобой становлюсь, Эпоха,
и Ты через сердце мое говоришь.

И я не таю от Тебя печали
и самого тайного не таю:
сердце свое раскрываю вначале,
как исповедую повесть Твою...

1937

РОДИНЕ

1

Все, что пошлешь: нежданную беду,
свирепый искус, пламенное счастье,—
все вынесу и через все пройду.
Но не лишай доверья и участья.

Как будто вновь забьют тогда окно
щитом железным, сумрачным
и ржавым...
Вдруг в этом отчуждении неправом
наступит смерть — вдруг станет
все равно.

Октябрь 1939 г.

2

Не искушай доверья моего.
Я сквозь темницу пронесла его.

Сквозь жалкое предательство друзей.
Сквозь смерть моих возлюбленных детей.

Ни помыслом, ни делом не солгу.
Не искушай — я больше не могу...

1939

3

Изранила и душу опалила,
лишила сна, почти свела с ума...
Не отнимай хоть песенную силу,—
не отнимай,— раскаешься сама!

Не отнимай, чтоб горестный и славный
твой путь воспеть.
Чтоб хоть в немой строке
мне говорить с тобой, как равной
с равной,—
на вольном и жестоком языке!

Осень 1939 г.

БОРИСУ КОРНИЛОВУ

...И все не так, и ты теперь иная,
поешь другое, плачешь о другом...

Б. Корнилов

1

О да, я иная, совсем уж иная!
Как быстро кончается жизнь...
Я так постарела, что ты не узнаешь.
А может, узнаешь? Скажи!

Не стану прощенья просить я, ни клятвы —
напрасной — не стану давать.
Но если — я верю — вернешься обратно,

но если сумеешь узнать,—
давай о взаимных обидах забудем,
побродим, как раньше, вдвоем,—
и плакать, и плакать, и плакать мы будем,
мы знаем с тобою — о чем.

1939

2

Перебирая в памяти былое,
я вспомню песни первые свои:
«Звезда горит над розовой Невою,
заставские бормочут соловьи...»

...Но годы шли все горестней и слаще,
земля необозримая кругом.
Теперь,— ты прав,
мой первый и пропащий,
пою другое,
плачу о другом...

А юные девчонки и мальчишки,
они — о том же: сумерки, Нева...
И та же нега в этих песнях дышит,
и молодость по-прежнему права.

1940

* * *

...Я говорю с тобой под свист снарядов,
угрюмым заревом озарена.
Я говорю с тобой из Ленинграда,
страна моя, печальная страна...

Кронштадтский злой, неукротимый ветер
в мое лицо закинутое бьет.
В бомбоубежищах уснули дети,
ночная стража встала у ворот.

Над Ленинградом — смертная угроза...
Бессонны ночи, тяжек день любой.
Но мы забыли, что такое слезы,
что называлось страхом и мольбой.

Я говорю: нас, граждан Ленинграда,
не поколеблет грохот канонад,
и если завтра будут баррикады,—
мы не покинем наших баррикад.

И женщины с бойцами встанут рядом,
и дети нам патроны поднесут,
и надо всеми нами зацветут
старинные знамена Петрограда.

Руками сжав обугленное сердце,
такое обещание даю
я, горожанка, мать красноармейца,
погибшего под Стрельною в бою.

Мы будем драться с беззаветной силой,
мы одолеем бешеных зверей,
мы победим, клянусь тебе, Россия,
от имени российских матерей.

Август 1941 г.

29 ЯНВАРЯ 1942

Памяти друга и мужа
Николая Степановича Молчанова

Отчаяния мало. Скорби мало.
О, поскорей отбыть проклятый срок!
А ты своей любовью небывалой
меня на жизнь и мужество обрек.

Зачем, зачем?
Мне даже не баюкать,
не пеленать ребенка твоего.
Мне на земле всего желанней мука
и немота понятнее всего.

Ничьих забот, ничьей любви не надо.
Теперь одно всего нужнее мне:
над братскою могилой Ленинграда
в молчании стоять, оцепенев.

И разве для меня победы будут?
В чем утешение себе найду?!
Пускай меня оставят и забудут.
Я буду жить одна — везде и всюду
в твоем последнем пасмурном бреду...

Но ты хотел, чтоб я живых любила.
Но ты хотел, чтоб я жила. Жила
всей человеческой и женской силой.
Чтоб всю ее истратила дотла.
На песни. На пустячные желанья.
На страсть и ревность,— пусть придет другой
На радость. На тягчайшие страданья
с единственною русскою землей.

Ну что ж, пусть будет так...

Январь 1942 г.

СТИХИ О СЕБЕ

...И вот в послевоенной тишине
к себе прислушалась наедине.
. . . . . .
Какое сердце стало у меня,
сама не знаю — лучше или хуже:
не отогреть у мирного огня,
не остудить на самой лютой стуже.

И в черный час, зажженные войною
затем, чтобы не гаснуть, не стихать,
неженские созвездья надо мною,
неженский ямб в черствеющих стихах...

...И даже тем, кто все хотел бы сгладить
в зеркальной, робкой памяти людей,
не дам забыть, как падал ленинградец
на желтый снег пустынных площадей.

И как стволы, поднявшиеся рядом,
сплетают корни в душной глубине
и слили кроны в чистой вышине,
даря прохожим мощную прохладу,—

так скорбь и счастие живут во мне —
единым корнем — в муке Ленинграда,
единой кроною — в грядущем дне.

И все неукротимей год от года
к неистовству зенита своего
растет свобода сердца моего —
единственная на земле свобода.

1945

СТИХИ О ЛЮБВИ

*

Взял неласковую, угрюмую,
с бредом каторжным, с темной думою,
с незажившей тоскою вдовьей,
с непрошедшей старой любовью,
не на радость взял за себя,
не по воле взял, а любя.

*

Я тайно и горько ревную,
угрюмую думу тая:
тебе бы, наверно, другую —
светлей и отрадней, чем я.

За мною такие утраты
и столько любимых могил.
Пред ними я так виновата,
что, если б ты знал,— не простил.
Я стала так редко смеяться,
так злобно порою шутить,
что люди со мною боятся
о счастье своем говорить.
Недаром во время беседы,
смолкая, глаза отвожу,
как будто по тайному следу
далеко одна ухожу.
Туда, где ни мрака, ни света —
сырая рассветная дрожь...
И ты окликаешь: — Ну, где ты? —
О, знал бы, откуда зовешь!

Еще ты не знаешь, что будут
такие минуты, когда
тебе не откликнусь оттуда,
назад не вернусь никогда.

Я тайно и горько ревную,
но ты погоди — не покинь.
Тебе бы меня, но иную,
не знавшую этих пустынь:
до этого смертного лета,
когда повстречалися мы,
до горестной славы, до этой
полсердца отнявшей зимы.

Подумать — и точно осколок,
горя, шевельнется в груди...
...Я стану простой и веселой,—
тверди ж мне, что любишь, тверди!

1942—1947

* * *

А я вам говорю, что нет
напрасно прожитых мной лет,
ненужно пройденных путей,
впустую слышанных вестей.
Нет невоспринятых миров,
нет мнимо розданных даров,
любви напрасной тоже нет,
любви обманутой, больной,
ее нетленно-чистый свет
всегда во мне,
всегда со мной.
И никогда не поздно снова
начать всю жизнь,
начать весь путь,
и так, чтоб в прошлом бы — ни слова
ни стона бы не зачеркнуть.

1952—1962

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ
(1910—1937)

ТРОЙКА

Вновь на снегах, от бурь покатых,
В колючих бусах из репья,
Ты на ногах своих лохматых
Переступаешь вдаль, храпя,
И кажешь морды в пенных розах,—
Кто смог, сбираясь в дальний путь,
К саням — на тесаных березах
Такую силу притянуть?
Но даже стрекот сбруй сорочий
Закован в обруч ледяной.
Ты медлишь, вдаль вперяя очи,
Дыша соломой и слюной.
И коренник, как баня, дышит,
Щекою к поводам припав,
Он ухом водит, будто слышит,
Как рядом в горне бьют хозяв;
Стальными блещет каблуками
И белозубый скалит рот,
И харя с красными белками,
Цыганская, от злобы ржет.
В его глазах костры косые,
В нем зверья стать и зверья прыть,
К такому можно пол-России
Тачанкой гиблой прицепить!
И пристяжные! Отступая,
Одна стоит на месте вскачь,
Другая, рыжая и злая,
Вся в красный согнута калач.
Одна — из меченых и ражих,
Другая — краденая, знать,—
Татарская княжна да б....,—
Кто выдумал хмельных лошажьих
Разгульных девок запрягать?
Ресниц декабрьское сиянье
И бабий запах пьяных кож,
Ведро серебряного ржанья —
Подставишь к мордам — наберешь.

Но вот сундук в обивке медной
На сани ставят. Веселей!
И чьи-то руки в миг последний
С цепей спускают кобелей.
И коренник, вовсю кобенясь,
Под тенью длинного бича,
Выходит в поле, подбоченясь,
Приплясывая и хохоча.
Рванулись. И — деревня сбита,
Пристяжка мечет, а вожак,
Вонзая в быстроту копыта,
Полмира тащит на вожжах!

1934

ДРУГУ-ПОЭТУ

Здравствуй в расставанье, брат Василий!
Август в нашу честь золотобров,
В нашу честь травы здесь накосили,
В нашу честь просторно настелили
Золотых с разводами ковров.

Наши песни нынче подобрели —
Им и кров и прúбасень готов.
Что же ты, Василий, в самом деле,
Замолчал в расцвет своих годов?

Мало сотоварищей мне, мало,
На ладах, вишь, не хватает струн.
Али тебе воздуху не стало,
Золотой башкирский говорун?

Али тебя ранняя перина
Исколола стрелами пера?
Как здоровье дочери и сына,
Как живет жена Екатерина,
Князя песни русския сестра?

Знаю, что живешь ты небогато,
Мой башкирец русский, но могли
Пировать мы все-таки когда-то —
Высоко над грохотом Арбата,
В зелени московской и пыли!

По наследству перешло богатство
Древних песен, сон и бубенцы,
Звон частушек, что в сенях толпятся...
Будем же, Василий, похваляться,
Захмелев, наследством тем, певцы.

Ну-ка спой, Василий, друг сердечный,
Разожги мне на́ сердце костры.
Мы народ не робкий и не здешний,
По степям далеким безутешный,
Мы, башкиры, скулами остры.

Как волна, бывалая прибаска
Жемчугами выстелит пути —
Справа ходит быль, а слева — сказка,
Сами знаем, где теперь идти.

Нам пути веселые найдутся,
Не резон нам отвращаться их,
Здесь, в краю берез и революций,
В облаках, в знаменах боевых!

1934

СТИХИ В ЧЕСТЬ НАТАЛЬИ

В наши окна, щурясь, смотрит лето,
Только жалко — занавесок нету,
Ветреных, веселых, кружевных,
Как бы они весело летали
В окнах приоткрытых у Натальи,
В окнах незатворенных твоих!

И еще прошеньем прибалую —
Сшей ты, ради бога, продувную
Кофту с рукавом по локоток,
Чтобы твое яростное тело
С ядрами грудей позолотело,
Чтобы наглядеться я не мог.

Я люблю телесный твой избыток,
От бровей широких и сердитых
До ступни, до ноготков люблю,
За ночь обескрылевшие плечи,
Взор, и рассудительные речи,
И походку важную твою.

А улыбка,— ведь какая малость! —
Но хочу, чтоб вечно улыбалась —
До чего тогда ты хороша!
До чего доступна, недотрога,
Губ углы приподняты немного:
Вот где помещается душа.

Прогуляться ль выйдешь, дорогая,
Всё в тебе ценя и прославляя,
Смотрит долго умный наш народ,
Называет «прелестью» и «павой»
И шумит вослед за величавой:
«По стране красавица идет».

Так идет, что ветви зеленеют,
Так идет, что соловьи чумеют,
Так идет, что облака стоят.
Так идет, пшеничная от света,
Больше всех любовью разогрета,
В солнце вся от макушки до пят.

Так идет, земли едва касаясь,
И дают дорогу, расступаясь,
Шлюхи из фокстротных табунов,
У которых кудлы пахнут псиной,
Бедра крыты кожею гусиной,
На ногах мозоли от обнов.

Лето пьет в глазах ее из брашен,
Нам пока Вертинский ваш не страшен —
Чертова рогулька, волчья сыть.
Мы еще Некрасова знавали,
Мы еще «Калинушку» певали,
Мы еще не начинали жить.

И в июне в первые недели
По стране веселое веселье,
И стране нет дела до трухи.
Слышишь, звон прекрасный возникает?
Это петь невеста начинает,
Пробуют гитары женихи.

А гитары под вечер речисты,
Чем не парни наши трактористы?
Мыты, бриты, кепки набекрень.
Слава, слава счастью, жизни слава.

Ты кольцо из рук моих, забава,
Вместо обручального одень.

Восславляю светлую Наталью,
Славлю жизнь с улыбкой и печалью,
Убегаю от сомнений прочь,
Славлю все цветы на одеяле,
Долгий стон, короткий сон Натальи,
Восславляю свадебную ночь.

Май 1934 г.

* * *

Родительница степь, прими мою,
Окрашенную сердца жаркой кровью,
Степную песнь! Склонившись к изголовью
Всех трав твоих, одну тебя пою!
К певучему я обращаюсь звуку,
Его не потускнеет серебро,
Так вкладывай, о степь, в сыновью руку
Кривое ястребиное перо.

6 апреля 1935 г.

САВВА ГОЛОВАНИВСКИЙ

(Род. в 1910 г.)

С украинского

* * *

Без малого четырнадцати лет
Отправился он с узелочком в город.
Кивал ему за речкой тополь вслед,
Пока не скрыл села крутой пригорок...

Про батька, павшего под Сивашом,
Все рассказал он на бюро горкома,
Про братьев, что в колхоз вошли втроем,
При старой матери оставшись дома.

Его к столу позвали, хлопчик встал,
Взволнованный, как будто невеселый,
И секретарь горкома подписал
Билет заветный члена комсомола.

И поздравляли все его вокруг,
А он не мог произнести ни слова,
Держа любовно книжку в пальцах рук —
Путевку в мир, заманчивый и новый.

И лишь в глазах, рассеянных чуть-чуть,
Так ярко что-то ясное горело,
Как будто перед ним лежал весь путь,
Которым он пойдет по жизни смело.

1930

ВСТРЕЧА СОЛНЦА НА ЧЕРНЕЧЬЕЙ ГОРЕ

Памяти Матэ Залки

Онемев от восторга, вдвоем поднялись мы на кручу.
Пароходом тяжелым отчалила ночь, отплыла.
Над туманной вершиной, над горным гнездовьем орла
Неожиданно утро для нас распахнулось сквозь тучу.

Там, внизу, где долина днепровской прохладой полна,
Златоглавая липа на ранней заре, как вдовица,
Потянулась спросонья, открыла глаза.
— Мне не спится! —
Прошептала подругам росистой листвою она.

Этот шепот зеленый сюда прилетел издалека,
К тополям, что бежали с вершины крутой до Днепра,
И листвою лесной и травою прогалин глубоко,
Полной грудью своею вздохнула Чернечья гора.

И промолвил я другу:
— Смотри, как восток золотится,
Как горит горизонт, ярким пламенем радуя взгляд.
Тьма исчезла совсем.
Словно сказочная жар-птица,
Солнце плавно взлетает...

Всего лишь минуту назад
Эти яворы, эти дубы, эти полные свежестью липы,
Эти светлые яблони, в белом цветенье сады
Пронесли свои шелесты, шорохи, вздохи и скрипы,
Шепот, таявший в воздухе, замерший в струях воды.

Этот шелест, и шум, и порыв, наклоняющий ветви,—
Я его узнаю, наполняет он с детства меня.
Словно тополь зеленый, учился над миром шуметь я,
Песней славить людей,
возвещать наступление дня.

Нет чудесней страны, нет прекраснее нашего неба!
Здесь мой дом, тополя — это братья родные мои...
Нет прохладней воды, нет вкуснее печеного хлеба,
И нигде на земле не поют, как у нас, соловьи.

Мы стояли вдвоем на высокой чернеющей круче
И глядели, как солнце на горные встало горбы,
Как, расправивши ветви, блеснув красотою могучей,
Ослепленные светом, зажмурились сладко дубы.

И мой друг отвечал мне:
— Всем сердцем сейчас я с тобою
Я люблю твою родину, горы твои и луга.
За твои тополя и за небо твое голубое
Кровь свою проливал я, в атаку ходил на врага.

Много песен пропел я в походах по скатам широким
О стране твоей милой,—
я славил ее, как мечту.
Поднимался я к ней, словно к солнцу, по склонам высоким,
Постигая бессмертье ее
и ее красоту.

Только есть небеса голубее и этого неба,
Белоснежней и легче несутся по ним облака.
И, как будто решая, в какой отразиться воде бы,
Тихо шепчутся звезды, горят и мерцают слегка.

Там я рос, там я вырос, над синим и тихим Дунаем,
И, влюбленный, рассветы встречал над рекой голубой...
О, когда мы единство небес этих разных познаем,
Мир наградой нам станет
и счастье нам будет судьбой.

...Я слова эти слышал, они прозвучали так ясно,
Но потом он замолк. Он, казалось, на миг онемел.
И, в восторге застыв, тишины он нарушить не смел,
И казалось, душа его с далью сливалась согласно.

Он смотрел на восток, на деревья, на птиц, что парят
На леса, и сады, и долины в зеленом цветенье.
И тогда я поверил, что в жизни бывают мгновенья,
Когда души людские
друг с другом без слов говорят.

1940

ВЕСНА

Что там бубнит так глухо? С полчаса
все стук да стук я слышу спозаранку...
Быть может, дятел? Вот так чудеса!
Что он долбит, присевши на землянку?

Я вышел. В свете утренних лучей
снег на поляне, на кустах сверкает.
Гляжу, а капли капают с ветвей —
то снег на соснах, разрыхляясь, тает.

Ну, значит, вот вам, братцы, и весна,
вот мы и дождались ее прихода!
Прогреет степь унылую она,
дождем омоет лес, поднимет всходы.

Датированный вешним этим днем,
приказ военный прозвучит по роте,
и, как один, весну мы понесем
на алых флагах, вверенных пехоте.

И всюду,
где поднимем мы свой стяг,
весна в сердца застывшие заглянет,
надеждою взойдет на всех путях
и никогда уж больше не увянет.

1943

НИКОЛАЙ ГРИБАЧЕВ

(Род. в 1910 г.)

РАЗГОВОР С ПЕВЦОМ

(На темы карельских сказаний)

— Скажи, певец, что твой печалит лик?
Чем ты ничтожен в людях и велик?
Какие думы, песни, голоса
Тебе вручили пашни и леса?

— Мой лик печален оттого, что он
Всегда к тревогам мира обращен;
Тем я велик, что, мал и грешен сам,
Печаль и смех несу людским сердцам.

— Скажи, певец, где взял ты свой талант
Познанье жизни, слов заветный лад,
И в мире доброту, и на войне
Бесстрашие с героем наравне?

— Талант дала любовь, слова — народ,
Познанье жизни — в жизни ум берет,
А доброта и нрав бесстрашный мой —
От матери и от земли родной!

1933—1969

НА РАССВЕТЕ

(Донская зарисовка почти с натуры — 1942 г.)

1

Неяркий, розовый с зеленым,
Рассвет
пробился
над затоном,
Над смутной степью перед нами,
Над кручей с меловой спиной,
Над ножевыми полыньями
С водой осколочно-стальной,

Над лесом, стылым, как железо,
Ржавевшее десятки лет.
Чей —
нам покамест неизвестно —
Последний поднялся рассвет.

Еще молчит тот край передний
За дымкой снежных завихрений,
Еще безвестно итальянцам
Меж сновидений и зевот,
Что громыханием и лязгом
Рассвет обрушится вот-вот,
И пламя возле глаз запляшет,
И в легкие набьется дым,
И под Неаполем заплачет
Вдова. Еще безвестно им.
Пока сигнал не разбудил
Среди сугробов смерть столицую,
Сосульки, сдернув рукавицу,
Крошит в усах наш командир
И смотрит напряженным взглядом
В неспешно тающую мглу.
Его гвардейцы дремлют рядом,
Кто как свернувшись на снегу.
От чертовой метельной свадьбы,
От тяжкой с ночи колготы
Они как бы полумертвы.
Поесть бы. И еще — поспать бы.
Час. Полчаса. Ну, просто малость,
Чтобы душа зазря не маялась.
Но плох он, тот в сугробе сон.
А кухня в полынье осталась,
Когда переходили Дон.

В лесном сарае у костра
Тревогой мается сестра.
Грустны глаза в ресничном шелке,
Из-под ушанки прядь волос,
Как будто летнего на щеки
Немного солнца пролилось.
Стройна, в шинель одета мятую,
Чуть-чуть в комбата влюблена,
Привыкла к голоду и мату
И, как цветок, чиста она.

2

Врут, будто в этот ранний час
Тоска о прошлом мучит нас,
Свист соловья, винца услада,
Неясных вспоминаний нить.
Страшнее дума у солдата —
Убить... убить... убить... убить!
Убить, пока тот встречный выстрел
Тебя не смял. Убить, пока
Тебя в загробный мир не выселил
Удар немецкого штыка.
Убить. И нет другой задачи,
Когда в такой идешь содом.
Убить, чтоб жить. А что там дальше
О том — потом... потом... потом!

Еще о некой в помощь силе
В такой припоминаешь час:
О ней, о всей, как есть, России,
Чья вся теперь надежда в нас.
Все за обвалами метели
Услышит и поймет она —
Как нам окопы надоели,
Дожди, снега, поход, война,
Высоты, версты, переправы,
Нелегкий быт передовой...
Что ж, мы твоей достойны славы —
Благослови нас в новый бой!

3

Всё.
Мы на круче.
На исходной.
Нож к пряжке. Пистолет на взвод.
За воротник аптечной содой
Снежок. Свербит. Щекочет. Жжет.
И мысли в суете, как мыши,
Когда в засаде рядом кот,
И все соображенья высшие,
Все фразы общие не в счет.
И в месяцы длиной секунда,
Минута с веком наравне.

Но вот
щепоткой
света скудного —
Ракета... Гром... И степь в огне.
Обвал в окопе. Дым из дота.
Как летние перепела,
Бьют автоматы... Ну, пора,
Твоя пора пришла, пехота!
Вперед, навстречу темной силе,
Лицом к лицу, чтоб штык в крови.

Поплачь над павшими, Россия,
И в путь живых благослови!

1942—1969

НА ДОМБАЕ

Куда ушла ты, я не знаю,—
Пятнадцать весен смыли след.
Один на горный склон в Домбае
Я выхожу встречать рассвет.

Меж Софруджу и Алибеком
Такая тишь, что режет слух;
Ледник белеет свежим снегом,
Росой дымит альпийский луг.

Как бы сдвигая расстоянья
И встречу с будущим суля,
Все нарастает дня сиянье,
Все шире видится земля.

И чудится в минуту эту,
Что я все тот, что рядом ты,
Лицо обращено к рассвету,
В руках намокшие цветы.

И жду мучительно я снова,
Как и тогда, давным-давно,
Что ты одно мне скажешь слово,
Одно... За все, чем жил,— одно!

Но тихо все кругом. Лишь где-то,
Не замолкавший с той поры,
Поток на зов тепла и света
В долину рушится с горы,

И ветер, вылетев не сразу
На склон, от дымки голубой,
Рассказывает вновь Кавказу
О той весне, о нас с тобой.

И пусть ты не меня любила,
Спасибо жизни за мечты,
За то, что это утро было,
За то, что повстречалась ты.

1950

ЛЕТО — ТРЕВОГА И РАДОСТЬ МОЯ

1

Июнь. Он сочен. Жарок. Зелен.
Лишаясь отдыха и сна,
Он подбирает сотни зелий
Для ягоды и для зерна.

Земные отворив истоки,
Где кости пахарей и прях,
Пускает в перегонку соки,
Преобразует тлен и прах.

Звенит пчелой. Капелью плачет.
Все утро без машин и прачек,
Из молний выписав кроссворд,
Стирает пыльный небосвод.

Он химик сам себе. И физик.
И полководец кос да вил.
Стрижей гоняет в синих высях,
Пушком пылит на сонный мир.

И я в нем новым чувством полнюсь
И набираюсь новых сил.
И вдруг вздохну. И вдруг опомнюсь
Что я посеял? Что взрастил?

2

Июль — как вход в гудящий улей.
В нем звон, и скрип, и запах сот.
Он не в задумке, не в посуле,
А все, что есть, в поле́ несет.

И все вокруг, что день, тяжеле,
Все зрелостью озарено:
На ветке плод раздался в теле,
Твердеет в колосе зерно.

Все ниже ветер клонит травы,
Как сытый сон солдат полка,
Все крепче кожа и суставы
У первогодка-тополька.

И ночи вязче. Тише. Глуше.
И дольше небо жжет звезду.
И первые к рассвету груши
Негромко стукают в саду.

И вот уже, пофыркав бойко,
Комбайн ко ржи подносит нож.
Окончен рост. Пришла уборка.
Считай труды свои. Итожь!

И вот я с тихой грустью вижу,
Что меньше вырастил, чем мог.
А сумрак падает на крышу.
А соловей в садах замолк.

3

Ну, здравствуй, август. И прохлада
И в утро вспышки белых рос.
Листва березок непарадная
В последней службе на износ.

И очищенье вод. И воздух,
Что свежим яблоком пропах.
И на последних зерновозах
Мельканье клетчатых рубах.

Ах, август, август! Ходит в людях
Такой бесхитростный рассказ,
Что в августе спокойней любят,
Но и надежней во сто раз.

А это, знаешь, сколько стоит,—
Когда спадает пестрота,
Когда не страсть слепая стонет,
А впрямь с душой душа слита?

Ну, так добра тебе. Удачи.
В делах, в любви не напоказ,
Чтоб ты все трепетней, чем дальше,
Светился в памяти у нас!

1966

СЛОВА

В них легкость ветерка и крепость стали.
Влюбленный вздох. Призыв. Приказ. Набат
Из них эпохам памятники ставили,
Их в рев сражений гнали, как солдат.

Они всех взлетов разума основа,
Сердец и душ связующая нить.
Будь осторожен, выбирая слово,—
Им осчастливить можно и убить!

1968

ЕСЛИ РАЗУМ ПОДВЕДЕТ

Наш мир тревожен. И сомненья в нас
Мятутся иногда: куда все мчится —
Жизнь, время, звезды? Что и где случится
Через минуту или через час?

Мы ползали в свой срок. Потом летали,
Подпорой взяв фанеру и перкаль.
Теперь нас вынесло в такую даль,
Где мы как бы раздваиваться стали,

Где быт и космос лезут в общий ряд,
Где верх и низ меняются местами,
Где вправду с нами звезды говорят
Невнятными своими голосами.

Жизнь — мысль. А наша мысль и тут и там.
Картина разрослась, и в щепки рама.
Что это — новый эпос? Или драма —
Сложнейшая из всех известных драм?

Какой там режиссер придумал ход,
И для чего висит ружье на сцене?
Одно и есть, что разум во спасение,
Но горе, если разум подведет!

1969

ПЕТР КИРИЛЛОВ

(1910—1955)

С мордовского-эрзя

* * *

Как много пройдено дорог,
Мы шли вперед и днем и ночью!
Среди лишений и тревог
Мы смерть увидели воочью.

Нам смерть подругою была:
В сырых окопах рядом спали
И суп из одного котла
Под минометный вой хлебали.

Но не просили никогда
Мы в страхе у нее пощады:
Мы, дети ратного труда,
Поспорить с нею были рады.

1943

МАГОМЕТ МАМАКАЕВ

(1910—1973)

С чеченского

МЫ ЛЮДИ ГОР...

Нам, людям, подобает увлекаться,
Мы — люди, нам даны любовь и гнев.
Нам верить свойственно, и сомневаться,
И в час нечеловеческий стараться
Людьми остаться, боль преодолев.

Приходят и уходят поколенья,
Но право и обязанность живых
Запомнить или же предать забвенью,
Произнести хвалу иль осужденье
Тем, кто на белом свете жил до них.

И мы, свой путь недолгий завершая,
Продлив бессмертный человечий род,
Уходим вдаль, дорогу уступая
Тем, кто, по следу нашему ступая,
На смерть нас или на бессмертье обречет.

1970

МИРТЕМИР

(Род. в 1910 г.)

С узбекского

ЮНОСТЬ

Чирикают птицы, слетаются в стаи,
От пыли дорожной чинары — седые.
Брожу я по саду, опять вспоминаю
Зарю моей жизни, лета молодые.

Здесь веточкой каждой, побегом, листочком
Сад манит меня, и весенний и свежий,
И словно напомнить грядущее хочет
Мне, венчиком синим кивая, подснежник.

Весна — словно детство; она торопливо
В росинки запрятала солнечный лучик.
Деревья шумят, и прибрежная ива
Всплеснула руками над речкой бегучей.

Весна, словно юность, чиста и прекрасна...
В глазах зашестрело — взлетел над поляной
Рой бабочек легкий, их крылья атласны,
Они от нектара цветочного пьяны.

Прозрачный, медвяный, до капли он выпит.
Они улетают, все выше и выше...
Покинули ласточки душный Египет,
С утра и до ночи щебечут под крышей.

Из глины построен их маленький город...
Шумит карагач, он подобен владыке —
Покинут друзьями, угрюмый и гордый...
В ветвях его голубь скрывается дикий.

Осенней порою, казалось, возврата
Не будет весне, но, буйней прошлогодней,
Зеленая, пряная выросла мята,
Как давней подруге, я рад ей сегодня.

Ростки прорастают сквозь прелый валежник
Они пробивают пласты перегноя.
Меняя свой облик, я знаю, как прежде,
Со мной моя молодость этой весною.

Мы в юности с солнцем недаром дружили,
Частица его в нашем сердце. Ответь мне,
Ответь, моя молодость, это не ты ли
В окно мне стучишь тополевою ветвью?

Ты в сад меня вызвала, и на мгновенье
Я был оглушен, я узнал тебя сразу —
То птиц перекличка, то листьев кипенье...
Твой голос подобен стозвучному сазу.

Тебя узнаю я в улыбке ребенка,
В росе семицветной; ты, вея прохладой,
Ко мне обернулась и, месяцем тонким
Мерцая средь ночи, восходишь над садом.

Заря моей жизни, со мною ты снова,
В зрачках моих глаз ты останешься вечно.
Виски поседели — след жизни суровой,
Но сын мой расправил могучие плечи.

1937

ОБЛАКА

Белым-белы, плывут, светлы, по небу облака.
Нам больше хлеба ждать от них иль больше молока?
Белым-белы весны послы на небе голубом,
Запахло в воздухе огнем и проливным дождем.
Вверху — то гром, то тишина, тревожно-глубока...
Не проходите мимо нас, пролейтесь, облака!
Прольетесь — будет и трава, и молока река,
И больше счастья этот год нам даст наверняка.

Плывут по небу облака белым-белы, чисты.
Посмотришь — в небе снеговых вершин стоят хребты,
Посмотришь вновь — и лебедей оно уже полно,
Опять посмотришь — в белый шелк затянуто оно.
Ночному небу снится сон, спокойный лунный сон,
Волшебной кистью на него рисунок нанесен.
Холмами хлопка в синеве белеют облака,
Как будто отразились в ней осенние тока.

1957

СВЕЧА

Как памятник пред нами предстает
подсвечник в кабинете Ильича.

Бывало, Ленин ночи напролет
писал, писал, а тонкая свеча,
казалось, озаряла целый мир —
и нашу Русь, и Запад, и Восток.
Идет война, а нужен, нужен мир,
и нефть нужна, и уголь. На листок
ложатся буквы. Людям нелегко,
и за декретом следует декрет:
рабочим — хлеб, детишкам — молоко,
Ташкенту — первый университет.

Земля в степи Голодной горяча —
пусть там родится плодоносный цвет!..

И озаряет тонкая свеча
весь мир, всю новизну грядущих лет.

1962

КУБИНЦЫ

В Коканде, в парке имени Фурката —
печального поэта, что когда-то
живописал стихом свой милый край,
кубинцы, черноглазые ребята,
облитые сиянием заката,
пьют в чайхане зеленый крепкий чай.

Крылата музыка в Узбекистане!
Как уголь черные, островитяне
заслушались, а песня бьет ключом,
старинная мелодия не молкнет,
лихой танцор то пальцами прищелкнет
то, вздрагивая, поведет плечом.

Дутару, чангу, бубнам подпевая,
пустилась в пляс ватага молодая...
Вступили сумерки в свои права,
а в чайхане танцует юность Кубы
и неумело произносят губы
певучие узбекские слова.

А утром — строгий свет аудиторий.
То мореходы молодые в море
познания! Нет следствий без причин,
они откроют трактора устройство,
и хлопка удивительные свойства,
и суть хлопкоуборочных машин.

Как можно мореходу плыть без весел?
Они узнают множество ремесел,
а Кубе эти знания нужны!
Земля в цвету, и небеса так сини,
и на бананы так похожи дыни,
и столько солнца льется с вышины!

Полям зеленым нет конца и края,
поля волнуются, как зыбь морская.
Победоносно зреет виноград.
Кубинцам нравится работать в поле...
Узбек не пожалеет хлеба-соли
для тех, кому он друг, кому он брат!

— Спасибо! — говорят кубинцы братьям.—
Добром сердечным за добро заплатим,
так с давних лет на Кубе повелось.—
Идут домой, накинув телогрейки,
и пестрота узбекской тюбетейки
подчеркивает черноту волос.

Заданий столько, что им хватит на год,
устали за день, но в постель не лягут,
покуда не заглянут в чайхану.
Украшена портретами веранда,
и Ленин видит в чайхане Коканда
свободную кубинскую страну.

1962

БОКИ РАХИМ-ЗАДЕ

(Род. в 1910 г.)

С таджикского

В ЛУННУЮ НОЧЬ

Как поздно пришла ты, а мы тебя ждали втроем
С ночной луною,
С речной волною.
Ты мне показалась в смятенье, в горенье моем
Ночной луною,
Речной волною.
Ты сердишься? Разве не ты — мой единственный свет
Восторг и расцвет?
Давай же, не зная разлуки, по жизни пойдем
С ночной луною,
С речной волною!
Завидует полночь душистым твоим волосам,
А звезды — глазам.

Скажи мне, когда же ты стала, в сиянье живом,
Ночной луною,
Речной волною?
Чтоб я, запылав, не сгорел, не погиб от любви,
Меня оживи.
Ужель от меня ты уйдешь с наступающим днем,
С ночной луною,
С речной волною?
Все дышит любовью, и ночь сладострастья полна
И счастья полна.
Ужели ты можешь остаться, играя с огнем,
Ночной луною,
Речной волною?
Но тихо и нежно ты мне говоришь у реки:
«Мой верный Боки,
И счастье, и юности песню себе мы вернем
С ночной луною,
С речной волною».

1960

ИСТИНА ЖИЗНИ

Помню, когда ты родился,
Все смеялись, а ты плакал.
Живи так, чтобы после твоей смерти
Все плакали, а ты смеялся.

Из таджикских народных стихов

Читатель дорогой! Ты выслушай меня
И вникни в глубину восточного рассказа,
Коль ты живешь, разумное ценя,
То будет сей рассказ тебе ценней алмаза.

Не каждый благодарностью богат,
Есть люди на земле, что благодарством нищи,
В глазах людей они пылинками сидят,
Существованье их — поход за вкусной пищей.

Что человечность им и что гуманность им!
Сердца у них стучат, как автоматы,
Желудок им, как мозг, необходим,
Не нужно им вовек ни друга и ни брата.

Но для тебя, читатель дорогой,
Я все словами расскажу своими.
Ведь об одном мечтаем мы с тобой —
Чтоб доброе о нас осталось имя...

Увидел три могилы человек:
Пять лет жил первый, шесть — второй и третий — десять
Что за напасть! Какой короткий век!
Никак не может это разум взвесить.

Что это — колдовство? Никак нельзя понять —
Для маленьких детей огромные могилы!..
Он взялся эту тайну разгадать,
Понять, как это все происходило.

И глубоко задумался прохожий,
Но вдруг услышал чей-то голос он:
— Ты эту тайну разгадать не можешь?
Послушай-ка, я в тайну посвящен.

Они немалые прожили годы,
Пока в могилы эти не легли,
Но годы учтены лишь те, что для народа
В их длинной жизни пользу принесли.

И, пораженный этой страшной былью,
Прохожий громко вскрикнул, огорчен:
— Я вижу надпись на своей могиле:
«И не родившись даже, умер он».

Подобные полезные советы
Не в каждой книге можно прочитать...
Читатель дорогой! Запомни это
И жизнь свою ты попусту не трать.

Когда в тебе отсутствует порыв,
Не поддавайся духу непогоды,
Стремись к высокому, пока ты жив,
Живи не для себя, а для народа.

Пусть будут дни, как саженцы весной,
Пусть к солнцу тянутся с неодолимой силой,
Чтоб жизнь как сад шумела молодой
И осенью плоды бы приносила.

1961

РАСУЛ РЗА

(Род. в 1910 г.)

С азербайджанского

ВРЕМЯ

Мы встретились с ней —
И глаза меня обожгли.
Я волненье не смог побороть.
Что за косы!
А гибкость стана!
Сама женская суть,
Обретшая плоть...
Беатриче Данте,
Лейла Физули,
Венера Тициана!

Встретились через года.
Я смотрел
На косы,
На глаза,
На губы.
Увы! Все осталось где-то вдали!
Кто воскресит и когда
Беатриче,
Венеру,
Лейли?

1926

* * *

Подозреваю, что стары, как мир,
мои прозренья, вспышки откровений.
А то откуда столько набралось
избитых истин, поговорок, мнений,
затасканных метафор и сравнений,
всосавших опыт сотен поколений?
Как ни крути, а старость — не в годах.
Не возраст нагоняет смертный страх.

Полно седых с душою молодой
и молодых с душой совсем седой.
Не вянет, не седеет, не редеет
живая страсть, духовная идея,—
все то, что в сердце, а не на лице!
Дряхлеет и становится облезлым
лишь то, что Жизнь считает бесполезным
Вот все, что я хотел сказать в конце.

1938

ПОДСНЕЖНИК

Едва лишь схлынули снега —
трава прорезалась по склонам.
Подснежники, как жемчуга,
горят на бархате зеленом.
Как будто бы на яркий луг
по капле облако упало...
Цветут подснежники вокруг,
как будто бы весна настала.
Еще в ночи мороз жесток.
Зима не отойдет без боя.
Ты с доброй весточкой, цветок!
За то и справятся с тобою.
Пускай!
Для всех живых сердец
весть о весне всегда желанна.
И, даже зная свой конец,
спешит он, маленький гонец,
в страну властителя-тирана.
И если даже смерть его
не опечалит никого,
он все равно роптать не станет.
Он не в обиде.
Это честь —
нести земле такую весть.
Пусть он погиб —
весна настанет!

1962

БЕЗ ЗАКАТА

Мне нужен мир без заката,
Без легковесных шуток
И тяжелого горя при этом.
Чтобы были все дни без заката,
Чтобы мир был полон светом.
Человек, наверно, устанет
От дня без конца и края,
Где солнце, едва только встанет,
Больше зайти не желает,
Где песчинка земного шара
Во всемирном свете пылает?
Нет!
В мире свет исходит
Не только от солнца.
Потому что солнце восходит,
А потом оно заходит.
Есть сиянье сильней, чем у солнца.
Есть сиянье жизни.
Жизнь закатиться не может.
Свет ее — незакатный.
Жизнь прекратиться не может,
Пока существуют люди,
Не погаснет это солнце,
Если не погасят люди.

1966

КАПЛИ

Капля за каплей — дождь.
Капля за каплей — слезы.
Капля за каплей
нисходит роса
на зелень лугов и рощ.
Капля за каплей — рожь
собирается в закромах.
Капля за каплей — забота растет.
Капля воды ледяной
для сведенного жаждой рта
драгоценней других щедрот
Яда змеиного капли одной
довольно, чтоб жизнь оборвать.

Летучая искра — и капля одна
порождает пожар лесной.
Капля за каплей — жизнь без конца
восходит по жилам ветвей.
Те, чьи сердца, словно капля, малы,
каплями слов
разбивают сердца.

1967

МОРЕ И ПОЭЗИЯ

Без особых забот —
Будто нету задания проще —
Мягко сел вертолет
На железную площадь.

Вдалеке от земли,
Над каспийской колеблемой бездной,
Неподвижно стоит
Этот остров железный.

Поразило меня
То, что в царстве конструкций и стали
Нас цветами живыми —
Живыми цветами! — встречали.

Я видал не однажды
Цветы на коврах и диванах,
И на клумбах цветы,
И поляны весенних тюльпанов.

Почему же тогда
Немудреные ваши букеты
Осенили меня,
Как открытие новой планеты?

Как негаданно тут,
На расчетливо сжатой площадке,
Вы растете, цветы,
Словно бы в колыбели нешаткой.

Надо думать, тогда,
В те прошедшие годы, наверно,
Не стояла вода
В этих влажных огромных цистернах

Здесь нефтяник, в тот срок
Без воды задыхавшийся тяжко,
Получал, как паек,
Может, даже неполную чашку.

Этой нормой дневной
Привозной родниковой водицы,
Обделяя себя,
Успевал он с цветами делиться.

Он отсчитывал их,
Осторожно, с улыбкою хмурой.
Капли этой воды —
Словно капли целебной микстуры.

И, наверно, потом
Те ростки, что пробились наружу,
Он своим же платком
Заслонял от жары и от стужи.

Пожилой человек,
Удивленно, как будто парнишка,
Я отсюда гляжу
На сквозные ажурные вышки.

Над моей головой —
Там, где облачко белое тает,
Высоко-далеко
Непоспешно орлы пролетают.

У меня на груди
(Аромат ваш нестроен, но тонок)
Вы уснули, цветы,
Как доверчивый тихий ягненок.

Я с цветами стою,
Попирая подножье стальное.
...Пушкин как-то сказал
Величаво: «Кавказ подо мною».

Мне случалось не раз
(Вроде не к чему тут запираться),
Многоглавый Кавказ,
На вершины твои забираться.

Мне случалось видать,
Как, пространство тревогой наполнив
Не вверху, а внизу
Трепетало сверкание молний.

И о том еще речь,—
Это тоже со мною бывало! —
Что и радуга с плеч
Широко, как халат, ниспадала.

Но какой же поэт
(Расскажите мне, все остальные)
Строфы песен слагал,
Попирая опоры стальные!

Вдалеке от земли,
До отказа меня переполнив,
Эти строки пошли,
Догоняя друг друга, как волны.

Словно в творческом сне,
Подчинившийся силе рабочей,
Это Каспий во мне
Усмиренно, но сильно клокочет.

1968

ВНОВЬ О СЕРДЦЕ

Для врача сердце —
это аппаратура,
для того чтобы кровь
по телу гоняла...

...Для поэта
такого определения
мало.

1970

ЯЗЫК РУК

У рук —
есть свой язык.
При разлуке
один язык у рук,
при встрече —
иной.
При радости —
один,
при горе —
другой.
Я знаю, что есть язык
сожаленья,
нетерпенья,
отчаянья...
...Мои руки
заговорили однажды
своим языком,
когда мои глаза
понимающие
встретились с твоими.

1970

ЦВЕТОК ЖАСМИНА

Расцветший в саду,
одинокий жасмин!
Душистый, как сон
о ее волосах.
Я вижу один
средь росистых долин
в слезинке любой
на цветочных глазах—
лицо дорогое в слезах.

Расцветший в саду,
одинокий жасмин!
Любимая
здесь проходила давно?
Мой нежный,
ты пил с ней, один на один

напиток разлуки—
огонь и вино?

Расцветший в саду,
одинокий жасмин!
Не ты ли разносишь
весеннюю весть,
сюда приходя не вдвоем,
а один,
мою дорогую покинув,
как есть,—
с дорогою рядом, с разлукою-ядом,
с безумным, далеким, рассеянным взглядом?

Расцветший в саду,
одинокий жасмин!
От этой ли горечи
листья унылы?
Мой милый,
пускай стебелек ни один,
пускай, кроме нас, мотылек ни один
не будет, не будет один!
Мой жасмин,
пускай одиноких не будет,
мой милый!

1974

ЛОДКИ

На прощанье блеснув белизной,
вы напомнили прошлое мне.
И плывете с тех пор в глубине,
чистой памятью в чистой волне.
Лодки памяти, свет в небосклоне!
Парусов белокрылые кони!

Может, ныне две юных души
о любви говорят под луной.
Может, с кем-то простор водяной
стал шептаться, как прежде со мной...
Лодки памяти, свет в небосклоне!
Парусов белокрылые кони!

Было время, и я обладал
нежной тайной от всех, не от вас.
Ваша преданность—выше прикрас,
убедился я множество раз.
Что угасло? Ты был не таким!
Не плывите с вопросом таким...
В синих сумерках жизни большой
Человек отдыхает душой...
Лодки памяти, свет в небосклоне!
Парусов белокрылые кони!

1974

НИКОЛАЙ ТАРАБУКИН

(1910—1950)

С эвенского

ЛЮБЛЮ СОЛНЕЧНЫЙ СВЕТ

Я долго ходил сегодня
Лесом и полем зеленым.
Вот так бы землю и обнял!
Так бы и умер влюбленным!

Солнечные лучи густо кругом раскиданы,
Между стволов и трав стрелами понатыканы.
Каждый указан шаг — ступай себе и молчи.
Путаются в ногах солнечные лучи.

Чудо! В лесу издревле,
Куда ни пойдет поэт,—
На травы и на деревья
Особый струится свет.

Вот и хожу-брожу зарослями, опушками —
Душа у меня поет, как пела она у Пушкина.
Думаю про себя: «Вдруг да и я поэт?
Его ли, моя ли кровь — разницы вроде нет!»

О лес мой, простор мой, воля!
Что есть дороже вас?
Стою посреди векового раздолья,
Как малый ребенок смеясь.

Природа лежит, сверкая,
Прекрасно ее чело.
Скажи, отчего ты такая,
Земля моя дорогая?
Скажи — отчего?

Открой вечной молодости секрет!
...Тогда успокоится твой поэт.

КАСИМ АМАНЖОЛОВ

(1911—1955)

С казахского

ПОЭТ

Дверь старого мира ударом ноги
Поэт распахнул, а вокруг — враги.
Но смело прошел на почетный торь,
И гулко звучали его шаги.

А мир был надменен и чопорен был,
Пришельца нежданного он оскорбил.
На старца взглянул удивленный поэт
И понял, что тот его сердцу не мил.

И в будущее он пошел напрямик,
И новые гулы, и новый язык
Сквозь море обиды и горя пронес.
И грома и плача исполнен был стих.

И крикнул тогда во весь голос певец:
«Я нового мира высокая песнь!»
И старая муза, уши заткнув,
Бежала стремглав, позабыв свою спесь

Ах, старая муза! Зачем нам она?
Как старая дева, глупа и нервна.
Она в позапрошлом столетье живет,
А в будущее устремилась страна.

Ту музу отверг прямодушный певец.
Стихи он ковал, как оружье кузнец.
Разили страшнее дамасских клинков
Удары его громогласных стихов!

Весь мир перестроил, весь мир перетряс!
И смерть наступила... Ушел он от нас.
Рычал, словно лев, и, как сокол, парил!
А все-таки скорбный приблизился час.

Но голос его никогда не умрет,
И строки его повторяет народ.
Стихи проживут еще тысячи лет,
Но жаль, что такой умирает поэт.

1940

МАЙ НА ФРОНТЕ

Красив, как девичья любовь,
В суровый этот край
Принес цветы и листья вновь
Весенний месяц май.

И солнце в небе зажжено,
И тучка в нем видна.
Тоска с души стекла давно,
Дождем растворена.

...Была шинель моя из льда,
И ливень шел свинцом...
О май, не чаял я тогда
Взглянуть в твое лицо.

С тобой тепло мне, дорогой,
Как в доме у огня;
Стянул ты ласковой рукой
Шинель мою с меня,

Сапог мой сунул ты в ручей
И вытер о траву.
Ты лаской солнечных лучей
Наполнил синеву.

Меня от пули и штыка
Зовет твоя весна
Туда, где сосны и река,
Тепло и тишина.

Но я весне шепчу: «Постой.
Не кончена война,
Не отгремел последний бой,
Не всюду тишина.

Идем в окоп, идем к друзьям,
Идем в кромешный ад!
Постичь ты можешь только там,
Как хочет жить солдат».

1944

СЛОВО, ОБРАЩЕННОЕ К АБАЮ

Ты великан,
Достойный наших дней.
Тебе в минувшем было жить трудней.
О, как терзались в тех печальных днях
Твои талант, и разум, и размах!

Разорвалось бы сердце от тоски,
Когда б себя не вылило в стихи!
Зато прекрасною была судьба —
Воспеть народ, как самого себя!

Тебя уже полвека с нами нет,
Но кто поверит, что ушел поэт?
Но что полвека?
Как его сравним,
Абай-ага, с бессмертием твоим?

Тебе сто девять нынче было б лет,
Но как ты молод, аксакал-поэт.
Абай, почетный академик наш,
Тебе вручен писательский билет.

Все пленумы и съезды открывай
И председательствуй на них, Абай.
Пусть те, что много пишут чепухи,
Тебе стесняются читать стихи.

Как нам нужны суждения твои,
Исполненные правды и любви!
И критика твоя всегда чиста
И вымысла и зависти чужда.

К нам из бессмертия, Абай, приди,
Тебе ведь не заказаны пути.
По улице своей, Абай, пройди
И в знаменитый свой театр войди.

У книг твоих такие тиражи,
Что ломятся под ними стеллажи.
Выходишь ты на разных языках,
И люди благодарны от души.

А нынче вышла книга о тебе,
О гении твоем и о судьбе...
. . . . . .
И вижу я:
«Абая» взял Абай.
Что ж, тамада, наш праздник начинай.

Сентябрь 1954 г.

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВ
(1911—1975)

ГОЛУБЬ МОЕГО ДЕТСТВА

Прямо с лета, прямо с хода,
поражая опереньем,
словно вестник от восхода,
он летит в стихотворенье.

Он такой, что не обидит,
он такой, что видит место,—
он находит для насеста
самый лучший мой эпитет.

И ворчит, и колобродит,
и хвостом широким водит,
и сверкает до озноба
всеми радугами зоба.
Мне бы надо затвориться,
не пускать балунью-птицу,
но я так скажу: ни разу
птицам не было отказу!
С милым гостем по соседству
любо сердцу и перу!..
Встань, далекий образ детства,
белый голубь, на ветру.
...Было за полдень. В ограду
на саврасом жеребце
въехал всадник с мутным взглядом
на обветренном лице.

Всадник спешился. Оставил
у поленницы коня
и усталый шаг направил
сразу прямо на меня.
И, оправя лопотину,
он такую начал речь:
«Понимаешь, парень, в спину
угодила мне картечь.
Понимаешь... мне того...
плоховато малость.
Понимаешь... жить всего
ерунду осталось.
Воевал я не за этим!..»
Он придвинулся ко мне,
и я в ужасе заметил
кровь на раненой спине.
Я от страха — в палисадник,
пал в крыжовник и реву...

Только вижу: бледный всадник
опустился на траву,
только вижу, как баранья
шапка валится на чуб,
только слышу, как страданья
улетают тихо с губ.
Мне, конечно, стало горько,
стало тягостно до слез.

Я к нему из-за пригорка,
побеждая страх, пополз.
«Понимаю,— говорю,—
понимаю дюже...
Может, спину,— говорю,—
затянуть потуже?
Понимаю,— говорю,—
но куда ж деваться?»
(Говорю, а сам горю —
не могу сдержаться.)

Теребя траву руками,
всадник веки опустил
и, тяжелую, как камень,
чуя смерть, заговорил:
«Ты чалдон, и я чалдон,
оба мы чалдоны...
Положи свою ладонь
на мои ладони.
Слышишь, сполохи гудут
по всему заречью —
беляки по нашим бьют
рассыпной картечью.
На семнадцать верст окрест
белые в селеньях,
так что, кроме этих мест,
нашим нет спасенья.

Я, родной мой, прискакал
на заимку эту,
чтобы красный дать сигнал,
если белых нету.
Мы бы стали по врагу
бить из-за прикрытья...
Понимаешь, не могу
дальше говорить я».
Было душно. К придорожью
медом веяло с гречих.
Всадник вздрогнул страшной дрожью,
отвернулся — и затих.

Я, конечно, понял сразу
то, что он не досказал.
И решил, как по приказу:
надо выбросить сигнал!

Я — домой. Комод у входа.
Открываю я комод.
Вижу: в ящиках комода —
свалка, черт не разберет!
В верхнем — пусто.
В среднем — тесно.
В нижнем? В ворохе тряпья
теткин шелковый воскресный
полушалок вижу я!
Мне не жалко полушалка —
разрываю пополам!
Полушалка мне не жалко...
На чердак бегу. А там
со своей подругой вместе,
боевой и злой на вид,
на березовом насесте
голубь мраморный сидит.
«Что ж,— кричу,— послужим, дядя!
Повоюем на лету!»
И, багровый клок приладя
к голубиному хвосту,
я свищу: «Вали на волю!»
И пошел винтить трубач
по воздушному по полю,
по кривой рывками вскачь!
То петлями, то кругами,
то в разлете холостом!
И багровый шелк, как пламя,
за его густым хвостом!
То на выпад, то на спинку,
то как ястреб от ворон!..

Вихрем прибыл на заимку
партизанский эскадрон.

Солнце падало. Смеркалось.
Скрылись белые за мыс.
Восемь раз разбить пытались —
восемь раз стекали вниз.
Над заимкой тучи плыли.
У заката на виду
люди всадника зарыли
под калиною в саду.

И поставили подсолнух
у него над головой.
И не дрогнул тот подсолнух,
и стоял, как часовой.
А когда дневное лихо
заступили тьма и тишь,
эскадрон ушел по тихой
дальним бродом за Иртыш.
И не мог я наглядеться
на подсолнух ввечеру.

...О, далекий образ детства,
белый голубь на ветру!

1934

ДОРОЖНАЯ

Лучами красит солнышко
стальное полотно.
Без устали, без устали
смотрю, смотрю в окно.
Леса, равнины русские,
пригорки да кусты,
платформы деревянные,
железные мосты.

Любимая, знакомая,
зеленая, бескрайная,
земля родная — родина!
Привольное житье!
Эх, сколько мною езжено,
эх, сколько мною видено,
эх, сколько мною пройдено
и все вокруг мое!

То фабрика кирпичная —
высокая труба,
то хата побеленная,
то в поле молотьба.
И все-то сердцу дорого,
и нет версты такой,
поселка или города,
чтоб был тебе чужой.

Любимая, знакомая,
зеленая, бескрайная,
земля родная — родина!
Привольное житье!
Эх, сколько мною езжено,
эх, сколько мною видено,
эх, сколько мною пройдено,—
и все вокруг мое!

Уже роса за стеклами,
уже видать луну,
а я стою, прикованный
к вагонному окну.
Уже пора посвечивать
ночному фонарю,
а я гляжу на сумерки
и тихо говорю:

— Любимая, знакомая,
зеленая, бескрайная,
земля родная — родина!
Привольное житье!
Эх, сколько мною езжено,
эх, сколько мною видено,
эх, сколько мною пройдено,—
и все вокруг мое!

1947

ТЕРПЕНИЕ

Ты говоришь, что все трудней писать,
что не дается нужная строка.
Вот, кажется, она уже близка,
ан вырвалась, коварная, опять
и дразнится, маня издалека.

А ты терпи, коварству вопреки,
держи на взводе хитрый карандаш,
иначе потеряешь власть руки
и дорогое золото строки
другому, терпеливому, отдашь.

1958

АЛЕКСАНДР ГАВРИЛЮК

(1911—1941)

С украинского

БЕРЕЗА

Не старый инвалид со ржавым самопалом,
А точный пулемет глядит из-за стены;
И проволокой мы кругом оплетены,
И полицейский взор грозит нам острым жалом.

Ты — дух Бастилии, виденье феодала,
Возникшее из тьмы ненастною порой.
Бастилии — лишь там, где пошатнулся строй,
Где больше нет путей, где гибели начало.

Ты, новая Бастилия, не в силе
Укрыться от суда среди глухих болот.
Подступит и сюда разгневанный народ,
И славен будет час, когда тебя разбили.

Отсюда, где сдались лишь слабые душой
(Пусть маска с них спадет и лица их откроет),
Мы вступим в новый день и для грядущих строек
Сумеем послужить опорою стальной.

1937

АШОТ ГРАШИ

(1911—1975)

С армянского

* * *

Если бы не вы, моя опора,
Плечи мои, крылья мои,— горы,
Я не написал бы ни строки.
Горы мои, как вы высоки!

Вы как бы щитом меня прикрыли,
Горы мои, плечи мои, крылья.
Я стою, как вы,
Высок, как вы,—
Не склоняя головы.
А паду, умру я — надо мной
Пусть гора стоит, как часовой.

* * *

Гроздь винограда — радуга,
Прильнувшая к лозе;
Пускай увидят все:
Гроздь винограда — радуга.

Сияет эта ягода,
Как росы на косе,
Гроздь винограда — радуга,
Прильнувшая к лозе.

* * *

Мне под ноги катятся воды Севана.
Встречаю я, озеро, синий твой взор...
Ты лоб повязало косынкой тумана.
Мне под ноги катятся волны Севана...

Тебя вспоминать я всю жизнь не устану.
Вся синь твоя в сердце, как дар моих гор
Мне под ноги катятся волны Севана.
Встречаю я озера ласковый взор...

* * *

В детском краю возле дома
Жаворонок, звеня,
Совьет гнездо из соломы,
Из усов ячменя.

Будет весна
В те времена,
В дни, как не станет меня.

Розы отцовского сада
Станут толпой у плетня,
Выбегут за ограду
Гулять в поля, в зеленя.
Будет весна
В те времена,
В дни, как не станет меня.

Пережитые событья,
Мыслям и сердцу родня,
Вечно, как звезды ночами, светите
До наступления дня!
Будет весна
В те времена,
В дни, как не станет меня.

* * *

Вершины, высокие снежные горы,
Седые, как будто отец мой и мать,
С любовью на вас устремляю я взоры,
Мне хочется детство свое вспоминать.

От ветра — от вашего легкого вздоха,
Внизу колыбель колыхалась моя.
Покуда я жив и не стал горстью праха,
Вас песней ласкать не устану и я.

* * *

Песнь любви напишу я росой и лучом.
Озарю ее свежим рассветом Земли
И вечерней зарею, что гаснет вдали.
Песнь любви напишу я росой и лучом.

Родилась она в шелесте леса ночном,
Волны спеющих нив мне ее принесли.
Песнь любви напишу я росой и лучом,
Озарю ее свежим рассветом Земли.

* * *

Осенние леса горят
Багряно-желтыми кострами,
И в синей дымке тонет взгляд,—
Осенние леса горят.

Огнем бушует листопад
Над потаенными тропами...
Осенние леса горят
Багряно-желтыми кострами.

* * *

Года мои явились и ушли,
Им нет возврата, сердцу нет покоя.
Мы слишком поздно встретились с тобою
Года мои явились и ушли.

Я долго ждал, но ты горишь вдали
Недостижимой радугой цветною.
Года мои, как реки с гор весною,
Явились, отшумели и ушли.

* * *

Землю без конца топтали кони,
Уходили вдаль войска, стада...
И, стремясь укрыться от погони,
Землю без конца топтали кони...

Хоть земля под ураганом стонет,
Будь, душа, как и она, тверда.
Землю без конца топтали кони,
Армии, и звери, и стада...

* * *

Куда б я ни шел, вы за мною
Идете, армянские горы.
Вершины — одна за одною,
Куда б я ни шел — все за мною...

Но вашею будет виною,
Что с гибелью встречусь я скоро...
Куда б я ни шел — вы за мною
Идете, армянские горы.

* * *

Я — олень, истекающий кровью,
Скрылось солнце мое за горами,
И навеки простился с любовью
Я — олень, истекающий кровью.

Птиц не вижу, летящих к гнездовью,
Лист последний засыпан снегами...
Я — олень, истекающий кровью,
Скрылось солнце мое за горами.

У СЕРДЦА СПРАШИВАЮ Я...

У сердца спрашиваю я:
— Где, сердце, колыбель твоя?

То ль карабахское село,
Где я увидел свет?
Жаль только — имени его
На карте мира нет.

Иль этот дом в лесной тиши,
Где под шуршанье ветерка
Лепечут звонко малыши,
Как два нагорных ручейка?

Иль виноградник золотой
На утренних холмах,
Чей сладкий сок бурлит рекой
На наших торжествах?

Все, что в себе вместила Русь:
Леса, и степи, и моря,—
Весь необъятный наш Союз —
Вот родина моя!

Страна, чье имя над землей,
Как солнце ясною весной.

ЛИВИУ ДЕЛЯНУ

(1911—1967)

С молдавского

ИЩУ ДЛЯ СЕРДЦА СИЛЫ

Для сердца сила мне нужна,
И для стиха — такое слово,
Чтобы во всем, в чем жизнь слышна,
Гореть и заполняться снова.

Пока рука еще верна,
Пока перо писать готово,
Служу большой любви, она —
Поэзии первооснова.

За ним, за чувством этим — следом
Спешу — почтительным аэдом,
Слагаю гимны вновь и вновь.

Оно одно — всем мерам мера.
Моя единственная вера —
К земле, ко всем живым Любовь.

1952

ОСЕНЬ

Юность, будто факел, подняла
Осень — живописец самый лучший,
Наводя на полотно села
Колорит — душистый, спелый, жгучий

Все оттенки красного горят
На земле и на холме высоком,
Вплоть до крамы — там, где виноград
Пурпуровым истекает соком.

Спелых гроздий светится янтарь
В кущах ржаво-огненного цвета,
Точно в сказке, что сложили встарь,
Где краса Молдавии воспета.

А в садах, где тронута листва
Словно бы зарею бледно-алой,
Персики смеются и айва,
Солнцем налитые небывало.

Только поле не обожжено
Кистью пламенной и вдохновенной:
Будто в золотом снегу оно —
В кипени стогов и копен сена.

И когда в Молдавию плывут
Сумерки, развертывая крылья,
Юные колхозники поют
Песни счастья, песни изобилья.

1958

ЖАЖДА

Томит меня жгучая жажда
К тому, что из нашей земли
Травинкою тянется каждой,
Чьи корни в глубины вросли.

Исполнен я жаждой суровой,
Прошедшей со мной сквозь года,
К прекрасно-шершавому слову
Людей, что не лгут никогда.

И жадное это стремленье —
Стихи пополнять на пути —
Способно свое утоленье
Лишь в нашу эпоху найти.

1964

БЕЖИМ

Как дети, за руки держась,
От солнца опьянев, от зноя,
Сквозь тень, сквозь лиственную вязь
Бежим, смеясь, бежим — мы, двое.

Бежим бегом, бежим вдвоем,
Мы бегом счастливы, как дети,
И зрелость ароматов пьем
Из чаш, из чашечек соцветий.

Бежим, как дети... Жизнь легка!
Нас ждут лишь радостные вести.
И, розовея, облака
Резвятся в небе с нами вместе.

Бежим... но умеряем прыть.
И вдруг остановились двое...
Мы заигрались, может быть,
Когда сочли любовь игрою?..

1964

ЛЮБОМИР ДМИТЕРКО

(Род. в 1911 г.)

С украинского

МАТЬ

Мы ночуем в хате. Свист метели,
Белый снег кружится за окном.
Наши автоматы запотели.
Женщина склонилась над столом.

Бережет она наш сон глубокий,
Чутко слышит каждый вздох она.
Ей, печальной, старой, одинокой,
Нас послала грозная война.

А как вьюга поутру уймется,
Женщина проводит грустно нас,
Станет ждать: вот-вот сынок вернется,
Как ждала, наверное, не раз.

Сердцем с ним она теперь и с нами.
Долго-долго будут дни идти!
Стали ей родными сыновьями
Все бойцы, уставшие в пути.

«ВАРШАВЯНКА»

С детства запомнился скорбный и жгучий
Песни призыв на бои с палачами,
Как отголосок набата могучий:
«Вихри враждебные веют над нами».

Песня — рабочих походов начало!
Песня звенящих невольничьих пут!
Старому миру проклятьем звучало:
«Темные силы нас злобно гнетут».

Здесь, у былых казематов Варшавы,
Эхо той песни владеет сердцами:
В битву за мир, за свободу, за право —
«В бой роковой мы вступили с врагами».

Твердо шагает по новой дороге
Широкоплечий ликующий труд.
Нет и в помине минувшей тревоги —
«Нас еще судьбы безвестные ждут».

...Новую время запеть «Варшавянку»
Всем, кто выходит на труд спозаранку.
Над городом — счастья и славы знамена,
На стройку Варшавы пришли миллионы.

Идут миллионы, они непреклонны —
И город встает из руин, возрожденный.
То — воля народа, которой гордится
Свободной страны трудовая столица.

* * *

Когда я вижу ночью за Днепром
Огни Никольской слободы,
согрета
Моя душа невидимым теплом,
Теплом вдали мерцающего света.

Не потому ль, что каждый огонек
Горит в окне далеком, но знакомом,
Хоть и не всякий ступит за порог
Того, что мы зовем обычно — домом.

Меж нами есть невидимая нить,
И эта нить не рвется у порога.
Лишь человек умеет осветить
Свое жилище и свою дорогу.

* * *

Планшет, а в нем — исписанный листок.
Уже поблекли синие чернила.
Он мне принес когда-то между строк
Любовь, что жизнь в сраженьях сохранила

Он пожелтел, но руку узнаю.
Она близка, до боли мне знакома.
Давным-давно мы создали семью,
Давно уж мир, и мы давно уж дома.

И в доме том переступить порог
Не смеют холод, скука, равнодушье.
Ведь мы любовь хранили, как зарок,
Ни в чем его за годы не нарушив.

И я в наследство детям передам
Листок, случайно найденный в планшете,
Чтобы, как мы, любили наши дети,
Чтоб улыбалось счастье им, как нам.

* * *

Нет, не богиней мраморной, холодной,
Кому певец слагает мадригал,—
Девчонкой в сарафанчике, голодной —
Такой тебя на фронте повстречал.

Прошли года, но ты не растеряла
Ни первых встреч, ни первого тепла.
Не красотой античной ты блистала,
Ты красоту души мне принесла.

Она дарит меня лучистым взглядом,
И от нее мне глаз не отвести.
Как хорошо, что ты со мною рядом,
Плечом к плечу на жизненном пути!

* * *

Я счастлив тем, что я живу сейчас
И потому не обделен судьбою.
На прочность жизнь испытывала нас
И закаляла нас от боя к бою.

Я счастлив тем, что на большом пути
Мы сохранили жар сердец и веру,
Что, испытав страданья полной мерой,
Сумели в жизни радость обрести.

Нас не страшат морщины, седина,
Нам жить и жить еще на этом свете.
Веселый свет из нашего окна,
Свети всегда, как ты сегодня светишь!

* * *

Да разве было мне дано
Предвидеть: минут лета, зимы,
А жажда жизни все равно
Останется неутолимой.

Тогда бы чувства каждый грамм
Ценил как нечто дорогое.
Я жил бы так, чтоб по ночам
Не упрекать свое былое.

Я жил бы так... Сумел бы жить...
Ведь жизнь достойна сожаленья,
Когда в нее не можешь быть
Влюбленным каждое мгновенье!

* * *

Давно манили человека крылья.
Века. Тысячелетия. Полет
Будил глухую зависть.
Но бессилен
Был человек подняться в небосвод,
Где радуга загадочно сверкает,
Где сотворенный человеком бог
В зенит выводит солнце,
где мерцает
Осыпанный созвездьями чертог.

Когда же в небо он нашел дорогу
И в космос полетели корабли,
Стал человек могущественней бога,
Зависеть стало Небо от Земли.

* * *

Гранили ямб, как ювелиры,
Певцы с прадедовских времен.
Всю гамму чувств, всю сложность мира
Передавал чудесно он.

Беру его рукой солдата,
Как меч, как памятник живой.
Мы вместе в битвах шли когда-то,
Мы вместе в битве трудовой.

Он для меня — как локоть друга,
Как самый дорогой завет.
Я с ним делю часы досуга
И открываю новый свет.

* * *

Всему есть мера и предел.
Но разною бывает мера.
На острие великих дел
Росла и крепла наша вера.

Мы мерим время не в часах,
А сердца нашего биеньем.
Идем на полных парусах
И каждый миг высоко ценим.

Бывает тяжко. Да, и так...
И смех порой омыт слезою.
Но тех, кто пал в огне атак,
Сменяют новые герои.

О, сколько пало на пути,
Спасая Родину от плена!
И рады мы, что подрасти
С тех пор уже успела смена...

Всему есть мера. Но для нас
Предела, видно, не бывает.
И меры нет. Великий час
Все измерения ломает.

* * *

Я не в силах время задержать,
Чтоб с тобой подольше жить на свете
Чтоб в лугах пьянила благодать
И к ногам клонилось разноцветье.

И ускорить время не могу,
Чтоб скорее минул час разлуки,
Чтобы ты раскрыла на бегу
Мне навстречу белым нимбом руки.

Но зато я верю, что у нас
Не уменьшат силы чувства даты.
Ведь могу же я любить сейчас
Так же, как любил тебя когда-то.

Знаю твердо: сохранит любовь
Нас такими, юными душою,
Как она хранила вновь и вновь
Нашу жизнь в огне на поле боя.

Мы не очерствеем в тишине,
Не состарят нас до срока годы.
Мы с тобой принадлежим весне
Всей Земли
и своего народа!

* * *

Как в акварель, в холодный вечер
Вписался сизый дым из труб.
Ложится мрак домам на плечи,
И окна вспыхивают вдруг.

Уж скоро нам, родная, тоже
Придется вечер свой встречать,
Но в сердце силы хватит все же
Не тлеть, а пламенем пылать.

Густеет сумрак над Подолом,
Правей — еще полоска дня...
Пусть будет вечер наш веселым
И полным жизни и огня!

* * *

Кручи — над киевским берегом крепость,
Летопись нового, прошлого эпос.

В небо вписались багряные клены,
Точно на крепости этой знамена.

Осень? Но песня не хочет покоя.
Хочет до туч дотянуться рукою,

Взвиться с заросшего кленами ската
В дали степные,
за Днепр,
на Карпаты,

Доблестный труд воспевать величаво.
Песня — как стяги!
Песня — как слава!

НЕОТДЕЛИМО ОТ ЭПОХИ

Не забываются слова
Ликбез, *Комбед*,
Рабфак и *Смычка*,
И это не одна привычка —
Сама эпоха в них жива.

На полустершихся листках
Они встают светло и зримо:
Пусть банды кроются в лесах,
Мы знаем: *Новь* — непобедима!

«Христос воскрес!» — гудят попы,
Но молкнут звоны чередою,
А тот, кто был вчера слепым,
Идет под *Красною Звездою*.

Вперед, на бой, путем крутым,
Защитник очага родного!
Не позабыть ни *Фронт*, ни *Тыл*,—
Победа светит вечно ново!

И не состариться словам,
Что нашу волю утвердили,—
Целинники, Орбита, БАМ,—
Все говорит о юной силе!

Из слов, чей ясен смысл и чист
Мы не утратили ни крохи,
И ныне слово
Коммунист
Неотделимо от эпохи!

ГЕОРГИЙ КАЙТУКОВ

(Род. в 1911 г.)

С осетинского

ЗИМНИЕ КАРТИНКИ

Это детская затея —
Слой муки среди двора.
У какого богатея
Столько набралось добра?

Кто осыпал щедрой горстью
Этот лес и склоны гор?
Это кто, придя к нам в гости,
Выбелил земной простор?

Кто над горною рекою
В этот бесподобный миг
Леденящею рукою
Башни белые воздвиг?

Полно! Не мучной пыльцою
Запорошены дома,—
Прибежала к нам рысцою
Наша новая зима.

Стужи в горы прибежали,
Ветер бродит по земле.
Словно надпись на кинжале,
Узорочье на стекле.

Нашим добрым пешеходам
В лица дышит вновь пурга.
Нарядилась вся природа
В беспредельные снега.

И теперь не птичье пенье,
Солнца луч, зеленый лист,—
Входит в дом оцепененье,
Злая стужа, ветра свист.

Так бери, мороз, потуже,
Сыпь снегами по земле,—
Не боятся дети стужи,
Хорошо им жить в тепле!

У ПАМЯТНИКА МАКСИМУ ГОРЬКОМУ

Наш Горький жив. Не знает смерти гений.
Он вновь проходит по родной земле.
Ему сияет солнце в день весенний,
На пьедестале он, как на скале.

Стоит он в гуще гула городского,
Простерся перед ним огромный путь.
Давно Москву не видел он. И снова
Сюда пришел, чтоб на нее взглянуть.

Он видит город, озаренный славой.
Он входит в радостный людской поток.
В кармане левая рука, а в правой
Он держит палку, статен и высок.

Шагая, он глядит орлиным оком,
Земли советской славный гражданин.
И чтит его казах в степи далекой,
В ауле горном славит осетин.

Вперед зовет он — зоркий, беспокойный,
В его призыве — правды торжество.
И злобный поджигатель новой бойни
Страшится слов немеркнущих его.

Великий Горький сил не пожалеет,
Чтоб мирно, в счастье жил родной народ
На то и сердце Данко пламенеет,
Чтоб людям освещать их путь вперед.

Так горьковское слово людям светит,
И видит Горький: хорошо вокруг.
Он и тогда все будет жить на свете,
Когда не будет нас с тобой, мой друг.

СЕМЕН ЛИПКИН

(Род. в 1911 г.)

ОЧЕВИДЕЦ

Ты понял, что распад сердец
Страшней, чем расщепленный атом,
Что невозможно, наконец,
Коснеть в блаженстве глуповатом,

Что много пройдено дорог,
Что нам нельзя остановиться,
Когда растет уже пророк
Из будничного очевидца.

1960

У МОРЯ

Шумели волны под огнем маячным,
Я слушал их, и мне морской прибой
Казался однозвучным, однозначным:
Я молод был, я полон был собой.

Но вот теперь, иною сутью полный,
Опять стою у моря, и опять
Со мною разговаривают волны,
И я их начинаю понимать.

Есть волны-иволги и волны-прачки,
Есть волны-злыдни, волны-колдуны,
Заклятьями сменяются заплачки
И бранью — стон из гулкой глубины.

Есть волны белые и полукровки,
Чья робость вдруг становится дерзка,
Есть волны — круглобедрые торговки,
Торгующие кипенью с лотка.

Одни трепещут бегло и воздушно,
Другие — тугодумные умы...
Природа не бывает равнодушна,
Всегда ей нужно стать такой, как мы.

Природа — переводческая калька:
Мы подлинник, а копия — она.
В былые дни была иною галька
И по-иному думала волна.

1965

НОЧИ В ЛЕСУ

В этом лесу запрещается рубка.
Днем тишина по-крестьянски важна.
Здесь невозможна была б душегубка.
Кажется, здесь неизвестна война.

Но по ночам разгораются страсти.
Сбросив личину смиренного дня,
Сосны стоят, как военные части,
Ели враждуют, не зная меня.

Я же хочу в этот лес-заповедник,
Где глубока заснеженная падь,
Не как чужак, златоуст-проповедник,
А как земляк-сотоварищ вступать.

Словно знаток всех имен я и отчеств,
Словно живут средь соседей лесных
Гордые ночи моих одиночеств,
Робкие ночи пророчеств моих.

1967

ЗОЛА

Я был остывшею золой
Без мысли, облика и речи,
Но вышел я на путь земной
Из чрева матери — из печи.

Еще и жизни не поняв,
И прежней смерти не оплакав,
Я шел среди баварских трав
И обезлюдевших бараков.

Неспешно в сумерках текли
«Фольксвагены» и «мерседесы»,
А я шептал: «Меня сожгли.
Как мне добраться до Одессы?»

1967

ОДЕССКИЙ ПЕРЕУЛОК

Акация, нежно желтея,
Касается старого дворика,
А там, в глубине,— галерея,
И прожитых лет одиссея
Еще не имеет историка.

Нам детство дается навеки,
Как мир, и завет, и поверие...
Я снова у дома, где греки,
Кляня почитателей Мекки,
В своей собирались гетерии.

Отсюда на родину плыли
И там возглавляли восстание,
А здесь нам иное сулили
Иные, пьянящие были,
Иных берегов очертания.

А здесь наши души сплетались,
А здесь оставались акации,
Платаны легко разрастались,
Восторженно листья братались,
Как часто братаются нации.

О кто, этих лет одиссея,
За нитью твоею последует!
Лишь море живет, не старея,
И время с триремой Тезея,
Все так же волнуясь, беседует.

1969

ЗАКАТ В АПРЕЛЕ

Пред вечным днем я опускаю вежды.
Е. Баратынский

Был он времени приспешник,
С ним буянил заодно,
А теперь утихомирился,—
Сквозь безлиственный орешник,
Как раскаявшийся грешник,
Долгий день глядит в окно.

Травяные смолкли речи,
Призадумались стволы.
Запылав, закат расширился,
И уносится далече,
Исцеляя от увечий,
Запах почвы и смолы.

Пусть тревоги вековые —
Наш сверкающий удел,
А кошелки мать-и-мачехи
Золотисто-огневые
Раскрываются впервые,
И впервые мир запел.

Снова жгучего прозренья
Над землей простерта сень,
Каин, Авель — снова мальчики,
Но в предчувствии боренья
Заурядный день творенья
Вновь горит, как первый день.

1969

КОСТЕР

Не видел сам, но мне сказали,
Что, уведя за косогор,
Цыганку старую связали
И рядом развели костер.

Туман одел передовую
И ту песчаную дугу,
Где оборотни жгли живую
На том, не нашем берегу.

А я, покуда мой начальник
Направился в политотдел,
Пошел к тебе сквозь низкий тальник,
Который за ночь поредел.

В избе, в больничном отделенье,
Черно смотрели образа,
И ты в счастливом удивленье
Раскрыла длинные, оленьи,
С печальным пламенем глаза.

Мы шли по тихому Заволжью,
И с наступленьем темноты
Костер казался грубой ложью,
А правдой — только я и ты.

Но разве не одной вязанкой
Мы, люди, стали с давних пор?
Не ты ли той была цыганкой?
Не я ль взошел на тот костер?

Не на меня ль ложится в мире
За все, чем болен он,— вина?
Мы оба на чужой квартире,
В окне — луна, в окне — война.

1969

ПО ДОРОГЕ

Вдоль забора к оврагу бежит ручеек,
А над ним, средь ветвей, мне в ответ,
Соловей говорит по-турецки: йок-йок,
Это легче, чем русское: нет.

Потому что неточен восточный глагол
И его до конца не поймем,
Потому что роскошен его произвол
И надежда упрятана в нем.

Я не вижу, каков он собой, соловей,
Что поет на вечерней заре.
Не шарманщик ли в серенькой феске своей
Появился на нашем дворе?

Пахло морем, и степью, и сеном подвод...
Миновало полвека с тех пор,
Но меня мой шарманщик и ныне зовет
Убежать к ручейку за забор.

И когда я теперь в подмосковном бору
Соловья услыхал ввечеру,
Я подумал, что я не умру, а замру
По дороге к родному двору.

1972

КУБАНЫЧБЕК МАЛИКОВ

(Род. в 1911 г.)

С киргизского

АРЧА

Если бросишь ветку в огонь,
То уж после ее не тронь,
Обожжет тебя сгоряча
Разгоревшаяся арча.

В зимний холод и летний зной
Одинаково зелена,
Пахнет елкою, и сосной,
И весенним ветром она.

Не гнетет ее и не гнет
Тяжесть снежного серебра,
Сколько лет на свете живет,
Про нее не скажешь: стара.

В землю корни ее ушли,
С ней сроднились там, в глубине.
О поэзия, дочь земли,
Ты такой же кажешься мне.

Даже в пору бед и невзгод,
Скорбно в наших песнях звуча,
Обновлялась ты каждый год,
Как зеленая та арча.

Свежих сил набиралась ты
И впитала солнца лучи.
Ты полна живой красоты,
Словно ветка горной арчи.

1953

ЛИРИКА

Не за бумагой и столом —
Я лириком в то время стал,
Когда взрывчаткой и кайлом
В горах дорогу пробивал.

Пусть о влюбленных день и ночь
Поэты-лирики поют,
А для меня в любом труде
Любовь и лирика живут.

Живи же, лирика моя,
Не угасай, не умирай
И вечным пламенем своим
Сердца и души согревай.

1956

ПОРТРЕТ НА СКАЛЕ

В день перекрытия Нарына к скале был прикреплен портрет Токтогула.

Идет народ вдоль берега реки.
Ползут несметные грузовики.
Сегодня люди течь Нарын заставят
Теченью вековому вопреки.

Как будто с места тронулась земля.
Богатыри сегодня у руля.
Работают машины-исполины,
Глаза мои и сердце веселя.

Такого здесь вовеки не бывало:
Вот круто развернулись самосвалы,
Они подходят к берегу реки
И в воду опрокидывают скалы.

Какие глыбы! С доброго быка!
С шипеньем принимает их река
И вздрагивает глухо от ударов.
Уже сомкнутся скоро берега!

Висит над стройкой небывалый гул.
И высоко на левом берегу
Стоит портрет седого аксакала —
На битву смотрит мудрый Токтогул.

И кажется, что это не портрет,
Что в гости к нам явился сам поэт,
Сейчас он нам расскажет, что скопилось
В его душе за много долгих лет.

С портрета улыбается старик.
Готова перемычка! Славный миг!
И наш акын сияет, восхищенный.
Да, он к такому ритму не привык.

Потом мрачнеет. Грустно старику:
Немало видел на своем веку,
А вот при жизни не пришлось увидеть,
Как поворачивают вспять реку.

Мы все — на стройке, дорогой Токо.
Порою нам бывает нелегко.
Но сил своих, как видишь, не жалеем,
Мы — твои дети — видим далеко.

Родной Токо, смотри сюда, смотри —
В труде мы от зари и до зари.
Мы именем твоим назвали стройку,
А ты наш труд стихами озари!

Отец, ты дни свои провел в борьбе,
Ты никогда не думал о себе,
Всего себя ты отдавал народу,
Народ поставил памятник тебе.

Родной Токо, люблю тебя, как сын!
Да не забудется в веках акын.
Пускай прославит дорогое имя
Наш памятник — плотина из плотин!

6 января 1966 г.

УТРО

Не совсем пробудившись от сна,
В полудреме вершины, как дети,
А над ними, как чаша, луна
Серебрится в предутреннем свете.

В золотую парчу облачась,
Свой наряд они сбросили старый.
Вот и козы проснутся сейчас,
И глаза приоткроют архары.

Им неведомы дымы костров
И дыханье пустынного зноя,—
Только трав они знают покров,
Первозданную прелесть покоя.

Не страшны им зимой холода,
Не боятся с охотником встречи,
И лишь небо поймет без труда
Их забытое нами наречье.

И не только в горах пешеход,
Но приходит в восторг даже птица,
Увидав, как пылает восход
И цветочная свежесть струится.

О, не гасни, заря, среди скал
И сияй этим птицам и травам!
Чтобы стих на вершине звучал,
Должен быть он, как ты, величавым.

Если б стал я нагорной рекой,
Если б доля скалы мне досталась,
Не хотел бы я жизни другой,
Может быть, не пришла бы и старость.

Здесь, в горах, обитают цветы,
Человечьих не зная ладоней,
Реют звуки такой чистоты,
Что становишься сам окрыленней.

По тропе, где деревья сплелись,
Поднимусь и на камень присяду...
Озари меня, горная высь,
Животворную дай мне прохладу!

1970

ДУША КИРГИЗА

Освежиться хотелось нам,
радость наша была легка.
Моясь, брызгались мы водой
у журчащего родника.
Незнакомый к нам подошел
молодой джигит невзначай
И, как давних друзей своих,
пригласил нас в юрту на чай.
И не сразу поняли мы:
наш хозяин просто хитрит,—
Он барашка вздумал закласть,
как обычай здешний велит.
Но, узнав, что нам недосуг,
что дорога зовет нас вдаль,
Он вздохнул, как истинный друг:
«Что поделаешь, очень жаль!»
Все ж в мгновение ока был
на кошме накрыт дастархон:
Масло, сливки, джурат, кумыс...
Чем не потчевал только он!
А лепешка,— с ума сойдешь,—
так пухла она и свежа.
Разбежались наши глаза —
до чего ж еда хороша!

Трудно мне слова подыскать,
чтобы горный пир описать!
С паслажденьем умяли мы это все,
по правде сказать.
Но когда мы встали, простясь,
чтобы ехать, куда нас ждут,
То хозяин спросил у нас,
кто мы будем, как нас зовут.
«Вот те на!» — удивились мы.
Значит, нас не зная совсем,
Щедро, словно братьев родных,
угощал нас хозяин всем.
Нас увидел он первый раз,
но, смущаясь от похвалы,
Подносил нам пенный кумыс,
чай душистый лил в пиалы.
Стану жертвой за свой народ,—
он душой широкой красив.
Привечает путника он,
званья, имени не спросив.
Будет ласково встречен тот,
кто в аил к нему завернет.
Здесь и встретят, и угостят,
и душою гость отдохнет.

1972

МИКОЛА НАГНИБЕДА

(Род. в 1911 г.)

С украинского

ДУНАЙСКАЯ БАЛЛАДА

Стоит над Дунаем из бронзы моряк,
Стоит молчаливо на круче
Морской пехотинец, мой верный земляк,
Днепровец Олекса Гремучий.

...И венгры сложили легенду свою:
В тот час, когда небо светает,
Та чайка, что видела друга в бою,
С востока сюда прилетает.

Как быстрая молния — чайка в пути.
Дунайской умывшись водою,
Она на далекую кручу летит,
Садится на плечи герою.

Рассвет осветил голубую волну,
Блестит на рыбацком ветриле.
И чайка, к сияющей бронзе прильнув,
Раскинула чистые крылья.

В то тихое время, на ранней заре,
Кто слушает сердцем — почует:
— Я только что, друже, была на Днепре.
Твоя Украина ликует.

Я видела твой Севастопольский флот,
Эсминцы твои и линкоры,
На черных развалинах в гуле работ
Встает белокаменный город.

Когда корабли провожала в Бургас,
Слыхала, летя за кормою:
Матросы Болгарии в песнях не раз
Тебя вспоминали — героя.

Галацкие шхуны равнялися в ряд
И тихий Дунай бороздили:
Румыны любовно свой лучший фрегат
«Гремучим» не зря окрестили.

Я утром слыхала, следя на лету,
Как звезды последние меркли,
Что имя твое в Измаильском порту
Моряк называл на поверке.

...Рассвет, разгораясь, раскрасил волну,
Сверкает на рдяном ветриле,
И чайка, к сияющей бронзе прильнув,
Расправила чистые крылья.

1949

ПОЭТ

Максиму Рыльскому

Какое слово взять умело,
Чтоб выразить могло оно
Все, что в душе моей созрело,
Как скрытое в земле зерно.

И словом тем хотелось мне бы
Так взволновать, как по весне —
Карпаты, вписанные в небо,
Закаты — на речной волне.

О, если б удалось все это,—
Я б рассказал, друг, без прикрас,
Как яблони в лучах рассвета
Ветвями обнимали вас.

Я б рассказал, как спелый колос
Там, за Романовкой, вдали,
Едва родной заслыша голос,
Вам поклонился до земли.

Я всем поведал бы, как ночью
Не спал растроганный поэт,
Когда он в Харькове рабочим
Прочел свой пламенный сонет.

Я вспомнил бы и дни расплаты,
Что осветил стихом певец,
Как голос матери крылатой
В той песне услыхал боец.

Я описал бы вновь Варшаву
И голубой дунайский плес,
Как там страны советской славу
Поэт и гражданин пронес...

Напомнил бы и о поездках
За горизонт, за океан,
Где вы от имени славян
Всех призывали к миру веско.

Когда была бы в слове сила,
Я б рассказал, что видел сам,
Как Беларусь цветы дарила
И как тянулись люди к вам.

Я бы не скрыл, как вы часами,
В рыбацкой простоте, не раз
Сидели у пруда с друзьями,
Уловом золотым гордясь.

Я б рассказал, как лес несмело,
Мечтая, слушал вас, поэт,
Как тихо звездочка блестела,
На поплавок роняя свет.

Какое слово взять умело?..

1959

ДРУЗЬЯМ-ПОБРАТИМАМ

По дорогам метут
золотые метели...
И заснуть мне невмочь...
Явь вплетается в сны...
Все я вас вспоминаю,
московские ели,
В снежном инее,
возле Кремлевской стены
Все я вас вспоминаю,
леса Беларуси,
С голосами чудесных
соседей-певцов,
И костра полыханье
на снежном Эльбрусе,
И раздолье
днепровских моих вечеров.
Все я вас вспоминаю,
седые Карпаты,

По камням Алатау
вхожу в облака...
И к причалам дунайским
плыву, как когда-то...
Вдруг услышал:
зовут меня издалека...
Пробиваясь
в разливах осеннего шума,
Возникает яснее
знакомый напев:
К землякам-сталеварам
казацкая дума
Прилетела,
сквозь сотни годов прозвенев.
Вот я дома опять
после долгой разлуки,
В запорожском, родном,
огнецветном краю
И друзей-сталеваров
горячие руки
Пожимают приветливо
руку мою.
Все я вас вспоминаю,
друзья-побратимы.
С вами путь я прошел
и пойду с вами вновь...
Новый день,
укрепляйся могуче и зримо
В каждом сердце,
где песня,
огонь
и любовь!..

1964

* * *

О, я богач, притом по праву...
Неужто я забуду вас —
В батырской шапке, Алатау,
В броне серебряной, Кавказ!

Мне было бы, пожалуй, странно
Забыть родные голоса —
Платок серебряный Севана
И белорусские леса.

И городок заволжский, скромный —
Он детям помнится всегда,
Ведь там они приют укромный
Нашли в военные года...

Да, так не многие богаты:
И степь — моя, и ширь Днепра,
И далей ясные агаты,
И в светлой дымке вечера.

Да, я богач, богач на славу...
Такой судьбы желаю вам!
Богатство дружбы я по праву
Своим потомкам передам.

1964

САД

Здесь осени покой,
И мудрость созреванья,
И золотистых прядей седина,
Тумана предрассветного дыханье,
И в журавлином крике
глубина.
Здесь властвует земное тяготенье,—
Налившись солнцем,
созревает плод
И падает для нового рожденья —
Земле он щедро семя отдает.

1967

ШАГИ

Алексею Мягкову

Как сны снегов
Светлы и непорочны!
В сиянье месяца
Сосна, как белый лунь...

Назад оглянешься —
Заглянешь детству в очи,
Вперед посмотришь —
Чей-то след в снегу.

След внука моего...
И смех его веселый —
Он рад без памяти,
Что от меня сбежал.
Глазами старых гнезд
Деревья добро смотрят,
Как далеко внизу
Шаги его кружат.

Он рад без памяти...
Летит через сугробы,
Тропинку узкую
Нарочно обходя,
И, в первый раз
Изведав вкус свободы,
Хмелен от радости,
Как травы от дождя.

Сегодня он
Сродни крылатым птицам,
Первопроходец
Сказочных земель,
Не властен лишь
Приблизиться к границам
Безбрежности,
В которую взлетел.

Смеется внук...
Светло и непорочно
В сиянье месяца
Снега лежат вокруг,
Назад оглянешься —
Заглянешь детству в очи,
Вперед посмотришь —
След его в снегу.

1975

СЕРГЕЙ ОСТРОВОЙ

(Род. в 1911 г.)

* * *

Береза — дерево артельное.
Она и дом. Она и крест.
Она и чудо белотельное,
Сквозь версты видное окрест.

Народ ей верил пуще бога.
Мы все несем ее черты
От колыбельного порога
До той кладбищенской черты.

И в светлый час, и в час тревожный,
Без суеты, не сгоряча
Она — твой посох подорожный,
Твоя
высокая
свеча...

СТАРИК

Прямо за деревнею, у лога,
Мимо набегающих берез,
Тянется небойкая дорога,
Круто уходя за перевоз.

От дороги той неподалеку,
В навесной, раскидистой тени
Рыл старик
колодец
светлоокий,
Долгие отсчитывая дни.

Жил он бобылем на белом свете.
Ни палат не нажил. Ни детей.
И спросили старого соседи:
— Для кого ты роешь?
— Для людей!

— Да? Но у людей своя дорога.
Ты-то вот один живешь в дому?
— Я один. А людям надо много.
Люди — это мы. По одному.

А ЛЮБОВЬ ОСТАЕТСЯ ЖИТЬ

Океаны ломают сушу.
Ураганы сгибают небо.
Исчезают земные царства.
А любовь
остается жить.

Погибают седые звезды.
Серый мамонт вмерзает в скалы.
Острова умирают в море.
А любовь
остается жить.

Топчут войны живую зелень.
Пушки бьют по живому солнцу.
Днем и ночью горят дороги.
А любовь
остается жить.

Я к тому это все, что, если
Ты увидишь, как плачут звезды,
Пушки бьют по живому солнцу,
Ураганы ломают твердь,—

Есть на свете сильнее чудо:
Рафаэль написал Мадонну,
Незапятнанный свет зачатья
На прекрасном ее лице.

Значит, день не боится ночи.
Значит, сад не боится ветра.
Горы рушатся. Небо меркнет,
А любовь
остается жить.

КАК МОРОЗ БАНЮ ТОПИЛ

Если март за весною погонится —
В белый терем зима схоронится.
И сидит себе там. Затворница.
Пьет из веток зеленый мед.
Изукрашена снегом горница.
Белый ветер полы метет.
А пурга в полях крутит мельницу
Все боятся ее. Злометельницу.
И мороз — он тоже не ленится,
Он из рощи принес тесин.
И лежит, развалясь, поленница
Сосен струганых. И осин.
Будет баню топить мороз.
Дров-то нужен не малый воз.
Он такого напустит пара,
Так поддаст — только лес трещит.
От малинового угара
В небе вскинется красный щит.
А мороз не жалеет дров.
А закат на ветру багров.
Елки хлещутся. Сосны рдеют.
Над березами белый дым.
Даже волки тогда худеют.
Тяжело им в мороз, худым.
Я иду по седой поляне,
От парильни держу ключи,
Я бы вымылся в этой бане —
Больно веники горячи!

ЗАВИСТЬ

Зачем ты завидуешь, зависть?
Да разве ты можешь понять,
Как солнце врывается в завязь,
Чтоб розовым зернышком стать?

Да разве ты что-нибудь любишь?
Тебе ведь и знать не дано,
Как соками полнятся глуби
И как вызревает зерно.

От немочи черной пылая,
Топчась у чужого огня,
Ах, старая карлица злая,
Ты часто кусаешь меня.

Я всю разгадал тебя, право.
По-всякому делала ты:
То целила в сердце лукаво,
То ядом кропила цветы.

Все ходишь ты сбоку. В пристяжках.
И все воспаленно и зло
Считаешь на тусклых костяшках,
Кому на земле повезло.

Мне тоже везло понемногу.
Без хитрых прикрас. Без затей.
Везло на любовь. На дорогу.
Везло на хороших людей.

И, как ни завидуй ты, зависть,
Тебе ведь постичь не дано,
Как солнце врывается в завязь
И как вызревает зерно.

АНАТОЛИЙ СОФРОНОВ

(Род. в 1911 г.)

БЕССМЕРТНИК

Спустился на степь предвечерний покой,
Багряное солнце за тучами меркнет...
Растет на кургане над Доном-рекой
Суровый цветок — бессмертник.
Как будто из меди его лепестки,
И стебель свинцового цвета...
Стоит на кургане у самой реки
Цветок, не сгибаемый ветром.

С ним рядом на гребне кургана лежит
Казак молодой, белозубый,
И кровь его темною струйкой бежит
Со лба на холодные губы.

Хотел ухватиться за сизый ковыль
Казак перед самою смертью,
Да все было смято, развеяно в пыль,
Один лишь остался бессмертник.

С ним рядом казак на полоске земли
С разбитым лежит пулеметом;
И он не ушел, и они не ушли —
Полроты фашистской пехоты.

Чтоб смерть мог казак молодой пережить
И в памяти вечной был светел,
Остался бессмертник его сторожить —
Суровой победы свидетель.

Как будто из меди его лепестки,
И стебель свинцового цвета...
Стоит на кургане у самой реки
Цветок, не сгибаемый ветром.

1942

ПОДСНЕЖНИК

Над корневищами дубов
Темнеет снег неуловимо;
Густые поросли кустов
Охвачены недвижным дымом.

На соснах с южной стороны
Кора, оттаивая, дышит,
И лишь предчувствием весны
В лесу ковер узорный вышит.

И там, где тоненьким ручьем
Омыт в пути сухой валежник,
На бледном стебле, под лучом,
Уже качается подснежник.

И весь он, весь он голубой,
Необъяснимо чист и светел.
Его касается губой
Бредущий с юга пьяный ветер.

А от него невдалеке,
У входа в душную землянку,
На покосившемся пеньке
Сидит с ребенком партизанка.

Лицом уткнувшийся в платок,
Еще беспомощный, несмелый,
Он темно-розовый сосок
Губами ищет неумело...

И мать дает ребенку грудь,
Прислушиваясь над снегами,
Как сын старается втянуть
Побольше жадными губами.

И от нее невдалеке,
Чуть видный, невысокий, нежный,
На тонком бледном стебельке
Легко качается подснежник.

А рядом с ним бежит ручей
И на снегу не леденеет;
И мох под тяжестью лучей
На соснах мшистых зеленеет.

1942

КРАСНОТАЛ

Когда над берегом сиял
У Дона месяц, загораясь,
Шумел высокий краснотал,
С волной студеною встречаясь.
Ах, краснотал, мой краснотал,
Ты все ли мне тогда сказал?
Ах, краснотал, мой краснотал,
Кого ты ночкой темной ждал?

Шел казачок к реке вдвоем,
Смотря своей любимой в очи.
Ее отцовским пиджачком
Он укрывал степною ночью.
Ах, краснотал, мой краснотал,
Ты все ли мне тогда сказал?
Ах, краснотал, мой краснотал,
Кого ты ночкой темной ждал?
Они смотрели, как горел
Далекий бакен по-над Доном;
Они слыхали, как шумел
Камыш у берега зеленый.
Ах, краснотал, мой краснотал,
Ты все ли мне тогда сказал?
Ах, краснотал, мой краснотал,
Кого ты ночкой темной ждал?
Своей девчине казачок
В любви горячей жарко клялся,
Не замечал, как пиджачок
С любимых плеч к траве спускался.
Ах, краснотал, мой краснотал,
Ты все ли мне тогда сказал?
Ах, краснотал, мой краснотал,
Кого ты ночкой темной ждал?
Они сидели над рекой,
Река о чем-то говорила...
И билось, билось под рукой
У казачка сердечко милой.
Ах, краснотал, мой краснотал,
Ты все ли мне тогда сказал?
Ах, краснотал, мой краснотал,
Кого ты ночкой темной ждал?

1942

ШУМЕЛ СУРОВО БРЯНСКИЙ ЛЕС...

Шумел сурово Брянский лес,
Спускались темные туманы,
И сосны слышали окрест,
Как шли тропою партизаны.

Тропою тайной меж берез
Спешили дебрями густыми,
И каждый за плечами нес
Винтовку с пулями литыми.

В лесах врагам спасенья нет:
Летят советские гранаты,
И командир кричит им вслед:
— Громи захватчиков, ребята!

Шумел сурово Брянский лес,
Спускались темные туманы,
И сосны слышали окрест,
Как шли с победой партизаны.

1942

ХУТОР РУССКИЙ

Есть хутор Русский на Кубани,
Там нет сейчас живых домов,
Там горе плавает в тумане
На гребне вздымленных холмов.

Враги его огнем пытали,
Взрывали толом каждый дом,
Четвертовали и сметали,
Чтоб память выветрить о нем.

Но он стоял, стеною каждой
За землю русскую держась;
Огнем палим и мучим жаждой,
Он не желал пред немцем пасть.

Они его пытали, будто
Вобрал он русские края,
Не сто домов, не Русский хутор,
А вся в нем русская земля.

Он засыпал им пеплом лица,
Горел огнями, но не гас;
Он звал соседние станицы
К себе на помощь в трудный час.

Остался жив... Дома — калеки,
Пустые окна — сквозняком...
Переплывают люди реки,
Бредут из плавней босиком.

С горы идут тропинкой узкой,
Спешат дорогой через лес.
«Куда идете?» —
«В хутор Русский».
«Откуда вы?» —
«Из этих мест».

Рассвет в степи встречает тусклый
Людей, идущих чередой...
«Куда идете?» —
«В хутор Русский».
«К себе домой?» —
«Домой, домой!»

Враги его убить хотели,
Но он, как прежде, будет жить.
Убить и хутор не сумели,
А где же землю им убить!

1943

* * *

Все начинается с тебя:
И каждый день, и мысль любая,
И утро, что, лучом слепя,
Ко мне в окно с весной влетает,—
Все начинается с тебя!

Где б ни был я, в каких бы странах,
Среди людей, порою странных,
Ведущих сложный разговор,—
А ты со мной... И взор твой, взор
Так бесконечно мил и нежен,
Как был со мною до сих пор,—
Он измененьям не подвержен.

Все начинается с тебя:
Возьми ты голову седую,
Тобой набитую до дна;

Там только ты одна, одна!
Всем горестям моим бедуешь,
Всем радостям моим ликуешь,—
Все начинается с тебя!

Мои порывы и паденья —
Когда не вижу света я! —
Помечены твоею метою
Кончины все и воскресенья.
О, власть, что лишь тебе дана,—
Какое счастье, что одна!
И день, и небо голубое —
Все начинается с тебя,
И все кончается с тобою!

1963

* * *

Архипелаги неживые,
Как паутина на воде...
А я лечу к тебе в Россию,
В Россию я лечу к тебе.

И эти странные рисунки
Сопровождают нас пока,
Как в седлах кожаных подсумки,
Что с двух сторон хранят бока.

Но это просто Миссисипи,
Впадающая в океан,
Как будто желтой солью сыплет
Живущих всех по берегам.

Ах, эта соль, она с горчинкой,
С кайеннским перцем пополам,
Сочится в сердце под сурдинку,
Гремя, как медь, по куполам.

И эта первая разлука,
Твоя горячая ладонь
Мне стала верною порукой,
Что в сердце есть еще огонь,

Что есть начало путешествий,
Каких-то новых и живых...
Я не один... С тобою вместе,
Где все дается на двоих.

Печаль тебе — и мне не меньше,
Тоска тебе — и мне тоска;
Одно звено, как пара звеньев,
Где песня духа высока.

...Лежат распластанные шкуры
Каких-то желтых островов,
Потерянных в сухой лазури,
Но подогретые с боков.

Но соль тоски еще сочится,
Как кровь от раны под рукой,
Как бы желая обручиться
С твоей негаданной тоской.

Мехико — Нью-Йорк, 1968 г.

Джамбул Джабаев (1846—1945) — казахский народный поэт (акын). Лауреат Государственной премии СССР.

Пачев Бекмурза (1854—1936) — кабардинский поэт.

Стр. 44. *Нарты* — легендарные богатыри героического эпоса у многих народов Кавказа.

Цуг Теучеж (1855—1940) — адыгейский поэт.

Тоголок Молдо (1860—1942) — киргизский поэт.

Иоаннисиан Иоаннес (1864—1929) — армянский поэт.

Стр. 49—50. *Алагяз* — гора в Армении. *...с понтийских дальних берегов...*— Понт Евксинский («Гостеприимное море») — название Черного моря у древних греков. *Масис* — армянское название горы Арарат. *Раздан* — старинное название реки Занга, берущей свое начало из озера Севан и протекающей через Ереван.

Токтогул (1864—1933) — киргизский поэт.

Стр. 51. *Аил* — селение.

Акопян Акоп (1866—1937) — армянский поэт.

Стр. 57. *Гянджа*— один из древнейших культурных центров Азербайджана; ныне Кировабад. *Аббас* (1557—1628) — персидский шах из династии Сефевидов, прозванный Великим.

Стальский Сулейман (1869—1937) — лезгинский поэт.

Стр. 60. *Бичерахов* Л. (полковник царской армии) — организатор антисоветского, контрреволюционного белоказацкого мятежа в 1918 г.

Туманян Ованес (1869—1923) — армянский поэт.

Брюсов Валерий (1873—1924) — русский поэт.

Стр. 67. *Лоэнгрин* — герой поэмы «Парцифаль» немецкого поэта Вольфрама фон Эшенбаха (1170—1220).

Гулиа Дмитрий (1874—1960) — абхазский поэт.

Исаакян Аветик (1875—1957) — армянский поэт. Лауреат Государственной премии СССР.

Стр. 73. *Гусаны* — народные певцы.

Лебедев Михаил (1877—1951) — коми-зырянский поэт.

Цадаса Гамзат (1877—1951) — аварский поэт. Лауреат Государственной премии СССР.

Стр. 81. *Адат* — совокупность народных обычаев и народной юридической практики в различных сферах имущественных, семейных и других отношений.

Айни Садриддин (1878—1954) — таджикский поэт. Лауреат Государственной премии СССР.

Казияу Али (1879—1964) — кумыкский поэт.

Стр. 89. *Шахмалы* — феодальные правители Северного Дагестана, резиденция которых находилась в Тарки, близ Махачкалы.

Белый Андрей (1880—1934) — русский поэт.

Гафури Мажит (1880—1934) — башкирский поэт.

Стр. 91. *Шариат* — свод религиозных законов у мусульман, в отличие от адата — обычая.

Гастев Алексей (1882—1941) — русский поэт.

Гафуров Абуталиб (1882—1975) — лакский поэт.

Бедный Демьян (1883—1945) — русский поэт.

Лайцен Линард (1883—1938) — латышский поэт.

Городецкий Сергей (1884—1967) — русский поэт.

Каменский Василий (1884—1961) — русский поэт.

Хлебников Велимир (1885—1922) — русский поэт.

Гира Людас (1886—1946) — литовский поэт.

Клюев Николай (1887—1937) — русский поэт.

Лахути Абулькасим (1887—1957) — таджикский поэт.

Маршак Самуил (1887—1964) — русский поэт. Лауреат Ленинской премии и Государственной премии СССР.

Орешин Петр (1887—1938) — русский поэт.

Нарбут Владимир (1888—1944) — русский поэт.

Асеев Николай (1889—1963) — русский поэт. Лауреат Государственной премии СССР.

Ахматова Анна (1889—1966) — русская поэтесса.

Стр. 146. *Лаокоон* — троянский герой, пытавшийся помешать троянцам втащить в город оставленного греками деревянного коня. По преда-

нию, боги, предрешившие гибель Трои, послали двух огромных змей, удушивших Лаокоона и его сыновей. Смерть Лаокоона была излюбленной темой античных скульпторов.

Гофштейн Давид (1889—1952) — еврейский поэт.

Клычков Сергей (1889—1940) — русский поэт.

Намсараев Хоца (1889—1959) — бурятский поэт.

Полетаев Николай (1889—1935) — русский поэт.

Хамза Хакимзаде Ниязи (1889—1929) — узбекский поэт. Народный поэт республики.

Стр. 161. *Чиммат* — разновидность паранджи, которая плелась из конского волоса.

Шварцман Ошер (1889—1919) — еврейский поэт. Погиб в гражданскую войну.

Барбарус Йоханнес (1890—1946) — эстонский поэт.

Стр. 165. *Пан* — бог лесов и рощ, изобретатель свирели, покровитель пастухов и охотников.

Стр. 167. Стихотворение «Об одной потере» написано в связи с трагической смертью эстонского поэта Юхана Сютисте в 1945 г.

Стр. 169. *...из Савла апостол может родиться.*— Один из наиболее чтимых христианских апостолов Павел до обращения в христианство носил имя Савла.

Инбер Вера (1890—1972) — русская поэтесса. Лауреат Государственной премии СССР.

Пастернак Борис (1890—1960) — русский поэт.

Зенкевич Михаил (1891—1973) — русский поэт.

Ивнев Рюрик (род. в 1891 г.) — русский поэт.

Мандельштам Осип (1891—1938) — русский поэт.

Стр. 189. *Сазандарей* (сазандари) — певец-музыкант народного грузинского ансамбля.

Стр. 193. *Леди Годива* — персонаж английского предания; встречается также у английского поэта Альфреда Теннисона (1809—1892).

Табидзе Галактион (1891—1959) — грузинский поэт.

Тычина Павло (1891—1967) — украинский поэт. Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР.

Эренбург Илья (1891—1967) — русский поэт. Лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», лауреат Государственной премии СССР.

Семпер Йоханнес (1892—1970) — эстонский поэт.

Цветаева Марина (1892—1941) — русская поэтесса.

Яшвили Паоло (1892—1937) — грузинский поэт.

Стр. 231. *Ртвели* — сбор винограда.

Табидзе Тициан (1893—1937) — грузинский поэт.

Стр. 234. *Тамара* — жена Паоло Яшвили. *Пиросмани Нико* (Пиросманишвили; 1862—1918) — грузинский народный художник.

Стр. 237. *Антиной* — один из двенадцати женихов Пенелопы, жены Одиссея — мифического царя острова Итаки. *Нерон* (37—68 гг. н. э.) — римский император, кончил жизнь самоубийством.

Хурюгский Тагир (1893—1958) — лезгинский поэт.

Джансугуров Ильяс (1894—1937) — казахский поэт.

Звягинцева Вера (1894—1972) — русская поэтесса.

Кербабаев Берды (1894—1974) — туркменский поэт. Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР.

Стр. 247. *Яшмак* — конец головного платка, которым женщина прикрывает рот.

Кудаш Сайфи (род. в 1894 г.) — башкирский поэт.

Стр. 250. *Тукай* Габдулла (1886—1913) — татарский народный поэт, публицист.

Сейфуллин Сакен (1894—1939) — казахский поэт.

Судрабкалн Ян (1894—1975) — латышский народный поэт. Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР.

Шенгели Георгий (1894—1956) — русский поэт.

Стр. 261. *Богаевский* Константин Федорович (1872—1943) — советский художник-маринист, график.

Эллан (Блакитный) Василь (1894—1925) — украинский поэт.

Багрицкий Эдуард (1895—1934) — русский поэт.

Квитко Лев (1895—1952) — еврейский поэт.

Маркиш Перец (1895—1952) — еврейский поэт.

Наседкин Василий (1895—1940) — русский поэт.

Павлович Надежда (род. в 1895 г.) — русская поэтесса.

Рождественский Всеволод (род. в 1895 г.) — русский поэт.

Стр. 287—288. *...Журнал Лисянского, промеры Крузенштерна,//Дневник Головнина и карты Коцебу!*— Лисянский Юрий Федорович (1773—1837) — выдающийся русский мореплаватель, совершил в 1803—1806 гг. первое русское кругосветное плавание на корабле «Нева» в экспедиции Крузенштерна Ивана Федоровича (1770—1846), русского мореплавателя, адмирала. Головнин Василий Михайлович (1776—1831) — русский мореплаватель, вице-адмирал; во время описи Курильских островов был захвачен в плен японцами. Описал свое двадцатишестимесячное пребывание в Японии и два кругосветных плавания, открыл около четырехсот островов в Тихом океане, обследовал побережье Аляски, где открыл залив, названный его именем. *Беллинсгаузен* Фаддей Фаддеевич (1778—1852) — выдающийся русский мореплаватель. Возглавил кругосветную экспедицию в Антарктику в 1819—1821 гг.

Рыльский Максим (1895—1964) — украинский поэт. Лауреат Ленинской премии и Государственной премии СССР.

Стр. 288. *Киприда* (Афродита) — согласно наиболее распространенному древнегреческому мифу, дочь Зевса и океаниды Дионы; возникла из морской пены.

Стр. 290. *Фемида* — согласно древнегреческой мифологии, богиня права, законного порядка и предсказаний.

Стр. 292. *Декарт* Рене (1596—1630) — выдающийся французский философ, физик, математик и физиолог. *Гораций* Флакк Квинт (65—8 гг. до н. э.)— крупнейший римский поэт. *Мичурин* Иван Владимирович (1855—1935)— выдающийся советский ученый, преобразователь природы. *Павлов* Иван Петрович (1849—1936) — великий русский ученый, физиолог. *Менделеев* Дмитрий Иванович (1834—1907) — великий русский ученый, химик.

Стр. 293. *...И «Энеиды» колкий стих...* Имеется в виду произведение Котляревского Ивана Петровича (1769—1838) «Энеида, на украинский язык перелицованная». *Сковорода* Григорий Саввич (1722—1794) — украинский философ, просветитель-демократ, поэт. *Лысенко* Николай Витальевич (1842—1912) — крупнейший украинский композитор. *Заньковецкая* Мария Константиновна (1860—1934) — великая украинская актриса, создавшая вместе с Кропивницким, Садовским и Саксаганским новый украинский театр.

Стр. 297. *Верлен* Поль (1844—1896) — крупнейший французский поэт.

Эйдеман Роберт (1895—1937) — латышский поэт. Герой гражданской войны, командарм второго ранга.

Антокольский Павел (род. в 1896 г.) — русский поэт. Лауреат Государственной премии СССР.

Стр. 299. *Орфей* — древнегреческий мифический певец из Фракии. Согласно легенде, создал музыку и стихосложение, поэтому его иногда называли сыном Аполлона. *Эвридика* — жена Орфея.

Стр. 301—302. *Леонардо* да Винчи (1452—1519) — гениальный итальянский художник и ученый эпохи Возрождения. *Чаплин* Чарлз (род. в 1889 г.) — крупнейший актер и кинорежиссер. *Эйнштейн* Альберт (1879—1955) — крупнейший физик-теоретик (до 1933 г. жил в Германии, с 1933 г. работал в США). *Пикассо* Пабло (1881—1973) — выдающийся французский художник.

Стр. 305. *Скрябин* Александр Николаевич (1871—1915) — выдающийся русский композитор и пианист. *Врубель* Михаил Александрович (1856—1910) — выдающийся русский художник.

Крапива Кондрат (род. в 1896 г.) — белорусский поэт. Лауреат Государственной премии СССР.

Кульбак Моисей (1896—1940) — еврейский поэт.

Стр. 312. *Савская* — царица Савы, страны, по преданию, находившейся в Южной Аравии.

Нигер (Иван Джанаев) (1896—1947) — осетинский поэт.

Тихонов Николай (род. в 1896 г.) — русский поэт, Герой Социалистического Труда, лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», лауреат Ленинской премии в области литературы и искусства и Государственной премии СССР.

Стр. 320. *Тезей* (Тесей) — герой древнегреческой мифологии.

Чарот Михась (1896—1938) — белорусский поэт.

Галкин Самуил (1897—1960) — еврейский поэт.

Кучияк Павел (1897—1943) — алтайский поэт.

Леонидзе Георгий (1897—1966) — грузинский поэт. Лауреат Государственной премии СССР.

Стр. 333. *Хазария* (Хазарский каганат) — государственное образование раннефеодального типа в Прикаспийских и Причерноморских степях; в составе народонаселения преобладали кочевые тюркоязычные племена, называвшиеся хазарами. *Иверия* (Иберия, Картли) — древнее название Восточной и отчасти Южной Грузии.

Стр. 334. *Бахтрион* — крепость, служившая важным опорным пунктом грузинам и их союзникам в период захвата Кахетии в XVII в. иранским шахом. *Алазань* — река в Грузии и Азербайджане, левый приток Куры.

Стр. 335. *Тимур* (Тамерлан) (1336—1405) — среднеазиатский полководец и завоеватель.

Стр. 338. *Мухамбаз* — пятистишие в восточной поэзии.

Чаренц Егише (1897—1937) — армянский поэт.

Стр. 340—341. *Нарекаци* (Нарекский) Григор (951—1003) — великий армянский поэт. Учился в монастыре Нарека; будучи ученым-монахом, до конца жизни преподавал в этом монастыре. Основное произведение — поэма «Книга скорбных песнопений» («Нарек»). *Шнорали* Нерсес (1102—1173) — армянский поэт и политический деятель. *Овнатан Нагаш* (1661—1722) — армянский поэт и художник-миниатюрист. *Саз* — трехструнный щипковый музыкальный инструмент. *Зурна* — духовой деревянный музыкальный инструмент. *Кучак* Наапет — армянский поэт-лирик XVI в.

Стр. 345. *Дашнаки* — армянская буржуазно-националистическая контрреволюционная партия.

Стр. 346. *Карс* — древнейший армянский город; находится на северо-востоке Турции, близ советско-турецкой границы. С 1878 г. до конца первой мировой войны входил в состав России. *Терян* (Терьян) Ваан (1885—1920) — армянский поэт.

Стр. 347. *Рондо* — старофранцузская стихотворная форма, законченное стихотворение в тринадцать строк.

Безыменский Александр (1898—1973) — русский поэт.

Бобинский Василь (1898—1938) — украинский поэт.

Стр. 353. *Кентавры* (центавры) — мифические существа, полулюди-полукони.

Казин Василий (род. в 1898 г.) — русский поэт.

Стр. 362. *Кирилл и Мефодий* — выдающиеся славянские просветители IX в. Деятельность Мефодия и Кирилла (Константина) способствовала созданию литературного языка, общего в свое время для значительной части южных и западных славян.

Лебедев-Кумач Василий (1898—1949) — русский поэт. Лауреат Государственной премии СССР.

Сосюра Владимир (1898—1965) — украинский поэт. Лауреат Государственной премии СССР.

Сельвинский Илья (1899—1968) — русский поэт.

Стр. 376—377. *Важенка* — местное название самки северного оленя. *Манок* — дудка для подманивания зверей и птиц. *Гольды* — устаревшее название нанайцев, народности, живущей на нижнем Амуре.

Стр. 379. *Стерво* — труп околевшего животного.

Стр. 380. *Гендель* Георг Фридрих (1685—1759) — великий немецкий композитор.

Сеспель Мишши (1899—1922) — чувашский поэт.

Сулаймони Пайрав (1899—1933) — таджикский поэт.

Стр. 385. *Калам* — перо.

Сурков Алексей (род. в 1899 г.) — русский поэт. Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР.

Стр. 394. *Галилей* Галилео (1564—1642) — великий итальянский астроном, физик и механик, один из основоположников точного естествознания. *Бруно* Джордано (1548—1600) — великий итальянский мыслитель, сожжен инквизицией на костре в Риме.

Сютисте Юхан (1899—1945) — эстонский поэт.

Ушаков Николай (1899—1973) — русский поэт.

Стр. 400. ... *на легких голубках*...— Имеются в виду щегольские санки для двоих.

Стр. 402. *Чусоснабарм* — управление по снабжению армии.

Щипачев Степан (род. в 1899 г.)— русский поэт. Лауреат Государственной премии СССР.

Адалис Аделина (1900—1969) — русская поэтесса.

Зарьян Наири (1900—1969) — армянский поэт.

Стр. 417. *Ксенофонт* (ок. 430—355 гг. до н. э.) — древнегреческий историк.

Исаковский Михаил (1900—1973) — русский поэт. Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР.

Кочетков Александр (1900—1953) — русский поэт.

Прокофьев Александр (1900—1971) — русский поэт. Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии и Государственной премии СССР.

Туфан Хасан (род. в 1900 г.) — татарский поэт.

Стр. 438. *Назон.*— Имеется в виду Публий Овидий Назон (43 г. до н. э.— 17 г. н. э.) — великий древнеримский поэт, автор известной поэмы «Метаморфозы». Был сослан на берега Черного моря, где написал «Скорбные элегии», в которых сетовал на судьбу изгнанника. *Назым Хикмет* (1902—1963) — выдающийся турецкий революционный поэт.

Фефер Ицик (1900—1952) — еврейский поэт.

Стр. 440. *Шпола* — город на Украине.

Шогенцуков Али (1900—1941) — кабардинский поэт. Замучен в фашистском концлагере.

Грот Ян (1901—1968) — латышский поэт.

Лихачев Михаил (1901—1945) — коми-пермяцкий поэт.

Луговской Владимир (1901—1957) — русский поэт.

Рахими Мухаммеджан (1901—1968) — таджикский поэт.

Такташ Хади (1901—1931) — татарский поэт.

Стр. 458. *Посланье пишет старику...*— Старик — принятое у татар ласково-ироническое обращение к мужу.

Турганов Борис (род. в 1901 г.) — русский поэт.

Чак Александр (1901—1950) — латышский поэт.

Чумак Василь (1901—1919) — украинский поэт.

Ерикеев Ахмед (1902—1967) — татарский поэт.

Монтвила Витаутас (1902—1941) — литовский поэт. Расстрелян в фашистской тюрьме.

Усенко Павло (род. в 1902 г.) — украинский поэт.

Ванаг Юлий (род. в 1903 г.) — латышский поэт.

Стр. 475. *Мажара* (маджара) — на юге Украины, в Крыму и на Северном Кавказе длинная телега с решетчатыми боковыми стенками.

Голодный Михаил (1903—1949) — русский поэт.

Гулям Гафур (1903—1966) — узбекский поэт. Лауреат Ленинской премии и Государственной премии СССР.

Стр. 485. *Фуркат* (Закирджан) (1858—1909) — узбекский поэт-демократ. *Джами* Гуриддин (1414—1492) — выдающийся деятель таджикской культуры, поэт, философ, филолог.

Забила Наталья (род. в 1903 г.) — украинская поэтесса.

Заболоцкий Николай (1903—1958) — русский поэт.

Маари Гурген (1903—1969) — армянский поэт.

Мирцхулава Алио (1903—1971) — грузинский поэт.

Рауд Март (1903—1947) — эстонский поэт.

Саянов Виссарион (1903—1959) — русский поэт.

Светлов Михаил (1903—1964) — русский поэт. Лауреат Ленинской премии.

Стр. 510. *Жанна д'Арк* (Орлеанская дева) (ок. 1412—1431 гг.) — героиня французского народа, возглавившая во время Столетней войны борьбу с анг-

личанами. Была приговорена католической церковью к сожжению на костре. *Трианон* — Большой Трианонский дворец в Версале. *Мария-Антуанетта* (1755—1793) — французская королева, жена Людовика XVI, казнена во время французской буржуазной революции.

Стр. 515. *Рафаэль* Санти (1483—1520) — великий итальянский художник эпохи Возрождения.

Уткин Иосиф (1903—1944) — русский поэт.

Френкель Илья (род. в 1903 г.) — русский поэт.

Чиковани Симон (1903—1966) — грузинский поэт. Лауреат Государственной премии СССР.

Стр. 527. *Толумбаш* — человек, ведущий праздничное застолье.

Стр. 529. *Хевсуры* — этнографическая группа грузин. Живут в Восточной Грузии.

Бажан Микола (род. в 1904 г.) — украинский поэт. Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР.

Стр. 536. *Эринии* — в древнегреческой мифологии богини мщения. *Тарпейская гранитная тропа* (Тарпейская скала) — отвесный утес Капитолийского холма в Древнем Риме, с которого сбрасывали осужденных на смерть. По преданию, названа по имени Тарпеи — дочери начальника Капитолийской крепости, изменнически впустившего в крепость сабинян.

Жаров Александр (род. в 1904 г.) — русский поэт.

Стр. 543. *«Карманьола»* — французская народная революционная песня-пляска злободневного политического содержания.

Нерис Саломея (1904—1945) — литовская поэтесса. Лауреат Государственной премии СССР.

Тильвитис Теофилис (1904—1969) — литовский поэт. Лауреат Государственной премии СССР.

Токомбаев Аалы (род. в 1904 г.) — киргизский поэт. Герой Социалистического Труда.

Элляй Серафим (1904—1977) — якутский поэт.

Айбек (1905—1968) — узбекский поэт.

Бровка Петрусь (род. в 1905 г.) — белорусский поэт. Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии и Государственной премии СССР.

Стр. 579. *Аир* — травянистое многолетнее растение.

Глебка Петро (1905—1969) — белорусский поэт.

Каляев Санджи (род. в 1905 г.) — калмыцкий поэт.

Лукс Валдис (род. в 1905 г.) — латышский поэт.

Мартынов Леонид (род. в 1905 г.) — русский поэт. Лауреат Государственной премии СССР.

Стр. 593. *Мангазея* — русский город, основанный в 1601 г. на севере Западной Сибири. Название получил от кочевавшего здесь ненецкого племени. *Куракин* Борис (1678—1727) — князь, известный русский дипломат.

Стр. 597—598. *Птолемей* Клавдий (II в.) — древнегреческий астроном, географ и картограф. *Эребус* — действующий вулкан в Антарктике.

Петров Михаил (1905—1955) — удмуртский поэт.

Рудерман Михаил (род. в 1905 г.) — русский поэт.

Сарывелли Осман (род. в 1905 г.) — азербайджанский поэт.

Стр. 601. *Ханум* — почтительное обращение к женщине на Востоке, означающее «госпожа». *Ага* — богатый землевладелец.

Стр. 603—604. *Низами* Гянджеви (1141—1209) — великий азербайджанский поэт-гуманист. *Кёр-оглы* — герой одноименного эпоса, распространенного у народов Средней Азии.

Уйгун (род. в 1905 г.) — узбекский поэт.

Шведов Яков (род. в 1905 г.) — русский поэт.

Альвер Бетти (род. в 1906 г.) — эстонская поэтесса.

Барто Агния (род. в 1906 г.) — русская поэтесса. Лауреат Ленинской премии и Государственной премии СССР.

Венцлова Антанас (1906—1971) — литовский поэт. Лауреат Государственной премии СССР.

Вургун Самед (1906—1955) — азербайджанский поэт. Лауреат Государственной премии СССР.

Григулис Арвид (род. в 1906 г.) — латышский поэт.

Джалиль Муса (1906—1944) — татарский поэт. Лауреат Ленинской премии. Геройски погиб в фашистской тюрьме Маобит.

Кирсанов Семен (1906—1972) — русский поэт. Лауреат Государственной премии СССР.

Марков Сергей (род. в 1906 г.) — русский поэт.

Рустам Сулейман (род. в 1906 г.) — азербайджанский поэт. Лауреат Государственной премии СССР.

Шиваза Ясыр (род. в 1906 г.) — дунганский поэт.

Стр. 661. *Маодан* — пион.

Эркай Никул (род. в 1906 г.) — мордовский-эрзя поэт.

Безбородов Михаил (1907—1935) — мордовский-мокша поэт.

Герасименко Кость (1907—1942) — украинский поэт. Погиб в Великую Отечественную войну.

Каладзе Карло (род. в 1907 г.) — грузинский поэт.

Стр. 670. *Квери* — булочка из кукурузной и любой другой муки.

Кедрин Дмитрий (1907—1945) — русский поэт.

Кемпе Мирдза (1907—1974) — латышская народная поэтесса. Лауреат Государственной премии СССР.

Корнилов Борис (1907—1938) — русский поэт.

Мысик Василь (род. в 1907 г.) — украинский поэт.

Стр. 691. *Марко Поло* (1254—1324) — итальянский путешественник, венецианец. Одним из первых ознакомил европейцев с Центральной Азией и Китаем.

Нейман Юлия (род. в 1907 г.) — русская поэтесса.

Рагим Мамед (1907—1977) — азербайджанский поэт.

Тарковский Арсений (род. в 1907 г.) — русский поэт.

Стр. 702—703. *Надсон* Семен Яковлевич (1862—1887) — русский поэт. *Иеремия* — библейский пророк, по преданию, потомок древнего греческого рода, предсказывал в своих проповедях нашествие северных племен и разрушение Иерусалима.

Хузангай Педер (1907—1970) — чувашский поэт.

Державин Владимир (1908—1975) — русский поэт.

Стр. 708. *Гекатомба* — жертва богам, состоявшая первоначально из ста быков. В переносном смысле — массовое убийство, а также бесполезная гибель множества людей. *Антоний* Марк (83—30 гг. до н. э.) — римский политический деятель, боровшийся за власть в Риме; его флот потерпел поражение от римского императора Августа (63 г. до н. э.— 14 г. н. э.).

Стр. 710. *...облака альта-кумулюс...* — Перистые облака.

Джалил Джасмэ (род. в 1908 г.) — курдский поэт.

Жароков Таир (1908—1965) — казахский поэт.

Мушфик Микаил (1908—1939) — азербайджанский поэт.

Олейник Степан (род. в 1908 г.) — украинский поэт. Лауреат Государственной премии СССР.

Первомайский Леонид (1908—1973) — украинский поэт. Лауреат Государственной премии СССР.

Стр. 727. *Стожары* — русское народное название звездного скопления Плеяд.

Петровых Мария (род. в 1908 г.) — русская поэтесса.

Стр. 731. *Звартноц* (храм «Бдящих сил») — собор близ Эчмиадзина, выдающееся архитектурное сооружение древней Армении. Построено около

640—641 гг. при Нерсесе III Строителе. Храм разрушен, развалины раскопаны в начале XX в.

Сарыг-Оол Степан (род. в 1908 г.) — тувинский поэт.

Уметалиев Темиркул (род. в 1908 г.) — киргизский поэт.

Стр. 738. *Комуз* — киргизский народный трехструнный щипковый музыкальный инструмент.

Абашидзе Ираклий (род. в 1909 г.) — грузинский поэт.

Алимджан Хамид (1909—1944) — узбекский поэт.

Стр. 747. *Навои* Алишер (1441—1501) — великий узбекский писатель, ученый, художник, музыкант, государственный деятель.

Буков Емилиан (род. в 1909 г.) — молдавский поэт.

Грубиан Матвей (1909—1972) — еврейский поэт.

Джафаров Абумуслим (род. в 1909 г.) — табасаранский поэт.

Моро Артур (род. в 1909 г.) — мордовский-эрзя поэт.

Охтов Абдулах (1909—1971) — черкесский поэт.

Руммо Пауль (род. в 1909 г.) — эстонский поэт.

Стр. 756. *Эльва* — дачная местность около Тарту.

Рыленков Николай (1909—1969) — русский поэт.

Сян-Белгин Хасыр (род. в 1909 г.) — калмыцкий поэт.

Тажибаев Абдильда (род. в 1909 г.) — казахский поэт.

Бахшиев Миши (род. в 1910 г.) — татский поэт.

Берггольц Ольга (1910—1975) — русская поэтесса. Лауреат Государственной премии СССР.

Васильев Павел (1910—1937) — русский поэт.

Голованивский Савва (род. в 1910 г.) — украинский поэт.

Стр. 786. *Залка Матэ* (1896—1937) — венгерский писатель-коммунист; погиб в освободительной войне испанского народа 1936—1939 гг.

Грибачев Николай (род. в 1910 г.) — русский поэт. Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР.

Кириллов Петр (1910—1955) — мордовский-эрзя поэт.

Мамакаев Магомет (1910—1973) — чеченский поэт.

Миртемир (род. в 1910 г.) — узбекский поэт.

Рахим-заде Боки (род. в 1910 г.) — таджикский поэт.

Рза Расул (род. в 1910 г.) — азербайджанский поэт. Лауреат Государственной премии СССР.

Стр. 804. *Данте* Алигьери (1265—1321) — выдающийся итальянский поэт; *Физули* Мухаммед (1502—1562) — великий азербайджанский поэт. Писал на азербайджанском, персидском и арабском языках. *Тициан* Вечеллио ди Косдоре (1477—1576) — великий итальянский художник эпохи Возрождения.

Тарабукин Николай (1910—1950) — эвенский поэт.

Аманжолов Касим (1911—1955) — казахский поэт.

Стр. 813. *Торь* — почетное место.

Васильев Сергей (1911—1975) — русский поэт.

Стр. 817—818. *Допотина* — по-сибирски верхняя одежда; *чалдон* — коренной житель Сибири.

Гаврилюк Александр (1911—1941) — украинский поэт. Погиб 22 июня 1941 г. от фашистской бомбы.

Граши Ашот (1911—1975) — армянский поэт.

Деляну Ливиу (1911—1967) — молдавский поэт.

Стр. 827. *Аэды* — древнегреческие певцы-сказители, создатели эпических песен, исполнявшихся под аккомпанемент струнного инструмента.

Дмитерко Любомир (род. в 1911 г.) — украинский поэт.

Кайтуков Георгий (род. в 1911 г.) — осетинский поэт.

Липкин Семен (род. в 1911 г.) — русский поэт.

Стр. 841—842. *Мекка* — город в Саудовской Аравии. Религиозный центр ислама, место паломничества мусульман, родина Мухаммеда (Магомета; ок. 570—632), считающегося основателем ислама. *Гетерии* — тайные политические союзы в Древней Греции, а также греческие тайные общества конца XVIII — начала XIX в., имевшие главной целью свержение турецкого ига. *Каин* — по библейскому мифу, убийца своего брата *Авеля*.

Маликов Кубанычбек (род. в 1911 г.) — киргизский поэт.

Нагнибеда Микола (род. в 1911 г.) — украинский поэт. Лауреат Государственной премии СССР.

Островой Сергей (род. в 1911 г.) — русский поэт.

Софронов Анатолий (род. в 1911 г.) — русский поэт. Лауреат Государственной премии СССР.

Л. Осипова

СОДЕРЖАНИЕ

Ал. Михайлов. Поэтическая летопись советской эпохи . . . 5

СОВЕТСКАЯ ПОЭЗИЯ

Джамбул Джабаев

Духи. *Перевод Я. Смелякова* 43

Бекмурза Пачев

Ленина сила — морю подобна. *Перевод Н. Милованова* 44

Цуг Теучеж

Слово к парням, идущим в Красную Армию. *Перевод Н. Сидоренко.* 45

Тоголок Молдо

Ала-Тоо *(Отрывок из поэмы). Перевод Т. Стрешневой* 46

Иоаннес Иоаннисиан

Судьба-кузнец. *Перевод М. Лозинского* 48
Осколки. *Перевод Эм. Александровой* 49
Памяти А. Спендиарова. *Перевод Т. Спендиаровой* 49

Токтогул

Песня о Ленине. *Перевод М. Ватагина* 50
Песня против басмачей. *Перевод Ст. Куняева* 53
Я обрел счастье. *Перевод Ст. Куняева* 55

Акоп Акопян

В. И. Ленин. *Перевод А. Тарковского* 55
Завещание. *Перевод С. Городецкого* 56
Сверчок. *Перевод Н. Ушакова* 56

Моя любовь. *Перевод С. Шервинского* 56
Гянджа. *Перевод В. Державина* 57
Мое перо. *Перевод А. Тверского* 58
«Весенний полевой цветок...» *Перевод В. Инбер* 58
Лирика старости. *Перевод Эм. Александровой* 59
Мне говорят... *Перевод В. Инбер* 59

Сулейман Стальский

Переводы С. Липкина

Жди, Сулейман, большевиков! 60
Ты коммунистом будь! 61

Ованес Туманян

Четверостишия

«Свободен день, вольна любовь...» *Перевод К. Липскерова* 62
«Хотел быть с тобою...» *Перевод С. Мар* 62
«Лунный луч— твоя улыбка...» *Перевод С. Городецкого* . . 62
«Дыхание бога вдыхаю...» *Перевод К. Липскерова* 63
«Глянь! С Запада рабы машин...» *Перевод О. Румера* . . . 63
«Плывут века, жизнь коротка...» *Перевод С. Мар* 63
«В стране армян, как великан...» *Перевод О. Румера* . . . 63
«Родник течет и протечет...» *Перевод К. Липскерова* . . . 63
«Немало развалин былого...» *Перевод К. Липскерова* . . . 64
«Да, это всё...» *Перевод Т. Спендиаровой* 64

Валерий Брюсов

«Я вырастал в глухое время...» 64
России 65
К русской революции 66
Романтикам 67
Родное 67
Ленин 68

Дмитрий Гулиа

Моя родина. *Перевод Ст. Куняева* 69
Мир. *Перевод Г. Регистана* 69
На море. *Перевод В. Потаповой* 70
Нас слышит целый мир. *Перевод Л. Мартынова* 70
На морском берегу. *Перевод В. Державина* 71
Я у моря живу. *Перевод В. Державина* 71

Аветик Исаакян

К родине. *Перевод В. Звягинцевой* 72
«— Что плачешь ты, бесценный друг?..» *Перевод С. Шервинского* 72
Родине. *Перевод В. Державина* 73
Моей родине. *Перевод В. Державина* 74

«Безмятежная ночь! Один я сижу...» *Перевод Н. Чуковского* . . 74
Первые слезы. *Перевод В. Звягинцевой* 74
Песня птиц. *Перевод А. Ахматовой* 75
День великой победы. *Перевод Н. Тихонова* 76
Авику. *Перевод В. Звягинцевой* 77

Михаил Лебедев

Земля коми. *Перевод С. Обрадовича* 77

Гамзат Цадаса

Слово о кровной мести. *Перевод Т. Стрешневой* 79
Из цикла «Уроки жизни». *Перевод Я. Козловского* 81

Садриддин Айни

Во славу Октября. *Перевод И. Сельвинского* 87
На смерть моего брата Хаджи Сираджиддина. *Перевод Б. Лапина и З. Хацревина* 88

Али Казияу

Гора Таркú. *Перевод С. Липкина* 89

Андрей Белый

Родине 90

Мажит Гафури

Вырванные страницы. *Перевод П. Шубина* 91
«Хочу для человечества всего...» *Перевод П. Панченко* 92
Клятва. *Перевод Б. Турганова* 93

Алексей Гастев

Я полюбил 93
Оратору 94

Абуталиб Гафуров

Аул Кули. *Перевод С. Липкина* 95

Демьян Бедный

В огненном кольце 96
Проводы 97
Снежинки 99
Никто не знал... 99
Я верю в свой народ 100

Линард Лайцен

Что такое поэт? *Перевод В. Невского* 101
Асфальт. *Перевод автора* 101

Сергей Городецкий

Россия 102
«Настанет час, когда меня не станет...» 103
Молодежи 103

Василий Каменский

Сарынь на кичку! 104

Велимир Хлебников

Воля всем 106
Азия 107
Кавэ-кузнец 107
Трубите, кричите, несите! 108
Не шалить! 109

Людас Гира

Красные маки. *Перевод Н. Поляковой* 110
Лето. *Перевод М. Комиссаровой* 111
Суд народа. *Перевод М. Комиссаровой* 111
Радостные дни. *Перевод И. Григорьева* 112

Николай Клюев

«Солнце Осьмнадцатого года...» 113
Красная песня 114
«Я потомок лапландского князя...» 115
«Мой край, мое поморье...» 116

Абулькасим Лахути

«Горю, в тебя влюбленный...» *Перевод С. Липкина* 117
«Сними чадру — доколе...» *Перевод Ц. Бану* 118
Песня о воде. *Перевод Т. Стрешневой* 118
Родине. *Перевод Ц. Бану* 119

Самуил Маршак

Вот какой рассеянный 120
1616—1949 122
«Цветная осень — вечер года...» 123
«Как поработала зима!..» 123
«На всех часах вы можете прочесть...» 123
«Порой часы обманывают нас...» 124
«Как призрачно мое существованье!..» 124
«Ты много ли видел на свете берез?..» 125
«Все то, чего коснется человек...» 125
«Исчезнет мир в тот самый час...» 126
«Дождись, поэт, душевного затишья...» 127

«Года четыре был я бессмертен...» 127
«Полные жаркого чувства...» 127
«Все умирает на земле и в море...» 127
«Даже по делу спеша, не забудь...» 128
«Старайтесь сохранить тепло стыда...» 128
«Читатель мой особенного рода...» 128
«Человек — хоть будь он трижды гением...» 128
«Пусть будет небом верхняя строка...» 129

Петр Орешин

Плотник 129
«Вы меня не таким загадали...» 130
Сергей Есенин 130
«Прошли года, а я все тот же...» 131

Владимир Нарбут

Россия 132
«России синяя роса...» 132
Кобзарь 133
Октябрь 134
Бастилия 136

Николай Асеев

Россия издали 137
Кумач 138
Синие гусары 139
«Не за силу, не за качество...» 141
Дом 142
Простые строки
«Я не могу без тебя жить!..» 143
Зерно слов 143
Когда приходит в мир... 144

Анна Ахматова

«Не с теми я, кто бросил землю...» 145
«Тот город, мной любимый с детства...» 145
Борис Пастернак 146
Маяковский в 1913 году 147
Мужество 147
«Щели в саду вырыты...» 148
«Постучи кулачком — я открою...» 148
Летний сад 149
Тайны ремесла 149
«А я иду, где ничего не надо...» 154
«Что́ войны, что́ чума?..» 154

Давид Гофштейн

Начало. *Перевод О. Ивинской* 154
Вдохновение. *Перевод А. Эфрон* 155
Старые книги. *Перевод Л. Озерова* 156

Сергей Клычков

«Сегодня день морозно-синий...» 156

Хоца Намсараев

Вечное стремление. *Перевод М. Львова* 157

Николай Полетаев

Красная площадь 158
«Перевешу сапоги на плечи...» 159
«Портретов Ленина не видно...» 160

Хакимзаде Ниязи Хамза

Мы — рабочие. *Перевод Н. Асеева* 160
Узбекской женщине. *Перевод М. Зенкевича* 161

Ошер Шварцман

Весна. *Перевод Арк. Штейнберга* 162
Печаль. *Перевод Л. Озерова* 162

Йоханнес Барбарус

Весной. *Перевод В. Шацкова* 163
Анархическая поэзия. *Перевод Арк. Штейнберга* 164
Возрождение. *Перевод В. Шацкова* 165
Автопортрет. *Перевод Арк. Штейнберга* 165
Осеннее. *Перевод Д. Кедрина* 166
Отдаленье. *Перевод Г. Шенгели* 166
Об одной потере. *Перевод Г. Шенгели* 167
Раздумья. *Перевод Н. Горской* 168

Вера Инбер

Пять ночей и дней 169
Трамвай идет на фронт 170
Наша биография 171
Читателю 173

Борис Пастернак

Поэзия 174
«О, знал бы я, что так бывает...» 174
На ранних поездах 175
Ветер 176
Август 177
Зимняя ночь 178
«Во все мне хочется дойти...» 179

Когда разгуляется 180
Ночь 181
Снег идет 183

Михаил Зенкевич

Найденыш 184
Живут стихи 185

Рюрик Ивнев

Смольный 186
У колыбели Октября 186
Все повторяется 187
Наедине с природой 187
«Я пью тебя, пленительная жизнь...» 188

Осип Мандельштам

Актер и рабочий 188
«Мне Тифлис горбатый снится...» 189
«Умывался ночью на дворе...» 190
«Вы, с квадратными окошками...» 190
«Сегодня ночью, не солгу...» 191
«Я вернулся в мой город...» 192
«С миром державным я был...» 192
«За гремучую доблесть грядущих веков...» 193
«Сохрани мою речь навсегда...» 194
«Довольно кукситься, бумаги в стол засунем...» 194
«Мастерица виноватых взоров...» 195
«Да, я лежу в земле...» 195
Стансы 196
Рим 197

Галактион Табидзе

Корабль «Даланд». *Перевод Н. Заболоцкого* 198
«Путник стоял, ожидая трамвая...» *Перевод Б. Турганова* . . . 199
Ленин. *Перевод П. Антокольского* 200
«Мир состоит из гор...» *Перевод Б. Ахмадулиной* 201
Моя песня. *Перевод Н. Тихонова* 201
Не оставляй стиха бездомным. *Перевод Н. Заболоцкого* 202
«Так воин из ножен...» *Перевод О. Ивинской* 203
Море было спокойно. *Перевод А. Межирова* 203

Павло Тычина

На майдане. *Перевод Б. Турганова* 204
Ой, упал боец с коня... *Перевод А. Прокофьева* 205
Не Зевс, не Пан... *Перевод Б. Турганова* 205
Плуг. *Перевод Б. Турганова* 206

За всех скажу... *Перевод А. Гатова* 207
Чувство семьи единой. *Перевод Н. Брауна* 208
Я утверждаюсь. *Перевод Б. Турганова* 209

Илья Эренбург

России 211
«Разведка боем» — два коротких слова...» 211
Дыхание 212
«Так ждать, чтоб даже память вымерла...» 212
«Когда я был молод...» 213
«Я смутно жил и неуверенно...» 213
«Ты говоришь, что я замолк...» 213
«Чужое горе — оно, как овод...» 214

Йоханнес Семпер

У моря. *Перевод П. Антокольского* 214
Молчать нету силы. *Перевод М. Петровых* 216
Как бы смог ты жить? *Перевод Л. Тоома* 217
Искушение стать молодым. *Перевод Л. Тоома* 218

Марина Цветаева

«В черном небе слова начертаны...» 220
«Как правая и левая рука...» 220
«Стихи растут, как звезды и как розы...» 220
Глаза 221
«Солнце — одно, а шагает по всем городам...» 221
«Я счастлива жить образцово и просто...» 222
«Проста моя осанка...» 222
«Любовь! Любовь!..» 223
Владимиру Маяковскому 223
Рыцарь на мосту 224
«Русской ржи от меня поклон...» 225
Родина 225
Роландов рог 226
Челюскинцы 226
Из цикла «Март»
«О, слезы на глазах!..» 227
Народ 228
«Не умрешь, народ!..» 229

Паоло Яшвили

Новой Грузии. *Перевод И. Сельвинского* 229
Стол — Парнас мой. *Перевод Б. Пастернака* 230
Без повода. *Перевод Б. Пастернака* 231
Я верен слову... *Перевод Ю. Рященцева* 231
С вершин. *Перевод Н. Тихонова* 232

Тициан Табидзе

Петербург. *Перевод Б. Пастернака* 233
Паоло Яшвили. *Перевод П. Антокольского* 233
«Высоким будь, как были предки...» *Перевод Б. Пастернака* . 234
Нико Пиросмани. *Перевод Н. Заболоцкого* 234
«Если ты — брат мне...» *Перевод Б. Пастернака* 235
Камни говорят. *Перевод Н. Тихонова* 236
Матери. *Перевод Б. Пастернака* 237

Тагир Хурюгский

Слово о матери. *Перевод Я. Козловского* 238

Ильяс Джансугуров

Помощь. *Перевод Т. Стрешневой* 239

Вера Звягинцева

К портрету матери 240
«Я пишу, как дышу...» 241
«Обещайте мне, что вечно будет...» 242

Берды Кербабаев

Переводы Я. Козловского

Шестистишия 242
Зеленый чай 248
Гуси 249

Сайфи Кудаш

Проходя по улицам Уфы. *Перевод Л. Пеньковского* 249
Грузчик и поэт. *Перевод Б. Турганова* 250

Сакен Сейфуллин

В степи. *Перевод С. Наровчатова* 251
Предкам. *Перевод С. Наровчатова* 252
Скорбный день. *Перевод С. Наровчатова* 253
Ласточка. *Перевод М. Львова* 254

Ян Судрабкалн

Весенний гимн деревьев. *Перевод Л. Мартынова* 255
Сердце. *Перевод Л. Мартынова* 255
Латыши идут в бой. *Перевод В. Невского* 256
О будущем. *Перевод В. Бугаевского* 257
Клены цветут. *Перевод В. Невского* 258
Сирень в зимнюю ночь. *Перевод А. Кафанова* 259

Георгий Шенгели

Бетховен 260
Планер 260

Василь Эллан (Блакитный)

Удары молота и сердца. *Перевод Вс. Рождественского* 262
Письмо. *Перевод Б. Турганова* 262

Эдуард Багрицкий

Стихи о соловье и поэте 263
Контрабандисты 265
ТВС 267

Лев Квитко

Ленин. *Перевод М. Алигер* 270
Письмо Ворошилову. *Перевод С. Маршака* 271
Однажды. *Перевод Е. Благининой* 272
Работа. *Перевод Б. Слуцкого* 273
Лучи солнца. *Перевод Б. Слуцкого* 274

Перец Маркиш

«Приходит час ночной ко мне...» *Перевод А. Ахматовой* . . . 274
Во сне я видел мать. *Перевод А. Ревича* 275
Выбор. *Перевод Л. Озерова* 276
Забота. *Перевод А. Ахматовой* 276
Летучая мышь. *Перевод Л. Озерова* 277
Осень. *Перевод А. Ахматовой* 277
Наливай полней! *Перевод А. Ревича* 278

Василий Наседкин

«Белеет рожь. Синеют перелески...» 279
«Будут радовать вечно...» 280
«И мирный свет, и шорох древней воли...» 280

Надежда Павлович

«Прости меня! Сквозь долгие года...» 281
Анна Ахматова 281
Яблоко 283

Всеволод Рождественский

Белая ночь 283
Вологодские кружева 284
«Есть стихи лебединой породы...» 285
«В родной поэзии совсем не старовер...» 286
Песочные часы 287

Максим Рыльский

«Когда срезают гроздь винограда...» *Перевод Н. Ушакова* . . 288
«Поэт! Ты будь своим судьею...» *Перевод Б. Турганова* . . . 289
«Как внимательный охотник...» *Перевод Б. Турганова* 289
«Ласточки летают — им летается...» *Перевод И. Поступальского* 290

Полдень. *Перевод Б. Пастернака* 290
Ленин. *Перевод Б. Турганова* 291
Грибок. *Перевод Б. Турганова* 292
Слово о Матери-Родине. *Перевод Б. Турганова* 293
Розы и виноград. *Перевод М. Исаковского* 295
Сады Болгарии. *Перевод Б. Турганова* 296
«Есть такие строки у Верлена...» *Перевод А. Суркова* 297
День окончился... *Перевод Н. Ушакова* 297

Роберт Эйдеман

С тобою и со звездами в беседе. *Перевод Г. Эйдемана* 298

Павел Антокольский

Вступление 298
«Мне снился накатанный шинами мокрый асфальт...» 299
Черная речка 300
Встань, Прометей! 301
Ньютон 302
В моей комнате 303
Мы 304
Жара 305
«Словами черными, как черный хлеб и жалость...» 306
«Поэзия! Я лгать тебе не вправе...» 306

Кондрат Крапива

Переводы В. Корчагина

Мода 307
Папа Заяц 309
Философ и река 310

Моисей Кульбак

Беларусь. *Перевод С. Липкина* 311
Лунная ночь. *Перевод Ю. Нейман* 312
Вечно, вечно... *Перевод Р. Морана* 312
«Плеча коснулся — вздрогнула в ответ...» *Перевод Р. Морана* 313

Нигер (Иван Джанаев)

«День за днем уходит время...» *Перевод В. Тушновой* 313

Николай Тихонов

Другу 314
«Праздничный, веселый, бесноватый...» 315
«Огонь, веревка, пуля и топор...» 316
Перекоп 316
Баллада о гвоздях 317
«Вот птица — нет ее свежей...» 318
«Как след весла, от берега ушедший...» 319

«Крутой тропою — не ленись...» 320
Ночь 320
Ленинград 321
Могила красноармейцев на площади в Белграде 321
Радуга в Сагурамо 322
Рубашка 323
Инд 323
«Под сосен снежным серебром...» 324
«Опять стою на мартовской поляне...» 324
«Наш век пройдет. Откроются архивы...» 325

Михась Чарот

Песня белоруса. *Перевод А. Прокофьева* 325
«Затихла буря, и солнце глянет...» *Перевод Н. Брауна* 326
«Я в жизни радость рассыпаю...» *Перевод Н. Брауна* 327

Самуил Галкин

«Песня моя — трепет счастливый...» *Перевод М. Петровых* . . 327
Звезда. *Перевод А. Ахматовой* 328
Еще придет весна. *Перевод Д. Самойлоса* 329
Бессмертному поэту. *Перевод А. Ахматовой* 329
Поэт. *Перевод Ю. Нейман* 330
Тишина. *Перевод С. Маршака* 331

Павел Кучияк

Чемал. *Перевод В. Непомнящих* 332

Георгий Леонидзе

В страну хазар плывет журавль. *Перевод В. Державина* . . . 333
Журавлиный снег. *Перевод Н. Тихонова* 333
Путешествие. *Перевод Б. Пастернака* 334
Поэту. *Перевод Н. Тихонова* 335
«Ты в сердце жаворонком песенным влетела...» *Перевод М. Светлова* 336
«Как рассказать об этом изобилье...» *Перевод П. Антокольского* 336
Туманы. *Перевод А. Межирова* 337
Старый бубен. *Перевод Б. Пастернака* 338
Но если весна уйдет... *Перевод Е. Винокурова* 339

Егише Чаренц

Армении. *Перевод М. Павловой* 340
«Я привкус солнца в языке Армении родной люблю...» *Перевод М. Павловой* 340
«В то время...» *Перевод М. Павловой* 341
«Вы когда-нибудь видели...» *Перевод М. Павловой* 341
Моей музе. *Перевод В. Звягинцевой* 343

Семь заветов певцам грядущего. *Перевод М. Павловой* 344
Сонет. *Перевод М. Павловой* 345
«Твоих ночных минут...» *Перевод М. Павловой* 345
Памятник. *Перевод А. Тарковского* 345
Триолет Л.-Б. *Перевод А. Тарковского* 346
Наш язык. *Перевод А. Ахматовой* 346
Моей музе. *Перевод В. Звягинцевой* 347

Александр Безыменский

Молодая гвардия 347
Партбилет № 224332 348
Комсофлотский марш 349
Я брал Париж! 350

Василь Бобинский

Переводы Б. Турганова

Песнь крылатых кентавров 352
Семь лет 353

Василий Казин

Каменщик 356
Рабочий май 356
Рубанок 357
«Привычка к спичке — искорка привычки...» 358
Байдарские ворота 358
Снимок 359
Проводы 360
Не тот ли свет? 361
Кирилл и Мефодий 362

Василий Лебедев-Кумач

Марш веселых ребят 362
Веселый ветер 364
Священная война 365

Владимир Сосюра

Красная зима. *Перевод Н. Ушакова* 366
К нам!.. *Перевод Б. Тургапова* 367
О, не напрасно!.. *Перевод Н. Ушакова* 368
«Не возле стенки я, и кровь моя не льется...» *Перевод М. Светлова* 368
«Такой я нежный, такой тревожный...» *Перевод Б. Тургапова* . 369
Из окна. *Перевод Э. Багрицкого* 369
«Помню: вишни рдели и качались...» *Перевод А. Прокофьева* . . 370
«Подымается месяц мой чистый...» *Перевод Э. Багрицкого* . . 370
Комсомолец. *Перевод Б. Тургапова* 371
Вороненок. *Перевод Б. Тургапова* 372

Декабрь. *Перевод Н. Банникова* 372
О, если б!.. *Перевод Б. Турганова* 373
Терриконы. *Перевод Б. Турганова* 373
Донетчина моя! *Перевод Б. Турганова* 374
«Юность — друг чернобровый...» *Перевод А. Прокофьева* . . . 375

Илья Сельвинский

К вопросу о русской речи 375
Охота на тигра 376
Поэзия 381
Из цикла «Алиса»
Этюд 5 382
Этюд 10 382
Этюд 13 383
Этюд 14 383

Миши Сеспель

«Далеко в поле желтый зной...» *Перевод П. Хузангая* 384

Пайрав Сулаймони

Перо мое. *Перевод М. Замаховской* 385
Пока ты со мной. *Перевод А. Адалис и Л. Мигдаловой* . . . 385

Алексей Сурков

Герой 386
Конармейская песня 387
Песня смелых 388
«Человек склонился над водой...» 388
«Вот бомбами разметанная гать...» 389
«Бьется в тесной печурке огонь...» 389
Предчувствие весны 390
Пора! 390
«Видно, выписал писарь мне дальний билет...» 391
Утро в окопе 392
Утро победы 392
Возвысьте голос, честные люди! 393

Юхан Сютисте

Читая Пушкина. *Перевод В. Азарова* 395
Из цикла «Любовь»
«Пора проснуться! Слов слабеет сила...» *Перевод Вс. Рождественского и Б. Томашевского* 399

Николай Ушаков

Фруктовая весна предместий 399
Московская транжирочка 400

Мастерство 403
Пастораль 403
Поэзия 404

Степан Щипачев

«Любовью дорожить умейте...» 405
«Пускай умру, пускай летят года...» 405
Соловей 405
«Как хочешь это назови...» 406
«Ты со мной — и каждый миг мне дорог...» 406
«Ты порой целуешь ту, порою — эту...» 406
Соседка 406
«Себя не видят синие просторы...» 407
Ключ 407
Голос 408
День 409
Зрение 409
Овес 409
Изба 410
Высота 411
Обращение к времени 412
Взглянув на часы 412

Аделина Адалис

«Все ближе горы понемногу...» 413
Человек 413
Считается... 413
«Нет, мы не рождаемся с душой...» 414
«...Кто-то, глубоко во мне живущий...» 414

Наири Зарьян

«На чужом ты сгорела огне...» *Перевод В. Звягинцевой* 415
«Любимая, как нежен голос твой...» *Перевод В. Потаповой* . . . 415
«По жесткому закону бытия...» *Перевод В. Звягинцевой* 416
Отчий дом. *Перевод В. Звягинцевой* 416
«Не знал я детства беззаботных дней...» *Перевод В. Звягинцевой* 417
Завещание Кира. *Перевод С. Липкина* 417
«Я хотел бы, чтоб имя твое звездой...» *Перевод В. Казина* . . . 417
А все же... *Перевод А. Яшина* 418
С тобою вместе. *Перевод А. Яшина* 418

Михаил Исаковский

Прощание 419
Катюша 420
Я вырос в захолустной стороне 420
Слово о России 421

Враги сожгли родную хату... 423
Летят перелетные птицы... 424
Дума о Ленине 425

Александр Кочетков

Баллада о прокуренном вагоне 427

Александр Прокофьев

Развернись, гармоника... 428
Товарищ 429
Товарищ, ты видел 430
Яблоня на минном поле 432
Стихи о России 432
«Да, есть слова глухие...» 434
Приглашение к путешествию 435
Из биографии 435

Хасан Туфан

Переводы Р. Морана

Не будь половинчатым 437
Еще далеко до зимы 438
«Ты ровесница вечности. Меры...» 438

Ицик Фефер

«Со мною конь, мешок и шашка...» *Перевод Е. Евтушенко* . . . 439
Нелегкий путь. *Перевод А. Ревича* 439
Первые стихи. *Перевод П. Антокольского* 440
Старый напев. *Перевод О. Ивинской* 441
Жить хорошо! *Перевод Арк. Штейнберга* 442

Али Шогенцуков

Завещание. *Перевод М. Петровых* 443

Ян Грот

Полуоткрытое окно. *Перевод А. Кушнера* 444
У могилы Райниса. *Перевод А. Кушнера* 444
Цветочная нота. *Перевод А. Кушнера* 445
«Это будут лишь немногие...» *Перевод И. Черевичник* 446

Михаил Лихачев

Эгрунь. *Перевод И. Молчанова* 446

Владимир Луговской

Песня о ветре 447
Курсантская венгерка 450
Фотограф 452
Костры 453

Мухаммеджан Рахими

К вершинам счастья. *Перевод В. Кириллова* 455

Хади Такташ

Алсу. *Перевод Л. Мартынова* 456

Борис Турганов

Сегодня 460
Почтовый голубь 460
Былые забудутся беды 462
На перевале 462

Александр Чак

Переводы В. Невского

У обрыва 463
Латышские стрелки 464
Вода 466

Василь Чумак

Жертва. *Перевод В. Цвелева* 467
Вышивая песню... *Перевод В. Звягинцевой* 467

Ахмед Ерикеев

«С берега высокого, как с кручи...» *Перевод С. Липкина* 468
Попутчица. *Перевод Б. Ахмадулиной* 468
«Что за любовь тебе я подарю?..» *Перевод Е. Евтушенко* . . . 469
«Я — домосед, но если снова...» *Перевод Я. Козловского* . . . 469
«Море — не море, пока не появятся...» *Перевод С. Липкина* . . 470

Витаутас Монтвила

Переводы Л. Озерова

Погибшему товарищу 470
На перепутье 471
Моя отчизна 472
Мои слова 472
Свободному ветру 473
Литве 473
У могилы друзей 474

Павло Усенко

Весеннее. *Перевод Л. Длигача* 474
Соленое пламя Сиваша. *Перевод Б. Турганова* 475

Юлий Ванаг

Песня. *Перевод М. Исаковского* 477
Межевые знаки. *Перевод С. Маршака* 477
Любовь. *Перевод В. Шефнера* 478

Михаил Голодный

Судья ревтрибунала 479
Партизан Железняк 481

Гафур Гулям

Мать. *Перевод С. Северцева* 482
К нам приезжайте погостить, друзья! *Перевод К. Симонова* . . 483

Наталья Забила

Сестре. *Перевод П. Вячеславова* 486

Николай Заболоцкий

Рыбная лавка 487
Уступи мне, скворец, уголок 488
Завещание 489
Я не ищу гармонии в природе 490
Читая стихи 491
О красоте человеческих лиц 491
Некрасивая девочка 492
Можжевеловый куст 493
Гроза идет 494
Не позволяй душе лениться 494

Гургем Маари

21 января 1924. *Перевод В. Сикорского* 495
На волосах моих зима. *Перевод А. Гатова* 496
Лунная любовь. *Перевод В. Соколова* 496
Воспоминание. *Перевод В. Соколова* 497
Закат. *Перевод В. Цыбина* 497
Возвращение. *Перевод В. Соколова* 498

Алио Мирцхулава

Кузнец. *Перевод Е. Евтушенко* 498
Песня сердца. *Перевод А. Межирова* 499
Лук и лира. *Перевод Е. Евтушенко* 500
Я и лето. *Перевод А. Межирова* 501
Ночные думы. *Перевод М. Луконина* 501
Вечный стих. *Перевод Е. Евтушенко* 502

Март Рауд

Узор на перчатке. *Перевод Л. Стекольникова* 502
Бессмертие. *Перевод Л. Длигача* 503
Новые глаза. *Перевод Вс. Рождественского* 504
Русское слово. *Перевод М. Светлова* 504

Виссарион Саянов

Современники 506
«Не говор московских просвирен...» 507
«Дай руку мне, пойдем со мною...» 508
Безымянная строка 508
Любимая книга 509
Поколение 509

Михаил Светлов

Рабфаковке 510
Гренада 512
Песня о Каховке 514
Итальянец 515
Моя поэзия 516
«Мне неможется на рассвете...» 518

Иосиф Уткин

Слово Есенину 519
Гитара 520
Комсомольская песня 522
Если я не вернусь, дорогая... 523

Илья Френкель

Давай закурим 524

Симон Чиковани

Кто сказал... *Перевод Н. Тихонова* 525
Начало. *Перевод Б. Ахмадулиной* 526
Тбилисский рыбак. *Перевод Б. Пастернака* 527
Ночи Пиросмани. *Перевод П. Антокольского* 528
Закат. *Перевод А. Тарковского* 529
Снег. *Перевод А. Межирова* 530
Последнее стихотворение. *Перевод Ст. Куняева* 531

Микола Бажан

Разрыв-трава. *Перевод Э. Багрицкого* 531
Бессмертие *(Отрывок). Перевод Б. Турганова* 533
Дорога. *Перевод Б. Турганова* 535
Над морем. *Перевод Н. Заболоцкого* 535
На форуме Рима. *Перевод А. Суркова* 536
Четыре рассказа о надежде. *(Вариации на тему Р.-М. Рильке). Вторая вариация. Перевод Д. Самойлова* 537

Александр Жаров

На коне 540
Взвейтесь кострами 541

Старым друзьям 542
Заветный камень 543
Грустные ивы 544
Глашатай весны 545
После долгих путей-перепутий 546

Саломея Нерис

Ветер. *Перевод Д. Самойлова* 547
В сумерках. *Перевод Д. Самойлова* 548
Я вернулась... *Перевод М. Квятковской* 548
Гимн жизни. *Перевод М. Петровых* 549
Не брани меня. *Перевод Д. Самойлова* 549
«Как алые пятна стыда...» *Перевод Г. Ефремова* 550
Летят журавли. *Перевод А. Ахматовой* 550
Я зацвету... *Перевод А. Ахматовой* 551
Никогда. *Перевод Юнны Мориц* 551
Родине. *Перевод М. Петровых* 552
Бетховен. *Перевод А. Ахматовой* 552
Пой, сердце, жизнь. *Перевод В. Левика* 553
Осень. *Перевод Д. Самойлова* 554
Бездольная. *Перевод Н. Матвеевой* 554
Литве. *Перевод Г. Ефремова* 555
«Настанет май, в садах сирень очнется...» *Перевод Г. Ефремова* 556
Предвесенние ветры. *Перевод Ю. Нейман* 556

Теофилис Тильвитис

Упыри. *Перевод П. Антокольского* 557
Отдых. *Перевод Л. Озерова* 559
Жигули. *Перевод М. Светлова* 559
На дне моря. *Перевод М. Петровых* 561

Аалы Токомбаев

Потомкам. *Перевод М. Ватагина* 561
Пчела. *Перевод Т. Стрешневой* 562
Белый олень. *Перевод С. Липкина* 563
Мумиё. *Перевод М. Ватагина* 564
Убегающей юности. *Перевод С. Липкина* 565
На земле отеческой. *Перевод С. Липкина* 566

Серафим Элляй

Будь счастлив! *Перевод Н. Глазкова* 567

Айбек

Первый снег. *Перевод Н. Тихонова* 568
День великий придет. *Перевод В. Державина* 568
Памяти Анны Ахматовой. *Перевод А. Наумова* 570

Петрусь Бровка

Земля. *Перевод Б. Ясенского* 571
Рана. *Перевод Н. Ушакова* 573
Часточка. *Перевод А. Прокофьева* 573
Дубовый лист. *Перевод Я. Хелемского* 574
Декрет Ленина. *Перевод Я. Хелемского* 575
Александрина. *Перевод М. Исаковского* 576
Два сердечных слова. *Перевод Я. Хелемского* 577
Партизанский телеграф. *Перевод Я. Хелемского* 578
В начале лета. *Перевод М. Исаковского* 579
Когда в краю... *Перевод М. Исаковского* 579
Волнение. *Перевод М. Исаковского* 579
«Не спишь. Тревожно сердце бьется...» *Перевод В. Корчагина* . 580

Петро Глебка

«Зачем гадать, мечтая о далеком...» *Перевод Н. Брауна* 581
Ягоды. *Перевод Я. Хелемского* 581
Упорство. *Перевод Г. Куренева* 582
Смерть солдата. *Перевод Н. Панченко* 583
Возвращение. *Перевод Н. Заболоцкого* 584
«Я спал. И сны мои летели...» *Перевод Я. Хелемского* 585
Радуга. *Перевод Я. Хелемского* 586

Санджи Каляев

О нем пою. *Перевод В. Пальчикова* 586

Валдис Лукс

Смерть не для нас. *Перевод Л. Мартынова* 587
Солнцеворот. *Перевод Л. Мартынова* 588
Перед боем. *Перевод Арк. Штейнберга* 589
Каналы. *Перевод В. Звягинцевой* 589
Цветет земля. *Перевод Вс. Рождественского* 590

Леонид Мартынов

Кружева 590
Лукоморье 591
Вода 594
«Что-то новое в мире...» 595
Богатый нищий 596
«Он перед нами открывает душу...» 596
«Отмечали вы, схоласты...» 597
Я поднял стихотворную волну 597
«О, если бы писали мы...» 598
Поэзия 598

Михаил Петров

Поэту. *Перевод В. Цвелева* 599

Михаил Рудерман

Песня о тачанке 600

Осман Сарывелли

Нищий в панаме. *Перевод А. Адалис* 601
Скалы. *Перевод А. Кронгауза* 603

Уйгуи

Весна. *Перевод В. Державина* 604
Пушкин. *Перевод В. Державина* 605
Моему врачу. *Перевод С. Северцева* 606

Яков Шведов

Орленок 607

Бетти Альвер

Певец. *Перевод Юнны Мориц* 608
Голоса. *Перевод Юнны Мориц* 608
Музе. *Перевод С. Семененко* 609
Флейтистка. *Перевод Юнны Мориц* 609
«Говори со мною тихо...» *Перевод Юнны Мориц* 610

Агния Барто

Наш сосед Иван Петрович 610
Снегирь 613
Леночка с букетом 614
Однажды я разбил стекло 616
В пустой квартире 617
Лето на весах 617

Антанас Венцлова

Пир в горах. *Перевод Н. Тихонова* 618
На берегу Дуная. *Перевод П. Антокольского* 620
Село Михайловское. *Перевод П. Антокольского* 621
Голос Грузии. *Перевод Н. Тихонова* 622

Самед Вургун

Память. *Перевод Н. Асеева* 623
Философия жизни. *Перевод Б. Пастернака* 625
Я не спешу... *Вольный перевод К. Симонова* 627
Телогрейка. *Вольный перевод К. Симонова* 628
Поэт, как рано постарел ты... *Вольный перевод К. Симонова* . . 629

Арвид Григулис

Переводы А. Передреева

Ветка сирени 630
Сонет о море и рыбаке 631
Сонет о море и жизни 631
Возможно ли?.. 632
Крымские мотивы 632

Муса Джалиль

Мои песни. *Перевод С. Липкина* 633
Весна. *Перевод Э. Багрицкого* 634
Слеза. *Перевод Б. Зернита* 635
Воля. *Перевод М. Львова* 636
Пташка. *Перевод В. Ганиева* 637
Звонок. *Перевод Л. Пеньковского* 638
Последняя песня. *Перевод И. Сельвинского* 638
Дороги. *Перевод П. Ганиева* 639
Случается порой. *Перевод С. Маршака* 640
Палачу. *Перевод С. Липкина* 640
Не верь! *Перевод И. Френкеля* 641
Новогодние пожелания. *Перевод И. Френкеля* 641

Семен Кирсанов

Ветер 642
Лирика 643
Этот мир 645
Мир 646
Новаторство 647
«Жизнь моя, ты прошла, ты прошла...» 648
Возвращение 649

Сергей Марков

Горячий ветер 650
Темный румянец 651
Земные корни 652
Шемаханская царица 652

Сулейман Рустам

Романтика ночи. *Перевод В. Кафарова* 657

Ясыр Шиваза

Среди волн. *Перевод М. Ватагина* 659
Смерть героя. *Перевод М. Ватагина* 660
Победа. *Перевод А. Тарковского* 660
Смуглянка. *Перевод Т. Стрешневой* 660

Снежинка. *Перевод Т. Стрешневой* 661
Мальчуган. *Перевод Т. Стрешневой* 662
Первый шаг. *Перевод Т. Стрешневой* 662

Никул Эркай

«Двери в лес распахивая настежь...» *Перевод Н. Старшинова* . 663

Михаил Безбородов

Лес. *Перевод В. Щепотева* 664

Кость Герасименко

Из фронтового блокнота. *Перевод Л. Озерова* 665

Карло Каладзе

Жаворонок. *Перевод Е. Евтушенко* 666
Старые деревья. *Перевод Е. Евтушенко* 668
«Летит с небес плетеная корзина...» *Перевод Б. Ахмадулиной* . 670
Фреска. *Перевод В. Соколова* 670
Мой день. *Перевод К. Симонова* 671
Камень. *Перевод А. Тарковского* 671

Дмитрий Кедрин

Кукла 672
Колокол 674
Красота 675
Мороз на стеклах 676
«Такой ты мне привиделась когда-то...» 676
Приглашение на дачу 676

Мирдза Кемпе

Гимн весне. *Перевод И. Черевичник* 677
Вода. Хлеб. Воздух. *Перевод Л. Азаровой* 678
Янтарь в моем кольце. *Перевод И. Черевичник* 678
К свету. *Перевод В. Невского* 679
Ради тебя. *Перевод Л. Азаровой* 679
Мавзолей Тимура. *Перевод В. Невского* 679
Ответы Райниса. *Перевод Н. Павлович* 680
Родная сторона. *Перевод Г. Горского* 680
Ушедшему поэту. *Перевод И. Черевичник* 681
Сюда хочу вернуться. *Перевод И. Черевичник* 681

Борис Корнилов

Качка на Каспийском море 682
Песня о встречном 684
Соловьиха 685

Василь Мысик

«Степной простор от края и до края...» *Перевод Ю. Подгородникова* 687
Полынь. *Перевод В. Шацкова* 688
«Плывет над полем матовая мгла...» *Перевод В. Шацкова* . . . 688
Ночь. *Перевод Б. Слуцкого* 689
Июнь. *Перевод Т. Гнедич* 689
Зной. *Перевод Т. Гнедич* 689
Тень от тучки. *Перевод Ю. Саенко* 689
Пора жатвы. *Перевод В. Шацкова* 690
Далеко в горах. *Перевод Б. Слуцкого* 691
Юность. *Перевод Б. Слуцкого* 691
Небо. *Перевод Т. Гнедич* 692
Рассвет. *Перевод В. Шацкова* 692
Планета. *Перевод В. Шацкова* 693

Юлия Нейман

Багульник расцвел 694
Баллада о двух скрипках 694
Начало осени 696

Мамед Рагим

Антара. *Перевод В. Державина* 696
Заброшенная мельница. *Перевод В. Потаповой* 697
Дом на окраине деревни. *Перевод В. Потаповой* 698
Ивы. *Перевод В. Потаповой* 699
«Если бы жизнь моя только в пирах проходила...» *Перевод А. Плавника* 699
Озари мой дом. *Перевод А. Плавника* 700

Арсений Тарковский

Зуммер 701
Вещи 702
Посредине мира 702
Рукопись 703
Поздняя зрелость 703
Жизнь, жизнь 704
«Пляшет перед звездами звезда...» 705

Педер Хузангай

Глаз Волги. *Перевод В. Потаповой* 705
Приглашение в Чувашию. *Перевод автора* 706

Владимир Державин

Осенний вечер 706
Нежность 707
Чернильница 708

Из Кавказской тетради
«Когда гудит под ветром лес...» 709
Разговор с облаками 710

Джасмэ Джалил

Стала бы свирелью. *Перевод Н. Алибеговой* 711

Таир Жароков

Самолет. *Перевод Н. Старшинова* 712
Послание друзьям. *Перевод П. Железнова* 713
Поэт в степи. *Перевод А. Голембы* 713

Микаил Мушфик

Поэт. *Перевод П. Антокольского* 715
Мост. *Перевод П. Антокольского* 716
Твой смех. *Перевод Т. Стрешневой* 718
Когда шел дождь. *Перевод Т. Стрешневой* 718

Степан Олейник

Незаменимый Мацепура. *Перевод Б. Полийчука* 719
Карась-середняк. *Перевод В. Корчагина* 721

Леонид Первомайский

Ульяна. *Перевод М. Комиссаровой* 723
Песня. *Перевод А. Суркова* 724
Марш. *Перевод Б. Тургенова* 726
Партбилет. *Перевод М. Алигер* 727
«Если падает дерево в чаще...» *Перевод В. Звягинцевой* 728

Мария Петровых

Черта горизонта 729
«От зноя воздух недвижим...» 729
«Пожалейте пропавший ручей!..» 730
Армения 731
«Но только и было, что взгляд издалёка...» 732
«Ни ахматовской кротости...» 732
«Сердцу ненавидеть непривычно...» 733
«И вдруг возникает какой-то напев...» 733

Степан Сарыг-Оол

Вечная слава. *Перевод С. Гудзенко* 734

Темиркул Уметалиев

Талант. *Перевод В. Потаповой* 735
Аркыт. *Перевод Я. Смелякова* 735
Араван. *Перевод Т. Стрешневой* 736

Восьмистишия. *Перевод М. Ватагина* 737
Помню. *Перевод М. Ватагина* 738

Ираклий Абашидзе

Голос у стен Крестного монастыря. *Перевод А. Межирова* . . . 739
«Жаждешь узреть,— это необходимо...» *Перевод Б. Ахмадулиной* 741
У Алазани. *Перевод А. Межирова* 742
Миг или вечность. *Перевод А. Межирова* 743
«Ты увидел? Заметил? Вгляделся?..» *Перевод Б. Ахмадулиной* . 743
Весна. *Перевод Б. Ахмадулиной* 744

Хамид Алимджан

Зимняя улица. *Перевод С. Липкина* 745
Снег в степи. *Перевод С. Липкина* 745
Поезда. *Перевод С. Липкина* 746
Россия. *Перевод В. Державина* 747

Емилиан Буков

Победа. *Перевод С. Мар* 748
Кто сказал? *Перевод В. Луговского* 749
«Нет, мощь огня...» *Перевод Н. Горской* 750
Греби, лодочник! *Перевод Н. Горской* 750
Это было в Санжейке. *Перевод Арк. Штейнберга* 751

Матвей Грубиан

Переводы Я. Смелякова

В прибалтийском городе 752
Море 753

Абумуслим Джафаров

Подарок. *Перевод Е. Старининой* 753

Артур Моро

Мордовия моя. *Перевод Э. Дедовой* 754

Абдулах Охтов

Слово о братстве. *Перевод А. Исакова* 755

Пауль Руммо

Страница из дневника. *Перевод Б. Кежуна* 756
Русская женщина. *Перевод Н. Яворской* 756

Николай Рыленков

«Нет, не весна, а ты сама...» 758
«Мне нравится искусство бочара...» 759
«Прошедшим фронт, нам день зачтется...» 759

«Ты никогда так не была близка мне...» 760
«Золотое облако зноя...» 761
Надпись на книге 761
Баллада о портрете 762
«Куда ни посмотришь — родные...» 763
«Я помню долг свой пред тобой, Россия...» 763
«Я, признаться, жить хотел бы долго...» 764
«Не оставили деды портретов для нас...» 764
«Мужавший на сквозном ветру...» 765
Ладони, пахнущие хлебом 765

Хасыр Сян-Белгин

«Я — за стихи железные...» *Перевод Д. Долинского* 766

Абдильда Тажибаев

России. *Перевод И. Сельвинского* 767
Как будто березки... *Перевод Я. Смелякова* 768
«Дорогой жизни долго я шагал...» *Перевод Я. Смелякова* 770
Сырдарья. *Перевод Я. Смелякова* 770

Миши Бахшиев

Татской женщине. *Перевод Г. Шенгели* 772

Ольга Берггольц

Предчувствие 773
«Не утаю от Тебя печали...» 774
Родине 774
Борису Корнилову 775
«...Я говорю с тобой под свист снарядов...» 776
29 января 1942 777
Стихи о себе 778
Стихи о любви 779
«А я вам говорю, что нет...» 780

Павел Васильев

Тройка 781
Другу-поэту 782
Стихи в честь Натальи 783
«Родительница степь, прими мою...» 785

Савва Голованивский

«Без малого четырнадцати лет...» *Перевод Б. Иринина* 785
Встреча солнца на Чернечьей горе. *Перевод Д. Алтаузена* . . 786
Весна. *Перевод В. Звягинцевой* 788

Николай Грибачев

Разговор с певцом 789
На рассвете 789
На Дамбае 792
Лето — тревога и радость моя 793
Слова 795
Если разум подведет 795

Петр Кириллов

«Как много пройдено дорог...» *Перевод М. Голодного* 796

Магомет Мамакаев

Мы люди гор... *Перевод Н. Гребнева* 797

Миртемир

Юность. *Перевод Т. Стрешневой* 797
Облака. *Перевод Р. Морана* 799
Свеча. *Перевод С. Липкина* 799
Кубинцы. *Перевод С. Липкина* 800

Боки Рахим-заде

В лунную ночь. *Перевод С. Липкина* 801
Истина жизни. *Перевод М. Светлова* 802

Расул Роза

Время. *Перевод Е. Винокурова* 804
«Подозреваю, что стары...» *Перевод Юнны Мориц* 804
Подснежник. *Перевод М. Алигер* 805
Без заката. *Перевод Е. Винокурова* 806
Капли. *Перевод А. Тарковского* 806
Море и поэзия. *Перевод Я. Смелякова* 807
Вновь о сердце. *Перевод Е. Винокурова* 809
Язык рук. *Перевод Е. Винокурова* 810
Цветок жасмина. *Перевод Юнны Мориц* 810
Лодки. *Перевод Юнны Мориц* 811

Николай Тарабукин

Люблю солнечный свет. *Перевод Г. Семенова* 812

Касим Аманжолов

Поэт. *Перевод Б. Слуцкого* 813
Май на фронте. *Перевод А. Сендыка* 814
Слово, обращенное к Абаю. *Перевод Б. Слуцкого* 815

Сергей Васильев

Голубь моего детства 816
Дорожная 820
Терпение 821

Александр Гаврилюк

Береза. *Перевод М. Матусовского* 822

Ашот Граши

«Если бы не вы, моя опора...» *Перевод Б. Слуцкого* 822
«Гроздь винограда — радуга...» *Перевод Д. Самойлова* 823
«Мне под ноги катятся воды Севана...» *Перевод О. Ивинской* . . . 823
«В детском краю возле дома...» *Перевод Б. Пастернака* 823
«Вершины, высокие снежные горы...» *Перевод Л. Мартынова* 824
«Песнь любви напишу я росой и лучом...» *Перевод В. Державина* 824
«Осенние леса горят...» *Перевод А. Старостина* 825
«Года мои явились и ушли...» *Перевод Д. Самойлова* 825
«Землю без конца топтали кони...» *Перевод О. Ивинской* 825
«Куда б я ни шел, вы за мною...» *Перевод О. Ивинской* 826
«Я — олень, истекающий кровью...» *Перевод А. Старостина* 826
У сердца спрашиваю я... *Перевод В. Державина* 826

Ливиу Деляну

Переводы Ю. Нейман

Ищу для сердца силы 827
Осень 828
Жажда 828
Бежим 829

Любомир Дмитерко

Мать. *Перевод В. Звягинцевой* 829
«Варшавянка». *Перевод А. Гатова* 830
«Когда я вижу ночью за Днепром...» *Перевод Д. Седых* . . . 831
«Планшет, а в нем — исписанный листок...» *Перевод Д. Седых* 831
«Нет, не богиней мраморной, холодной...» *Перевод Д. Седых* 832
«Я счастлив тем, что я живу сейчас...» *Перевод Д. Седых* . . . 832
«Да разве было мне дано...» *Перевод Д. Седых* 833
«Давно манили человека крылья...» *Перевод Д. Седых* 833
«Гранили ямб, как ювелиры...» *Перевод Д. Седых* 833
«Всему есть мера и предел...» *Перевод Д. Седых* 834
«Я не в силах время задержать...» *Перевод Д. Седых* 834
«Как в акварель, в холодный вечер...» *Перевод Д. Седых* . . 835
«Кручи — над киевским берегом крепость...» *Перевод Д. Седых* 836
Неотделимо от эпохи. *Перевод Б. Турганова* 836

Георгий Кайтуков

Переводы Л. Озерова

Зимние картинки 837
У памятника Максиму Горькому 838

Семен Липкин

Очевидец 839
У моря 839
Ночи в лесу 840
Зола 841
Одесский переулок 841
Закат в апреле 842
Костер 843
По дороге 843

Кубанычбек Маликов

Арча. *Перевод Т. Стрешневой* 844
Лирика. *Перевод Я. Смелякова* 845
Портрет на скале. *Перевод М. Ватагина* 845
Утро. *Перевод С. Липкина* 847
Душа киргиза. *Перевод Т. Стрешневой* 848

Микола Нагнибеда

Дунайская баллада. *Перевод Я. Смелякова* 849
Поэт. *Перевод А. Кафанова* 851
Друзьям-побратимам. *Перевод Б. Турганова* 852
«О, я богач, притом по праву...» *Перевод Б. Турганова* 853
Сад. *Перевод Ю. Саенко* 854
Шаги. *Перевод В. Шацкова* 854

Сергей Островой

«Береза — дерево артельное...» 856
Старик 856
А любовь остается жить 857
Как мороз баню топил 858
Зависть 858

Анатолий Софронов

Бессмертник 859
Подснежник 860
Краснотал 861
Шумел сурово Брянский лес... 862
Хутор Русский 863
«Все начинается с тебя...» 864
«Архипелаги неживые...» 865

Примечания *Л. Осиповой* 867

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
СЕРИЯ ТРЕТЬЯ
том 179

СОВЕТСКАЯ ПОЭЗИЯ, т. 1

*

Редакторы
А. Краковская
и Ю. Розенблюм

Оформление «Библиотеки»
Д. Бисти

Художественный редактор
Ю. Коннов

Технические редакторы
Л. Платонова
и О. Ярославцева

Корректоры
Д. Эткина
и Г. Ганапольская

*

ИБ № 460

Сдано в набор 10/XII 1976 г. Подписано к печати А13327 16/V 1977 г. Бумага типогр. № 1. Формат 60×84¹/₁₆. 57 печ. л. 53,18 усл. печ. л. 44,56+8 нак.=45,26 уч.-изд. л. Тираж 303000 экз. 2-й завод (153001—303000) Заказ 993. Цена 5 р. 70 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

*

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28

РОДИНА-МАТЬ ЗОВЕТ!
ВОЕННАЯ ПРИСЯГА